

И. И. Бурова

ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ ИСТОРИИ АНГЛИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
Б91

Бурова И. И.
Б91 Две тысячи лет истории Англии. — СПб.: Изд-во С.-Петербур.
ун-та, 2020. — 672 с.
ISBN 978-5-288-05983-4

История Англии тесно связана с судьбой всего мира. Так уж получилось, что происходившее в островном государстве касалось жизни людей на разных континентах. Рассказывая о главных событиях в британской истории, о монархах, прославившихся далеко за пределами своей страны, о полководцах и деятелях культуры, автор книги стремится раскрыть феномен становления и расцвета Великобритании. Также приводятся многочисленные легенды и исторические анекдоты, дается описание нравов народа в разные исторические эпохи, упоминаются важнейшие британские традиции, которые остаются незабываемыми в веках и определяют характер и поведение настоящего британца.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-288-05983-4

© Санкт-Петербургский
государственный
университет, 2020
© И. И. Бурова, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
РИМСКАЯ БРИТАНИЯ	11
Легенда о заселении Британии	11
История заселения Британии	14
Римское завоевание	16
Римская Британия	24
АНГЛОСАКСОНСКАЯ СТАРИНА	27
Англосаксонское завоевание	27
Христос в Британии и ее христианизация	29
Англосаксонский быт	32
ДАТСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ АНГЛИИ	36
Альфред Великий — укротитель датчан	36
Наследники Альфреда	40
Кнуд Датский	48
НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ АНГЛИИ	52
Нормандское завоевание и основание Нормандской династии	52
Англия после нормандского завоевания	58
«Книга Страшного суда» и правление Вильгельма Завоевателя	63
Значение нормандского завоевания	67
Судебная практика	68
Рождение нового языка	68
Сыновья Завоевателя	71
Война Стефана и Матильды	79
АНГЛИЯ ПРИ ПЛАНТАГЕНЕТАХ	82
Генрих II	82
Томас Бекет	84
Английский Папа и покорение Ирландии	88
Алиенора Аквитанская и трубадуры	89

Король Артур — самый известный британский рыцарь	90
Генрих II и его сыновья	95
Ричард Львиное Сердце: король-крестоносец	97
С Вальтером Скоттом на рыцарском турнире	101
Робин Гуд	106
Иоанн Безземельный и Великая хартия вольностей	108
Изгнание Людовика	114
Генрих III, Симон де Монфор и созыв парламента	115
Эдуард I и титул принца Уэльского	120
Нововведения Эдуарда I	128
Роджер Бэкон	129
Эдуард II: природа отдыхает на детях великих людей	130
Молодые годы короля Эдуарда III:	
Англия на пороге Столетней войны	135
Столетняя война (1337–1453): фаза первая	137
Расцвет рыцарской культуры	143
Как появился высший орден Британии	144
Ричард II и восстание Уота Тайлера	145
Падение Ричарда II	149
Черная смерть	152
Джеффри Чосер — отец английской литературы	154
Уиклиф и лолларды	156
АНГЛИЯ ПРИ ЛАНКАСТЕРАХ	159
Генрих IV и его борьба с Оуэном Глендоуэром	159
Идеальный король Генрих V и завоевание Франции	162
Столетняя война переходит во вторую фазу:	
Генрих VI теряет Францию	166
Потеря Франции и внутренние беды	171
Судьба королевы Екатерины	172
От Столетней войны к войне Роз	173
Пролог в Темпле	175
Война Алой и Белой розы: Йорки против Ланкастеров	175
ЙОРКСКАЯ ДИНАСТИЯ	179
Эдуард IV	179
Начало книгопечатания в Англии	180
Принцы в Тауэре и злодей Ричард III	183
ТЮДОРОВСКАЯ АНГЛИЯ	187
Тюдоры при последнем Ланкастере и Йорках	187
Первый Тюдор обживаетеся на троне Англии	191
Почему была отложена королевская свадьба	193

Дети Алой и Белой роз	194
Лжедмитрии по-английски	194
Англия, Ирландия и Шотландия на рубеже веков	198
Новый принц Уэльский	199
Парламенты, Тайный совет и «Звездная палата»	200
Портрет Генриха VIII	201
Французская кампания 1512–1513 годов	205
Королева у власти	207
Лондонский погром 1517 г.	209
«Поле золотой парчи»	211
Уолси обретает врагов	213
Трагедия Екатерины Арагонской	214
Один Томас падает, трое других возвышаются	218
Развод по-королевски	221
Томас Мор	221
Анна Болейн	226
Реформация	228
Как Библия «заговорила» по-английски	231
Матримониальные невзгоды Генриха VIII	236
Последняя жена	241
Генрих VIII и Ирландия	243
Войны с Шотландией и Францией (1542–1546)	247
Генрих VIII заботится о будущем династии	249
Эдуард VI окончательно утрачивает шотландскую невесту	250
Реформация продолжается	252
Огораживания, или Как «овцы ели людей»	253
Борьба за власть	254
Заговор Нортумберленда	255
Генрих VII	256
Леди Джейн Грей, королева девяти дней 1553 г.	257
Мария Кровавая	262
Невзгоды королевы Марии и потеря Кале	266
 ЕЛИЗАВЕТИНСКАЯ ЭПОХА — КУЛЬТУРНЫЙ РАСЦВЕТ НАЦИИ И ЗАКАТ ДИНАСТИИ ТЮДОРОВ	 268
Юные годы Елизаветы	268
Протестантская королева	271
Мария Стюарт	273
Отречение и бегство	277
Королева-пленница	278
Англия становится морской державой	282
Смерть Марии Стюарт	286
Разгром «Непобедимой армады»	289

Быт англичан в XVI в.	293
Романы Елизаветы	299
Университетское образование в елизаветинской Англии	305
Англия знакомится с Россией	308
Старая добрая Англия.....	311
Титаны английского Возрождения	317
АНГЛИЯ ПРИ ПЕРВЫХ СТЮАРТАХ.....	365
Престолонаследник.....	365
Пороховой заговор.....	368
Король, деньги, парламент и любовь.....	372
Фрэнсис Бэкон.....	374
Карл I: начало царствования	378
Карл I правит без парламента (1629–1640)	382
Два парламента 1640 г.	384
Гражданские войны 1640-х годов	387
Завершение гражданской войны и казнь Карла I.....	391
АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕСПУБЛИКА	396
Английская буржуазная республика и войны Кромвеля.....	396
Романтические приключения молодого короля	400
Морская война с Голландией.....	402
Разгон «охвостья»	404
Собрание «святых» и прощание Кромвеля с военной службой.....	407
Протекторат Кромвеля	408
Прелюдия к Реставрации.....	412
Пуритане и искусство.....	414
РЕСТАВРАЦИЯ (1660–1688).....	421
«Старина Роули»	421
Религиозные проблемы в царствование Карла II.....	423
Война с Голландией и Великая чума	426
Великий пожар Лондона	428
Лондон восстает из пепла. Архитектор Кристофер Рен	430
Королевское общество. Роберт Гук и Исаак Ньютон	435
Возникновение политических партий	439
Граф Кларендон и «кабала» по-английски	441
Герцог Йоркский и Анна Хайд.....	443
Яков II и Яков Монмутский	445
«СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ЗАКАТ ДИНАСТИИ СТЮАРТОВ	451
«Ребенок из грелки» и «Славная революция»	451
Три короны.....	456
Петровская Русь и Англия	459

Герцог Мальборо.....	461
Уния 1707 г.	466
Государственная символика.....	467
ГЕОРГИАНСКАЯ ЭПОХА.....	471
Смена династий	471
Четыре Георга	473
У истоков современной парламентской системы. Роберт Уолпол	485
Якобиты	490
Население Британии в XVIII в.: шум городов и тишина усадеб.....	497
Рост английских колоний в XVII — начале XVIII в.	501
Борьба за колонии. Уильям Питт — архитектор Британской империи	504
Потеря тринадцати североамериканских колоний	509
Рок преследует Георга III: скандалы в королевском семействе.....	510
XVIII век — время блистательного расцвета английской живописи	511
Английская литература XVIII в.	516
Промышленный переворот	524
Наука в георгианской Британии.....	529
Отношения России и Британии во второй половине XVIII в.: похолодания и потепления	533
Уния с Ирландией.....	537
XIX век рождается под грохот пушек. Нельсон и Веллингтон.....	539
Английский вояж Александра I.....	551
Жил-был Вильгельм IV... ..	555
ВИКТОРИАНСКАЯ ЭПОХА	558
Королева Виктория	558
Виктория и Альберт.....	561
Борьба за лучшую жизнь. От луддитов до чартистов	568
Введение и гуманизация фабричных законов.....	572
Великая выставка 1851 г.	574
Как Великая выставка повлияла на судьбы европейских монархических династий.....	578
Англомания и русофобия.....	580
Крымская война 1854–1856 годов	583
Самая черная страница в карьере канцлера Горчакова	588
Компенсация колониальных потерь в XIX столетии	590
Премьер-министры правительства Ее Величества	593
Ирландский вопрос в XIX в.	601
Английская литература XIX в.	605
Женская доля в XIX в.	618

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В XX ВЕКЕ	621
Бедняжка Берти	621
XX век начался: эдвардианская Британия.....	625
Британия в Первой мировой войне и ирландский вопрос.....	630
Британия в 1920–1930-е годы	638
В годы Второй мировой	648
 Вместо эпилога. Первое послевоенное десятилетие, или На пороге новой эпохи	 659
 <i>Приложение 1. Короли Англии, Великобритании и Соединенного Королевства.....</i>	 662
<i>Приложение 2. Британские премьер-министры</i>	665
 Литература.....	 668

ПРЕДИСЛОВИЕ

Генри Сент-Джон, виконт Болингброк, один из выдающихся британских государственных деятелей первой половины XVIII в., размышляя о пользе изучения истории и противопоставляя ее древности, указывал, что исторический опыт готовит нас к пониманию современности. Историческая наука давно преодолела грань, условно разделявшую прошлое и настоящее, однако, хотим мы того или нет, обращаясь к современности, мы вынуждены погружаться с головой в политику, уделять внимание сиюминутному и преходящему, тому, что полвека спустя канет в Лету и будет вызывать интерес только у узких специалистов.

Кто я такая, чтобы взять на себя смелость отделить сегодняшнее главное от второстепенного и представить свой взгляд на современность наряду с вполне сформировавшимися точками зрения на события прошлого?! Да и не очень хочется мне писать о нерадушном настоящем страны, чью историю и культуру я давно и искренне полюбила, посвятив их изучению всю свою сознательную жизнь. Вот почему, вынашивая план этой книги, я решила прибегнуть к магии круглых чисел: если считать точкой отсчета британской письменной истории вторжение римлян Юлия Цезаря, то другую важную веху, близкую по историческим масштабам — восшествие на престол королевы Елизаветы II, — отделяет от этого события 2006 лет. Однако «два тысячелетия» звучит как-то основательнее, поэтому я и назвала книгу «Две тысячи лет истории Англии». Именно Англии, а не Соединенного Королевства, гораздо более позднего государственного образования, не раз менявшего свои географические контуры. Потому что Англия — при всем уважении к Уэльсу, Шотландии и Северной Ирландии — становой хребет страны, центр, веками притягивавший к себе соседние территории.

Можно сказать, рукопись «Две тысячи лет истории Англии» появилась как следствие публикации моей книги «Великобритания» (первое издание — 1999), написанной для страноведческой серии, выпускавшейся на рубеже веков «Лениздатом». Там как раз было много материалов о современной Британии — об Уэльсе, Шотландии и Северной Ирландии, регио-

нальных различиях, достопримечательностях, особенностях британского образования и т.д. Скованная заданным объемом, я быстро поняла, что смогла вместить в эту книгу только малую толику того, о чем хотелось бы рассказать. А это означало, что надо выкраивать время и браться за дело.

Признаюсь, новая книга была написана на одном дыхании во время летних каникул 2000 г. Мне хотелось поделиться с читателями тем, что я узнала за многие годы учебы и научной работы, изложив информацию в отдельных небольших очерках, разбитых на несколько разделов, соответствующих основным эпохам в истории страны. Хотелось рассказать и о королях, и о великих сынах Британии, о важнейших событиях в истории страны, жизни и обычаях ее народа, о британско-русских связях.

Первое издание книги, благосклонно встреченное читателями, вышло в 2001 г. Впрочем, интерес к нему можно было бы объяснить практическим отсутствием изданий такого рода на тогдашнем книжном рынке и недостаточным богатством источников, доступных на просторах Интернета. Лыщу себя мыслью о том, что мой труд способствовал появлению значительного количества русскоязычных изданий по истории и культуре Англии. Мне было очень приятно и полезно получать отклики читателей, среди которых были коллеги-англисты, студенты и просто соотечественники, которые, как и я, интересуются историей и культурой Туманного Альбиона. Я искренне признательна всем за теплые отзывы и рекомендации, которые могли бы сделать книгу еще более востребованной. К сожалению, в переиздании 2007 г. не удалось внести ни не вошедшие в первую публикацию материалы, ни правки. И вот, наконец, благодаря инициативе издательства Санкт-Петербургского университета я получила возможность подготовить новое издание, внося в текст необходимые правки и некоторые дополнения.

Пользуясь возможностью, хочу от всего сердца выразить признательность тем, благодаря кому появилась эта книга. Начну с моих дорогих школьных наставников — Регины Васильевны Полевой и Анатолия Михайловича Соколовского, прививших мне любовь к английскому языку и литературному творчеству; особо хочу поблагодарить моих университетских преподавателей дисциплин английского цикла, в особенности Надежду Васильевну Гусарову, Наталию Ивановну Тонкову и Светлану Пантелеймоновну Балашову, великолепных знатоков истории английского языка, и моих замечательных коллег по кафедре истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского университета, чью поддержку я всегда ощущала и ощущаю. Я очень признательна первому издателю этой книги, Галине Ивановне Чередниченко, и храню светлую память о ней неукоснительно.

Посвящаю этот труд моему самому терпеливому читателю и бескомпромиссному критику Анатолию Викторовичу Бурову, любимому мужу, верному помощнику и опоре во всех испытаниях.

РИМСКАЯ БРИТАНИЯ

ЛЕГЕНДА О ЗАСЕЛЕНИИ БРИТАНИИ

Один из самых выдающихся средневековых писателей Англии Гальфрид Монмутский (XII в.) был убежден, что населявшие древнюю Британию кельты были потомками героических троянцев. В своем знаменитом труде «История бриттов» (1135) он подробно изложил эту версию, опираясь на сочинения античных авторов. Легендарная история заселения Британии отодвигается в незапамятные времена, а первыми британцами ученый клирик называет внука троянского героя Энея и его спутников. После падения Трои Эней, сын богини Афродиты и троянца Анхиса, покинул занятый греками город и вместе с сыном Асканием отправился в Делос, чтобы узнать у оракула о дальнейшей своей судьбе. Повинуясь воле богов, он отправился в страну своих предков, в Италию. Во время морского путешествия Эней посетил Эпир, где встретился с Геленом, и остров Сицилию, где повидался с Акестом. Затем буря пригнала корабли троянцев к берегам Карфагена, царица которого Дидона страстно полюбила Энея и, не сумев уговорить его остаться с ней навсегда, покончила с собой после отплытия героев к берегам далекой Италии. Благополучно завершив последний этап своих многолетних странствий, Эней прибыл ко двору царя Латина, который женил доблестного гостя на своей дочери Лавинии.

Много славных подвигов совершили троянцы, поселившиеся в Италии, и потому их имена сохранились в памяти человеческой. Од-

нако сейчас нас будет интересовать не Эней; далее речь пойдет о его правнуке Бруте. Еще до рождения ребенка прорицатели посулили ему страшную судьбу — мальчик должен был стать причиной гибели своих родителей. Первая часть мрачного пророчества сбылась при появлении Брута на свет — его мать умерла во время родов, а пятнадцать лет спустя подтвердилась и вторая половина прорицания, ибо шальная стрела, пущенная Брутом на охоте, оборвала жизнь его отца. Никто не поверил в роковую случайность, и обвиненный в умышленном злодеянии царевич был изгнан из Италии.

После долгих скитаний по свету он добрался до Греции, где судьба свела его с потомками взятых греками в плен троянцев. Щедрый и отважный, умудренный жизненным опытом Брут вскоре снискал глубокое уважение среди своих сородичей, которые стали просить его возглавить их борьбу против притеснителей-греков. Так правнук стал вождем поработенных троянцев.

А вскоре после этого греческий царь Пандрас получил дерзкое послание, в котором Брут, собравший своих соплеменников в укромном месте, требовал дать троянцам свободу: «Пандраса, царя греков, приветствует Брут, вождь последних уцелевших троянцев. Так как было жестокой несправедливостью обращаться в царстве твоём с народом, происходящим от преславного колена Дарданова, по-иному, чем того требовала ничем не запятнанная знатность его, он укрылся в лесной глуши. Он предпочел кормиться, подобно зверям, мясом и травами, наслаждаясь свободой, чем, ублажая себя всевозможными яствами, оставаться и впредь поработенным тобою. Если сказанное оскорбляет величие твоей мощи, то вину за это нельзя возлагать на нас, — напротив, нас должно понять и простить, ибо всякому узнику свойственно стремление возратить себе бывшее достоинство. Итак, проникшись к нам милосердием, соблаговоли даровать нам утраченную свободу и дозвожь, чтобы мы обитали в лесах, которые заняли, желая сбросить с себя ярмо рабства. В противном случае снизойди хотя бы к тому, чтобы мы с твоего разрешения беспрепятственно удалились к чужеземным народам»¹.

Естественно, что Пандрас, глубоко возмущенный самонадеянностью троянцев, решил собрать войско и покарать смельчаков. Однако

¹ Пер. А. С. Бобовича (*Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина*. СПб., 1984. С. 7–8).

Брут и его воины предвосхитили намерение Пандраса, внезапно обрушившись на направлявшееся на них царское войско.

Первая же удачная военная операция стала прологом к дальнейшим успехам троянцев. Вскоре им удалось захватить в плен царского брата Антигона, а затем и самого Пандраса. Вынужденный смириться с неизбежным, последний согласился предоставить Бруту и его соплеменникам триста четырнадцать быстроходных кораблей, золото, серебро, оливковое масло, зерно и сладкое вино, словом, все, что могло понадобиться троянцам на пути к новой родине. А свою прекрасную дочь Инногену греческий царь согласился отдать в жены бесстрашному предводителю троянцев, признав неоспоримые достоинства потомка царя Дардана, сумевшего вызволить из рабства столь многих людей.

Свежий ветер весело гнал корабли по бескрайним морским просторам, и вскоре троянцы увидели перед собой необитаемый остров. Решив обследовать неизвестную землю, они высадились на остров и обнаружили стоящий на нем храм, посвященный Юпитеру, Меркурию и Диане. Почтив каждого из небожителей подобающей жертвой, Брут обратился к изваянию Дианы, прося ее указать, где им искать новую родину. И отвечал мраморный идол: «Посреди океана, в той стороне, где солнце опускается на ночь в бездонную тьму, лежит прекрасный остров Альбион. Да обретете вы на нем вторую родину».

Ободренные гласом свыше, скитальцы вновь погрузились на корабли и с надеждой пустились на поиски неведомого западного острова. Многие земли повидали они, многие трудности преодолели на своем пути, прежде чем достигли желанных берегов. Очарованные красотой его равнин и лесов, обилием рек, богатых рыбой, троянцы решили остаться на острове навсегда. Однако вскоре они узнали, что остров лишь казался необитаемым. На самом деле на нем проживали гиганты, и троянцам пришлось сразиться с ними, чтобы завоевать себе право жить в этом благодатном краю.

Под напором отважных воинов гиганты дрогнули и обратились в позорное бегство, в страхе попрятавшись в горных пещерах и не рискуя больше выходить из своих укрытий. Троянцы же постепенно обследовали всю страну, разделили ее между собой, поставив над каждой частью правителя. Они построили селения, возделали пашни, посадили тенистые сады. В честь своего предводителя Брута троянцы нарекли остров Британией, а себя — бриттами. Вскоре на реке Темзе был основан прекрасный город — Новая Троя, который впоследствии стал называться Лондоном.

ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ БРИТАНИИ

Как ни прекрасна легенда, доказывающая происхождение бриттов от троянских героев, значительно более прозаические данные современной науки позволяют представить себе истинную историю заселения Британских островов.

В незапамятные времена Британские острова составляли единое целое с европейским континентом, не будучи отделены от него Северным морем и проливами Ла-Манш и Па-де-Кале. Изыскания палеонтологов показывают, что в глубокой древности на этой территории водились львы и гиппопотамы, тигры, антилопы и даже мамонты. Науке неизвестно, когда именно здесь появились первые люди. Сведения об их жизни, предоставленные археологами, крайне скудны. Можно с уверенностью утверждать, что это были пещерные люди, которые питались мясом и часто переселялись с места на место, идя вслед за мигрирующими стадами животных.

В наше время в британских пещерах находят каменные топоры и ножи, верно служившие своим доисторическим владельцам. Под глубоким слоем песка нередко скрываются кости убитых и съеденных здесь в древности животных, а также костяные иглы, которыми пользовались тогдашние рукодельницы для изготовления примитивных нарядов из шкур. Порой среди находок оказываются и останки самих древних людей.

Судя по всему, эти люди не отличались высоким ростом. Их средний рост равнялся 160 см. Головы у них были крупнее, чем у современного человека, лоб — более покатым, а челюсти — несравненно более могучими, ибо пища доисторических людей была весьма грубой. По-видимому, они обладали более развитыми органами чувств: большие глаза и широкие ноздри явно указывают на то, что они имели очень острое зрение и тонкое обоняние, которые были необходимы для успешной охоты на животных. Широкая грудная клетка предполагает, что у этих доисторических обитателей Британии были хорошо развиты легкие. Должно быть, древние люди были отменными бегунами, несмотря на то что ноги у них были коротковатыми и немного кривыми. Вероятно, ходили они слегка развалочку.

В те дни доисторический человек мог полагаться только на силу своих мускулов, ибо имевшиеся в его распоряжении орудия труда были крайне примитивны. Бесконечные опасности подстерегали первых людей, и не приходится удивляться, что все они исчезли с лица

земли. Это произошло еще до того, как море отделило Британские острова от остальной части Европы.

Поселившиеся на Британских островах люди эпохи неолита заметно отличались от прежних обитателей. Они уже походили на современного человека, но при этом значительно уступали в физическом развитии людям палеолита. Новые обитатели Британских островов имели в своем распоряжении гораздо более разнообразные орудия труда. Они научились затачивать свои каменные топоры и ножи, умели обрабатывать кремь и изготавливать из него наконечники для копий и стрел. Великим их достижением стало разведение одомашненных животных.

Около четырех тысяч лет тому назад Британские острова впервые столкнулись с приходом завоевателей, воинственных племен, переселившихся туда из Европы. Агрессивные пришельцы мало-помалу вытеснили местное население с его исконных территорий, захватив принадлежавшие ему пастбища, поселения и скот.

Завоеватели обладали не только большей физической силой, но и превосходили местных жителей интеллектуально. Показателен тот факт, что они уже изготавливали игрушки для своих детей. Вскоре после переселения на острова эти племена овладели искусством выплавки и обработки бронзы, меди, весьма редкого для Британии золота и других мягких металлов. Кузнецы научились изготавливать удивительно удобные и эффективные орудия труда, а также бронзовые кинжалы, наконечники для копий, щиты. Люди стали уделять внимание своей одежде. Они научились выделывать льняные и шерстяные ткани и шить из них платье. Более того, все те же кузнецы начали изготавливать ювелирные украшения — браслеты и пекторали, которые наряду с бусами служили эффектным дополнением к нарядам древних.

Долгое время люди бронзового века по-прежнему жили в пещерах, а также в землянках. Однако они научились строить и каменные дома. Внутри этих сооружений находились очаги, сложенные из плоских камней и служившие для приготовления пищи и обогрева проживавшему там семейству. Нередко среди остатков таких построек находят примитивные ручные мельницы, на которых хозяйки перемалывали зерна в муку. Очевидно, люди бронзового века возводили из камня не только жилища, но и хозяйственные постройки, например, кузницы.

В эпоху позднего бронзового века, за 800–700 лет до н. э., на Британские острова начали переселяться кельтские племена. Около 400 г.

до н. э. здесь появились кимры, или бритты, родственные проживавшим на территории современной Франции племенам галлов.

Два столетия спустя на землю острова Великобритания хлынула еще одна волна кельтских переселенцев: южную часть острова заняли перебравшиеся на него из Северной Галлии белги. Каждая новая волна переселенцев не только сгоняла с насиженных мест прежних обитателей, но и смешивалась с местным населением. С самых ранних времен маленькая Великобритания стала великим «котлом народов».

РИМСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

В 55 г. до н. э. на берега нынешней Англии высадились войска Юлия Цезаря. С того исторического момента мы располагаем достоверными сведениями о жизни этой страны. Римляне, уже подчинившие себе половину Европы и имевшие обширные владения в Азии, знали о том, что у северо-западного побережья Галлии лежит группа островов. По всей вероятности, сведения об этом пришли к ним от торговцев, которые осуществляли морские плавания из Средиземного моря в Галлию в обход Пиренейского полуострова. Великий соотечественник и современник Цезаря древнеримский поэт Вергилий писал: «*penitus toto divisos orbe Britannos*» — «британцы практически отрезаны от всего мира», и ситуация изменилась только тогда, когда на британскую землю ступила нога завоевателей-римлян.

Покорив континентальную Галлию, Цезарь вышел к узкому проливу, отделявшему от нее остров, ныне известный под именем Великобритания. За ослепительной полоской морской воды, на самом горизонте, римляне увидели белые скалы неизвестной земли — знаменитые меловые утесы Дувра. Покорив значительную часть неведомого острова, римляне назвали ее Британией. Этим словом часто пользуемся и мы, называя им, однако, не только историческую римскую провинцию, но и все государство Великобритания.

Переправа через пролив была делом нескольких часов. Добравшись до белых скал, римляне увидели, что на берегу собралось местное население, весьма решительно настроенное не допустить высадки чужаков на их исконные земли. Не решившись принять бой в неблагоприятной для них позиции, пришельцы проплыли немного дальше вдоль берега и предприняли попытку высадить десант в окрестностях

нынешнего Дила. Однако и здесь их ждала суровая встреча. Бритты были настроены весьма воинственно.

Легенда гласит, что один из воинов Цезаря, видя смущение и растерянность легионеров, не рассчитывавших на подобный прием, поднял римский штандарт с изображением орла и отважно прыгнул в воду с криком: «За мной, друзья, если не хотите увидеть своего орла захваченного врагами. Если я погибну, то с чувством выполненного долга перед Римом и нашим полководцем!» Ободренные героическим

Юлий Цезарь

примером, легионеры с галер также попрыгали в воду и добрались до британского берега. Местные бритты вступили с ними в неравный бой, сражались с упрямым отчаянием, но мало что могли противопоставить железной дисциплине и военной выучке пришельцев.

Первый раз римляне пробыли на острове всего около трех недель. Их второе вторжение в Британию состоялось летом 54 г. до н. э. На сей раз Цезарь высадился на остров уже с мощной армией, желая довести завоевание Британии до победного конца. Однако и бритты не тратили времени понапрасну. Они смогли собрать значительное

войско под командованием Кассибелана, и этим силам некоторое время удавалось сдерживать натиск захватчиков. Дело в том, что римляне не имели представления о принятых среди бриттов способах ведения войны. Страшным оружием оказались деревянные колесницы, к ступицам колес которых были прилажены серпы или острые лезвия. Никто не мог приблизиться к такой повозке, когда ее влекли за собой сытые кони. И все же, несмотря на мужественное сопротивление местного населения, Цезарю удалось продвинуться к северу до Темзы, принудить потерпевших поражение бриттов к заключению мира и заставить их хотя бы пообещать выплачивать ежегодную дань Риму.

Добавив еще одну победу к своему огромному перечню, Цезарь вернулся в континентальную Галлию, а затем и в Рим, где десятью годами позднее был убит в римском сенате Брутом. Итак, «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря являются древнейшим письменным свидетельством о жизни и нравах населения Великобритании.

Столетие спустя после первых высадок римлян в Британии древнеримский историк Корнелий Тацит дал более подробное описание бриттов в трактате «Агрикола». Агрикола, отец жены Тацита, некоторое время был римским правителем Британии, и описание этой страны было, очевидно, сделано историком со слов своего тестя.

Римляне считали бриттов дикарями, хотя британские кельты к этому времени, строго говоря, были уже довольно цивилизованными племенами. Но для римлян все прочие народы, обладавшие отличными от их собственных обычаями, казались варварами. Тацит рассказывает о коренных обитателях островов как о рослых, воинственных людях, живущих в маленьких деревеньках или городках, которые обнесены высокими стенами для защиты от врагов и диких зверей, и промысляющих в основном охотой и рыболовством.

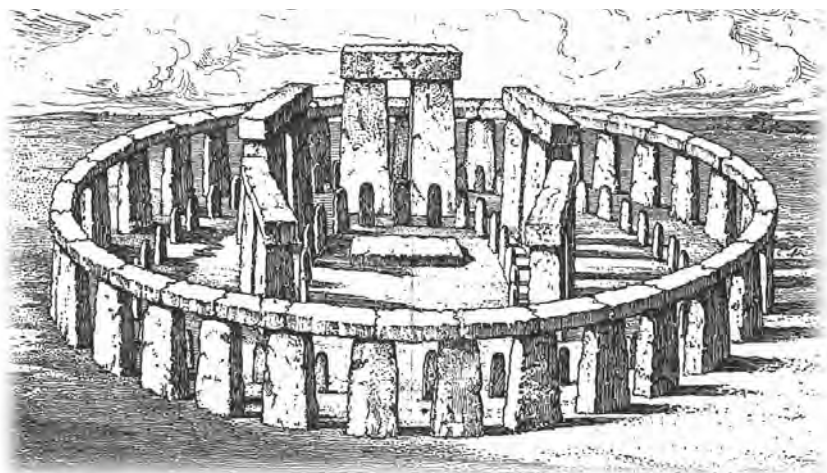
В те далекие времена ландшафт Англии выглядел совсем иначе: страну покрывали густые леса, к настоящему времени давно вырубленные для нужд сельского хозяйства, а позднее и промышленности. Другими были и реки: до проведения ирригационных мероприятий в последние столетия они текли более широкими потоками и, часто разливаясь, подтапливали берега. Водившиеся в лесах животные были источником и пищи, и одежды, так как бритты шили ее из шкур убитых зверей. В отличие от римлян бритты не знали вина — виноград на их родине не произрастал, а единственный известный им хмельной напиток, называвшийся *mead*, готовился из сброженного меда.

Друиды призывают дать отпор римлянам

Огромным авторитетом у бриттов пользовались друиды, служители таинственного языческого культа. Святилища друидов находились в лесах, преимущественно в дубравах. Друиды поклонялись деревьям, воспринимая их как одушевленные существа. В наше время во всем мире распространен так называемый гороскоп друидов, в котором каждому дню года соответствует некое дерево, определяющее характер родившегося в этот день человека. Конечно же, гороскоп этот сложился не в среде друидов и гораздо позже того времени, как сами друиды исчезли с лица земли. Однако память о них живет. Например, в Англии до сих пор существует поверье, что в дубах с наростами на стволах обитают лесные духи.

К временам друидов восходит и традиционный британский обычай украшать на Рождество дома ветками омелы. Ее белые ягоды-бу-

Стоунхендж. Реконструкция

синки почитались священными еще в те далекие времена. Считается, что друиды украшали ветками омелы свои языческие капища.

Данные археологических раскопок показывают, что религия друидов была жестокой и кровожадной. Возможно, крупнейшим святилищем друидов был Стоунхендж, громадные каменные глыбы которого и сейчас высятся посреди Солсберийской равнины, совсем неподалеку от города Солсбери в южной Англии (графство Уилтшир). Этот величественный памятник доисторической эпохи — одна из величайших загадок Британских островов.

Люди бронзового века были очень религиозны. Об этом свидетельствуют многочисленные культовые сооружения той поры, частично дошедшие до наших времен. Святилища древних обитателей Британии представляли собой круги из поставленных вертикально огромных каменных глыб.

Стоунхендж — гигантское каменное кольцо, образованное огромными столбами из обработанного песчаника, каждая соседняя пара которых перекрыта сверху массивной каменной плитой. Внутри этого каменного круга находится второй, незамкнутый.

Строительство этого таинственного сооружения началось около 3100 г. до н.э., т.е. практически одновременно с возведением некоторых из древнейших египетских пирамид. Именно тогда появились опоясывающие Стоунхендж ров и вал. Облик Стоунхенджа менялся

Вид Стоунхенджа до начала массового паломничества туристов

на протяжении столетий, а к 1800 г. до н. э. приобрел примерно тот вид, который имеет и в наши дни.

По-видимому, среди этих гигантских камней собирались древние жрецы-друиды для отправления обрядов (теперь они уже забыты и не поддаются реконструкции). Быть может, Стоунхендж был языческим святилищем, посвященным богу Солнца: главная ось сооружения проходит с юго-запада на северо-восток и точно указывает на точку восхода светила в день летнего солнцестояния. Мрачные каменные глыбы были немymi свидетелями многих кровавых трагедий — на территории святилища были обнаружены следы человеческих жертвоприношений.

Гипотез о предназначении Стоунхенджа существует великое множество. В частности, любители фантастики упорно доказывают, что древние люди не в силах были построить Стоунхендж самостоятельно, без помощи таинственных космических пришельцев. Более того, они считают, что гости из глубин космоса преследовали при строительстве сугубо практическую цель, намереваясь использовать сооружение в качестве космодрома.

Такие заявления не могут оставить равнодушными людей с менее пылкой фантазией. Стремясь доказать земное происхождение Стоунхенджа, они пытаются реконструировать процесс его строительства. Наибольшие трудности связаны с тем, что нужно как-то объяснить

появление на равнине гигантских камней, родиной которых, по мнению геологов, являются горы Южного Уэльса. Энтузиасты справились и с этой нелегкой задачей: доказав возможность транспортировки глыб по рекам на плотах, они научились передвигать их и по суше с помощью примитивных катков из бревен.

Трогает внимание, с которым жители Британских островов относятся к самому древнему памятнику своей культуры. В настоящее время вокруг Стоунхенджа проложена достаточно широкая пешеходная дорожка, позволяющая осмотреть его с разных сторон. Стоянка для автотранспорта, которым прибывают туристы, находится рядом с шоссе, откуда открывается величественная панорама безлесной равнины, над которой доминирует грозный и таинственный силуэт Стоунхенджа. Дабы не нарушать целостности восприятия, туристам предлагается пройти к памятнику по специальному тоннелю, имеющему выход на пешеходную дорожку. Складывается впечатление, что камни Стоунхенджа будут незыблемо стоять до тех пор, пока существует мир.

Подлинное завоевание Альбиона римлянами началось при императоре Клавдии в 43 г. н.э., в нем принимало участие около 40 тыс. римских воинов. Бритты отчаянно сопротивлялись нашествию колонизаторов. Одним из главных вождей коренного населения в этой борьбе был Карактак. Однако бритты мало что могли противопоставить прекрасно вооруженным, вышколенным легионерам; войско Карактака было разбито, а сам он попал в плен и был отправлен в Рим.

Когда Карактак предстал перед императором, он держался мужественно и гордо, заявив, что у него нет причин стыдиться своей участи пленника — он оказался в неволе только потому, что до конца выполнил долг по отношению к своей родине и не пожелал становиться прислужником у римлян. Отвага и благородство бритта произвели неизгладимое впечатление не только на Клавдия, но и на его приближенных. Император решил помиловать достойного противника. Он даровал Карактаку жизнь и воздал ему подобающие такому герою почести.

Подлинной героиней борьбы с римлянами стала жена вождя племени иценов Боудикка, или, как ее называли по-латински, Боадицея. У нее были веские причины ненавидеть захватчиков: из-за них погиб ее муж. Когда же Боудикка обратилась с жалобой к римскому наместнику новой провинции, тот не пожелал разбираться в ее деле и попросту приказал выпороть гордую женщину. Оскорбленная, разгне-

Боудикка

ванная повелительница иценов решила отомстить обидчикам и сумела объединить под своей рукой значительные силы. Вскоре римляне почувствовали, что обрели в ее лице непримиримого врага.

Воинство Боудикки не раз наносило поражение римским отрядам. Порой захватчикам начинало казаться, что недалек тот час, когда повелительница иценов очистит Британию от римлян. Окрепшая в сражениях армия Боудикки продвигалась в сторону римского укрепления, возведенного там, где теперь стоит лондонский Тауэр. Увидев полчища наступающих на их лагерь бриттов, лица которых по обычаю были размазаны синей краской для устрашения врага, римляне покинули укрепление. Внутри обнесенного стенами городка остались только бритты, перешедшие на сторону завоевателей. Ворвавшись в укрепление, воины Боудикки учинили резню, в которой погибли предатели, а затем буквально стерли римский лагерь с лица земли.

Однако вскоре удача отвернулась от героической воительницы. Римляне под командованием Светония разгромили ее армию. В этой роковой для бриттов битве погибло, по некоторым оценкам, до 80 тыс. воинов Боудикки.

В свое время повелительница Боудикка дала клятву никогда не сдаваться врагу. Поняв, что дело ее проиграно, героиня приняла яд, предпочтя смерть позору плена. Это случилось в 62 г. н.э. Восстание Боудикки было последним всплеском сопротивления римскому завоеванию. После гибели повелительницы иценов римляне смогли почувствовать себя полновластными хозяевами Британии. Вскоре новая римская колония была поделена на племенные кантоны, почти в каждом из них появились главные города, рядом с языческими капищами возводились храмы, посвященные римским богам.

РИМСКАЯ БРИТАНИЯ

Наибольшему влиянию римской культуры подвергся юго-восток острова Великобритания. Здесь находились главные римские поселения: Камулодин (Колчестер), Лондиний (Лондон) и Веруламий (Сент-Олбанс), и археологи обнаружили здесь много интересного. Вся провинция была перерезана лентами добротных дорог, остатки которых можно наблюдать и в наши дни. Качество их оставалось непревзойденным вплоть до XVIII в. В сельской местности, неподалеку от берегов рек или новых дорог, поднимались виллы, окруженные пышными фруктовыми садами. Искусные земледельцы, римляне привезли в Британию и свои излюбленные сельскохозяйственные культуры, например, вишню.

Исследованные археологами римские виллы оказались прекрасно приспособленными для проживания в более суровом, чем средиземноморский, климате Британии. Цоколь зданий выкладывали из камня, а верхнюю часть стен делали из дерева и глины. Крышу крыли либо красной черепицей, либо кусочками местного серого сланца. Пол виллы был немного приподнят над землей и покоился на массивных столбах. В свободном пространстве в холодные дни циркулировал нагретый печами воздух. Горячий воздух поднимался вверх и по проложенным в стенах трубам. Такой способ обогрева жилища был весьма кстати в довольно суровом британском климате для тех, кто привык к ласковым лучам средиземноморского солнца. Даже зимой в доме было тепло.

Римляне заботились также и о красоте своих жилищ. Цементный пол виллы традиционно украшался эффектной мозаикой. Образцы такой декоративной отделки теперь экспонируются в лондонском

Британском музее. Внутреннее убранство жилища дополнялось настенными фресками и прекрасными статуями, которые привозили из Рима или же почти так же искусно ваяли местные мастера. Римляне привезли в Британию всевозможную керамическую кухонную утварь, посуду. Привыкшие пользоваться термами, захватчики оборудовали ванны и бассейны в новой провинции. Они создали и первый в британской истории бальнеологический курорт с горячими минеральными источниками на месте современного Бата, название которого происходит от английского *bath* — «ванна».

Стремление сочетать приятное с полезным побудило новых хозяев острова окружать свои жилища великолепными яблоневыми и вишневыми садами.

Завоеватели позаботились и о собственных развлечениях. В Камулудине появился первый в Британии римский театр, а в Веруламии был воздвигнут амфитеатр, развалины которого можно увидеть и в наши дни.

Следы пребывания римлян в Британии многочисленны. Будучи народом более цивилизованным, нежели британские кельты, они способствовали насаждению римского образа жизни и в новой провинции своей империи. Из римских укрепленных лагерей выросли первые на острове города. Зачастую, глядя на карту Великобритании, уже по названию населенного пункта можно догадаться, что он ведет свою историю с римских времен: окончание «-честер», распространенное в английской топонимике, происходит от латинского *caster* — «укрепленный лагерь». Во многих городах Англии до сих пор сохранились остатки древних римских стен. Например, такой памятник эпохи можно увидеть в лондонском Тауэре. Однако наибольшее количество римских древностей сохранилось в Колчестере. Там находится и наиболее сохранившаяся из всех арок, построенных римлянами в Британии.

Основная часть прибывших на остров римлян состояла на военной службе. Главные силы были сосредоточены на северных рубежах римской Британии: там по приказанию императора Адриана был построен могучий оборонительный вал — великолепный памятник военной инженерной мысли Древнего Рима.

Во II в. на северной границе Британии был возведен еще один оборонительный вал, известный как стена Антонина. Однако каледонские² кельты вынудили римлян отступить к югу. Для того чтобы

² Римляне называли область, примыкавшую к Британии с севера, Каледонией.

удержать новый рубеж и предотвратить набеги северян на римские владения, император Адриан приказал воздвигнуть мощный пограничный рубеж, который, выполняя функции оборонительного сооружения, одновременно являл бы собой символ римского величия. Размеры вала поистине впечатляют. Протянувшийся вдоль северного берега реки Тайн на 122 км (между современными городами Карлайл и Корбридж), вал имеет ширину около 3 м, а высота укрепления превышает 4 м.

Это своего рода уникальный памятник человеческому трудолюбию, который воздвигли многие тысячи людей на протяжении всего шести лет: строительство было начато в 122 г. и в основном завершено к 128 г. Адрианов вал — не просто каменная стена. В это оборонительное укрепление входило шестнадцать крепостей. Кроме того, на расстоянии одной римской мили (равной 1481 м) друг от друга в валу находились форты, в которых несли службу гарнизоны численностью в полсотни человек, а каждый участок между фортами был усилен парой сторожевых башен, деливших его на три равные части. Позднее были построены еще несколько дополнительных крепостей. Масштабы сооружения свидетельствуют о том, что охрану северной границы провинции несли несколько десятков тысяч римских воинов.

Строители Адрианова вала блестяще продумали систему коммуникаций: южнее вала была проложена дорога, по которой можно совершить пеший поход и в наши дни. Вместе с тем время и хозяйственная деятельность местных жителей — камни, из которых было сложено укрепление, веками широко использовались при строительстве — нанесли непоправимый урон Адрианову валу. В настоящее время на отдельных участках ведутся реставрационные работы, и лучшее впечатление об этом уникальном сооружении можно получить, посетив форт Хаустидс и пройдя от него до Стил-Ригг. На самом валу, а также в расположенных неподалеку от него населенных пунктах имеются исторические музеи, среди которых наиболее интересными экспозициями обладают Римский военный музей в Кэрворане и Античный музей университета города Ньюкасл-на-Тайне, где выставлена масштабная модель всего Адрианова вала.

Около четырех столетий Римская Британия жила вполне размеренной жизнью, но настало время, когда легионы потребовались для защиты самого Рима, и колонизаторы покинули свои островные владения.

АНГЛОСАКСОНСКАЯ СТАРИНА

АНГЛОСАКСОНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

После ухода римлян население Британии оказалось беззащитным перед угрозой нового завоевания. За почти четыре века римского владычества местные жители привыкли, что их безопасность обеспечивают новые хозяева страны, и теперь, когда последние воины покинули остров, британцы оказались менее приспособленными к самообороне, нежели в период римского завоевания и до него.

Еще в последние годы римского владычества к британским берегам приплывали длинные ладьи с белокуроыми, рослыми морскими разбойниками из германских племен саксов, англов и ютов, живших в те времена на юге Дании, северном побережье нынешней Германии и в Голландии. Высаживаясь на британскую землю, эти жестокие варвары чинили грабежи и насилие над местным населением. Когда же страну покинули римские воины, присутствие которых сдерживало непрошенных гостей, набеги германцев участились. Привлеченные плодородием британской земли, они начали основывать собственные поселения в Британии, и вскоре воинственным захватчикам удалось вытеснить кельтов в Корнуолл, Уэльс и Шотландию.

Считается, что в числе первых германцев, прибывших на английские земли, были два могущественных и воинственных вождя — Хенгист и Хорса. В южной Англии, издревле населенной кельтским племенем бриттов, правил король Вортигерн. Королевство Вортигерна

постоянно подвергалось набегам северных соседей — пиктов и скотов. Понимая, что самостоятельно справиться с этим бедствием ему не по силам, Вортигерн решил призвать на помощь воинственных и могущественных англов под предводительством Хенгиста и Хорсы.

Эти вожди в 443 г. высадились со своими воинами в Англии и разбили пиктов и скотов. Затем они по договору должны были оставить Англию. Однако этого не произошло, потому что Вортигерн влюбился в дочь Хенгиста Ровену, которая стала его женой, а Хенгист и Хорса не пожелали уезжать, оставив ее на чужбине. Вскоре между Вортигерном и Хенгистом (зятем и тестем) вспыхнула ссора, вылившаяся в кровопролитную войну, во время которой Вортигерн погиб. С этого момента начинается история покорения Британии англосаксами.

Как и римляне, германцы начали завоевание Британии с Кента. Естественным рубежом для их продвижения вглубь страны, к Лондону, стала река Медуэй, на берегах которой состоялось несколько кровопролитных сражений. Медуэй удобнее всего было пересекать в ее наиболее узкой части, в районе нынешнего городка Чатем, история которого начиналась как история крепости, возведенной бриттами для отражения нашествия.

Англосаксонское или, как его еще называют, германское завоевание Британии коренным образом отличалось от римского. Разбив кельтские войска, римляне подчинили кельтов своей власти. Основная часть населения осталась жить на своих исконных землях, мирно сосуществуя с завоевателями. Римляне вступали в браки с кельтскими женщинами, кельты многому учились у более цивилизованных римлян. Германцы же не щадили местное население. Они стогнали людей с насиженных мест, а тех, кто отказывался уходить, безжалостно убивали. К середине VII в. почти вся территория современной Англии была очищена от кельтов и заселена англами, ютами и саксами. Коренное население Британии было вытеснено к западу от линии Карлайл — Честер — Кардифф — Плимут в Корнуолл, Уэльс и Стратклайд. В этих областях Великобритании, особенно в Уэльсе, лучше всего сохранились остатки кельтской культуры, а валлийский язык, на котором говорят в княжестве Уэльс, развился на основе языка древних бриттов и ничуть не похож на английский, принадлежащий к группе германских языков и развившийся из языков англосаксонских завоевателей.

Длительное время англы, саксы и юты держались особняком. Англы, высадившиеся в районе нынешнего Ярмута, разделились на две ветви — северную (North Folk) и южную (South Folk). Отсюда берут

начало и названия современных английских графств Норфолк и Суффолк. В центральной области страны пришельцы основали королевство Мерсия. Саксы также разделились на южных, западных, восточных и средних (центральных), дав названия современным графствам Сассекс (южные саксы), Уэссекс (западные саксы), Эссекс (восточные саксы) и Миддлсекс (средние саксы). В V в. в бассейне реки Темза возникло королевство ютов Кент.

К концу VI в. на завоеванной территории было семь англосаксонских королевств — Восточная Англия, Эссекс, Сассекс, Уэссекс, Кент, Мерсия и Нортумбрия. Взаимоотношения между ними складывались далеко не гладко. Вплоть до 832 г. наиболее могущественной была Мерсия. Самым знаменитым мерсийским королем был Оффа (ум. 795), успешно воевавший со своими соседями-валлийцами: конфликты между кельтами и англосаксами продолжались и в те времена. Оффа не раз водил свою армию на Уэльс, но и враги неоднократно вторгались в его владения. Желая прекратить эти набеги, король распорядился вырыть ров и насыпать земляной вал вдоль всей восточной границы Мерсии. Это грандиозное сооружение вошло в историю под названием «вал Оффы». Он проходит от устья реки Ди до устья реки Уай и частично сохранился до наших дней.

После смерти Оффы начался закат мерсийского могущества, а в 820-е годы мерсийский король Беорнвульф потерпел серию поражений в сражениях с войском Уэссекса.

В IX в. уэссекские короли подчинили себе не только Мерсию, но и остальные англосаксонские королевства, за исключением Нортумбрии, ослабленной набегами северных соседей и потому добровольно попросившейся под руку Уэссекса. Таким образом, уэссекский король Эгберт в 828 г. стал властелином всех англосаксонских земель, первым королем Англии.

ХРИСТОС В БРИТАНИИ И ЕЕ ХРИСТИАНИЗАЦИЯ

Одним из тайных учеников Иисуса был Иосиф Аримафейский, житель маленького городка Аримафеи, находившегося неподалеку от Иерусалима. По легенде, Иосиф присутствовал при распятии Спасителя и после того, как римский легионер проткнул левый бок Иисуса копьем, собрал вытекавшую из раны кровь в чашу Св. Грааля, из которой во время Тайной Вечери пил Иисус. Вскоре после этого

Иосиф был схвачен гонителями христовой веры и заживо замурован в каменном мешке. Однако к мученику явился сам Иисус и передал ему чашу Св. Грааля с чудотворным напитком, который спас его от голодной смерти. Покинув темницу, Иосиф вместе с чашей отправился в Британию, Легенда гласит, что он стал первым в Британии христианским епископом.

По преданию, Иосиф Аримафейский, приходившийся дядей Деве Марии, привозил Иисуса в Британию, когда он был одиннадцатилетним мальчиком, а затем Иисус приезжал в Гластонбери, будучи молодым человеком. Рассказывают, что он даже построил себе там маленькую глинобитную хижину.

Уже после смерти Иисуса прибывший в Гластонбери Иосиф Аримафейский воткнул в землю рядом с этой хижинкой посох, которым пользовался Иисус. И свершилось чудо: посох пустил корни и вскоре разросся, превратившись в терновник. Это дерево цвело два раза в год, весной и на Рождество. Зимний букет из его цветущих ветвей традиционно преподносился королям и королевам Англии.

Эти красивые легенды объясняют, почему основанное в Гластонбери аббатство еще в англосаксонские времена стало крупнейшим британским монастырем, куда стекались на поклонение набожные паломники.

Действительно, при римлянах Британия подверглась первой волне христианизации. Как и в самом Риме, ранние христиане в Британии подвергались суровым гонениям. Так, в 304 г. за нежелание отречься от своей веры был предан лютой смерти праведник Олбен, ставший первым мучеником в истории британского христианства. Позднее в честь св. Олбана (Альбана Британского) был возведен собор в Хартфордшире, и сейчас на карте страны можно найти город Сент-Олбанс, названный его именем.

Древнебританская христианская церковь значительно отличалась от римской. Ее обрядовая сторона была позаимствована из языческих кельтских культов, а таким существенным для римской христианской церкви элементом, как безбрачие священнослужителей, покаяние и посты, не придавалось особого значения.

В эпоху англосаксонского вторжения христиане-кельты были оттеснены язычниками в Корнуолл, Уэльс, в северные области острова Великобритания, и лишь в конце VI в. началась вторая волна христианизации населения Британских островов, благодаря которой Англия с ее англосаксонским населением перешла в новую веру.

В 597 г. на берега Кента высадились посланные папой Григорием I (540–604) миссионеры, возглавляемые приором (выборным главой) римского монастыря Св. Андрея Августином. Они произвели огромное впечатление на кентского короля Этельберта, который разрешил христианским подвижникам поселиться в его стольном городе Кенте. Миссионеры ревностно взялись за дело и в Рождество 597 г. окрестили около 10 тыс. язычников. Поскольку центром подвижнической деятельности Августина стала столица Кента город Кентерберри, папа Григорий I в 601 г. пожаловал ему сан архиепископа Кентерберийского. С тех пор этот титул носит верховный иерарх Английской церкви. После кончины Августина его причислили к лику святых.

Если древнебританская христианская церковь не зависела от Рима, то новая волна христианизации поставила страну в духовную зависимость от папского престола. Одержав верх над древнебританской, новая церковь ввела Англию в систему тесных связей с Римом и континентальными единоверцами, что способствовало обогащению англосаксонской культуры новыми элементами.

Орудием клерикального просвещения, языком науки и школы стала латынь, владение которой расширяло возможности контактов с другими христианскими народами. Изучению латинского языка уделялось самое пристальное внимание в монастырских школах. В этих учебных заведениях молодые англосаксы впервые познакомились с античным наследием. Осуждая язычество древнеримских авторов, христианская церковная школа, тем не менее, широко пользовалась текстами Цицерона, Вергилия и Овидия, которые изучались как образцы стиля литературной речи. Рассматривая поэзию как вид красноречия, монастырские наставники всячески поощряли латинское стихосложение.

Одним из самых знаменитых англосаксов является ученый клирик Беда Достопочтенный (673–735), автор более 45 латинских сочинений, в том числе трактата «Об искусстве стихосложения» (*De arte metrica*), «Об орфографии» (*De orthographia*), учебника латинского языка, проповедей, комментариев к библейским текстам, а также трудов по медицине, музыке и даже космографии. Однако главной работой Беды стала «Церковная история англов» (*Historia ecclesiastica gentis anglorum*), в которой изложена история Британии со времен Юлия Цезаря. Рассказывая о периоде римского владычества, Беда опирался на сочинения римских авторов, в то время как англосаксонский

период истории страны описан им на основании документальных исторических свидетельств.

Крупнейшие монастырские центры возникли в VII–VIII вв. в англосаксонских королевствах Кент, Уэссекс и Нортумбрия, а в нортумбрийском городе Йорке находилась лучшая по тем временам британская библиотека, принадлежавшая архиепископу Йоркскому. В пополнении этой библиотеки принимал участие и крупнейший писатель своего времени Алкуин (735–804), которого в юности посылали в Рим за книгами для нее. Во время своей второй поездки в Рим Алкуин встретился с королем франков Карлом Великим и получил приглашение посетить его двор. Алкуин славился не только ученостью, но и знатностью рода, что в 782 г. позволило Карлу без колебаний назначить его воспитателем своих сыновей и главой придворной школы.

Хотя последние годы жизни Алкуин провел на континенте, в Англии получили широкое распространение три его латинских учебника по грамматике, диалектике (искусству вести спор) и красноречию, а также руководство по логике «Спор между царственным и благороднейшим юношей Пипином и учителем Альбиной» (*Disputatio regalis et nobilissimi juvenis Pippini cum Albino Scholastico*).

АНГЛОСАКСОНСКИЙ БЫТ

С первых дней переселения в Британию англосаксы стремились строить свои дома группами: живя рядом друг с другом, было легче защищать себя и свое имущество от враждебно настроенных кельтов, неохотно покидавших родные места и скрывавшихся в окрестных лесах.

Большинство населения Англии было сельским, и лишь к IX в. начали возникать и разрастаться так называемые боро — укрепленные города-крепости.

Дома в англосаксонских поселениях были обнесены изгородями, а всю деревеньку опоясывал земляной вал с частоколом по его гребню. Такое сооружение хорошо оберегало и от врагов, и от диких зверей. Одевались жители очень просто. Мужской костюм состоял из довольно узких штанов, доходившей до колен рубахи и такой же длины накидки, набрасывавшейся на левое плечо и закреплявшейся с помощью застёжки на правом. Рубахи подпоясывались поясами с пряжками. Рубахи, которые носили женщины, доходили до пят и имели просторные рукава; на голову набрасывалось некое подобие капюшона. Наряд до-

полнялся бронзовыми пекторальями, браслетами, застежками с затейливыми узорами. И женщины, и мужчины носили грубую кожаную обувь, напоминавшую скорее мешки, сшитые из шкур животных.

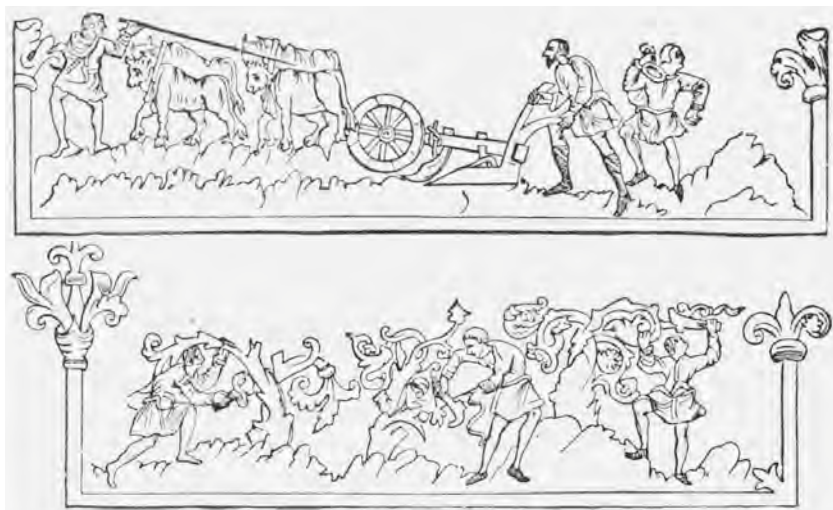
В те далекие времена каждый англосакс должен был уметь обращаться с оружием. Традиционное воинское снаряжение включало длинное (около 284 см) копьё с древком из ясеня и деревянный щит с кованым шишаком в центре. Более состоятельные мужчины могли позволить себе иметь железный меч в ножнах, который носили на левом боку — так было удобнее выхватывать оружие.

Хлеб выращивали на общем поле — рядом с деревней находились три больших поля, на которых каждому жителю принадлежал свой отдельный участок. Урожай собирали только с двух полей, а третье оставляли под паром, чтобы не истощать землю. Скот тоже пасли сообща, а сено заготавливали на общинном лугу, где каждому отводился определенный участок. Однако заготавливаемого на зиму сена животным не хватало, и те из них, кто не был съеден в зимний период, с трудом дотягивали до весны, превращаясь в обтянутые кожей скелеты. Из-за такой тяжелой жизни сельскохозяйственные животные англосаксов были гораздо мельче их нынешних потомков.

Трудно представить, как именно выглядели англосаксонские жилища, потому что их строили из дерева и ни один из домов не сохранился до нашего времени. Археологи предполагают, что они не имели фундамента, т.е. пол был земляным, и для тепла его застилали соломой. Стены, по-видимому, возводились из деревянных брусьев, а крышу крыли соломой. Для того чтобы сберечь тепло в непогоду и зимнюю стужу, окна в домах делались очень узкими, да и тех было мало.

Внутреннее убранство домов было очень простым. Отсутствовали даже кровати — люди спали прямо на полу, подкладывая под себя для мягкости охапки соломы. Пищу готовили в примитивной глиняной посуде, которую иногда украшали руническими надписями. Такое довольно подробное описание жизни древней англосаксонской деревни британские археологи составили на основании данных раскопок. Наиболее детально изучена раскопанная деревушка Уэст-Стоу, возникшая в начале V в. и заброшенная в середине VII в.

Захватывая кельтские поселения или основывая новые, англосаксы давали им свои названия. Глядя на карту Великобритании, нетрудно обнаружить множество топонимов, оканчивающихся на «-тон», «-боро» или «-форд»: Брайтон, Кингстон, Оксфорд, Питерборо. Эти названия — англосаксонские. «Тон» означало «деревня», «форд» —

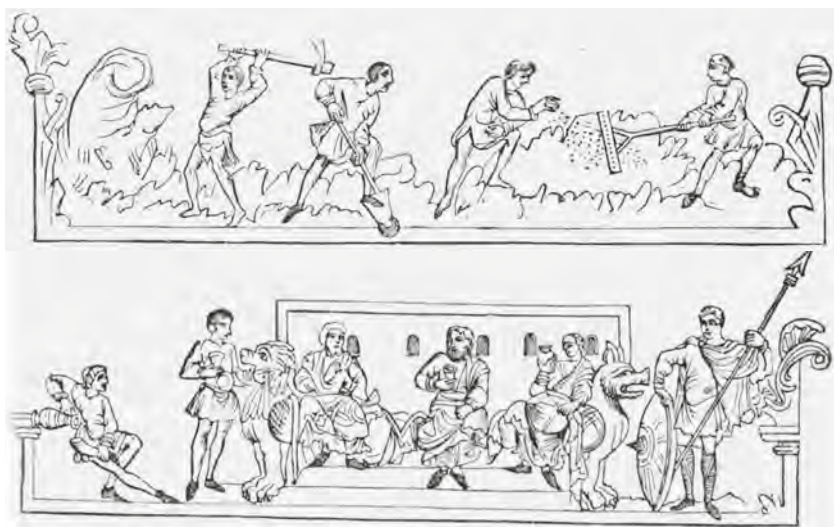
Англосаксонский календарь. Январь — февраль

«брод», а «боро» — «укрепленное поселение». Почти наверняка эти населенные пункты ведут свою историю с середины первого тысячелетия нашей эры, когда на их местах возникли англосаксонские поселения.

В англосаксонской Англии землевладельцы разделялись на танов (тэнов) и франклинов. Таны владели крупными земельными угодьями и, будучи потомками знатных вождей, являлись представителями англосаксонской родовой знати. Наиболее родовитые таны именовались уитанами; они входили в состав уитенагемота, совета старейшин королевства.

В отличие от танов франклины были незнатного происхождения и владели небольшими участками земли. До сих пор весьма распространенной является фамилия Франклин, а слово «тан» закрепилось в некоторых личных именах, например, Ательстан.

В саксонской деревушке проживало обычно от 20 до 30 семей, безоговорочно подчинявшихся своему вождю. Деревенские дела решались на советах, причем решающее слово принадлежало именно старейшинам. Со временем разрозненные деревеньки начали группироваться в сотни, затем возникла новая, более крупная территориальная единица — шир. Это слово до сих пор входит в названия

Англосаксонский календарь. Март — апрель

многих английских графств — Шропшир, Стаффордшир, Йоркшир, Ноттингемшир, Дербишир и т. д. Главным судьей шира был шериф, а для решения наиболее важных проблем дважды в год проводилось собрание представителей входящих в шир населенных пунктов — прообраз будущего парламента.

Однако верховная власть принадлежала королям и королевскому совету, уитенагемоту, куда входили наиболее мудрые люди королевства. Королевский совет ограничивал власть короля, определял вопросы внутренней и внешней политики. В промежутках между смертью прежнего короля и выбором нового (власть передавалась по наследству, однако требовалось одобрение кандидатуры претендента советом) уитенагемот возлагал на себя все функции управления страной.

В IX в. в уитенагемот входили епископы, король и таны — благородные англосаксы, которые либо несли военную службу, либо занимались управлением жизнью королевства на местном или государственном уровне. В период борьбы с датчанами англосакские таны отвечали за состояние укрепленных городов-боро, за стенами которых могли укрыться от неприятеля жители окрестных деревень вместе со своим скотом.

ДАТСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ АНГЛИИ

АЛЬФРЕД ВЕЛИКИЙ — УКРОТИТЕЛЬ ДАТЧАН

В конце VIII в. Великобритания привлекла внимание викингов, которые впервые достигли берегов острова в 787 г. Подобно тому, как в прошлом предки англосаксов перебрались на приглянувшиеся им британские земли, викинги были не против завладеть Британией. Вскоре, едва завидев на горизонте паруса, жители прибрежных деревень в страхе бежали прятаться в окрестные леса, зная, что морские разбойники в двурогих шлемах не пощадят ни малых, ни старых. Викинги, или датчане (как их называли в Англии, несмотря на то что среди них были и жители Скандинавского полуострова), не довольствовались опустошительными набегами. Они основали несколько прибрежных поселений, которые стали их опорными пунктами в завоевании Англии. Отметим, что примерно в то же самое время корабли викингов устремлялись и к берегам Шотландии и Ирландии, а высадившиеся на севере Франции пришельцы основали там свое государство — Нормандию (название происходит от *Norseman* — «викинг, северный человек»).

Начало массового вторжения датчан в Англию пришлось на правление английского короля Этельвульфа (правил с 839 по 858 г.). Это был великий военачальник, который достойно встретил непрошеного врага в битве при Аклее в 851 г. Место, где произошло это сражение, точно не установлено, но наиболее вероятно, что древнее селение

Акля (Aclea) — это современный Окли (Oakley) в графстве Суррей. Эта победа над датчанами — одна из немногих, которыми могли похвастаться англичане. Удача и сила были на стороне завоевателей.

У короля Этельвульфа было шесть сыновей. Незадолго до своей смерти он передал бразды правления Этельбальду (856–860), затем королями стали Этельберт (860–866) и Этельред (866–871). Последнему удалось разгромить датчан в битве при Эшдауне (8 января 871 г.) в нынешнем графстве Беркшир. В этом сражении участвовал и младший сын Этельвульфа Альфред. После того как в том же году Этельред погиб от ран, полученных им в проигранной англичанами битве при Мертоне, королем Уэссекса был избран Альфред, вошедший в историю с прозвищем Великий.

Альфред (849–899), ставший королем Уэссекса в 871 г., был младшим сыном короля Этельвульфа. У него было мало шансов унаследовать отцовскую корону, однако еще до вступления на престол он проявил и воинскую доблесть, и знание книжной премудрости. Альфред читал и писал как по-латински, так и по-английски, любил музыку и сам играл на арфе.

Наставником Альфреда был епископ Винчестерский Суитин (Свитхун), впоследствии причисленный к лику святых. Благодаря ему у юного Альфреда не только развилась тяга к знаниям, но и выработалось твердое правило — никогда не кривить душой и не осквернять уста ложью.

По тем далеким временам Альфред был большим путешественником: в отрочестве и ранней юности он дважды побывал в Риме и один раз в Париже.

Когда Альфред вззошел на престол, северная часть Англии была оккупирована датчанами, которые намеревались завоевать и весь Уэссекс. Молодому королю пришлось с мечом в руках отстаивать свои владения. Он пытался умиротворить врагов в ходе переговоров, но датчане всякий раз нарушали взятые на себя обязательства и вновь совершали опустошительные набеги на вотчину англосаксонского короля. Особенно тяжело пришлось англосаксам в 875–877 годах Альфред потерял множество своих воинов в кровопролитных битвах. Дошло до того, что самому королю пришлось спасаться унизительным бегством. Потерпев поражение в 877 г., он был вынужден искать убежище в болотах графства Сомерсет.

Датчане уже торжествовали победу, которая была тем слаще, что казалась окончательной. Однако всего год спустя Альфреду удалось

Альфред

собрать новое войско, которое нанесло сокрушительное поражение датчанам в битве при Эдингтоне (878), вынудив их подписать Уэдморский договор, по которому они обязывались никогда впредь не посягать на владения англосаксонского короля. По этому договору юг и запад Англии (включая Лондон) закреплялись за Альфредом, а север и восток, т. е. большая часть страны, доставались датскому королю Гутруму. Его владения стали называться «областью датского права».

Уэдморский договор 878 г. принес длительный мир Уэссексу, и оставшиеся ему четырнадцать лет жизни Альфред посвятил мирным делам и заботам.

В этот период королевский двор в Винчестере стал одним из крупнейших в Европе научных и культурных центров. Король покровительствовал образованию, и вскоре в Уэссекс потянулись многие лучшие умы. В ученый кружок, собравшийся вокруг Альфреда, вошли епископ Вустерский Верферт, капелланы Этельстан и Вервульф, Ассер — впоследствии ставший епископом Шерборнским, и другие

ученые клирики. Король поставил перед ними задачу перевести на англосаксонский язык ряд важнейших латинских сочинений. Уэссекс был обескровлен затяжными войнами с датчанами, во время которых сильно пострадали и монастыри — центры тогдашней науки и культуры. Погибли и владевшие латынью монахи. Альфред понимал, что для нужд просвещения англосаксов нужны прежде всего книги на родном языке — ведь гораздо труднее было учить сперва латынь, а потом постигать науку с помощью латинских сочинений. В это время родилась англосаксонская проза.

Одной из первых книг, переведенных на англосаксонский, стали «Диалоги» папы римского Григория I (540–604) — того самого, кто послал в Англию св. Августина. Эта книга представляла собой текст беседы Григория I со своим любимым учеником Петром. Петр задавал Григорию вопросы о христианской вере и получал подробные ответы. Эту книгу Альфред намеревался использовать для религиозного наставления своих подданных. Перевод «Диалогов» выполнил епископ Верферт, а предисловие к книге написал сам король Альфред. Затем Альфред совместно с Ассером принялся за перевод книги римского государственного деятеля Боэция (480–524) «Утешение философией». Боэций часто упоминал в тексте героев древних мифов и имена своих великих соотечественников. Для того чтобы сделать книгу более понятной англосаксам, Альфред включил в нее дополнительные вставки, например, пояснил и дополнил повествование об Орфее и Эвридике, Геркулесе, троянцах, Улиссе и т. д. Король принимал участие и в переводе других ученых трактатов.

Альфред стремился к тому, чтобы его современники не только приобщились к накопленным предками знаниям, но и оставили сведения о себе для будущих поколений. В царствование короля Альфреда была начата знаменитая древнеанглийская летопись, вошедшая в историю как «Хроника Питерборо». Она пережила Нормандское завоевание 1066 г. и велась вплоть до середины XII столетия.

Нетрудно убедиться, что об Альфреде известно гораздо больше, чем о его предшественниках. Этим мы обязаны Ассеру, который не только помогал королю в переводческой деятельности, но и составил его довольно подробное жизнеописание. Мы знаем, что Альфред был не только великим книжником. В годы его правления Англия получила свод законов, называвшийся «Правда Альфреда». Один из законов судейника гласил: «Поступай с другим так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Для защиты от врагов было создано народное

ополчение — каждому мужчине предписывалось быть готовым в любую минуту взять в руки оружие. Если подданный был беден, то оружием его обеспечивал местный тан. Деревенские таны также были обязаны посылать в укрепленные города вооруженные на их средства отряды и обеспечивать их продовольствием. При Альфреде начался быстрый рост городов. Этому королю обязана Англия и своим первым военно-морским флотом: построенные при Альфреде корабли намного превосходили датские.

Французский писатель и философ Вольтер, в целом неблагоприятно оценивавший Средневековье и видевший в нем сплошную цепь проявлений человеческого неблагоразумия, сделал исключение для короля Альфреда, считая, что он по праву заслужил свое прозвище Великий. От себя добавим, что это единственный английский король, удостоившийся подобной чести.

НАСЛЕДНИКИ АЛЬФРЕДА

После смерти Альфреда королем Уэссекса стал его сын Эдуард Старший, правивший с 899 по 924 г. Эдуард оказался достойным преемником своего отца. Талантливый политик и полководец, он существенно увеличил свои владения и к 920 г. отвоевал всю датскую Восточную Англию и отодвинул северную границу к реке Хамбер. Ему удалось распространить власть и на значительную часть Уэльса. Постепенно он утвердил себя правителем всех семи англосаксонских королевств, которые под его рукой объединились в единое государство — Англию.

Государственная власть была сосредоточена в руках короля, но и при объединении страны не потерял своего значения уитенагемот, т.е. совет старейшин, игравший при короле роль высшего государственного совета. В состав уитенагемота по-прежнему входили епископы, старейшины-ольдермены и знатнейшие из танов.

Сын Эдуарда Старшего Этельстан (ок. 894–939), ставший королем Англии в 924 г., попытался продолжить начатое его отцом дело консолидации земель. Это был первый из английских монархов, лелеявший замысел подчинить себе весь остров Великобритания. Ему удалось справиться с антианглийскими мятежами кельтского населения Уэльса и Корнуолла. Крепнущее могущество Этельстана вызывало опасения и зависть у владок сопредельных государств. К середине 930-х

годов король скоттов Константин заключил направленный против Этельстана союз с племенами Северного Уэльса и датским конунгом Анлафом. В 937 г. противники сошлись в битве при Брюненборо (Брунанбурге). Этот населенный пункт находится в Северной Англии, однако точное место, где произошло выигранное Этельстаном сражение, неизвестно. Датчане потерпели сокрушительное поражение. Достаточно сказать, что на поле битвы погибло пять датских королей и семь князей-эрлов. Древний англосаксонский поэт воспел победу Этельстана. Приведем здесь фрагмент, красноречиво свидетельствующий о характере этого сражения:

И полегло здесь множество воинов,
Сраженных копьем;
Убиты датчане —
Копья сразили их поверх щитов.
Были здесь и скотты,
Утомленные и печальные;
Отряды уэссекских воинов
Весь день преследовали
Ненавистных пришельцев.
<...>
Большого кровопролития
Этот остров
Никогда не видел
До этого дня —
Как написано в книгах,
Как говорят древние авторы, —
С того времени, как сюда пришли
Англы и саксы
С востока,
Через широкие моря,
В Англию.

Зато в последние два года правления великого внука Альфреда Великого его королевство жило мирно и спокойно.

После смерти Этельстана королем стал его сводный брат Эдмунд I, которому едва исполнилось восемнадцать лет. Однако Эдмунд вовсе не был желторотым юнцом. В те годы выросли рано, и в шестнадцатилетнем возрасте юный принц уже принял боевое крещение в битве при Брюненборо. И все же датчане, рассчитывая на неопытность

и слабость молодого короля, возобновили набеги на его земли, и в 940 г. датский правитель Дублина Олаф Гутфритсон захватил территорию Нортумбрии и распространил свою власть над лежащими южнее территориями вплоть до Лестера. Впрочем, год спустя Олаф умер, и Эдмунд, заключивший союз с королем скотов Малкольмом I, вернул себе часть захваченных земель, а отвоеванное королевство Стратклайд передал Малкольму.

Правление Эдмунда I Великолепного трагически завершилось его нелепой гибелью — он был убит во время пира неким Леофом. Затем английским королем стал младший сын Этельстана Эдред (Идред), правивший страной с 946 по 955 г. В физическом плане Эдред решительно уступал своим старшим братьям, но и в его жилах текла кровь благородного Альфреда. Слабый и болезненный, Эдред обладал, однако, острым и гибким умом, что позволило ему успешно сдерживать натиск датчан, по-прежнему не терявших надежду завладеть богатой Англией. Эдред умер бездетным, передав бразды правления своему юному племяннику Эдвигу (Идвигу) Красивому (ум. 959), которому было не более 15 лет.

Крупнейшим государственным деятелем периода царствования Эдреда и Эдвига был св. Дунстан (ок. 925–988). Происходивший из благородного англосаксонского рода, Дунстан с юных лет посвятил себя служению Богу и уже в 18 лет стал главой знаменитого аббатства в Гластонбери. Наслышанный об исключительной начитанности и мудрости Дунстана, Эдред сделал аббата своим главным советником. Почувствовав силу, Дунстан старался благотворно влиять и на короля Эдвига, тем более что тот был женат на его родственнице. Дунстан пытался наставить молодого короля на путь истинный, что вызвало раздражение Эдвига и завершилось удалением Дунстана от королевского двора. Существует предание, согласно которому разрыв между королем и аббатом произошел в день коронации Эдвига. Король позволил себе тайком покинуть пировавших по поводу этого события приближенных, чтобы развлечься в обществе красивых дам, но Дунстан чуть ли не силой заставил его вернуться к гостям. Королевская месть последовала без промедления. Поскольку при Эдред Дунстан был королевским казначеем, Эдвиг обвинил его в присвоении принадлежавших его дяде денег. Под грузом этого обвинения Дунстану пришлось покинуть Англию.

Поведение Эдвига пришлось не по нраву жителям Мерсии и Нортумбрии, и в 957 г. они отказались признавать его власть, считая сво-

Дунстан упрекает Эдвигу

им повелителем младшего брата Эдвигу Эдгара. Когда после смерти Эдвигу Эдгар стал королем всей Англии, он вновь вернул ко двору Дунстана и сделал его сперва епископом Вустерским и Лондонским (957), а затем и епископом Кентерберийским (ок. 960). Дунстан прославился не только своей службой на благо Англии. Он стремился упорядочить жизнь монастырей и нетерпимо относился к порокам духовенства.

Благодаря помощи Дунстана Эдгар утвердил свою власть над Англией. Период его правления (959–975) был мирным. В отличие от Эдвигу Эдгар радел о благополучии и благосостоянии своего народа, который называл его истинным наследником Альфреда Великого и дал ему прозвище Миротворца. Рассказывали, что однажды, когда король Эдгар решил проплыть по реке Ди, его гребцами вызвались быть сразу семь шотландских и валлийских королей, которые

признавали его своим верховным властелином. В этой легенде отразилось главное политическое достижение Эдгара, сумевшего сохранить мир с соседями. Король много сделал для возрождения культурной и религиозной жизни в Англии, усилил флот, осуществлявший защиту английских берегов от незваных гостей.

Будучи глубоко верующим человеком, король находился под сильным влиянием Дунстана и других представителей духовенства. Неслучайно в хрониках, которые вели в те годы монахи, Эдгар всегда изображался как идеальный король-христианин. Однако в жизни он не всегда проявлял так украшающее истинно верующего милосердие. Одно из самых жестоких деяний Эдгара было связано с его второй женитьбой. После смерти своей первой жены, королевы Этельфледы, матери будущего английского короля Эдуарда Мученика (ок. 963–978), Эдгар решил жениться вторично. Его выбор пал на красавицу Эльфриду. Для того чтобы удостовериться, что молва не лжет, воспевающая ее красоту, король отправил к девушке своего друга Этельвольда. Достаточно было Этельвольду увидеть королевскую невесту, как он без памяти влюбился и женился на Эльфриде, скрыв от нее причину, по которой он приехал в замок ее отца. Потеряв голову от любви, Этельвольд пошел на обман короля и сказал, что слухи о красоте Эльфриды сильно преувеличены. Предание гласит, что король усомнился в словах друга и решил лично убедиться в справедливости сказанного им. Этельвольд, перепугавшись не на шутку, успел добраться до замка Эльфриды первым и, рассказав жене правду, просил скрыть, насколько это возможно, ее красоту. Но Эльфрида была тщеславна и страшно возмутилась, узнав, что по вине мужа она не стала королевой всей Англии. Она постаралась предстать перед Эдгаром в самом привлекательном виде, и тот, разгневавшись, отдал приказ об убийстве предателя и женился на его вдове.

С именем Эдгара Мирлюбивого связывают и решительную борьбу с волками, которые прежде во множестве водились в британских лесах. Особенно много хищников было в Уэльсе. Поэтому Эдгар распорядился, чтобы вместо денежной дани валлийцы ежегодно присылали ему 300 волчьих шкур. Количество волков, разумеется, сократилось, но прошло еще немало веков, прежде чем они полностью исчезли в Англии и Уэльсе.

Смерть настигла Эдгара всего на 33-м году жизни. Он оставил двух сыновей, четырнадцатилетнего Эдуарда и восьмилетнего Этельреда, сына королевы Эльфриды. Необходимость выбора нового короля

расколола англосаксонскую знать и духовенство на две партии. При поддержке Дунстана, который по-прежнему стремился сохранить свое политическое влияние и справедливо полагал, что оно лишь возрастет, если на престол взойдет круглый сирота, королем был провозглашен Эдуард. Не прошло и трех лет, как бедный коронованный мальчик был предательски убит по приказу своей мачехи Эльфриды, возглавлявшей партию поддержки принца Этельреда. Это произошло по возвращении с охоты. По легенде, разгоряченный Эдуард остановился у ворот замка Корф в графстве Дорсет, где жила его мачеха. Та вышла навстречу королю и принялась уговаривать его спешиться и войти внутрь замка. Король отказался — без сомнения, он знал, каково истинное отношение мачехи к нему, и не собирался доверять свою жизнь заклятому врагу. Он просто попросил вынести ему кубок с вином. Пока он пил, нанятый вдовствующей королевой убийца нанес ему смертельный удар в спину. Ценой жизни пасынка Эльфрида проложила дорогу к власти собственному ребенку, которому к этому времени исполнилось всего десять лет. А трагически погибший Эдуард вошел в историю как Эдуард Мученик.

Хотя Этельред и занял королевский престол, народ сразу же не любил нового короля, считая его, несмотря на столь юный возраст, косвенно виновным в убийстве сводного брата. Сам епископ Кентерберийский Дунстан возражал против коронации сына коварной Эльфриды. Он бы желал видеть королевой Эдгиту, незаконнорожденную дочь короля Эдгара, но девушка отказалась стать первой в истории Англии правящей королевой из страха быть, подобно Эдуарду Мученику, убитой королевой Эльфридой. Страх за свою жизнь был у Эдгиты настолько велик, что она предпочла провести остаток своих дней в монастыре.

Мальчик-король Этельред II в первые годы царствования находился под полным влиянием своей жестокой и властолюбивой матери. Даже став взрослым и избавившись от материнского диктата, он не смог править страной самостоятельно и по заслугам получил прозвище Неразумного. Его слабость стала особенно очевидной после смерти благородного Дунстана — в это время Этельреду не исполнилось и двадцати лет.

Мягкий, безвольный, привыкший действовать по подсказке советников, Этельред не мог оградить свое королевство от новых набегов датчан и пытался откупиться от завоевателей, выплачивая им дань — так называемые датские деньги. Впервые датские деньги были

выплачены в 991 г., однако после этого получатели вовсе не отказались от попыток завоевания Англии. В предвкушении новых выплат они вновь и вновь наводняли приграничные области королевства и с каждым разом требовали все больших отступных. Всего при Этельреде II Неразумном Англия выплачивала датские деньги семь раз, и с 991 по 1014 г. датчанам досталось около 10 млн фунтов стерлингов (в современном масштабе цен).

Датские деньги собирались всем миром и положили начало поимущественному налогообложению. Введение такого налога тяжело сказалось на самых бедных слоях населения и ускорило закрепощение земледельцев. В деревнях свободными крестьянами, или фрименами, оставались те, кто имел землю на условиях несения воинской службы или же выплачивал денежную ренту. Фримены обладали правом уйти со своей земли и даже «забрать» ее и перейти с ней под власть нового господина — тана. Сервы, или вилланы, принадлежали к менее зажиточному слою земледельцев. Они не могли расплатиться за владение землей и потому оказывались привязанными к своему наделу на условиях выполнения сельскохозяйственных работ на земле господина; при этом они становились настоящими крепостными, ибо прикреплялись к своему наделу.

Датские деньги не спасали Англию от набегов датчан, а их сборы не способствовали росту популярности Этельреда. Король полагал, что ему необходимо заключить военный союз с кем-либо из сильных соседей, кто мог бы помочь ему обуздать непрошенных гостей. С этой целью в 1002 г. Этельред женился на Эмме, сестре герцога Нормандского Ричарда. Эмма была столь прекрасна, что современники называли ее цветком Нормандии. Этот брак, казавшийся Этельреду таким желанным, послужил прологом к центральному событию в жизни Англии XI в. — Нормандскому завоеванию 1066 г.

Впрочем, надежды Этельреда на помощь нормандского герцога оказались преувеличенными. В 1013 г. датский король Свен I вынудил Этельреда бежать из Англии в Нормандию и провозгласил себя английским королем. После смерти Свена в 1014 г. Этельред смог вернуться в Англию, но ему предстояло отстаивать свои права в битве с Кнудом II (Канутом) Датским (ок. 994–1035), сыном и преемником покойного Свена. Кнуд вовсе не стремился расстаться с землями, завоеванными его отцом, и в 1015 г. его войска высадились в Кенте.

В разгар сражений с датчанами, в апреле 1016 г., Этельред II скончался, и бремя войны и власти принял на себя его сын Эдмунд II Же-

Англосаксонские королевства и завоевания датчан

лезнобокий. Народ Лондона провозгласил Эдмунда королем, но Кнуд по-прежнему претендовал на английский престол. В короткое царствование Эдмунда, длившееся чуть более полугода, англосаксы и датчане сходились в пяти ожесточенных битвах, и Кнуду пришлось признать, что он имеет дело с достойным соперником. Датчане вынуждены были поубавить свои аппетиты и сделать вид, будто они готовы пойти на новый раздел Англии.

Кнуд повел переговоры с Эдмундом, предлагая провести границу владений по древней римской дороге, соединявшей Дувр и Честер. Юг Англии доставался Эдмунду, а северные области прибирал к рукам Кнуд. Однако провозглашенное *de jure* разделение так и не было претворено в жизнь: менее чем через два месяца после подписания мирного договора Эдмунд скоропостижно скончался.

Произошло это в ноябре 1016 г. Точная причина смерти Эдмунда остается загадкой, но многое говорит в пользу того, что к его гибели был причастен Кнуд Датский, который тем самым расчистил себе дорогу к единоличной власти над всей Англией.

КНУД ДАТСКИЙ

В 1017 г. Англия покорила Кнуду. Дольше всех сопротивление датчанам оказывали лондонцы. В этот период Лондон был уже самым крупным городом страны и начинал выступать в истории как самостоятельная политическая единица.

Несмотря на жестокость, с которой в первые месяцы своего правления Кнуд преследовал врагов, в дальнейшем он оказался неплохим английским королем. Конечно, он мог расправиться с малолетними сыновьями Эдмунда II, но, решив заручиться симпатией и поддержкой покоренного народа, ограничился тем, что выслал мальчиков из страны. По-видимому, Кнуд вообще питал к Англии особые чувства. Он правил страной с 1016 по 1035 г. и провел в Англии большую часть этого периода, хотя одновременно был также королем Дании (1018–1035) и Норвегии (1028–1035). Всей своей деятельностью он стремился показать англичанам, что будет править ими так, как они того пожелают. Укрепившись в Англии, он отослал в Данию многих своих сподвижников и предоставил государственные посты англосаксам. Кнуд говорил, что в Англии должны соблюдаться английские, но не датские законы, перед которыми должны быть равны и англичане, и датчане. Для удобства управления Англия была разделена на четыре области — Мерсию, Нортумбрию, Уэссекс и Восточную Англию, и во главе каждой из них был поставлен наместник, эрл, или ярл. Век спустя слово «эрл» стало обозначать аристократический титул, соответствующий русскому «графу».

Очень важными для поддержания власти в Англии были отношения Кнуда с Нормандией. Поскольку король Этельред II Неразумный был

Кнуд Датский с подданными

женат на сестре нормандского герцога, то Кнуд предполагал, что в один прекрасный день нормандцы могут потребовать английскую корону для одного из их двух сыновей, которые вместе с матерью жили при нормандском дворе. Дабы избежать возможных политических осложнений, Кнуд женился в 1017 г. на вдове Этельреда, и Эмма вновь стала английской королевой и супругой повелителя огромной страны. Она вернулась в Англию, но ее сыновья остались в Нормандии. Кнуду удалось стать настолько уважаемым и популярным королем Англии, что англичане даже отправились отстаивать его интересы в Скандинавии.

Имя Кнуда гремело по всей Европе; при нем Англия возвысилась настолько, что соседи стали поглядывать на нее с уважением и опаской. Конечно же, личность Кнуда со временем обросла множеством легендарных подробностей, среди которых наиболее известно предание о том, как Кнуд сидел на морском берегу. Эту историю рассказывают по-разному, и мы приведем здесь два ее варианта.

Однажды, выйдя на берег моря, Кнуд решил доказать сопровождавшим его датчанам и англосаксам, насколько велико его могущество.

Он велел поставить себе кресло на самом берегу. Дело было во время прилива, но, дойдя до самых ног Кнуда, морские волны отступили, не осмелившись лизнуть туфли грозного правителя.

Эта версия легенды изображает Кнуда великим королем, сумевшим подчинить себе не только страны и народы, но и стихию. В другом варианте этот эпизод получает иную интерпретацию: Кнуд предстает в нем мудрецом, презирающим лесть придворных.

Выйдя на побережье, король задумчиво наблюдал за бегом морских волн. Желая польстить Кнуду и тем самым завоевать его благосклонность, сопровождавшие короля придворные принялись превозносить его достоинства и могущество. Один из них дошел до того в своем усердии, что воскликнул: «Если наш государь изволит повелеть, то даже морские волны подчинятся ему в своем беге и прибой отступит!» Эти льстивые уверения возмутили сурового и праведного короля. Резко обернувшись к придворным, он велел вынести на берег его трон и поставить у самой полосы прибоя. Воссев на трон, он торжественно приказал волнам остановиться. И что же? Следующая же волна промочила ему ноги. Кнуд пристыдил льстецов — его слава и достоинства не нуждались в никому не нужных преувеличениях. Эта история дошла до нас в изложении архидьякона Хантингдонского Генриха (ок. 1084–1155), включившего ее в свою книгу «История англов» (*Historia Anglorum*), где он описал события от времен римского завоевания Британии до 1154 г.

Восемнадцатилетнее правление Кнуда было временем наивысшего расцвета датского государства и периодом относительного благополучия для Англии. Со смертью этого великого короля страна оказалась ввергнутой в династическую распрю.

У Кнуда было три сына: Хардекнуд, Свен и Гарольд, из которых только первый был рожден в законном браке. После смерти отца Свен стал королем Норвегии, Хардекнуд получил Данию, а на английский престол претендовали одновременно и Хардекнуд, и Гарольд. В конце концов было принято решение разделить Англию на две части, чтобы умиротворить сводных братьев. Гарольду досталась Мерсия и Нортумбрия, а также Лондон, в то время как Хардекнуд получил весь английский юг, т. е. Уэссекс. Поскольку Хардекнуд оставался в Дании, через два года после раздела страны Гарольд I подчинил Англию и с 1037 по 1040 г. (до самой смерти) был ее единственным правителем. За короткий срок своего правления этот король ничем особым не прославился.

Не снискал доброй славы и сменивший его на престоле Хардекнуд (1040–1042). Он мало походил на своего умного и талантливоего отца, был человеком жестоким, деспотичным и несправедливым. Хардекнуд мало заботился о благополучии своих английских подданных, безжалостно душил их налогами, рост которых спровоцировал народные волнения, подавленные королем с исключительной жестокостью. Умер Хардекнуд малопочетной, особенно для государя, смертью. Предание гласит, что его хватил удар от чересчур обильного потребления спиртных напитков.

Ни одному потомков Кнуда I Датского не удалось удержать завоеванную им страну и предотвратить ее распад. После смерти Хардекнуда Англия наконец избавилась от датского владычества.

НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ АНГЛИИ

НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И ОСНОВАНИЕ НОРМАНДСКОЙ ДИНАСТИИ

У Хардекнуда не было сыновей, следовательно, английский престол после его смерти оказался свободным, и англичане были вынуждены подумать о новом правителе. Эдуард, второй сын Этельреда Неразумного и Эммы Нормандской, младший брат Эдмунда Железнобокого, в годы правления Кнуда и его наследников жил в Нормандии. Он казался идеальной кандидатурой, поскольку с восстановлением англосаксонской династии связывались самые радужные надежды. Одним из главных инициаторов приглашения Эдуарда на царство стал Годвин, выдвинувшийся в период господства Кнуда I и назначенный им правителем (эрлом) Уэссекса. Усилиями Годвина Эдуард (ок. 1002–1066) стал королем Англии.

В царствование Эдуарда Годвин еще больше укрепил свое влияние в государстве. Новый король одарил Годвина обширными земельными владениями и женился на его дочери Эдит. Впрочем, этот брак не принес Годвину особых выгод. Король гораздо больше интересовался вопросами религии, чем своей женой. Это оскорбляло семейство Эдит, не только отца, но и его шестерых гордых братьев, а также сыновей Годвина — Свена, Гарольда и Тостига, и они сделали все, чтобы страна разочаровалась в короле, который по своему складу был скорее богомольцем, чем государственным деятелем — неслучайно после смерти его призна-

ли святым и прозвали Эдуардом Исповедником. Был у короля и более серьезный недостаток: за долгие годы, прожитые в Нормандии, он перестал быть настоящим англосаксом. Воцарившись в Англии, он окружил себя нормандскими друзьями, раздав им важнейшие государственные посты. Множество норманнов стали английскими епископами, и даже архиепископом Кентерберийским король посадил норманна.

Эдуард Исповедник насаждал в Англии нормандскую культуру и язык. Среди наиболее известных нормандских нововведений Эдуарда оказался и обычай пользоваться большой государственной печатью, которой скреплялись государственные документы — прежде англосаксы обходились простым их подписанием.

К началу 1050-х годов недовольство нормандским засильем достигло апогея. Противостояние норманнов и англичан перешло в открытую фазу после событий в Дувре, где горожане напали на Юстаса (Евстахия) Булонского, нормандского аристократа, женатого на сестре короля Эдуарда. Поводом для нападения послужило оскорбление, нанесенное Юстасом одному из горожан. Гнев англичан был столь силен, что норманну с трудом удалось спастись от разъяренной толпы. Эдуард принял решение покарать жителей Дувра, а Годвин выступил в их поддержку.

В ходе этой вооруженной смуты перевес оказался на стороне короля, и в 1051 г. Годвин и три его сына, а также многие из числа их сторонников были вынуждены бежать из страны. Недовольство Эдуарда поведением Годвинов обрушилось и на ни в чем не повинную королеву: бедняжка Эдит была лишена всех своих владений и заключена в монастырь.

Устранив Годвинов со своего пути, Эдуард продолжал покровительствовать норманнам, однако народное недовольство вынудило его менее чем через год вернуть Годвинам свою благосклонность. Однако Годвины вернулись в Лондон как победители. Сын графа Гарольд, бежавший в Ирландию, воссоединился с отцом и его сторонниками, вернувшимися из Фландрии, на острове Уайт, откуда они торжественно двинулись вверх по Темзе к столице. Испытания последних лет оказались слишком тяжелыми для мужественного графа, и в 1052 г., через несколько дней по возвращении на родину, его не стало. С этого момента главой англосаксонской оппозиции пронормандской политике Эдуарда Исповедника стал сын покойного эрла Гарольд Годвинсон, вскоре превратившийся в наиболее влиятельного человека во всем королевстве.

Поскольку Эдуард Исповедник был бездетным, за его смертью неминуемо последовала бы очередная борьба за английский престол. По праву наследником Эдуарда должен был бы стать другой Эдуард, племянник короля и сын покойного короля Эдмунда Железнобокого. Эдуард со своими детьми, сыном Эдгаром и дочерьми Маргарет и Кристиной, был приглашен в Англию, но сразу по приезде умер, благодаря чему потенциальным наследником престола оказался его сын Эдгар Этелинг. Но несмотря на то, что этот молодой человек сыграл заметную роль в истории Англии и многие его потомки стали английскими королями и королевами, самому ему не довелось возложить на себя корону предков.

Таким образом, главные события последних лет правления Эдуарда Исповедника были связаны с вопросами престолонаследия. Эдуард был слабым политиком, и его слабость привела к драме 1066 г., разывшейся сразу после его кончины.

После смерти Эдуарда Исповедника английская корона должна была бы перейти к Эдгару Этелингу, но в те далекие времена не было четкого закона о престолонаследии, и государственный совет, уитанагемот, избрал королем могущественного Гарольда Годвинсона, графа Уэссекского. С первых дней Гарольд продемонстрировал силу, усмирив своих недругов внутри страны. Ему также удалось утихомирить валлийцев, которые в последние годы не давали покоя жителям западной Англии, и это во многом способствовало росту народной симпатии и доверия к новому королю.

Между тем главный враг Гарольда находился по другую сторону Дуврского пролива, в Нормандии. Это был нормандский герцог Вильгельм. Вильгельм (1028–1087) был внебрачным и единственным сыном герцога Роберта Нормандского. Вскоре после рождения ребенка его мать вышла замуж за нормандского барона. Когда Вильгельм был еще совсем маленьким мальчиком, его отец решил совершить паломничество в Иерусалим и перед тем, как покинуть Нормандию, убедил высших лиц государства признать своего единственного сына законным наследником герцогской короны. Это означало, что в случае внезапной смерти Роберта Вильгельм займет его место. Меры предосторожности, предпринятые Робертом, оказались не лишними: на обратном пути из Иерусалима герцог был убит.

Осиротевшему Вильгельму в это время было всего семь лет. Немудрено, что многие вассалы покойного Роберта не слишком радовались воцарению мальчика: это сулило большую смуту, неизбежную

Вильгельм Завоеватель

в борьбе за власть при малолетнем номинальном правителе. Были и такие, кто подумывал о физическом устранении юного герцога с целью захвата его короны. Лишь к середине 1040-х годов Вильгельм окреп настолько, чтобы прекратить баронскую междоусобицу и заставить всех считаться с его волей.

Юный герцог быстро обучился воинскому искусству: ему постоянно приходилось воевать — если не со своими баронами, то с соседями. Полководческий талант Вильгельма внушил почтение к нему всех, кто испытал на себе его силу. Граф Фландрский с удовольствием выдал за него свою дочь Матильду. Их брак был счастливым — молодые по-настоящему полюбили друг друга. Матильда родила герцогу девятерых детей.

В 1050 г. Эдуард Исповедник в память того, что в свое время провел двадцать пять лет изгнания у своих нормандских родственников, обещал назначить Вильгельма Нормандского своим наследником. Однако английский король требовал за это помощи в борьбе с графом Годвином. Вильгельм охотно согласился, однако на роль преемников

Битва при Гастингсе

Эдуарда Исповедника претендовали и более близкие родственники, в частности Гарольд, сын графа Годвина и брат жены Эдуарда Эдит.

Когда Годвин помирился с Эдуардом, король назвал своим наследником Гарольда. После смерти Эдуарда Гарольд действительно провозгласил себя королем. Однако Вильгельм не собирался так просто отступать от желанной цели. Всего два года назад Гарольд был у него в Нормандии и клятвенно обещал помочь ему занять английский

Битва при Гастингсе. Смерть Гарольда

престол. Для нормандца это было веским основанием, чтобы обвинить Гарольда в предательстве и пойти на него войной.

Желая присоединить Англию к своим владениям, Вильгельм Нормандский решил заручиться поддержкой норвежского короля Харальда Сурового. Кроме того, на стороне герцога выступил Тостиг, безумно завидовавший своему ставшему английским королем брату Гарольду.

Высадившись на севере Британии, Харальд Суровый соединился с войском Тостига, который, получив подкрепление, послал гонца к королю. Гарольду II предлагалось заключить мир с братом и полюбовно уступить ему половину Англии. Благородный ответ короля дошел до нас в изложении старинных хроник: «Я готов отдать королевство Нортумбрию брату Тостигу, а также готов заключить с ним мир, поскольку он англичанин. Но что касается Харальда Сурового, то он — чужеземец и враг, а потому я дам ему шесть футов английской земли (столько требовалось, чтобы похоронить человека. — И. Б.), поскольку я слышал, что он выше среднего роста, я дам ему целых семь футов, но ни пяди больше».

Было ясно, что мирными переговорами не обойтись, и обе стороны начали готовиться к войне. Противники сошлись в битве на йоркширской реке Деруэнт. 25 сентября 1066 г. на ее берегу состоялось ожесточенное сражение, вошедшее в историю как битва у Стэмфордского моста. Оно закончилось триумфом Гарольда II, а оба его врага — Харальд Суровый и Тостиг — были убиты. К несчастью для английского короля, эта победа была его последним успехом. Ему пришлось срочно перебрасывать войска из северного Йоркшира на юго-восток страны: всего через четыре дня после окончания битвы у Стэмфордского моста неподалеку от Гастингса высадился герцог Вильгельм со своей армией. Легенда гласит, что, сойдя с корабля на английский берег, Вильгельм задумчиво взял в руку пригоршню английской земли. Впоследствии этот жест получил символическое истолкование: вскоре в руках грозного норманна оказалась вся страна, а сам он получил прозвище Завоевателя.

Несмотря на спешку, Гарольд опоздал и не смог воспрепятствовать высадке норманнов на его территории. Его войско, сильно пострадавшее в только что выигранной битве, уменьшилось еще больше из-за того, что многие воины, рекрутированные из числа деревенских жителей, дезертировали из армии, так как стояла осень — самое время собирать урожай и заниматься засолкой мяса на предстоящую зиму. Кое-как собрав своих людей, Гарольд вступил в бой с норманнами 14 октября 1066 г. Это

была знаменитая битва при Гастингсе, в которой Гарольд был убит. Теперь Вильгельм мог беспрепятственно объявить себя английским королем. Победа норманнов предопределила дальнейшую судьбу страны.

АНГЛИЯ ПОСЛЕ НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

После победы при Гастингсе Вильгельм устремился к Лондону. Даже крупные города, такие как Дувр, Кентерберри, Винчестер, сдавались ему без боя. Лондон тоже отдал себя на милость победителя, после чего Вильгельм провозгласил себя королем Англии. Он полагал, что потерпевшие поражение англосаксы будут вынуждены признать его права. Действительно, многие из числа самых влиятельных англичан, в том числе и архиепископ Кентерберийский Стиганд, поспешили принести ему вассальную клятву, а архиепископ Йоркский Эдред выразил готовность провести церемонию коронации Вильгельма I в Вестминстерском аббатстве. Между тем король серьезно опасался возможной реакции народа. Существует легенда, согласно которой во время коронации Вильгельма пробирала дрожь, вызванная отнюдь не прохладой, царившей под сводами собора. А ведь это был мужественный воин и опытный политик.

Действительно, англосаксы вовсе не горели желанием признать своим королем иностранца — они уже научились не любить норманнов во времена Эдуарда Исповедника. И теперь коренное население страны с ненавистью и гневом наблюдало, как говорящие на непонятном языке пришельцы обустройстваются на их земле. Прибывшие с Вильгельмом нормандские бароны были настроены изрядно поживиться за счет англичан. В награду за доблесть, проявленную при завоевании Англии, они получали от Вильгельма I щедрые дары, в том числе и огромные земельные угодья. Понятно, что страдающей стороной при этом оказывались не только простые, но и знатные англосаксы — родовитые таны безжалостно изгонялись из своих вотчин. В их домах поселялись норманны, выколачивавшие из жителей деревень гораздо более тяжкие подати, чем те, которые платились в англосаксонские времена.

Презрение норманнов даже к знатым англосаксам выражалось в том, что они стали называть танов франклинами. Одновременно в английском языке начало укореняться другое слово для обозначения землевладельца — хорошо всем нам знакомое «лорд».

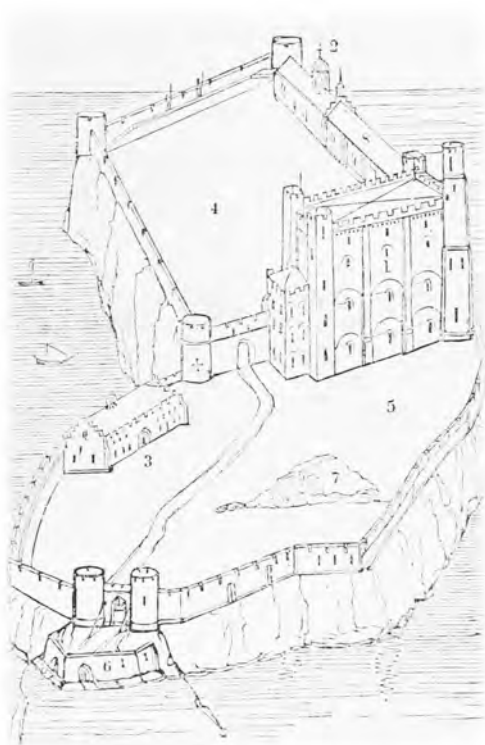
В то лихолетье англичане, не желавшие признавать Вильгельма своим королем, вспомнили о живущем среди них Эдгаре Этелинге, внуке Эдмунда Железнобокого и последнем потомке англосаксонских королей. С этим человеком были связаны самые смелые надежды на возвращение прежних порядков. Эдгар Этелинг не отличался ни особой отвагой, ни выдающимся государственным умом, но одно его имя привлекало к нему множество сторонников. Партию Эдгара возглавили графы Эдвин Мерсийский и Моркар Нортумбрийский. Не желая рисковать понапрасну и сознавая могущество норманнов, мятежные графы решили призвать на помощь валлийцев, скоттов и датчан. Вильгельм не мог допустить подобного усиления неприятеля и, не дожидаясь, пока враги получат подкрепление, обрушился на их войско. Мятежники были разбиты, а Эдгару пришлось бежать в Шотландию. Это произошло в 1068 г.

Но и после этого дух англичан не был сломлен. По всей стране на норманнов совершались нападения. Захватчики не только презирали покоренных, но и боялись их. Из страха перед ночными налетами англичан был издан закон, по которому во всех домах с наступлением сумерек полагалось гасить огонь. Это делалось по звуку колокола. Обычай звонить в колокол на закате дня надолго пережил сам закон, и еще в позапрошлом столетии в некоторых английских городках и деревнях так провожали каждый минувший день.

Страх побуждал норманнов жить в укрепленных башнях-замках, которые, как грибы после дождя, начали вырастать по всей Англии.

Искусство возведения замков норманны вывезли из континентальной Европы — во Франции их стали строить уже в X в. Далеко не все тогдашние замки представляли из себя неприступные каменные твердыни: зачастую это была просто деревянная башня, обнесенная частоколом, земляным валом, а в некоторых случаях и глубоким рвом, заполненным водой. Такие замки были достаточно уязвимы — деревянные башни-донжоны легко было поджечь, поэтому постепенно повсеместно их стали заменять каменные постройки. При Вильгельме Завоевателе было начато строительство самых знаменитых английских замков — лондонского Тауэра (он возник на месте древнеримского укрепления) и Виндзорского замка, являющегося в наше время одной из официальных резиденций британской королевы.

Большинство норманнских замков в Англии было построено у перепутей дорог, проложенных еще в римские времена, и на берегах

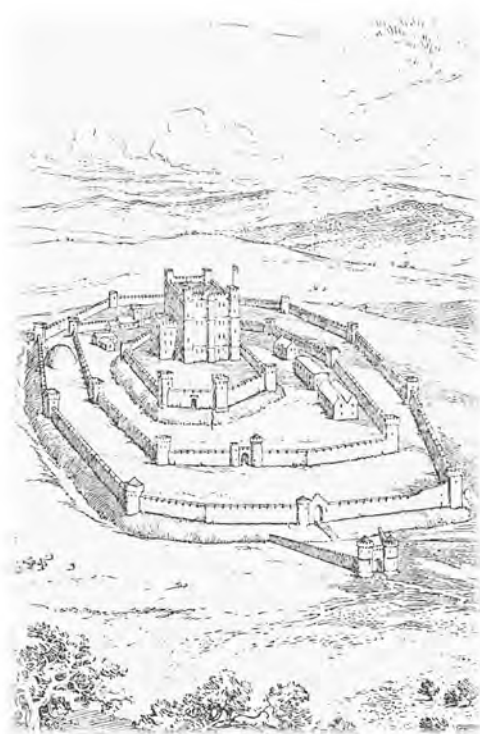

Норманнский замок

рек — так было проще контролировать передвижение англичан, да и легче посылать гонцов за подмогой.

Казалось бы, после бегства Эдгара Этельинга англичане навсегда лишились вождя, способного поднять их на борьбу с завоевателями. Однако вскоре появился новый лидер — Херевард, знатный англичанин датского происхождения, вскоре получивший прозвище Бдительного.

Притесняемые норманнами, нередко предававшими англосаксонские поселения огню и мечу, коренные жители срывались с насиженных мест и в поисках спасения прятались на болотах так называемого Болотного края. Островки посреди топей и трясин на территории нынешнего графства Кембриджшир получили название «Прибежища». На первых порах Хереварду повезло значительно больше, чем его не-

Общий вид норманнского замка

счастливым соотечественникам: он находился во Фландрии. Тем временем в Англии умер его отец, а принадлежавшие ему земли перешли к норманнам. Лишившийся наследства Херевард решил отомстить. Еще во Фландрии он собрал довольно большой отряд англичан, готовых биться с норманнами, и вместе со своими людьми направился в Болотный край. Беженцы охотно признали его своим вождем. Люди Хереварда изрядно досаждали норманнам, неся при этом минимальные потери. А сам их предводитель казался неуязвимым, и вскоре среди захватчиков поползли слухи, будто отважный смельчак сведущ в магии и одерживает победы с помощью колдовства.

Дошло до того, что, собираясь в поход на усмирение Хереварда, король Вильгельм уговорил некую старуху, считавшуюся ведьмой, поехать с его войском, с тем чтобы уничтожить волшебные заклятия

мятежника. Рассказывают, что ведьму поместили в специально сооруженную на повозке деревянную башню и везли эту конструкцию впереди королевского войска. Бедной женщине так и не удалось продемонстрировать свои сверхъестественные способности: налетевшие на авангард Вильгельма, отряды Хереварда смяли войско норманнов и подожгли сруб, в котором сторела несчастная колдунья.

Вскоре, однако, удача отвернулась от отважного английского предводителя. Вильгельму удалось загнать его в болота в окрестностях нынешнего города Питерборо. Топи и встававшие над ними туманы, казалось бы, надежно защищали беглецов. Но на сей раз Вильгельм решил уничтожить своих врагов во что бы то ни стало. По одной версии, монахи соседнего монастыря, рассерженные тем, что Херевард не раз перехватывал предназначенные им обозы с провизией, указали королю известный только местным жителям проход к островку в сердце болот. В то же время утверждают, что разъяренный Вильгельм и его войско добрались до лагеря Хереварда собственными силами, кто на лодках-плоскодонках, а кто и по только что проложенной гати.

Англичане были разбиты. Судьба самого Хереварда неизвестна. Легенды гласят, что в последнем бою ему удалось сразить не менее шестидесяти врагов, но в остальном расходятся: по одной версии, герой сложил голову вместе со своими соратниками, по другой — ему удалось бежать. Какова была в действительности постигшая его участь, мы не знаем и никогда не сможем узнать — благодарные своему заступнику англичане сохранили лишь немногие сведения о своем национальном герое.

Отважные действия Хереварда не могли помешать укреплению власти норманнов над всей Англией. Вильгельму удалось пресечь попытки валлийцев и скоттов вторгнуться на его территорию, а обескровленный английский народ вынужден был смириться перед Завоевателем.

У Вильгельма I было десять детей. Немало беспокойства доставляли Вильгельму его сыновья: Роберт Короткие Штаны, получивший свое прозвище за то, что у него были очень короткие ноги, Вильгельм Красный (иногда его называют также Рыжим), Генрих Боклерк, заслуживший прозвище за любовь к наукам («Боклерк» означает «прекрасный ученый»), и Ричард, погибший на охоте. Став взрослым, Роберт начал просить отца отдать ему Нормандию, правителем которой он был назначен, когда был еще мальчиком.

Вильгельм I ответил ему отказом, чем вызвал немалое раздражение сына. Младшие братья подлили масла в огонь, подтрунивая над неудачей Роберта. Дело дошло до потасовки, и весьма возможно, что лишь вмешательство самого короля спасло принцев от братоубийства. После этого Роберт тайно уехал в Нормандию и попытался обманным путем завладеть крепостью Руан, но безуспешно. В 1077 г. он заперся в одной из нормандских крепостей, которая вскоре была осаждена войском Вильгельма I. Роберту пришлось принять бой, и в сражении он сбросил с коня собственного отца. Лишь тогда он узнал короля и, раскаявшись в содеянном, покорился ему. Обаятельный и беззаботный Роберт был любимцем и баловнем супруги Вильгельма Матильды. Заступничество матери позволило ему избежать сурового наказания.

Зная любовь сына к роскоши и веселым забавам, королева Матильда тайком от Вильгельма I снабжала его деньгами через некое доверенное лицо. Когда король узнал о том, что творилось за его спиной, он пришел в неописуемую ярость и пригрозил, что поймает гонца с поличным и прикажет его ослепить. Подобные варварские обычаи не отошли в прошлое, верный слуга королевы не сомневался в твердости слова Вильгельма и, желая избежать ужасного наказания, постригся в монахи и перестал возить деньги Роберту.

Из дочерей короля следует упомянуть Аделу Нормандскую, вышедшую замуж за Этьена II, графа Блуа.

«КНИГА СТРАШНОГО СУДА» И ПРАВЛЕНИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Когда сопротивление покоренного народа было сломлено, Вильгельм пожелал поточнее узнать о том, чем он владеет в своем королевстве. Так впервые в истории страны была проведена поголовная перепись населения и имущества каждого из подданных Вильгельма.

Результаты этой кропотливой работы были занесены в так называемую «Книгу Страшного суда». Для проведения этой переписи в 1086 г. страна была разбита на семь областей, а затем собранные в них данные были сведены в два огромных тома. Эта книга получила свое название потому, что в нее заносились ответы людей, дававшие с таким же страхом и искренностью, с каким надлежит отвечать в день Страшного суда перед Господом. Название подсказало и само

время — поскольку обещанный церковью в конце X в. конец света не настал, его срок был перенесен на столетие вперед, и у религиозных англичан, как, впрочем, и у других христиан, были основания для особых страхов.

«Книга Страшного суда» написана на латыни, в ней использованы римские цифры. Для удобства все упоминаемые в тексте географические названия были выделены красным цветом и перечеркнуты посередине красной горизонтальной чертой. Из этого документа следует, что в те времена в Англии жило 2,5 млн человек. Из них 9 % составляли рабы, 32 % — малоземельные крестьяне, не способные платить гельд, т. е. поимущественный налог, и принужденные отрабатывать его и вообще зарабатывать на жизнь поденным трудом, 38 % — вилланы, т. е. держатели больших наделов в общинных полях. Свободные земледельцы составляли всего 12 %. Основное население страны было сельским — в городах, которых в «Книге Страшного суда» упомянуто около сотни, проживало всего 5 % жителей Англии.

Перепись населения преследовала двоякую цель: получить сведения для сбора гельда и информировать короля о богатствах и землях его подданных.

В мирное время аппетиты нормандских баронов, составлявших окружение Вильгельма, возросли до крайности. За свои бывшие услуги они требовали все новые и новые награды в виде земельных наделов. Не уступало баронам в своих претензиях и алчное нормандское духовенство. История донесла до нас имя единственного из норманнов, который сказал Вильгельму, что прибыл в Англию не ради наживы, а чтобы верой и правдой служить своему господину. Этого благородного рыцаря звали Гилберт. Аппетиты и баронов, и самого короля росли быстро, и это прямо сказывалось в увеличении налогов, которыми облагались все записанные в «Книгу Страшного суда».

Вскоре между королем и нормандскими баронами начались трения. Вильгельм последовательно вводил в Англии феодальные отношения: наделяя землями своих сторонников, он требовал, чтобы они ежегодно делали отчисления в его казну, а также были бы готовы в любой момент поставить под королевские знамена определенное количество воинов в полном боевом снаряжении. С 1087 г. Вильгельм Завоеватель принуждал подданных приносить ему вассальную присягу при получении земельных угодий. Вассал был обязан в течение сорока дней в году нести службу у своего сеньора, присутствовать в суде и совете сеньора. Вассал приносил королю клятву верности. Вассальная присяга накла-

дывала на приносящего ее также обязательства вносить в королевскую казну деньги по случаю посвящения сына вассала в рыцари, при вступлении дочери вассала в брак, а также тогда, когда король, паче чаяния, будет взят в плен и за него потребуется платить выкуп.

Церемония принесения феодальной присяги проводилась торжественно и обставлена была так, чтобы дать вассалу почувствовать превосходство своего сеньора-короля. В знак принятия вассальных повинностей при получении земельных угодий барон, без оружия и с непокрытой головой, опускался на колени перед королем и вкладывал свои руки в руки государя. При этом он произносил слова вассальной присяги: «Слушай, государь: я навеки становлюсь твоим вассалом и буду верен тебе и в жизни, и в смерти, да поможет мне Господь». После этого король целовал вассала, и тот вступал во владение землей.

В некоторых случаях король жаловал своим вассалам земли не навсегда, а лишь во временное пользование, однако и при этом те должны были присягать ему на верность.

Благодаря жесткой централизации власти Вильгельму удалось держать под контролем своих буйных вассалов, но это было делом не из легких. В борьбе с баронскими амбициями — знатные норманны с трудом привыкали к мысли, что Вильгельм не первый среди равных, но правитель, стоящий над всеми своими подданными, — король мудро опирался на англичан, видевших в нормандских местных феодалах своих главных притеснителей. Такая политика способствовала росту популярности Завоевателя среди коренного населения покоренной им страны. Англичане убедились, что король был справедливее назначенных им же нормандских судей и милостивее своих баронов, которые уже начинали воевать друг с другом, стремясь прибрать к рукам побольше богатств. Однако любви народа Вильгельм так и не обрел. Да и как было англичанам любить человека, по милости которого на страну обрушилось столько испытаний!

Вильгельм любил золото и все, что оно могло предоставить: роскошь, прекрасные вина и вкусную еду. Однако его подлинной страстью была охота. В угоду этой страсти шестьдесят восемь лесов на его землях были объявлены королевскими, и никто не имел права охотиться в них, кроме самого короля. Браконьеров, нарушивших закон, ждали жестокие наказания. Не довольствуясь таким огромным числом охотничьих заповедников, Вильгельм приказал насадить Новый королевский лес на огромном пространстве в графстве

Хэмпшир. Ради этой забавы несколько тысяч местных жителей были изгнаны из родных краев. Понятно, что пострадавшие люди никогда не смогли простить королю его бесчеловечного поступка. В эти годы родилось мрачное пророчество, касающееся короля и его потомков: говорили, что земля Нового королевского леса отомстит за учиненное Вильгельмом беззаконие. Пророчество это вскоре сбылось — именно в Новом королевском лесу погиб на охоте принц Ричард, а несколько лет спустя здесь нашел свою смерть сменивший Вильгельма на престоле Вильгельм II Рыжий. На месте его гибели был установлен памятный камень с надписью, рассказывающей об этом происшествии.

В 1087 г. Вильгельм I отправился в Руан — между Нормандией и Францией возник спор, касающийся пограничных территорий. Во время переговоров с французским королем Вильгельм узнал, что тот насмехается над его тучностью. Это так разозлило Вильгельма, что он поклялся отомстить обидчику — не важно, что месть эта должна была обрушиться на ни в чем не повинных людей!

Войско норманна заняло спорную территорию и принялось жечь и грабить все, что на ней находилось, — и деревни, и виноградники. Норманны вырубали фруктовые сады и вытаптывали поля и огороды. В довершение всех злодеяний они разграбили и предали огню французский город Мант. Не думал Вильгельм, что Господь так быстро покарает его за эти злодеяния! Когда король проезжал мимо дымящихся развалин Манта, его лошадь наступила на горячую головню. Животное взвилось от боли, при этом от неожиданности Вильгельм потерял равновесие и сильнейшим образом ударился о луку седла. Уложенный в постель в соседнем монастыре, пострадавший король уже не вставал с нее, и через полтора месяца страданий скончался утром 9 сентября 1087 г. Ему был шестьдесят один год, из которых двадцать один он был королем Англии.

В завещании Вильгельм отказал Нормандию Роберту, Англию — Вильгельму, а Генриху досталось 5 тыс. фунтов стерлингов. Король также распорядился раздать деньги монастырям и церквям, чтобы духовенство не забывало поминать его в молитвах. Желая, видимо, замолить свои многочисленные грехи, Вильгельм объявил амнистию всем государственным преступникам.

Прах Вильгельма I был погребен у главного алтаря построенной им в нормандском городе Кане церкви Св. Стефана. Церемония погребения была омрачена вспыхнувшим в городе пожаром и неожи-

данным вмешательством одного из горожан. Когда уже готовились опустить тело покойного в могилу, один из горожан выкрикнул, что он запрещает хоронить Вильгельма там, где раньше стоял дом его отца (король когда-то распорядился снести постройку для возведения церкви). Даже священнослужители сочли, что говоривший прав — покойный не возместил нанесенный им ущерб при жизни, и для того, чтобы теперь похоронить его останки, пришлось уплатить деньги настойчивому горожанину.

ЗНАЧЕНИЕ НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Завоевание Англии Вильгельмом Нормандским имело важнейшие последствия для дальнейшего развития страны. Объединение английских и нормандских земель на основе личной унии (общности правителя) способствовало расширению экономических и культурных связей Англии. Кроме того, с окончательным покорением страны и распределением земель между норманнами завершился процесс феодализации Англии, ускоривший закрепощение сельских жителей, зачастую изгонявшихся со своих земель.

Норманны принесли в Англию более высокую французскую культуру. После нормандского завоевания 1066 г. в страну хлынула волна переселенцев с континента; в основном это были горожане — ремесленники и торговцы. Они селились в английских городах или в замках нормандских баронов, а своей деятельностью способствовали оживлению английской городской жизни.

Со временем нормандские обычаи вошли в обиход англичан. В частности, разительно изменилась традиционная мужская одежда. Столетиями англосаксонский мужской костюм практически не менялся и состоял из короткой, плотно прилегающей к телу туники и набрасываемого поверх нее широкого и длинного плаща. В XII в. этот наряд был постепенно вытеснен нормандским, состоявшим из длинной просторной куртки, поверх которой носили короткий плащ. Норманны были гораздо более разборчивы в еде. Они познакомили коренное население Англии с заморскими блюдами, например, паштетами из разных сортов мяса, сладкими пирогами, тонкими винами. Однако все эти деликатесы появлялись лишь на столах самых богатых англосаксов, в то время как остальным приходилось довольствоваться привычной простой и грубой пищей.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

В нормандской Англии судьи не всегда могли вынести правильное решение и в особо трудных случаях, когда установить истину не представлялось возможным, прибегали к так называемому суду Божию. Суд Божий представлял собой испытание, которому подвергались подсудимые, а иногда — и истец, и ответчик. Это могло быть испытание огнем, испытание водой, испытание каленым железом или судебный поединок. Наиболее часто применялось испытание водой. Обвиняемого, связанного особым образом, бросали в воду. Если он начинал тонуть, его оправдывали, если же он удерживался на плаву, то его ждало наказание: считалось, что вода не принимает того, чья совесть отягощена грехом.

При испытании огнем подсудимого заставляли пройти сквозь пылающий костер (или по раскаленным углям). Решение о невиновности выносилось в том случае, если испытуемый оставался невредим.

Смысл испытания железом заключался в том, чтобы оценить скорость и характер рубцевания раны, полученной от прикосновения к раскаленному железному пруту. Судебный поединок применялся для разрешения споров между высокопоставленными людьми — рыцарями и баронами. Участники судебной тяжбы вступали в бой. Поскольку Бог всегда на стороне праведника, то побежденный считался виновным. Судебный бой мог быть не только поединком, но и групповым.

РОЖДЕНИЕ НОВОГО ЯЗЫКА

После нормандского завоевания 1066 г. старая англосаксонская знать была вытеснена нормандскими баронами. Норманны пользовались такой властью, что легко могли разорить любого из своих англосаксонских соседей. Держась с коренным населением крайне надменно, завоеватели продолжали говорить на своем языке, представлявшем собой нормандский диалект французского. Язык иноземцев стал и языком английского судопроизводства.

Понятно, что для англосаксов, желавших чего-то добиться, было важно выучиться говорить на языке господствующей верхушки. В XII в. шло интенсивное онорманнивание англичан. Этот процесс очень ярко описал Вальтер Скотт в романе «Айвенго», рассказав о судьбе своего героя-англосакса, проклятого отцом за то, что он примкнул к норманнам. В первой главе этого произведения писатель

Одежда XI–XII в.

воспроизводит интереснейший с лингвистической точки зрения диалог между двумя простыми англосаксами, шутом Вамбой и пастухом Гуртом, отражающий проникновение французских слов в язык, на котором говорили коренные жители Англии:

— Ну, как называются эти хрюкающие звери, что разбегаются от тебя во все стороны? — спросил Вамба.

— Свины, дурак, свины, — отвечал пастух, — это всякому дураку известно.

— Правильно, «суйан» — саксонское слово, А вот как ты назовешь свинью, когда она зарезана, ободрана, и рассечена на части, и повешена за ноги, как изменник?

— Порк, — отвечал свинопас.

— Очень рад, что и это известно всякому дураку, — заметил Вамба. — А «порк», кажется, нормано-французское слово. Значит, пока свинья жива и за ней смотрит саксонский раб, то зовут ее по-саксонски; но она становится норманном и ее называют «порк», как только она попадает в господский замок и является на пир знатных особ. Что ты об этом думаешь, друг мой Гурт?

— Что правда, то правда, друг Вамба. Не знаю только, как эта правда попала в твою дурацкую башку.

— А ты послушай, что я тебе скажу еще, — продолжал Вамба в том же духе. — Вот, например, старый наш олдермен бык: куда его пасут такие рабы, как ты, он носит свою саксонскую кличку «оке», когда же он оказывается перед знатым господином, чтобы тот его отведал, бык становится пылким и любезным французским рыцарем Биф. Таким же образом и теле-нок — «каф» — делается мосье де Во: пока за ним нужно присматривать — он сакс, но когда он нужен для наслаждения — ему дают норманское имя.

— Клянусь святым Дунстаном, — отвечал Гурт, — ты говоришь правду, хоть она и горькая. Нам остался только воздух, чтобы дышать, да и его не отняли только потому, что иначе мы не выполнили бы работу, наваленную на наши плечи. Что повкусней да пожирнее, то к их столу; женщин по красивее — на их ложе; лучшие и храбрейшие из нас должны служить в войсках под началом чужеземцев и устилать своими костями дальние страны, а здесь мало кто остается, да и у тех нет ни сил, ни желания защищать несчастных саксов¹.

Показательно, что со времен нормандского завоевания первым из королей по-английски заговорил только Генрих IV (правил с 1399 по 1413 г.). Действительно, к этому времени уже сложился новый язык, среднеанглийский, родившийся за счет слияния древнеанглийского и норманно-французского. В новых исторических условиях не только англичане были вынуждены изучать французский, но и норманнам пришлось отбросить гордыню и спесь, поскольку без общения с местным населением им было в Англии не прожить.

Во всем мире знают пословицу: «Англичане едят «Манчестер», а читают «Ливерпуль»». В этой шутке отражается одна из особенностей современного английского языка, в котором написание и произноше-

¹ Пер. Е. Г. Бекетовой (*Скотт В. Айвенго* // Скотт В. Собр. соч.: в 20 т. Т. 8. М.; Л., 1962. С. 39–40).

ние слов очень часто не совпадают. Современные ученые-лингвисты могут объяснить, почему так получилось, ими установлены определенные закономерности в развитии языка. Часть трудностей современной английской орфографии возникла потому, что нормандские писцы пытались записать английские слова по правилам, принятым во французской орфографии. Возьмем слово *love* — «любовь». Оно читается «лав», т. е. буква *o* передает звук *a*. Дело в том, что норманны буквой *o* передавали звук *y*. Древнеанглийское слово «любовь» звучало как «лув». Но в XV–XVI вв. *y* во многих словах заменилось в произношении на *a*. А написание при этом осталось прежним. Попробуйте провести небольшой эксперимент: запишите русскими буквами любую иностранную фразу или слово, а затем прочтите вслух. Сравните результат со звучанием иностранного слова. Правда, есть разница?

Усложним эксперимент. Возьмем то же английское *love* (читается «лав») — «любовь» и представим себя писцами, которые должны записать его буквами латинского алфавита. Получится «lav». Мы напишем слово по своему разумению. Так же начиная с XI в. действовали в Англии нормандские писцы, а мы до сих пор ощущаем в английском языке последствия нормандского завоевания. Некоторое время французский и англосаксонский языки в Англии сосуществовали, затем слились в единый английский язык.

СЫНОВЬЯ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Ни один из сыновей Завоевателя не присутствовал на похоронах отца. Недружные при его жизни, они не стали ближе и после его кончины. Невзирая на королевское завещание, братья принялись оспаривать друг у друга права на отцовское наследство. По праву первородства старший из братьев, Роберт, становился герцогом Нормандии. Так было указано и в завещании Вильгельма. Однако Роберт полагал, что и Англия тоже должна перейти ему. Намерение брата стать английским королем не на шутку встревожило Вильгельма Рыжего, который поспешно отбыл в Англию, чтобы успеть завладеть и короной, и королевской казной.

Первым делом Вильгельм занял три главных портовых города — Дувр, Гастингс и Пивенси. Это значительно затруднило бы переброску в Англию войска Роберта Нормандского. Затем второй сын Завоевателя отправился в Вустер, где хранилась королевская казна.

Казначей, зная о завещании Вильгельма I, безропотно передал ему ключи. Рыжему достались несметные сокровища: не считая золота и самоцветов, в казне было около 60 тыс. фунтов серебра.

Вильгельм II

Вскоре состоялась коронация Вильгельма II. Став английским королем, Вильгельм решил немного загладить свою вину перед отцом и велел богато украсить золотом и серебром его надгробие в церкви Св. Стефана. Это был одновременно и важный политический шаг — Вильгельм II демонстрировал себя законным преемником Вильгельма I. Нормандские бароны, владевшие землями и в Нормандии, и в Англии, были, однако, недовольны тем, что оказались в двойной вассальной зависимости. Многие норманны в Англии желали бы видеть на английском престоле не Вильгельма, а Роберта, герцога Нормандского. Они заперлись в своих английских замках и не желали приносить вассальную присягу новому королю. Вильгельму II удалось справиться с мятежными баронами благодаря поддержке англичан: ненависть норманнов, они, наконец, получили повод поквитаться со своими притеснителями. Вдобавок ко всему король обещал в на-

граду за помощь смягчить закон о королевских лесах. Вскоре мятеж нормандских баронов был усмирен, а его зачинщики бежали от королевского гнева в Нормандию.

Почувствовав себя уверенно в Англии, Вильгельм вознамерился прибрать к рукам и Нормандию. Лишь вмешательство баронов, порядком утомленных бесконечными военными действиями, вынудило братьев пойти на мирные переговоры. Было, в частности, решено, что при жизни ни один из них не будет претендовать на владения другого, но каждый из них объявлял другого своим наследником на случай смерти. Едва помирившись, Вильгельм II и Роберт Нормандский ополчились на своего младшего брата Генриха Боклерка, который потратил часть оставленных ему отцом денег на покупку имения в Нормандии.

Генрих был вынужден запереться в замке на горе Сен-Мишель. Воюя друг с другом, братья все же иногда поступали по-родственному. Например, узнав, что осажденные в замке страдают от нехватки питьевой воды, герцог Роберт распорядился доставить им и воды, и вина. В конце концов Генрих был вынужден покинуть свое убежище и скитаться по свету.

На этом войны, в которых участвовал Вильгельм II, не окончились. Ему пришлось сражаться с шотландцами и валлийцами, разорвавшими приграничные территории Англии и чувствовавшими себя в полной безопасности в родных горах, пойти войной на Роберта Нормандского, нарушившего взятые на себя обязательства, и, наконец, бороться с новой баронской смутой в самой Англии.

Воинственный и жестокий правитель, Вильгельм II не пользовался популярностью среди своих подданных. Влиятельные вельможи составили заговор с целью свергнуть Вильгельма и возвести на престол внука Вильгельма Завоевателя Стефана Блуаского. Главой мятежников был могущественный граф Нортумберленд. Заговор раскрыли, и его участники были сурово наказаны. Граф Нортумберленд был заточен в подземную тюрьму Виндзорского замка, где провел остаток своих дней (около тридцати лет). Не ладил Вильгельм II и с духовенством. Служители церкви возмущались тем, что после смерти высших церковных иерархов, архиепископов и епископов, король не торопился с новыми назначениями, предпочитая лично завладеть принадлежавшими покойным поместьями.

Население Англии было буквально задавлено непомерными налогами. Скупой и жадный, король еще больше увеличил размер

податей, когда у него появилась возможность купить у нуждавшегося в деньгах Роберта Нормандию. Пусть часть населения герцогства не желала видеть его своим герцогом — Вильгельм II умел умирять бунтовщиков. Роберту же деньги понадобились для участия в Крестовом походе.

Еще в незапамятные времена христиане из всех стран Европы пускались в паломничество к Гробу Господню, находившемуся в принадлежавшем мусульманам Иерусалиме. Нередко паломничества в Святую Землю завершались трагически — богомольцы терпели всевозможные издевательства со стороны мусульман. Кротко сносить унижения далее было невозможно. В конце XI в. широкую известность в Западной Европе приобрел выдающийся проповедник по имени Петр Пустынник. Ему удалось убедить многие тысячи христиан пойти вместе с ним в Иерусалим на освобождение Гроба Господня, величайшей христианской святыни, из-под власти мусульман. Отправляясь в 1095 г. на войну в Иерусалим, христиане нашивали на правое плечо изображение креста. Отсюда и пошло название «крестоносцы», а походы в Иерусалим стали называться Крестовыми.

Трудно сказать, что именно — призывы Петра Пустынника или же предвкушение приключений и наживы — побудило Роберта Нормандского отправиться в Палестину. На полученные от продажи герцогства брату деньги он снарядил превосходное войско.

Пока участники Первого крестового похода завоевывали Иерусалим, Вильгельм Рыжий спокойно правил своими владениями и предавался любимому занятию — охоте. Он процарствовал много лет, когда в Новом королевском лесу погиб его племянник Ричард, сын Роберта Нормандского. Молодой человек был убит стрелой. Его убийца остался неизвестным. Эта смерть пробудила воспоминание о мрачном пророчестве, сулившем кары потомкам Завоевателя. А в августе 1100 г. в том же лесу разыгралась еще одна трагедия — во время охоты был убит сам король Вильгельм II. В тот день он выехал на охоту в сопровождении одного лишь сэра Уолтера Тирелла, который, боясь обвинений в убийстве короля, немедленно бежал во Францию.

Тело убитого короля обнаружил крестьянин, провозивший через лес повозку с древесным углем. На этой убогой колымаге он доставил покойного в Винчестер, где короля опознали и погребли в городском соборе. Возможно, король действительно был сражен стрелой, пущенной Уолтером Тиреллом. Убийство вполне могло быть непредна-

Генрих I

меренным и совершиться при роковом стечении обстоятельств. Не исключено, однако, что Вильгельм II стал жертвой тщательно спланированного убийства, но кто совершил его — Тирелл или некое третье лицо, навсегда останется неизвестным.

Незадолго до смерти Вильгельм помирился со своим младшим братом Генрихом Боклерком, который также находился в Новом королевском лесу на охоте в момент гибели короля. Смерть Вильгельма открывала Генриху путь на английский престол — старший из братьев, Роберт, был далеко на востоке, да и друзей в Англии у Генриха было значительно больше.

Третий представитель Нормандской династии, Генрих I, правил Англией с 1100 по 1135 г. По сравнению с двумя предыдущими царствованиями период правления Генриха I можно было бы назвать относительно благополучным. Важнее всего то, что при этом короле

началось сглаживание противоречий между норманнами и англичанами, со временем приведшее к образованию новой национальной общности. Подобно Вильгельму Завоевателю, его младший сын понимал, что противостоять нормандским баронам он сможет, только опираясь на своих английских подданных. Они симпатизировали ему в немалой степени и за то, что он, будучи норманном, все же родился в Англии и сам претерпел немало обид от норманнов. Своей женитьбой на английской принцессе Матильде Генрих завоевал сердца ее соотечественников.

Любопытно, что представители духовенства сначала противились этому браку, говоря, что девушка жила в монастыре и носила монашескую одежду. Однако юная Матильда никогда не давала монашеского обета, так что подлинных препятствий к ее вступлению в брак с Генрихом не было. Матильда была любимой своим народом королевой, прозавшим ее Мод Доброй.

Брак с Матильдой во многом упрочивал положение короля на престоле: дочь шотландского короля Малькольма и родной сестры Эдгара Этелинга Маргариты, Матильда была прямым потомком англосаксонских королей. Между тем норманны в Англии высказывали свое недовольство женитьбой короля на представительнице презираемого ими народа. Однако, когда несколько баронов попытались восстать против власти Генриха, англичане охотно помогли королю расправиться со смутьянами.

Генрих I мог быть мудрым и прозорливым государственным деятелем, но ради сохранения и усиления своей власти он был готов пойти и на низкие поступки. Зная о существовавшей между старшими братьями договоренности, что в случае смерти Вильгельма II английская корона должна перейти к Роберту Нормандскому, Генрих усиленно распространял слухи о том, что его уехавший в Палестину старший брат был избран правителем отвоеванного крестоносцами государства. Тем временем Роберт вернулся в Нормандию с молодой супругой, на которой женился в Италии, где надолго задержался по пути домой. Под нажимом своих баронов, в том числе и тех, кто вынужден был покинуть Англию при Генрихе I, Роберт решился провозгласить брата узурпатором английской короны и объявить ему войну.

Англичане в целом поддержали Генриха, но моряки изменили ему и помогли переправить в Англию войско нормандского герцога. Кровавопролитие было предотвращено лишь усилиями Ансельма, архиепископа Кентерберийского, который уговорил братьев помириться.

Генрих обязался ежегодно выплачивать брату солидную сумму отступных, а Роберт, в свою очередь, согласился вернуться домой с условием, что все его сторонники в Англии получают королевское прощение. Он сдержал свое слово, но, узнав, что его сторонники в Англии все же подвергаются репрессиям, вернулся ко двору Генриха, чтобы заступиться за своих людей. Встреченный братом с показным радушием, Роберт фактически оказался у него в руках и был вынужден «добровольно» отказаться от обещанного ему ежегодного содержания. Вернувшись в Нормандию, возмущенный герцог начал собирать вокруг себя своих сторонников, пострадавших от вероломства короля Генриха I. А Генрих только и ждал повода, чтобы напасть на владения брата.

В 1106 г. Генрих вторгся в Нормандию с большим войском и захватил в плен Роберта вместе с цветом нормандского рыцарства. Несчастный герцог был обречен на вечное заточение в одном из своих замков. Иногда ему разрешали совершать прогулки верхом, но однажды Роберт сделал попытку оторваться от сопровождавшего его конвоя. Это было расценено как попытка к бегству. Дабы обезопасить себя от подобных неприятностей в дальнейшем, Генрих I отдал бесчеловечный приказ об ослеплении брата. Страдалец еще долго жил под стражей и скончался на восемьдесят первом году жизни.

У Роберта Нормандского был единственный сын Вильгельм Клинтон. Мальчик рано потерял свою красавицу-мать, и ему было всего пять лет, когда его отец стал узником короля Генриха Английского. Едва ребенок подрос, как суровый дядя вспомнил о его существовании и приказал доставить мальчика к своему двору: нельзя было спокойно считать себя правителем Нормандии, пока законный наследник герцогской короны оставался на свободе. Однако родственник мальчика барон де Сен-Санс сумел увести его за границу. Они переезжали от одного двора к другому, рассказывали свою драматическую историю и в конце концов обрели немало союзников. Французский король и его вассалы, граф Фландрский и граф Анжуйский, объявили войну Генриху I. Театром военных действий стала Нормандия, и вскоре английский король лишился нескольких городов и замков.

Однако коварному Генриху I удалось ослабить союзников, переманив на свою сторону графа Анжуйского обещанием женить своего старшего сына Вильгельма на дочери графа. Одновременно король упрочил свое положение, выдав в 1114 г. свою восьмилетнюю дочь

Матильду за германского императора Генриха V. В итоге французы вынуждены были заключить с ним мир. Некоторое время спустя Генрих I отправился с сыном Вильгельмом в Нормандию, желая женить юношу на дочери графа Анжуйского и, что было еще важнее, заставить нормандских баронов признать принца наследником герцогской короны. Добившись своих целей, Генрих решил вернуться в Англию.

Король и наследный принц отбыли из порта Гонфлер 25 ноября 1120 г. Ночью разыгралась буря, во время которой «Белый корабль», на котором находились Вильгельм и около трехсот человек свиты, утонул. Среди погибших была и сестра Вильгельма Мария. Из всех потерпевших кораблекрушение спасся только уроженец Руана по имени Берольд, который и поведал о случившейся на море трагедии.

Добрая королева Матильда, к счастью, не дожидая до этого страшного дня (она скончалась в 1118 г.). Когда придворные все же осмелились сообщить королю о гибели Вильгельма и его спутников, суровый Генрих потерял сознание. Говорят, что с тех пор никто ни разу не видел на его лице улыбки.

Горюя о гибели сына, король понимал, что после его смерти из-за отсутствия наследника обязательно вспыхнет новая феодальная распря. Желая уберечь в будущем свой народ от новых кровопролитий, Генрих женился вторично. Однако королева Аделаида не смогла подарить ему наследников, а поскольку этот брак оказался бездетным, Генрих потребовал, чтобы еще при его жизни они присягнули на верность его наследнице Матильде.

В 1125 г. Матильда овдовела, а двумя годами позже второй раз вышла замуж. Ее новым супругом стал Жоффруа Плантагенет, старший сын союзника Генриха графа Анжуйского. Жоффруа был прозван Плантагенетом за то, что вместо пера украшал свой головной убор веточкой дрока. К тому времени основного соперника Матильды, Вильгельма Клитона, уже не было в живых: он умер в возрасте двадцати пяти лет от заражения крови во французском монастыре Сен-Омер. Когда же у Матильды в 1133 г. родился сын Генрих, старый король мог быть уверен в будущем своей династии.

Последние годы жизни Генрих I провел преимущественно в Нормандии — ему хотелось находиться поближе к дочери и внуку. В Нормандии он и скончался в 1135 г. Тело покойного короля было перевезено в Англию и погребено в Редингском аббатстве.

ВОЙНА СТЕФАНА И МАТИЛЬДЫ

По английским законам королю всегда наследовал его старший сын, а если сына не было, то наследницей считалась старшая дочь. Во Франции же, в отличие от Англии, действовал так называемый Салический закон, не допускавший, чтобы престол занимала женщина. («Негоже лилиям прясть», — говорили французы, подразумевая цветы, изображенные на королевском гербе.) В XII в. связь Англии с Францией была очень тесной, и многие полагали, что в Англии должны также действовать французские законы о престолонаследии. Такое мнение пришлось как нельзя более кстати Стефану Блуаскому, чья мать Адела была дочерью Вильгельма I Завоевателя. По французскому закону на трон Англии должен был взойти граф Стефан, а не Матильда.

Король Генрих I хорошо относился к Стефану и его младшему брату Генриху. Старшему племяннику он подыскал богатую невесту, младшего сделал епископом Вестминстерским. Однако после смерти дяди Стефан забыл о всех оказанных милостях и, подкупив одного из слуг покойного короля, заставил того засвидетельствовать, что на смертном одре Генрих I назвал своим преемником Стефана. На основании этого заявления Стефан был коронован английским королем. Получив доступ к государственной казне, Стефан обзавелся наемным войском и начал готовиться к реакции Матильды, истинной наследницы узурпированного им престола.

Английские бароны раскололись на две партии: одна поддерживала Стефана, другая, возглавляемая графом Робертом Глостером, принялась оспаривать права Стефана на английскую корону. Эта распря продолжалась целых восемнадцать лет, с 1135 по 1153 г. Междоусобица вновь ослабила Англию, и соседи не замедлили воспользоваться ее бедой. За первое пятилетие правления Стефана шотландцы дважды нападали на его королевство, но оба раза были вынуждены отступить.

В 1139 г. Матильда, наконец, прибыла в Англию во главе отборной армии. Два года она вела войну с армией Стефана. Исход этой междоусобицы определился в сражении при Линкольне (1141), в котором Стефан попал в плен и стал узником герцога Глостера. Сразу после этого события состоялась поспешная коронация Матильды. Однако радость ее была преждевременной: многие норманны в Англии не желали признавать право женщины занимать королевский престол, а преданные

Стефан

Стефану горожане Лондона воспрепятствовали въезду королевы в свой город, и Матильде, несмотря на всю ее гордость, пришлось покориться. Распаленные лондонцы соединились с армией Стефана и осадили Винчестер. Матильде удалось бежать, но во время этой боевой операции был взят в плен сам Роберт Глостер, и королеве пришлось согласиться обменять его на Стефана. Разумеется, война между Стефаном и Матильдой немедленно возобновилась. В 1142 г. армия Матильды была осаждена в Оксфордском замке.

Зима в тот год выдалась особенно холодной, и земля была покрыта толстым слоем снега. Мороз и снег всегда считались врагами солдат, но на сей раз они помогли королеве и нескольким ее верным рыцарям выбраться из окружения: беглецы облачились в белые одежды, делавшие их невидимыми на фоне снежных полей, и благополучно переправились через скованную льдом Темзу. На другом берегу их уже ждали оседланные лошади. Чудом спасаясь благода-

ря военной хитрости королева без промедления отправилась в Нормандию.

В начале 1150-х годов в войну Стефана и Матильды вступил сын последней, Генрих Плантагенет. Этот молодой человек был грозным соперником. Матильда передала ему герцогство Нормандию, а в 1152 г. Генрих женился на Алиеноре Аквитанской, которая в первом браке была женой французского короля Людовика VII. Алиенора принесла своему мужу обширные земли во Франции. Такое усиление Генриха Плантагенета пришлось не по душе его сеньору, бывшему супругу королевы Алиеноры. Желая ослабить положение молодого герцога, он помог сыну Стефана Юстасу напасть на Нормандию. Вскоре, однако, Генрих разгромил своего врага и сам последовал за ним в Англию.

Две враждебные армии сошлись в окрестностях Уоллингфорда — их разделяла только река Темза. Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая судьба Англии, если бы не вмешательство баронов, порядком измотанных бесконечными войнами. Стефан и Генрих имели мужество и мудрость прислушаться к голосам вассалов и вступили в мирные переговоры. По Уоллингфордскому миру (1153) Генрих признавал Стефана королем Англии, но Стефан, в свою очередь, обязывался признать своим наследником молодого нормандского герцога. Это соглашение так подействовало на лишившегося надежды унаследовать престол Юстаса, что он сошел с ума и вскоре умер. Второй сын Стефана, Вильгельм, после смерти отца унаследовал все те земли, которые принадлежали Стефану Блуаскому до того, как он объявил себя королем.

Стефан скончался всего через год после заключения перемирия, и в 1154 г. на престол взшел основатель династии Плантагенетов, правнук Вильгельма I Завоевателя Генрих II.

АНГЛИЯ ПРИ ПЛАНТАГЕНЕТАХ

ГЕНРИХ II

Современник Генриха II писатель Уолтер (Вальтер) Мап (ок. 1135–1196) свидетельствует, что король говорил по-французски, читал по-латыни, понимал по-провансальски и по-итальянски, но не знал английского языка.

Через полтора месяца после смерти Стефана состоялась торжественная коронация Генриха Плантагенета и его супруги Алиеноры. Генриху был всего двадцать один год, но ему принадлежала не только Англия, но и треть земель во Франции. Сознывая свое могущество, юный государь начал правление с того, что постарался восстановить справедливость и возместить ущерб тем, кто пострадал в годы предыдущего царствования. Генрих начал с того, что возвратил незаконно захваченные во время междоусобицы земли их настоящим владельцам и удалил из Англии стефановых наемников. За время войны Стефана и Матильды многие баронские замки превратились в настоящие разбойничьи вертепы. Зачастую бароны со своим воинством нападали на мирных прохожих, привозили их в замки и мучили до тех пор, пока несчастные не соглашались откупиться всем принадлежащим им имуществом. Желая покончить с бесчинствами баронов, Генрих II приказал уничтожить множество замков, а также вернул себе все замки, принадлежавшие короне. Все это принесло Генриху огромную популярность среди простого народа.

Генрих II

На втором году правления Генриху пришлось покинуть Англию и отправиться в свои французские владения, чтобы усмирить младшего брата Жоффруа, высказавшего притязания на графство Анжу. Этот конфликт удалось погасить без кровопролития, зато Генрих вступил в войну с Людовиком VII Французским, пытаясь расширить свои и без того обширные земли на континенте. Конец этой распри был положен только благодаря вмешательству папы Александра III.

Генрих считал себя хорошим христианином и потому постарался восстановить добрую репутацию английского духовенства, подавшагося всеобщему падению нравов в период войны Стефана и Матильды. К тому же ему хотелось несколько ограничить влияние духовного сословия. Когда в 1161 г. умер архиепископ Кентерберийский Теобальд, Генрих решил назначить на его место своего надежного друга Томаса Бекета.

ТОМАС БЕКЕТ

Томас Бекет (ок. 1118–1170), ярчайшая фигура периода царствования Генриха II, был сыном лондонского купца нормандского происхождения, который до рождения сына побывал в Палестине, где его взяли в плен сарацины. Он стал рабом одного богатого сарацина, у которого была красавица-дочь. Девушка полюбила красивого невольника и помогла ему бежать. Вернувшись в Англию, купец забыл о восточной красавице. Но верная сарацинка не могла жить без любимого и, бежав из отчего дома, не зная ни слова по-английски, сумела добраться до Лондона и разыскать в нем бывшего невольника своего отца, хотя шансов на это у нее было не больше, чем у человека, желающего отыскать иголку в стоге сена.

Вскоре купец женился на отважной девушке, и от этого брака родился единственный сын Томас, которому суждено было необычайно возвыситься в земной жизни, а после смерти стать одним из самых почитаемых в Англии святых.

Отец Томаса был одним из наиболее уважаемых жителей Лондона, а его смысленный сын рано завоевал благосклонность архиепископа Кентерберийского Теобальда. Томас принял духовный сан, и архиепископ не раз посылал его с важными поручениями в Рим. Вскоре молодой священнослужитель привлек внимание короля Генриха. Пораженный ученостью и умом Бекета, получившего образование в Лондоне, Париже и Болонье, король сделал его канцлером — хранителем государственной печати. Благодаря королевским милостям Томас Бекет жил в роскоши, у него были сотни слуг и множество лошадей; затем канцлер был назначен воспитателем юного принца Генриха, старшего сына короля, и в довершение всех прочих милостей получил сан архиепископа Кентерберийского.

Томас Бекет понимал, чего ожидает от него король, назначив его на столь высокий пост, но надежд Генриха не оправдал. Бекет-архиепископ стал совсем другим человеком: он отказался от привычной ему роскоши, носил под сутаной власяницу, подвергал себя бичеванию, ел самую простую еду и пил только воду. Генрих II надеялся, что, став главным пастырем Англии, друг будет проводить церковную политику в интересах короля. Каковы же были его изумление и гнев, когда Генрих понял, что ошибся в своих расчетах: новый архиепископ принялся защищать интересы церкви и выступил против посягательств светской власти на церковный авторитет!

Архиепископ Кентерберийский потребовал, чтобы церкви вернули земли, захваченные или незаконно переданные светским феодалам. По его мнению, сам король был обязан вернуть церкви весь город Рочестер. Затем Бекет заявил, что ни один светский властитель не может вмешиваться в дела церкви и назначать на церковные должности людей по своему усмотрению. Тех же, кто нарушал этот его указ, архиепископ своей властью отлучал от церкви. Когда Генрих II попробовал заступиться за своих отлученных от церкви баронов, вина которых состояла в том, что они сами выбирали себе замковых капелланов или приходских священников, Бекет ответил ему категорическим отказом простить ослушников. Непреклонность архиепископа вывела Генриха из себя, и прежний лучший друг превратился во врага короля.

Враждебность Генриха к Бекету только возросла после того, как под влиянием архиепископа Кентерберийского весь клир отказался подчиняться устанавливаемым светской властью законам, если они противоречат церковным уставам.

В 1164 г. король созвал совет в Кларендоне, который сформулировал так называемые Кларендонские уложения, по которым духовное лицо, виновное в преступлении (а такое в те годы не было редкостью), предстало перед светским судом. Кроме того, уложения предусматривали необходимость принесения вассальной присяги королю всеми лицами духовного звания, являющимися землевладельцами.

Строптивный архиепископ вновь заартачился, доказывая, что преступления духовных лиц могут рассматриваться только церковным судом. Взбешенный король немедленно отправил Бекета в изгнание, и тот поспешно выехал в маленький французский городок Санс.

Гнев Генриха II распространился и на родных, и на друзей Бекета — вслед за ним король отправил в изгнание около четырехсот человек.

Во Франции Томаса Бекета ожидал теплый прием. И папа римский, и король Франции Людовик VII взяли его под свое покровительство. В изгнании упрямый архиепископ с церковной кафедры предал проклятию всех английских баронов, поставивших свои подписи под Кларендонскими уложениями, и намекнул при этом, не называя, однако, прямо, на самого короля. Когда до Генриха II дошло известие об этом, он принял самые решительные меры, чтобы посланцы Рима не смогли привезти указы об отлучениях от церкви в Англию, а также отправил посольство к папе, надеясь улестить его и расположить в свою сторону.

Однако помирить высшего церковного иерарха Англии с королем удалось лишь Людовику VII Французскому. Он воспользовался благоприятным моментом. В 1169 г., устав от взаимных претензий, короли решили заключить мир и скрепить свой союз женитьбой старшего сына Генриха, тоже Генриха, на дочери Людовика Маргарите. Именно в разгар торжеств по этому поводу французский король сумел организовать встречу бывших друзей, ставших непримиримыми, казалось бы, врагами.

Генрих II неохотно позволил архиепископу Кентерберийскому вернуться в Англию. Однако и по возвращении своем в 1170 г. Томас Бекет продолжал упрямо отстаивать права церкви. Он узнал, что король, боясь лишиться престола (в случае отлучения от церкви), распорядился тайно короновать своего старшего сына Генриха. Коронации в Англии всегда проводил архиепископ Кентерберийский, но король поручил совершить эту церемонию архиепископу Йоркскому. Видя в этом ущемление церковных интересов и потворство со стороны светской власти духовным лицам, Бекет потребовал у папы отлучения от церкви архиепископа Йоркского и всех принимавших участие в коронации принца Генриха епископов.

Король Генрих II воспринял это как новое жесточайшее оскорбление. В гневе он вскричал: «Как! Человек, который ел мой хлеб, смеет идти против меня, тот, кого я осыпал милостями, смеет оскорблять короля и весь его род, попирает ногами все королевство, — тот, кто когда-то прибыл ко двору на хромо́й кобыле с плащом вместо седла, сидит теперь на архиепископском престоле, — и никому до этого нет дела? Малодушные бездельники! Каких же трусов взрастил я при моем дворе, что им и в голову не приходит исполнить долг по отношению к своему государю! Неужто никто так и не избавит меня от этого худородного попишки?»

Сказано это было публично, в присутствии многих придворных. Трудно сказать, действительно ли королю хотелось, чтобы его поймали на слове, или же эти страшные слова были брошены им в сердцах? Как бы то ни было, четыре рыцаря — Хью де Морвиль, Уильям де Траси, Ричард де Брет и Реджинальд Фиц-Урс — восприняли слова Генриха как королевский приказ и немедленно отправились в Кентербери.

Поздно вечером 29 декабря 1170 г. четверо рыцарей во главе небольшого отряда начали штурмовать двери архиепископского дворца. Многие прислуживавшие Бекету монахи в страхе разбежались, другие умоляли архиепископа отправиться в собор, где его жизни не будет угрожать опасность, потому что никто не отважится осквернить святилище кровопролитием. Бекет был вынужден подчиниться уговорам

Гибель Томаса Бекета

и перешел в собор, двери которого заперли изнутри. Однако, когда на улице слышались крики и звон оружия, Бекет приказал открыть двери, чтобы защищавшие его люди могли укрыться в соборе. Этот чело-веколюбивый поступок стоил архиепископу жизни: рыцари тотчас же ворвались в собор с криками: «Где изменник?» Те немногие, кто в это время находился рядом с архиепископом, дрогнули и бежали.

С ним остались только три верных друга — его старый наставник Роберт Мертонский, капеллан Уильям Фиц-Стефен и монах по имени

Эдуард Грим. Вчетвером они перешли в маленькую часовенку слева от алтаря, но рыцари последовали за ними. Они принялись укорять архиепископа в злонамеренности по отношению к королю и пытались убедить его исправить причиненное им зло, но Бекет остался непоколебим в своих убеждениях.

Рыцари попытались силой заставить Бекета покинуть собор, но он оказал отчаянное сопротивление и в конце концов был убит у самого алтаря Св. Бенедикта. Повинные в его смерти рыцари были потрясены содеянным и никогда больше не посмели предстать перед своим королем, папа римский отлучил их от церкви и предал проклятию. В те годы это было равносильно тому, чтобы их избегали все, кто принадлежит христианской церкви.

Узнав о трагедии в Кентерберии, король пришел в ужас. Никакого облегчения известие о гибели архиепископа ему не принесло. Напротив, Генриху пришлось перед лицом всего мира доказывать свою непричастность к его смерти. В знак скорби и раскаяния король босиком и в простой одежде отправился в паломничество к могиле Томаса Бекета, похороненного в Кентерберийском соборе, долго молился над ней и даже провел целую ночь без сна, еды и питья. С тех самых пор могила признанного святым мучеником Томаса Бекета начала привлекать толпы христианских паломников.

АНГЛИЙСКИЙ ПАПА И ПОКОРЕНИЕ ИРЛАНДИИ

Царствование Генриха II запомнилось также началом попыток англичан установить свою власть над Ирландией. В те годы считалось, что папа римский имеет право распоряжаться землями, не принадлежащими никому из христианских королей. Когда Генрих II взошел на престол, папой римским был Адриан IV, в миру Николас Брейкспис (1100–1159), единственный из англичан, когда-либо удостоившийся такой чести. Разумеется, он охотно дал молодому английскому монарху свое благословение на покорение во славу Божию соседнего с Великобританией острова.

Папа, в свою очередь, был заинтересован в том, чтобы Ирландия была приведена под власть Рима. Дело в том, что Ирландия стала христианской страной еще во времена св. Патрика, который с тех пор считался ее покровителем, но ирландцы не желали признавать верховенство папы и отчислять ему так называемую Петрову дань (папский престол называется престолом св. Петра).

В XII в. Ирландия была разделена на пять королевств, причем все ирландские короли-риаги оспаривали друг у друга право быть главным над остальными четырьмя — ард-риагом. Случилось так, что Дермот Мак-Мурру, риаг одного из ирландских королевств, Лейнстера, похитил чужую жену. Пострадавший супруг обратился с жалобой к ард-риагу, и тот изгнал Дермота Мак-Мурру из его владений. Дермот Мак-Мурру прибыл в Англию и попросил Генриха II заступиться за него, признав себя его вассалом. Так в 1168 г. Англия получила формальные права на Лейнстер.

На следующий год большой отряд англичан во главе с Ричардом де Клером, графом Пембруком по прозвищу Тугой Лук, высадился в Ирландии. Англичане, уступавшие в численности ирландцам, намного превосходили их своим вооружением и боевым искусством. В битве за город Уотерфорд погибло около 3 тыс. ирландцев, в то время как потери нападавших были минимальными. После победы Мак-Мурру выдал свою дочь замуж за бесшабашного Пембрука и вскоре умер. Его английский зять оказался королем ирландского Лейнстера.

Генрих II не мог примириться с таким возвышением своего вассала. По времени эти события совпали с трагедией в Кентербери, и король решил, что настало время энергичнее заняться покорением Ирландии, дабы умиловить папу римского, разгневанного убийством архиепископа Бекета.

В 1171 г. он прибыл в Ирландию и как сеньор короля Лейнстера лишил Пембрука королевского титула, предоставив ему, впрочем, огромные земельные владения. Затем в Дублине собрались все короли Ирландии и принесли вассальную присягу Генриху, а Генрих провозгласил повелителем Ирландии своего младшего сына Иоанна (Джона). С этого момента титул повелителя Ирландии принадлежал всем последующим королям Англии, но прошло еще немало времени, прежде чем англичане стали действительными властелинами острова.

АЛИЕНОРА АКВИТАНСКАЯ И ТРУБАДУРЫ

Королева Алиенора была большой любительницей поэзии провансальских трубадуров. Да и как могло быть иначе, если она приходилась внучкой «первому трубадуру» — графу Пуатье Вильгельму IX.

Большую часть своей жизни в бытность королевой Англии Алиенора провела на юге Франции. При ее дворе поэты и музыканты всегда были желанными гостями. Воспевая свою госпожу, провансальские

трубадуры способствовали становлению и распространению культа Прекрасной Дамы. Воспеваемая ими высокая любовь побуждала рыцаря следить за своими манерами, быть не только мужественным, отважным и сильным, но также учтивым и любезным. При дворе королевы Алиеноры рыцарское служение даме превратилось в подлинный ритуал. Истинно благородным могло считаться лишь такое поведение рыцаря, которое способно было снискать благосклонность дамы. Такое поведение называлось куртуазным (от французского слова *court* — «двор»).

Молодой человек, следовавший законам куртуазии, должен был демонстрировать изысканные манеры, быть вежливым и воспитанным, уметь держаться в обществе, поддерживать беседу. Кроме того, ему вменялось в обязанность уметь петь и играть на музыкальных инструментах.

Любимец королевы Алиеноры принц Ричард, будущий король Ричард I, был воспитан в новомодных правилах. Согласно легендам, сам Ричард был весьма искушен в поэзии и сложил немало песен. Однако до нас дошла всего одна его песня.

КОРОЛЬ АРТУР — САМЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ БРИТАНСКИЙ РЫЦАРЬ

Немного сыщется в мире людей, никогда не слыхавших этого славного имени. Об Артуре сложено множество преданий, баллад, подвигам короля и его рыцарей посвящено множество средневековых рыцарских романов, да и в более поздние времена о нем были написаны десятки художественных произведений, не считая множества научных работ. В XX в. Артур стал героем кино- и телеэкранов, а самые маленькие зрители познакомились с ним благодаря замечательному мультфильму Уолта Диснея «Меч в камне».

Легендарный король Артур был сыном короля Утера и племянником короля Аврелия. Его отцу и дяде пришлось бороться с жестоким тираном Вортигерном, который сверг с престола молодого Аврелия и призвал себе на помощь язычников-саксов. Аврелий возглавил борьбу бриттов против иноземцев, убил Вортигерна и вернул себе корону. Победив саксов, он вернул стране мир и благоденствие. Однако у Вортигерна были коварные друзья, решившие отомстить за его гибель. Вскоре законный король Аврелий был отравлен на пиру. После смерти

Король Артур

брата королем стал Утер. Он женился на красавице Игрейне, что была заперта в замке Тинтажель в Корнуолле. Добыть невесту Утеру помог волшебник Мерлин. Однако за эту услугу он потребовал, чтобы король отдал ему своего первенца. Мерлин знал, что маленький Артур станет великим королем, перед которым склонятся многие короли и королевства, и поэтому хотел позаботиться о его воспитании. По воле Мерлина новорожденный Артур был поручен заботам сэра Гектора.

Прошло много лет. Состарился и умер Утер Пендрагон. Поскольку все уже забыли о маленьком сыне покойного, исчезнувшем сразу после рождения, начались споры о том, кто должен стать королем. Обратились за советом к Мерлину. «Я укажу вам камень, из которого торчит меч, — сказал волшебник. — Кто сумеет его вытащить, будет королем». Задача казалась такой простой, что тысячи людей решили попытать счастья. Однако меч сумел вытащить только юный Артур. Так он стал королем и с первых часов своего правления стремился делать добро, бороться со злом и повсюду восстанавливать поправленную справедливость. Мерлин помогал ему мудрыми советами. И пока Артур был жив, ни саксы, ни датчане не могли завоевать Британию, которой правил доблестный король-рыцарь.

Двор короля Артура был в замке Камелот. В одном из его залов стоял удивительный круглый стол, за которым собирались верные сподвижники короля, называвшиеся поэтому рыцарями Круглого стола. В отличие от обычных столов, за Круглым не было мест более или менее почетных — все рыцари основанного королем Артуром союза были равны между собой, все они были ревностными поборниками справедливости, и каждый из них покрыл свое имя громкой славой благодаря подвигам в защиту добра. Неслучайно люди, ставшие жертвами обмана и притеснений, спешили из всех уголков Британии в замок Камелот, заранее зная, что там обретут бескорыстную помощь: любой из рыцарей Круглого стола по первому зову был готов отправиться на подвиг во имя справедливости.

В этих путешествиях рыцарей подстерегали опасности: великаны и злые волшебницы, заколдованные леса и замки... Отважные герои неизменно побеждали своих врагов и достигали намеченной цели, каким бы грозным ни казался противник. Нередко им приходилось защищать прекрасных молодых особ, на которых они потом женились и привозили их в Камелот. Однако даже самая очаровательная супруга не могла удержать истинного рыцаря от поисков новых приключений...

Одним из самых известных рыцарей Круглого стола был Ланселот. Он был безнадежно влюблен в супругу Артура королеву Гвиневеру. Она становится его Дамой сердца. Любовь рыцаря выражается в куртуазном служении даме и определяет все его поведение: в честь Гвиневеры он совершает самые невероятные подвиги, а любовь придает ему силы. Когда королеву похитил злой волшебник, Ланселот бросается на выручку. В поединке с негодяем он сражается спиной к сво-

ему врагу, орудуя мечом наугад, потому что не может оторвать глаз от прекрасной Гвиневеры; из-за нее он был прозван Рыцарем Телеги, потому что почти без колебаний спешил с коня и пересел в телегу, когда встреченный им карлик пообещал за это назвать имя похитителя Дамы сердца (для рыцарей ехать в телеге было делом зазорным).

Любя Гвиневеру, Ланселот не менее беззаветно любил и ее супругу, короля Артура. Благородный король не усомнился бы в честности любимой жены и близкого друга, если бы не завистники Ланселота, решившие разбить сердце доблестному рыцарю. Они обвинили королеву в супружеской неверности и вынудили Артура отдать приказ о казни Гвиневеры. Разумеется, Ланселот не мог допустить гибели своей Дамы сердца, тем более что он-то уж знал наверняка, насколько ложным было выдвинутое против нее обвинение. При попытке спасти королеву Ланселот убил одного из рыцарей Круглого стола, юного сэра Гарета. Старший брат убитого, рыцарь Гавейн, решил во что бы то ни стало покарать Ланселота.

С этого момента начинает понемногу разрушаться идеальный мир артуровского королевства. У каждого рыцаря нашлись сторонники, и вскоре между двумя партиями вспыхнула настоящая война, не прекратившаяся даже после того, как Ланселота вынудили вернуть королеву королю Артуру и покинуть страну. Рыцарь Гавейн, будучи племянником Артура, уговорил короля отправиться воевать с Ланселотом в Бретань. Пока же благородный король, скорбевший о войне с Ланселотом, находился за пределами Британии, оставшийся в Камелоте наместником другой племянник Артура, Мордред, восстал против законного государя.

Старший рыцарь Бедивер принес эту страшную весть своему королю. Мордред переманил на свою сторону многих вассалов Артура, пообещав им земли и богатства. Он заключил под стражу королеву Гвиневеру и собирался жениться на ней после того, как убьет самого короля.

Артур немедленно прекратил войну с Ланселотом и отправился со своими рыцарями домой, в Британию. В первом же бою с мятежниками погиб рыцарь Гавейн. Перед смертью он горько каялся в том, что все беды обрушились на королевство из-за его вспыльчивости и буйного нрава. Сумей он простить Ланселота, эта страшная война никогда бы не разразилась. Из последних сил он написал письмо сэру Ланселоту, моля его забыть глупую распрю и поспешить со своими рыцарями на помощь к королю Артуру.

В войне с Мордредом погибли почти все доблестные рыцари Круглого стола, но и враг понес огромные потери. В последней страшной битве король сразился с изменником Мордредом и пронзил его копьем, однако умирающий негодяй смертельно ранил его в голову.

К упавшему Артуру бросились последние оставшиеся в живых рыцари — Бедивер и Лукан. Лукан, правда, был до того изранен, что умер у ног своего государя. Бедивер же донес Артура до берега озера и оставался с королем до последнего. Умирающий Артур попросил положить его в лодку, которая сама собой отплыла от берега и скрылась в собравшемся на западе тумане. Никто не видел мертвого Артура, поэтому появилась легенда о том, что он и его рыцари не умерли, а живут на Островах Блаженных, расположенных на далеком западе. Люди верили, что, когда настанет трудный для Британии час, герои восстанут из небытия и вновь будут биться с врагами своей родины.

У короля Артура из многочисленных рыцарских романов был реальный прототип — отважный вождь бриттов, который прославился победой, одержанной им над саксами в битве при горе Бадон, где он и его люди в 516 г. истребили многократно превосходивший их по численности отряд иноземных захватчиков. Героический бритт продолжал отчаянно сражаться с врагами родины еще целых два десятилетия и погиб в 537 г. от смертельной раны, полученной в бою у реки Камлан. Впрочем, эти скудные сведения нельзя назвать абсолютно достоверными.

Исторический Артур, скорее всего, не был королем. Древнейшие упоминания о нем датируются VI в. Отважным, бесстрашным воином изобразил его валлийский бард второй половины VI столетия Анейрин, а его современник монах Гильдас в книге «О разорении и завоевании Британии» поведал о героической победе бриттов над саксами в битве при горе Бадон. В своем рассказе Гильдас упоминает Урсуса, под командованием которого был разбит грозный враг. «Урсус» по-латыни означает то же, что по-кельтски «артур», — «медведь». Книга Гильдаса написана на латинском языке, и исследователи считают, что автор перевел на него и имя британского военачальника.

Очевидно, первым явно связал имя Артура с победой 516 г. Ненний, живший на рубеже VIII–IX столетий автор латинской «Истории бриттов». Однако в этом сочинении исторические факты дополняются — и затмеваются — большим количеством легендарных подробностей. Человек высокообразованный, Ненний был знаком с античной мифологией и рассказ о деяниях Артура построил по модели мифа о двенадцати подвигах Геракла. Из дюжины великих свершений Ар-

тура победа при горе Бадон занимает главенствующее место, это апофеоз героической деятельности великого человека. У Ненния образ Артура укрупняется, он предстает как важнейший деятель британской истории, имя которого стоит в одном ряду с легендарным Брутом и Юлием Цезарем.

В 1125 г. библиотекарь монастыря в Мальмсбери Уильям Мальмсберийский включил рассказ об Артуре в свою «Историю английских королей», а десять лет спустя валлийский клирик Гальфрид Монмутский в хронике «История британских королей» назвал Артура королем, изобразив его добрым христианином, мудрым правителем и завоевателем мира. В этом труде впервые упоминаются многие из ставших впоследствии популярнейшими персонажами рыцарских романов о короле Артуре — королева Гвиневра, сэр Гавейн, Мерлин, фея Моргана и другие.

Чуть позже — во второй половине XII в. — французский поэт Кретьен де Труа заложил основу традиции «артуровских» рыцарских романов, романов так называемого бретонского цикла. Эти романы были написаны на французском языке и получили широкое распространение в Англии XIII–XIV вв. Ранние романы бретонского цикла писались в стихах — так было легче заучивать текст наизусть, — а с XIII в. началось их переложение в прозу. Самым полным собранием прозаических «артуровских» романов является «Смерть Артура», завершенное англичанином Томасом Мэлори в 1469 г. Автор свел воедино все, что было написано ранее о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Слава этого замечательного произведения пережила века. Довольно основательно забытая в XVII–XVIII столетиях, «Смерть Артура» вновь завоевала сердца англичан в 1810-е годы. Старинное собрание историй было переведено на современный английский язык и другие языки мира, на нем основаны все последующие изложения легенд артуровского цикла.

ГЕНРИХ II И ЕГО СЫНОВЬЯ

Из семерых оставшихся в живых детей Генриха II и Алиеоноры Аквитанской особую роль в английской истории сыграли четыре их сына — Генрих (1155–1183), Ричард (1157–1199), Жоффруа (1158–1186) и Иоанн (Джон) (1167–1216). Ссора с сыновьями в немалой степени омрачила последние годы жизни короля.

Молодой Генрих, коронованный еще при жизни отца, пожелал, чтобы была коронована и его жена Маргарита. Генрих II согласился на это, но ответил категорическим отказом, когда вслед за этим старший сын потребовал, чтобы отец выделил ему часть своих владений. Рассерженный принц немедленно отправился искать поддержки у своего тестя, короля Людовика VII, а через несколько дней к нему присоединились два других принца, Ричард и Жоффруа. Их мать Алиеонора Аквитанская поощряла сыновей в действиях против отца, она и сама была бы не прочь присоединиться к ним, но Генрих II перехватил ее и последующие шестнадцать лет жизни продержал королеву под домашним арестом.

До Генриха II доходили тревожные слухи: молодой Генрих во Франции публично именовал себя его соправителем, а Людовик VII всячески поощрял бунтовавших принцев, желавших уже сейчас быть самостоятельными правителями. Английский король был вынужден собрать огромное войско и объявить Людовику войну. Удача оказалась на его стороне, и через некоторое время он разбил войско сыновей, которым даровал свое королевское прощение.

Урок не пошел впрок вероломным принцам, и они по-прежнему пытались бунтовать. В 1183 г. принц Генрих, вновь находившийся в состоянии войны с отцом, тяжело заболел. Узнав, что его старший сын при смерти, король простил его и в знак примирения послал умирающему свой перстень. Прошло еще три года, и на одном из рыцарских турниров погиб Жоффруа.

Ричард продолжал бунтовать, поддерживаемый новым французским королем Филиппом II, сыном покойного Людовика VII. Дошло до того, что Ричард, теперь уже наследник Генриха II Английского, принес вассальную присягу королю Франции. В последний год на Генриха II обрушился еще один страшный удар: он узнал, что его младший сын и любимец Иоанн, повелитель Ирландии, никогда прежде не восстававший против отца, перешел на сторону брата. Измена сына была тем горше, что в это время Генрих II потерпел серьезное поражение от своих французских врагов. Этот король совершил немало жестоких и несправедливых деяний, но обрушившимися на него несчастьями сполна расплатился за свои преступления. В пятьдесят шесть лет он казался глубоким стариком. Последние несчастья окончательно сломили Генриха. Больной король приказал перевезти его в город Шинон, где он и скончался. Генрих II был похоронен во французском аббатстве Фонтевро.

РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ: КОРОЛЬ-КРЕСТОНОСЕЦ

Из всех нормандских королей, правивших Англией, Ричард уделял этой части своих обширных владений наименьшее внимание, практически все время своего царствования проведя за ее пределами.

Детство Ричарда прошло в Аквитании, при дворе его матери, где юному принцу привили любовь к музыке и поэзии. Юноша получил хорошее образование — начиная с XII в. все западноевропейские государи заботились о том, чтобы их дети не росли неучами. Он сочинял стихи на французском и провансальском языках, хорошо владел латынью. Утонченность вкусов сочеталась в нем с бесстрашием и отвагой, Ричард был большим любителем рыцарских турниров и хорошо разбирался в военном деле. Этот английский король стал героем многих баллад, в которых сложился весьма идеализированный его образ — благородного короля-рыцаря. Поэзия допускает преувеличения, и следует признать, что в жизни Ричард I был суров, а порой и жесток и по праву носил прозвище Львиное Сердце.

Узнав о смерти Генриха II, Ричард отправился в Англию, по дороге заехав в Руан и освободив мать, более десяти лет томившуюся в руанской крепости.

Этот продиктованный сыновней любовью и преданностью поступок вполне гармонирует с тем представлением, которое сложилось у наших современников под влиянием образа Ричарда, созданного Вальтером Скоттом в «Айвенго» и позднее разработанного более глубоко в романе «Талисман».

Скотт нарисовал портрет идеального монарха, пекущегося о благе своего народа, истинного английского короля. Однако, вопреки стремлению писателя к исторической достоверности, все описываемые им приключения Ричарда, инкогнито возвращающегося в Англию, чтобы восстановить в стране справедливость, — чистый вымысел. Во-первых, потому, что воспитанный во Франции Ричард, как и его отец, не говорил по-английски и, следовательно, не мог так запросто беседовать со своими подданными, как изображает это шотландский романист. Во-вторых, защита Ричардом I интересов англосаксов — не более чем красивая сказка про доброго и благородного короля-рыцаря. Впрочем, даже идеализируя черты исторического Ричарда, Скотт верно подметил харак-

Ричард I Львиное Сердце

терные для этого героя непостоянство, быструю смену настроений, от которых немало страдали и его приближенные, и подданные в целом.

Став королем, Ричард решил использовать богатство английской казны для снаряжения армии крестоносцев и вскоре после торжественной коронации в Вестминстерском аббатстве выступил в Третий крестовый поход. К нему присоединился и молодой французский король Филипп II.

С самого начала крестоносцам сопутствовали неудачи, главной причиной которых были постоянные разногласия между двумя монархами. Уже на Сицилии короли поссорились: Ричард отказался жениться на сестре Филиппа, с которой был помолвлен еще в детстве, и обручился с дочерью Наваррского короля Санчо VI, принцессой Беренгарией, которую избрала ему в жены мать, Алиеонора Аквитанская.

Завоевав в 1191 г. Кипр, Ричард отпраздновал в городе Лимассоле свою свадьбу и в сопровождении молодой королевы двинулся на восток. В том же году Ричард захватил Акру. При взятии этого города-крепости он проявил неимоверную жестокость, предав казни около 2700 взятых в плен сарацинов. Безжалостность и отвага английского короля производили огромное впечатление на мусульман.

Отдавая дань мужеству Ричарда, они в то же время боялись его. Достаточно сказать, что его именем мусульманки пугали своих непослушных детей.

После взятия Акры европейские короли окончательно рассорились, и Филипп II вернулся во Францию. Поселив королеву Беренгарию в завоеванном городе, Ричард несколько месяцев провел в Египте и Сирии, сражаясь с войсками сарацинского султана Саладина.

Ричард Львиное Сердце на Святой земле

Военные действия велись с переменным успехом, и в 1192 г. Ричард пошел на подписание мирного договора с Саладином, по которому Иерусалим оставался в руках мусульман, но султан обязывался открыть доступ в город для всех христианских паломников. 29 сентября 1192 г. Ричард отправился в обратный путь, однако на пути к его владениям короля подстерегала новая опасность.

Вернувшийся в Европу раньше Ричарда Филипп не терял времени даром. Он заключил союз против бывшего друга с английским принцем Иоанном, братом Ричарда, и германским императором Генрихом VI. Когда весть об этом и об угрозе, нависшей над французскими и английскими владениями, достигла Ричарда, он был вынужден поспешно возвращаться домой. Не желая попасть в руки врагов, он решил держать путь в Англию через Германию и Нидерланды, но почти сразу же был взят в плен австрийским рыцарем Гюнтером, доставившим его к австрийскому эрцгерцогу Леопольду, вассалу Генриха VI.

С 1192 по 1194 г. Ричард томился в каменной башне крепости Дюренштейн (ныне — Кремс) и был отпущен на свободу только после того, как верные вассалы выкупили его из плена. Все это время королева Беренгария жила в Пуату. Ричард никогда не проявлял интереса к своей супруге, а после освобождения и вовсе расстался с ней. Остаток жизни бедная женщина провела во Франции.

Вернувшись в Англию, Ричард быстро справился с мятежными баронами и предателем-братом. Долго оставаться в своем королевстве он не мог — нужно было срочно отправляться во Францию, где Филипп II вторгся в его владения. Не доверяя принцу Иоанну, Ричард оставил своим наместником в Англии Губерта Уолтера, архиепископа Кентерберийского, и прибыл во Францию, где немедленно начал войну против французского короля, не прекращавшуюся до самой смерти Львиного Сердца. Много раз опасности подстерегали короля-крестоносца, но никто не думал, что ему выпадет жребий погибнуть в пустячном военном инциденте.

Все началось с того, что во владениях виконта Лиможского Видомара был найден клад. Как вассал Ричарда, виконт послал часть сокровищ своему королю, но тот решил завладеть всем кладом. Поскольку виконт явно не намеревался отдавать оставшуюся у него половину, Ричард загнал его в замок Шалю. Во время осады замка, казавшейся легкой игрой после того, в чем ему довелось участвовать на Востоке, Ричард был легко ранен стрелой, попавшей в левое плечо. Это случилось 28 марта 1199 г. Рана казалась незначительной, но именно она стала причиной смерти короля. Возможно, стрела была отравлена, возможно, короля просто плохо лечили, и причиной смерти стало заражение крови.

Девять дней боролся со смертью могучий организм короля-воина. Хроники свидетельствуют, что перед смертью он явил миру пример истинного рыцарского великодушия, прошив своего убийцу.

С ВАЛЬТЕРОМ СКОТТОМ НА РЫЦАРСКОМ ТУРНИРЕ

Ко времени нормандского завоевания рыцарское сословие в англосаксонской Англии находилось еще в зачаточном состоянии. Рыцарские традиции были завезены в Англию норманнами и уже в XII столетии прочно укоренились на английской почве.

Начиная с XII в. рыцарский кодекс учтивости предписывал каждому, кто считал себя рыцарем, участвовать в турнирах. В более поздние времена, примерно с XIV в., рыцарские турниры уже обрели характер эффектных спортивных состязаний.

Однако и в этот цивилизованный период своей истории турниры нередко заканчивались трагедиями. О ранних турнирах можно смело сказать, что это была кровавая забава, унесшая немало жизней. До того, как рыцари начали соревноваться друг с другом в единоборстве, турнир представлял собой массовое сражение двух рыцарских отрядов, каждый из которых имел своего предводителя. Боевое искусство демонстрировали всерьез, и рыцарская утеха неизменно превращалась в кровавое побоище.

Прекрасное описание подобного турнира дано в романе В. Скотта «Айвенго» — лучшем пособии по английским нравам XII столетия. Начинался турнир с того, что несколько рыцарей, выступавших его зачинщиками, приглашали на бой всех желающих. Каждый рыцарь, захотевший принять участие в турнире, мог выбрать себе противника из числа рыцарей-зачинщиков. Для этого нужно было выехать на ристалище, где уже находились инициаторы турнира, и прикоснуться копьем к щиту намеченного соперника. При этом можно было прикоснуться к щиту либо острым, либо тупым концом копья: от этого зависел характер предстоявшего поединка. Касание острием означало желание биться насмерть, тупым — что вместо боевого копья на турнире будут сражаться копьями с плоскими деревянными наконечниками.

Судьей на турнирах обычно выступал знатный сеньор, а за соблюдением правил бдительно следили фельдмаршалы и герольды. По окончании поединков сеньор называл имя рыцаря-победителя, которому вручали какой-нибудь ценный приз — оружие, коня или что-либо в этом духе. Кроме того, счастливчику предоставляли право избрать среди присутствовавших на турнире в качестве зрительниц

знатных дам королеву любви и красоты, которая должна была увенчать победителя золотым венцом.

Вальтер Скотт восстанавливает в романе эпизоды турнира 1194 г., который известен по старинным хроникам под названием «благородные и веселые ратные игрища при Ашби».

Турнир длился три дня. В первый день рыцари-зачинщики сражались с теми, кто решился вызвать их на бой. На второй день проводился всеобщий турнир, в котором принимали участие все желающие из числа присутствовавших рыцарей. Наконец, на третий день состязались лучники. Также были предусмотрены развлечения для простого народа.

Правила проведения турнира объявлялись перед его началом герольдами, которые заканчивали их чтение возгласами: «Щедрость, щедрость, доблестные рыцари!» «В ответ на их призыв, — пишет Скотт, — со всех галерей посыпались золотые и серебряные монеты. Герольды вели летописи турниров, и рыцари не жалели денег для историков своих подвигов. В благодарность за полученные дары герольды восклицали: “Любовь к дамам! Смерть противнику! Честь великодушному! Слава храброму!”»¹. После этого герольды покидали ристалище, на котором оставались только маршалы «в полном боевом вооружении, верхом на закованных в панцири конях». Им надлежало следить за соблюдением турнирных правил. Затем на поле выезжали участники поединка. В единоборстве рыцарь должен был, в зависимости от типа боя, либо убить противника, либо выбить его из седла. При этом копыя нацеливались в шлем или в щит соперника, а переломить свое копье о корпус врага «считалось более позорным, чем просто свалиться с лошади: последнее можно было приписать случайности, тогда как первое доказывало неловкость и даже неумение обращаться со своим оружием». В качестве приза победители получали доспехи и коней побежденных, которые, впрочем, могли их выкупить.

Утром в день общего турнира маршалы и герольды составляли списки желающих принять в нем участие. «...Каждый рыцарь обязан был указать, на чьей стороне он собирался выступить. Подобная предосторожность была нужна для того, чтобы равномерно распределить сражающихся и не давать численного перевеса ни той, ни другой партии». На турнире в Ашби каждая партия состояла из пятидесяти человек.

¹ Пер. Е. Г. Бекетовой.

В отличие от первого дня, когда рыцарь-победитель избирал королеву любви и красоты, на второй день эта Прекрасная дама сидела уже не среди прочих зрителей, а на специальном троне.

«Блестящее оружие и доспехи рыцарей ослепительно сверкали на солнце; бойцы толпились по обоим концам ристалища и с жаром обсуждали расположение своих сил.

Герольды призвали к молчанию на время чтения правил турнира. Правила эти были введены для того, чтобы по возможности уменьшить опасность состязания, во время которого рыцари должны были сражаться отточенными мечами и заостренными копьями.

Бойцам воспрещалось колоть мечами, а позволено было только рубить. Им предоставлялось право пустить в ход палицу или секиру, но отнюдь не кинжал. Упавший с коня мог продолжать бой только с пешим противником. Всадникам же воспрещалось нападать на пешего. Если бы рыцарю удалось загнать противника на противоположный конец ристалища, где он сам, или его оружие, или лошадь коснулись бы внешней ограды, противник был бы обязан признать себя побежденным и предоставить своего коня и доспехи в распоряжение победителя. Рыцарь, потерпевший такое поражение, не имел права участвовать в дальнейших состязаниях. Если выбитый из седла не в состоянии был подняться сам, его оруженосец или паж имел право войти на арену и помочь своему хозяину выбраться из свалки, но в таком случае рыцарь считался побежденным и проигрывал своего коня и оружие. Бой должен был прекратиться, как только принц Джон (Иоанн. — *И. Б.*) бросит на арену свой жезл или трость. Это была мера предосторожности в случае, если состязание окажется слишком кровопролитным и долгим. Каждый рыцарь, нарушивший правила турнира или как-нибудь иначе погрешивший против законов рыцарства, подвергался лишению доспехов; вслед за тем ему на руку надевали щит, перевернутый нижним концом вверх, и сажали верхом на ограду, на всеобщее посмеяние.

После того как были объявлены эти правила, герольды в заключение призвали всех добрых рыцарей исполнить свой долг и заслужить благосклонность королевы любви и красоты. Возвестив все это, герольды стали на свои места. Тогда с обоих концов арены длинными вереницами выступили рыцари и выстроились друг против друга двойными рядами; предводитель каждой партии занял место в центре переднего ряда, после того как разместил в полном порядке всех бойцов.

Красивое и вместе с тем устрашающее зрелище представляли эти рыцари, молодцевато сидевшие на конях, в богатых доспехах, готовые устремиться в ужасный бой. Словно железные изваяния возвышались они на своих боевых седлах и с таким же нетерпением ожидали сигнала к битве, как и их резвые кони, которые звонко ржали и били копытом, выражая желание ринуться вперед.

Рыцари подняли длинные копья, на их отточенных остриях засверкало солнце, а плюмажи и выпелы заколебались над их шлемами. Так они стояли, пока маршалы проверяли ряды обеих партий, желая убедиться, что в каждой из них равное число бойцов. Счет подтвердил, что все в сборе. Тогда маршалы удалились с ристалища, и Уильям де Вивиль громовым голосом воскликнул:

— *Laissez aller!*²

Трубы затрубили, копья разом склонились и укрепились в упорах, шпоры вонзились в бока коней, передние ряды обеих партий полным галопом понеслись друг на друга и сшиблись посреди арены с такой силой, что гул был слышен за целую милю. Задние ряды с обеих сторон медленно двинулись вперед, чтобы оказать поддержку тем из своих, которые пали, либо попытать свое счастье с теми, кто победил.

Об исходе схватки сразу нельзя было ничего сказать, так как поднялось густое облако пыли. Только через минуту взволнованные зрители получили возможность увидеть, что происходит на поле битвы. Оказалось, что добрая половина рыцарей обеих партий выбита из седла. Одни упали от ловкого удара копьём, другие были смяты непомерной силой и тяжестью противника на коне; иные лежали на арене, не имея сил подняться; иные успели вскочить на ноги и вступить в рукопашный бой с теми из врагов, которых постигла та же участь; получившие тяжелые раны шарфами зажимали льющуюся кровь и пытались выбраться из толпы.

Всадники, лишившиеся копий, сломанных в яростной схватке, снова сомкнулись и, обнажив мечи, с боевыми кликами обменивались такими ударами с противниками, как будто от исхода этого боя зависела их честь и самая жизнь.

Сумятица увеличилась еще более, когда к месту схватки подошли вторые ряды, бросившиеся на помощь своим товарищам. <...> По мере того как бойцы сражались с возрастающей яростью и

² Пусть едут! (*фр.*)

с переменным успехом, волна победы перекатывалась то к южному, то к северному концу ристалища, смотря по тому, которая партия одерживала верх. Лязг оружия, возгласы сражающихся и звуки труб сливались в ужасающий шум, заглушая стоны раненых, беспомощно распростертых на арене под копытами коней. Блестящие доспехи рыцарей покрывались пылью и кровью, а удары мечей и секир оставляли на них вмятины и трещины. пышные перья, сорванные со шлемов, падали, как снежные хлопья. Вид рыцарского войска утратил воинское величие и пышность и мог внушать только ужас или сострадание.

Но такова сила привычки, что не только простонародье, всегда жадное до кровавых зрелищ, но даже знатные дамы, наполнявшие галереи, глядели, не отрываясь, на побоище с захватывающим интересом и волнением...

Герольды подбадривали рыцарей поощрительными возгласами, зрители шумно приветствовали каждое удачное действие участников турнира. «...Мало-помалу ряды сражавшихся стали редеть: одни признали себя побежденными, других прижали к ограде в конце арены, третьи лежали на земле раненые...» Исход битвы решила победа доблестного Айвенго над предводителем противников де Бугаильбера — бросив жезл на арену, принц Иоанн остановил сражение, а прекрасная королева турнира, леди Ровена, возложила почетный венец на голову победителя.

А вот как проходили состязания стрелков из лука, боровшихся за замечательный приз: рог в серебряной оправе, шелковую вышитую перевязь и медальон с изображением св. Губерта, считавшегося покровителем охоты.

«...Когда стрелки поняли, с кем им придется мериться силами, человек двадцать сразу же отказались от своего намерения, так как никому не хотелось идти на заведомый проигрыш. В те времена каждый искусный стрелок был хорошо известен во всей округе, и все состязавшиеся знали, чего они могут ждать друг от друга <...>. Однако и после этого в списке соперников значилось восемь йоменов».

«Мишень установили в верхнем конце южного проезда на ристалище, — продолжает Скотт. — Участники состязания должны были поочередно становиться на нижнем конце проезда; отсюда до мишени было достаточное расстояние для стрельбы из лука, что называлось “на ветер”. Очередь устанавливалась по жребию, каждый

стрелок должен был выпустить по три стрелы. Состязанием заведывал старшина низшего звания, носивший титул “старшины игр”, так как маршалы турнира считали для себя унижительным руководить забавами йоменов».

Победителем турнира лучников оказался Локсли, поразивший мишень в самое яблочко, а затем с расстояния ста ярдов расщепивший стрелой воткнутой в землю ивовый прутик. В меткости этого чудесного стрелка даже самым опытным лучникам видится нечто чудесное. Да и как могло быть иначе, если под именем Локсли в «Айвенго» выведен легендарный Робин Гуд!

РОБИН ГУД

Знаменитый благородный разбойник Робин Гуд — персонаж легендарный. Считается, что он жил в Шервудском лесу неподалеку от города Ноттингема в XII или XIII в. Подобно доблестному королю Артуру и рыцарям Круглого стола, Робин Гуд и его разбойники боролись с несправедливостью. Они не служили прекрасным дамам, в их жизни не было чудесных приключений, но от этого слава обитателей Шервудского леса не становилась менее громкой: люди видели в Робине Гуде надежного защитника от произвола нормандских баронов, выразителя интересов англосаксонского большинства.

Все, что нам известно о Робине Гуде, основывается на текстах старинных английских баллад. Нельзя уверенно сказать, когда они были сложены, потому что довольно долгое время баллады бытовали в устной традиции. Особенно любимым народным героем Робин Гуд был в конце XIV — XV в. Видимо, большинство баллад о нем родилось именно в этот период.

Робин Гуд был объявлен вне закона. Ни один источник не указывает, почему это произошло, какое им было совершено преступление. Мы встречаемся с героем уже тогда, когда он поселился в Шервудском лесу и окружил себя верными друзьями, среди которых особое место занимают смысленый монах Тук и богатырь Малютка Джон. Разбойники — их в шайке сто сорок человек — ведут свободный, веселый образ жизни. Они постоянно устраивают соревнования по стрельбе из лука, прерывая эту забаву для того, чтобы ограбить проезжающего неподалеку мздоимца-священнослужителя, или же, в нарушение всех

строжайших охотничьих запретов, бросаются в погоню за королевским оленем.

Любопытно, что Робин Гуд изображается верным подданным английского короля, что, однако, не мешает разбойнику игнорировать не только лесной, но и другие королевские законы. Предводитель разбойничьей шайки не испытывает ни малейшего почтения к тем, кто находится на королевской службе, а его заклятым врагом является ноттингемский шериф. Точно так же глубокая религиозность — он превыше всего почитает Пресвятую Деву Марию — не мешает ему совершать нападения на служителей церкви. В балладе «Робин Гуд и епископ Герфорд» рассказывается о том, как богатый церковник осмелился поехать через Шервудский лес и был ограблен лихими разбойниками, отнявшими у него триста золотых монет. В довершение всего Робин Гуд заставил епископа плясать под звуки охотничьих рогов, тем самым унизив его достоинство. С отнятым у богатых добром Робин Гуд всегда поступал одинаково: отдавал его беднякам. Поэтому его любили простые люди, поэтому повсюду у него были настоящие друзья.

Зная о подвигах лесных разбойников, ноттингемский шериф и его приспешники вроде сэра Гая Гисборна боялись соваться под тенистые кроны дубов Шервуда. Они предпочитали изобретать всевозможные способы выманить предводителя разбойников в Ноттингем, где схватить его было намного проще. Однажды шериф решил устроить турнир лучников, полагая, что великолепный стрелок Робин Гуд не устоит перед искушением завоевать главный приз — стрелу с наконечником из чистого золота. Поскольку всем было известно, что Робин носит зеленый плащ, коварный шериф намеревался узнать его по этой примете. Однако грозный предводитель разбойников перехитрил его, явившись в красном плаще, и, завоевав главный приз, беспрепятственно удалился в Шервуд (баллада «Робин Гуд и золотая стрела»).

Шервудский лес — настоящая зеленая крепость для Робин Гуда и его вольных стрелков. Вся жизнь Робина тесно связана с лесом: там он родился, совершал подвиги, женился, там веселился с друзьями. Даже одежду он и его люди носили зеленую, под цвет листвы. В XV в. популярность легенд о Робин Гуде возросла настолько, что легендарный шервудский разбойник и его друзья стали обязательными карнавальными фигурами, принимавшими участие в майских праздниках. В этот же период утвердился обычай встречать майский праздник в зеленом.

ИОАНН БЕЗЗЕМЕЛЬНЫЙ И ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ

В своем романе «Ричард Львиное Сердце» Морис Юлет дает блистательную сопоставительную характеристику двух братьев — Ричарда I и будущего короля Иоанна (1167–1216): «Иоанн Безземельный... был бледной копией своего брата. Кривошей, сухой, как тростник, он был ниже ростом; его голубые глаза были более светлыми и навывкате, в то время как у Ричарда они сидели глубоко. Одним словом сказать, различие было не столько в чертах, сколько в их размерах. Ричард был богатырского, но красивого, ладного сложения; у Иоанна руки были чересчур длинные, голова чересчур мала, лоб чересчур узок. У Ричарда глаза были расположены, пожалуй, слишком далеко друг от друга, у Иоанна — слишком близко. Волнуясь, Ричард ломал себе пальцы, Иоанн — кусал губы. Ричард, нагибаясь, наклонял только голову, Иоанн — и голову, и плечи. Когда Ричард в поединке горделиво поднимал голову, перед вами был лев; Иоанн напоминал загнанного волка. В минуты поражения Иоанн трусил, ворчал; Ричард тяжело дышал, раздувая ноздри. Иоанн, злясь, скалил зубы, Ричард — когда был весел... Можно бы насчитать еще тысячу различий между ними, и все таких же мелких. Но, Бог свидетель, и названных довольно.

Свойства кошачье-собачьей природы Анжуйского дома были великолепно распределены между братьями. У Ричарда было самодовольство кошки, у Иоанна — покорность собаки, у Иоанна — скрытность кошки, у Ричарда — запальчивость собаки. В душе Иоанн был вор. Он ненавидел и боялся брата».

И этому ничтожеству, прекрасно сознавая его недостатки, умирающий Ричард завещал свои земли, корону и большую часть денег из королевской казны.

Любимый сын Генриха II, Иоанн (Джон) является одной из самых мрачных фигур в династии Плантагенетов.

Размышляя о разделе земель между наследниками, Генрих II предполагал, что английская корона достанется его старшему сыну Генриху, Ричард получит Аквитанию, а Жоффруа — Бретань. Таким образом, на долю младшего сына ничего не оставалось. Даже после смерти старшего брата Ричард, ставший наследником английской короны, отказался отдавать Аквитанию Джону. Впоследствии младший сын Генриха II вполне оправдал прозвище, данное ему в юные годы, — Безземельный.

Как мы помним, Генрих II сделал Иоанна повелителем Ирландии, однако ничего хорошего из этого не вышло. Впервые отправившись в Ирландию в 1185 г., принц Иоанн посмел насмеяться над ирландскими королями и воеводами, прибывшими для того, чтобы принести ему вассальную присягу. Летопись рассказывает, что бесцеремонный принц даже осмелился подергать ирландцев за их роскошные бороды, показавшиеся ему очень забавными. За полгода, которые Иоанн провел на Изумрудном острове, он успел вызвать всеобщую ненависть коренного населения.

Иоанн Безземельный

Иоанн был склонен к предательству и изменам. В 1189 г. он примкнул к брату Ричарду, восставшему против отца. За это Ричард, став королем, одарил брата многими землями, как в Англии, так и в Нормандии, а также поспособствовал женитьбе Иоанна на Изабелле (Эвис) Глостерской. Однако все эти королевские милости не могли удовлетворить тщеславных амбиций Иоанна. Следующее предательство он совершил по отношению к своему венценосному брату. Как нам известно, отправившись в Крестовый поход, Ричард I оставил Иоанна своим наместником. Тот не оправдал доверия брата, пытаясь

в его отсутствие заручиться поддержкой английских баронов, недовольных чересчур властным королем, и завладеть короной. Ричард простил брата и даже сделал его герцогом Нормандским.

После гибели Ричарда Иоанн завладел английским престолом. Английские бароны признали его королем, но бароны Мэна, Анжу и Ту-рени судили иначе. С их точки зрения, Иоанн узурпировал не принадлежащие ему права.

Два старших брата Иоанна, Генрих и Ричард, не оставили наследников, но третий из братьев, рано умерший Жоффруа, успел жениться на Констанции Бретонской, и у них родился сын Артур. В момент смерти Ричарда I маленькому герцогу Бретонскому было всего одиннадцать лет, но по английским законам о престолонаследии именно он, а не его дядя Иоанн, должен был унаследовать корону Англии.

Честолюбивый, жестокий и властный Иоанн не мог допустить воцарения племянника. В одной из своих пьес-хроник, «Король Иоанн», Шекспир рассказал, как в 1203 г. Иоанн бросил маленького племянника в тюрьму и велел своему приверженцу Хьюберту выжечь ему глаза. Но мальчик так просил о пощаде, что Хьюберт не смог выполнить этот жестокий приказ. Впоследствии Артур был убит, явно по приказу дяди. Версий убийства принца множество, в одной из средневековых хроник даже сообщается, что Иоанн, боясь, как бы англичане не заступились за его племянника, решил лично расправиться с Артуром, привязал к его шее камень и сбросил юного герцога Бретонского в воды Сены.

Вся Англия была взбудоражена новостью о гибели Артура, однако в Бретани горе было еще сильнее. В Артуре видели возродившегося легендарного кельтского героя, и люди связывали с его именем самые смелые надежды. Расправившись с юным герцогом, король Иоанн заточил его родную сестру в один из английских монастырей. В знак протеста бретонцы избрали своими правителями второго мужа Констанции Бретонской, отчима Артура, и его дочь, сводную сестру Артура Алису, а также обратились за помощью к Филиппу II Французскому. Тот немедленно пошел войной на Иоанна, и в 1204 г., словно подтверждая свое прозвище, этот английский король лишился Нормандии, составлявшей примерно третью часть подвластной ему территории.

В следующем, 1205 г., Иоанна подстерегало новое серьезное поражение. После смерти архиепископа Кентерберийского Хьюберта папа римский назначил на этот пост Стефана Лэнгтона, но Иоанн решил

предоставить его своему фавориту Джону де Грею, епископу Нориджскому. В результате король серьезно поссорился с папой и был отлучен от церкви.

Иоанн понимал всю шаткость своего положения. Ему нужны были деньги, и он начал выбивать их из монастырей и зажиточных евреев, одновременно безжалостно обрушив свой гнев на тех, кто не одобрял его поступков. Многие вассалы Иоанна были вынуждены покинуть Англию и искать убежища от его произвола в Ирландии. Именно поэтому в 1210 г. король предпринял карательный поход в Ирландию.

В 1211 г. по вине этого нечестивого правителя вновь пролилась кровь. Желая помириться с Англией, валлийцы прислали ко двору Иоанна в качестве заложников двадцать семь юношей из самых родовитых семейств Уэльса, но они были убиты по приказу короля.

Соблюдавшие до этого условия перемирия валлийцы взбунтовались, и Иоанну пришлось идти войной теперь уже на Уэльс. Все учиненные королем жестокости, но более всего покушение на собственность монастырей, привели к тому, что папа Иннокентий III объявил его низложенным, лишенным королевских полномочий. Это означало, что все подданные Иоанна становились свободными от вассальных обязательств перед ним. В довершение всего папа отправил посольство к Филиппу II Французскому, чтобы благословить его на вторжение в Англию.

Перепуганный Иоанн был вынужден немедленно искать способы уладить конфликт с Его Святейшеством. В Дувр прибыл папский легат, и Иоанн публично признал себя покорным слугой Иннокентия III и обязался ежегодно выплачивать ему огромную денежную сумму. Ценой такого унижения Иоанн добился, чтобы папа вновь принял его в лоно католической церкви и запретил французскому королю вторгаться в Англию.

Однако Филипп II не собирался отказываться от своих завоевательских планов. Пришлось английским кораблям направиться к французским берегам и уничтожить все корабли противника до того, как враги начали готовиться к переправе через разделяющий королевства пролив. Тогда Иоанн, в свою очередь, решил напасть на Францию, но в 1214 г. потерпел сокрушительное поражение в сражении при Бувине и был вынужден заключить с Францией перемирие сроком на пять лет.

Вернувшись домой, Иоанн вновь принялся изобретать незаконные способы пополнения опустевшей государственной казны.

Возмущенные этим произволом английские бароны объявили войну королю, требуя, чтобы он подписал хартию, в которой бы законодательно утвердил права каждого сословия. Иоанн пытался было заручиться поддержкой папы, который слал письма архиепископу Кентерберийскому Стефану Лэнгтону, уговаривая его поддержать короля, старательно выплачивавшего Его Святейшеству ежегодную дань, но Лэнгтон как раз и был одним из инициаторов подписания хартии, так что послания эти не произвели на него ни малейшего впечатления.

В 1215 г. не желающие мириться с королевским произволом бароны собрались в городке Брэкли в графстве Нортгемптоншир и отправили королю письмо, в котором говорилось, что они больше не позволят нарушать свои права и не позволят королю чинить новые беззакония. Они даже угрожали свергнуть его с престола, если он не даст письменного обязательства впредь согласовывать свои действия с английскими законами. Бароны осмотрительно постарались привлечь на свою сторону как можно больше народу, причем не только знатных и именитых, но и простых людей. Например, горожане Лондона прислали в Брэкли гонцов сообщить, что они готовы выступить на стороне противников короля.

Мятежники отправили депутацию в Оксфорд, где в это время находился король Иоанн, но тот и слышать не хотел об уступках своим вассалам.

Отказ короля подтолкнул баронов на более решительные действия. Они объявили себя «воинством Господа и Его Святой Церкви», и тогда к ним со всех сторон стали стекаться бароны, рыцари и простолюдины. Говорят, что с Иоанном осталось всего семь рыцарей.

При таком раскладе сил всякое сопротивление со стороны короля было бесполезно, и он был вынужден уступить баронам. Встреча короля и баронов произошла 15 июня 1215 г. на живописном лугу Раннимид, расположенном на берегу Темзы неподалеку от Виндзора. Здесь король подписал Великую хартию вольностей («хартия» означает «грамота»).

Документ представлял собой свиток пергамента, на котором были записаны 49 статей этой своеобразной конституции. Текст написан по-латыни, так как в те времена на этом языке составлялись все важные документы. В начале XIII в. число грамотных людей в Англии было невелико, но те, кто умел читать и писать, знали и латынь.

Великая хартия вольностей не была сводом новых законов, в нее занесены только те законы страны, которые нарушались королем

Подписание Великой хартии вольностей

и которые он впредь должен был неукоснительно соблюдать. Иоанн обязывался блюсти права церкви, снять вассальную повинность с баронов, которые, в свою очередь, освобождали своих вассалов и т.д. По статье 39 хартии ни один свободный человек не мог быть брошен в тюрьму, лишен принадлежащего ему имущества, отправлен в изгнание или объявлен вне закона иначе, как по решению суда. А статья 40, например, гласила, что за малые провинности не следует подвергать виновных разорительным штрафам или заставлять их расплачиваться всем, чем они владеют. Король обязывался охранять привилегии, дарованные Лондону, а также оказывать поддержку прибывающим в страну иноземным купцам.

С тех пор при восшествии на престол каждый английский монарх дает клятву соблюдать положения Великой хартии вольностей.

Разумеется, многие ее положения за минувшие восемьсот лет безнадежно устарели, поскольку касались давно ушедших в историю феодальных отношений. Зато со временем этот документ был дополнен новыми статьями.

Вынужденный под давлением обстоятельств подписать Великую хартию вольностей, Иоанн немедленно нарушил свои обещания и развязал откровенный террор против тех, кто выступал на стороне баронов. Ситуация осложнилась тем, что папа по-прежнему поддерживал своего щедрого вассала. В 1216 г. баронам пришлось отправить депутацию к Филиппу II Французскому и предложить английскую корону его младшему сыну Людовику.

Вскоре Людовик со своей армией высадился в Сэндвиче и двинулся на Лондон. Чувствуя, как власть ускользает из рук, Иоанн метался по стране, время от времени вступая в схватки со своими врагами. Однако вскоре его постигла полная военная катастрофа: во время переправы через Уош его обоз — люди, кони, имущество — был затянут зыбучими песками. Охваченный яростью и отчаянием, Иоанн заночевал в аббатстве Суинстид. Вполне вероятно, что во время трапезы в монастыре король был отравлен — через несколько дней непрерывных страданий, 18 октября 1216 г. он умер.

ИЗГНАНИЕ ЛЮДОВИКА

Казалось бы, теперь французский принц мог беспрепятственно занять обещанный ему трон Англии. Однако еще при жизни Иоанна Безземельного бароны разуверились в своем избраннике. Людовик казался им таким же вероломным, как и Иоанн: в рядах мятежников распространился слух, будто по воцелении на престол француз намерен сурово расправиться со своими нынешними английскими союзниками — раз нарушившие королевскую присягу, они не могут вызвать его доверия, а чем опасаться государственной измены, лучше пресечь ее в зародыше. Говорили также, что будущий король намеревается отобрать земли у взбунтовавшихся против Иоанна сеньоров и раздать их французским вельможам. Это было весьма похоже на правду: в интересах Людовика было наводнить Англию своими соотечественниками, на которых он мог бы положиться в управлении чужой страной.

К тому времени, как умер Иоанн, Людовик успел укрепиться в ряде английских городов и даже сумел занять Лондон. Города

и замки сдавались один за другим, внушая французам мысль о скорой победе. Однако в Линкольне их поджидал неприятный сюрприз: город сдался на милость победителей, но хозяйка Линкольнского замка, благородная Николь де Камвиль, решила держаться до конца. На помощь героической даме пришел главный маршал Англии граф Пембрук. Французская конница не успела выехать из города, на узких улочках которого она была совершенно беспомощна. Победа англичан в битве за Линкольн оказалась весьма впечатляющей: все французы были убиты или взяты в плен, а гордые победители окрестили это сражение «Линкольнской ярмаркой». Побежденным рыцарям предложили заплатить немалый выкуп и отправили назад, во Францию.

Жена принца Людовика, Бланка Кастильская, направила на подмогу мужу 80 кораблей с подкреплением и провиантом, но в устье Темзы флотилию подстерегли англичане. И хотя в их распоряжении было вдвое меньше судов, морское сражение закончилось их впечатляющей победой: противник лишился 65 кораблей, часть из которых была потоплена, а другая — захвачена.

Эта неудача означала, что все дело Людовика проиграно. Он был вынужден подписать мир с англичанами и в 1217 г. возвратился с остатками своей армии во Францию. Война опустошила королевскую казну: деньги на обратный путь Людовику были предоставлены из городской казны Лондона.

ГЕНРИХ III, СИМОН ДЕ МОНФОР И СОЗЫВ ПАРЛАМЕНТА

Король Генрих III (1207–1272) был сыном Иоанна Безземельного и Изабеллы Ангулемской. Он вззошел на престол в 1216 г., когда ему было всего девять лет, и правил Англией на протяжении пятидесяти шести лет — это третье по продолжительности царствование в истории страны.

Большую роль в том, что маленький Генрих стал королем, сыграл главный маршал Англии граф Пембрук, ускоривший его коронацию. Церемония проводилась в Глостере, причем из-за остроты политической ситуации не было времени ни на поиски короны, ни на изготовление новой, так что пришлось довольствоваться простым золотым обручем.

Генрих III

Генрих III был слишком мал, чтобы управлять государством, поэтому реальным правителем Англии стал избранный регентом граф Пембрук. Обладая огромным авторитетом в стране, Пембрук использовал свою власть для того, чтобы исправить несправедливости, причиненные людям Англии во времена короля Иоанна. Под влиянием Пембрука были пересмотрены и некоторые жестокие законы. Например, простолыдину, посмевшему застрелить оленя в королевском лесу, больше не угрожала смертная казнь — наказанием служило лишь тюремное заключение. Годы регентства Пембрука были самым спокойным периодом жизни страны в царствование Генриха III. К сожалению, мудрый граф находился у власти совсем недолго — в 1219 г. его не стало.

Самого же Генриха III нельзя назвать благодетелем Англии. Пожалуй, единственным совершенным им добрым делом была перестройка Вестминстерского аббатства в Лондоне — большая его часть дошла до нашего времени в том виде, который оно приобрело в XIII в.

Пусть вклад самого короля Генриха III в английскую историю нельзя назвать достойным, однако в его царствование произошло важнейшее для последующей судьбы страны событие — был созван первый парламент.

В 1236 г. молодой король женился на Элеоноре Прованской. При дворе этой иностранной королевы появилось множество ее земляков. По просьбе Элеоноры Генрих щедро одаривал ее друзей и деньгами, и английскими землями. Чужеземцы становились владельцами английских замков, получали придворные должности, назначались английскими епископами и архиепископами. При этом они держались надменно и демонстрировали откровенное презрение англичанам, проявляя жестокость к простолюдинам и оскорбляя своей заносчивостью английскую знать. Легко понять, что англичане всех сословий платили чужеземцам с трудом скрываемой ненавистью. Дело доходило до того, что король публично заявлял, будто английские бароны во всем уступают французским, в то время как одно из положений Великой хартии вольностей гласило, что король должен изгонять из Англии иностранцев, чинящих ущерб стране и ее народу.

Много неприятностей пережили англичане и из-за того, что Генрих III в своих действиях во многом полагался на советы папы римского. В 1254 г. святой отец предложил ему сицилийскую корону, которую, однако, нужно было еще завоевать. Генрих возмечтал получить ее для своего младшего сына Эдмунда. Для того чтобы защитить свои притязания на корону в далекой стране, Генриху нужны были немалые деньги — он потребовал на эти цели треть годового дохода, обложив налогами и церковь, и баронов, и простолюдинов, что, естественно, вызвало недовольство и возмущение: Генрих открыто нарушал статью Великой хартии, касающуюся сбора налогов. Политическая ситуация в стране осложнилась причинами экономическими: 1256–1258 годы в Англии выдались неурожайными. Духовенство и бароны сформировали мощную оппозицию королевской власти, а во главе недовольных оказался Симон де Монфор (ок. 1208–1265).

Родившийся и выросший в Нормандии, Симон прибыл в Англию в 1230 г., претендуя на графство Лестер (он имел право на него по линии своей английской бабушки). В 1238 г. он женился на вдовствующей графине Пембрук, родной сестре Генриха III, а в 1239 г. был официально признан графом Лестера. До 1252 г. де Монфор преданно служил королю, но затем резко изменил отношение к своему зятю.

Дело в том, что граф Лестер не был похож на других иностранцев, окружавших Генриха, и искренне беспокоился за судьбу Англии.

Желая обсудить получение новых сумм с баронами, на Пасху 1258 г. король пригласил их в Оксфорд, куда они прибыли в полном военном снаряжении. Королевский совет, вошедший в историю под названием Бешеного, вынудил Генриха подписать так называемые Оксфордские провизии, в составлении которых принимал деятельное участие и Симон де Монфор. В соответствии с этим постановлением власть в стране фактически передавалась совету из пятнадцати баронов. Три раза в год для обсуждения наиболее важных дел должен был собираться парламент, составленный из двенадцати лиц, представлявших баронов, и такого же числа членов, назначенных королем. Членом парламента был избран и Симон де Монфор. Однако совет пятнадцати баронов проводил своекорыстную политику, которая не устраивала ни рыцарство, ни города.

В октябре 1259 г. собравшийся в Вестминстере парламент принял более жесткие Вестминстерские провизии, направленные против баронской олигархии. В новом постановлении говорилось, что, наряду с советниками из числа баронов, король должен иметь двух-трех советников из числа «средних людей», т. е. рыцарства. Видя произвол, творимый баронами, парламент требовал, чтобы должностные лица из числа баронов представляли в случае необходимости перед королевским судом. Предполагалось, что и шерифы графств должны не назначаться сверху, а избираться рыцарями из рыцарской же среды. И вновь во главе создателей Вестминстерских провизий оказался Симон де Монфор.

Между тем часть парламента во главе с герцогом Глостером выступила против Вестминстерских провизий в поддержку баронского совета. Генрих III не преминул воспользоваться расколом в лагере оппозиции и в 1262 г. отменил Оксфордские провизии. Это неизбежно привело к гражданской войне между королем и баронами, начавшейся в 1263 г. Баронов вновь поддержали рыцарство и горожане, а во главе антикоролевской партии оказался Симон де Монфор.

События развивались неблагоприятно для Генриха III: в апреле 1264 г. в битве при городе Льюисе (графство Сассекс) его войска были разгромлены, а сам он вместе с сыном, наследным принцем Эдуардом, попал в плен. В это сражение люди де Монфора шли с нашитыми на грудь белыми крестами, желая показать этим, что не считают христианином короля-клятвопреступника, нарушающего свое слово и притесняющего свой народ. На стороне короля в битве при Льюисе

сражались его любимчики-иностранцы, к нему подошло подкрепление из Шотландии. Сражение было долгим и ожесточенным — достаточно сказать, что на поле остались лежать 5 тыс. убитых.

Достигнув, казалось бы, победы, партия де Монфора выпустила ситуацию из-под контроля. В городах развернулась борьба против купеческой верхушки, в сельской местности — против лордов маноров, выступавших на стороне короля. Возбужденные войной низы готовились к массовым бунтам. Став фактически наиболее влиятельным лицом в государстве, де Монфор управлял им, опираясь на парламент, создав его в июне 1264 г. и в январе 1265 г. Второй из созданных им парламентов состоял не только из баронов. В него были приглашены также по два рыцаря из каждого графства и по два горожанина из многих крупных городов. Эти депутаты впервые в истории Англии были действительно избраны в парламент на местах. Так было положено начало сословно-представительному собранию Англии, утвердившемуся в конце XIII столетия³.

Тем временем наследнику престола принцу Эдуарду удалось бежать из плена. Многие бароны, недовольные усилением де Монфора, быстро перешли на сторону Эдуарда. Собрав армию, принц напал на отряд сына Симона де Монфора, шедший на соединение с основным войском. Ввиду неожиданности атаки победа досталась принцу, а молодой де Монфор был вынужден запереться в замке Кенилворт. Эдуард же немедленно двинулся навстречу армии де Монфора-старшего. Неприятели сошлись 4 августа 1265 г, близ города Ившем в графстве Вустер. Симон де Монфор сражался отчаянно, но когда узнал, что погиб его сын Генрих, горе сломило его. Он был убит в этой кровопролитной сече, и враги долго глумились над его растерзанным телом.

³ Двухпалатная структура английского парламента окончательно сложилась в течение XIV столетия. Члены нижней палаты общин избирались на собраниях графств и городских корпораций. В парламентских выборах могли участвовать только те горожане, которые являлись полноправными членами корпорации, а в сельской местности — свободные землевладельцы, годовой доход которых превышал 40 шиллингов. Члены палаты лордов, пэры Англии, назначались королем. Место в палате лордов передавалось по наследству. В дальнейшем было введено пожизненное пэрство, даровавшееся одному конкретному человеку, но не его потомкам. Парламент имел право разрешать королю сбор налогов, тем самым ограничивая его власть. Однако монарх мог и пренебречь мнением парламента и даже не созывать его, если у него имелся источник доходов, не подлежащих согласованию с парламентом.

В битве при Ившеме впервые по-настоящему раскрылся полководческий талант принца Эдуарда. Когда с мятежниками было покончено, а король Генрих III вызволен из плена, наследник престола решил отправиться в Крестовый поход и в 1267 г. покинул Англию.

ЭДУАРД I И ТИТУЛ ПРИНЦА УЭЛЬСКОГО

В 1272 г. принц Эдуард (1239–1307) находился в Палестине. Он пользовался репутацией отважного воина, и сарацины отчаянно боялись его. Эдуард взял штурмом город Назарет, затем осадил Акру и вынудил сарацинского султана подписать перемирие. Во время пребывания в Акре Эдуард чуть не погиб: наемный убийца нанес ему удар отравленным кинжалом. Мужественный воин, Эдуард одолел врага в рукопашном бою, но через полученную рану яд начал поступать в кровь. Героически повела себя в этой ситуации жена Эдуарда Элеонора Кастильская, сестра короля Кастилии Альфонсо IV. Рискуя жизнью, она припала губами к ране и отсосала из нее яд.

Известие об опасности, которой подвергся наследник престола, побудило его отца Генриха III потребовать, чтобы сын немедленно вернулся в Англию. Эдуард послушно отправился в обратный путь, а когда достиг Италии, к нему прибыл гонец с известием о смерти старого короля.

В Италии нового английского монарха ожидал самый радушный прием — ведь он был Защитником Веры, героем сражений в Святой земле. Далее путь Эдуарда лежал через Францию. В городе Шалон его пригласили принять участие в рыцарском турнире, устраиваемом в его честь графом Шалонским. Однако, когда Эдуард со своими рыцарями прибыл в указанное место, на них налетел отряд французов, по численности превосходивший англичан как минимум вдвое. Люди короля, привыкшие сражаться с сарацинами, не дрогнули и быстро рассеяли коварных противников. Сам же Эдуард I в единоборстве одержал победу над предателем-графом. Турнир оказался самым настоящим сражением и вошел в историю под названием Шалонской битвы.

Наконец в 1274 г. король достиг берегов Англии и высадился со своим войском в Дувре. Затем он отправился в Вестминстерское аббатство, где прошла торжественная коронация его и королевы. По поводу этого события в Лондоне было устроено невиданное дотоле празднество для народа. На площадях были устроены бившие крас-

ным и белым вином фонтаны, повсюду раздавали жареное и копченое мясо. Дома лондонцев были украшены свисавшими из окон дорогими шелковыми тканями, а в небе над ликующим городом плыл радостный колокольный звон.

Эдуард I

Воинственный король и талантливый полководец, Эдуард I вознамерился подчинить своей власти соседей — Уэльс и Шотландию. Еще в англосаксонские времена британские кельты были вытеснены в Корнуолл и Уэльс. Со временем англосаксы, а затем и норманны, проникли в Корнуолл, но Уэльс был надежно защищен от посягательств извне своими горами. Отчасти этим объясняется тот факт, что Уэльс в меньшей степени подвергся англизации — даже в наши дни в его самой горной, северной части на улицах небольших городов и поселков слышится преимущественно валлийская, а не английская речь⁴.

⁴ В настоящее время в Корнуолле проживает больше потомков древних бритов, чем во всей остальной Англии. Фамилии коренных жителей полуострова чаще всего начинаются с Тре-, Пол- или Пен-. Все три слова имеют кельтское происхождение и означают соответственно «деревня», «заводь» и «вершина холма».

Английские монархи до Эдуарда I не раз пытались подчинить себе Уэльс, но горы не давали им проникнуть вглубь страны. Даже тогда, когда англичанам удавалось захватить приграничные валлийские области, через некоторое время местные князья легко возвращали себе то, что было у них отвоено. Пограничные конфликты между Англией и Уэльсом участились в правление Иоанна Безземельного и Генриха III. Норманны возвели могучие замки вдоль всей границы с Уэльсом, а некоторые — и на отвоёванной у соседей территории. Со своей стороны валлийцы не упускали возможностей вторгнуться на земли Англии и разграбить близлежащие населенные пункты. При Генрихе III, когда в Англии шла затяжная война между королем и баронами, валлийцы необычайно усилились и объединились под рукой принца Лливелина, чтобы, воспользовавшись нестабильностью в государстве соседей, вернуть себе отнятое ранее англичанами.

Первые успехи окрылили валлийцев: из всех уголков Уэльса к Лливелину Великому стекались новые воины. Валлийские барды слагали в его честь песни и предрекали ему новые победы. Однако их предсказания не сбылись. Устав от бесконечных набегов валлийцев на приграничные английские города и села, Эдуард I решил покорить Уэльс. Сперва он отправил к Лливелину послов с предложением признать английского короля верховным властелином Уэльса. Так как Лливелин отказался приносить вассальную присягу, в 1275 г. английская армия вторглась в Уэльс.

Сперва удача сопутствовала валлийцам. Однако в 1282 г. англичанам удалось завладеть островом Англси, хотя тогда же они потерпели крупное поражение в горах Северного Уэльса. Затем Эдуард изменил тактику и повел наступление на менее гористый Южный Уэльс. Защищая эту часть своих владений, погиб гордый Лливелин (1282). Лишившись предводителя, валлийцы ослабили сопротивление, и в 1284 г. во всем Уэльсе, от северного Бангора до южного Пембрука, было введено английское правление. Страна была разделена на двенадцать графств, а титул принца Уэльского, который носил Лливелин Великий, перешел к новорожденному сыну Эдуарда I, принцу Эдуарду, появившемуся на свет в валлийском замке Карнарвон в 1284 г., — примечательно, что Элеонора Кастильская вновь сопровождала мужа в военном походе.

Со временем история титула принца Уэльского обросла легендарными подробностями. Предание гласит, что валлийские вельможи обратились к королю Эдуарду I с просьбой выбрать им такого нового

правителя Уэльса, который был бы рожден в Уэльсе, не говорил бы ни слова по-английски и, ко всему прочему, не имел бы на совести ни одного дурного поступка. Король в точности обещал исполнить их желание. Многие из знатных валлийцев в глубине души надеялись, что выбор падет именно на них. Каково же было их разочарование, когда, придя в назначенный срок во двор замка Карнарвон, они узнали, что король объявил их принцем своего малютку-сына, появившегося на свет в Уэльсе и ввиду своего нежного возраста в точности удовлетворявшего двум остальным требованиям, предъявленным валлийцами к кандидатуре будущего правителя!

Маленький Эдуард был первым английским принцем Уэльским. Впоследствии, став королем, он передал титул своему старшему сыну. Таким образом, английская традиция, по которой наследник или наследница престола носят титулы принца или принцессы Уэльской, восходит к событиям 1284 г.

Вскоре после победы над Уэльсом Эдуард I вступил в войну с Шотландией.

В нашем привычном представлении Англия и Шотландия — два государства, которые затем слились в одно, образовав Соединенное Королевство. Действительно, на определенном этапе истории Англия и Шотландия были самостоятельными королевствами со своими собственными монархами. Вместе с тем между этими странами не было такого естественного рубежа, каким, например, являлись горы Уэльса. Более того, южные графства Шотландии в свое время были заселены англосаксами, вытеснившими коренное население, пиктов и скоттов, в северные области острова Великобритания. После завоевания Англии норманнами многие нормандские бароны обосновались в южной Шотландии. Они зачастую одновременно являлись вассалами и шотландских, и английских королей, поскольку владели землями в обоих государствах.

Сама по себе Шотландия была раздробленной, и ее древние короли обладали слабой властью над всеми жившими в стране племенами и кланами. Английские короли задолго до Эдуарда I пытались распространить свою власть на Шотландию, и порой английские армии вторгались довольно далеко в глубь сопредельной шотландской территории. Впрочем, все эти походы, уносившие немало человеческих жизней, завершались безрезультатно: королям приходилось возвращаться домой для срочного решения насущных внутренних проблем государства.

В царствование Эдуарда I ситуация складывалась иначе. Король не воевал со своими баронами, его подданные-норманны и подданные-англосаксы научились жить в мирном соседстве. Нормандские бароны, говорившие по-французски и казавшиеся иностранцами враждебно настроенным против них англосаксам, уже успели стать настоящими английскими баронами, готовыми с оружием в руках отстаивать интересы королевства. Подданные были едины в любви к своему королю, которого тоже считали настоящим англичанином, — его даже называли первым английским королем со времен Гарольда. По внешним данным высокий, статный, золотоволосый Эдуард действительно выглядел как чистокровный англосакс. Армия уважала его за полководческий талант, за мужество, за готовность делить военные тяготы с простыми солдатами. Простолюдины видели в нем своего защитника от притеснений со стороны знати. Вся нация чувствовала, что в лице короля имеет надежного защитника. Понятно, что в королевстве было немало людей, готовых повсюду следовать за таким монархом.

Вскоре после покорения Уэльса сложилась благоприятная ситуация для завоевания Шотландии. В 1285 г. умер шотландский король Александр III — причиной смерти оказался удар, полученный им при падении с лошади. Александр был женат на сестре Эдуарда I Маргарите. У них были дети, но они умерли раньше своего отца. Поэтому шотландская корона должна была перейти другой Маргарите, внучке Александра и дочери норвежского короля Эрика. Прекрасной Норвежке, как называли маленькую принцессу, к тому времени едва исполнилось восемь лет.

Сперва Эдуард I намеревался объединить английскую и шотландскую короны мирным путем, женив своего старшего сына и наследника Эдуарда на юной шотландской королеве. Однако свадьба не состоялась, так как маленькая девочка не выдержала переезда из Норвегии в Шотландию и умерла, едва ее корабль достиг Оркнейских островов.

После смерти Прекрасной Норвежки в Шотландии началась великая смута: сразу тринадцать человек предъявили претензии на шотландский престол. Из них наибольшие права имели два барона нормандского происхождения: Джон Баллиол (ок. 1250–1313) и Роберт Брюс. Оба они имели земли не только в Шотландии, но и в Англии. Поэтому Эдуарда I и попросили рассудить, кто из двух претендентов должен возложить на себя шотландскую корону. В 1292 г. Эдуард вынес решение в пользу Джона Баллиола. Поскольку Баллиол стал ко-

ролем исключительно благодаря его поддержке, Эдуард полагал, что вправе рассчитывать на признательность и уступки со стороны своего протеже. Баллиол действительно понимал, что получил корону из рук Эдуарда, и был готов признать себя его вассалом. О том, до какой степени английский король был уверен в успехе своей затеи, свидетельствует тот факт, что он велел распилить на четыре части государственную печать Шотландии и передал ее на хранение в свою казну.

Однако шотландцы придерживались иного мнения, чем их король, и вовсе не хотели идти под власть англичанина. Под давлением народа Джон Баллиол стал демонстрировать независимость: например, прекратил поездки в Англию, во время которых давал отчеты о своих действиях Эдуарду как своему признанному сюзерену. Разгневанный Эдуард решил идти войной на непокорную Шотландию и в 1296 г. выступил в новый военный поход. Он сразу овладел шотландской крепостью Бервик на реке Твид. При штурме этой твердыни погибли тысячи ее защитников. С этого момента Бервик отошел к Англии и был закреплен за ней навсегда.

Военная удача сопутствовала Эдуарду I и впредь. Англичане овладели Скунским аббатством, где по традиции проходили коронации шотландских монархов. Во время коронации король сидел на знаменитом Камне Скуна. По приказанию Эдуарда эта национальная шотландская святыня была вывезена в Англию и размещена под сидением коронационного трона английских королей, венчавшихся на царство в Вестминстерском аббатстве. Коронационный трон, сделанный по приказанию Эдуарда I, и сейчас находится в Вестминстерском аббатстве в часовне Св. Эдуарда. Эта историческая реликвия участвовала во всех последующих коронациях. Были перевезены в Англию и шотландские королевские регалии — корона и скипетр. Взятых в плен короля Джона Баллиола отправили в лондонский Тауэр. После трехлетнего заключения ему позволили уехать в принадлежавшие ему поместья в Нормандии, где и прошли последние годы его жизни. События 1296 г. утвердили короля Эдуарда во мнении, что с независимостью Шотландии покончено раз и навсегда. На следующий год он уже начал войну с Францией.

Поводом к войне послужила нелепая матросская драка: экипажи английского и нормандского кораблей затеяли рукопашную, не договорившись, кому первым заливать бочки пресной водой. Один из нормандцев был убит. В отместку нормандцы напали на английское

Уоллес на пути в Вестминстер

торговое судно и вздернули на рее его хозяина. События развивались стремительно, по принципу «око за око». Голландские и ирландские моряки поддержали англичан, французские и генуэзские — нормандцев. Вскоре на морях и в портовых городах началась настоящая морская война. Когда восемьдесят английских кораблей атаковали нормандскую флотилию и практически уничтожили ее, возмущенный французский король Филипп IV потребовал, чтобы Эдуард I, который был не только английским монархом, но и вассалом французской короны, явился в Париж и ответил за злодеяния своих подданных.

Эдуард послал к Филиппу своего брата Эдмунда. Однако Эдмунд, женатый на матери французской королевы, не слишком рьяно отстаивал интересы брата и допустил грубую политическую ошибку: для того чтобы умиротворить Филиппа, он именем своего брата согласился символически передать Франции Гиень.

Когда же Филипп вознамерился навсегда удержать Гиень за собой, Эдуард I сложил с себя вассальные обязанности по отношению к французской короне и высадился во Франции с отборным войском.

Однако ввиду осложнения положения в Шотландии он пошел на заключение перемирия с Филиппом сроком на два года, а тем временем вмешавшемуся в конфликт христианских государей папе удалось примирить враждующие стороны. Поскольку Эдуард I был уже вдов (его верная королева Элеонора умерла в 1290 г.), союз Англии и Франции в 1299 г. был скреплен женитьбой английского короля на сестре Филиппа IV Маргарите.

Шотландия в конце XIII в. быстро менялась. Перед лицом национальной трагедии шотландцы забыли о своих спорах и начали объединяться в борьбе против общего врага. Национальным лидером Шотландии в это тяжелое время стал отважный Уильям Уоллес (1270–1305). Под его командованием в 1297 г. шотландцы одержали победу над англичанами в сражении при Стерлингском мосту через реку Форт. Между тем даже отвага и ум Уоллеса не могли предотвратить новых поражений шотландцев. В 1298 г. Эдуард I разбил их армию в сражении при Фолкерке. Однако и это не сломило вольнолюбия шотландцев. По всей стране вспыхивали бунты, которые неизменно подавлялись с помощью военной силы. Тяжелый удар был нанесен шотландским патриотам в 1305 г.: неизвестные предатели выдали англичанам мужественного Уоллеса. Он предстал перед судом в Вестминстере, по приговору которого подвергся варварской казни.

В начале XVI в. у шотландцев появился еще один вождь — молодой Роберт Брюс (1274–1329), внук того Роберта, который одновременно с Джоном Баллиолом претендовал на шотландский престол. На борьбу с англичанами поднялся и племянник Баллиола Джон Комин. Брюс и Комин сражались против общего врага, но отношения между ними были крайне натянутые, поскольку каждый из них видел себя будущим правителем Шотландии. В 1306 г. Брюсу донесли, что Комин собирается выдать его англичанам. Вскоре к нему попали документы, подтверждавшие предательские намерения Комина. Брюс отомстил ему — Комин погиб от его руки.

В том же году приверженцы Брюса провозгласили его королем Шотландии Робертом I и короновали в Скунском аббатстве.

Эдуард I был взбешен. Состарившийся король и Эдуард, принц Уэльский, начали готовиться к новому военному походу в Шотландию. Король прилюдно поклялся покарать Брюса и на случай своей смерти приказал сыну не хоронить его останки до тех пор, пока обет не будет исполнен. Несмотря на старческую слабость и недомогания,

Эдуард I лично распоряжался всеми военными действиями. Под натиском англичан Роберт Брюс бежал в Ирландию, однако весной 1307 г. вернулся в Шотландию и стал одерживать одну победу за другой. Известия об этом в буквальном смысле убили короля Эдуарда I. Умирая в маленькой деревушке Боро-он-Сэндс, он просил напомнить сыну о необходимости выполнить отцовский завет и покорить наконец Шотландию.

НОВОВВЕДЕНИЯ ЭДУАРДА I

Эдуард I был не только великим полководцем, но и выдающимся государственным деятелем, заметно укрепившим королевскую власть, ослабевшую в годы баронской смуты при его отце. Король повел серьезное наступление на баронские привилегии. В частности, он принудил всех владельцев поместий заявить, на каком основании они пользуются своими привилегиями. И единственным правовым основанием признавалось пожалование короля, которое нужно было подтверждать соответствующей грамотой.

В 1275 г. был обнародован Первый вестминстерский статут. Это уложение регулировало судопроизводство, взаимоотношения короля и баронов; в частности, запрещалось распространять слухи о разногласиях между королем и знатью, о недовольстве народа королем. Десятилетие спустя, в 1285 г., был обнародован Второй вестминстерский статут. В нем говорилось об усилении роли королевских судов, защищались интересы рыцарства и свободного крестьянства. Третий вестминстерский статут 1290 г. регулировал процесс продажи земельной собственности. Любой свободный человек получал право продавать свою землю полностью или частично при условии, что новый владелец будет держать ее от прежнего сеньора и нести за это те же службы и повинности, что и прежний хозяин.

Из других важных законов Эдуарда I следует отметить статут «О церковниках» (1279), которым король попытался приостановить отчуждение земли церковью, становившейся крупнейшим феодалом в стране. Такая мера была необходима Эдуарду, поскольку церковные земли не облагались повинностями в пользу короля.

В ноябре 1295 г. король созвал парламент, который в XIX в. получил название «Образцового». «Образцовый парламент» был гораздо представительнее всех предыдущих. В нем заседали семеро графов, на долю

баронов, епископов и архиепископов приходилось сорок одно место, очень широко было представлено духовенство более низких рангов. От каждого графства присутствовали по два рыцаря, а большие и малые города прислали также по два своих депутата. «Образцовый парламент» фактически узаконил нововведения Симона де Монфора.

РОДЖЕР БЭКОН

Одним из самых выдающихся англичан XIII в. можно назвать Роджера Бэкона (1214–1294). Этот францисканский монах был замечательным ученым. Он преподавал в Оксфордском и Парижском университетах, изучал алхимию, языки. Наиболее известны его философские идеи, а также многочисленные изобретения.

Бэкон видел ограниченность средневековой схоластики и открыто заявлял, что познанию истины мешают четыре вещи: преклонение перед ложным авторитетом, укоренившаяся привычка к старому, мнения невежд и гордыня мнимой мудрости.

Средневековые схоласты полагали, что знание не может развиваться, поскольку все уже исчерпано Священным Писанием и трудами античных философов и ученых. Бэкон утверждал, что наука и техника должны идти вперед, а главной целью науки он считал постижение тайн природы.

Смелость философских и естественнонаучных взглядов Бэкона, сочетавшаяся с критикой духовенства, сделала его объектом преследований со стороны руководства францисканского ордена. Его обвинили в ереси и подвергли четырнадцатилетнему тюремному заключению. Из темницы Бэкон вышел уже глубоким стариком.

Занимаясь алхимией, Бэкон стремился не столько к получению философского камня, якобы позволяющего превращать в золото простые металлы, сколько к реальным практическим результатам: очистке и добыче металлов, изготовлению красителей и т. п. Одним из первых в Европе Бэкон взялся за изучение возможности применения пороха⁵. Однако наиболее впечатляющими были оптические опыты Бэкона. Он предугадал принцип действия очков, микроскопа и телескопа, а также создал «волшебный фонарь», прадедушку современных кинопроекторных установок.

⁵ Англичане впервые применили порох в битве при Креси (1346 г.).

ЭДУАРД II: ПРИРОДА ОТДЫХАЕТ НА ДЕТЯХ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

Как нам уже известно, Эдуард I завещал сыну довершить начатое им завоевание Шотландии. Однако умирающий король дал ему и еще один важный наказ: никогда не возвращать в Англию некоего Пирса Гавестона. Этот гасконский дворянин, появившись при английском дворе, завоевал сердце молодого принца Уэльского, полностью попавшего под влияние развращенного француза. Обеспокоенный Эдуард I был вынужден изгнать гасконского проходимца из своего королевства.

Эдуард II

Взойдя на престол, Эдуард II начал с того, что нарушил оба отцовских завета: прекратив войну, вернулся в Лондон и немедленно призвал ко двору Гавестона. Милости посыпались на красивого гасконца как из рога изобилия. Королевский фаворит вызывал не только зависть, но и с трудом скрываемую ненависть других придворных. Между тем его влияние возрастало день ото дня. В 1307 г. он получил титул графа Корнуолльского, а когда немного позднее Эдуард отправился во Францию, чтобы жениться на очаровательной французской

принцессе Изабелле, дочери Филиппа IV, он оставил Гавестона своим наместником. Новоявленный граф Корнуолльский совсем распоясался. Дошло до того, что он бросал оскорбления прямо в лицо знатнейшим людям Англии.

Бароны втайне надеялись, что молодая жена отвлечет внимание короля от презренного фаворита, но тщетно: прекрасная королева Изабелла перестала интересоваться Эдуардом сразу после бракосочетания, и, вернувшись домой в 1308 г., он вновь стал неразлучен с Гавестоном. Когда же во время коронации Эдуарда II честь нести корону, которой добивались самые благородные люди королевства, досталась фавориту, терпение баронов лопнуло. Понимая, что положение серьезно, король сделал вид, что согласен выслать любимца из Англии. Бароны немного успокоились, но тут же заволновались вновь: Гавестон действительно покинул Англию, но при этом Эдуард назначил его правителем Ирландии. Впрочем, всего через год Гавестон вновь появился в Лондоне. Тогда бароны, входившие в парламент, отказались приезжать на назначенное королем заседание, если на нем будет присутствовать ненавистный фаворит. Конфликт между королем и баронами грозил приобрести опасные формы. В 1312 г. враги Гавестона поняли, что полюбовное разрешение проблемы невозможно. Вскоре они восстали против короля и его фаворита, и через некоторое время Гавестон оказался в руках мятежных баронов.

Когда-то Гавестон посмел оскорбить благородного графа Уорика. Граф не забыл своего позора и поклялся отомстить гасконскому выскочке. Гавестона судили именно в родовом замке Уорика и там приговорили к смерти.

Узнав о казни любимца, король объявил войну своим баронам. Вновь англичане оказались втянутыми в братоубийственную распрю. Все это было как нельзя более на руку шотландцам. Малочисленные английские гарнизоны были бессильны против могучей армии Роберта Брюса. Англичане сдавали один шотландский город за другим, пока наконец у них не осталась единственная крепость Стерлинг, последний английский оплот в Шотландии. Комендант крепости Филипп Моубрей отправил гонца к королю Эдуарду II, сообщая, что если подкрепление не прибудет к дню летнего солнцестояния, то ему придется сдать Стерлинг шотландцам.

Тут до Эдуарда дошло, что необходимо предпринять какие-то шаги, чтобы удержать крепость и не покрыть свое имя вечным

позором. Война с Шотландией примирила короля с баронами, и они с готовностью встали под королевские знамена, чтобы вернуть себе отбитые шотландцами земли. Огромное войско двинулось в сторону Стерлинга, но прежде, чем подойти к этому замку, англичанам, вторгшимся в Шотландию, пришлось сразиться с войском Роберта Брюса (т.е. шотландского короля Роберта I). Армия англичан состояла из 100 тыс. человек, из которых 3 тыс. составляли закованные в броню рыцари. Шотландцев было только 40 тыс., но во главе их армии стояли три опытных военачальника — Роберт Брюс, Джеймс Дуглас и племянник Брюса Рэндольф, а их подчиненные были настроены сражаться до конца.

Армии сошлись близ шотландской деревушки Баннокберн. Накануне великого сражения один из английских рыцарей, Генри де Богун, попытался убить шотландского короля, полагая, что тем самым сможет предотвратить грядущее кровопролитие. Де Богун, подкарауливший Брюса, прищипил коня и понесся на него, выставив вперед копье. Брюс спокойно подпустил врага и в самый последний момент заставил своего коня отпрянуть в сторону. У англичанина не осталось времени для маневра, в то время как конь продолжал нести его вперед. Как только де Богун оказался рядом, Брюс воспользовался единственным имевшимся у него оружием — секирой. Страшный удар обрушился на голову английского рыцаря, он замертво рухнул на землю. Шотландцы сочли этот драматический эпизод добрым предзнаменованием, но военачальники укоряли Брюса за то, что он понапрасну подвергает себя опасностям, совершая рискованные прогулки. По преданию, Брюс молча выслушал упреки, рассматривая свою поврежденную о броню де Богунa секиру, а затем промолвил: «Славный был топорик»⁶.

Великая битва началась утром 24 июня 1314 г. Английские лучники осыпали противника тучами стрел, однако шотландская конница, неоднократно врезаясь в ряды англичан, разметала метких стрелков. В атаку пошла английская кавалерия, но ее поджидал неприятный сюрприз: готовясь к сражению, Брюс приказал вырыть на поле множество ям, утыкать их края острыми железными шипами и слегка прикрыть хворостом и дерном. Когда закованные в броню английские кони, несшие на себе всадников в тяжелых рыцарских доспехах, наступали на шипы, они падали от страшной боли, сбра-

⁶ Этот эпизод описан Вальтером Скоттом в «Рассказах дедушки».

сывая своих седоков прямо в подготовленные ямы-западни. Шотландские воины наваливались на уцелевших врагов и добивали их без всякой пощады. Англичане дрогнули и обратились в бегство. Бежал с поля боя и сам король Эдуард II, которому пришлось без остановки проехать около шестидесяти миль, чтобы спасти свою жизнь.

В битве при Баннокберне англичане понесли страшные потери: погибло около 30 тыс. человек. Кроме того, весь обоз великой армии достался победителям-шотландцам. Шотландия вновь стала независимым королевством и больше никогда не склонилась ни перед одним иноземным монархом.

Вслед за этим военным поражением Англию ожидало новое унижение: Роберт I Брюс отправил в Ирландию своего брата Эдуарда, который в 1316 г. был коронован королем этой страны. Впрочем, всего два года спустя Эдуард Брюс был убит.

Поражение при Баннокберне еще больше подорвало и без того слабый авторитет Эдуарда II. Власть в стране фактически оказалась сосредоточенной в руках у противника короля — его дяди Томаса, графа Ланкастерского (ок. 1278–1322). Однако многие бароны и представители духовенства считали, что подобный раскол в стране недопустим. Благодаря этой «средней партии» к 1318 г. королю вновь удалось вернуть себе бразды правления, и лишь появление у Эдуарда новых фаворитов — Хью Диспенсера и его сына — лишило короля поддержки «средних».

Диспенсеры помогли Эдуарду избавиться от опеки баронов. В 1322 г. король разгромил войско Томаса Ланкастерского, захватил своего дядю в плен и отправил его на эшафот. Вслед за этим англичане попытались вторгнуться в Шотландию, но в 1323 г. Эдуард был вынужден подписать перемирие с Робертом I, еще раз продемонстрировавшим свою военную мощь.

Новые фавориты короля зарвались окончательно. Не снеся унижений, королева Изабелла решила разделаться с Диспенсерами, а заодно и отстранить от власти ненавистного супруга. Уехав в 1325 г. во Францию к своему брату-королю, английская королева сказалась больной и потребовала, чтобы к ней прислали двенадцатилетнего сына, наследного принца Эдуарда. Во Франции Изабелла сблизилась с заклятым врагом своего венценосного супруга Роджером Мортимером, вынужденным бежать из Англии и искать пристанища при французском дворе.

Эдуард II неоднократно приказывал жене вернуться в Англию, но королева писала ему смелые письма, заявляя, что не вернется, поскольку не чувствует себя в безопасности при дворе мужа, где распоряжаются Диспенсеры.

По совету брата и Мортимера, ставшего ее любовником, Изабелла решила собрать собственное войско, состоявшее из 2 тыс. французов и примкнувших к ним изгнанников из Англии. Во главе этой маленькой армии королева и Мортимер в 1326 г. высадились в Оруэлле (графство Саффолк), где к ним тотчас же присоединились отряды родных братьев английского короля, графов Кентского и Норфолкского, а также других влиятельных баронов. Посланное навстречу Изабелле королевское войско немедленно перешло на ее сторону. Эдуард II находился в полной растерянности.

Слухи о триумфальном продвижении королевы к столице достигли Лондона, горожане которого немедленно выступили против Эдуарда. Они открыли ворота Тауэра и выпустили на свободу всех королевских узников. Повсюду раздавались здравицы в честь смелой королевы.

Эдуард II и оба Диспенсера бежали в Бристоль, однако отряды Изабеллы преследовали их по пятам. Желая выиграть время, король с младшим Диспенсером, главным своим любимцем, направился в Уэльс, оставив в Бристоле старшего фаворита, который сдал город на третий день осады. Негодующие победители немедленно схватили Диспенсера и предали его мучительной казни. Вскоре был пойман и младший Диспенсер, разделивший страшную участь отца. Прошло немного времени, и сам король, отчаявшийся найти хоть какую-то поддержку в собственной стране, был вынужден сдаться на милость победителей. Его заточили в замке Кенилворт, затем переводили из крепости в крепость, пока наконец не перевезли в замок Беркли в графстве Глостершир, где он и умер.

Скорее всего, король был умерщвлен своими тюремщиками. Говорили, что в ночь на 21 сентября 1327 г. горожане слышали доносившиеся из замка дикие вопли. Утром короля нашли мертвым, но на теле не было признаков физического насилия. Так родился слух о том, что тюремщики выжгли ему внутренности каленым железным прутом с костяной насадкой, позволившей избежать внешних ожогов. Наиболее подробно эта версия изложена французским романистом Морисом Дрюоном. Король был погребен в Глостерском соборе, не удостоившись захоронения в Вестминстерском аббатстве.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ КОРОЛЯ ЭДУАРДА III: АНГЛИЯ НА ПОРОГЕ СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Эдуарду III было четырнадцать лет, когда он стал королем. Он был достаточно взрослым, чтобы в 1328 г. жениться, но слишком юным, чтобы править страной. По крайней мере, так считали его мать и Мортимер, ставшие регентами при молодом короле.

Народ, восторженно встречавший королеву, когда она вернулась из Франции и начала борьбу с Диспенсерами, резко изменил отношение к ней, когда в руках у нее и ее любовника оказалась сосредоточена вся государственная власть. Надменность Мортимера возрастала пропорционально усилению его влияния на политику страны. Вскоре многие бароны начали завидовать выскочке и ненавидеть его. Мортимера обвиняли во всевозможных существующих и несуществующих грехах. Многие были недовольны тем, что лорд-регент отказался от войны с Шотландией и заключил мир с королем Робертом, скрепив этот союз браком семилетней сестры Эдуарда III Джоан с пятилетним шотландским престолонаследником принцем Давидом. Бароны даже попробовали восстать против Мортимера, но им пришлось пойти на попятную.

Среди противников регента немалую роль играл граф Эдмунд Кентский, брат Эдуарда II. Близость его к престолу внушала тревогу Мортимеру, который нашел способ избавиться от опасного соперника, обвинив его в государственной измене. Графу внушили, что его брат жив. Эдмунд даже получал подложные письма, якобы написанные Эдуардом II. В них говорилось, что король передает права на английский престол не сыну, оказавшемуся в рядах его врагов, но брату, графу Кентскому. Именно эти подметные послания и послужили уликой против Эдмунда. Его обвинили в заговоре против молодого короля и казнили.

Взрослея, Эдуард III стал тяготиться мелочной опекой со стороны матери и Мортимера, которые были намерены не допустить его к управлению страной. Да и все чаще король задумывался о том, что Мортимер — главный виновник смерти его отца. Эдуард решил избавиться от регента и санкционировал его арест. Октябрьской ночью 1330 г. вооруженный отряд, возглавляемый самим молодым королем, прибыл в Ноттингемский замок, где находились Изабелла и Мортимер, и арестовал регента прямо в покоях королевы. Никакие мольбы матери не могли остановить Эдуарда, решившего навсегда разделаться

Эдуард III

с тем, кто когда-то казался его другом, а теперь грозил превратиться в опаснейшего врага.

Вскоре в Ноттингеме собрался парламент, признавший справедливый выдвинутое против Мортимера обвинение в том, что он старался посеять раздор между королем и королевой-матерью. Блистательный Мортимер окончил свой жизненный путь на виселице.

Тем временем в Шотландии разворачивались бурные политические события. Английские землевладельцы, имевшие поместья в Шотландии, были крайне недовольны заключенным между Англией и Шотландией миром, лишившим их защиты английской короны. Они стремились начать новую войну с Шотландией. Обстановка для этого складывалась благоприятная: в 1329 г. умер старый вояка Роберт I Брюс, а его наследник Давид II (1324–1371) был еще совсем несмышленышем. В этой ситуации сын Джона Баллиола Эдуард (ок. 1283–1364), как и его покойный отец, настроенный проанглийски, воспользовался поддержкой английских баронов и в 1332 г., одержав победу над армией Давида II в битве при Дашплин-Муре, был провозглашен и коронован шотландским королем. Правда, всего через три месяца шотландцы, возмущенные намерением Баллиола принести

вассальную присягу Эдуарду III Английскому, заставили короля отречься от престола. Однако уже в 1333 г. английский монарх вернул низложенному Баллиолу шотландскую корону. За эту поддержку вернувшийся к власти Баллиол уступил своему английскому покровителю-тезке значительную часть южной Шотландии.

Трудно сказать, как развернулись бы события в Шотландии, если бы не начавшаяся война между Англией и Францией, продлившаяся более века и названная впоследствии Столетней, — именно она отвлекла внимание и силы англичан от Шотландии.

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА (1337–1453): ФАЗА ПЕРВАЯ

Англия давно потеряла Нормандию, но продолжала владеть Гиенью. Франция была заинтересована в том, чтобы завладеть этой юго-западной провинцией, в то время как Англия стремилась не только сохранить Гиень, но и вернуть себе те области, которые с XII в. являлись владениями английских королей, — Нормандию, Пуату, Овернь, Анжу и Турень.

В 1328 г. умер последний французский король из династии Капетингов, что дало возможность Эдуарду III Английскому выдвинуть претензии на корону Франции: он принадлежал к угасшей династии по материнской линии. Франция этих претензий не признала, избрав своим королем Филиппа VI Валуа. Хорошо подготовившись к войне, Эдуард III начал военные действия против Франции.

Армия Эдуарда состояла в основном из наемников, набранных из числа английских свободных крестьян, йоменов, с молодых ногтей бывших отменными лучниками. Стрельба из лука стала национальным видом спорта. Понимая, что времена настали сложные, англичане практиковались в этом боевом искусстве. Буквально в каждой деревне на общинной земле была отведена лужайка, где молодежь училась меткой стрельбе по цели под руководством бывалых воинов.

Первоначально Эдуард III предполагал пройти маршем во Фландрию, где надеялся обрести союзников, поскольку Франция постоянно грозила подчинить себе эту страну.

Ситуация во Фландрии складывалась непростая. Там шла настоящая экономическая война между ткачами и торговцами знаменитыми шерстяными тканями. В этих условиях против купцов выступил сам

граф Фландрский. Однако купцы захватили власть в главном городе Фландрии — Генте. Граф Фландрский обещал, что если Эдуард III окажет ему эффективную помощь, то он станет вассалом Англии и поддержит ее короля в борьбе за французский престол. Перспектива политического объединения Англии и Фландрии казалась весьма соблазнительной. Кроме того, Фландрия могла бы служить идеальной военной базой для последующей борьбы с Францией. Богатая Фландрия дала Эдуарду деньги, которые позволили ему привлечь на свою сторону императора Священной Римской империи и ряд немецких владетельных князей.

На первом этапе войны сказывалось численное превосходство французской армии, которая сдерживала продвижение англичан по северной Франции, но очень скоро французы потерпели ряд серьезных поражений.

24 июня 1340 г. состоялась главная в ходе всей Столетней войны битва на море — Слейское морское сражение⁷. Французский флот пытался воспрепятствовать высадке англичан во Фландрии, но был разгромлен совместными усилиями союзников. Это была первая в истории громкая морская победа, одержанная англичанами. Однако Эдуарду III не удалось тотчас же закрепить достигнутый успех на суше.

Следующую победу англичане одержали в битве при Креси 26 августа 1346 г. Успех был тем внушительнее, что английская армия по численности значительно уступала французской. У англичан было 4 тыс. конных рыцарей, около 10 тыс. пехотинцев и от 11 до 18 тыс. лучников. Войско Филиппа VI состояло из 10–12 тыс. рыцарей, 6 тыс. наемников и от 20 до 50 тыс. французских воинов, сражавшихся в пешем строю.

Подойдя к полю боя, французы с ходу набросились на англичан. Однако атака захлебнулась, поскольку на пехотинцев и рыцарскую конницу обрушился град стрел, выпущенных английскими лучниками. Вооруженные арбалетами французы также пытались вести обстрел английских позиций, но на одну французскую стрелу приходилось шесть английских, которые к тому же поражали врага на

⁷ Слейс — старинный портовый город неподалеку от устья реки Западная Шельда. Вход в реку был блокирован 140 французскими кораблями. Поскольку французы отказались выходить на сражение в открытое море, английский флот в составе 230 кораблей атаковал неприятеля в бухте. Почти все французские корабли были потоплены или взяты в плен.

большем расстоянии (130–150 м)⁸. Довольно долго англичанам удавалось не подпускать противника к себе, однако, когда французы все же вплотную приблизились к линии обороны, лучники отступили назад, предоставив действовать рыцарской коннице и пехоте. Завязалась кровавая сеча.

Одним флангом английской армии командовал сам Эдуард III, другим — шестнадцатилетний принц Уэльский, тоже Эдуард (1330–1376), которому помогали опытные воины графы Оксфорд и Уорик. В разгар битвы отряду принца пришлось так тяжело, что граф Уорик, боясь за жизнь наследника престола, направил гонца к королю, прося у него подкрепления. Легенда гласит, что король обратился к посланцу с вопросом: «Неужто мой сын убит, сброшен с лошади или так тяжело ранен, что не может постоять за себя?» Получив отрицательный ответ, король велел гонцу возвращаться назад и передать Уорик, чтобы тот не ждал помощи и предоставил молодому принцу возможность снискать себе воинскую славу. Принц оказался на высоте, достойно приняв боевое крещение, но подлинными героями дня стали английские лучники, благодаря которым удалось ликвидировать численный перевес французов.

При Креси англичане одержали великую победу⁹. Филипп Французский позорно бежал с поля боя. На следующий день, когда принялись считать потери, выяснилось, что погибло около 30 тыс. французов, из них 1200 рыцарей. Геройской смертью пал и богемский король, воевавший на стороне Филиппа VI. Это был уже очень пожилой, ослепший от старости рыцарь. Когда ему сообщили, что его сын получил серьезное ранение, а войско пало духом при виде мужества, с каким сражаются англичане, старик приказал посадить его на коня и лично повел своих людей в атаку. Слепой герой был убит. Когда принц Уэльский узнал об этом примере мужества и героизма, он решил взять себе девиз старого богемца: «Ich diene!» — «Я служу!» Шлем погибшего украшал султан из трех страусовых перьев. Принц Эдуард взял этот шлем на память, и с тех пор три страусовых пера стали личной эмблемой наследников английского престола.

⁸ Один из генуэзских арбалетчиков, воевавших на стороне Франции, писал, что стрелы англичан летели такой плотной массой, что казалось, будто идет снег.

⁹ С битвы при Креси начинается военная слава принца Эдуарда. Поскольку он любил сражаться в черных доспехах, за ним закрепилось прозвище Черный Принц.

Эдуард, Черный Принц

Окрыленные победой, английские войска двинулись маршем к портовому городу Кале и пять дней спустя осадили его. Осада продолжалась около года, после чего гарнизон крепости сдался, и Кале перешел к англичанам. Над крепостью взвился английский флаг, свидетельствовавший о том, что защитники Кале признают себя побежденными, и к Эдуарду III прибыла депутация граждан этого города, чтобы обсудить церемонию передачи англичанам ключей от его ворот. Эдуард распорядился, чтобы ключи были доставлены ему наиболее достойными из горожан. Когда шесть представителей прибыли в ставку короля, тот принял ключи и отдал приказ казнить посланцев Кале за то, что город так долго не желал признать власть Эдуарда. Спасла этих людей королева Филиппа, сопровождавшая в военном походе супруга. Она бросилась на колени перед Эдуардом и попросила даровать ей жизнь осужденных. Король не мог отказать жене, а граждане Кале навсегда запомнили заступничество благородной женщины.

После этого нового поражения французы были вынуждены просить о перемирии, которое продлилось семь лет. Потеря французами Кале отдала в руки англичан одну из богатейших французских провинций — Нормандию.

Одновременно с войной во Франции Эдуарду III пришлось вести боевые действия и в Шотландии. В 1341 г. в страну вернулся находившийся в изгнании Давид Брюс. Он попробовал вторгнуться в английские пределы, но потерпел поражение и в победном для англичан 1346 г. был захвачен в плен, где оставался вплоть до 1357 г., когда его отпустили под обещание огромного выкупа. Деньги были необходимы Англии для ведения войны на континенте. Впрочем, они так никогда и не были уплачены.

В 1355 г. военные действия во Франции возобновились. 19 сентября 1356 г. близ города Пуатье на западе Франции произошло крупное

Черный Принц в битве при Креси

сражение, самое масштабное за всю историю Столетней войны, в котором армия Черного Принца полностью разгромила французское рыцарское ополчение. В битве вновь отличились английские лучники, стрелы которых пробивали даже броню доспехов. Среди взятых в плен французов оказался сам король Иоанн II¹⁰, который был вынужден подписать договор, предусматривавший переход доброй половины Франции — всей ее территории к югу от Луары — к Англии. Английские войска принялись с азартом грабить покоренных французов; в Англию увозили все, что привлекало глаз, — драгоценности и одежду, мебель, домашнюю утварь и т. д.

Грабежи, а также возросшие налоги, которыми облагалось население в связи с ведением войны послужили основной причиной Парижского восстания 1357–1358 годов и Жакерии¹¹ — крестьянской войны, охватившей Пикардию, Иль-де-Франс и другие области Франции. В это тяжелое время, когда Иоанн II Добрый находился в плену¹², правителем Франции стал дофин Карл. Созванные им Генеральные штаты опротестовали мирный договор, подписанный пленным королем, и потребовали возобновления военных действий для освобождения отданных англичанам территорий.

Английская сторона согласилась пересмотреть условия мирного договора и пошла на значительные уступки. По новому мирному договору, подписанному в 1360 г. в Бретињи, Англия получила Кале, Аженуа, Перигё, Лимузен, Ангулем, Сентонж, Пуату и некоторые другие области. Кроме того, Франция обязывалась выплатить Англии выкуп за своего короля — около 3 млн экю. Эта сумма должна была выплачиваться в рассрочку в течение нескольких лет. Эдуард III, со своей стороны, отказывался от былых притязаний на французскую корону.

К несчастью, мир оказался весьма хрупким. Французское население, попавшее в зону английской оккупации, тайно и явно выражало свой протест, иногда развязывая партизанские действия против захватчиков или же поднимая открытые восстания. В 1369 г. война возобновилась вновь. Однако при жизни Эдуарда III (он умер в 1377 г.)

¹⁰ Иоанн II Добрый (1319–1364) — французский король с 1350 г., старший сын и преемник Филиппа VI.

¹¹ Название «Жакерия» происходит от имени Жак, распространенного в крестьянской среде.

¹² Попавший в плен Иоанн II был с почетом доставлен в Лондон и размещен во дворце Савой.

новых крупных сражений не последовало. Из наиболее драматических событий этого периода следует отметить резню в Лиможе, учиненную англичанами в 1370 г. Разгневавшись на жителей города за то, что они перешли под руку французского монарха, Черный Принц предал Лимож и его окрестности огню и мечу, не щадя ни женщин, ни стариков, ни детей. Однако сам он уже в это время был смертельно болен и передвигался только на носилках. В 1371 г. наследнику престола пришлось оставить прославившую его имя полководческую деятельность и вернуться на родину. Англичане дружно оплакивали его кончину, последовавшую 8 июня 1376 г.¹³

С гибелью Черного Принца удача явно изменила англичанам. К концу царствования Эдуарда III из всех французских владений у него остались лишь Кале, Шербур, Брест, Бордо и Байонна с округами; англичане были почти полностью изгнаны из юго-западной Франции.

РАСЦВЕТ РЫЦАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Период правления Эдуарда III был временем подлинного расцвета рыцарской культуры в Англии. Король любил пышные празднества, рыцарские турниры. До того, как по Англии в 1348–1349 годах прокатилась страшная эпидемия чумы, его двор по праву считался самым пышным в Европе. Большой поклонник легенд о короле Артуре, Эдуард мечтал превратить свой двор в подобие Камелота. Хроники свидетельствуют, что он захотел иметь в Виндзорском замке собственный Круглый стол, для чего была возведена знаменитая Круглая башня.

Зная о пристрастиях короля, которые становились законом и для его придворных, английские поэты XIV в. обратились к старинным легендам о короле Артуре. Хотя Артур — герой британский, первые романы о нем и его рыцарях появились в Бретани и были привезены в Англию норманнами. Артур стал очень популярен среди новых хозяев страны. Как ни странно, во времена после нормандского

¹³ Черного Принца похоронили в Кентерберийском соборе. Его надгробный памятник изображает Эдуарда в легендарных доспехах. На стене над могилой плитой были повешены кольчуга, рыцарский шлем и железные рукавицы, принадлежавшие покойному.

завоевания образ Артура играл в Англии агитационную роль. Получалось, что покорение англосаксов норманнами — благороднейшее дело, поскольку в свое время с англосаксами боролся король Артур. При Эдуарде III на смену французским романам об Артуре пришли рыцарские поэмы на английском языке — «Смерть Артура», «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», «Жемчужина» и др.

В своей любви к рыцарским обычаям король решил учредить и новый рыцарский орден — орден Подвязки — и стал его гроссмейстером.

КАК ПОЯВИЛСЯ ВЫСШИЙ ОРДЕН БРИТАНИИ

Романтично настроенный Эдуард III грезил о возрождении былых рыцарских традиций, мечтал о создании нового ордена Круглого стола. И в 1348 г. он основал рыцарский орден Подвязки, став первым его кавалером. Среди членов ордена был и наследник престола Эдуард, прославившийся ратными подвигами и снискавший себе прозвище Черного Принца благодаря цвету своих рыцарских доспехов, выгодно оттенявших белизну его лица.

По преданию, король заметил, что во время танцев на придворном балу одна из дам, Джоанна Кентская, графиня Солсбери, которая впоследствии стала супругой Черного Принца, потеряла голубую подвязку. Желая спасти ее от насмешек, галантный монарх надел подвязку под колено, произнеся при этом фразу: «Nonni soit qui mal y pense» («Позор тому, кто плохо думает об этом»), которая и стала девизом вновь учрежденного высшего рыцарского ордена английского королевства. С тех пор церемония посвящения в кавалеры ордена Подвязки проходит исключительно в Виндзоре. Покровителем ордена считается св. Георгий, небесный заступник всего европейского рыцарства. В честь чудотворца в Виндзорском замке в 1477–1511 годах была возведена часовня, где хранятся такие святыни, как мощи св. Георгия и часть креста, на котором был распят Иисус Христос. Ежегодно в этой часовне проводится торжественное богослужение, на котором должны присутствовать все кавалеры ордена Подвязки в церемониальных голубых камзолах. По завершении церковной службы члены ордена во главе с правящим монархом и членами королевской семьи устраивают торжественное шествие.

РИЧАРД II И ВОССТАНИЕ УОТА ТАЙЛЕРА

После смерти короля Эдуарда III английский престол занял его внук Ричард II (1367–1400), сын Черного Принца. Мальчику-королю было всего девять лет. Он был очень популярен в народе: во-первых, его юный возраст внушал подданным нежность и умиление; во-вторых, его отец был национальным героем, с именем которого связывали самые громкие победы в войне с Францией; в-третьих, Джоанна Кентская, мать маленького короля, была исключительно хороша собой, а сын унаследовал ее красоту.

В отличие от своего героического отца Ричард был слабым ребенком. Рассказывают о том, что он, например, не выдержал утомительной процедуры коронации в Вестминстерском аббатстве и крепко уснул в самый разгар торжественной церемонии. Физическая слабость дополнялась в нем слабостью характера, изрядно испорченного постоянной лестью: придворные при каждом удобном случае называли этого еще не оперившегося птенца мудрейшим правителем и достойнейшим из всех, кто живет на этой земле. Понятно, что в столь нежном возрасте мальчик-король не мог заслужить подобных пышных определений. Естественно, что долгое время он был лишь номинальным правителем, а государственная власть оказалась сосредоточенной в руках регента Джона Гонта¹⁴, герцога Ланкастерского, четвертого сына короля Эдуарда III. У юного короля были еще два дядюшки — Эдмунд Лэнгли, герцог Йоркский, и Томас, герцог Глостерский. Оба они также играли важную роль в период правления Ричарда II.

Дорвавшись до власти, Джон Гонт отнюдь не хотел уступать бразды правления племяннику. Многие думали, что дядя короля не прочь узурпировать престол. Однако необходимой для этого поддержки у него не было, да и народ не позволил бы ущемить права сына Черного Принца. И тем не менее повзрослевшему Ричарду пришлось всерьез бороться за власть со своим могущественным родственником.

В царствование Ричарда II Англия столкнулась с множеством сложных проблем. Продолжалась война с Францией, требовавшая все новых денежных средств. Деньги можно было получить только путем увеличения налогов. Король трижды — в 1377, 1379 и 1381 годах — повышал размер подушного налога, распространявшегося на

¹⁴ Гонт — искаженное Гент. Герцог Ланкастерский получил прозвище по месту своего рождения.

Джон Гонт

всех подданных английской короны старше четырнадцати лет. Величина налога устанавливалась безотносительно имущественного положения. Лишь нищие были избавлены от необходимости нести эту повинность. Несправедливость и тяжесть налога послужила причиной крестьянского восстания 1381 г., вошедшего в историю как восстание под руководством Уота Тайлера.

Уот Тайлер был ремесленником из кентского городка Дартфорда. Согласно легенде, у него была дочь, девочка-подросток, которой в 1381 г. исполнилось четырнадцать лет. Когда же в дом Тайлера пришли сборщики налогов, его жена попыталась схитрить и уменьшила возраст дочки. Тогда чиновник, воспользовавшись отсутствием главы семейства, начал приставать к девочке. На крики прибежал Уот Тайлер и, защищая дочь, набросился на оскорбителя. В драке сборщик налогов был убит.

Этот инцидент — далеко не единичный — так глубоко возмутил жителей городка, что они подняли восстание, избрав своим вожаком

Тайлера. Мятежники захватили замок Рочестер и двинулись маршем на Лондон. По дороге к ним присоединились восставшие жители Эссекса, которыми руководил священнослужитель Джек Строу. Среди вожakov восстания был и проповедник Джон Болл, которого бунтовщики вызволили из кентской тюрьмы. К началу июня восстание охватило большинство графств Англии. По дороге к Лондону бунтовщики жгли помещичьи усадьбы, уничтожали описи крестьянских повинностей; нередко они убивали богатых землевладельцев и служителей церкви. Например, в Кентерберии погиб архиепископ Кентерберийский Саймон Садбери.

13 июня 1381 г. восставшие вступили в столицу, где тотчас начались погромы и пожары. В частности, был разрушен дворец Савой, являвшийся резиденцией герцога Ланкастерского; уничтожению подверглись книги и документы в Темпле. Дорвавшись до винных погребов, многие крестьяне напились до бесчувствия. Надо, однако, отметить, что руководители восстания всеми силами старались поддержать дисциплину в рядах мятежников, не допустить грабежа и мародерства.

В этой сложнейшей ситуации четырнадцатилетний король проявил редкое мужество. Он вышел к восставшим и принял от них петицию с требованиями отмены крепостного права, установления фиксированной платы за пользование землей, свободы торговли на всех рынках, а также прощения за все, что они совершили в период мятежа. Ричард согласился выполнить эти требования, и после этого значительная часть восставших покинула Лондон. Однако далеко не все пришедшие в столицу были удовлетворены королевским обещанием.

На следующее утро королю пришлось вторично выехать к Уоту Тайлеру и его людям. На сей раз встреча проходила в менее напряженной обстановке, поскольку восставшие поверили в возможность договориться с королем по-хорошему. Однако стоило Тайлеру приблизиться к Ричарду II, как телохранители короля набросились на него и зарубили на глазах у ошеломленных бунтовщиков. Впоследствии была распространена версия, согласно которой Тайлер сам намеревался убить короля — сопровождавшие Ричарда заметили в руке бунтовщика кинжал и успели предупредить «гнусные намерения преступника».

Оправившись от шока, мятежники пришли в ярость. Положение вновь спас юный король. Подскакав на коне прямо к бурлящей толпе, он громогласно заявил, что Уот Тайлер поплатился за то, что предал

Смерть Уота Тайлера

интересы народа, и теперь он, король, станет их настоящим защитником. Такого поворота событий восставшие не ожидали. Их вера в монарха была столь велика, что они поверили венценосному мальчику, сыну национального кумира, и позволили королю с его небольшой свитой спокойно удалиться с места происшествия.

Впрочем, едва опасность миновала, как король нарушил свои обещания. Восставшие были атакованы отрядами рыцарей. Многие погибли, другие бежали, третьи подверглись арестам. Около 1500 бунтовщиков предстали перед судом и были приговорены к жестокой казни. В некоторых случаях тела повешенных запрещали снимать с виселиц, чтобы они своим видом наводили ужас на оставшихся в живых, отбивая у них охоту бунтовать.

В 1382 г. пятнадцатилетний Ричард женился на Анне Богемской, дочери императора Священной Римской империи Карла IV. Подобный брачный союз придал молодому королю уверенности в своих силах, и он начал бороться против власти правивших от его имени аристократов. Борьба против Джона Гонта оказалась не слишком трудной. Гонт был виновен во многих политических просчетах, в частности в том, что допустил восстание крестьян, а поскольку вся реальная власть в первые годы царствования Ричарда принадлежала именно Джону Гонту, то все непопулярные правительственные указы, в том числе и об ужесточении налогообложения, связывали преимущественно с его именем.

Король назначил новых министров из числа своих друзей. Главным советчиком короля стал Майкл де ла Поль, получивший титул графа Саффолкского. Попавшему в опалу Джону Гонту пришлось спасаться бегством, и некоторое время казалось, что король действительно стал хозяином положения в стране. Однако оставался еще Томас, герцог Глостерский, младший из королевских дядюшек, страшно уязвленный тем, что племянник предпочел ему де ла Поля, выходца из купеческой среды. Обиженный герцог легко убедил некоторых представителей высшей английской знати, что их права окажутся под угрозой, если высшие посты в королевстве будут занимать выскочки вроде новоявленного графа Саффолкского.

ПАДЕНИЕ РИЧАРДА II

Вскоре сформировалась мощная оппозиция королю и его министрам. Главой ее был герцог Глостер. Видная роль в ней принадлежала и сыну Джона Гонта Генриху Болингброку (1367–1413), а также графам Арунделу, Ноттингему и Уорику. Оппозиция открыто обвинила министров короля в государственной измене. Вооружившись, заговорщики захватили Ричарда и созвали парламент, заранее зная, что он выступит в их поддержку. Граф Саффолк бежал за границу, нескольких министров, оставшихся в Англии, приговорили к смертной казни. Королю ничего не оставалось, как склониться перед волей знатнейших из его вассалов. Однако вскоре он нашел возможность отомстить за свое унижение. В 1388 г. Ричарду исполнился двадцать один год, и он был намерен показать, кто хозяин в стране.

Однажды, собрав государственный совет, он обратился к герцогу Глостеру с вопросом: «Как вы полагаете, сколько мне лет?» — «Двадцать второй, ваше величество», — отвечал герцог. — «В таком случае, я достаточно взрослый, чтобы разобраться со своими проблемами. Меня опекали дольше, чем любого человека в моих владениях. Благодарю вас, милорды, за ваши прежние услуги, но больше я в них не нуждаюсь». За словами последовали и дела. Лорды-оппозиционеры, включая герцога Глостера, лишились государственных постов, на которые король вновь назначил своих друзей, тем самым сосредоточив в своих руках всю полноту власти.

В 1394 г. умерла королева Анна. Первый брак Ричарда II был бездетным. Желая дать стране наследника престола, король начал подумывать о повторной женитьбе. Его выбор пал на семилетнюю французскую принцессу Изабеллу, дочь короля Карла VI. Поскольку на протяжении всего царствования Ричарда II во Франции продолжались боевые действия, очень многие в Англии сочли желание короля жениться на маленькой француженке соответствующим национальным интересам. Королевская свадьба — этот брак так и остался формальным — и подписанный в том же 1396 г. мирный договор между Англией и Францией действительно принесли народам обеих стран длительную передышку: война была возобновлена только в 1416 г. по инициативе английского короля Генриха V.

Одним из самых рьяных противников мира с Францией был герцог Глостер. В 1397 г. Ричард II решил, что не потерпит более строптивых выходок своего дяди. Лично явившись в замок Глостера в Эссексе, король велел арестовать герцога и переправить в крепость Кале, где он и был убит¹⁵. Вскоре были брошены за решетку и другие оппозиционеры. Графу Уорику и графу Арунделу пришлось предстать перед судом по обвинению в государственной измене. Арундел был казнен, Уорик приговорен к изгнанию.

Некоторым из противников короля каким-то чудом удалось избежать печальной участи своих единомышленников. Генрих Болингброк и граф Ноттингем даже удостоились знаков королевской милости. Первого Ричард II сделал герцогом Херефордским, вто-

¹⁵ Обстоятельства гибели герцога Глостера загадочны. Распространена версия, согласно которой по тайному приказу короля герцог был задушен подушкой. Как бы то ни было, его не стало до того, как начался судебный процесс над государственными изменниками.

рого — герцогом Норфолкским. Однако добродушие короля было показным. Он вознамерился поссорить между собой своих основных оппонентов, и это ему удалось. Отношения между герцогами накалились настолько, что судебный поединок между ними стал неизбежен. Король прибыл на ристалище, чтобы полюбоваться их смертельной схваткой, но в последний момент остановил врагов, вынеся им свой приговор: Норфолк отправлялся в пожизненное изгнание, а Херефорд должен был покинуть страну на долгие десять лет¹⁶.

Теперь, казалось, уже никто не осмелится перечить королю. Между тем изгнанный из страны Генрих Болингброк был преисполнен решимости действовать и вернуть себе утерянное положение и земельные владения, которые принадлежали ему по праву (король конфисковал земли отправленного в изгнание Джона Гонта). Вскоре для этого представился подходящий случай.

В 1399 г. Ричард II лично возглавил карательную экспедицию в Ирландию, где бушевали антианглийские бунты. Однако, покинув столицу, король выпустил из рук бразды управления страной. Враги не преминули воспользоваться сложившейся благоприятной для них ситуацией. Оставленный наместником в Лондоне герцог Йоркский отправил гонца к Генриху Болингброку, герцогу Херефордскому, который немедленно прибыл в Англию. Он высадился на побережье графства Йоркшир и сперва утверждал, что намерен всего лишь вернуть себе то, что принадлежало его отцу, однако успех окрылил его, и он вознамерился низложить Ричарда II, чтобы самому занять его место. Вскоре к мятежнику примкнули герцог Нортумберленд с сыном Генри Перси, получившим за свой буйный нрав прозвище Готспер¹⁷, так что в распоряжении Болингброка уже была внушительная армия.

Известие о новом мятеже настигло короля уже в Ирландии, и он поспешно отправился в обратный путь. Переправа через Ирландское море задержалась на несколько дней — для парусников требовался попутный ветер. Когда же Ричард наконец достиг берегов Англии, выяснилось, что ему нечего противопоставить стремительно

¹⁶ Норфолк отправился в паломничество в Святую землю и умер по возвращении из Иерусалима в Венеции. Херефорд нашел пристанище во Франции.

¹⁷ Прозвище «Готспер», приводимое в такой транслитерации в силу сложившейся традиции, является искажением английского Hotspur — «сорвиголова».

набиравшему силу Болингброку. Отчаявшийся король был вынужден сдаться в плен герцогу Нортумберленду. Поддавшись угрозам врагов, Ричард согласился отречься от престола, надеясь, что этим сохранит себе жизнь.

Тем временем в Вестминстере собрался парламент, признавший притязания Болингброка на корону Англии. Отречение не спасло жизнь низложенному королю. Болингброк, ставший в 1399 г. Генрихом IV Английским, прекрасно понимал, какую опасность представлял для него заточенный в замке Понтефракт Ричард: пока прежний монарх был жив, новый не мог считать свое положение незыблемым. Через несколько месяцев после отречения Ричарда не стало.

Шекспир в своей пьесе-хронике «Ричард II» придерживается версии, что Ричарда убили. Считается, что Болингброк обрек его на голодную смерть. Однако современники этой трагедии не верили в гибель Ричарда. Даже после того, как напуганный реакцией подданных Генрих IV выставил его тело на всеобщее обозрение в Лондоне, по стране продолжали циркулировать слухи о том, что покойный вовсе не являлся Ричардом, а был просто на него похож. Из этого следовало, что прежний король еще жив, и разговоры, которых боялся ставший королем Болингброк, не прекращались.

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ

Воюющая с Францией, страдающая от внутренних раздоров страна в XIV в. подверглась еще одному величайшему несчастью — эпидемии чумы, прокатившейся по всей Англии и Ирландии в 1348–1407 годах. Впрочем, пришедшее с Востока страшное бедствие в это время охватило все европейские страны¹⁸.

В 1348 г. европейские моряки начали обнаруживать в море корабли, на борту которых не было ни единой живой души. При виде скрюченных смердящих трупов самые отважные в панике бросались прочь, осеняя себя крестом, — было ясно, что люди на бесхозном судне стали жертвами чумы, или, как ее называли в Англии, «черной смерти».

Первая вспышка этой ужасной болезни в Англии была зарегистрирована в 1348 г. в графстве Дорсет, а всего через полтора года чума уже

¹⁸ В Европу чуму занесли корабельные крысы — на них паразитировали переносившие заразу блохи.

свиристствовала по всей стране. Тело больного покрывалось чумными бубонами — наполненными гноем пузырями, часть которых прорывалась, образуя кровоточащие язвы. Все это сопровождалось жестокой лихорадкой, рвотой, кровохарканьем. Большинство погибало в первый же день болезни, другие страдали несколько суток, обычно три-четыре дня. Выздоровливали считанные единицы. Однако те, кто переболел чумой, редко заболевали вторично.

Защиты от черной смерти практически не было. В те годы ужасающей антисанитарии блохи встречались не только в хижинах, но и во дворцах, а именно они и переносили чумную заразу. Если в доме заболел один человек, у живущих под одной крышей с ним не оставалось шансов не заразиться, даже если они в страхе бежали подальше от своего зачумленного жилища.

Еще не заболевшие либо покидали насиженные места, либо, напротив, наглухо затворяли двери домов, не показывались на улице и лишь отчаянно молились, чтобы беда прошла стороной. Зачастую невозможно было определить, живы обитатели дома или уже умерли. На домах, где находились больные, рисовался крест, и никто не осмеливался переступить через их порог.

Время от времени по улицам проезжали скорбные повозки могильщиков, свозивших трупы умерших от чумы на кладбища, где их хоронили в общих могилах. Могильщики подбирали покойников прямо на улицах. Приостанавливая повозки через равные промежутки, они кричали запершимся в домах жителям: «Выносите ваших мертвецов!»

Города и деревни опустели. Пострадали от чумы не только люди, но и домашние животные, лишенные надзора и ухода; некому было собирать выращенный урожай. Шатающиеся от слабости после перенесенной болезни люди не имели сил выполнить даже самую необходимую работу. Многие из тех, кому удалось перебороть чуму, впоследствии погибали от голода. По разным оценкам — любая из них является приблизительной — за годы эпидемии население Англии сократилось если не на половину, то на треть¹⁹. По самым скромным подсчетам, чума унесла жизни миллиона англичан, а в хрониках фигурируют и более страшные данные — девять десятых населения Англии.

¹⁹ Основные вспышки чумной эпидемии в Англии пришлось на 1348–1351, 1361–1362 и 1368–1369 годы.

ДЖЕФФРИ ЧОСЕР — ОТЕЦ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Мы уже говорили, что в эпоху раннего Средневековья в Англии была создана богатая литература как на латинском, так и на англосаксонском языках. После нормандского завоевания книги писались по-латыни и по-французски. Заслуга Джеффри Чосера (ок. 1340–1400) заключалась в том, что он стал первым великим английским поэтом, писавшим на родном языке. Современному читателю, даже тому, для кого английский является родным языком, читать Чосера непросто. Язык, на котором говорили в Англии XIV в., мало походил на современный английский. Его принято называть среднеанглийским.

Чосер родился в семье состоятельного лондонского виноторговца. Связи отца, поставлявшего вина королевскому двору, вероятно, определили карьеру будущего поэта. Мы ничего не знаем о том, как прошло детство Чосера; известно лишь, что в 1357 г. он уже служил пажом герцогини Кларенс, жены третьего сына Эдуарда III. В 1359 г. молодой человек участвовал в боевых действиях во Франции, под Реймсом попал в плен, но был выкуплен. По возвращении на родину Чосер занимал различные придворные должности, а в 1370-е годы ездил с дипломатическими поручениями во Фландрию и Италию, где, возможно, познакомился с Петраркой и Боккаччо или, по крайней мере, с их произведениями. В 1378 г. период дальних странствий закончился. К этому времени не было в живых ни Эдуарда III, ни Черного Принца, ни прежнего покровителя Чосера Лайонела, герцога Кларенса. Чосер перешел под опеку младшего брата Кларенса Джона Гонта. Однако в этот период он уже был более независим, поскольку с 1374 г. состоял таможенным контролером в лондонском порту.

В 1386 г. Чосер стал депутатом парламента от Кента и, следовательно, участвовал в тех заседаниях, на которых начались гонения на оппозицию Ричарда II, в которую входил и Генрих Болингброк, сын его нового покровителя. Это обстоятельство навлекло на Чосера неприятности, он попал в опалу. Его дела улучшились в 1389 г., когда он получил пост надзирателя за строительством и ремонтом принадлежавших королю зданий, но это назначение не спасло его от бедности. С приходом к власти Генриха IV верность Чосера семейству Джона Гонта была вознаграждена солидной денежной пенсией, однако жить поэту оставалось всего несколько месяцев. Чосера похоронили

в Вестминстерском аббатстве. С его захоронения начинается история знаменитого «Уголка поэтов»²⁰.

Поэтическое наследие Чосера обширно и разнообразно, он не только сочинял стихи, но и переводил произведения французских и итальянских поэтов. Например, он перевел с французского «Роман о Розе»

Джеффри Чосер

Гийома де Лорриса, а в 1372–1384 годах работал над поэмой «Троил и Хризеида», представляющей собой вариацию на тему поэмы Боккаччо «Филострато». Однако самым известным произведением Чосера являются «Кентерберийские рассказы» (1387–1400), собрание стихотворных новелл, объединенных обрамляющим повествованием. При создании этой книги Чосер использовал разные литературные традиции.

Большая часть «Кентерберийских рассказов» написана пятистопным ямбом и парнорифмованными двустишиями с чередованием

²⁰ «Уголок поэтов» — часть Вестминстерского аббатства, где похоронены известные поэты и писатели Англии.

мужских и женских рифм: этот стих не применялся английскими поэтами до Чосера, который заимствовал его из французской поэзии. Композиция же книги была подсказана Чосеру «Декамероном» Боккаччо. Если у итальянского новеллиста отдельные истории вкладываются в уста десяти рассказчиков, которые, спасаясь от чумы, коротают время на вилле под Флоренцией и развлекают друг друга разнообразными повествованиями, то у Чосера героями обрамляющего повествования становятся паломники, живописная, разношерстная компания, отправляющаяся из Лондона в Кентербери, к могиле св. Томаса Бекета. По пути они развлекают друг друга рассказами, которые интересны для нас не только сами по себе, но и как источники подробностей о жизни и нравах той далекой эпохи.

В число паломников Чосер включил монаха, юриста, студента из Оксфорда, ткачиху из Бата, мельника, рыцаря и многих других. В компании двадцати девяти вымышленных героев в паломничество отправляется и сам автор. По предварительной договоренности каждый из паломников должен был рассказать четыре истории — две по пути в Кентербери и еще две на обратном пути в Лондон. Однако Чосер не успел завершить задуманное: вместо ста двадцати намеченных рассказов им было написано всего двадцать четыре, но и они воспроизводят все основные жанры средневековой литературы — рыцарские романы и пародии на них, фэблио, христианские легенды, животный эпос и некоторые другие. «Кентерберийские рассказы» стали одной из самых любимых книг в Англии. Их заучивали наизусть, переписывали. С введением книгопечатания они были опубликованы в числе первых английских книг, а в XIX в. их перевели на современный английский язык.

УИКЛИФ И ЛОЛЛАРДЫ

Одной из наиболее ярких фигур в палитре XIV в. является оксфордский проповедник Джон Уиклиф (ок. 1330–1384), поведший борьбу за церковную реформу в Англии. Уиклиф был профессором богословия в Оксфордском университете. Образованный и глубоко религиозный человек, он выступил против пороков служителей церкви и их претензий на светскую власть и мирские владения. В своих работах «*De dominio divino*» и «*De civili dominio*», созданных около 1376 г., Уиклиф говорил о том, что церковь не должна иметь земельных владений. К лиру следует жить за счет церковной десятины, а светские владения

необходимо вернуть мирянам. Эти заявления Уиклифа были вполне в духе времени: богатства церкви невольно привлекали к себе внимание всех слоев населения Англии, несшего тяжкое налоговое бремя в связи с участием страны в Столетней войне, в то время как налоги с церкви король мог взимать только с разрешения папы.

Уиклиф поставил под сомнение роль священнослужителей в акте спасения христианских душ. Он утверждал, что еще «в самом начале мира» Господь «предопределил» загробные судьбы верующих. Вопреки утверждению церкви о том, что ее служители могут даровать спасение, Уиклиф указывал, что бессмысленно надеяться на посредничество тех, кому не известна собственная посмертная судьба. Из подобных рассуждений следовали смелые выводы: священники оказывались ненужными, отпадала необходимость в заупокойных мессах, стоивших заказчику немалых денег. Однако самым опасным в учении Уиклифа было доказательство бессмысленности индульгенций, служивших одним из основных источников доходов католической церкви: какой смысл покупать отпущение грехов у тех, кто неправомочен давать прощение?

Понятно, что церковь осудила идеи Уиклифа и в 1377 г. потребовала, чтобы он отрекся от своих еретических взглядов. Однако на защиту смельчака поднялись и Оксфордский университет, и лондонские церковные власти, действовавшие по указу Эдуарда III, — этот король чувствовал себя независимым от Святого престола (о чем свидетельствует хотя бы его союз с Людвигом Баварским, отлученным папой от церкви). Учение Уиклифа пропагандировали лолларды, как называли участников антикатолического народного движения²¹. Лолларды ходили по городам и деревням, выступая с проповедями, в которых объясняли необходимость отмены привилегий католической церкви, изъятия церковного имущества и передачи его мирянам. Они также выдвигали требования отмены барщины и налогов, уравнивания дворянства с крестьянами. Известнейший участник восстания под руководством Уота Тайлера Джон Болл выразил эту идею в ставшей крылатой фразе: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был господином?»

Имя Уиклифа было столь тесно связано с движением лоллардов, что после восстания Уота Тайлера отношение к нему резко переменялось. Поддерживавший его ранее университет теперь видел в нем отца вредных

²¹ Название «лолларды» происходит от средненидерландского *lollard* — «бормочущий молитвы, псалмы». Движение лоллардов возникло в Нидерландах и Германии, откуда проникло в Англию.

Джон Уиклиф

и опасных идей. В 1382 г. он был осужден церковным собором как еретик. Папа Урбан VI приказал ему явиться на церковный суд, но Уиклиф проигнорировал это распоряжение. Слава его была столь велика, что из опасения новых народных волнений его не посмели тронуть.

В последние годы жизни (примерно с 1380 г.) Уиклиф занимался переводом Библии с латинского на английский язык. Необходимость перевода он объяснял тем, что народ должен понимать смысл Священного Писания, поскольку Христос и его святые апостолы говорили с людьми на понятном им языке. Перевод, выполненный Уиклифом, дошел до нас в нескольких десятках списков. В 1395–1397 годах ученик и бывший секретарь Уиклифа Джон Пёрви выполнил литературную обработку перевода, сделанного его покойным учителем.

Деятельность Уиклифа и лоллардов была направлена на осуществление церковной реформы, однако прошло полтора столетия, прежде чем их мечты стали претворяться в жизнь.

АНГЛИЯ ПРИ ЛАНКАСТЕРАХ

ГЕНРИХ IV И ЕГО БОРЬБА С ОУЭНОМ ГЛЕНДОУЭРОМ

Взойдя на престол, Генрих Болингброк, принявший тронное имя Генрих IV, нарушил права Эдмунда Мортимера, восьмилетнего графа Марча, являвшегося потомком герцога Кларенса и к тому же официально признанного Ричардом II наследником английской короны. Во избежание попыток возвести на престол маленького Эдмунда, которые в сложившейся ситуации могли предпринять враги нового короля, Генрих позаботился о том, чтобы граф и его младший брат были помещены под бдительный надзор в Виндзорском замке. После этого он спокойно провозгласил наследником престола своего сына Генриха, получившего титул принца Уэльского.

Предпринятые королем меры предосторожности оказались не лишними. В самом начале царствования Генрих IV едва не стал жертвой заговора: сторонники Ричарда II намеревались пригласить узурпатора престола на рыцарский турнир в Оксфорд, где планировали неожиданно напасть на него и убить. Заговор был своевременно раскрыт¹, и ни один из врагов Генриха не избежал возмездия. Возможно,

¹ Хроники рассказывают, что стоявший во главе заговора лорд Ретленд в присутствии своего отца, герцога Йоркского, случайно выронил бумагу с клятвой и подписями заговорщиков. Верный вассал Генриха IV, герцог немедленно

запланированное покушение на жизнь короля ускорило гибель низложенного Ричарда II — Генрих IV не мог чувствовать себя в безопасности, пока был жив прежний монарх.

Воспользовавшись сложившейся в Англии напряженной политической ситуацией, шотландцы и валлийцы активизировали борьбу против англичан. В Северном Уэльсе валлийский землевладелец Оуэн Глендоуэр поднял антианглийское восстание², принявшее вскоре общенациональный характер. Глендоуэр провозгласил себя правителем Уэльса, т. е. принцем Уэльским, а в 1404 г. ему удалось собрать независимый валлийский парламент.

Глендоуэру сопутствовала военная удача, ибо англичане, предпринявшие несколько карательных экспедиций в Уэльс, всякий раз были вынуждены отступать перед суровостью гор, скверной погодой или военным искусством самого руководителя восстания. Глендоуэр решил воспользоваться неудачами противника для поднятия собственного авторитета. Он распустил слух о том, что владеет искусством магии, позволяющим ему всякий раз побеждать врагов. Любопытно, что этой небылице поверили не только суеверные валлийцы, но и англичане, в том числе и сам Генрих IV.

В 1403 г. от Генриха откололся его бывший союзник Генри Перси, граф Нортумберленд, помогавший ему в борьбе за престол. Семейство Перси — граф и его сын Генри Готспер — восстали против короля, вынудив Генриха IV, занятого войной в Уэльсе, выступить против мятежных лордов. 21 июля 1403 г. войска короля дали бой армии Перси в окрестностях города Шрусбери. В ходе этого сражения был убит Генри Готспер. Несмотря на поражение, Нортумберленд не сложил оружия и в 1405 г. нанес мощный удар королю, заключив союз с Оуэном Глендоуэром. Вместе с ним выступили также многие влиятельные представители знати и духовенства, в том числе Томас Моубрей, герцог Норфолк, и Ричард Скроуп, архиепископ Йоркский. И все же Генриху IV удалось подавить мощное восстание. Многие из его врагов были взяты в плен и осуждены на казнь за государственную измену. Впервые в английской истории преступление вы-

сообщил об этом королю, а Ретленд, спасая свою жизнь, бросился перед королем на колени и, моля о прощении, выдал все обстоятельства заговора.

² Владения Глендоуэра в северной части графства Поуис были присвоены его соседом лордом Рутином. Это грубое нарушение законов подтолкнуло Глендоуэра к восстанию против англичан, не обеспечивших в Уэльсе порядок и справедливость.

сокопоставленного церковного иерарха архиепископа Йоркского рассматривалось светским судом³. Скроуп стал первым влиятельным священнослужителем, принявшим смерть на эшафоте. В подавлении восстания 1405 г. принимал участие и престолонаследник принц Генрих.

Генрих IV

В последующие годы счастье изменило Глендоуэру. После серии чувствительных поражений его покинули многие бывшие сторонники, однако отважный мятежник продолжал сражаться вплоть до 1408 г. Дальнейшая судьба Глендоуэра неизвестна. Предполагают, что, не сложивший оружия, он воевал с англичанами до последнего вздоха.

Мятежи в Уэльсе совпали по времени с антианглийскими бунтами в Шотландии. В 1401–1402 годах между жителями английского и шот-

³ Несмотря на суровость, проявленную по отношению к архиепископу Йоркскому, Генрих IV стремился заручиться благосклонностью церкви. В его правление были подвергнуты жестоким гонениям долларды и введена практика сожжения еретиков на кострах.

ландского Пограничья велась настоящая война, в которой англичане одержали верх. В этот период Шотландия нашла политического союзника в лице давнего врага Англии — Франции. Генрих IV был весьма обеспокоен этим обстоятельством, но в 1406 г. судьба улыбнулась ему, подбросив козырь в сложной политической игре: англичанам удалось захватить в плен юного сына шотландского короля Роберта III, принца Якова (Джеймса). Роберт III умер в том же 1406 г., и получилось, что законный король Шотландии оказался в руках у англичан. Власть в Шотландии была сосредоточена в руках брата Роберта III, герцога Олбани, однако пребывание Якова в английском плену связывало руки шотландцам.

Яков Шотландский оставался у англичан еще одиннадцать лет после смерти Генриха IV и был отпущен на родину только в 1424 г. Его женили на английской принцессе Джоанне, полагая, что в этом случае шотландский король не станет искать сближения с Францией.

Бурное правление Генриха IV Болингброка неожиданно оборвалось 20 марта 1413 г. Король молился перед гробницей св. Эдуарда в Вестминстерском аббатстве, когда его хватил удар. Через несколько часов Генриха не стало.

ИДЕАЛЬНЫЙ КОРОЛЬ ГЕНРИХ V И ЗАВОЕВАНИЕ ФРАНЦИИ

Из тридцати пяти прожитых лет Генрих V (1387–1422) девять находился на престоле, и в его правление англо-французская Столетняя война вступила в новую фазу.

Генрих V был любимым героем английской истории у Шекспира. Неслучайно он является героем трех исторических пьес-хроник великого елизаветинца — «Генрих IV. Часть первая», «Генрих IV. Часть вторая» и «Генрих V». В трактовке образа великого короля Шекспир следует бытовавшей в эпоху Возрождения легенде о том, что, будучи наследником престола, он вел бесшабашный образ жизни, предаваясь кутежам в компании беспутных весельчаков⁴. Однако даже в таком

⁴ История сохранила немало свидетельств о буйном нраве молодого принца Гарри. Один из его приятелей был взят под стражу за учиненный им дебош. Молодого человека привели к верховному судье королевства Гаскойну. Тут же в суд явился и принц, разгневанный арестом друга, но при этом уверенный, что ему

Генрих V

обществе принц сохранял благородство. Обаятельность его образу придает простота в поведении, умение говорить с простолюдинами. Взойдя на престол, Генрих V напрочь отбрасывает беспечные забавы юности. Как монарх он несет ответственность за подданных, за проводимую им государственную политику. Король тяготится этим бременем и хотел бы переложить его на других, но смиряется со своей ношей, когда понимает, что все остальные возлагают ответственность именно на него. Королю постоянно приходится выбирать между личными и общественными интересами. Сознание долга перед страной,

достаточно отдать приказ — и приятель будет освобожден. Видя, что судья не собирается подчиняться, Генрих начал угрожать ему не только словами, но и мечом. Однако Гаскойн помнил, что закон не делает различий между людьми. Он не только не отпустил арестованного, но и отдал приказ препроводить в тюрьму разбушевавшегося принца, осмелившегося оскорбить королевский суд, Генрих якобы действительно отправился в тюрьму, но впоследствии отдал должное мужеству и мудрости Гаскойна. Узнав о происшествии, Генрих IV возрадовался, что у него такие неподкупные судьи.

умение поступаться своими интересами делают короля истинно великим государем. Король не принадлежит себе, он служит нации, а потому любим и уважаем простыми людьми.

Генрих V изображается Шекспиром как король-устроитель страны: в заключительной части пьесы он думает о мирном будущем, жется и хочет иметь наследника. Шекспировский герой не подозревает, сколь мало времени отпущено ему судьбой. В 1420 г. он сочетался браком с французской принцессой Екатериной Валуа, которая в декабре 1421 г. подарила ему единственного сына Генриха, а 31 августа 1422 г. скончался во Франции от постоянной спутницы средневековых войн — дизентерии.

Однако до того, как задуматься о мире, Генрих V проявил себя как король-воин. Еще принцем Уэльским он участвовал в сражениях, возглавив королевскую армию, которая расправилась с мятежным семейством Перси и подавила восстание Оуэна Глендоуэра.

Став королем, Генрих V счел возможным возобновить военные действия во Франции. Время для вторжения было выбрано удачно, так как французский король Карл VI был психически болен и, следовательно, пользовался очень слабым авторитетом у своих подданных. Слабая королевская власть подрывала могущество государства в целом.

В начале царствования Генрих V выдвинул претензии на французскую корону, которые были отвергнуты. Тогда молодой король заявил о своих притязаниях на значительную часть французской территории и вдобавок ко всему потребовал, чтобы ему отдали в жены дочь Карла VI Екатерину с выплатой приданого в размере 2 млн золотых крон. Несмотря на дерзость требований, французская сторона была готова пойти на определенные уступки. Генриху предложили земли, правда, не в том количестве, которое он намеревался получить. В руке принцессы ему отказали.

Реакция английского короля последовала незамедлительно. Он отозвал из Франции английское посольство, и вскоре после этого война между двумя странами вспыхнула с новой силой. Высадившись в 1415 г. в устье Сены, Генрих V со своей армией прошел на северо-восток Пикардии, после чего в районе Перонны изменил направление движения и направился к принадлежавшему англичанам городу Кале. Этот поход был весьма тяжелым, и английские ряды заметно поредели, когда армия Генриха сошлась с французской армией в окрестностях замка Азенкур, где 25 октября 1415 г. состоялось одно

Молебен перед битвой при Азенкуре

из известнейших сражений времен Столетней войны. В этой исторической битве девятитысячная английская армия нанесла поражение двадцатитысячному войску французов. Вновь на высоте оказались английские лучники, разившие неприятеля, пытавшегося сблизиться с противником в серии безуспешных атак. Превосходная военная организация англичан объясняет меньшие потери в живой силе: 1600 человек против 6 тыс. французов⁵.

Ближайшей целью Генриха V было завоевание Нормандии, которая полностью перешла в руки англичан в 1419 г. Успеху Генриха V способствовал союз, заключенный им с Филиппом Добрым, герцогом Бургундским, который в 1418 г. взял Париж и передал его англичанам, а два года спустя вынудил психически больного Карла VI подписать мирный договор с английским королем. По условиям договора французский монарх соглашался на брак принцессы Екатерины с Генрихом V Английским, а также провозглашал будущего зятя законным

⁵ В память павших при Азенкуре в Оксфорде была возведена часовня колледжа Всех Душ.

наследником французской короны — в ущерб правам дофина Карла. Кроме того, в качестве приданого Екатерины Франция обязывалась выплачивать Генриху по 40 тыс. экю ежегодно.

После свадьбы Генрих с молодой королевой отбыл в Англию, оставив наместником Нормандии своего брата Томаса, герцога Кларенса. Однако уже в 1421 г. нормандцы восстали против английского правления и нанесли поражение войску Кларенса. Генриху V пришлось вернуться во Францию, чтобы подавить антианглийские бунты. В этой, третьей для него, французской кампании его и подстерегла ставшая смертельной болезнь.

Генрих V ближе, чем кто-либо из его предшественников и потомков, подошел к решению главной задачи Столетней войны. Кто знает, как развернулись бы дальнейшие события, если бы этот великий король не скончался в Венсанском замке в окрестностях Парижа. Говорят, что до последнего вздоха король сохранял бодрость духа и ясность мысли, напутствуя своего брата герцога Бедфорда в том, как заботиться о делах государства и судьбах королевы Екатерины и их малютки — сына Генриха⁶. Он также постоянно твердил о необходимости удержать Нормандию.

Огромная траурная процессия провожала тело покойного монарха из Венсанна в Париж, затем в Кале, Дувр и Лондон, где его останки с большими почестями похоронили в Вестминстерском аббатстве.

Смерть Генриха V круто изменила характер Столетней войны. Постепенно военная инициатива перешла к французам, и Англия лишилась того, что принес ей король-завоеватель.

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА ПЕРЕХОДИТ ВО ВТОРУЮ ФАЗУ: ГЕНРИХ VI ТЕРЯЕТ ФРАНЦИЮ

Девятимесячный крошка-сын Генриха V стал королем Генрихом VI (1421–1471). Фактически же государственная власть оказалась в руках назначенных парламентом регентов, герцогов Бедфорда и Глостера, дядей короля-младенца, и епископа Винчестерского Генри Бофорта. Регентский совет правил от имени короля до 1437 г.

⁶ После смерти Генриха V его вдова в 1429 г. вышла замуж за Оуэна Тюдора. От этого брака родился Эдмунд, отец будущего английского короля Генриха VII.

Из всех английских монархов Генрих VI — единственный, кто был также коронован и королем Франции⁷, однако именно в его царствование Англия проиграла Столетнюю войну.

Всего через пару месяцев после воцарения в Англии крошки-короля во Франции скончался его дед Карл VI. И хотя по условиям «вечного мира», подписанного в 1420 г. в Труа, в этом случае корона Франции должна была перейти к королю Англии, обойденный этим соглашением французский дофин немедленно объявил себя королем Карлом VII. Это послужило поводом для возобновления войны.

Генрих VI

В военной кампании 1424 г. Англия выступала вместе с двумя могущественными союзниками — герцогами Бретонским и Бургундским, женатыми на тетках Генриха VI. Можно было ожидать, что Шотландия будет поддерживать Карла VII — она уже отправила на подмогу французам 5 тыс. отличных солдат. Желая пресечь подобные действия, в 1423 г. англичане выпустили на свободу шотландского короля Якова,

⁷ Генрих VI был коронован в 1429 г. английским королем, а в 1430 г. — королем Франции.

заставив его предварительно уплатить 40 тыс. фунтов «в возмещение издержек на его содержание» и взяв с него обязательство не допускать, чтобы шотландцы участвовали в войне на стороне французов.

В 1428 г., желая подчинить юг Франции, английская армия в союзе с герцогом Бургундским осадила крепость Орлеан. Оказавшись в отчаянном положении, французы, наконец, мобилизовали все силы для того, чтобы остановить продвижение врага. Народ не только боролся с англичанами в зоне оккупации. Мощная волна протеста нарастала в восточной части Франции, наименее пострадавшей от войны. И как раз в это время на историческую арену выступила ярчайшая фигура периода Столетней войны, молоденькая крестьяночка из селения Домреми по имени Жанна д'Арк. Простушка Жанна, глубоко верующая и милосердная, поверила, что слышит голоса свыше, приказывающие ей идти защищать Францию. Все, кто узнавал об этом, смеялись над девушкой, но она упрямо стояла на своем. Когда ей исполнилось 17 лет, патриотическое чувство в душе Жанны стало таким сильным, что, уверовав в свое исключительное предназначение, она отправилась в дальний путь, к королю Карлу VII.

Дойдя до города Вокулёр, Жанна добилась встречи с его комендантом Робером де Бодрикуром, но и тот не принял ее всерьез, поэтому Жанне пришлось вернуться домой. Однако она продолжала слышать таинственные голоса, которые теперь велели ей вновь отправляться в Вокулёр. При новой встрече с де Бодрикуром Жанна со ссылкой на голоса предсказала исход битвы при Руврэ (состоявшейся 12 февраля 1429 г. и вошедшей в историю под названием «Селедочной», потому что в английском обозе, который отбили французы, оказалось полно рыбы, предназначенной для питания армии во время приближающегося Великого поста). Бодрикур поверил ей и помог добраться до замка Шинон, резиденции дофина. Для этого путешествия Жанна впервые переделалась в мужскую одежду и в таком виде 4 марта 1429 г. явилась ко двору. Прося об аудиенции, девушка заявила, что сразу узнает Карла. Заинтригованный, тот решил проверить ее способности и перед ее появлением смешался с толпой придворных, посадив на трон одного из своих приближенных. Каково же было изумление присутствовавших, когда, войдя в зал, Жанна даже не взглянула на человека, сидевшего на троне, но направилась прямо к дофину. Но еще больше всех поразила горячность, с которой необычная посетительница заявила, что она послана спасти Францию и короновать дофина в Реймском соборе.

Встреча Жанны д'Арк с дофином Карлом

Трудно сказать, почему дофин доверился Жанне. То ли он уверовал в ее необыкновенные способности, то ли его подкупила ее святая вера в свою избранность, то ли ему вспомнилось повторявшееся по всей стране пророчество: «Женщина (Изабелла Баварская, мать дофина. — И. Б.) сгубила Францию, дева ее спасет». Одна из легенд утверждает, что Жанна произвела неизгладимое впечатление на дофина тем, что сказала, будто в церкви Св. Екатерины в Фьербуа хранится древний меч, которым эта святая приказала вооружиться Жанне. Жанна описала и его особенности: на лезвии меча были выгравированы пять крестов. Как выяснилось, никто, кроме Жанны, не знал об

этом мече, но тем не менее при осмотре церкви он был обнаружен — точь-в-точь такой, каким его описала девушка. При этом еще более поразительным кажется тот факт, что молодая крестьянка прекрасно владела оружием.

Жанне дали шанс, отправив ее в королевскую армию, пытавшуюся заставить англичан снять осаду с Орлеана. Ее появление в войсках произвело ошеломляющий эффект. Жанна, казалось, не ведала страха, бросаясь в самую гущу боя и вдохновляя своим примером других. Ей удалось ободрить и окрылить верой в победу деморализованных цепью военных неудач соотечественников. Жанна заставила поверить и французов, и англичан, что она избрана Богом, чтобы освободить Францию.

Прозванная Орлеанской девой в честь своей первой победы, Жанна д'Арк действительно сумела заставить англичан снять осаду с Орлеана⁸ и спасла от верной гибели гарнизон крепости. С этого момента ход войны резко переломился, и англичане начали терпеть поражение за поражением. Французы вернули себе многие города, в том числе и Реймс, где сбылось желание Жанны — 16 июня 1429 г. Карл VII был коронован в знаменитом городском соборе.

Однако знать была напугана ростом популярности Орлеанской девы и размахом народно-освободительного движения, принявшего благодаря примеру Жанны массовый характер, — ей удалось запугать короля призраком новой Жакерии, что побудило Карла VII проявить черную неблагодарность по отношению к своей спасительнице. Король отказал Жанне в войске, и ей не удалось взять Париж, что послужило поводом для отстранения Орлеанской девы от руководства военными операциями. Однако Жанна продолжала воевать⁹. И тогда среди французских вельмож созрел заговор против героини. Жанну предали, подняв перед самым ее носом мост перед воротами крепости Компьен, и 23 мая 1430 г. девушка попала в плен к бургундцам, которые за 10 тыс. франков согласились передать ее англичанам. Несчастную Жанну обвинили в ереси и колдовстве, и 30 мая 1431 г. Орлеанская дева погибла на костре в нормандском городе Руане.

⁸ Жанна д'Арк прибыла под Орлеан 29 апреля 1429 г. и после освобождения города 8 мая 1429 г. повела армию на Реймс.

⁹ Жанна воевала в блестящих рыцарских доспехах и ездила верхом на белом коне. Ее штандарт был белым, а на нем был изображен Спаситель и начертаны слова: «Иисус и Мария». Врагам она казалась архангелом Михаилом, явившимся защитить французов и обрушить карающую десницу на англичан.

ПОТЕРЯ ФРАНЦИИ И ВНУТРЕННИЕ БЕДЫ

С гибелью Орлеанской девы неудачи англичан во Франции не прекратились. Между англичанами и их союзниками-бургундцами начались сильные трения, которые завершились полным разрывом военно-политического союза. В 1435 г. умер лучший из английских полководцев, герцог Бедфорд. Париж, который довольно долго находился в руках англичан, пришлось сдать французам.

До 1444 г. англичанам удавалось удерживать за собой Гиень, Нормандию и Мэн, однако в 1444 г. было заключено перемирие. По его условиям Мэн отходил к Франции, а молодой король Генрих VI получал в жены Маргариту Анжуйскую, дочь неаполитанского короля Рене. Их свадьба состоялась в 1445 г.

Достигнутый мир был очень хрупким, и в 1449 г. война разразилась с новой силой. Последние четыре года Столетней войны были для англичан периодом военных катастроф. 15 апреля 1450 г. войска Генриха VI потерпели сокрушительное поражение в битве при Форминьи, предрешившей сдачу французам всей Нормандии, герцогства, из которого вели свой род английские короли¹⁰.

В самой Англии начал нарастать протест против бесконечной войны и связанных с ней налогов. В 1450 г. на юге страны, в Кенте и других графствах, вспыхнул мятеж, названный по имени руководителя восстанием Джека Кэда. В нем приняли участие нетитулованные мелкопоместные дворяне (джентри), городские ремесленники, купечество. Мятежники требовали отставки дурных советников короля, на которых по обыкновению возлагалась ответственность за все беды Англии, снижения налогов и т. д. Повстанцы вооружились, образовав 20-тысячную армию, и двинулись на Лондон. Навстречу им были высланы королевские войска, но 18 июня 1450 г. люди Кэда разгромили этот заслон в битве при Севеноксе и в начале июля вошли в столицу. Хотя Кэд строго-настрого запретил грабежи и другие оскорбления горожан, удержать в повиновении вооруженную толпу было трудно. Лондон затих в ожидании повторения бесчинств времен Уота Тайлера, король покинул столицу.

Сперва Кэду удалось добиться поддержки многих лондонцев в требовании предать суду лорда-казначая Сэя, которого приговорили к смертной казни. Праздную победу после приведения приговора в исполнение, Кэд выпил слишком много вина и, охмелев, подал пример своим людям,

¹⁰ В битве при Форминьи погибло около 4 тыс. англичан.

начав грабить дом, в котором остановился. От дальнейших грабежей город защитил комендант Тауэра с относительно небольшим отрядом солдат (около 1000 человек), сумевший отрезвить буянов. Архиепископ Винчестерский со своей стороны обратился к бунтовщикам с призывом образумиться, обещая им королевское прощение, если они немедленно покинут город и разойдутся по домам. Уговоры подействовали. Видя, как стремительно тают ряды его воинства, Кэд выехал из Лондона, намереваясь вернуться в родные края, чтобы собрать новые силы для продолжения восстания. Однако по дороге на него было совершено нападение, и во время боя он был убит. Его голову по обычаям того времени выставили для всеобщего обозрения на Лондонском мосту.

Гражданские беспорядки в Англии еще больше подорвали силы королевства, что ускорило бесславное окончание Столетней войны. Владевшая половиной Франции при Генрихе V, при Генрихе VI Англия утратила все территории на континенте, кроме города Кале, который оставался в руках англичан до 1558 г. За Англией осталась также группа небольших Нормандских островов в проливе Па-де-Кале.

СУДЬБА КОРОЛЕВЫ ЕКАТЕРИНЫ

После пышных торжеств по поводу бракосочетания во Франции и не менее помпезной встречи в Англии в феврале 1421 г. Екатерина Валуа была коронована в Вестминстерском аббатстве. После этого королевская чета совершила поездку по центральным и северным графствам Англии. Генрих был влюблен в жену, она отвечала ему взаимностью. Однако в июне 1421 г., чуть ли не в годовщину свадьбы, король был вынужден уехать в Нормандию, оставив дома беременную королеву, которая 6 декабря разрешилась наследником престола. Это важное событие произошло в Виндзорском замке.

Через полгода мать покинула ребенка, устремившись во Францию вслед за его отцом. После нескольких проведенных вместе недель царственные супруги расстались — как выяснилось впоследствии, навсегда. Юная вдова — Екатерине исполнился всего двадцать один год — вернулась к сыну и посвятила ему все свое время. Маленький король и вдовствующая королева жили преимущественно в Виндзоре и приезжали в Лондон только по поводу публичных торжеств и церемоний — жители столицы всегда видели их вдвоем.

Однако Екатерина была слишком хороша собой и молода, чтобы не думать о новом замужестве, возможность которого осознавалась

придворной знатю и вызывала у нее опасения. Тем более что вдовствующая королева не собиралась возвращаться на родину или выходить замуж за иностранца. Положение усугублялось тем, что вскоре после смерти Генриха V руки Екатерины стали добиваться английские аристократы — герцог Глостер и граф Мортон.

С XII в. ни одна вдовствующая королева Англии не выходила замуж за своего вассала. Положение складывалось непривычное, и в 1427–1428 годах парламент принялся обсуждать законопроект о вступлении в брак вдовствующих королей. Закон был призван оградить страну от разного рода осложнений. Во-первых, королева могла выйти замуж только при согласии правящего короля, который имел право давать его лишь по достижении им четырнадцатилетнего возраста (Генриху VI в это время шел седьмой год, так что его матери в любом случае пришлось бы запастись терпением). Во-вторых, социальный статус второго супруга королевы должен был быть не ниже ее собственного; в противном случае брак не допускался как оскорбительный для английской короны. Если же все-таки претендентом на руку вдовствующей королевы оказывался принц крови, ему надлежало хорошенько пораскинуть мозгами, прежде чем решаться на такой брак: после свадьбы у него конфисковывались все его владения.

Однако все эти преграды были сметены Екатериной, которая полюбила валлийца Оуэна Тюдора и сочеталась с ним тайным браком. Они поженились примерно в 1431 или 1432 г., после того как Генрих VI был коронован королем обоих королевств. До самой смерти королевы 3 января 1437 г. об этом супружестве знали только самые доверенные лица, хотя королева и родила своему второму мужу четверых детей¹¹ — все они по закону о повторном замужестве вдовствующих королей Англии считались полноправными членами королевской семьи.

ОТ СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ К ВОЙНЕ РОЗ

Генрих VI не был сильным правителем. С детства привыкший к тому, что все дела решаются за него окружающими, он жил в праздности, что лишь способствовало развитию у него слабоумия — возможно, оно объяснялось нездоровой наследственностью по мате-

¹¹ У Екатерины и Оуэна Тюдора было три сына — Эдмунд, Джаспер и Оуэн. Единственная дочь этой четы умерла в младенчестве.

ринской линии. Безвольный, мягкий король постоянно оставался игрушкой в руках своей родни. Огромную власть над ним имела мать, вдовствующая королева Екатерина, а после женитьбы Генрих попал под сильнейшее влияние супруги, Маргариты Анжуйской. Короля окружали аристократы, преследовавшие собственные корыстные интересы, — семейства Бофортов, Тюдоров, Перси, Невиллов. Те, кому повезло меньше, испытывали зависть и недовольство королем, усиливавшееся по мере того, как выросел Генрих.

Положение Англии оставалось трудным и после окончания Столетней войны. С возвращением армии из Франции возникла новая социальная проблема: привыкшие воевать солдаты никак не хотели вписываться в мирную жизнь. Они разучились заниматься мирным трудом и предпочитали промышлять грабежом. Нередко бывшие вояки объединялись в настоящие банды, во главе которых оказывался прежний военный командир. Такие шайки наводили страх на местных жителей, а любое путешествие в те годы стало делом крайне рискованным. Наличие таких «дружин» делало ситуацию в стране нестабильной: при желании любой обладавший средствами человек мог сколотить собственную армию. Это было особенно опасным, если учесть, что королем и его окружением были недовольны многие влиятельные особы — герцог Норфолк, граф Солсбери, граф Уорик и другие, сплотившиеся вокруг Ричарда, герцога Йоркского.

Ричард Йоркский (1411–1460), как и Генрих VI, принадлежал к роду Плантагенетов, будучи одновременно потомком второго сына Эдуарда III Лайонела, герцога Кларенса, и пятого сына этого короля Эдмунда Лэнгли, герцога Йоркского: он был внуком Лэнгли, а его мать, Анна Мортимер, являлась правнучкой Кларенса. То, что Ричард был потомком Кларенса, расценивалось им и его сторонниками как основание для претензий на престол: ведь Ланкастеры вели свой род от Джона Гонта, четвертого (третьего выжившего) сына Эдуарда III.

В 1453–1455 годах, когда душевная болезнь Генриха VI обострилась под влиянием неудачи во Франции, фактическим правителем страны оказался герцог Йоркский, однако после выздоровления короля его оттеснил Эдмунд Бофорт, герцог Сомерсет. Ричарду пришлось стусеваться, но, вкусив прелесть власти, он уже не мог отказать от мечты обрести ее навсегда, хотя пока не заявлял об этом в открытую. С выздоровлением Генриха Ричард и его сторонники покинули Лондон.

ПРОЛОГ В ТЕМПЛЕ

Прологом к началу войны Алой и Белой розы послужил эпизод, разыгравшийся в парке лондонского Темпла. Ричард, герцог Йоркский, со своей свитой прогуливался по аллеям и встретился со сторонником Генриха VI Джоном Бофортом, герцогом Сомерсетом. Старые враги, они не преминули поссориться, а в их ссоре приняли участие и гулявшие с ними придворные.

Шекспир включил эту сцену в историческую драму «Генрих VI. Часть первая». В сцене в парке Темпла Ричард Йорк предлагает тем, кто верит в него, украсить себя белой розой:

Пускай же тот, кто истый дворянин
И дорожит рождением своим,
Коль думает, что я стою за правду,
Сорвет здесь розу белую со мной¹².

Однако в парке Темпла росли и алые розы. Поэтому оппонент Ричарда Сомерсет, убежденный, что правда на его стороне, призывает своих сторонников сорвать с куста алую розу:

Пусть тот, кто трусости и лести чужд,
Но искренне стоять за правду хочет,
Со мною розу алую сорвет.

С этого исторического момента алая и белая розы попадают на штандарты враждующих домов Ланкастеров и Йорков.

ВОЙНА АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ: ЙОРКИ ПРОТИВ ЛАНКАСТЕРОВ

Противостояние двух групп вылилось в династическую распрю, вошедшую в историю под поэтическим названием войны Алой и Белой розы. Алая роза украшала герб дома Ланкастеров, белая — Йорков. Начавшись в 1455 г., всего через два года после окончания Столетней, война Роз продолжалась три десятилетия и завершилась восхождением на престол первого короля династии Тюдоров Генриха VII.

¹² Пер. Е. Н. Бируковой. (Шекспир У. Генрих VI. Часть первая // Шекспир У. Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М., 1957. С. 120).

Эдуард IV

Строго говоря, эта внутренняя распря не была гражданской войной: партии феодалов воевали между собой, в то время как мирное население оставалось достаточно равнодушным к их борьбе. Ситуации, когда вся страна раскололась бы на два противоборствующих лагеря, не было. Об этом свидетельствуют и письма из знаменитого архива семейства Пастонов — они написаны так, словно война Роз вовсе не касалась авторов и адресатов, живших в то нелегкое время обычной, размеренной жизнью.

Первое сражение между йоркистами и ланкастерцами произошло в окрестностях Сент-Олбанса 22 мая 1455 г. Оно завершилось полной победой сторонников Ричарда. В бою погиб главный советник короля герцог Сомерсет, а сам король получил ранение в шею.

После этого короля перевезли в Лондон. Довольно странно, что его сопровождал герцог Йоркский, который, впрочем, подчинил Генриха своей воле и вновь заставил короля объявить его лордом-протекто-

ром. Однако через несколько недель, когда состояние мужа улучшилось, королева Маргарита сумела добиться вторичного падения герцога и восстановила власть Ланкастеров в полном объеме.

Тем не менее в 1459 г. герцог Йоркский предпринял вооруженную попытку вернуть себе прежнее положение. 10 июля 1460 г. граф Уорик со своей армией разбил войско ланкастерцев в сражении при Нортхемптоне, захватив в плен самого короля. Несмотря на очевидную победу, Ричард Йоркский еще не смел покушаться на корону — он только потребовал, чтобы пленник признал его своим наследником. Этим Ричард грубо нарушил законные права принца Уэльского Эдуарда (1453–1471). В дальнейший ход событий решительно вмешалась королева Маргарита, намереваясь защищать права сына. Ей удалось одержать победу над йоркистами в битве при Уэйкфилде, состоявшейся 31 декабря 1460 г. В ней погиб и глава партии Белой розы, сорокадевятилетний Ричард, герцог Йоркский. После этого во главе йоркистов встал старший сын покойного Эдуард (1442–1483).

Эдуарду Йоркскому удалось нанести поражение ланкастерцам в сражении при Мортимер-Кросс 3 февраля 1461 г.¹³ В этой битве был взят в плен один из самых преданных сторонников Генрика VI Оуэн Тюдор. Враги приговорили его к публичной казни.

После победы при Мортимер-Кросс торжествующий Эдуард Йоркский провозгласил себя английским королем. Королева Маргарита не могла вынести такого оскорбления. Для безопасности она переправила сына за границу, сперва в Шотландию, затем — во Францию, а сама осталась воевать с йоркистами. 17 февраля 1461 г. воинственная королева победила в битве при Сент-Олбансе и освободила из плена своего мужа.

У Англии одновременно оказались два короля — Генрих VI и Эдуард IV, причем удача явно сопутствовала последнему. 29 марта 1461 г. он одержал победу при Таутоне, в самом кровопролитном из всех сражений периода войны Алой и Белой розы. По некоторым оценкам, на поле боя погибло до 60 тыс. человек. Генрих и его отважная королева были вынуждены бежать в Шотландию.

¹³ В утро сражения армия йоркистов дрогнула, сочтя за дурное предзнаменование оптический мираж — появление на небе трех солнц. Командовавший войском граф Марч с трудом убедил своих людей в том, что это добрый знак. После победы на гербе Йорков появились три солнечных луча, исходящие от белой розы, — память о благоприятном предзнаменовании.

На некоторое время Эдуард IV прочно утвердился на английском престоле. Одним из его влиятельнейших сторонников был Ричард Невилл, граф Уорик, крупнейший йоркистский полководец, получивший прозвище Делатель королей. В 1464 г. Эдуард женился на Элизабет (Елизавете) Вудвилл, дочери графа Риверса. Уорик был недоволен этим браком, поскольку первым мужем Элизабет был ланкастерец Джон Грей. Более того, Уорик полагал, что английскому королю следовало бы поискать себе невесту среди принцесс французского королевского дома. С этого момента Уорик охладел к королю Эдуарду IV и со временем вступил в тайный союз с ланкастерцами. В 1470 г. он открыто перешел на сторону Генриха VI и присоединился к войску его сторонников, которые предприняли очередную попытку вернуть корону законному королю. Делатель королей вернул корону Генриху, а Эдуарду пришлось бежать во Фландрию. Однако на следующий год он вернулся и добился новых ошеломляющих успехов.

14 апреля 1471 г. ланкастерцы проиграли битву при Барнете, что в нескольких километрах к северу от Лондона. Граф Уорик был схвачен йоркистами и убит. Дальнейшие события привели к окончательному поражению партии Алой розы. Эдуард IV одержал безошибочную победу в битве при Тьюксбери 4 мая 1471 г. В этом сражении погиб единственный наследник Генриха VI принц Уэльский Эдуард, попала в плен королева Маргарита¹⁴. Через несколько дней после победы йоркистов умер Генрих VI — он был схвачен своими врагами незадолго до финальной битвы. На этом завершилась история Ланкастерского дома. Однако Йоркам рано было праздновать победу — новую династию подстерегали суровые испытания.

¹⁴ После смерти сына и мужа королева Маргарита пребывала в плену около пяти лет, а затем была выкуплена французским королем. Оставшиеся шесть лет жизни она провела во Франции.

ЙОРКСКАЯ ДИНАСТИЯ

ЭДУАРД IV

Большую часть жизни основатель Йоркской династии Эдуард IV провел на престоле. Ему было всего девятнадцать лет, когда в 1461 г. он провозгласил себя королем, и еще двадцать два года, не считая нескольких месяцев реставрации Генриха VI (1470–1471), он правил Англией.

Этого короля можно было бы назвать весьма воинственным: не довольствуясь борьбой с Ланкастерами, уже осенью 1468 г. он начал готовиться к новой войне против Франции, желая отвоевать земли, потерянные Англией в результате Столетней войны. Для ведения военных действий Эдуарду нужны были деньги, причем в значительно большем количестве, чем позволял положить в королевскую казну ограничивавший сбор налогов парламент. Находчивый король вскоре изобрел способ выкачивания средств в обход парламента. Он посылал от своего имени людей в дома наиболее богатых жителей Лондона, чтобы известить хозяев о том, что их король страшно нуждается в деньгах и был бы премного обязан, если бы ему одолжили некоторую, как выяснялось потом — очень солидную, сумму. В такой ситуации обрадованные королевским доверием горожане радостно спешили облегчить свои кошельки, причем большинство из них даже не помышляло о том, что король когда-нибудь вернет долг. Такие «добровольные пожертвования» дали Эдуарду IV возможность подготовить войско для вторжения во Францию.

Время для переброски армии в Кале было выбрано королем абсолютно верно: в 1475 г. Людовик XI Французский был поглощен усмирением своих вассалов, всячески протестовавших против централизации королевской власти, и французскому королю было невыгодно воевать на два фронта. Поэтому Людовик поспешно предложил заключить мир, фактически откупившись от английского короля обещанием выплачивать ему ежегодные субсидии.

Война Роз не закончилась со смертью Генриха VI. Враги Эдуарда, ланкастерцы, продолжали плести интриги. Короля сильно беспокоил его средний брат Джордж, герцог Кларенс. В конце 1460-х годов он перешел на сторону Уорика, осуждая брак Эдуарда IV с Элизабет Вудвилл, а в 1470-е годы король, помирившийся с братом после смерти Генриха VI, вновь заподозрил Кларенса в измене. В 1478 г. король распорядился бросить Кларенса в Тауэр, откуда арестант уже не вышел — ходили слухи, будто герцога утопили в бочке с вином.

Эдуард IV вошел в историю не только как основатель Йоркской династии, ловкий политик и отважный воин. Он заботился и об экономическом процветании страны, уделяя внимание развитию торговли и ремесел. Так, в период его царствования в Англии началось производство шелковых тканей, прежде ввозившихся в страну из-за рубежа. Король любил книги и оказывал покровительство английскому первопечатнику Уильяму Кэкстону¹. При Эдуарде в Англии была создана и первая «экспресс-почта»: на дорогах появились почтовые станции, где всегда держали наготове свежих лошадей. Меняя лошадей через определенные промежутки, в бешеной скачке королевские курьеры могли преодолеть около сотни миль в сутки. Разумеется, с такой неслыханной по тем временам скоростью перевозились только самые важные сведения.

НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В АНГЛИИ

Первая английская книга была напечатана Уильямом Кэкстоном (ок. 1422–1491). О жизни этого человека мы знаем совсем немного: в молодые годы Кэкстон поступил учеником к богатому купцу Роберту Ларджу, который впоследствии стал лорд-мэром Лондона. Связи и влияние Ларджа помогли возвыситься и Кэкстону, который около

¹ Собрание принадлежавших Эдуарду IV книг в настоящее время хранится в Британской библиотеке.

Кэксон представляет королю книгу

трех десятилетий провел в Брюгге, став там своего рода английским консулом, представлявшим и защищавшим интересы англичан, живших в этом торговом городе.

Брюгге славился не только товарами, но и любовью к книгам, которые здесь переводились, создавались, переписывались, а затем и печатались. Очевидно, и Кэксон, наблюдая за рождением новых книг, решил взяться за перо и перевести с французского на английский собрание повестей о Трое. Он начал работу около 1464 г., и через несколько лет перевод был завершен. Кэксон, видимо, показывал его в кругу знакомых, которые пожелали иметь собственные списки. Тогда Кэксон решил извлечь выгоду из своего любимого занятия и в 1474 г. напечатал эту книгу. Затея оказалась очень успешной, и в 1474–1475 годах он напечатал в Брюгге еще две книги — одну на французском языке, а другую, «Игра в шахматы», — на английском.

После этого Кэкстон вернулся на родину и, обосновавшись в Лондоне, неподалеку от Вестминстерского аббатства, открыл там первую в Англии типографию². Первой печатной книгой, изданной собственнo в Англии, стали «Изречения философов» (1477).

В то время производство печатных книг было делом очень кропотливым и трудоемким. Набор литер производился вручную, строка за строкой. Одновременно к печати готовили целый разворот — две странички. Когда набор завершался, литеры смазывали чернилами — их наносили на лоскут кожи, которым затем проводили по всему набору. Затем сверху накладывалась бумага, прижимавшаяся к наборной печатной форме с помощью пресса. Каждая пара страниц печаталась подряд столько раз, сколько экземпляров книги намеревался получить владелец типографии. После этого набор разбивался, литеры аккуратно сортировались по специальным ящичкам, а затем начиналась работа над следующей парой страниц.

Привычных для нас печатных шрифтов еще не существовало. Поскольку люди прежде имели дело только с рукописными текстами, Кэкстон изготовил типографские литеры так, чтобы их оттиски казались также рукописными буквами³. Если у первых книг с левой стороны поля всегда были ровными, то справа края неизменно оставались рваными, потому что длина строк, как и при письме, получалась разной, а выравнивать их за счет пробелов между словами еще не догадались. Однако через несколько лет работы Кэкстон освоил и этот прием.

Создание печатной книги занимало много времени, но уже за первые три года в вестминстерской мастерской Кэкстона было напечатано около трех десятков книг⁴. Всего же первопечатник опубликовал девяносто девять изданий. Вскоре в Англии появились и другие типографии. Это способствовало резкому увеличению числа книг и их удешевлению. Благодаря книгопечатанию повысился общий культурный уровень англичан, ибо книги всегда несли людям знания.

² Король Эдуард IV так заинтересовался книгопечатанием, что побывал в мастерской Кэкстона в Вестминстере.

³ Во времена Кэкстона при письме не употреблялись буквы *j* и *i*. Вместо них писались буквы *i* и *v*.

⁴ В числе первых книг, напечатанных в типографии Кэкстона, были «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера.

ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ И ЗЛОДЕЙ РИЧАРД III

У Эдуарда IV, помимо Джорджа, герцога Кларенса, был еще один младший брат, Ричард, герцог Глостер (1452–1485), который всегда пользовался доверием короля. Не думал Эдуард, что после его смерти Ричард станет бичом его семьи.

Старший сын Эдуарда IV, Эдуард V (р. 1470), стал королем в двенадцатилетнем возрасте, а регентом при нем был назначен герцог Глостер. Однако Ричард лелеял план захватить королевский престол, от которого его отделяли два малолетних племянника.

Эдуард IV умер 8 апреля 1483 г., а в июле того же года герцог Глостер провозгласил себя королем. Таким образом, маленький Эдуард V числился королем не более трех месяцев и не был коронован.

Регент Глостер использовал эти месяцы, чтобы расчистить себе дорогу к трону. Первой его задачей было расправиться с многочисленной родней вдовствующей королевы. Немедленно были отправлены на эшафот граф Риверс, брат королевы Элизабет, и лорд Грей, ее сын от первого брака. Им было предъявлено обвинение в участии в заговоре с целью устранения лорда-протектора. Затем дядя-узурпатор захватил племянников и отправил мальчиков в Тауэр. Вслед за этим герцог Глостер начал распространять слухи, ставившие под сомнение законность перехода короны к маленькому Эдуарду V. Он утверждал, что Элизабет не являлась законной женой Эдуарда IV. Дело не в том, что прежде она была женой ланкастерца лорда Грея, сложившего голову в одном из сражений войны Роз. Ричард знал, что до свадьбы с Элизабет в мае 1464 г. его царственный брат был обручен с дочерью графа Шрусбери, Элеонорой Батлер, которая затем ушла в монастырь, где умерла в 1466 г. Одного этого хватило бы для признания брака Эдуарда IV с Элизабет недействительным, а их детей — незаконнорожденными. Однако доводы в пользу незаконности возведения на престол Эдуарда V этим не исчерпывались. Некоторые утверждали, что покойный король был не только обручен, но и женат на Элеоноре Батлер. Кроме того, в жилах Элизабет не текла королевская кровь, и что еще хуже, до брака с королем она уже побывала замужем и имела двоих детей.

Подобные рассуждения оправдывали узурпацию престола Ричардом Глостером, ставшим королем Ричардом III. Разумеется, новый монарх не мог чувствовать себя спокойно до тех пор, пока были живы его несчастные племянники, Эдуард V и Ричард, герцог Йоркский. Принято считать, что мальчики были умерщвлены в Тауэре по приказу своего

Принцы в Тауэре

безжалостного дяди. По одной версии, они были убиты тюремщиками, по другой — заморены голодом⁵. Место их погребения неизвестно.

Правда, в 1674 г. при ремонте одного из помещений Тауэра были обнаружены два скелета, которые приняли за останки детей Эдуарда IV. Они были погребены в Вестминстерском аббатстве, усыпальнице английских королей. В 1930-е годы останки были эксгумированы и подвергнуты тщательной экспертизе. Выяснилось, что скелеты действительно принадлежали подросткам 12 и 10 лет. Эти данные совпали с возрастом принцев на момент их смерти (Эдуард родился в 1470 г., Ричард — в 1473 г.).

Находка костей в Тауэре — событие не уникальное. Известно, что в XVII в., чуть ранее обнаружения предполагаемых останков принцев, в стене комнаты, где содержались маленькие узники, нашли замурованные человеческие кости. Так что нельзя с уверенностью ска-

⁵ В 1503 г. доверенный друг Ричарда III Джеймс Тирелл показал, что принимал участие в убийстве принцев. Однако признание это, возможно, было вырвано у него под пыткой.

Ричард III

зять, нашли ли упокоение в Вестминстерском аббатстве останки детей именно Эдуарда IV.

Благодаря Томасу Мору, составившему жизнеописание Ричарда III, другу великого гуманиста историку Полидору Вергилию, интересовавшемуся событиями времен войны Роз, а также Уильяму Шекспиру, автору исторической драмы «Ричард III» в глазах всего человечества этот король предстал в образе злодея, не брезговавшего никакими средствами для достижения заветной цели, макиавеллиста, обогрившего свои руки кровью маленьких племянников.

Ричарду III инкриминируются и другие тяжкие грехи. Считается, например, что на его совести убийство девятилетней девочки, супруги младшего из его племянников. Кроме того, высказываются предположения, что именно по его наущению Эдуард IV отдал приказ об умерщвлении герцога Кларенса. Обвинения тяжкие, однако неопровержимых доказательств преступлений Ричарда нет⁶.

⁶ Вопреки расхожему представлению, Ричард III не был горбуном. Однако даже на парадном портрете можно заметить, что одно плечо у него было выше другого.

В 1472 г. Ричард женился на Анне Невилл, дочери Делателя королей, графа Уорика. Этот брак свидетельствует о политической прозорливости Ричарда. Уорик был ключевой фигурой в партии ланкастерцев, а его дочь была невестой покойного принца Уэльского Эдуарда, единственного наследника Генриха VI. Женитьбой на Анне перекидывался мост родственных связей между Йорками и Ланкастерами — это обстоятельство усиливало его собственное положение в период династической распри. Однако трудно объяснить, что именно побудило Анну Невилл дать согласие на брак с Ричардом, тогда еще герцогом Глостером: в тщеславном желании стать королевой любой ценой ее трудно заподозрить — еще был жив Кларенс, а у Эдуарда IV уже родился сын. Если Анна вышла замуж за человека из лагеря убийц ее отца и жениха, значит, в Ричарде было нечто такое, что привлекало ее, — ум, властность. Кроме того, союз с ним гарантировал ей неприкосновенность и защиту от йоркистов.

Ричард III правил Англией всего три года. Корона не принесла ему счастья. В апреле 1484 г. умер его единственный сын и наследник, в марте 1485 г. скончалась от чахотки королева Анна. Король пережил ее всего на пять месяцев: если ему удалось подавить восстание 1483 г., которое готовили сторонники томящихся в Тауэре принцев, то в 1485 г. ланкастерцы во главе с Генрихом Тюдором, графом Ричмондом, оказались сильнее. Ричард был убит в битве при Босворте 22 августа 1485 г.

Ричард III запомнился прежде всего своей причастностью к трагедии маленьких принцев⁷. Однако этот коронованный злодей, не брезговавший ничем ради достижения собственных целей, успел совершить и несколько полезных дел. В частности, перевел судопроизводство с латинского языка на английский, поощрял образование и выделял средства для поддержания неимущих студентов.

⁷ Известный английский писатель XVIII в. Гораций Уолпол высказывал сомнение в том, что Ричард III повинен в убийстве племянников. С его точки зрения, король был оклеветан. Позицию Уолпола разделяли и разделяют многие, а версия о гибели принцев в Тауэре получила название «тюдоровского мифа», так как в такой интерпретации событий были заинтересованы представители сменившей Йорков династии Тюдоров.

ТЮДОРОВСКАЯ АНГЛИЯ

ТЮДОРЫ ПРИ ПОСЛЕДНЕМ ЛАНКАСТЕРЕ И ЙОРКАХ

После смерти королевы Екатерины положение Оуэна Тюдора резко изменилось. Если авторитет матери побуждал Генриха VI относиться к отчиму с симпатией, то теперь враги Тюдора легко настроили безвольного короля против него. Над вдовцом нависла угроза быть обвиненным в нарушении пресловутого закона о замужестве вдовствующих королев. Представ перед Королевским советом, он все же сумел оправдаться и был отпущен восвояси. Из Лондона Тюдор отправился в Уэльс, но по дороге был арестован и водворен в лондонскую тюрьму Ньюгейт. Попытка побега из этого узилища окончилась неудачей, но в середине 1438 г. арестанта перевели в Виндзорский замок, где продолжали держать под стражей.

В трудном положении оказались и дети Екатерины и Оуэна Тюдора. О детских годах маленького Оуэна ничего не известно, но воспитание старших мальчиков, Эдмунда и Джаспера, взяла на себя аббатиса монастыря в Баркинге Катрин де ла Поль, приходившаяся родной сестрой графу Саффолку. Когда младшие Тюдоры стали юношами, в их судьбе начал принимать участие их сводный брат, король Генрих VI. В приливе симпатии ко второй семье своей матери он подобрал Эдмунду и Джасперу серьезных, высоконравственных наставников.

В 1439 г. старшего Тюдора освобождают из-под стражи. Его судьба сказочно меняется, Генрих VI приближает его ко двору, а затем, в 1452 г., король официально объявляет сводных братьев членами королевской семьи. К этому времени младший из них, Оуэн, уже стал монахом-бенедиктинцем, однако для старших, Эдмунда и Джаспера, это обстоятельство открывало блестящие перспективы: у короля все еще не было детей, а это означало, что уэльские братья могли рассматриваться как реальные претенденты на английский престол в случае смерти Генриха VI. Подчеркивая высокое положение сыновей своей матери, в том же 1452 г. Генрих пожаловал Эдмунду титул графа Ричмонда, а Джасперу — графа Пембрука. У молодых графов появились собственные резиденции в Лондоне, король щедро одаривал их деньгами, а новые поместья приносили весьма ощутимые доходы. Граф Ричмонд получал большие доходы от того, что в его поместьях разводили овец, шерсть которых с большой выгодой продавалась в Европу, а граф Пембрук богател за счет добываемого на его землях угля.

В 1455 г. Эдмунд Тюдор женился на Маргарет Бофорт. В жилах Тюдора текла кровь французских королей, его невеста вела свой род от Джона Гонта, герцога Ланкастерского. Ее дед Джон Бофорт был незаконнорожденным сыном Гонта — внуком Эдуарда III и сводным братом Генриха IV. Позднее герцог Ланкастерский женился на матери Джона Бофорта, Екатерине Суинфорд, а сам Джон в 1397 г. был признан законным сыном и наследником своего отца.

Маргарет Бофорт лишилась отца за четыре дня до того, как ей исполнился год. Богатейшая наследница, она оказалась одной из самых завидных невест Англии. Чуть ли не в младенческом возрасте ее просватали за сына графа Саффолка Джона де ла Поля, однако после смерти Саффолка в 1450 г. этот формальный брак был признан недействительным. В двенадцатилетнем возрасте Маргарет стала женой Эдмунда Тюдора, а еще два года спустя, 28 января 1457 г., родила мальчика, нареченного в честь короля Генрихом и унаследовавшего от родителей кровь английских и французских королей. Существует легенда, согласно которой новорожденного хотели наречь Оуэном, однако мать настояла, чтобы его окрестили Генрихом. В Уэльсе верили в старинное пророчество, по которому когда-нибудь английская корона достанется валлийскому принцу по имени Оуэн, и когда в 1485 г. Генрих стал королем Англии, в Уэльсе вспомнили, как ему выбирали имя, и решили, что пророчество сбылось.

Эдмунд Тюдор не увидел своего единственного сына — он умер за два с небольшим месяца до его появления на свет. Воспитанием Генриха занялся его так и оставшийся холостяком дядюшка Джаспер, который после смерти старшего брата стал ближайшим советником Генриха VI.

Родственные узы и собственные интересы сделали Тюдоров самыми горячими приверженцами короля. На протяжении всей войны Алой и Белой розы они были последовательными ланкастерцами. С весны 1461 г., т.е. с того времени, как граф Марч провозгласил себя королем Эдуардом IV, Джаспер начал терять былое влияние. Поражение Генриха VI он воспринял как личную трагедию, да так оно и было, поскольку после битвы при Мортимер-Кросс йоркистами был казнен его собственный отец. На протяжении последующих лет он разделял со своим королем все горести и тревоги, торжествовал во время его короткой реставрации у власти, затем в 1471 г. бежал из Англии во Францию и через четырнадцать лет, наконец, стал свидетелем торжества Тюдоров, когда его племянник Генрих получил английскую корону.

6 апреля 1457 г. вдова Эдмунда и мать крохотного Генриха Тюдора вышла замуж за Генри Стаффорда, второго сына герцога Букингема. После победы йоркистов в 1461 г. маленький Генрих был определен под присмотр йоркистов Гербертов, получивших владения его дяди Джаспера, лишённого королем Эдуардом IV титула и поместий. Впоследствии за верную службу Эдуарду лорд Герберт удостоился и титула графа Пембрука.

Генриху повезло с опекуном: и Уильям Герберт, и его супруга Анна Деверо очень любили детей. Герберты прекрасно понимали высокое положение своего подопечного, старались воспитывать мальчика в соответствии с его благородным происхождением. Биограф Генриха VII Полидор Вергилий отмечал, что мальчиком будущий король находился в необычном плену — за ним ухаживали, словно он являлся наследником престола. Более того, Герберты относились к нему как к родному, а сэр Уильям даже мечтал о том, что, став взрослым, юный граф Ричмонд (этот титул перешел к нему от отца) женится на одной из его дочерей, Мод. Показательно, что сразу после восшествия на престол Генрих приказал доставить к нему во дворец Анну Деверо, которая в свое время заменила ему мать. Следует отметить, что свою настоящую мать юный Генрих видел очень редко. Даже после того, как в 1461 г. она и ее муж признали Эдуарда IV королем, ее визиты к сыну не поощрялись.

В 1469 г. граф Уорик нанес серьезное поражение йоркистам в битве при Эджкоте. Йоркистами командовал новый граф Пембрук. Он попал в плен к ланкастерцам и был казнен. Вскоре после этого события тринадцатилетний Генрих, лишившийся опекуна, был переправлен к своему дяде Джасперу.

В дни торжества Ланкастеров в 1470 г. подросток Генрих был представлен дяде-королю (Полидор Вергилий пишет, что, увидев племянника, Генрих VI произнес пророческие слова: «Вот истинно тот, перед кем нам следует расступиться и освободить ему путь к власти»), а после смерти Генриха VI и его сына все приверженцы Ланкастеров связали свое будущее с молодым графом Ричмондом. И молодому Тюдору, и его дяде было опасно оставаться в Англии, поэтому оба отправились во Францию, где надеялись обрести поддержку у Людовика XI — французский король всегда был не прочь досадить английскому монарху, тем более что Тюдоры были его кровными родственниками. Однако путники попали к герцогу Бретонскому Франциску II, который использовал их как козырную карту в выстраивании своих отношений и с Эдуардом IV, и с Людовиком XI. Между тем обеспечивать безопасность Тюдорам и сохранять независимость Бретани становилось все труднее.

С приходом к власти в Англии Ричарда III Генрих Тюдор попал в перечень наиболее опасных для короля лиц: поскольку король Ричард безжалостно устранял своих возможных соперников, сбросить со счетов молодого Тюдора он не мог, тем более что после известия о гибели маленьких принцев в Тауэре часть сторонников Йорков отшатнулась от Ричарда и была готова поддержать Генриха Тюдора в его претензиях на престол. Ричард же настолько боялся появления соперника в Англии, что приказал флоту постоянно патрулировать проливы, дабы исключить переправу Тюдора.

Вокруг Генриха начали группироваться англичане, по тем или иным причинам не желавшие видеть своим королем жестокого Ричарда. В 1484 г. Тюдору удалось бежать во Францию, где он принялся серьезно готовиться к войне с Ричардом и уже называл себя королем. В 1485 г. он высадился в Милфордской гавани в Уэльсе во главе шеститысячного войска и, пройдя через северный Уэльс, вышел в графство Лестер, где его поджидал король Ричард.

Противники сошлись в битве при Босворте 22 августа 1485 г. Это сражение стало последним для Ричарда. Битвой при Босворте был

положен конец тридцатилетней войне. Восторжествовала Алая роза, принадлежавшая теперь уже не Ланкастерам, а Генриху Тюдору, графу Ричмонду, или королю Англии Генриху VII.

ПЕРВЫЙ ТЮДОР ОБЖИВАЕТСЯ НА ТРОНЕ АНГЛИИ

Взойдя на престол, Генрих VII с первых шагов начал укреплять свою власть. Его единственным потенциальным соперником был пятнадцатилетний Эдуард Плантагенет, сын герцога Кларенса. Юноша

Генрих VII

находился в замке Хаттон в графстве Йорк, но новый король приказал перевезти его в Лондон и содержать в Тауэре под бдительным надзором. История повторялась, и жертвой мрачной крепости вновь стал ни в чем не повинный мальчик, все преступление которого состояло в принадлежности королевскому роду.

Сразу же после вступления в Лондон Генрих был коронован, а 7 ноября 1485 г. уже собрал свой первый парламент. Прибывшие по королевскому зову были немногочисленны — всего двадцать девять пэров,

Воины времен Тюдоров

причем некоторые из них были только что возведены в это звание за заслуги перед Тюдорами. Свежеиспеченные пэры, преисполненные благодарности за свое возвышение, являли собой надежную опору для власти нового короля. В целом же поредевшие ряды членов парламента наглядно свидетельствовали о том, до какой степени пострадала английская феодальная знать за время войны Алой и Белой розы.

Король поставил перед парламентом целый ряд вопросов. Во-первых, Генриху необходимо было обеспечить признание права своих еще не рожденных наследников престола. Во-вторых, он был намерен добиться официального парламентского прощения всем своим осужденным при Йорках сторонникам, а заодно — признания преступности действий поверженных противников. Однако новый государь не слишком жаждал крови врагов: осуждению подверглись лишь лидеры и главные подстрекатели, рядовым же йоркистам была объявлена всеобщая амнистия, Мягкость, проявленная Генрихом, была продик-

тована соображениями политической выгоды: преследования и всевозможные репрессивные меры против большого количества людей заставили бы их подняться на борьбу с Тюдором. Генриху же новые распри были ни к чему.

Характерно, что довольно остро нуждаясь в деньгах после завершения войны, король даже не попытался обсудить со своим первым парламентом вопросы, касающиеся финансов. Не желая вызывать недовольство подданных новыми налогами, Генрих решил извлекать доходы из иностранцев. При нем государственная казна существенно пополнилась за счет поступавших в нее въездных пошлин. Король также распорядился о том, чтобы нереализованные заморские, в основном итальянские, товары конфисковывались в пользу государства. Правда, прежнему владельцу предоставлялось право выкупа добра, но деньги, которые приходилось платить, поступали королю.

Генрих VII научил свой народ, что возвеличить страну можно не только блистательными военными победами, но и искусным управлением государством. Стремясь к миру, король был вынужден постоянно демонстрировать силу. При нем были заложены основы регулярной армии — появилась лейб-гвардия, игравшая сперва роль королевских телохранителей.

ПОЧЕМУ БЫЛА ОТЛОЖЕНА КОРОЛЕВСКАЯ СВАДЬБА

Генрих VII стремился завоевать народную поддержку. В частности, свой въезд в столицу король превратил в пышный народный праздник. Гулянья и пиры сменяли друг друга, пока в городе не началась эпидемия странной лихорадки, положившей конец дармовым увеселениям. Эта болезнь заставила короля отложить до лучших времен свою свадьбу.

Выбор невесты был сильным политическим ходом Генриха: король решил жениться на принцессе Елизавете Йоркской, дочери покойного Эдуарда IV. Эту девушку называли «Белой Розой Англии», потому что она была живым олицетворением дома Йорков. Для Генриха Тюдора брак с Елизаветой явился эффективным средством примирения с йоркистами. Если бы Елизавета вышла замуж за кого-либо другого, положение короля Генриха оказалось бы более уязвимым. Значение

брака с Елизаветой понимал и Ричард III: считается, что еще при жизни своей супруги он подумывал о том, как бы ему жениться на племяннице или не допустить ее замужества вообще.

Йорки восприняли отсрочку бракосочетания почти как оскорбление, однако в январе 1486 г. королевская свадьба все-таки состоялась.

ДЕТИ АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗ

Едва ли брак Генриха VII и Елизаветы Йоркской был согрет горячей любовью, однако он принес щедрые плоды: у королевской четы было трое сыновей и четыре дочери. Ни одного из маленьких принцев не нарекли именем, которое было бы популярно среди представителей дома Йорков. Первенец получил любимое в Уэльсе имя Артур (1486–1501) — король не забыл свои валлийские корни. Восторженные жители Уэльса готовы были поверить в то, что сбывается древнее пророчество и в образе Артура Тюдора к ним вернется легендарный герой. Второй сын, Генрих (1491–1547), был наречен в честь не только отца, но и всех королей династии Ланкастеров. Младший из принцев, Эдмунд, был назван в честь деда по отцовской линии.

Старшую дочь короля Маргарет (1489–1541), будущую супругу шотландского короля Якова IV, назвали в честь бабки по линии отца, вторую принцессу окрестили в честь матери Елизаветой, третья получила имя Мария, четвертая — Екатерина.

АЖЕДМИТРИИ ПО-АНГЛИЙСКИ

Несмотря на многочисленные попытки Генриха VII сохранить гражданский мир в стране, его царствование было отмечено двумя бунтами, похожими друг на друга тем, что причиной в обоих случаях было появление самозванца, объявлявшего Генриха узурпатором и претендовавшего на английскую корону.

Первый такой мятеж вспыхнул в 1487 г. Начался он, по существу, в тихом университетском Оксфорде, где некий священнослужитель Саймон облюбовал пригожего сына то ли булочника, то ли столяра, обучил юношу (его звали Ламберт Симнел) благородным манерам и подговорил его назваться Эдуардом Плантагенетом, последним представителем дома Йорков мужского пола, который в это время

томился в Тауэре. Однако делать подобные заявления в Англии было рискованно — слишком много людей знало настоящего Эдуарда, а за два года заточения внешность молодого человека не могла столь сильно измениться.

Авантюристы отправились в Ирландию, где подальше от короля собрались наиболее ревностные йоркисты. Первый, к кому обратился Саймон по прибытии в Ирландию, был наместник Ирландии Томас Фитцджеральд, граф Килдэр. Он безоговорочно поверил в то, что Ламберт Симнел является настоящим принцем. Посоветовавшись со своими доверенными лицами, которые также не усомнились, что перед ними Плантагенет, Фитцджеральд оповестил народ о приезде принца. Юношу с великим почетом поселили в Дублинском замке, причем он воспринимал все оказываемые ему знаки уважения как должное и ни разу не попал впросак. Несколько дней спустя Симнел был провозглашен королем Эдуардом VI, и никто из присутствовавших не встал на защиту прав короля Генриха VII. Во время коронации в Дублине необходимой для церемонии короны не было, поэтому на голову «английского Лжедмитрия» возложили корону, снятую со статуи Богородицы. В поддержку мнимого Плантагенета выступила и вдовствующая герцогиня Бургундская, родная сестра покойного Эдуарда IV и пламенная йоркистка, у которой имелись все основания ненавидеть Генриха Тюдора. Желая насолить своему врагу, она послала в Дублин около 2 тыс. наемников, оплатив не только их содержание, но и амуницию.

Сторонники мнимого Плантагенета пересекли Ирландское море и высадились на английский берег в Ланкашире. Они попытались овладеть Ньюарком, но прежде чем они приблизились к городу, им пришлось дать бой гораздо более многочисленной армии короля. В сражении при Стоуке (16 июня 1487 г.) была уничтожена примерно половина йоркистского воинства; остальные обратились в беспорядочное бегство. В битве погибли многие йоркистские лидеры, другие попали в плен. Был захвачен и Ламберт Симнел.

Чувствуя свою силу, Генрих решил проявить милосердие к незадачливому сопернику: подросток, которому было около двенадцати лет (он родился ок. 1475 г.), не был наказан за государственную измену. Более того, Симнелу дали место при дворцовой кухне, где в его обязанности входило вращать вертел, чтобы жаркое не подгорело. Остается только удивляться, как мальчику-плебею из провинциального Оксфорда удалось уверить многих знатных вельмож в своем

якобы королевском происхождении. По-видимому, он располагал такими сведениями о жизни «своей» семьи, которые едва ли мог сообщить ему священнослужитель Саймон. Возможно, некоторую ценную информацию предоставили авантюристам знатные йоркисты, которым в новое царствование грозила опала.

Прошло всего пять лет, и в начале 1492 г. в ирландском городе Корке объявился очередной самозванец, именовавший себя Ричардом, герцогом Йоркским, т.е. сыном короля Эдуарда IV. Поскольку судьба принца, за которого выдавал себя этот авантюрист, была неизвестна, Лжеричард, настоящее имя которого было Перкин Уорбек, сочинил трогательную историю о своем бегстве из Тауэра и жизни в Португалии. Ирландские йоркисты охотно поверили в чудесное спасение принца крови — желаемое слишком часто принимают за действительное.

Тем временем Англия стояла на пороге новой войны с Францией. С первых дней своего царствования Генрих VII стремился поддерживать добрососедские отношения с этим королевством, однако при Людовике XI Франция достигла такого могущества, что Англии приходилось постоянно быть настороже: все побережье по другую сторону Ла-Манша принадлежало теперь французской короне — после смерти герцога Бретонского преемник Людовика Карл VIII женился на вдовствующей герцогине Анне, и последняя независимая область на берегу пролива утратила свою самостоятельность.

Английский народ, давними узами связанный с герцогством Бретонским, был готов в любой момент выступить на защиту независимости Бретани. Что касается короля Карла VIII, он в тот момент совершенно не был заинтересован в войне с Англией, поскольку, получив Бретань, стремился теперь к завоеванию Италии. Желая избежать войны, французский король оказывал всемерную поддержку самозванцу, грозившему доставить серьезные неприятности Генриху Английскому.

Действительно, узнав об опасном развитии событий в Ирландии, Генрих счел за благо поскорее заключить мир с Францией при условии, что Карл выплатит ему солидную денежную субсидию. Теперь французский король мог спокойно заниматься итальянскими проблемами, а Генриху пришлось расхлебывать новую заваренную йоркистами кашу.

Мнимый Ричард испугался возможной войны с Генрихом один на один и отправился искать поддержки у герцогини Бургундской, ко-

торая признала в нем сына Эдуарда IV. Притязания Лжеричарда¹ на английский престол были поддержаны также Шотландией, всегда выступавшей политической союзницей Франции, и Австрией.

Когда в Ирландии объявился мнимый Эдуард Плантагенет, Генриху VII легко было успокоить народ, публично демонстрируя настоящего Эдуарда, которого продолжали держать в Тауэре. Но показать людям живого сына Эдуарда IV было невозможно, поэтому королю осталось одно: послать в Европу своих шпионов и доподлинно узнать, кем является новый самозванец. Так выяснилось, что авантюриста звали Перкин Уорбек. Родом он был из Турне, где его отец занимал должность сборщика налогов. Родители Перкина были людьми зажиточными, и объяснить, почему он рано покинул отцовский кров, трудно. Агенты английского короля установили, что молодой человек поступил учеником к скорняку, затем попробовал заняться другим ремеслом, а потом стал моряком. Добытые сведения были преданы гласности в Англии, и в результате почти никто не верил в «истинность» мнимого Ричарда Йорка. Этим во многом объясняется та неудача, которую потерпел Уорбек при попытке высадиться в Англии.

В 1495 г. Уорбек отплыл в Англию вместе с небольшой армией, снаряженной на деньги герцогини Бургундской. Строго говоря, его войско по численности не уступало тому, с которым десятью годами ранее направился на родину Генрих Тюдор. Однако в Англии Перкина Уорбека ждал неожиданно суровый прием. Во-первых, сработала пропаганда, но еще важнее было то, что жители королевства порядком устали от внутренних распрей и были благодарны своему королю за наводимый в стране порядок. Едва высадившись в окрестностях Дила, войска претендента были перехвачены местным ополчением. С непрошеными гостями разделялись, как с обыкновенными морскими пиратами: вздергивали на виселицу без суда и следствия. Между тем самому Уорбеку удалось избежать печальной участи своего воинства, и он отправился в Ирландию, надеясь, как и в первый свой

¹ Существует версия истории Перкина Уорбека, по которой он, бретонский моряк, плавал на торговом судне и по прибытии в иностранные порты занимался рекламой роскошных тканей, которыми торговал его хозяин. В Корке разодетого в пух и прах молодого матроса приняли за принца, хотя он сперва отрицал свою принадлежность к королевскому роду. Йоркисты, подметившие в Уорбеке внешнее сходство с Ричардом, герцогом Йоркским, младшим из «принцев в Тауэре», склонили молодого моряка к участию в отчаянной политической аванюре.

визит, обрести там дружескую поддержку йоркистов. Но тщетно — Ирландия стала другой. Пришлось ему искать убежища в Шотландии.

Король Шотландии Яков IV оказал радушный прием Лжеричарду и даже женил его на своей родственнице Кэтрин Гордон. Яков подумывал о военной интервенции в Англию, но его начинания вызвали массовые протесты. Королю пришлось усмирять своих подданных — многие шотландские лорды получали денежное содержание от английской короны и вовсе не желали лишаться этого блага из-за какого-то Уорбека.

Претенденту пришлось покинуть Шотландию — в противном случае уже Якову понадобилось бы оборонять свои владения от вторжения англичан, возмущенных его поддержкой Лжеричарда. Уорбек попытался высадиться в Корнуолле. Там в июне 1497 г. вспыхнуло восстание против налогов, которые были введены Генрихом VII, не исключавшим возможности начала войны с Шотландией. Восставшие, которых подстрекал Уорбек, двинулись на Лондон, но были разгромлены королевскими войсками в окрестностях Блэкхита. Остатки людей Уорбека направились к Таутону, но уже не могли сражаться с армией Генриха. После капитуляции Перкина Уорбека Генрих VII послал своих людей в замок на горе Св. Михаила у побережья Корнуолла, где в это время находилась жена самозванца. Ее красота и благородство тронули королевское сердце. Молодую женщину оставили при дворе, определив в штат прислужниц королевы Елизаветы.

АНГЛИЯ, ИРЛАНДИЯ И ШОТЛАНДИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

На протяжении всего XV в. власть Англии над Ирландией носила чисто символический характер. И местные правители, и английские лорды действовали совершенно бесконтрольно. Генрих VII положил конец этой ирландской вольнице. В 1494 г. в Ирландию прибыл наместник Генриха сэр Эдуард Пойнингс. В его распоряжении была хорошо вооруженная и многочисленная армия, при помощи которой удалось навести порядок и на Изумрудном острове. Во время этих операций был арестован и известный смутьян граф Килдэр, подержавший в свое время претензии Ламберта Симнела. Ирландские йоркисты были вынуждены признать власть Генрика VII. Верный своей политике, сочетавшей последовательность с милосердием, ко-

роль простил Килдэра. Хроники гласят, что кто-то из королевских министров ворчал по поводу графа, что с ним не может справиться вся Ирландия. Генрих среагировал мгновенно: «Так пусть же теперь он справляется со всей Ирландией», — пошутил и назначил Килдэра своим представителем в этой стране. Следует отметить, что этим поступком король обрел себе преданнейшего из слуг.

События 1497 г. побудили Генриха VII активно искать средства для нормализации отношений с Шотландией. Королю указывали на опасность задуманного союза, полагая, что Шотландия может попытаться присоединить к себе Англию. «Большее всегда поглощает меньшее», — проницательно изрек тогда Генрих, имея в виду размеры королевств. Для осуществления задуманного он устроил брак своей дочери Маргариты с шотландским королем Яковом IV. В 1502 г. Тюдоры породнились со Стюартами, и мир на северной границе Английского королевства был обеспечен.

Брачным союзом решил Генрих укрепить и отношения с Испанией — это было особенно важно из-за резкого усиления Франции, одинаково беспокоившего и Генриха Английского, и испанских правителей Фердинанда Арагонского и Изабеллу Кастильскую. Создатели нового королевства Испания были рады отдать свою дочь Екатерину за наследника английского престола Артура.

Этот брак, заключенный в 1501 г., повлиял на судьбу Перкина Уорбека и Эдуарда Плантагенета. Генрих VII сохранил жизнь обоим претендентам на престол: и авантюристу, и законному наследнику английской короны. Испания же настаивала на физическом устранении этих молодых людей, представлявших собой потенциальную угрозу для перехода престола к Артуру и Екатерине. В результате последний из Плантагенетов и его мнимый родственник были обвинены в государственной измене и отправлены на эшафот.

НОВЫЙ ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ

Всего через четыре с половиной месяца после женитьбы на принцессе из Арагона юный принц Уэльский Артур умер. Желая укрепить дружественные связи королевств, родители Екатерины Арагонской предложили устроить ее брак со вторым сыном Генриха VII, принцем Генрихом, ставшим теперь наследником английской короны. Этот союз, антифранцузский по сути, был выгоден не толь-

ко Англии, но и Испании: Фердинанд Арагонский оспаривал право владеть южной Италией у Карла VII Французского. Соображения политического характера взяли верх над религиозной моралью: и их католические величества Фердинанд и Изабелла, и глубоко религиозные принц и принцесса пошли на нарушение христианского правила, по которому брат не может взять в жены вдову брата. Против этого брака возражал и папа Юлий II, однако победы Испании в южной Италии вынудили святого отца стать гораздо более уступчивым.

Дольше всех колебался Генрих VII. Он не желал отказываться от испанского брака для своего второго сына, стремясь не выпустить из рук богатое приданое Екатерины. С другой стороны, свадьба Генриха и Екатерины ухудшила бы отношения между Англией и Францией, а отказ от брака означал бы полный разрыв с Испанией. В 1503 г. принц Уэльский был обручен с Екатериной Арагонской, продолжавшей оставаться в Англии, однако свадьба их состоялась только в 1509 г., когда молодой Генрих стал королем Англии.

ПАРЛАМЕНТЫ, ТАЙНЫЙ СОВЕТ И «ЗВЕЗДНАЯ ПАЛАТА»

При королях династии Ланкастеров парламент обладал большой властью. Чтобы удержаться на престоле, Генрих IV должен был жить в мире со своим парламентом и во всем спрашивать его согласия и советов, а также отчитываться в своих расходах. С этого времени палате общин всегда представлялись отчеты казначейства. При Генрихе V палата общин начала добиваться, чтобы ни один закон не издавался без ее согласия: «Исконным правом палаты общин было, чтобы ни единый закон не мог издаваться без ее согласия; ей всегда принадлежало право не только ходатайствовать, но и заявлять свое согласие. Посему она просит, чтобы к ее петициям и впредь ничего не прибавлялось, а также и не выкидывалось», — гласила представленная королю петиция общин. Король был вынужден пойти на компромисс, отразившийся в следующей резолюции: «Пусть впредь те законы, которые будут издаваться без согласия палаты общин, ни в коем случае не будут обязательными для общин».

При Генрихе VI общины стали вносить в парламент уже не петиции, а законопроекты — билли. Получившие одобрение в палате

общин билли передавались в палату лордов, которая была вправе их принять, изменить или отклонить. Изменения, в отличие от отклонений, обсуждались с палатой общин, а принятые обеими палатами билли представляли королю. Если король их одобрял, билли становились законами. Если нет — парламент мог снова представить их королю.

При королях династии Ланкастеров палата общин приобрела практически те же права, что и палата лордов. Прежде палату общин называли «бедные, покорные общины». При Генрихе VI название изменилось, превратившись в «высокомудрые, высокочтимые, достойные и осмотрительные общины».

Генрих VII благодаря своим мудрым действиям и новым источникам доходов не должен был выпрашивать деньги у парламента. Власть короля окрепла настолько, что он сам назначал министров и членов постоянно действующего государственного совета, получившего название Тайного. С помощью Тайного совета король решал все государственные дела. Пять членов Тайного совета образовывали высший Королевский суд, заседавший в Звездной палате Вестминстерского дворца, потолок которой был расписан звездами. Поэтому этот суд и получил название «Звездной палаты». Судей назначал только король, решения суда обжалованию не подлежали. «Звездная палата» могла присудить человека к конфискации имущества или тюремному заключению, но не имела права выносить смертный приговор.

«Звездная палата» помогала королю расправляться с неудобными, а заодно и пополнять казну за счет конфискованного имущества подсудимых.

При первых Тюдорах резко возрос авторитет королевской власти. Это нашло прямое отражение в придворном этикете. Если раньше к королю обращались «Ваша Милость», то теперь монарх превратился в «Его Величество».

ПОРТРЕТ ГЕНРИХА VIII

История Англии очень часто напоминает историю ее королей — это самые известные персоны. Однако мы практически не можем представить себе, как они выглядели. Дошедшие до нас портреты и скульптурные изображения монархов весьма условны. Невозможно судить о внешности человека на основании весьма приблизительного

Генрих VIII

изображения его фигуры или лица. Лишь в конце XIV в. появились довольно искусные парадные портреты английских монархов — со времен Ричарда II мы имеем гораздо больше информации о том, как выглядел тот или иной государь.

Короли на портретах XIV–XV вв. изображены весьма условно. Художники старались как можно точнее воспроизвести детали богатого королевского облачения, но испытывали явные трудности при передаче черт лица. Лицо на портретах начало «оживать» только в конце XV столетия и совершенно ожило в царствование Генриха VIII.

Расцвет европейской портретной живописи был одним из признаков культуры эпохи Возрождения с ее повышенным интересом к человеческой личности. В Англии XVI в. фактически единственным культивируемым жанром изобразительного искусства оказался порт-

рет, призванный прославить короля и высшую придворную знать. При Тюдорах ко двору приглашались знаменитые иностранные живописцы. Среди них был и немецкий художник Ганс Гольбейн Младший (ок. 1498–1543), один из ярких представителей ренессансного реализма. Его мастерство можно почувствовать, сравнив написанный им портрет Генриха VIII с изображением Эдуарда IV, деда Генриха по материнской линии.

Черты фамильного сходства проступают в обоих портретах — тяжелый подбородок, глубоко посаженные глаза-буравчики, форма скул, очертания губ, нос. Вглядитесь повнимательнее в лица, изображенные на этих двух портретах, и вы поймете, в чем разница: Гольбейну удалось передать не только облик, но и характер своей модели. Перед нами — жестокий, подозрительный, чувственный, властный человек, настоящий хозяин Англии.

Генрих VIII был самым тучным из английских королей. Гольбейн изобразил его человеком толстощеким, почти без шеи. Обратите внимание на руки короля: массивные перстни буквально врезаются в его холеные, жирные пальцы (это особенно точно передано в изображении указательного пальца левой руки).

Разумеется, Гольбейн стремился польстить королю в своих работах, и необъятность фигуры Генриха выступает здесь как существеннейшая черта — она подчеркивает значимость особы короля, неизбежность его власти.

В свое время Генрих VIII считался красивым, привлекательным мужчиной. Если внешностью он пошел в родню по материнской линии, то характером и твердостью воли напоминал отца. Король был блестящим наездником, великолепно стрелял из лука, обожал рыцарские турниры. Могло бы показаться, что главная цель его жизни — развлечения, однако он умел быть властным и держать государственные дела под своим непосредственным контролем. Политическая проницательность подсказывала ему, что его единственно возможными соперниками являются представители высшей знати, поэтому он предпочитал искать опору в нетитулованном дворянстве — джентри — и городском населении.

Первым своим указом молодой король отправил в Тауэр двух высокопоставленных вельмож, лордов Эмпсона и Дадли, которые впоследствии предстали перед судом. Во-первых, их обвинили в том, что они незаконно изымали деньги в виде налогов с подданных английской короны, — король показывал, что является высшим архи-

Лондонский Тауэр

тром справедливости и бдительно следит за соблюдением законности в своем государстве. Во-вторых, было объявлено, что подсудимые замышляли заговор против августейшей особы монарха, и именно это преступление было истолковано как самое тяжкое. Король был абсолютным монархом, а его особа — священной как никогда.

С годами Генрих становился все более кровожадным. В его царствование к отсечению головы и сжиганию на костре стали приговаривать не только мужчин, но и женщин — вторая жена короля Анна Болейн была лишь первой в этом списке. Жестокости, творимые королем, отражались на его внешности, и даже искусная кисть Ганса Гольбейна Младшего не могла скрыть этой отвратительной и вместе с тем определяющей черты его характера.

Ко всему прочему в последние годы жизни Генрих стал до того тучен, что ходьба давалась ему с трудом. Его также беспокоила неза-

живающая язва на ноге, появившаяся еще в середине 1520-х годов: это был весьма постыдный военный «трофей», ибо во время французской кампании король заразился венерической болезнью. Желая угодить королю, для него изготовили трон на колесах, напоминавший колесницы античных триумфаторов, на котором Генриха возили по дворцовым залам. Вместо лошадей в трон-колесницу впрягались слуги. При движении по деревянным и каменным полам это сооружение производило невообразимый грохот.

ФРАНЦУЗСКАЯ КАМПАНИЯ 1512–1513 ГОДОВ

Незадолго до того, как Генрих VIII стал королем, французский монарх Людовик XII был поглощен борьбой за господство над Италией, в которой его соперником выступал Фердинанд Арагонский. Однако в 1508 г. враги помирились и вместе с германским императором Максимилианом и папой Юлием II заключили союз против Венеции. Через два года после восшествия Генриха VIII на престол расстановка сил в этом союзе резко изменилась: теперь уже Фердинанд Арагонский, папа римский и Венеция образовали Священную лигу с целью изгнать французов из Италии. Через некоторое время к Лиге присоединился Максимилиан. Союзники были весьма заинтересованы в том, чтобы к ним примкнул и молодой Генрих Английский.

Жажда заслужить славу на поле брани побудила Генриха VIII поддаться на уговоры. Ему льстила надежда повторить и приумножить успехи, достигнутые в свое время его блистательным тезкой Генрихом V. Однако для ведения войны король нуждался в хорошо вооруженном и обеспеченном провиантом войске. В подготовке к войне неоценимую помощь Генриху оказал Томас Уолси (ок. 1475–1530), начинавший свою политическую карьеру на посту дворцового капеллана и королевского раздатчика милостыни еще при Генрихе VII.

Примечательно, что война с Францией изначально не сулила Англии никаких выгод, зато затраты предстояли серьезные. Впрочем, Генриху VIII не приходилось особенно заботиться о деньгах, потому что отец оставил ему государственную казну хорошо наполненной. Уолси стал главным помощником короля, готовившегося начать военную кампанию во Франции. Английская армия высадилась в Кале и там дождалась подхода войск германского императора Максимилиана, пользовавшегося славой лучшего полководца Европы. Ставки

Уолси намного возросли, когда Максимилиан с похвалой отозвался об экипировке англичан.

Французская кампания началась с захвата Генрихом и Максимилианом городов Терауана и Турени. Это было выгодно императору. В планы Генриха отход в сторону фламандской границы не входил, он мечтал о Париже, однако прислушался к доводам знаменитого полководца и позволил уговорить себя. Когда была взята Турень, Генрих отблагодарил Уолси, сделав его епископом этого города.

Генрих VIII вскоре на личном опыте убедился, что союзники преследуют прежде всего свои корыстные интересы. В 1512 г. французы были изгнаны из Италии, а Фердинанд получил Наварру. Даже после того, как в 1513 г. умер воинственный папа Юлий II, попытка Людовика XII упрочить свое положение в Италии встретила решительный отпор. Союзники Генриха добились всего, чего хотели, и в 1514 г. Генрих понял, что в одиночку ему с Францией не справиться. Людовик охотно пошел на мирные переговоры, и два монарха договорились скрепить только что зародившуюся дружбу кровными узами: юной принцессе Марии, любимой сестре Генриха, предстояло стать женой вдового французского короля.

Девушка была в отчаянии, и не только потому, что ей предстояло выйти замуж за дряхлого старика. Сердце Марии было навеки отдано красавцу Чарльзу Брэндону, герцогу Саффолку, главному любимцу ее царственного брата. Никакие мольбы и слезы не могли изменить судьбы бедной принцессы, и она отправилась во Францию, вырвав, однако, у брата обещание, что в случае смерти дряхлого Людовика он больше не станет принуждать ее к новому браку в интересах государства, а предоставит полную свободу выбора. 1 января 1515 г., через несколько недель после свадьбы, Людовик XII скончался, а его предприимчивая вдова еще до возвращения в Англию обручилась со своим возлюбленным — она боялась, что венценосный брат не сдержит данного ей слова.

Война с Францией показала Генриху, каким неоценимым слугой может быть Уолси. В благодарность в 1514 г. король сделал его архиепископом Йоркским, а в 1515 г. тот стал кардиналом и королевским канцлером. Генрих доверял ему во всем.

В 1515 г. новый французский король Франциск I, мечтавший о завоевании Италии, пожелал заключить мир с Англией. В 1516 г. после смерти Фердинанда Испания досталась его внуку Карлу. С этого момента Франциск и Карл стали соперничать за доминирование в Западной Европе. Проводимая Уолси внешняя политика Англии стро-

Кардинал Уолси

илась на поддержании баланса сил в континентальной Европе. Это привело к тому, что европейские монархи стали относиться к Англии как к желанному союзнику, хотя эта страна с малочисленным населением даже не имела постоянной армии.

В 1518 г. Англия и Франция заключили союз, к которому примкнули новый папа Лев X, император Максимилиан и Карл Испанский. Этот союз прекратил на некоторое время войны между крупнейшими западноевропейскими державами.

КОРОЛЕВА У ВЛАСТИ

Пока Генрих VIII без особых успехов воевал на континенте, оставленная им в качестве регента королева Екатерина столкнулась с серьезной проблемой. Отправляясь во Францию, король находился в особенно приподнятом настроении, потому что надеялся по воз-

вращении взять на руки долгожданного наследника. Екатерина была беременна. Такое случалось уже и прежде, но королеве никак не удавалось выносить и произвести на свет царственное дитя. На сей раз она чувствовала себя лучше, чем во время предыдущих беременностей, и была преисполнена надежд обрести супруга.

Екатерина невероятно серьезно относилась к своим регентским обязанностям, участвовала в заседаниях королевского совета и своими разумными речами внушила уважение опытным государственным деятелям. В свободное время она любила сидеть в обществе фрейлин и заниматься рукоделием для нужд армии — вышиванием знамен, штандартов и т. п. Однако этот размеренный образ жизни внезапно рухнул вскоре после того, как королеве донесли, что шотландцы собирают свои силы и готовятся к вторжению в Англию. Известие было тем более ужасным, что шотландский король, шурин Генриха, заключил с ним договор о мире.

К счастью, в эти трагические дни рядом с королевой находился преданный слуга Томас Говард, граф Сарри (1443–1524). Старый, опытный воин, начавший свой послужной список с битвы при Босворте, где он сражался на стороне Ричарда III, Сарри впоследствии перешел на сторону Генриха VII и не менее ревностно продолжал служить его сыну. Сарри не отправился во Францию вместе с Генрихом VIII потому, что был уже слишком стар. К тому же сказались интриги умного Томаса Уолси, не желавшего делить лавры королевского советника с кем бы то ни было. Итак, именно Сарри стал опорой для королевы Екатерины.

Сарри словно помолодел, принимая на свои плечи огромную ответственность по защите королевства. С его подачи Екатерина высказала решение о необходимости собрать армию и вторгнуться в Шотландию. Однако для осуществления этого плана нужны были деньги, и немалые. Поскольку страна уже воевала с Францией, то Екатерине пришлось пойти на введение новых налогов. Королева постоянно переписывалась с Сарри, который был уже на севере Англии, укрепляя ее рубежи и собирая армию для усмирения шотландцев. Одновременно велась и интенсивная переписка с Уолси, который постоянно требовал провиантских поставок и денег для нужд войска Генриха.

Когда Екатерине сообщили, что армия Якова Шотландского насчитывает около 100 тыс. человек, королева, невзирая на свое деликатное положение, велела седлать коней и лично отправилась вербовать англичан на подмогу Сарри. Проезжая по городам и селам, королева

пыталась убедить обывателей в опасности сложившейся ситуации, и в итоге ей удалось собрать шестидесятитысячное войско и отослать его к Сарри. Невероятные нервные и физические перегрузки сказались на здоровье королевы: в то время как ее солдаты готовились встретиться с врагом, Екатерина родила мертвого младенца мужского пола. Пожертвовав собой и ребенком, она спасла страну.

Решающая битва англо-шотландской войны 1513 г. произошла 9 сентября на берегах реки Флодден в графстве Нортумберленд. Семидесятилетний Томас Говард, граф Сарри наголову разгромил неприятеля. Англичане потеряли на поле боя 1 500 человек, в то время как шотландцы — около 10 тыс. Среди погибших оказался и шотландский король Яков IV. Регентом при малолетнем Якове V Шотландском стала вдовствующая королева Маргарита, родная сестра Генриха VIII.

Английский король не мог не порадоваться расторопности своей супруги, хотя и был огорчен смертью ребенка. Ему еще не раз предстояло испытать подобное разочарование — единственным оставшимся в живых ребенком Екатерины Арагонской была принцесса Мария.

ЛОНДОНСКИЙ ПОГРОМ 1517 г.

В XV–XVI веках в Лондоне осело множество иностранцев. Нередко это были люди, вынужденные покинуть родину по религиозным соображениям. Такие иностранцы были скромны и трудолюбивы. Упорным ежедневным трудом они добивались преуспевания. Самыми искусными ткачами в Лондоне были фламандцы, итальянцы проявляли себя не только доками в банковском деле, но также были прекрасными оружейниками, умели изготавливать красивые доспехи и мечи. Немало было в столице и выходцев из Ганзейского союза: ганзейцы торговали тем, что привозилось из их родных мест, — канатами и кожей, лесом и гвоздями, дегтем и воском. Со времени заключения брачного союза Екатерины Арагонской с принцем Артуром среди лондонцев появились и испанцы.

Жизнь лондонских горожан в целом нельзя было назвать легкой. Люди страдали от царившей в городе вопиющей антисанитарии и скученности населения, по улицам бродили нищие. В суровую зиму многие лондонцы умирали прямо на улицах от холода и истощения, да и тем, кто имел крышу над головой, порой приходилось несладко. Часто го-

рожане начинали роптать против иностранцев — зависть заставляла искать причины собственных бедствий в благополучии других.

С приходом весны 1517 г. на лондонских улицах стали собираться молодые подмастерья, которые жаловались на тяжкую судьбу и обвиняли понаехавших в город иностранцев в том, что те легко зарабатывают себе на жизнь. Считая себя обойденными, подмастерья не могли понять ту радость, которую находили в работе иностранные ремесленники, увлекавшиеся изготовлением своей продукции настолько, что остальные радости жизни были им ни к чему. Настоящих мастеров интересовал только труд, а те, у кого не хватало мастерства, копили злость на тех, кто обладал им в избытке.

У недовольных подмастерьев объявился вожак по имени Ланкольн. Он утверждал, что иностранные ремесленники отнимают у англичан заработок. Из этого следовал простой вывод: чтобы исправить положение, нужно выгнать мастеров из города. В мае Лондон был охвачен мятежом. Сотенные толпы подмастерьев представляли собой грозную силу. Они носились по городу с горящими смоляными факелами, врывались в лавки и дома иностранцев, грабили их и предавали огню. Лондон был охвачен паникой.

Знаменитый гуманист Томас Мор (1478–1535), бывший в это время помощником лондонского шерифа, предвидел исход бунта. Жалея и жертв погрома, и его участников, которым предстояло в недалеком будущем ответить за это преступление, сэр Томас попробовал выйти к толпе, чтобы уговорить распаленных подмастерьев одуматься и прекратить бесчинства. Легко представить, какой опасности он подвергался. Однако в сердце его не было трепета: всю жизнь Мор старался поступать по справедливости и действовать на благо людей, полагаясь во всем на помощь Господа.

Иначе реагировал на происходящее Томас Уолси. Узнав о погромах, он послал за графом Сарри, который прибыл со своими войсками и быстро навел порядок в столице. Сотни бунтовщиков были арестованы и вздернуты на сооруженных по всему городу виселицах. Король все это время находился в Ричмонде и рискнул вернуться в Лондон только через десять дней после подавления мятежа. Ему захотелось посмотреть на тех, кто посмел бунтовать против него, и в тронный зал дворца ввели толпу смертников — около четырехсот мужчин и десятков женщин.

Уолси понимал, что авторитет короля только бы возрос, если бы Генрих помиловал этих перепуганных людей; понимал это и сам ко-

роль. Однако он был слишком разгневан, чтобы прислушаться к голосу разума. Лишь сильное потрясение могло привести его в чувство и заставить проявить милосердие.

При этой сцене присутствовал двор, а в ближайшем окружении Генриха находились три королевы: Екатерина Арагонская, Мария, герцогиня Саффолк (бывшая королева Франции), а также Маргарита Шотландская. Растроганные зрелищем несчастных и горем их семей, все три женщины бросились в ноги Генриху, моля его о снисхождении к бунтовщикам. Генрих позволил уговорить себя: он обожал зрелища, а что могло быть эффектнее, чем вид коленопреклоненных королей? Проявив могущество, король позволил себе проявить милосердие.

«ПОЛЕ ЗОЛОТОЙ ПАРЧИ»

Генрих VIII не только любил зрелища, но и питал склонность к лицедейству. В его молодые годы при дворе нередко устраивались своеобразные спектакли, в которых король неизменно играл романтические роли — странствующего рыцаря, поэта, музыканта. Он любил петь и танцевать, любил, переодевшись, внезапно появиться перед королевой и двором, исполнить «инкогнито» новое сочинение, а затем, когда все начинали выражать восторг, представать перед публикой в своем истинном облики. В танцах Генрих стремился подпрыгивать выше всех, на рыцарских турнирах, которые были его настоящей страстью, ему также не было равных, хотя никому из его соперников и в голову не приходило всерьез сражаться с королем. Такая угодливость портила молодого монарха, который становился все нетерпимее и самоувереннее.

Зная любовь Генриха к роскошным зрелищам и удовольствиям, Томас Уолси, несмотря на духовный сан, разделял эти увлечения. Его так же тянуло к веселью и пышности. Трудясь на благо Англии, Уолси не забывал и о себе. Он стал почти таким же богатым, как король. Кардинальские дворцы утопали в роскоши, в его свите состояло около 800 человек. Как и подобает кардиналу, он носил алые одежды, однако обувь никакими церковными уставами не регламентировалась, и поэтому туфли Уолси сплошь покрывали золотое шитье и драгоценные камни. У кардинала была тайная семья, проживавшая отдельно от него в Лондоне. Единственное, в чем проявлялось его напускное смирение,

это привычка ездить на муле, а не на коне. Только на кухне кардинала трудились два главных повара с двенадцатью помощниками, а за приготовлением пищи надзирали еще два «кухонных служащих».

Хорошо понимая, что означает роскошь и какую роль она играет в жизни Генриха VIII, Уолси пытался преследовать свои политические цели, играя на слабостях короля. Сделавшись кардиналом, Уолси начал мечтать о папской тиаре. Огромную помощь ему мог оказать французский король, поэтому Уолси во что бы то ни стало стремился укрепить отношения между Англией и Францией. По его инициативе Генрих VIII и новый французский король Франциск I встретились в районе Кале в июне 1520 г.

Встреча была обставлена с невероятной пышностью: были возведены даже потешные замки. Количество еды и вина, завезенных в этот временный лагерь, учету просто не поддавалось. Место встречи получило название «поля золотой парчи», поскольку из этой ценной материи были сделаны шатры для хозяев и их гостей.

Для того чтобы подчеркнуть дружбу между Англией и Францией, во все крупные европейские города были разосланы гонцы с известием о предстоящем королевском рыцарском турнире, в котором примут участие Генрих и Франциск, а также по восемнадцать рыцарей с каждой стороны. Англичане и французы будут выступать в групповом турнире единой командой, готовой сразиться со всеми, кто пожелает померяться силой с объединенными Англией и Францией.

Укрепление дружественных отношений между двумя королевствами вовсе не входило в планы нового германского императора Карла V. Этот ловкий и проницательный политик сразу подобрал ключик к Уолси, предложив ему содействие в занятии Святого престола. Карл действительно имел возможность поспособствовать карьере Уолси: у него было огромное войско, стоявшее в Италии, и сам папа Климент VII был вынужден считаться с этим обстоятельством. В результате в 1522 г. между Англией и Францией вновь началась война, которая, впрочем, завершилась уже в 1523 г. Она была совершенно бессмысленной для Англии и велась в интересах Карла V.

Генрих, как и за десять лет до этого, размышлял о том, что Карл поможет ему занять Париж и получить французскую корону. Предполагалось, что это будет не слишком сложно из-за того, что обиженный Франциском герцог Бурбон решил перейти на сторону врагов своего короля. Однако для ведения войны нужны были средства. Целых восемь лет Генрих обходился без парламента, но ввиду необходимости

введения дополнительного налогообложения королю пришлось созвать его. Спикером палаты общин был Томас Мор.

Представлявший короля кардинал Уолси обратился к палате с просьбой о 800 тыс. фунтах стерлингов (их тогдашняя стоимость не шла в сравнение с нынешней). Палата задумалась. Уолси потребовал немедленного ответа, но Томас Мор решительно, хоть и в безукоризненно вежливой форме, ответил, что никто не вправе требовать немедленных ответов от парламента. Пришлось великому королевскому министру удалиться ни с чем, и только несколько дней спустя парламент соизволил выделить королю деньги на войну, однако сумма их была значительно меньше запрошенной.

УОЛСИ ОБРЕТАЕТ ВРАГОВ

Вторая по значимости персона в королевстве, удачливый Уолси быстро начал вызывать зависть, а дополнительные налоги, которых требовал король, стали причиной недовольства могущественным канцлером. К тому же знать ненавидела его, видя в нем выскочку-простолюдина (Уолси был сыном мясника из Ипсвича и попал к королевскому двору по рекомендации маркиза Дорсета, в семье которого он некоторое время служил воспитателем), пролезшего на вершину власти и потеснившего даже самых именитых аристократов. Однако Уолси продолжал отстаивать интересы Генриха, как свои собственные: стремясь проводить политику мира, он был вынужден подчиняться королевскому желанию и воевать.

В 1525 г. Европу облетела ошеломляющая новость: германский император наголову разбил Франциска I в битве при Павии и захватил его в плен. Уолси прекрасно понимал, что Англии невыгодно поддерживать Карла V, который грозил стать самым влиятельным человеком в Европе, потому что в противном случае Карл мог посягнуть и на Англию. Единственно возможное противодействие Карлу заключалось в новом сближении с Францией. Генрих VIII, напротив, полагал, что ему представляется прекрасная возможность осуществить давнюю мечту насчет завоевания Парижа. Поэтому Уолси пришлось вновь просить у страны денег на очередную французскую кампанию.

Особого энтузиазма эти военные поборы не вызывали: например, горожане Лондона выплатили причитающуюся с них сумму только потому, что Уолси пригрозил лишить кое-кого головы. По всей Ан-

глии слышались проклятия в адрес канцлера. Особенно напряженная обстановка сложилась в графстве Норфолк, жители которого отказались давать деньги на военные нужды. Когда герцог Норфолк, ответственный за сбор налогов, потребовал назвать имя зачинщиков бунта, ему ответили, что их зовут «Бедность» и «Нужда».

В этой ситуации Уолси поступил необычно и едва ли не благородно: коль скоро люди не желали нести бремя военных расходов, он предложил королю свои собственные средства. При всем кажущемся благородстве, этот поступок заставляет задуматься об одном: канцлер королевства мог дать столько денег, сколько было не собрать целой стране. Что касается Генриха, то он без зазрения совести принял принесенную ему жертву — в его характере было превращать окружающих и особенно преданных ему людей в козлов отпущения. Народ поступок Уолси не оценил; напротив, ненависть к выбивавшему налоги канцлеру только усилилась.

Генрих мужал и с возрастом становился все более упрямым. Трудно представить, каких трудов стоило Уолси отговорить короля от бредовой идеи завоевать Париж. Получив от отца богатейшее наследство, Генрих VIII почти полностью промотал его в первые полтора десятилетия своего правления, и к 1527 г. Англия оказалась на краю катастрофы.

Уолси приложил огромные усилия к заключению очередного мира с Францией в 1526 г. Франциск I был отпущен на свободу, в то время как вместо него в Испании в качестве заложников остались его сыновья. Желая упрочить англо-французские связи, Уолси хлопотал о брачном союзе между десятилетней дочерью Генриха VIII Марией, принцессой Уэльской, и французским королем. Затем эти планы изменились, и для принцессы был подобран другой жених — второй сын французского короля Генрих (будущий Генрих II Французский).

ТРАГЕДИЯ ЕКАТЕРИНЫ АРАГОНСКОЙ

Судьба этой женщины сплошь состояла из взлетов и падений. Дочь могущественных испанских государей, она прибыла в Англию в качестве желанной и богатой невесты наследника престола, вышла за него замуж и тут же овдовела. Вдовство ее было горьким вдвойне: юная испанка осталась в чужой стране, причем скупой свекор поставил ее в крайне непривычные для принцессы крови условия. Екате-

рина жила в очень стесненных обстоятельствах, так что даже подобающий ее рангу наряд был ей недоступен.

Положение принцессы сказочно изменилось, когда на ней женился король Генрих VIII. Теперь у нее было все, что она желала, и главное, она пользовалась любовью и преданностью мужа. Генрих действительно любил жену, хотя по меркам XVI столетия Екатерину нельзя было назвать юной уже тогда, когда они поженились.

Несчастье этой пары заключалось в том, что Екатерина никак не могла подарить Генриху сына. Чем старше становился Генрих, тем больше его беспокоила проблема престолонаследия. В голову короля начали прокрадываться тяжелые мысли о том, что над его семьей тяготеет проклятие, что Бог прогневался на него за женитьбу на супруге покойного брата и наказывает отсутствием сыновей.

Король оставался верен жене вплоть до начала французских кампаний, а по возвращении в Лондон у него появилась любовница, родившая ему сына. В характере Генриха было обвинять в неудачах всех, кроме самого себя. Теперь же он открыто заявлял Екатерине о том, что именно она повинна в отсутствии у них сыновей. Постаревшая и погрузневшая жена больше не привлекала Генриха, и он начал думать о разводе.

В юности Генрих уделял большое внимание вопросам религии. Увлечение богословием не прошло и тогда, когда он взшел на престол. В 1521 г. король написал солидный латинский трактат «Assertio septem sacramentorum adversus Martinum Lutherum» («В защиту семи таинств против Мартина Лютера»), направленный против Мартина Лютера. Лютер весьма язвительно отозвался о достоинствах королевской книги, зато папа Лев X не поскупился на похвалы (год назад он отлучил Лютера от церкви) и, довольный обретением венценосного союзника, пожаловал Генриху титул «Fidei Defensor», что в переводе с латинского означает «Защитник веры». С этого времени его носят все английские монархи. У английского короля были все основания надеяться на благосклонность Святого престола и после смерти Льва X, когда папой стал Климент VII.

В 1520 г. при английском дворе впервые появилась четырнадцатилетняя красавица Анна Болейн (1507–1536). Совсем маленькой девочкой она была отправлена во Францию в составе свиты принцессы Марии, вышедшей замуж за французского короля, а после возвращения госпожи в Англию осталась служить в штате королевы Клод, жены Франциска I, и именно в этом качестве присутствовала

Анна Болейн

на празднествах, устроенных по поводу встречи монархов на «поле золотой парчи».

Родная сестра Анны Мария, которой уже исполнилось восемнадцать, состояла в свите Екатерины Арагонской. Она заинтересовала Генриха VIII и вскоре стала его любовницей. Однако король не забыл и младшую, Анну.

На «поле золотой парчи» многие обратили внимание на необычную красоту смуглянки Анны. Уже тогда эта девушка, почти ребенок, производила впечатление одной из самых модных дам при пышном французском дворе. Костюм, в котором она предстала перед английской и французской знатью, впоследствии повлиял на развитие французской и английской женской моды: у Анны Болейн на левой руке были видны зачатки шестого пальца, и она, скрывая этот недостаток, носила очень длинные, прикрывавшие кисть рукава. Вот как описывает ее наряд английская писательница Плейди в романе «Самое

королевское убийство»²: среди фрейлин королевы Клод «была одна особа, выделявшаяся своей красотой: четырнадцатилетняя тоненькая очаровательная девушка с колечками черных волос под позолоченной сеткой. Голубое платье очень шло ей и подчеркивало смуглость ее кожи. На девушке была голубая бархатная безрукавка, усыпанная серебряными звездами, а поверх всего этого — шелковый плащ, подбитый горностаем, с широкими и длинными рукавами, скроенными по ее просьбе таким образом, чтобы скрыть руки. Поверх всего этого она надевала голубую бархатную пелерину, отороченную кружевами, к которым были пришиты маленькие золотые колокольчики. На ногах красовались голубые туфли из того же бархата, что и жилет, а на подъеме сверкали бриллиантовые звезды»³.

В отличие от других популярных авторов так называемой «массовой литературы», к которой причисляют и современный любовно-исторический роман, Э.Хибберт всегда стремилась к исторической достоверности повествования и предваряла каждое свое сочинение перечнем серьезных историографических трудов и мемуаров, служивших ей опорой для воссоздания атмосферы той или иной эпохи. Поэтому можно вполне довериться романистке и в описании личности Анны: «Это была очень веселая молодая леди. И почему бы ей не веселиться, если все искали ее дружбы. Она прекрасно излагала свои мысли, была остроумна, очень хорошо танцевала. К тому же обладала приятным голосом, довольно прилично играла на спинете и даже сочиняла музыку. Она была по-светски разумна, но в ней присутствовала какая-то детская наивность».

Анна была вышколена при французском дворе, где ей привили чувство собственного достоинства, чего нельзя было сказать о ее старшей сестре Марии. Однако если Мария навлекла на себя позор, уступив домогательствам короля, то вернувшаяся в Англию в 1522 г. Анна сумела так вскружить голову королю, что желание обладать ею превратилось в его единственную всепоглощающую страсть. Младшая из сестер Болейн была умна настолько, что Генриху пришлось понять: она никогда не станет его любовницей. Амбиции самой Анны

² Настоящее имя писательницы — Элеанор Хибберт. Роман вышел на русском языке под заглавием «Путь на эшафот» (на титульный лист в этой публикации был вынесен другой псевдоним писательницы, Виктория Холт, под которым она уже приобрела известность в нашей стране).

³ Пер. Л. В. Романова.

были весьма далеко идущими: красавица вознамерилась стать королевой Англии.

Все эти любовные интриги развивались на глазах у Екатерины Арагонской, причиняя ей постоянную боль и страдания. Она уже понимала, что ей едва ли удастся сохранить прежнее положение.

ОДИН ТОМАС ПАДАЕТ, ТРОЕ ДРУГИХ ВОЗВЫШАЮТСЯ

Будучи священнослужителем, канцлер Уолси не мог одобрительно относиться к разводам. Однако видя, что таково желание короля, он, как всегда, подчинился прихоти Генриха. В 1525 г. развод был еще невозможен: могущественный союзник Генриха Карл V приходился племянником королеве Екатерине и едва ли бы допустил, чтобы его тетку подвергли подобному унижению. Затем, когда Англия взяла курс на сближение с Францией, развод стал еще более проблематичным: разрешение на него могло быть получено только от папы, но Климент VII стал фактическим заложником Карла; и когда в 1527 г. Генрих обратился к нему с просьбой о расторжении брака, ответ был отрицательным.

Год спустя Уолси направил в Рим своего секретаря Стивена Гардинера (ок. 1490–1555), но и ему не удалось вырвать желанного разрешения у святого отца. Папа оказался между двух огней: повинаясь Карлу, он одновременно не желал портить отношения с Генрихом. И все же Климент повелел создать комиссию, в которую, помимо кардинала Уолси, вошел и папский легат кардинал Кампеджо. Им вменялось в обязанность разобраться в причинах, подтолкнувших Генриха к такому решению, однако кардиналы не могли делать никаких выводов без папского на то соизволения.

По прибытии Кампеджо в Англию они с Уолси постарались отговорить Генриха от ставшей навязчивой идеи, однако в 1529 г. дело все же дошло до судебного разбирательства, которое проводилось в лондонском монастыре Черных братьев. Если Генрих настаивал на разводе, то Екатерина, появившись в суде перед кардиналами, заявила, что целых два десятка лет была ему верной женой, что брак их был заключен по папскому разрешению, и поэтому не кардиналы, а только Его Святейшество правомочен расторгнуть их супружество.

Намерение короля развестись с королевой вызывало негодование у подавляющего большинства англичан, однако лишь у старенького епископа Рочестерского Джона Фишера (1469–1535) хватило отваги

Томас Кромвель

публично выступить в поддержку несчастной королевы (католическая церковь признала честного пастыря святым в 1935 г.). Кампеджо, зная о сложном положении папы, решил воспользоваться хорошим предложением для затягивания бракоразводного процесса. Получив соответствующую информацию из Англии, Климент решил, что дело следует разбирать в Риме.

Ситуация была крайне неприятной: Генрих утверждал, что его брак с самого начала являлся недействительным, поскольку Екатерина прежде была супругой его брата. Получалось, что английский король добивался от нынешнего папы не просто разрешения на развод, но и признания ошибки, совершенной предшественником Климента. Однако, согласно одному из догматов католической церкви, папа непогрешим и, следовательно, не может ошибаться. Дело грозило затянуться на неопределенный срок.

Распаленный любовью и отчасти самодурством, Генрих VIII обрушил все свое недовольство на верного Уолси, которому на сей

Томас Кранмер

раз не удалось угодить королю. Когда дело шло о его желаниях, соображения государственной целесообразности теряли для Генриха всякое значение. Понимая, что королевская опала может стоить ему жизни, Уолси попытался умиловить своего повелителя щедрыми дарами. Например, он подарил королю принадлежавший ему дворец Хэмптон-Корт. Догадываясь о реальной стоимости Хэмптон-Корта, Генрих спросил, каким образом его подданный сумел приобрести такую роскошную резиденцию. Кардиналу пришлось скрепя сердце ответить, что он возвел дворец только для того, чтобы король узнал, какой прекрасный подарок он может получить от верного слуги.

Однако чрезмерная щедрость не спасла Уолси от катастрофы. У него был грозный противник — Анна Болейн, не прощавшая Уолси его нерасторопности и, как и Генрих, возлагавшая на него вину за отсрочку дела о разводе. 1529 г. стал свидетелем падения великого Уолси, естественная смерть которого в 1530 г. не позволила королю послать его на плаху.

Канцлером королевства был назначен сэр Томас Мор (1478–1535) — а падение Уолси стало началом стремительного взлета в карьерах Томаса Кромвеля (ок. 1485–1540) и Томаса Кранмера (1489–1556).

РАЗВОД ПО-КОРОЛЕВСКИ

Отчаяние побудило Генриха VIII вспомнить, что центрами интеллектуальной жизни Англии являются два ее знаменитых университета. Помощь пришла к нему именно от ученых — кембриджский доктор богословия Томас Кранмер написал труд, доказывающий, что нельзя считать брак Генриха и Екатерины действительным.

Обрадованный король обратил свои надежды на Кранмера, и тот не подвел, поспособствовав окончательному падению авторитета папы в Англии. В 1532 г. страна прекратила отсылать папе деньги, а еще год спустя был принят закон, по которому для рукоположения в сан епископа или архиепископа в Англии можно было обходиться собственными силами, не беспокоя при этом Рим. Когда Климент VII умер, Генрих объявил себя главой церкви Англии. Это событие было закреплено так называемым «Актом в верховенстве» (1534). Екатерина Арагонская была объявлена «вдовствующей принцессой Уэльской», престолонаследница Мария оказалась незаконнорожденной. Генрих, наконец, обвенчался с Анной Болейн, а ставший в 1533 г. архиепископом Кентерберийским Кранмер короновал ее английской королевой.

Развод Генриха с Екатериной оказался, по сути, разводом Англии с римской католической церковью. Если у истоков Реформации в Англии стоят Уиклиф и лолларды, то церковный раскол произошел по инициативе ошалевшего от любви короля, именно в этом заключается подоплека так называемой «Реформации сверху»,

ТОМАС МОР

Томаса Мора по праву называют первым великим гуманистом Англии. Он был сыном лондонского юриста и сам занимался правом. Образование Мор получил в Оксфордском университете, однако интерес к античности, тяга к древнегреческой литературе и философии проявились у него еще на заре юности. Впрочем, в сферу увлечений

Мора входили также музыка, история (он написал по-английски «Историю Ричарда III», которая вдохновила Шекспира на создание одной из его известнейших пьес-хроник и на столетия предопределила расхожее представление об этом короле), астрономия, математика и зоология. Похоже, что юриспруденцией он занялся только под действием угрозы отца лишить его наследства.

Томас Мор

Для нас Томас Мор — прежде всего выдающийся мыслитель-гуманист, создатель латинского сочинения «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» (1516), подаривший миру понятие утопии как проекта или повествования об идеальном общественном устройстве, которое могло бы гарантировать счастье всем людям. Многие гуманисты, например, Кампанелла или Рабле, описывали подобные уголки блаженства, однако именно Мор является автором первого европейского утопического романа («утопия» в переводе с греческого означает «несуществующее место»).

В романе Мора рассказывается, как в Антверпене автору довелось познакомиться с португальским мореплавателем Гитлодеем, который поведал ему об открытом им удивительном острове Утопия, где никто ничем не владеет, но при этом все богаты. Люди на острове живут как одна большая семья, где каждый заботится о других. Все, что выращивают земледельцы и скотоводы, все, что изготавливают ремесленники, становится собственностью государства, которое, в свою очередь, безвозмездно удовлетворяет все потребности трудящихся и их семей. Царящее на Утопии изобилие объясняется тем, что местным жителям чуждо стремление к роскоши, они довольствуются необходимым и не стремятся к излишествам.

Все утопийцы занимаются физическим трудом. Исключение делается только для ученых и должностных лиц — выборных сенаторов и правителя-принцепса, которые осуществляют мудрое руководство обществом. В этом земном раю установлен шестичасовой рабочий день, нет тунеядцев-бездельников, монахов, земельных аристократов с их огромными свитами.

Читая «Утопию», невольно задумываешься над тем, что печально знаменитые в эпоху социализма поездки в колхозы и на овощебазы были подсказаны советским руководителям Томасом Мором: в Утопии никто в деревнях постоянно не жил, а часть горожан переселялась за город сроком на два года, чтобы интенсивно заниматься сельским хозяйством. А если урожай был особенно хорош, то на подмогу сельскохозяйственной гвардии приезжали и рядовые горожане.

Человек, видевший мысленным взором модель идеального общества и, судя по тексту «Утопии», понимавший причины бед современной Англии, не мог прожить вне политики. В 1504 г. он стал депутатом парламента, был не слишком высокого мнения о Генрихе VII и связал свои надежды с молодым Генрихом, полагая, что именно он может стать тем самым просвещенным государем, который принесет стране всеобщее благо. Как глубоко верующему католику, Мору импонировало увлечение Генриха вопросами теологии. В частности, ученый помогал королю в создании направленной против Лютера книги. Мартин Лютер весьма резко насмехался над трудом Генриха, и именно Мор в 1523 г. встал на защиту короля в «Ответе Т. Мора на глумления, которыми Мартин Лютер осыпает английского короля Генриха VIII».

Судья, помощник лондонского шерифа, доверенное лицо английского купечества и член парламента, Мор отличался прямодушием, которое стало причиной трагического исхода его судьбы. Став в 1529 г.

канцлером, Мор неодобрительно относился к стремлению короля избавиться от Екатерины Арагонской. Верный своим религиозным убеждениям, Томас Мор не считал возможным оставаться на своем высоком посту, в то время как Генрих рвал отношения с Римом и добивался того, чтобы покорный парламент провозгласил его главой церкви Англии. Понимая, как обманулся в своих надеждах, Мор не пытался увещевать упрямого и деспотичного монарха — его протест был молчаливым, но красноречивым: он не пожелал присутствовать на коронации Анны Болейн. Новая королева видела в нем такого же опасного противника, как и в покойном Уолси, и участь Мора была решена.

Мор покинул пост канцлера в 1532 г., а в 1534 г. его вызвали на заседание Тайного совета, однако опытный юрист сумел рассеять все выдвинутые против него обвинения. Это было лишь предвестием той бури, которая разыгралась после того, как 30 марта 1534 г. парламент признал Генриха главой английской церкви, а престолонаследницей — принцессу Елизавету, дочь короля от Анны Болейн (принцесса Мария тем самым объявлялась незаконнорожденной, коль скоро брак ее родителей был «незаконным»), Генрих требовал, чтобы все присягали на верность этому парламентскому постановлению. Когда речь дошла до Томаса Мора, тот мужественно заявил, что примет постановление парламента, находящееся в компетенции светской власти, т. е. присягнет новому порядку престолонаследия, однако никогда не согласится признать изменения в церковном устройстве, исходящие от короля и парламента.

Сочувствовавший Мору герцог Норфолк попытался уговорить бывшего канцлера не гневить короля, поскольку недовольство Генриха было равносильно смертному приговору. Мор спокойно ответил: «В таком случае разница между вашей светлостью и мной заключается в том, что мне предстоит умереть сегодня, а вам — завтра». Как и епископ Фишер, Мор был на стороне королевы Екатерины в деле о разводе, и это удваивало ярость Генриха VIII и Анны Болейн. В результате бывший канцлер был обвинен в государственной измене и 17 апреля 1534 г. брошен в Тауэр.

Мало кто сомневался, что Мору суждено сложить голову на эшафоте. Обвиняемый не отрекался от своих взглядов, однако суд над ним был отсрочен — судьи отчаянно боялись острого языка и мудрости пожилого ученого, и потребовалось несколько месяцев заключения, чтобы сломить его хотя бы физически.

Однако дух Мора оставался по-прежнему твердым. В день суда бывший канцлер, просвещенный друг Эразма Роттердамского, пред-

стал перед судьями босиком и в одежде арестанта. Он был настолько слаб, что едва преодолел расстояние от берега Темзы до Вестминстер-холла, которое его заставили пройти пешком, и во время процесса судьям пришлось разрешить ему отвечать на вопросы сидя.

Обвинения, выдвинутые против подсудимого, граничили с абсурдом. Например, ему инкриминировали написание памфлета против Лютера, который теперь оказался в чести у реформированной английской церкви. Дошло до утверждений, будто Мор околдовал короля, буквально заставив его написать знаменитый памфлет.

Судьи явно торопились с завершением процесса и вынесением угодного королю и королеве жуткого приговора: даже на Тайбернский холм, где казнили преступников, осужденного должны были протащить волоком по земле через весь лондонский Сити, а там его ожидала так называемая «квалифицированная казнь», одно из самых варварских изобретений английского средневековья. Впрочем, король счел за благо заменить эту мученическую смерть простым отсечением головы. И дело было не в сострадании, внезапно проснувшемся в очерствевшем сердце коронованного деспота. На Тайберне казнили при большом стечении народа, и власти боялись того, что мог сказать Мор в полагающемся осужденному последнем слове. Это побудило короля упростить казнь и свершить ее внутри стен Тауэра. Но королевское «помилование» было дано наряду с приказом не тратить лишних слов в прощальной речи.

Лишь один раз за все это время героический Томас Мор дрогнул: когда его вели из Вестминстера в Тауэр, к нему прорвалась любимая дочь Маргарет. Вид ее горя едва не лишил осужденного его непроницаемого спокойствия, однако он сумел взять себя в руки. Глубокая вера облегчила Мору переход в лучший мир. Он отказался от последнего слова и даже нашел в себе силы пошутить с палачом, чтобы тот убрал с плахи его бороду, которая «никогда не совершала государственной измены». Эта ироничная реплика стала одним из наиболее известных высказываний великого человека.

Вест о казни Томаса Мора 6 июля 1535 г. потрясла не только Англию, но и всю Западную Европу. Друг Мора Эразм Роттердамский сокрушенно заметил, что смерть похитила человека, душа которого была «белее снега», и таково было всеобщее мнение.

Мужественный епископ Фишер разделил участь Мора: он также был обвинен в государственной измене, заключен в Тауэр и сложил голову на плахе 22 июня 1535 г.

АННА БОЛЕЙН

Даже в наше не склонное к суевериям время многие англичане утверждают, что в Тауэре живет призрак второй жены Генриха VIII, одно из самых известных привидений Великобритании. Как же случилось, что эта веселая, остроумная красавица потеряла не только жизнерадостность, но и саму жизнь, и даже за гробом — если верить легенде о призраке — не обрела покоя?

В 1527 г. Анна была принуждена уступить домогательствам короля и на протяжении почти шести лет оставалась королевской любовницей. Положение ее было весьма двусмысленным, и даже тогда, когда она во всем своем великолепии проезжала по улицам Лондона, в спину ей летели оскорбительные возгласы. Простые люди видели в ней источник бедствий их доброй королевы Екатерины, замечали чисто человеческий аспект драмы и были настроены против разрушительницы королевской семьи.

И правда, Анна играла неблагоприятную роль разлучницы. Любила ли она короля? Едва ли. Уступая, с одной стороны, мужчине, перед которым склонялась вся страна, она в то же время не была лишена тщеславных амбиций и всем своим существом устремлялась к заветной цели — короне. Анна любила власть и получила желаемое, когда объявила Генриху, что у них будет ребенок. Это ускорило ее брак с королем — помешанный на желании получить сына-престолонаследника, Генрих не мог допустить, чтобы он появился на свет незаконнорожденным.

Однако именно эти первые роды, на которые возлагалось столько надежд, принесли Генриху разочарование, с которого началось его охлаждение к Анне. Королева родила дочь, нареченную Елизаветой в честь обеих бабушек — матери Генриха VIII и матери Анны Болейн. Ставшая причиной несчастья Екатерины Арагонской, Анна повторяла ее судьбу: сперва родила дочь, потом — мертвого сына, стала свидетельницей многочисленных любовных интрижек супруга и, наконец, наскучив королю, возбудила в нем желание отделаться от надоевшей и не оправдавшей надежд жены.

Новая возлюбленная непостоянного Генриха Джейн Сеймур ждала ребенка; у короля снова появился шанс обрести сына, следовательно, нужно было как можно скорее избавиться от Анны. Существовало две причины, по которым второй брак мог быть расторгнут. Во-первых, в юности Анна, по слухам, была помолвлена с Генри Перси, старшим сыном и наследником графа Нортумберленда. Во-вторых, прежде чем

Генрих женился на Анне, он был любовником ее сестры. Однако обо всем этом король знал еще до женитьбы, и ни одно из указанных обстоятельств не могло быть признано убедительным поводом для развода. Анна должна была умереть.

В самом деле, ее красота вызывала столько восторгов и похвал. Стремясь избавиться от жены, Генрих продолжал ревновать ее и в конце концов обвинил в супружеской неверности, которая для королевы была равносильна государственной измене. Король вел себя довольно странно: открыто жаловался, что Анна Болейн изменяла ему чуть ли не с сотней человек. Однако никто не смел даже за глаза посмеяться над желанием короля выставить себя величайшим из рогоносцев, хотя Генрих был готов позорить себя до такой степени, что обвинял жену в неверности чуть ли не в период медового месяца. На основании этих вымыслов многие молодые люди были арестованы, а пятерых — брата Анны Джорджа Болейна, графа Рочфорда, музыканта Смитона, а также придворных Брертон, Уэстона и Норриса — обвинили в том, что они были не просто любовниками королевы, но и вошли с ней в заговор с целью убийства короля. В обвинительном заключении говорилось, что, ко всему прочему, мнимые преступники до того опечалили короля своими действиями, «что это оказало вредное воздействие на его здоровье». Все пятеро были приговорены к смерти.

На суде Джордж Болейн отрицал все предъявленные ему обвинения, в том числе и в кровосмешении. Его любовь к сестре была по-братски глубокой и благородной, он ни словом не опорочил чести Анны. Не менее достойно держали себя и три других дворянина. Один лишь Марк Смитон, не выдержав пыток, оговорил несчастную королеву, но это не спасло ему жизнь: если четверо дворян были приговорены к отсечению головы, то Смитон — к повешению. Уже после смерти ни в чем не повинных молодых людей архиепископ Кранмер объявил брак короля с Анной недействительным на том основании, что до свадьбы королева связала себя обязательством выйти замуж за другого. Наверное, у запертой в Тауэре Анны в это время мелькнула надежда на спасение: если она не была законной женой короля, то не могла быть обвинена в супружеской измене. Тщетно: помилования не последовало, и бывшая королева Англии взойшла на эшафот.

Умирая за мнимые грехи, Анна Болейн не была безгрешна. Перед смертью она послала к принцессе Марии, чтобы вымолить ее прощение. Наверное, расставаясь с жизнью, она больше всего думала о том, какая участь постигнет ее единственную дочь Елизавету.

Анна Болейн навсегда останется одной из самых драматических героинь истории и первой англичанкой, воспетой в качестве Дамы сонетов английскими поэтами (английский сонет родился в 1530-е годы). Джордж Патнэм, автор «Искусства английской поэзии», одной из первых англоязычных поэтик, называл отцами английского сонета сэра Томаса Уайетта (ок. 1503–1542) и Генри Говарда, графа Сарри (ок. 1517–1547). Оба поэта были тесно связаны с Анной Болейн: Сарри приходился ей кузеном, а Томас Уайетт в ранней юности полюбил ее с первого взгляда и пронес это чувство через всю жизнь. Свой самый благозвучный сонет он посвятил Анне:

Охотники, я знаю лань в лесах,
Ее выслеживаю много лет.
Но вождений ловчего предмет
Мои усилия обращает в прах.
В погоне тягостной мой ум зачах,
Но лань бежит, а я за ней вослед
И задыхаюсь. Мне надежды нет,
И ветра мне не удержать в сетях.
Кто думает поймать ее, сперва
Да внемлет горькой жалобе моей.
Повязка шею обвивает ей,
Где вышиты алмазами слова:
«Не тронь меня, мне Цезарь — господин,
И укротит меня лишь он один»⁴.

Этот сонет представляет собой довольно точный перевод сонета СХС Петрарки, но конец стихотворения изменен, чтобы приспособить его к той ситуации, в которой оказались поэт и Анна.

РЕФОРМАЦИЯ

Поводом для разрыва Англии с папским Римом послужил развод Генриха VIII с Екатериной Арагонской и его женитьба на Анне Болейн. Вначале эта перемена не затронула ни догматическую, ни обрядовую сторону веры. Английская церковь оставалась католической, сохранялся епископат. Парламентским «Актом о верховенстве» (1534) король объявлялся главой церкви в Англии, а это означало,

⁴ Пер. В. Рогова (Европейские поэты Возрождения. М., 1974. С. 463).

между прочим, что все платежи, поступавшие в Рим от английского духовенства, теперь шли в королевскую казну.

Далеко не все верующие принимали подобные изменения, но инакомыслящих ждала ужасная смерть. Процессы по делу епископа Рочестерского Джона Фишера и экс-канцлера Томаса Мора были использованы в пропагандистских целях, чтобы запугать непокорных. В 1534 г. все тот же «реформационный» парламент принял «Акт о государственной измене», по которому под это обвинение, неизменно каравшееся смертью, попадало не то что действие, но даже одно пожелание чего-либо дурного королю или его семейству. Изменой считалось также называние короля «еретиком, схизматиком, тираном, неверным или узурпатором короны». Такое постановление хорошо согласовывалось по стилю с папскими филиппиками в адрес Генриха VIII, который неоднократно подвергался церковной анафеме римским первосвященником.

Наиболее трудно было подчинить воле Генриха духовенство, и в 1536 г. в Англии началось беспрецедентное гонение на монастыри. Помимо причин идеологического характера монастыри разгонялись в силу того, что владели значительными средствами и земельными угодьями, которые переходили в казну короля. Генрих охотно дарил и продавал экспроприированные земли своим верным друзьям и нетитулованному дворянству, джентри, на которое он старался опираться во внутренней политике, желая уменьшить амбиции титулованной знати. Крупные монастыри разгонялись под предлогом того, будто они представляли собой осиные гнезда папистов, мелкие — потому что их объявляли притонами разврата. Оба повода приносили неизменно хороший результат в пополнении государственной казны. Так, в 1536–1540 годах в Англии и Уэльсе было ликвидировано около 800 монастырей, что принесло Генриху около 90 тыс. фунтов стерлингов ежегодной прибыли.

Осенью 1536 г. в Линкольншире начались массовые выступления в защиту монастырей — не все монахи были мздоимцами и распутниками, зато среди насельников обителей было множество людей, готовых поделиться с ближними имением своим; при монастырях действовали бесплатные больницы-лазареты и дома призрения. Выступления в Линкольншире получили название «Благодатного паломничества». Паломники требовали восстановления власти папы над церковью Англии.

Выступление носило столь массовый характер, что его не решились подавить силой. Королю пришлось даровать прощение всем

паломникам-бунтовщикам (их действия подпадали под закон о государственных изменах) и обещать обдумать их требования. Однако Генрих VIII нарушил свое слово: в церковной политике все осталось по-прежнему, а многие участники паломничества были впоследствии арестованы и приговорены к смерти.

В 1538 г., в разгар разгона монастырей, начались и нападки на традиционные католические реликвии и святыни. Из церквей были убраны богато украшенные изображения святых, в том числе и те, которым приписывали чудотворные способности. Лишь огромная популярность спасла от уничтожения гробницу св. Томаса Бекета в Кентерберийском соборе.

Среди наиболее отважных защитников церкви от посягательств короля были его дальние родственники, семейство Полей. Племянница короля Эдуарда IV Маргарет, графиня Солсбери, была замужем за сэром Ричардом Полем. Их сыну Реджинальду в 1532 г. пришлось покинуть Англию, поскольку он не пожелал присягнуть на верность «Акту о верховенстве». В эмиграции он неустанно выступал с критикой действий Генриха VIII, чем заслужил благодарность папы, в 1536 г. сделавшего его кардиналом, но в то же время навлек гнев короля на своих оставшихся в Англии родственников.

Мать Реджинальда, графиня Солсбери, до последнего вздоха боролась против королевского произвола. Приговоренная к смертной казни пожилая женщина отказалась опускаться на колени и класть голову на плаху. С возгласом: «В моей голове никогда не было мыслей об измене, и если она вам нужна, то придется ее поймать!» — седовласая дама начала бегать по эшафоту, не даваясь в руки палачам. И даже тогда, когда графиню схватили и насильно заставили положить голову на плаху, она продолжала биться, не желая подчиняться убийцам.

Отмежевавшись от Рима, Генрих не стал углублять реформацию, а его нерешительность породила раздоры не только в народе, но и при дворе, где образовались две враждующие партии. Католиков возглавляли герцог Норфолк и Стивен Гардинер, епископ Винчестерский, во главе протестантской партии стояли епископ Кентерберийский Томас Кранмер и граф Хартфорд. Обе партии стремились оказать влияние на короля, который, соответственно, впадал из одной крайности в другую.

Людей казнили и за то, что они были чересчур ревностными католиками, и за то, что они в большей степени, чем нужно, склонялись к протестантизму. Вся сложность заключалась в том, что независи-

мая от Рима английская церковь сохранила пышность богослужения и епископальный строй, а ее догматы мало расходились с католицизмом. Однако при этом король получил право определять вероучение, а богослужение стало вестись на английском языке. В связи с этим началась работа над созданием английского перевода Библии.

КАК БИБЛИЯ «ЗАГОВОРИЛА» ПО-АНГЛИЙСКИ

В истории англоязычной Библии почетное первое место принадлежит Джону Уиклифу, которого называют первым поборником Реформации в Англии. Выполненный Уиклифом перевод Библии на английский явился практическим шагом на пути к предложенному им переходу церковных служб с непонятной большинству верующих латыни на родной язык. Как известно, деятельность вдохновленных Уиклифом лоллардов способствовала размаху крестьянского движения в конце XIV в., и состоявшийся на следующий год после крестьянского восстания 1381 г. собор английских епископов осудил учение Уиклифа как вредное и еретическое.

Осуждению подверглись не только взгляды Уиклифа, отвергавшего папство, монашество, епископат и ратовавшего за упрощение церковных служб, возвращение к преданным забвению раннехристианским традициям богослужения, но и его литературный труд. Впрочем, несмотря на запрет, наложенный на еретический перевод, рукописная Библия Уиклифа пользовалась широкой популярностью вплоть до середины XVI в.

Причину падения популярности перевода Уиклифа следует искать не в стремительной эволюции английского языка. В это время владельцы типографий продолжали печатать «Кентерберийские рассказы» Чосера без модернизации текста, из чего следует, что и через полтора столетия после создания английской Библии Уиклифа язык ее должен был оставаться по-прежнему доступным пониманию, хотя, разумеется, не мог не казаться несколько архаичным. Дело заключается в появлении печатных изданий новых переводов священных текстов.

Несмотря на церковный запрет, в 1526 г. Уильям Тиндл опубликовал свой перевод Нового Завета. Спрос на эту книгу был очень велик: к 1530 г. в Англию было ввезено (из соображений предосторожности издание печаталось на континенте) и распродано около 15 тыс. экземпляров. Ободренный успехом, Тиндл приступил к переводу Ветхого

Большая Библия

Завета. В 1530 г. он опубликовал английский текст Пятикнижия, а еще год спустя — Книгу пророка Ионы. В отличие от Уиклифа, выполнявшего перевод с латинской Вульгаты, Тиндл, владевший древнегреческим и древнееврейским языками, пользовался исходными текстами. Следуя не только их букве, но и духу, он не стремился писать напыщенно и красиво; напротив, язык перевода был простым и понятным. Энергичный стиль перевода Тиндла был взят за образец более поздними переводчиками. По времени работа Тиндла совпала с началом Реформации, проводимой Генрихом VIII, и судьба переводчика наглядно отражает ее непоследовательный характер: в 1536 г. за свою подвижническую деятельность он поплатился головой, а год спустя после гибели Тиндла его труд был предан анафеме.

Казалось бы, годы, когда пресловутый «Акт о шести статьях» Генриха VIII стал основанием для казни сотен безвинных людей, должны были положить конец опасной деятельности по переводу священных текстов. Однако именно тогда, когда Тиндл находился под следствием, в 1535 г., был издан первый полный перевод Библии. Его выпустил Майлз Ковердейл, хорошо знакомый с арестованным Тиндлом. При сравнении текстов Тиндла и Ковердейла можно заметить множество

Уильям Тиндл

совпадений. Это позволяет предположить, что в своей работе Ковердейл пользовался не только каноническими текстами, но и переводом Тиндла. Последнее отнюдь не принижает его заслуг перед английской культурой: он также был тонким стилистом, а его перевод выполнен ритмизированной прозой. По-видимому, именно последнее обстоятельство обусловило долгую жизнь переведенных им псалмов: в такой форме они были наиболее пригодны для исполнения во время богослужений. Впервые Псалтирь в переводе Ковердейла была включена в Книгу общей молитвы в 1549 г., в последний раз — в 1662 г.

Труд Тиндла лег в основу так называемой Библии Мэтью (1537). Это полное англоязычное издание Библии, составленное на основе переводов Тиндла, дополненных недостающими фрагментами из перевода

Ковердейла. Сознвая опасность, которой он подвергался, выпуская это издание, компилятор Джон Роджерс скрылся под псевдонимом Томас Мэтью. Удивительно, что в конце концов ему удалось добиться высочайшего соизволения на печатание издания: хотя добрых две трети Библии Мэтью в точности совпадали с опальной работой Тиндла, на ее титуле стоял гриф, свидетельствовавший, что она печаталась с «наимилостивейшего соизволения короля». Это издание легло в основу всех последующих авторизованных версий английской Библии.

1539 г. ознаменовался появлением еще двух английских версий Библии. Одна из них являлась оригинальным трудом переводчика Ричарда Тавернера, вторая представляла собой редакцию перевода Мэтью, выполненную Ковердейлом, но включала в себя Псалтирь в переводе самого Ковердейла. Этот труд вошел в историю как Большая Библия и стал первым ее авторизованным изданием.

Большая Библия затмила вышедший одновременно с ней труд Тавернера не столько в силу своих достоинств, сколько потому, что изначально предназначалась для массового использования: в каждой церкви должен был находиться ее экземпляр, признанный главой англиканской церкви — Генрихом VIII — нормативным изданием. Большая Библия часто именуется «Библией Кранмера», с учетом того факта, что ее публикация имела место при содействии этого церковного иерарха. Кранмер не принимал участия ни в переводе, ни в редактировании, однако именно он явился вдохновителем создания Большой Библии, а также написал предисловие к ней, напечатанное во втором и последующих ее изданиях.

Большая Библия стала самой распространенной книгой в Англии XVI столетия: за два года с момента первой публикации увидели свет еще шесть ее изданий. Любопытно, что они не были стереотипными — сравнение их текстов показывает, что Ковердейл постоянно работал по улучшению перевода, исправляя допущенные в предыдущих публикациях ошибки.

В последующее царствование интенсивная публикация английской Библии продолжалась. Одиннадцать раз издавались полные тексты Ветхого и Нового Заветов, двадцать один раз отдельно печатался Новый Завет, независимо публиковались также некоторые отдельные книги Библии, в частности Псалтирь. Поразительным кажется то обстоятельство, что после окончательного, казалось бы, триумфа Большой Библии в последние годы жизни Генриха VIII при его преемнике Эдуарде VI наблюдается определенный «библейский плюрализм»:

было напечатано пять изданий Большой Библии, четыре издания Библии Мэтью, а также две Библии Ковердейла.

В период правления католички Марии I бесчисленное количество английских Библий было предано огню. Книга была изъята из массового обращения, однако власти отнюдь не возражали против того, чтобы экземпляры Большой Библии продолжали находиться в церквях и соборах. Одновременно сурово пресекались не только новые попытки переводов священных текстов: были объявлены еретиками и приняли мученическую смерть многие, причастные к созданию получивших распространение английских версий Библий. На костры взойшли Роджерс и Кранмер, а Ковердейлу лишь чудом удалось избежать подобной участи и тайно переправиться на континент.

Страх смерти заставлял английских протестантов бежать из страны. Многие из них нашли пристанище в Женеве, где в 1557 г. при поддержке самого Жана Кальвина Уильям Уиттингем издал новую версию Нового Завета, которая тремя годами позднее вошла в полную Женевскую Библию (1560).

Женевская Библия, созданная английскими эмигрантами, обладала рядом бесспорных преимуществ. Во-первых, ее текст был разбит не только на главы, но и на стихи, что облегчало пользование книгой. Во-вторых, издание было снабжено комментариями, помогавшими понять смысл текста даже неискушенному в богословии читателю. В-третьих, формат издания (*in quarto*) делал Женевскую Библию исключительно удобной для чтения.

После восшествия на престол Елизаветы I Женевская Библия без преувеличения стала самой популярной Библией в Англии: судя по каталогу книг, издававшихся в Англии между 1475 и 1640 годами, который составили А. Поллард и Дж. Редгрейв, с 1560 по 1600 годы полные издания Библии печатались в стране 73 раза, причем 49 из них являлись изданиями именно Женевской Библии.

Достоинства Женевской Библии предопределили дальнейшую эволюцию авторизованной версии. В 1561–1564 годах архиепископ Кентерберийский Мэтью Паркер (1504–1575) возглавлял работу над новой редакцией Большой Библии. Это был подлинно коллективный труд, так как Паркер распределил фрагменты книги между несколькими высокообразованными богословами. Поскольку большинство членов авторского коллектива были епископами, то напечатанная в 1568 г. *in folio* книга получила название Епископской Библии и вскоре полностью вытеснила из церковного обихода старую Большую Библию.

Крайне любопытна история создания еще одного перевода тюдорской эпохи — Дуэйской Библии. Ее Новый Завет был напечатан в Реймсе в 1582 г., а перевод Ветхого Завета, выполненный значительно ранее, увидел свет в Дуэ только в 1609–1610 годах.

Подобно тому, как в период правления Марии Кровавой Англию покидали протестанты, многие католики уехали из страны на континент после воцарения Елизаветы. Большинство из них не теряло надежду на восстановление в Англии веры, которую почитало истинной, и в доктринальной войне с англиканством не последнее место отводилось деятельности переводчиков, которым предстояло создать новую английскую версию Библии и показать, насколько далеки протестантские переводы от настоящего содержания священных текстов. В предисловии к изданию 1610 г. прямо говорилось о том, что перевод Библии на английский не являлся самоцелью, но был предпринят исключительно в связи с особенностями текущего момента.

Столь значительное количество переводов не могло не повлиять на английский язык и английскую культуру в целом. Библиизмы входили в речевой узус не только случайно, верующие запоминали их во время обязательных англоязычных богослужений, а также вполне сознательно заимствовали при чтении (а иногда и сопоставлении вариантов) переводов священных текстов.

До появления английских Библий орфографические нормы в языке отсутствовали. Шекспир, например, даже собственную фамилию писал по-разному. Широкое же распространение печатных английских Библий привело к выработке единой нормы правописания. Со страниц Библии в английский язык вошло значительное количество идиоматических оборотов и выражений. Закрепившись в разговорном и литературном языке, они украсили произведения английских писателей конца XVI в., придав литературному стилю эпохи специфический колорит.

МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ НЕВЗГОДЫ ГЕНРИХА VIII

Не прошло и десяти дней после казни Анны Болейн, как король женился на Джейн Сеймур (1509–1537). Третья жена внешне намного уступала неотразимой Анне, была заметно глупее своей предшественницы, но, возможно, Генрих VIII остановил свой выбор на ней как раз потому, что ей были чужды гордыня и чувство собственного

превосходства, сполна присущие Анне Болейн. Джейн ни на минуту не забывала своего места, но именно такая жена и требовалась деспотичному Генриху.

У новой королевы была амбициозная родня, которая жаждала обрести через ее посредничество разнообразные милости. Наверное, так бы и произошло. Но, выполнив свой долг королевы и подарив стране долгожданного наследника престола Эдуарда, Джейн скончалась от родильной горячки. Король, получивший сына, не слишком горевал о печальной судьбе третьей жены и, вероятно, уже в первые дни после смерти королевы задумался о новом браке.

Джейн Сеймур

Верный канцлер Томас Кромвель подсказал Генриху, что, замысливая четвертый супружеский союз, не стоит упускать политические выгоды. И короля, и Кромвеля беспокоило развитие событий в Европе: французский король и германский император заключили, наконец, мир, и в интересах Англии было поколебать установившееся хрупкое равновесие. Это можно было осуществить, женившись на француженке или подданной Карла V.

Сватовство оказалось делом не из легких — за Генрихом укрепились репутация этакого Синей Бороды⁵, безжалостно расправляющегося с супругами. Помня, что Анна Болейн достигла совершенства, воспитываясь при французском дворе, Генрих обратил взоры в сторону Парижа. Он попросил Франциска I направить в Кале самых красивых дам своего двора, чтобы он мог выбрать себе спутницу жизни. Однако французский король ответил, что родовитые дамы, являющиеся его подданными, отличаются от породистых кобыл тем, что их никогда не выставляют для всеобщего обозрения на ярмарке.

Тогда Генрих вспомнил о родственнице Карла V. У императора была красавица-племянница Кристина, которую в ранней юности выдали замуж за герцога Миланского, оставившего ее вдовой в шестнадцатилетнем возрасте. Желая убедиться, что молва о достоинствах потенциальной невесты справедлива, Генрих послал придворного живописца Гольбейна Младшего в дорогу, и тот вернулся с портретом обворожительной молодой дамы. Однако король не рискнул посвататься, так как до него дошли слухи о речах вдовствующей миланской герцогини, заявлявшей, что подумала бы о браке с ним только в том случае, если бы у нее было две головы, а своей единственной она рисковать не намерена. Кристина явно находилась под впечатлением расползавшихся по Европе слухов о том, что Екатерина Арагонская, ее двоюродная бабушка, была отравлена, Анна Болейн — казнена, будучи невиновной, а третья королева Генриха, Джейн Сеймур, умерла якобы потому, что при родах ей уделили недостаточно внимания, переключившись на младенца и позабыв о матери. Король и канцлер не сомневались, что герцогиня не имела намерений выходить за Генриха, поскольку такова была воля германского императора. Естественно, что у отвергнутого жениха появилось желание насолить Карлу.

Многие годы герцог Клевский искал способа заручиться поддержкой Англии. Его сын претендовал на герцогство Гелдернское, чему препятствовал император Карл. Если бы Генрих породнился с Клевским герцогским домом, то у Карла возникли бы серьезные опасения относительно его позиций в голландском доминионе его империи. У герцога Клевского была дочь Анна (1515–1557), уже просватанная

⁵ Французский маршал и барон Жиль де Рэ, считающийся прототипом этого персонажа сказки Шарля Перро, опубликованной в 1697 г., жил в XV в. и был казнен в 1440 г. по обвинению в убийствах множества детей.

за герцога Лотарингского, но ради союза с Англией эту помолвку стоило расторгнуть.

И снова пустился в путь художник Гольбейн, которому поручили выполнить портрет королевской невесты. Этот портрет хорошо всем знаком, и, сравнивая его с изображениями остальных жен Генриха, легко догадаться, какие чувства он возбудил в груди любвеобильного короля, который едва мог дождаться, когда очаровательная девушка прибудет в его владения. В самом начале 1540 г. двадцатичетырехлетняя Анна должна была приехать в Англию.

Генрих решил выступить навстречу невесте, намереваясь перехватить свадебный поезд в Рочестере. Его ожидало ужасное разочарование: искусство Гольбейна преобразило неказистую внешность принцессы Клевской. Король настолько опешил, когда увидел свою новую жену, что забыл вручить ей свадебный подарок — великолепные соболя. Возможно, Анна показалась Генриху такой невзрачной из-за того, что была одета на фламандский манер, тогда как со времен Анны Болейн женщины при английском дворе следовали более изящной французской моде. Как бы то ни было, уединившись с Кромвелем, король долго распекал его за подsunутую ему «фламандскую кобылу»: в гневе Генрих припомнил, что в заблуждение его ввели не только портретист, но и люди Кромвеля, утверждавшие, что красота Анны Клевской затмевает очарование Кристины Миланской.

Можно понять и чувства Анны. Такой прием не мог подействовать на нее ободряюще. Тем более что вид Генриха, в свою очередь, явно не совпадал с тем, что она о нем слышала. Английский король уже давно утратил обаяние молодости, стал очень грузен, а его глаза на нездорового багрового цвета лице почти исчезли за жирными складками щек.

Если бы не забота о королевстве, Генрих никогда не пошел бы на бракосочетание с «кобылой» — слишком сильно его беспокоила дружба между Франциском I и Карлом V. Однако он не намеревался уделять внимание женщине, которую считал навязанной ему обстоятельствами и нерадивыми слугами, изобретая надежный способ отделаться от четвертой супруги. Желание это стало особенно острым, когда король заприметил в свите жены очаровательную малышку Говард.

До несчастной Анны стали долетать слухи, будто немилость мужа связана с тем, что он сомневается в добродетельности ее жизни до замужества. В июне 1540 г. королеве, начинавшей трепетать за свое будущее, сообщили, что Генрих VIII не может считать ее настоящей

Екатерина Говард на пути в Тауэр

женой, поскольку прежде она была помолвлена с герцогом Лотарингским, однако его уважение к дому герцогов Клевских побуждает короля относиться к ней как к сестре. Если Анна согласится, что их брак был незаконным, ей предоставят возможность остаться в Англии, жить вдали от двора и пользоваться ежегодным доходом в 3 тыс. фунтов. Так Анна Клевская стала первой королевой Генриха VIII, счастливо выпутавшейся из обременительных супружеских уз.

Екатерина Говард (ок. 1522–1542), в том же 1540 г. ставшая пятой женой Генриха VIII, была двоюродной сестрой Анны Болейн. В чертах обеих женщин проглядывало фамильное сходство, но по сравнению с остроумной и образованной Анной ее кузина являлась довольно неотесанной провинциалкой и даже была не в ладах с грамотой. Однако она хорошо музицировала и неплохо пела. Очарованного ее красотой и голосом короля не смущало, что восемнадцатилетняя Екатерина была моложе его старшей дочери на целых шесть лет.

Женитьба Генриха на Екатерине усилила положение католической партии, одним из лидеров которой был дядя новой королевы герцог Норфолк. Возвышение Норфолка ни в коей мере не устраи-

вало сторонника углубления протестантских реформ архиепископа Кранмера. Юная королева стала пешкой в борьбе религиозных партий.

Кранмеру удалось узнать несколько пикантных деталей о жизни Екатерины до замужества. Она была помолвлена со своим кузеном Томасом Калпепером, у нее были любовные интрижки с ее учителем музыки Генри Мэноксом и дворянином Фрэнсисом Деремом, приходившимся ей дальним родственником. Этого было достаточно, чтобы у короля помутилось в голове от ревности. И Екатерину, и ее возлюбленных ждала лютая смерть. Следует, однако, отметить, что юная королева, признав водившиеся за ней в девичестве грешки, начисто отрицала обвинение в супружеской неверности. Никому не удалось доказать, что она изменяла королю, но это не помешало Генриху беспрепятственно отправить на плаху двадцатилетнюю девочку. Екатерина Говард повторяла судьбу своей блистательной кузины.

После того как судом была установлена порочность Екатерины Говард, парламент издал закон, по которому женщина, выходящая замуж за короля или наследника престола, должна признаться, если она не является девственницей. Соккрытие тайны приравнивалось к государственной измене. Изменниками считались также те, кто знал, что кандидатка в королевы или принцессы утратила невинность, но не донес об этом.

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕНА

Екатерина Говард погибла в 1542 г., а еще год спустя у Генриха VIII появилась шестая жена, Екатерина Парр (1512–1548), ранее дважды побывавшая замужем и дважды овдовевшая. Ее первым супругом был Эдвард Боро, вторым — Джон Невилл, лорд Латимер. Екатерина придерживалась протестантских взглядов и пользовалась поддержкой Томаса Кранмера, архиепископа Кентерберийского, в то время как ее злейшим врагом стал Стивен Гардинер, епископ Винчестерский, неустанно искавший повода, чтобы погубить королеву-протестантку.

Екатерина Парр была женщиной добродетельной. Ее душевная доброта проявилась прежде всего в желании сблизиться со своими падчерицами и пасынком. По ее настоянию принцессу Елизавету вернули ко двору. Поскольку и Елизавета, и маленький Эдуард воспитывались

вались в протестантской вере, дружеские отношения с мачехой установились у них довольно легко, чего нельзя было сказать о старшей дочери короля: у принцессы Марии, ревностной католички, не могло быть друзей и подруг в лагере протестантов.

Королева пыталась заступаться за своих единоверцев перед королем: будучи главой английской церкви, Генрих так и не определил четкого водораздела между истинной верой и ересью, и в последние годы его царствования в Англии запылали костры, на которых погибали и католики, и чересчур ревностные протестанты. Екатерине претили эти жестокости. В частности, рискуя жизнью, она предприняла попытку спасти несчастную Анну Эсью (ок. 1521–1546). Эта молодая протестантка из Линкольншира была выгнана мужем-католиком из дома из-за ее религиозных убеждений. Анна отправилась искать заступничества в Лондон, была обвинена в ереси и приговорена к смерти на костре.

В качестве королевы Екатерина постоянно подвергалась страшной опасности; заклятый враг епископ Гардинер делал все, чтобы погубить ее. Однажды Генрих VIII играл с женой в шахматы. За игрой внимательно наблюдал присутствовавший при этом Гардинер. Королева проявила неосмотрительность, поставив короля в патовую ситуацию. Зная болезненное самолюбие короля, Гардинер не упустил возможность указать, что его величеству грозит мат. Вызвав у Генриха приступ гнева, Гардинер подлил масла в огонь, заметив королю в беседе с глазу на глаз, что шестая жена — еретичка и не признает его главой церкви. Этого было достаточно, чтобы король подписал указ об аресте жены. К счастью, друзья Екатерины узнали, что ее готовятся бросить в Тауэр, и успели предупредить королеву.

Узнав о том, что ее ждет Тауэр (а это было равносильно смертному приговору), Екатерина собрала всю силу воли и утром явилась к Генриху с покаянным видом и призналась, что накануне выиграла у него только потому, что тайком стащила с доски одну из шахматных фигур. На это ее якобы подтолкнуло присутствие епископа, который всегда относился к ней предвзято, и ей захотелось обязательно выиграть именно на его глазах. Королю пришлось по душе сказанное Екатериной, а Гардинер поплатился за свои козни, попав в опалу. Ему было приказано покинуть двор и вернуться в Винчестер.

Екатерина пережила Генриха VIII. Король верил ей до последнего вздоха, и по его желанию королева не отходила от него, когда он уми-

рал, — ему хотелось отойти в мир иной на руках у преданной жены. Последняя супруга Генриха хранила ему верность, но в сердце ее не было любви, да и как было любить человека, погрязшего в злодеяниях, алчного, жестокого деспота, для которого она была не более чем временной игрушкой?

Через месяц после смерти короля Екатерина вышла замуж за человека, которого давно любила, генерал-адмирала Томаса Сеймура, графа Сэдли. Однако четвертый муж не питал к ней ответных чувств. Женясь на вдовствующей королеве, он надеялся, что Екатерина станет регентом при малолетнем Эдуарде и тем самым предоставит мужу возможность управлять страной ее руками. Обманутая в своей любви, бывшая королева тихо скончалась в 1548 г. — сердце ее было разбито.

ГЕНРИХ VIII И ИРЛАНДИЯ

У Генриха VIII хватало врагов и внутри страны, и за ее пределами. Союзы, заключавшиеся между европейскими государями, были опасны для Англии, которая в любой момент могла подвергнуться военному нашествию. Такую операцию удобнее всего было начинать из Ирландии, где по-прежнему царил полный хаос.

Золотой век Ирландии, начавшийся в V столетии с прибытия на остров крестителя страны св. Патрика и превративший Ирландию в крупнейший центр христианской культуры, завершился в VIII в. с нашествием датчан. Северяне основали цепь поселений на побережье Ирландии и устраивали набеги на центральные области острова, грабя монастыри и кельтские селения. Кельтские племена постоянно воевали с пришельцами, но не могли преодолеть взаимных распрей и сплотиться в борьбе с общим врагом.

В 1169 г. в Ирландию вторглись закованные в доспехи норманны, однако ни построенные ими замки, ни феодальные отношения не помогли в установлении мира и покоя в стране. Знатные англо-норманнские семейства стали лишь номинальными владельцами огромных ирландских угодий. Власть Англии над островом оставалась эфемерной вплоть до эпохи Тюдоров.

Уже в XIV в. англо-норманнские лорды стали принимать ирландские имена, старались держаться независимо от английской короны. Мы помним, сколько волнений и беспокойств причинили ирландские

бароны Генриху VII, однако и после того, как граф Килдэр был помилован и возведен в сан генерал-губернатора Ирландии, положение на острове ничуть не изменилось. Там по-прежнему царила баронская вольница, кельтские вожди вели междоусобные войны, ирландцы грабили англичан и наоборот. Даже королевский наместник позволял себе решать личные проблемы именем короля, расправляясь с неудобными людьми.

Джеральд Фитцджеральд, граф Килдэр, сын и преемник правителя Ирландии, назначенного Генрихом VII, не раз вызывал недовольство Генриха VIII. Ему дважды приказывали явиться в Лондон и дважды отправляли в Тауэр по обвинению в государственной измене (в 1526–1529 и 1533–1534 годах). Первый раз король помиловал ирландца, второй раз графу был вынесен смертный приговор.

Постигшая генерал-губернатора участь вызвала негодование у всех представителей клана Фитцджеральдов. Сын пострадавшего, Томас Фитцджеральд, унаследовавший титул отца, поднял в Ирландии восстание против власти английской короны. Восстание под руководством Фитцджеральдов (1534–1535) было подавлено новым генерал-губернатором Ирландии Скеффингтоном, который привез из Англии пушки, превратившие в руины стены замков, где укрывались мятежники. Томас Фитцджеральд был взят в плен и осужден на смертную казнь. Восстание было подавлено с крайней жестокостью. Достаточно сказать, что была истреблена вся мужская половина рода Фитцджеральдов, кроме двух малолетних мальчиков.

После восстания Фитцджеральдов был взят курс на англоизацию Ирландии. Местным жителям вменялось в обязанность говорить по-английски, носить английское платье. Английские обычаи насаждались огнем и мечом. Не миновала Ирландию и церковная реформация, в процессе которой были уничтожены ирландские монастыри, практически единственные культурно-образовательные центры на острове.

Писатели тюдоровской эпохи сравнивали очертания Ирландии с яйцом, что свидетельствует о слабой изученности острова и весьма поверхностных представлениях даже о его береговой линии. В те далекие годы Ирландия была не только Изумрудным островом, но и настоящим комариным царством: ее болота и озера были намного обширнее, чем сейчас, леса, ныне почти вырубленные, казались поистине бескрайними; в них водились волки и находили прибежище разбойники.

Ирландия делилась на пять провинций — Ольстер, Коннахт, Манстер, Ленстер и Мит, позднее слившийся с Ленстером. По мнению английских путешественников XVI — начала XVII веков, жители Ирландии не слишком заботились о приумножении достопримечательностей острова. Норманнские замки были могучими и надежными фортификационными сооружениями, но об их красоте и удобстве никто и не помышлял. Многие постройки в результате войн лежали в руинах. Частые войны наносили ущерб и крестьянским селениям: гибли люди, земля плохо обрабатывалась. Английский писатель Барнаби Рич в книге «Новое описание Ирландии» рассказывал о местных крестьянах, которые привыкли крепить плуг... к лошадиному хвосту. Когда прочный конский волос перетирался, пахота, естественно, прекращалась. Еще менее, чем земледелие, было развито скотоводство, хотя именно крупный рогатый скот являлся основой ирландского хозяйства.

В Ирландии было всего сорок три обнесенных стенами города, дороги оставались непроезжими большую часть года (здесь в свое время не потрудились римские строители), совершенно отсутствовали мосты через реки, так что при переправах приходилось пересекать их вброд. Лучше всего была налажена жизнь в городах Лимерике, Корке, Голуэе и Дублине. Там было много двухэтажных каменных домов, крыши которых покрывала черепица. Горожане говорили и по-английски, и по-ирландски, но везде, кроме Дублина, вопреки королевскому указу, предпочитали объясняться на родном языке.

Население тогдашней Ирландии можно было бы условно разделить на три основные группы: коренные ирландцы, англо-ирландцы, многие из которых были потомками англо-норманнов, и, наконец, «новые англичане» — недавно прибывшие в Ирландию авантюристы, чиновники, колонисты и т. п., вызывавшие большие опасения у англо-ирландцев, считавших, что «новые» прибыли с целью отнять привилегии у «старых». Впрочем, дело обстояло именно так. «Новые», в свою очередь, ненавидели «старых ирландцев», не без оснований полагая, что те создают серьезные трудности в управлении страной.

Английский поэт Эдмунд Спенсер, долгое время живший в Ирландии и принадлежавший к «новым ирландцам», писал, что «старые» нуждаются в более серьезной перековке, чем коренное население, и ведут себя более враждебно к англичанам, чем местные кельты.

Серьезную проблему представляло собой насаждение английских обычаев среди коренного населения. В тюдоровские времена быто-

вала поговорка, что скорее десять англичан станут ирландцами, чем один ирландский кельт — англичанином. Самобытность кельтского населения привлекала английских путешественников, и они оставили любопытные описания тогдашних коренных ирландцев. История как бы повторялась: в свое время римляне увековечили нравы британских кельтов, теперь англичане запечатлевали быт кельтов ирландских.

В подавляющем большинстве те избегали англичан и построенных ими городов: им было привольнее там, где не было военных гарнизонов и чужеземных колонистов. Все авторы отмечают, что коренные жители имели приятную внешность и отличались хорошим сложением. При этом, с точки зрения англичан, ирландцы были ленивы и весьма спесивы. Те, кто мог вывести свое происхождение от главы-основателя клана, попросту гнушались повседневной работы, считая ее ниже собственного достоинства. Ирландские воины были печально известны буйным нравом и праздным образом жизни.

Среди положительных черт ирландских кельтов английские авторы называют отвагу, великодушие, гостеприимство, умение терпеливо переносить тяготы. На англичан производила впечатление простота мышления и доверчивость коренного населения страны. В религиозных верованиях ирландских кельтов христианство странным образом сочеталось с язычеством: например, при виде луны они падали на колени и читали «Отче наш», дабы уберечь себя от ее мистической власти.

Быт ирландских кельтов был предельно простым. Питались они преимущественно молочно-растительной пищей — молоком, сыром, овсяными лепешками. Любимыми национальными напитками были эль и виски. В торжественных случаях подавались блюда из мяса. Один из очевидцев рассказал о том, как проходил кельтский пир: участники праздника усаживались на солому, поглощали мясо и виски и в почтительном молчании внимали декламации барда и игре арфиста.

В одежде ирландских кельтов англичанам особенно бросались в глаза два элемента: просторные, доходящие до земли рукава и широкие теплые накидки, которые в случае необходимости могли служить и подстилкой, и одеялом. В ходу у кельтов была и весьма оригинальная прическа: волосы собирались в пучок, но не на затылке, а надо лбом, и спадали на лицо. Особо красивым считался золотистый, завитый и длинный пучок. Казалось бы, мало приятного в том, что волосы постоянно лезут в глаза, рот и нос. Однако определенный смысл в такой прическе был: она скрывала лицо, следовательно, с ней

было легче заниматься воровским промыслом; у ирландских кельтов, как и у их шотландских сородичей, воровство считалось бесспорной добродетелью. Видимо, этим же объясняется и странный покрой национальной одежды — в ее складках можно было спрятать украденное. Однако самым почетным мужским занятием считалась война. У кельтов была конница, вооруженная копьями, пехота, рубившаяся тяжелыми боевыми топорами и мечами или же стрелявшая из луков.

У ирландцев была иная культурная история, чем у англичан, и они не желали упразднения своих национальных традиций. В царствование Генриха VIII возникла серьезнейшая идеологическая распря, не утратившая остроты и в наше время: если Англия начала продвижение по пути реформации, то ирландцы сплошь, за редчайшим исключением, были католиками. Этническая рознь, таким образом, усилилась религиозными разногласиями.

Интенсивная англизация Ирландии проходила в 1536–1539 годах, когда генерал-губернатором острова был лорд Леонард Грей, а в 1541 г. парламент в Дублине признал Генриха VIII королем Ирландии. До этого времени английские монархи именовались лишь «повелителями» этой страны.

ВОЙНЫ С ШОТЛАНДИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ (1542–1546)

Шотландия продолжала беспокоить Генриха VIII, подобно тому, как она служила источником головной боли для его предшественников. В истории Шотландии не было войны Роз, знать вела себя в своих вотчинах, как мелкие корольки, и племянник Генриха VIII шотландский король Яков (Джеймс) V предпринимал отчаянные попытки обуздать непокорных феодалов при поддержке церкви. Церковь была готова помочь короне, однако не забывала при этом и собственные интересы. Якова принудили пойти на разрыв с Англией, поскольку его царственный дядя разорвал отношения с папой римским.

Этот шотландский демарш привел к войне 1532–1534 годов, вялотекущему пограничному конфликту, но и после ее окончания Яков представлял собой угрозу спокойствию Англии. В 1542 г. война вспыхнула с новой силой. Герцог Норфолк со своим войском пересек реку Твид и опустошил приграничные шотландские графства. Шотландцы ответили вторжением в Камберленд, графство на северо-за-

паде Англии, известное благодаря своему живописному ландшафту как Озерный край.

Яков, не доверявший шотландским аристократам, поставил во главе армии своего фаворита Оливера Синклера, оказавшегося бездарным полководцем. Сразу же после перехода границы шотландцы были атакованы английской кавалерией, порядком потрепавшей их ряды, а в сумерках нападение повторилось. Маленький отряд англичан, действовавший внезапно и быстро, обратил в бегство солидную армию: не доверяя своему полководцу, солдаты Якова предпочли поскорее смерти.

Горечь поражения была так велика, что свела короля в могилу. Он уже лежал на смертном одре, когда у него родилась дочь, которую называли Марией (1542–1587). У любвеобильного Якова V было несколько внебрачных детей, в том числе сыновей, он был дважды женат, но наследницей престола оказалась именно эта крохотная девочка. Согласно преданию, умирающий думал о том, что женщина-наследница династии Брюсов принесла шотландскую корону Стюартам, а теперь настало время, когда суждено угаснуть и династии Стюартов, последней представительницей которой оказывалась Мария.

Пытаясь урегулировать отношения с северными соседями, Генрих VIII задумал женить своего единственного сына Эдуарда на крохотной королеве Шотландской, однако под влиянием католической церкви и по желанию шотландской регентши, вдовствующей королевы-матери⁶, предложение было отвергнуто.

В 1544 г. Генрих VIII заключил союз с германским императором Карлом V, который в это время находился в состоянии войны с Францией. Английские войска также вторглись во Францию и после длительной осады в 1546 г. взяли Булонь, увеличив владения Англии в районе Кале. Карл, как всегда, оказался весьма ненадежным союзником, потому что в это самое время заключил сепаратный мир с Францией.

В том же году Генрих возобновил военные действия против Шотландии. Английская армия под командованием лорда Хертфорда, брата покойной Джейн Сеймур, перешла границу и стерла с лица

⁶ Первой женой Якова V была французская принцесса Мадлен, умершая через полгода после свадьбы. Вторично шотландский король женился на французке Мари де Гиз, принцессе Лотарингского герцогского дома. Как и все Гизы, Мария была ревностной католичкой.

земли все селения между Бервиком и Эдинбургом, овладела столицей Шотландии и предала ее огню. Однако Англия не могла продолжать эти дорогостоящие войны, тем более в условиях, когда она лишилась союзника. Поэтому в 1546 г. Генрих VIII заключил мир не только с Францией, но и с дружественной ей Шотландией.

ГЕНРИХ VIII ЗАБОТИТСЯ О БУДУЩЕМ ДИНАСТИИ

В последние годы жизни Генрих ясно видел, что при его дворе существуют две враждебные партии, прямо противоположно относившиеся к Реформации. Король понимал, что в случае его смерти

Эдуард VI

престолонаследник Эдуард ввиду малолетства непременно попадет под влияние одной из группировок. Генрих весьма своеобразно позаботился о судьбе сына, распорядившись казнить Томаса Говарда, герцога Норфолка и его сына, поэта Генри Говарда, графа Сарри, которые наряду с Гардинером возглавляли консервативную католическую

партию. Тем самым король укрепил положение графа Хертфорда, главы оппозиционной партии и дядюшки принца Уэльского. Вероятно, Генрих предполагал, что Хертфорд будет по-родственному соблюдать интересы Эдуарда.

Что касается принцесс Марии и Елизаветы, статус их неоднократно менялся: отец, в зависимости от настроения, то признавал, то отрицал законность их рождения. Наконец в 1544 г. был издан парламентский акт о престолонаследии, по которому дочери короля занимали подобающие им второе и третье место в очереди к трону. В случае, если что-либо происходило со всеми тремя законными наследниками английской короны, Генриху VIII предоставлялось право назначить своего преемника по личному выбору. Если бы и это не осуществилось, право на престол должно было перейти к потомкам младшей сестры короля, Марии, — потомков старшей сестры Маргарет, королевы Шотландской, Генрих не брал в расчет из-за вызывающего поведения Якова V. Последние два уточнения остались пустой формальностью, а судьба распорядилась так, что все трое законных детей Генриха по очереди взойшли на английский престол.

ЭДУАРД VI ОКОНЧАТЕЛЬНО УТРАЧИВАЕТ ШОТЛАНДСКУЮ НЕВЕСТУ

Эдуард VI — английский король, который становится известен нам еще в детстве, когда мы знакомимся с удивительной книгой Марка Твена «Принц и нищий». У исторического принца Эдуарда не было столь ярких приключений, как у героя американского писателя. Принц Эдуард жил под бдительной опекой слуг, его духовным развитием занимались архиепископ Кентерберийский Кранмер и епископ Лондонский Ридли. Эдуарда с пеленок готовили к тому, что ему придется управлять государством, однако мальчик-король умер еще до того, как смог обходиться без помощи лорда-протектора.

Ввиду несовершеннолетия Эдуарда VI и по завещанию Генриха VIII страной должен был управлять регентский совет. Назначенные в этот совет вельможи большей частью позаботились о том, чтобы увеличить свои владения в соответствии с их новым положением в государстве, после чего отказались от коллегиального управления страной, провозгласив лордом-протектором Англии Хертфорда, ставшего теперь герцогом Сомерсетом. Из вспомогательного совета

Герцог Сомерсет

при протекторе были выведены такие деятели, как Гардинер и канцлер Ризли, 1-й граф Саутгемптон: причиной этого послужило их явное неодобрение нарушений воли покойного короля и приверженность нереформированной церкви.

Протектор Сомерсет был человеком амбициозным, жадным до почестей и богатств, но вместе с тем он стремился также завоевать и общенациональную поддержку. В погоне за славой он принял решение вмешаться в дела Шотландии, выступив защитником шотландских протестантов. Еще в царствование Генриха VIII протестантские миссионеры проникали на территорию Шотландии, стараясь обратить в новую веру местных католиков. Эта задача была крайне опасной — миссионеров арестовывали и сжигали на кострах по обвинению в ереси. Так, по распоряжению шотландского кардинала Битона был казнен видный протестантский деятель Джордж Уишарт (ок. 1513–1546). За смерть этого

человека кардинал поплатился собственной жизнью: в 1546 г. в его замок Сент-Эндрюс ворвался отряд протестантов, решивших во что бы то ни стало отомстить за гибель Уишарта.

Отважные действия протестантов способствовали сближению шотландских католиков с французскими единоверцами. В 1546–1547 годах в Шотландию прибыли французские войска, направленные на подавление протестантских волнений. Что касается герцога Сомерсета, то у него был собственный план разрешения шотландской проблемы. В 1547 г. он вторгся в Шотландию во главе хорошо вооруженного по новейшему европейскому образцу войска и разгромил шотландскую армию в битве при Пинки-Клю. На всем своем пути английская армия, состоявшая преимущественно из наемников, сеяла смерть и разрушения. По замыслу Сомерсета, такая демонстрация силы должна была склонить шотландцев к идее брака их юной королевы-католички Марии Стюарт с маленьким английским королем Эдуардом VI, воспитанным в протестантской вере.

Военный способ решения религиозных и матримониальных проблем был слишком грубым для того, чтобы осуществить задуманное. Английское вмешательство лишь подтолкнуло шотландцев на дальнейшее сближение с французским королем Генрихом II, следствием чего стал брак Марии Стюарт с наследником французской короны дофином Франциском.

РЕФОРМАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Горячий поборник протестантизма, лорд-протектор Сомерсет способствовал проведению серьезных церковных реформ. В 1547 г. он санкционировал борьбу с пышностью интерьеров церквей. Новая вера требовала простоты, и было решено убрать из храмов статуи святых, лепные изображения ангелов и витражи. Против этого резко выступил епископ Винчестерский Гардинер, заявлявший, что светская власть не имеет права вносить изменения в церковную жизнь до тех пор, пока король, глава англиканской церкви, не достиг совершеннолетия и не решил эту проблему лично. Тем не менее нападки на церковную пышность продолжались, и, к сожалению, вызваны они были не столько высокими идейными, сколько материальными соображениями, поскольку открывали мирянам новые возможности поживиться за счет церковных богатств. В 1548 г. последовал указ об

отмене целого ряда элементов традиционной церковной обрядности, вызвавший нешуточный протест со стороны духовенства. Опасаясь, что служители церкви могут настроить народ против светских властей, правительство пошло на еще один суровый шаг: проповедническая деятельность была разрешена только тем священнослужителям, которые получали на нее особое разрешение. Разумеется, оно выдавалось лишь тем, чья благонадежность не подлежала сомнению. На следующий год было принято постановление, разрешавшее клирикам вступать в брак. 1549 г. также ознаменовался изданием первой англоязычной Книги общей молитвы Эдуарда VI.

Не следует думать, что подобные жесткие меры встречались народом безропотно. Среди самых последовательных критиков деятельности лорда-протектора Сомерсета был его родной брат лорд Сеймур, позволявший себе прямо высказываться о разграблении и дележе церковного имущества между высокопоставленными мирянами. И было за что критиковать: сам Сомерсет, начав возводить для себя новый дворец, велел снести мешавшую ему церковь. Говорили, что при строительстве в дело пошли камни и кирпичи разрушенного храма. При работах были также осквернены захоронения, обычные на каждом церковном дворе. За свою смелость лорд Сеймур поплатился головой — с подачи родного брата он был заключен в Тауэр и приговорен к смертной казни.

Выступления в защиту прежней церкви иногда приобретали массовый характер. Например, в 1549 г. на борьбу за старые церковные традиции поднялись жители Девоншира и Корнуолла.

ОГОРАЖИВАНИЯ, ИЛИ КАК «ОВЦЫ ЕЛИ ЛЮДЕЙ»

Еще в XIII в. английские феодалы начали расширять свои владения за счет общинных земель, а на рубеже XV—XVI столетий это явление приняло массовый характер и получило название «огораживания», так как присвоенные участки обносились живыми или деревянными изгородями, канавами, а иногда и каменными стенами.

Процесс огораживания был связан с расцветом шерстяной мануфактуры во Фландрии: владельцы сукновален платили хорошие деньги за шерсть, и в Англии землевладельцы быстро смекнули, что заниматься овцеводством гораздо выгоднее, чем земледелием. По-

этому даже огороженные пахотные земли в основном отводились под выпас овец. Огораживание затрагивало не только общинные земли, но и личные земельные наделы, способствуя массовому обнищанию крестьян. Упоминая об этом в «Утопии», Т. Мор писал, что в Англии «овцы съели людей».

Как при Генрихе VII, так и при Генрихе VIII неоднократно издавались статуты против огораживателей. Например, в 1515 г. был принят статут об ответственности лорда-землевладельца за сохранение количества домов и существующей площади пахотных земель в селениях. Нарушителям грозил суровый штраф. Однако все тюдоровские законы против огораживаний остались мертвой буквой. Потеряв землю, крестьяне были вынуждены бродяжничать и жить подаянием, и лишь считанные единицы сумели перебраться на жительство в города и найти себе работу на развивавшихся английских мануфактурах.

В 1549 г. в графстве Норфолк началось восстание против огораживаний, во главе которого встал сквайр (мелкий помещик) Роберт Кет. Восставшие требовали соблюдения существовавших законов против огораживаний, отмены крепостной зависимости. Поскольку многие огораживатели зарабатывали деньги, сдавая внаем захваченные участки земли, то выдвигались и требования уменьшения арендной платы. Бунтовщики предприняли поход на Норидж, главный город графства Норфолк, который им удалось захватить. После тщетных попыток договориться с восставшими правительство было вынуждено прибегнуть к вооруженной силе, направив под Норидж карательные отряды под командованием графа Уорика, потопившего восстание в крови. Крестьянское ополчение было разогнано, сотни мятежников, в том числе и Роберт Кет, преданы смертной казни.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

После подавления восстания в Норфолке граф Уорик превратился в глазах высшего сословия чуть ли не в спасителя отечества. Рост его авторитета сопровождался стремительным падением популярности Сомерсета, который начал вызывать нарекания даже у своих прежних горячих сторонников. Предпринятое им вторжение в Шотландию привело к очередной войне с Францией. Ввиду новых военных расходов лорд-протектор распорядился уменьшить вес английских монет, вызвав тем самым справедливое возмущение купечества.

Придворные завистники были убеждены, что Сомерсет задумал жениться на престолонаследнице Марии, старшей сестре короля Эдуарда VI. Землевладельцы не простили протектору и попытки бороться против практики огораживаний. Перестав оказывать поддержку своим бывшим друзьям, Сомерсет в 1549 г. был низложен решением королевского совета и брошен в Тауэр, откуда его ненадолго выпустили, чтобы вслед за этим обвинить в государственной измене, сводившейся преимущественно к присвоению казенных денег, и вновь поместить в мрачную крепость-тюрьму. В 1551 г. бывший всемогущий регент взмолился на эшафот.

После отмены протектората власть перешла в руки королевского совета, где тон задавал граф Уорик. В 1550 г. Уорик пошел на примирение с Францией и позволил ей выкупить завоеванную англичанами Булонь. Однако в воздухе вновь запахло войной: Уорик запретил служить мессе даже для принцессы Марии, что оскорбило германского императора, вознамерившегося защищать интересы своей родственницы и — в равной мере — католической церкви. В конце концов Уорику пришлось пойти на попятную и сделать для Марии исключение. Строго говоря, Уорик был довольно-таки равнодушен к вопросам религии, но, ориентируясь на свое ближайшее окружение, поддерживал реформированную церковь.

Политика Уорика не отличалась стабильностью, но ему удалось завоевать расположение юного Эдуарда, только-только начинавшего вникать в вопросы политики. Свою симпатию к Уорику король выразил, пожаловав ему титул герцога Нортумберленда. Уорик полностью подчинил себе Эдуарда и даже заставил его подписать указ о казни собственного дядюшки Сомерсета. Создается впечатление, что король ничуть не сокрушался по поводу печальной участи родственника: в день и час казни Сомерсета он развлекался музыкой и танцами.

ЗАГОВОР НОРТУМБЕРЛЕНДА

Духовные наставники воспитывали Эдуарда VI так, что он воспринимал любое отклонение от протестантской доктрины как преступление. К казни инакомыслящих на костре в его царствование прибегали редко, но репрессии в форме тюремного заключения были делом обычным. Например, был брошен в тюрьму католический лидер епископ Гардинер, вышедший на свободу только после смерти короля.

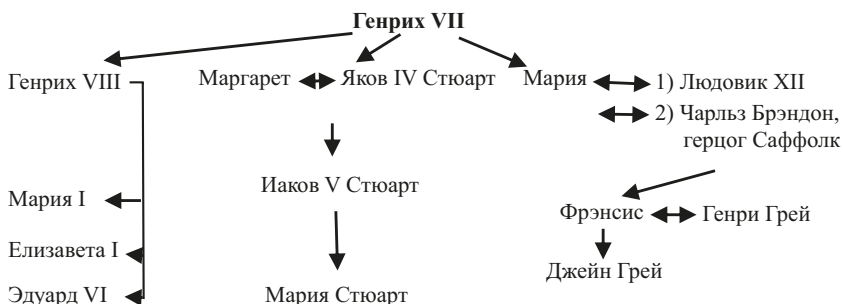
Однако для английских протестантов было очевидно, что построенная в соответствии со вкусами и убеждениями Эдуарда религиозная

система не могла пережить этого молодого государя, тем более что его наследницей являлась старшая сестра-католичка. Эдуард никогда не отличался здоровьем. Когда стало очевидным, что дни юноши сочтены, возвеличенный им герцог Нортумберленд решил обеспечить свое будущее и заодно позаботиться о делах реформированной религии. Ему удалось уговорить короля назвать своей преемницей леди Джейн Грей (1537–1554), правнучку Генриха VII по линии его младшей дочери Марии и двоюродную племянницу самого Эдуарда.

ГЕНРИХ VII

Беспокоясь об изменении порядка престолонаследия, хитрый Нортумберленд заботился о процветании своего семейства: в 1553 г. он женил собственного сына Гилфорда Дадли на леди Джейн.

6 июля 1553 г. Эдуард умер. Три дня смерть юного короля держали в секрете, а 10 июля шестнадцатилетняя Джейн Грей была провозглашена королевой Англии. В Лондоне было множество протестантов, которые, по логике, должны были бы поддержать новую королеву. Однако в леди Джейн видели прежде всего невестку заносчивого Нортумберленда, понимая, что такая правительница будет всего лишь марионеткой в руках свекра. Поэтому при въезде в Лондон юную королеву встретило гробовое молчание. Вся Англия думала так же, как жители столицы. За несколько дней вокруг принцессы Марии, законной наследницы престола, сплотилось около 30 тыс. человек. Нортумберленд попытался выставить собственное войско против армии Марии, но большинство его солдат оказались дезертирами, переметнувшимися на сторону принцессы.

19 июля 1553 г. законная наследница престола вступила в Лондон, где была провозглашена королевой, а герцога Нортумберленда, его сына и несчастную леди Джейн препроводили в Тауэр. Все они были виновны в государственной измене.

ЛЕДИ ДЖЕЙН ГРЕЙ, КОРОЛЕВА ДЕВЯТИ ДНЕЙ 1553 г.

Если по материнской линии Джейн Грей находилась в тесном родстве с Тюдорами, то со стороны отца ее прапрабабушкой была прекрасная Элизабет Вудвилл, супруга короля Эдуарда IV. Несмотря на такое высокое происхождение, сведений о жизни Джейн Грей у нас немного, неизвестна даже точная дата ее появления на свет. Однако можно с уверенностью утверждать, что родилась она в поместье Бредгейт в окрестностях Лестера, и воспитывалась с двумя младшими сестрами, Кэтрин и Мэри. Братьев у девочек не было.

Родители стремились дать дочкам хорошее образование, не уступавшее по уровню тому, какое получали юноши из благородных семейств. У Джейн, которая с ранних лет демонстрировала незаурядные способности к наукам, было сразу два учителя — капелланы ее отца Томас Хардинг и Джон Эйлмер, приверженцы реформированной религии. Образование Джейн не сводилось только к сфере теологии. Подростком она бойко говорила и читала по-латыни и по-древнегречески, знала французский, итальянский и арабский языки, читала халдейские и древнегреческие тексты. Знаниям маленькой девочки могли бы позавидовать современные филологи. Обладая абсолютным музыкальным слухом и неплохим голосом, Джейн играла на нескольких музыкальных инструментах. Ее почерк и слог вызывали восхищение, она была великой рукодельницей — женщины тюдоровской Англии коротали досуг, занимаясь вышиванием или шитьем, — разбиралась в целебных свойствах трав, понимала толк в ведении домашнего хозяйства.

После смерти короля Генриха VIII Джейн жила при очень любившей ее вдовствующей королеве Екатерине Парр. О степени привязанности Екатерины к умной и красивой девочке красноречиво свидетельствует тот факт, что на похоронах Екатерины Джейн шла за гробом почившей. К Джейн прекрасно относился и генерал-адмирал лорд Сеймур, который весьма неохотно отпустил ее, когда она реши-

Джейн Грей

ла вернуться домой после смерти своей покровительницы. Впрочем, ему удалось уговорить родителей Джейн прислать ее обратно, пообещав им устроить ее брак с маленьким королем Эдуардом. Однако Сеймур так никогда и не предпринял попытку устроить этот союз. Высказываются предположения, что он либо предназначал девочку в жены своему племяннику лорду Хертфорду, сыну герцога Сомерсета, либо лелеял мысль самому жениться на ней.

С одной стороны, Джейн получила образование в свободном духе, присущем эпохе Возрождения. С другой стороны, ее воспитание можно было бы назвать по-пуритански строгим. Родители наказывали ее и ее сестер за малейшие оплошности и проступки. Девочки испытывали по отношению к отцу и матери скорее благо-

говейный страх, чем любовь, но привыкли во всем безропотно подчиняться родительской воле.

Джейн совсем не тянуло к парадной, праздничной стороне светской жизни. В 1550 г. в Бредгейт заезжал известный ученый и дипломат Роджер Эскем. В своем дневнике он отметил, что в момент его приезда господский дом был пуст — все уехали на охоту, и лишь в дальней комнатке затихшего особняка сидела юная леди Джейн, с наслаждением читая в оригинале бессмертный диалог Платона «Федон». По свидетельству Эскема, одного из самых образованных людей своего времени, Джейн прекрасно разбиралась в философии Платона и была большой поклонницей Демосфена. Высокое происхождение, незаурядный ум, набожность привлекали к девушке внимание протестантских лидеров, как английских, так и иностранных. Например, леди Джейн состояла в дружеской переписке с цюрихским священнослужителем Буллингером, весьма почитаемым деятелем Реформации.

В октябре 1551 г., в тот самый день, когда граф Уорик получил титул герцога Нортумберленда, отец девушки, носивший титул маркиза Дорсета, стал герцогом Саффолком. Теперь семейство Греев перебралось на жительство в столицу. Джейн автоматически влилась в высшее общество, по необходимости принимала участие во всех придворных церемониях и празднествах. Здесь девушка выделялась не только красотой, умом и образованностью: под влиянием своих духовных наставников она выросла равнодушной к роскоши и даже при дворе появлялась в более чем скромных туалетах. Дошло до того, что принцесса Мария прислала ей нарядное платье, которое Джейн уговаривали носить хотя бы из уважения к дарительнице. Однако Джейн осталась непреклонной, считая, что ее вера не допускает следования образу жизни, который выбирает для себя католичка Мария. Леди Джейн преклонялась перед младшей сестрой Марии, поскольку под влиянием своих религиозных наставников принцесса Елизавета в те годы также не стремилась к пышности в быту.

Твердость религиозных принципов Джейн, ее иронические замечания по поводу того, что католики умудряются видеть Спасителя в испеченных булочником облатках⁷, заставили принцессу Марию возненавидеть племянницу, которую она записала в закоренелые еретички.

⁷ То же, что просвирки.

В начале 1553 г. герцог Нортумберленд предложил родителям Джейн устроить брак девушки со своим четвертым сыном Гилфордом, и в июне 1553 г. была отпразднована свадьба. Платье невесте подарил дядя-король Эдуард VI, на бракосочетании присутствовали самые знатные пары Англии. Теперь Джейн оказалась во власти своего свекра.

После смерти Эдуарда VI герцог принудил Джейн стать королевой. Молодая женщина не разделяла амбиций своей новой семьи и отдавала себе отчет в том, что не способна управлять королевством. Она плакала, на коленях умоляла оставить ее в покое, но Нортумберленд был непреклонен. События этого рокового дня бедняжка подробно описала в послании, отправленном ею из Тауэра королеве Марии. Она предчувствовала, что станет третьей королевой Англии, которой суждено окончить жизнь на плахе.

10 июля 1553 г. Джейн впервые въехала в Тауэр — по традиции именно в этой крепости английские монархи ждали дня коронации. Примерно через час народу зачитали первый манифест новой правительницы, в котором Джейн именовалась «королевой Англии, Франции и Ирландии». В обращении говорилось, что Эдуард VI назвал ее своей преемницей. Очевидцы утверждали, что обращение было выслушано в гробовой тишине. Лишь какой-то юнец-подмастерье позволил себе выкрикнуть здравицу в честь законной престолонаследницы Марии, за что в тот же день был посажен в колодки и лишен обоих ушей.

Все девять дней своего царствования Джейн провела в смятении и тоске, предчувствуя неотвратимо приближавшуюся развязку. Когда 19 июля Мария въехала в Лондон, худшие из ее опасений оправдались: Джейн покинули даже те, кто заставлял ее взойти на престол. Болезненным было предательство отца — поняв, что игра проиграна, он переметнулся на сторону Марии. Даже глава заговора герцог Нортумберленд постарался выказать себя приверженцем старшей дочери Генриха VIII, но его подчеркнуто верноподданническое поведение не могло обмануть никого, и 25 июля его заключили в Тауэр.

В крепости-тюрьме оказались не только Джейн, ее муж и свекор, но также родители. Марии не чужды были благие порывы, она простила чету Саффолков, но все остальные остались в Тауэре. 22 августа был казнен герцог Нортумберленд — его не спасло даже то, что перед смертью он во всеуслышанье объявил себя католиком. Леди Джейн была возмущена этим предательством веры больше, чем всеми прочими

преступлениями, о которых ей когда-либо доводилось слышать. Страдания арестантки усугублялись тем, что всего через месяц после свадьбы она была разлучена с мужем, которого успела горячо полюбить.

13 ноября 1553 г. леди Джейн, ее муж и два его брата, Амброуз и Генри Дадли, предстали перед судом. Отпираться не имело смысла, и все они признали себя виновными в государственной измене, тем самым подписав себе смертный приговор. Только на суде Джейн впервые с момента ареста увидела мужа.

Толпы любопытных высыпали на улицы лондонского Сити, чтобы поглазеть, как осужденных ведут в Тауэр. Теперь отношение горожан к несчастной леди Джейн в корне переменялось: в ней видели жертву ненавистного Нортумберленда, а ее юность и красота не могли не возбуждать острую жалость. Казнь осужденных откладывалась на неопределенный срок, что иногда вызывало в их сердцах безумную надежду на королевское помилование. Лишь 8 февраля 1554 г. Джейн объявили, что ее казнь назначена на следующий день. Узница выслушала это известие с полным спокойствием и тотчас же погрузилась в себя, готовясь к встрече с Предвечным.

Исповедник королевы Марии, который принес Джейн весть о казни, выпросил у своей повелительницы трехдневную отсрочку, надеясь перед лицом смерти обратить приговоренную в католическую веру. Однако его попытки не увенчались успехом: ничто не могло поколебать ее религиозных убеждений.

Казнь Джейн и Гилфорда Дадли была окончательно назначена на 12 февраля. Предполагалось, что они будут обезглавлены на Тауэрском холме, но в последний момент было принято решение казнить Джейн внутри Тауэра — зрелище гибели столь юной и прекрасной женщины могло вызвать непредсказуемые последствия.

Утром Гилфорду разрешили свидание с женой, но она отказалась от тягостного прощания, предвидя, что после него им обоим будет намного труднее держать себя в руках и достойно встретить смерть. Однако Джейн все же увидела супруга, когда его проводили под окном ее камеры. Гилфорд бестрепетно взошел на эшафот и сам опустил голову на плаху. Затем шерифы вернулись в Тауэр за Джейн. Она спокойно тронулась в последний путь, и все, кто ее видел, понимали, что душа ее уже устремлена к Всевышнему. Мало кто из окружающих мог удержаться от слез, глядя на изящную маленькую фигурку, безмятежно поднимающуюся на эшафот. Глаза же самой Джейн были совершенно сухи. Она спокойно дала завязать себе

глаза, спокойно опустилась на колени перед плахой и лишь позволила себе осведомиться, отрубят ей голову до того, как она опустится на плаху, или же потом.

Семнадцатилетняя Джейн Грей потрясла современников своей стойкостью и подала образец мужества и верности своим идеалам последующим поколениям. Никто не знает, где нашел последнее упокоение ее прах. Вероятно, ее погребли в стенах мрачного Тауэра, безмолвного свидетеля многих кровавых драм английской истории.

До нашего времени дошли некоторые письма леди Джейн, написанные ею в Тауэре. За три дня до казни она обращалась к отцу: «... хотя Господу было угодно избрать Вас орудием ускорения моей смерти, в то время как Вам скорее надлежало заботиться о продлении моей жизни, я могу настолько смиренно принять это, что должна еще более горячо благодарить Господа за то, что он сократил мои грустные дни, чем если бы в моем распоряжении оказался весь мир, а жизнь моя продолжалась бы столько, сколько я хочу...». А вот что было адресовано Джейн ее сестре Кэтрин: «...Моя славная сестричка, еще раз позволь мне умолять тебя научиться встречать смерть, отречься от мира, посрамлять дьявола и презирать плоть, и находить радость только в Господе. Кайся в своих грехах, но не отчаивайся; будь стойкой в своей вере... Сейчас, когда я смотрю в лицо смерти, возрадуйся так, как радуюсь я, моя дорогая сестра, что буду избавлена от всего тленного и сольюсь с нетленным... Прощай еще раз, моя дорогая сестра, уповай только на Господа, единственного, кто тебе помощь. Аминь. — Твоя любящая сестра Джейн Дадли».

МАРИЯ КРОВАВАЯ

Королева Мария I Тюдор вошла в историю с нелестным прозвищем Кровавая. Католичка, непримиримая в отношении еретиков, Мария за пять лет своего правления (1553–1558) отправила на костер более трехсот человек. Много это или мало? Не будем говорить о ценности каждой человеческой жизни и призовем на помощь только цифры: в Испании нередко такое количество жертв приходилось лишь на одно аутодафе. То, что вошло в практику в Испании, приводило в ужас англичан: немудрено, что даже в те времена, когда была жива память о ее отце, рубившем головы направо и налево, новая королева снискала себе столь нелестное прозвище.

Как правительница она принесла Англии немало бед, как женщина — достойна всяческого сочувствия. Дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской, она была подростком, когда на ее глазах разыгралась драма унижения матери, и религиозный фанатизм Марии отчасти может быть объяснен желанием искоренить реформированную религию — то зло, которое разрушило жизнь Екатерины и не лучшим образом повлияло на ее собственную судьбу. Единственное оставшееся в живых дитя королевской четы, она носила титул принцессы Уэльской, но по прихоти отца, влюбившегося в Анну Болейн, превратилась в незаконнорожденную дочь короля, лишилась прав на английский престол. Мария была вполне взрослой, когда происходили эти события, и смысл их не мог быть для нее загадкой. Кроме того, Генрих разлучил девушку с горячо любимой матерью.

Под конец жизни Генрих VIII все же признал старшую дочь одной из законных претенденток на английский престол, и после смерти сводного брата и провала заговора Нортумберленда Мария стала королевой. По меркам XVI в. она была немолодой — ей уже миновало тридцать семь лет. Она никогда не отличалась крепким здоровьем, рано начала терять зубы, страдала сильной близорукостью. Ее кожа имела нездоровый землистый оттенок, лицо покрывала сеть тонких морщинок. Однако эта стареющая женщина все еще не была замужем.

Перед восшествием на престол Мария подверглась сильному унижению: хотя по английским законам женщина могла стать королевой, до этого времени страной правили исключительно мужчины, и претендентке пришлось буквально на коленях умолять Тайный совет поддержать ее и доказывать, что она правильно понимает свои будущие государственные обязанности. У многих возникла иллюзия, что эта женщина будет податлива, как воск, в руках Тайного совета.

Впрочем, Мария сразу же после коронации показала, что не намерена делиться властью с кем бы то ни было. Свои государственные обязанности она видела, во-первых, в возвращении страны в лоно католической церкви (этот «подвиг» она должна была совершить во славу Божию и во имя спасения миллионов заблудших душ), а во-вторых, в том, чтобы не допустить прекращения династии Тюдоров. Марии предстояло вступить в брак и, несмотря на зрелый возраст, родить наследника престола.

Мария вознамерилась выйти за Филиппа Испанского (1527–1598). Этот любимый сын испанского короля Карла I, являвшегося и германским императором Карлом V, был фактическим правителем Испании,

Мария I

но еще не королем, когда 25 июля 1554 г. женился на Марии. Он стал прежде королем Англии благодаря браку с Марией, а в 1556 г., когда его могущественный отец решил сложить с себя тяжкое бремя власти и провести остаток своих дней в монастыре, Филипп II, которому было всего тридцать лет, сделался самым могущественным монархом в мире. Он стал королем Испании — Кастилии, Арагона и Гранады, а также королем Неаполя и Сицилии. Он был герцогом Милана, верховным правителем земель, входивших в область Франш-Конте (восток Франции), а также Нидерландов, Бельгии и Люксембурга. Кроме того, ему принадлежали Канарские острова и острова Зеленого Мыса, Филиппины, Молуккские острова, Тунис, обширные земли в Вест-Индии, Мексике и Перу. Человек не менее религиозный, чем Мария, Филипп Испанский был преисполнен решимости служить Господу и интересам империи. У него была сокровенная мечта — объединить свои владения и Англию под знаменами Испании и Святой инквизиции, и английский брак был для него одним из козырей в сложной политической игре.

Многие англичане были возмущены тем, что своим замужеством королева отдает страну во власть испанцам. Новость подтолкнула к трем бунтам, которые, впрочем, были быстро подавлены. Однако парламенту хватило мудрости и стойкости согласиться только на именование Филиппа королем и не допустить его прямого вмешательства в дела Англии.

При Марии — и в особенности после ее замужества — начались жесточайшие преследования протестантов. Были арестованы многие виднейшие деятели реформированной церкви: епископ Вустерский Латимер, епископ Лондонский Ридли, епископ Глостерский Хупер, архиепископ Кентерберийский Кранмер и другие. Каждый из них знал, что его ждет ужасная смерть на костре, избежать которой можно было лишь ценой отступничества от своих религиозных убеждений.

К смерти достойных людей был причащен епископ Винчестерский Гардинер. Изгнанный Генрихом VIII, он провел почти все время правления Эдуарда VI за решеткой и был возвеличен католичкой Марией, которая не только вызволила его из узилища, но назначила канцлером королевства и видела в нем деятеля, способного вернуть Англию под власть Рима. Честолюбивый Гардинер мечтал стать примасом Англии, однако судьба не допустила дальнейшего возвышения этого жестокого человека. 21 октября 1555 г., через пять дней после казни Латимера и Ридли, Гардинер умер.

Архиепископ Кентерберийский еще был жив — его казнили 21 марта 1556 г. В тюрьме Кранмера вынудили подписать отречение от протестантской веры и признать свои религиозные «заблуждения». Этот документ был предан гласности и широко использовался католиками в борьбе с английскими еретиками. Однако отречение не спасло жизнь Кранмеру. В день казни осужденный обратился к пришедшим посмотреть на его гибель, сказав, что подписал злополучную бумагу под страхом смерти. Речь Кранмера была такой проникновенной, что палачам пришлось поторопить его из страха перед реакцией толпы. День гибели архиепископа стал днем торжества еще одного ревностного приспешника Марии, кардинала Реджинальда Поля, который занял освободившееся место главного церковного иерарха Англии.

Жестокости, творимые в стране именем Марии, не способствовали росту популярности королевы. Многие из тех, кто ратовал за ее возвращение и торжество закона, вскоре перестали испытывать малейшую симпатию к правительнице. Благодаря ее фанатизму беды вошли в семьи англичан, как простых, так и знатных. Помимо погибших на

костре, на совести Марии Кровавой было достаточно сломанных судеб. Королева реанимировала церковный суд, перед которым прошли сотни людей, подозреваемых в сочувствии реформированной церкви. Не все смогли проявить завидную твердость духа и не отречься от своей веры под страхом смерти. Вынужденные всю жизнь в глубине души сокрушаться по поводу своего отступничества, измученные пытками, эти люди так никогда и не смогли забыть о пережитом.

Примечательно, что в стремлении вернуть Англию под власть Рима Мария I столкнулась с непреодолимым препятствием: новые владельцы бывших монастырских земель категорически отказывались возвращать их прежним хозяевам.

НЕВЗГОДЫ КОРОЛЕВЫ МАРИИ И ПОТЕРЯ КАЛЕ

Марию Кровавую не вспоминают добром и никогда не сочувствуют ее доле, хотя ее жизнь даже после того, как она стала королевой, нельзя назвать счастливой.

Мария умудрилась страстно влюбиться в своего мужа и племянника Филиппа Испанского, для которого бурные проявления чувств со стороны женщины, бывшей старше его на целых одиннадцать лет, были обузой. Филипп уже был женат, его очаровательная юная супруга, португальская принцесса Мария Мануэла умерла при родах, а их единственный сын и престолонаследник Карлос едва ли подходил для своего высокого предназначения, будучи психически больным. Таким образом, и Мария I, и Филипп были кровно заинтересованы в рождении ребенка. Ради этого Филипп оставался в Англии и терпел общество жены.

Мария страстно хотела стать матерью. Будучи от природы женщиной неуравновешенной, она вообразила, что забеременела. Признаки беременности были налицо, но, когда пришло время родов, стало ясно, что она была ложной. Скрыть постигшую Марию неудачу не представлялось возможным, и по стране поползли оскорбительные для королевской четы слухи. Распространенной стала шутка: «Знаем мы этих испанцев. У них дети с самого начала такие застенчивые, что стесняются появляться на свет». Многие предприимчивые женщины находили путь во дворец Хэмптон-корт, где находилась Мария, и плели ей разные небылицы о том, как рожали детей в гораздо более зрелом возрасте, вынашивая их намного дольше того срока, который определила для этого природа. Разумеется, подобные доброты по-

лучали щедрое вознаграждение. Тем труднее было примирить королеву с мыслью, что ребенка у нее не будет.

Убедившись, что Мария бесплодна, Филипп с радостью нашел благовидный предлог покинуть опостылевшую жену: его призывал отец, желавший передать ему испанскую корону. Мария была безутешна и провожала мужа до Гринвича. В августе 1555 г. Филипп покинул Англию.

Став королем Испании, Филипп всячески оттягивал возвращение в Англию. Тем более что как испанский монарх он был вынужден начать войну против Франции. Испания всегда преданно служила католической церкви, за что Ватикан оказывал всяческое содействие ее правителям. Например, под прикрытием Ватикана испанские войска неоднократно вторгались в Италию. Однако новый папа Павел IV оказался более расположенным к французам, чем его предшественники, и Генриху II Французскому удалось склонить его вступить с ним в союз, направленный против Испании. Поскольку Англия уже давно враждовала с Францией, она могла оказать серьезную поддержку Филиппу II. Ради этого в марте 1557 г. он вернулся к Марии.

Мария ни в чем не могла отказать возлюбленному супругу, и в том же году Англия оказалась втянутой в войну с Францией. Эта война, потребовавшая от Англии огромных затрат, окончилась для нее подлинной трагедией: в 1558 г. французы под командованием герцога де Гиза захватили Кале, последний английский форпост на европейском континенте. Филипп заключил мир с Францией, который намеревался скрепить женитьбой своего сына Карлоса на старшей дочери Генриха II Елизавете, однако Кале так и остался в руках французов.

Эта потеря, а также запоздалое прозрение в отношении характера чувств, которые питал к ней Филипп, подорвали и без того хрупкое здоровье королевы Марии. Когда стало ясно, что она умирает, многие придворные поспешили покинуть ее и пополнить число сторонников принцессы Елизаветы, которой вскоре предстояло взойти на престол.

ЕЛИЗАВЕТИНСКАЯ ЭПОХА — КУЛЬТУРНЫЙ РАСЦВЕТ НАЦИИ И ЗАКАТ ДИНАСТИИ ТЮДОРОВ

ЮНЫЕ ГОДЫ ЕЛИЗАВЕТЫ

Единственная дочь Генриха VIII и Анны Болейн, родившаяся в 1533 г., Елизавета первые три года жизни носила титул принцессы Уэльской, которого была лишена ее старшая сводная сестра Мария. Затем в 1536 г., после казни матери, девочку так же, как и ее сводную сестру, объявили незаконнорожденной. Отец не слишком интересовался ее судьбой, и лишь под влиянием последней супруги Екатерины Парр, явно симпатизировавшей воспитывавшейся в протестантской вере принцессе, она была приглашена ко двору. У Елизаветы были хорошие отношения со сводным братом — подростков сближала общая любовь к знаниям. Зато со старшей сестрой отношения не складывались. Даже по прошествии многих лет Мария не могла забыть, какую роль сыграла в ее судьбе и судьбе ее матери Анна Болейн. К тому же Мария была не терпима ко всем протестантам.

Елизавета получила прекрасное по тем временам домашнее образование. В своих познаниях она, вероятно, значительно уступала леди Джейн Грей, но занимавшийся с принцессой в 1548–1550 годах известный ученый и дипломат Роджер Эскем¹ мог гордиться своей ученицей. В эпоху Возрождения об образованности человека судили по степени

¹ Эскем с 1550 г. служил латинским секретарем Эдуарда VI и вновь занял этот пост при Елизавете.

Елизавета I

его знакомства с античным наследием. Что касается Елизаветы, то она знала французский, итальянский и испанский, прекрасно владела латынью, а также читала по-гречески. Еще в ранние годы она пристрастилась к книгам. Возможно, именно это в дальнейшем предопределило ее расположение к литераторам, что в значительной степени способствовало расцвету английской словесности в период ее правления.

После смерти Эдуарда VI весьма непрочное положение Елизаветы стало и вовсе шатким. Мария I потребовала, чтобы ее сводная сестра, в конце концов признанная Генрихом VIII законной дочерью, была вновь объявлена внебрачным ребенком. Покорный парламент издал соответствующее постановление, однако этим унижения Елизаветы не окончились. Сидевшая на троне Мария всячески пыталась опорочить ее. Например, королева утверждала, что в жилах Елизаветы нет ни капли крови Тюдоров, а ее отцом был не Генрих VIII, а ничтожный музыкант Смитон, с которым у Анны Болейн якобы была любовная связь. Ходили также слухи, что Елизавета — дочь Томаса Сеймура.

На счастье Елизаветы, в стране было множество людей, недовольных правлением Марии и католической реакцией. Именно эти люди стали верными сторонниками Елизаветы, предупреждавшими ее о возможных опасностях и тем самым помогавшими ей пережить страшное пятилетие царствования Марии Кровавой.

Мария отдавала себе отчет в том, какую опасность для нее представляет молодая Елизавета. Королеве стало известно, что в стране и за ее пределами, во Франции, без конца плетутся заговоры с целью возведения на престол ее младшей сестры. Всякий раз, когда в Англии возникали беспорядки, подозрение Марии падало на Елизавету.

В январе 1554 г. в Кенте вспыхнуло антикатолическое восстание под руководством дворянина Томаса Уайетта, сына прославленного поэта. Оно было выражением протеста сторонников реформированной церкви против «испанского брака». Мятежники — около 3 тыс. человек — намеревались возвести на престол принцессу Елизавету. Им удалось войти в Лондон, однако в последний момент они потерпели поражение.

Уайетт серьезно скомпрометировал Елизавету, послав ей верно-подданническое письмо, на которое она из осторожности не ответила. Однако этого было достаточно, чтобы Мария заточила возможную претендентку на престол в Тауэр. Злейший враг Анны Болейн и Елизаветы Гардинер настаивал на казни принцессы. Сама принцесса с ужасом ожидала, что повторит участь матери. Спасло ее только то, что соображения государственные взяли верх над личными чувствами Марии. Расправа над Елизаветой, очень популярной в стране личностью, серьезно пошатнула бы и без того хрупкий авторитет королевы. Поэтому Мария выпустила сестру на свободу и ограничилась высылкой ее из столицы.

Однако, живя вдали от Лондона, в Хатфилде или в Вудстоке, Елизавета не могла быть спокойна за свою жизнь. В сложившейся ситуации помощь пришла к ней с неожиданной стороны. Тонкий и хладнокровный политик, Филипп Испанский считал, что Елизавете не только стоит сохранить жизнь, но и необходимо вернуть ее ко двору. Филипп решил, что гораздо легче следить за Елизаветой, если она рядом, чем когда она прозябает в изгнании. Он также понимал, что разделаться с принцессой слишком опасно. Следовательно, оставался единственный путь: выдворить принцессу из страны, выдав ее замуж за иностранного принца, — Филипп

планировал брак Елизаветы с Эммануилом Филибертом Савойским. Затем матримониальные планы Филиппа, касавшиеся английской престолонаследницы, изменились. Было очевидно, что слабое здоровье Марии не позволяет рассчитывать на ее долгое пребывание в этом мире. В случае кончины супруги Филипп сумел бы удержать Англию лишь женившись на новой королеве, Елизавете.

Филипп действительно попытался осуществить этот план: всего через месяц после смерти Марии он начал переговоры о женитьбе на Елизавете. Само собой разумеется, что для этого Елизавете надлежало перейти в католичество, чего она не собиралась делать. Желание сохранить баланс сил в Европе побуждало Филиппа II оказывать поддержку Елизавете I и некоторое время после того, как она отвергла возможность испанского брака.

ПРОТЕСТАНТСКАЯ КОРОЛЕВА

Известие о смерти Марии застало Елизавету в Хатфилде. По преданию, ей сообщили об этом, когда она сидела под тенистым дубом в парке. Престолонаследница встретила новость с большим облегчением: теперь она была полновластной хозяйкой и себе, и стране, и не потерпела бы ни диктатуры мужа, ни указаний и окриков со стороны папы римского. Елизавета так и не вышла замуж, хотя не раз возникали переговоры о ее браке с тем или иным иностранным принцем. Злые языки утверждали, что у королевы были любовники и даже внебрачные дети, но сама Елизавета держала личные дела в строгой тайне и подчеркивала собственную непорочность, называя себя королевой-девственницей.

Конечно, молодая государыня не могла оставаться равнодушной к угрозам, исходившим от папы после того, как, взойдя на престол, она отменила мессу и сделала реформированную англиканскую церковь государственной. Однако она не допустила казни инакомыслящих, стремясь придерживаться золотой середины. Она не впадала в крайности — в середине XVI в. в Англии оформилось движение за очистку англиканской церкви от элементов католицизма, проявлявшееся в стремлении предельно упростить культ. Пуританские фанатики порой доходили до вандализма, врываясь в церкви и сокрушая органы. Королеве же начинала нравиться пышность, и как глава церкви она

считала возможным сохранить некоторые торжественно-декоративные элементы религиозной обрядности. Католики в царствование Елизаветы должны были скрывать свои убеждения и отправляли мессу тайно. Между тем ежедневное посещение англиканских богослужений было непреложной обязанностью каждого подданного королевы.

Восстановив англиканскую церковь, Елизавета и ее помощники в 1559 г. ввели в обиход англоязычный молитвенник, которым должны были пользоваться все верующие. В том же году парламент принял закон о верховенстве: он устранял титул верховного главы церкви, который принадлежал Генриху VIII, Эдуарду VI и самой Елизавете в первые месяцы пребывания на престоле, но в то же время отдавал всех священнослужителей в юрисдикцию королевы. По этому постановлению все должны были присягать на верность Елизавете в качестве верховной правительницы королевства.

Реакция священнослужителей на нововведения Елизаветы в целом была весьма спокойной: лишь несколько священников, служивших мессе в период правления Марии Католички, наотрез отказались пользоваться новым молитвенником. Когда в 1558 г. умер кардинал Поль, занимавший пост архиепископа Кентерберийского в последние годы правления Марии I, Елизавета назначила на это место своего ставленника Мэтью Паркера (1504–1575), одного из выдающихся английских богословов XVI в.

Разумеется, молодой королеве очень хотелось вернуть Англии отвоєванный французами Кале, однако ей пришлось отказаться от этой заманчивой мысли и в 1559 г. заключить мир с Генрихом II: видимость дружеских отношений с Францией была для Англии обязательным условием успешного противостояния Испании. Елизавета отвергла руку и сердце, предложенные ей вдовствующим зятем, но и ссориться с ним она не хотела. Филипп II был опасен, потому что мог рассчитывать на поддержку английских католиков. Французский король представлял угрозу потому, что Франция всегда оказывала содействие своей союзнице — Шотландии, чем неизменно причиняла беспокойство англичанам. Протестантская Англия, в свою очередь, была головной болью обоих европейских монархов: Филиппа, стремившегося к реставрации католицизма в этой стране и подчинению ее Испании, и Генриха, поскольку Елизавета оказывала тайную помощь французским гугенотам.

Расстановка сил в Европе была поколеблена в 1559 г., когда в Шотландии победила Реформация, во главе которой стоял строгий кальви-

нист Джон Нокс (ок. 1510–1572). Это неизбежно означало ослабление связей Шотландии с католической Францией. Кроме того, шотландские кальвинисты не раз искали поддержки у своего естественного союзника-единоверца, английской королевы-протестантки Елизаветы I.

МАРИЯ СТЮАРТ

Известная своей красотой Мария Стюарт, еще в колыбели ставшая королевой Шотландии и из соображений безопасности воспитывавшаяся на родине своей матери, занимала, несмотря на нежный возраст, важное положение при французском дворе. Красивая девочка пользовалась особой симпатией короля Генриха II и его фаворитки Дианы де Пуатье. Одного этого было достаточно, чтобы возбудить неприязнь супруги Генриха, Екатерины Медичи. Неприязнь переросла в тщательно скрываемую ненависть, когда королева узнала, что маленькая шотландка позволяет себе насмехаться над ее происхождением из «торгашей» Медичи. Однако выказывать свои чувства к Марии Екатерина считала излишним, тем более что за девочкой стоял могущественный клан Гизов, ее родственников по материнской линии.

В 1558 г. Мария вышла замуж за дофина Франциска, который год спустя стал королем Франции. При этом Мария, приходившаяся правнучкой английскому королю Генриху VII, позволила титуловать себя королевой Франции, Шотландии и Англии. Это было на руку католической партии, которая не признавала законным развод Генриха VIII с Екатериной Арагонской. Таким образом, в глазах католиков всего мира Елизавета I оказывалась незаконнорожденной дочерью английского монарха, захватившей престол, который по праву должен был принадлежать Марии. Елизавета не забыла оскорбления, нанесенного ей Марией, и оно впоследствии определило участь прекрасной шотландки.

Франциск II скончался всего через полтора года после восшествия на престол. Вдовствующая королева имела возможность выйти замуж за нового французского монарха Карла IX, который, как и его покойный брат, с детских лет был влюблен в Марию. Однако Екатерина Медичи сумела расстроить этот союз и в немалой степени способствовала отъезду шотландки на родину.

15 августа 1561 г. Мария взойшла на корабль в Кале, чтобы никогда больше не увидеть Францию, ставшую для нее родным домом. Ко-

Мария Стюарт

роткая переправа через пролив была довольно опасной: в Ла-Манше шныряли английские суда, имевшие приказ перехватить Марию Стюарт, именовавшую себя английской королевой. У Елизаветы появился новый повод желать задержания соперницы: перед отъездом Марии из Франции шли переговоры о том, чтобы разрешить шотландке проезд через территорию Англии. Елизавета согласилась при условии, что та откажется от претензий на корону Тюдоров. Отказа не последовало, и сердце Елизаветы ожесточилось. Однако несмотря на усилия английских моряков, густой туман позволил Марии благополучно достигнуть берегов Шотландии.

В ее королевстве было неспокойно. Религиозный раскол вверг страну в гражданскую войну. Если шотландские католики были готовы принять Марию, то протестанты встретили ее в штыки. Суровый Джон Нокс не стеснялся давать самые нелестные отзывы о молодой королеве, которая, воспитываясь при суетном французском дворе, пыталась вести привычный образ жизни и в Шотландии,

Джон Нокс

тогда как кальвинисты считали, что недостойно христианина проводить время в праздности и бесполезных занятиях. Даже любовь к танцам, столь естественная для молодой женщины, ставилась ей в упрек.

У Марии были шансы поставить на место своих противников. Пользуясь поддержкой не только шотландских католиков, но и всего католического мира, она вполне могла стать и королевой Англии, но, не обладая государственным умом, совершила множество ошибок, приведших ее к гибели. Например, подыгрывала протестантам в ущерб своим единоверцам, что побудило многих шотландских католиков отвернуться от королевы.

В отличие от Елизаветы I Мария тяготилась одиночеством и не хотела коротать свой век без мужа. Поскольку английская королева не вступала в брак прежде всего из боязни поступиться властью, она прекрасно понимала, что муж может оказать сильнейшее влияние на ее соперницу. В 1564 г. английская королева попыталась устроить

брак Марии Стюарт со своим собственным фаворитом Робертом Дадли, графом Лестером. Мария сочла это предложение оскорбительным и год спустя вышла замуж за своего родственника Генри Стюарта, лорда Дарнли. Этот брак вызвал недовольство многих шотландцев. Выступил против него и граф Морей, сводный брат королевы и незаконнорожденный отпрыск ее отца, короля Якова V. Джеймс Стюарт, граф Морей, поднял мятеж против королевской четы, но войска Марии заставили графа и его людей отступить и искать политического убежища в Англии. Очевидно, что протестанта Морея подстрекало к восстанию английское правительство, но Елизавета делала вид, будто ей ничего не было известно о том, что назревало в Шотландии.

Второй брак Марии оказался неудачным: ее мужем стал неотесанный, грубый и жестокий человек, к тому же очень ревнивый. Дарнли заподозрил, что его супруга влюблена в своего французского секретаря Давида Риччо, утонченного итальянца-католика, разделявшего светские увлечения королевы. 9 марта 1566 г. несчастный был убит Дарнли и его сообщниками прямо на глазах у Марии. Притворяясь любящей и верной женой, Мария с этого времени возненавидела мужа.

События в шотландском королевском семействе развивались стремительно и бурно: 19 июня 1566 г. Мария родила сына, а 10 февраля следующего года в особняке Кирк-о-Филд близ Эдинбурга произошел взрыв, во время которого погиб находившийся там Дарнли. Эта драма серьезно подорвала репутацию Марии не только в Шотландии, но и за рубежом. Она была заинтересована в смерти мужа, поскольку влюбилась в Джеймса Хепберна, графа Босуэлла (ок. 1535–1578). Честолюбивый Босуэлл был женат, но супружество не стало для него препятствием к завоеванию сердца Марии. Очевидно, что и Босуэлл, и королева были причастны к заговору против Дарнли, хотя прямые доказательства их вины отсутствуют. Сразу же после гибели Дарнли Босуэлл развелся с женой (он был протестантом) и инсценировал похищение королевы, якобы принудив ее выйти за него замуж. Скорее всего, сама Мария не имела ничего против такого романтического приключения.

Вина Марии была столь очевидна, что против нее поднялось восстание, во главе которого встал граф Морей. Даже сторонники королевы отшатнулись от нее — 15 июня 1567 г. ее армия потерпела поражение в битве при Карберри-Хилл, потому что большинство солдат дезертировало или открыто перешло в лагерь противников королевы. Мария принуждена была капитулировать. В этот день она навсегда рассталась и с сыном, и с Босуэллом, который в поисках спасения бе-

жал в Данию, где был приговорен к пожизненному заключению. Поражение при Карберри-Хилл стало гранью, разделившей жизнь Марии на две части: относительно безоблачное прошлое и трагическое, исполненное страданий будущее.

ОТРЕЧЕНИЕ И БЕГСТВО

Став пленницей Морея, Мария была доставлена в замок Дугласов на крохотном островке в центре озера Лох-Ливен, а 24 июля в замок прибыла депутация лордов-протестантов, принудивших королеву отречься от престола в пользу ее годовалого сына, которого собирались воспитывать в протестантской вере.

Регент Морей

Мария пребывала в глубоком отчаянии: у нее не было ни малейших шансов вырваться на свободу, тем более что ее тюремщицей была мать Морея, намеревавшегося стать некоронованным королем Шотландии. Мария провела в замке Лох-Ливен сырую осень и студе-

ную зиму, почти расставшись с надеждой на спасение. Однако весной случилось чудо: влюбившийся в нее младший сын семейства Дугласов решил во что бы то ни стало помочь ей бежать из замка. 2 мая 1568 г. Мария покинула стены своей тюрьмы: ее стражи явно потеряли бдительность, возможно, отмечая традиционный праздник прихода весны — Майский день.

В поддержку Марии выступило влиятельное семейство Гамильтонов, однако ее сторонники не сумели дать отпор армии врагов, и после поражения в битве при Лангсайде (окрестности Глазго) 13 мая 1568 г. королева с небольшой свитой из самых верных слуг была вынуждена бежать из Шотландии. Она надеялась, что ей удастся добраться до Франции и получить помощь от Гизов, но судьба распорядилась иначе: Мария смогла выйти к берегу залива Солуэй, однако в ее распоряжении не было корабля, способного совершить длительное плавание во Францию в обход северной оконечности острова Великобритания. На обнаруженном ее людьми углом суденышке было рискованно пускаться вплавь через залив. Но, поскольку выбора не оставалось, Мария решила перебраться на английский берег, в графство Камберленд, и поискать защиты у Елизаветы I. Шотландская королева действовала, точно слепая, уповая на помощь родственницы, считавшей ее своим заклятым врагом.

КОРОЛЕВА-ПЛЕННИЦА

Вопреки надеждам Марии у Елизаветы не было ни малейшего желания помогать ей в возвращении шотландского престола. Более того, английская королева не намеревалась выпускать Марию за пределы Англии: вполне вероятно, что, попав во Францию, шотландка смогла бы собрать там армию и высадиться с ней в своем королевстве. Елизавета же была заинтересована в том, чтобы у северных границ ее владений все было спокойно. Итак, Мария по собственной неосторожности стала пленницей Елизаветы и содержалась в разных удаленных от столицы английских замках с лета 1568 г. по начало 1587 г. Понадобилось восемнадцать с половиной лет, чтобы Елизавета осмелилась казнить несчастную шотландскую королеву.

Попав в Англию, Мария Стюарт настойчиво добивалась встречи с Елизаветой, полагая, что сумеет расположить ее к себе. Однако Елизавета не стремилась выступать в поддержку соперницы. Слож-

ность заключалась также и в том, что английская королева не могла открыто поддержать лордов-протестантов, вынудивших Марию отречься от престола, — срабатывала, так сказать, «классовая» солидарность. Поскольку решительные меры в сложившейся ситуации были исключены, Елизавета сочла за благо как можно дольше оттягивать свидание с пленницей под предлогом, что ей нужно сперва уяснить, насколько справедливы слухи о безнравственности Марии, которую обвиняли и в изменах Дарнли, и в его убийстве, — как непорочная королева-девственница, английская государыня якобы боялась унижить себя встречей с неподходящей собеседницей. Марии пришлось проглотить это оскорбление и раз за разом пытаться представлять Елизавете доказательства своей невиновности.

Тем временем почти всех слуг, прибывших с Марией в Англию, одного за другим отправляли на родину, а королеву перевозили из одного неудобного замка в другой, где она неизменно находилась под бдительным надзором хозяев-тюремщиков. Положение несчастной пленницы тревожило католиков как в Англии, так и за ее пределами. Друзья Марии составляли хитроумные заговоры, чтобы вызволить ее из заточения, но благодаря шпионам Елизавете неизменно удавалось упредить действия католиков.

В 1569 г. на севере Англии началось восстание под руководством графов Нортумберленда и Уэстморленда. Они намеревались освободить Марию, низложить Елизавету и возвести шотландку на английский престол. Впрочем, мятежники были готовы довольствоваться и меньшим: им было достаточно, чтобы незамужняя Елизавета провозгласила Марию своей преемницей. При этом предполагалось, что Мария выйдет замуж за Томаса Говарда, герцога Норфолка (старшего сына поэта Генри Говарда, графа Сарри), который должен был возглавить мятежников. Совсем недавно Норфолк, в третий раз овдовев, задумал жениться на Марии и вернуть ее на шотландский престол, тем самым добившись для себя королевского статуса. Однако Елизавете стало известно об этом плане, она приказала арестовать Норфолка и 18 октября отправила его в Тауэр. Планы мятежных католиков были нарушены.

Нортумберленд и Уэстморленд медлили в нерешительности, не зная, как поступить дальше. Лишь тогда, когда королева прислала им письменное приказание явиться к ней на суд, графы отважились на бунт. 14 ноября они вместе со своими вооруженными отрядами ворвались в Даремский собор и уничтожили находившиеся там ан-

гласящие Библию и Книгу общей молитвы. После этого они велели отслужить в храме католическую мессу, словно очищая от скверны его древние стены. Эта месса стала последним в тюдоровской Англии публичным богослужением, проведенным по католическому обряду. Елизавете I пришлось отправить войска на усмирение мятежников. Обоим графам пришлось спастись бегством из страны, в то время как их сообщников постигло суровое наказание. Но оно могло бы быть гораздо более жестоким. Так, герцог Норфолк был вскоре выпущен из Тауэра под домашний арест: даже карая врагов, Елизавета старалась соблюдать чувство меры.

В Шотландии, куда прибыли мятежные графы, вновь усилились позиции католиков. В январе 1570 г. был убит протестант граф Морей, правивший королевством как регент от имени малолетнего Якова VI. В Италии давний недруг Елизаветы папа Пий V потирал руки, предчувствуя скорую победу над английскими протестантами. В апреле 1570 г. он отлучил Елизавету от церкви и своей властью освободил ее подданных от присяги на верность королеве. Папе было очевидно, что пока Елизавета остается на престоле, Англия никогда не вернется в лоно римской церкви.

Орден иезуитов буквально наводнил Англию шпионами-миссионерами, которые останавливались в домах католиков и тайно служили мессу: многие англичане по-прежнему оставались верны нероформированной религии. Однако подавляющее большинство, особенно более молодое поколение, связывало католицизм с бесчеловечными жестокостями, творившимися инквизицией в царствование Марии Кровавой. Память об этом привила большинству нации иммунитет к папизму.

После смерти Морей регентом Шотландии стал дед короля Якова граф Леннокс. Он был протестантом, однако католики в Шотландии по-прежнему были сильны, и с ними приходилось считаться. Зная, каким влиянием пользуется в Шотландии Франция, Елизавета затеяла фарс с выбором жениха из королевского дома Валуа (впервые мысль о французском браке королевы возникла еще в середине 1560-х годов, причем в качестве потенциального супруга рассматривался семнадцатилетний король Карл IX). Однако такие игры с католическими правителями не могли устранить проблему, лишь отсрочивая принятие решения. Католические заговоры против Елизаветы продолжались.

Весной 1571 г. в Нидерланды к герцогу Альбе, известному своим рвением в искоренении протестантской ереси, прибыл флорентий-

ский банкир Ридольфи. Он долгое время вел дела в Англии и пришел к выводу, что множество английских дворян являются его единоверцами и будут счастливы видеть на троне католическую королеву. От имени этих англичан Ридольфи просил герцога Альбу послать в Англию шеститысячную испанскую армию. Осторожный герцог полагал, что для успешного осуществления задуманного необходимо прежде всего физически устранить Елизавету I. Шаг был настолько смелым и опасным, что Альба решил посоветоваться по этому поводу со своим повелителем Филиппом II Испанским. Филипп, давно утративший надежду подчинить себе Англию женитьбой на Елизавете, предпочитал теперь делать ставку на Марию Стюарт и разрешил готовить войско к переброске в Англию, тем более что к этому появился новый повод: в конце 1560-х годов, когда герцог Альба начал в Нидерландах жестокую борьбу против еретиков, многие протестанты бежали в Англию, где находили покровительство Елизаветы, что вызывало раздражение Его Католического Величества.

Трудно сказать, чем завершился бы заговор Ридольфи, если бы не чрезвычайная бдительность главного министра Елизаветы Уильяма Сесила, лорда Берли. Его агенты перехватили гонца, посланного из ставки Альбы к английским союзникам Ридольфи. При нем было шифрованное письмо герцогу Норфолку, и под домашним арестом продолжавшему плести интриги, намеревавшемуся возвести Марию Стюарт уже на английский престол. Послание удалось расшифровать, и виновный в государственной измене Норфолк вновь оказался в Тауэре. Как и его отец-поэт, Норфолк умер на эшафоте, но для его казни были гораздо более веские основания.

Подробности о заговоре Ридольфи, достигшие ушей Елизаветы, заставили королеву активизировать кокетливую политическую интрижку с Францией, которая могла бы помочь Англии выстоять в борьбе со злейшим врагом, католической Испанией. В 1569–1579 годах королева делала вид, что всерьез рассматривает возможность замужества с одним из французских принцев крови. Сначала ее внимание привлек Генрих, герцог Анжуйский и будущий последний король из династии Валуа, а затем и его младший брат Франциск, герцог Алансонский и — с 1574 г., когда Генрих стал королем, — Анжуйский. Не беда, что первый из братьев был моложе потенциальной невесты на восемнадцать лет, а второй — на двадцать два года. Когда речь шла о большой политике, такие мелочи не брались в расчет.

Осенью 1572 г. парламент прямо потребовал казни Марии Стюарт, ключевой фигуры во всех католических заговорах: после трагической Варфоломеевской ночи (24 августа 1572 г.), развязавшей по всей Франции резню гугенотов католиками, английские протестанты еще больше возненавидели шотландскую королеву: она была не просто католичкой, но ближайшей родственницей тех самых Гизов, которые залили Францию протестантской кровью. Под влиянием рассказов беженцев из Нидерландов и Франции отношение к католикам в Англии становилось все более негативным.

Однако Елизавета не могла решиться пролить королевскую кровь, и прекрасная шотландка продолжала томиться в неуютных замках северной Англии.

АНГЛИЯ СТАНОВИТСЯ МОРСКОЙ ДЕРЖАВОЙ

Генрих VIII немало сделал для модернизации английского флота. В его царствование было начато строительство новых больших кораблей, способных совершать длительные морские плавания. Елизавета I превратила Англию в настоящую владычицу морей.

Морское пиратство в Англии стало доходным промыслом еще в первой половине XVI в. Поскольку в те времена самым большим флотом обладала Испания, то испанские корабли становились наиболее частыми жертвами английских пиратов. Затем, по мере того как в Англии укреплялись позиции Реформации, деятельность пиратов начала приобретать «идеологический» характер: что могло быть приятнее, чем «насолить донам», а заодно и поживиться за счет богатств, которые перевозились на их кораблях из Нового Света в Европу. Действия английских пиратов наносили немалый ущерб державе Филиппа II.

Елизавета прекрасно понимала выгоду морского пиратства. Она оказывала негласное покровительство своим морским волкам и тайком ссужала их деньгами на постройку судов для новых морских авантур. В благодарность часть добытых пиратами сокровищ Нового Света попадала в казну английской королевы.

Внимание морских волков привлекали не только пересекавшие Атлантику галеоны с золотом из Южной Америки. Славной добычей были и испанские суда со специями, шелками и другими ценнейшими восточными товарами, которые везли все это добро в обход Европы

в Антверпен. В ремесле пиратов было немало радостей, предоставляемых богатой поживой, поэтому число морских разбойников и их кораблей неуклонно возрастало.

Видя, что Елизавета не собирается обуздывать своих подданных, решивших заняться морским грабежом, Филипп приказал своим морякам быть безжалостными к английским мореплавателям, независимо от того, являлись они пиратами или нет. Так многие английские моряки попали в плен к донам и познакомились с ужасами судов инквизиции. Других прямо вздергивали на реях или же обрекали на голодную смерть. Все это не способствовало потеплению отношений между двумя странами — религиозная распря осложнилась морской войной.

Жестокости испанцев лишь подзадоривали английских мореплавателей, которые все чаще пересекали Атлантический океан, чтобы совершить дерзкий налет на какое-нибудь испанское колониальное поселение в Вест-Индии, Южной Америке или Мексике.

В те времена на право торговли с колониями могла претендовать только страна, которая основала там свои поселения и закрепила за собой новые земли. Испанский король категорически запрещал иностранным судам вход в испанские гавани по другую сторону Атлантики. К своим владениям он относил всю Южную Америку, кроме Бразилии, которую папа Александр VI закрепил за Португалией. Поскольку раздел Нового Света между Испанией и Португалией был совершен наместником св. Петра, испанцы рассматривали свои территории в Новом Свете как дар свыше.

Английские моряки-протестанты не желали считаться ни с папой, ни с представлениями донов. В Америку их гнала не только жажда разбоя и богатой добычи, но и желание торговать с колонистами. Тем более что в коммерции они нащупали золотую жилу: для обработки плантаций Нового Света нужна была рабочая сила. Попытки колонизаторов приучить к сельскому труду местных индейцев не увенчались успехом — аборигены либо убегали, либо умирали от перенапряжения или болезней, завезенных в Америку европейцами. Пустынной ветряной оспы было достаточно, чтобы истребить целые племена аборигенов. Зная о дефиците рабочих рук в Новом Свете, английские моряки занялись работорговлей: захватывали чернокожих на западном побережье Африки и везли их за океан на невольничьи рынки Вест-Индии. Характерно, что представителям обеих конфессий не приходило в голову задуматься о нравственном аспекте работоргов-

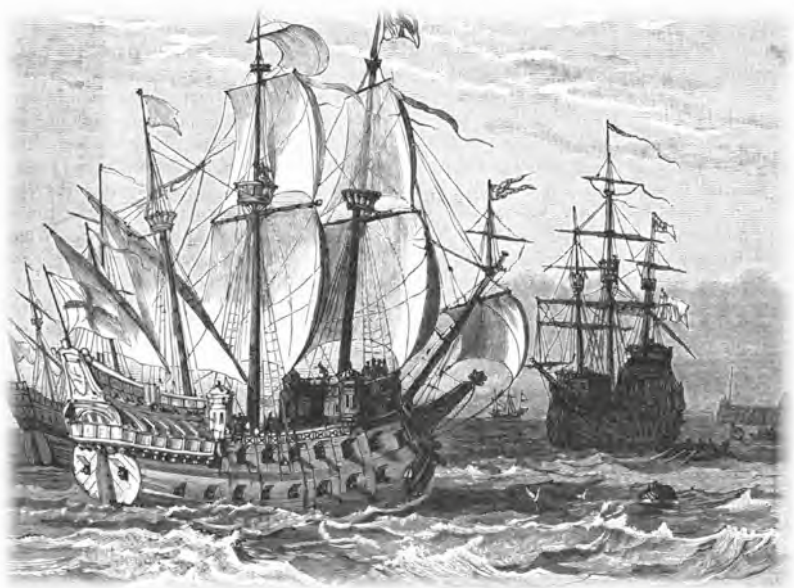

Фрэнсис Дрейк

ли. И для католиков, и для протестантов африканские дикари были просто товаром.

Самым известным английским мореплавателем XVI столетия был Фрэнсис Дрейк (1540–1596). Свою морскую карьеру он начал с работорговли, но отказался от этого занятия после первой же поездки в Новый Свет. Его гораздо больше привлекали налеты на испанские поселения. Подвергая их разграблению и захватывая сокровища, принадлежавшие испанской короне, набожный протестант Дрейк и его сподвижники свято верили, что творят богоугодные дела.

В 1577 г. Дрейк на маленьком паруснике «Пеликан» пересек Атлантику, миновал Магелланов пролив и вышел в Тихий океан. Испанцам не приходило в голову, что кто-либо из их врагов отважится появиться на западном побережье Южной Америки. Добыча пиратов была поистине сказочной, однако самой крупной удачей оказался не беспрепятственный грабеж жителей колониальных поселений, а захват испанского галеона, на борту которого находилось, помимо прочих сокровищ, двадцать шесть тонн серебра и около восьмидесяти фунтов золота.

Корабли времен Елизаветы I

Дрейк не рискнул возвращаться обратным путем и решил повторить кругосветное путешествие экспедиции Магеллана, пройдя через Индийский океан, обогнув мыс Доброй Надежды на южной оконечности Африки и двигаясь вдоль западных берегов континента.

В Англию «Пеликан» вернулся только в 1580 г. Фрэнсис Дрейк стал первым в мире капитаном, совершившим кругосветное плавание, — его предшественник Магеллан умер, не достигнув заветной цели. Филипп II направил Елизавете I ноту, требуя вернуть сокровища, похищенные у его подданных. Ответ королевы был выдержан в любезных тонах, но возвращать добычу своих пиратов Испании она не собиралась.

С каждым годом английские морские волки чувствовали себя все увереннее и увереннее, бороздя просторы омывающих Великобританию морей и Атлантического океана и увеличивая богатство своей родины. Тем временем дела Испании оставляли желать лучшего.

В начале 1570-х годов провинции Голландия и Зеландия восстали против испанского владычества. Народ избрал своим правителем принца Оранского, известного протестантского лидера, принявшего титул штатгальтера (т.е. губернатора), словно он являлся наместни-

ком Филиппа II. Силы повстанцев были весьма ограничены, они не могли долго сопротивляться войскам герцога Альбы. В 1574 г., когда Лейден оказался в осаде, голландцы пробили брешь в береговых дамбах, и воды Северного моря хлынули на низменные голландские земли, затопив всю округу. Большинство осаждавших погибли во время этого чудовищного наводнения. «Своих», оказавшихся в зоне затопления, голландцы спасали, разъезжая на плоскодонках по образовавшемуся в окрестностях Лейдена морю. После такого ужасного поражения Альба, прославившийся как фанатичный преследователь протестантов, уехал в Испанию.

К середине 1570-х годов стало ясно, что всех сокровищ Нового Света не хватит для того, чтобы Филипп II сумел осуществить свою мечту и вернуть всю Западную Европу в лоно католической церкви. Расходы, связанные с войной в Нидерландах, порядком опустошили испанскую казну. Показательно, что в 1576 г. вышедшее из-под контроля испанское войско разграбило Антверпен. Бесчинства, творимые испанцами, возмутили всех жителей Нидерландов, и все семнадцать провинций дружно восстали против власти Филиппа II.

В 1578 г. испанский король отправил в Нидерланды Александра, герцога Пармского. Талантливый военачальник и государственный деятель, он сумел привлечь на свою сторону южные провинции Нидерландов, населенные преимущественно католиками. Однако семь северных провинций, где прочно укоренилась Реформация, создали Утрехтский союз — конфедерацию протестантских земель.

Испания была слишком занята событиями в Нидерландах, чтобы планировать вторжение в Англию. Угроза со стороны Филиппа II в 1570-е годы заметно ослабела. Не страшна была Елизавете I и Франция, где король Генрих III не знал покоя от раздиравших страну религиозных войн и усиления позиций дома Гизов.

СМЕРТЬ МАРИИ СТЮАРТ

В 1580-е годы краткая передышка, полученная Англией в предыдущие десятилетия, подошла к концу. Испания вновь набирала силу, в Нидерландах, где 29 июня 1584 г. был убит штатгальтер Вильгельм Оранский, упрочивались позиции герцога Пармского, а Филипп II тем временем завладел Португалией и, соответственно, ее обширными колониальными владениями.

Как и прежде, исходившую от Испании угрозу можно было ослабить альянсом с Францией, и Елизавета вновь принялась рассматривать возможность своего брака с Франциском, герцогом Алансонским и Анжуйским. На сей раз дело дошло до визита жениха: в августе 1579 г. у королевы и герцога было несколько «тайных» свиданий, и было очевидно, что, несмотря на разницу в возрасте, они симпатизируют друг другу. Второй раз Франциск побывал в Англии в июне 1581 г., а его последний визит состоялся в начале 1582 г. Елизавета осыпала гостя знаками внимания и подарками, в том числе подарила ему и перстень, красноречиво говоривший о ее намерениях. Она кокетливо называла гостя «своим французским лягушонком» (трудно понять, являлось это прозвище ласкательным, или же в нем был уничижительный смысл) и даже наградила его поцелуем. Франциск не был таким уж хорошим католиком и в последние годы жизни активно заигрывал с протестантами в надежде, что они помогут ему заполучить корону. Однако в глазах англичан Франциск оставался представителем католического мира, и идея его женитьбы на их королеве была крайне непопулярна. Елизавета была разгневана попытками влиять на ее выбор и публичными высказываниями против предполагаемого «французского брака», однако и на сей раз она прислушалась к мнению народа. Франциск покинул Англию несолоно хлебавши. Расставанию с ним Елизавета посвятила восемнадцатистрочное стихотворение «На отъезд Месье», в котором всячески подчеркивала разлад между своими истинными чувствами и долгом. В любом случае Франциск, сам неплохой поэт, должен был по достоинству оценить это поэтическое прощание.

В 1583 г. королева узнала, что ей в большей степени, чем когда-либо, угрожает смерть. В ноябре этого года люди лорда Берли арестовали некоего Фрэнсиса Трокмортон, который признался в существовании заговора с целью физического устранения Елизаветы. Убийство королевы должно было явиться сигналом к вторжению в Англию войск под командованием герцога Гиза. В данном случае вождь католической партии Франции Гиз и испанский король действовали заодно, и Елизавета лишь чудом избежала ужасной опасности.

Враги королевы не ожидали, что на ее защиту встанет почти вся нация, не желавшая возврата к папизму. Англичане объединились в желании спасти свою королеву. Многие из них поклялись, что будут не только защищать Елизавету до последнего вздоха, но и в случае ее гибели разделаются с той, ради которой к Елизавете мог быть подослан убийца, — Марией Стюарт. В 1585 г. действия и намерения этого неформаль-

ного сообщества получили одобрение парламента. Пылкая решимость англичан действовала отрезвляюще на заговорщиков, в интересах которых было сохранить жизнь Марии. В 1585 г. во Франции вновь вспыхнула гражданская война, и Гизам стало уже не до вторжения в Англию. Инициатива по подготовке интервенции перешла к Испании.

К этому времени Филипп II вновь упрочил свои позиции в Нидерландах. В августе 1585 г. Александр Пармский взял Антверпен. Отчаявшиеся голландцы предложили Елизавете стать правительницей их страны. Королева отклонила эту честь, которая могла еще более усложнить отношения между Англией и Испанией, но все же послала в Нидерланды свою армию под командованием Лестера. Лестер потерпел неудачу в попытке провозгласить себя правителем Нидерландов и в 1586 г. бесславно вернулся в Англию. Двойственная политика Елизаветы позволила герцогу Пармскому еще более утвердиться в Нидерландах и значительно урезать территорию Голландской республики. Нидерланды должны были стать испанским плацдармом для переброски пехоты в Англию. Тем временем в Испании строились новые большие корабли, которые могли бы доставить в Англию многотысячное войско.

Пока Елизавета сохраняла жизнь Марии Стюарт, попытки освободить венценосную пленницу не прекращались. В 1586 г. группа молодых католиков составила очередной заговор в надежде вернуть свободу Марии. Подстрекаемые испанским эмиссаром иезуитом Боллардом, заговорщики намеревались также убить королеву Елизавету. Во главе заговора стоял дворянин Энтони Бабингтон, юноша с пламенным сердцем, отважный рыцарь, лишенный, к несчастью, осторожности. Конспираторы не могли представить себе, что в их ряды внедрился агент тайного сыска, который доносил о каждом их слове и действии. Благодаря этому информатору удалось перехватить и скопировать письма, которыми обменивались заговорщики и Мария Стюарт. Именно эта переписка послужила основанием для вынесения смертного приговора и участникам заговора, и шотландской королеве, которая также была обвинена в государственной измене.

Когда собравшийся парламент потребовал, чтобы Елизавета подписала смертный приговор пленнице, королева заколебалась. Она понимала, что смерть Марии будет большим благом и для всей страны, и для нее самой как королевы Англии. Однако подписать смертный приговор родственнице, да еще королеве, которую поддерживали иностранные державы, было делом не из легких. Сперва Елизавета надеялась, что сэр Эмиас Паулет, назначенный тюремщиком Марии

Стюарт, возьмет на себя убийство своей подопечной и тем самым избавит королеву от неприятной обязанности. Однако Паулет отказался принять на душу такой грех.

Тогда Елизавета затеяла игру сама с собой и со всем белым светом. Она сделала вид, что подписала приговор Марии по чистой случайности, вместе с кипой других государственных бумаг. Однако «спохватилась» она лишь тогда, когда ее расторопный секретарь Дэвисон уже дал ход «злополучной бумаге» и отменять королевское распоряжение было поздно. Дэвисон горько поплатился за преданность королеве, которая объявила его виновным во всем, что последовало за подписанием приказа, лишила его придворной должности и вдобавок ко всему обложила огромным денежным штрафом. Все было разыграно как по нотам, но на сей раз при всем своем таланте мелодраматической актрисы Елизавета не обманула никого. Все прекрасно понимали, что Мария Стюарт взойшла на эшафот именно по ее приказу.

Шотландка встретила смерть с истинно королевским спокойствием. Тяжелые испытания преждевременно состарили ее, от постоянного пребывания в сырых неотапливаемых помещениях замков она страдала ревматизмом и артритом. Все, кого она любила, уже перешли в мир иной; сын, с которым ее разлучили восемнадцать лет назад, вырос чужим человеком и был воспитан в иной вере. Казнь в замке Фотерингей была назначена на 8 февраля 1587 г. Увидеть смерть королевы собрались немногие, но все они — и друзья, и враги — отмечали, что Мария проявила завидное спокойствие и твердость духа.

Елизавета решилась на казнь своей многолетней соперницы потому, что Мария перестала быть важной картой в ее политической игре. Совершенно очевидными были намерения Филиппа II в ближайшее время начать завоевание Англии. Однако теперь, когда Мария Стюарт была мертва, католикам не было смысла убивать Елизавету — в случае ее смерти престол Англии перешел бы к сыну Марии Стюарт, протестанту Якову VI Шотландскому.

РАЗГРОМ «НЕПОБЕДИМОЙ АРМАДЫ»

После смерти Марии Стюарт объявились сразу два претендента на английский престол: Филипп II Испанский и его дочь инфанта Изабелла. Свои претензии испанское королевское семейство основывало на том, что Филипп был весьма далеким потомком дочери Джона Гонта.

Свои права, равно как и права дочери, испанский король намеревался утверждать силой: в испанских и португальских гаванях день и ночь кипела работа — строилась «Непобедимая армада», огромная флотилия кораблей, благодаря которой испанцы смогли бы вторгнуться в Англию. Завоевание этой островной державы с каждым годом становилось все более насущной задачей для Филиппа. Таким образом он мог бы не только покончить с английским протестантизмом, но и с английскими пиратами, а также прекратить помощь, которую Англия оказывала протестантам в Нидерландах.

Первоначально Филипп планировал вторжение в Англию на 1587 г. Однако еще до того, как армада была готова к отплытию, Фрэнсис Дрейк и его люди совершили дерзкие налеты на испанские гавани, во время которых сожгли множество испанских кораблей. Как говорил бесстрашный Дрейк, эта лихая военная операция называлась на языке моряков «подпалить бороду королю Испании». На деле удар, нанесенный Испании Дрейком, был очень чувствительным, и испанцы потратили еще год, чтобы восполнить потери от пиратского набега.

«Непобедимая армада», как хвастливо называли свою огромную флотилию испанцы, вышла в море в 1588 г. Предполагалось, что она пройдет через Ла-Манш во Фландрию, чтобы там принять на борт приготовленную к отправке в Англию армию герцога Пармского.

Испанские корабли строились так, чтобы быть наиболее приспособленными для ведения традиционного морского боя: они брали на борт гораздо больше солдат, чем членов экипажа, их палубы располагались высоко над водой, поэтому солдатам было легче обстреливать из мушкетов приближающиеся суда противника. Филипп настолько привык полагаться на преимущества, предоставляемые размерами его галеонов, что даже не потрудился как следует вооружить корабли пушками. Если бы не этот просчет, армада вполне могла бы оправдать данное ей название. Филипп допустил еще одну роковую ошибку, назначив командовать флотом герцога Медину-Сидонию, совершенно несведущего в вопросах мореплавания. Герцог ничуть не обольщался относительно своих возможностей, но король уговорил его принять столь почетное назначение.

Англичане понимали, что им придется дать армаде морской бой — нельзя было допустить высадки в Англии опытных воинов Александра Пармского, поскольку Елизавета могла выставить против них лишь народное ополчение. Все надежды нации возлагались на флот. Английская эскадра состояла как из кораблей, являвшихся собствен-

ностью государства (или Елизаветы, что в те дни было одно и то же), так и из судов, построенных на частные пожертвования. Страна в едином патриотическом порыве сплотилась перед лицом грозного врага. Во многих случаях патриотизм одержал победу даже над религиозными убеждениями. Например, английский адмирал Чарльз Говард, лорд Говард Эффингемский (ок. 1536–1624), был католиком, что не помешало ему блистательно руководить действиями протестантов. Филипп II и иезуиты, планируя вторжение в Англию, не учли, что любовь к родине может побудить многих английских католиков последовать примеру лорда Говарда.

Под командованием английского адмирала было немало прославленных мореплавателей, таких как Фрэнсис Дрейк или Мартин Фробишер (ок. 1535–1594). Надеяться на победу англичанам помогало и сознание превосходства их кораблей над испанскими.

Принято считать, что английские суда, преградившие путь армаде, были небольшими, а потому и высокоманевренными. На самом деле многие английские корабли не уступали по размерам испанским галеонам, но при этом были технически совершеннее — развивали большую скорость, лучше повиновались рулевому, и главное, на них было установлено множество пушек, стрелявших более тяжелыми ядрами, чем орудия испанских галеонов. И хотя моряков на борту английского корабля было больше, чем солдат, преимущество явно было не на стороне «Непобедимой армады».

Об уверенности англичан в победе свидетельствует такой эпизод, донесенный до нас мемуарами очевидцев. Когда английского адмирала и капитанов известили о том, что корабли армады входят в Ла-Манш, английские морские волки развлекались игрой в шары. Участвовавший в этой забаве Фрэнсис Дрейк хладнокровно заметил, что не стоит бросать игру, так как у них хватит времени и завершить партию, и разгромить неприятеля.

Дул сильный юго-западный ветер, и английское командование решило пропустить армаду в пролив, а затем пойти следом за ней и пустить в ход всю имевшуюся в распоряжении англичан бортовую артиллерию. Если бы испанцам вздумалось развернуться и начать преследовать англичан, они едва ли добились бы успеха, пытаясь догнать врага при движении против ветра. Маневр, предпринятый англичанами, увенчался успехом, и многие испанские корабли не дошли даже до Кале.

В Кале испанцы планировали сделать небольшую передышку перед переходом во Фландрию. Англичане же направили в скопление

стоявших на рейде испанских кораблей зажигательные суда-брандеры, нанеся тем самым еще более ощутимый урон армаде. Было очевидно, что спасти испанский флот можно лишь выведя его из гавани Кале. Англичане только этого и добивались: в проливе испанцев встретил шквал огня из бортовых и береговых орудий.

Сильный юго-западный ветер поднял в Северном море большие волны, в начавшейся буре как испанские, так и английские суда были вынуждены держаться подальше от берегов и проследовали мимо побережья Фландрии, где армаду тщетно поджидали войска герцога Пармского. Видя, что испанские корабли проходят мимо, не имея возможности приблизиться к берегу, герцог понял, что завоевание Англии осуществить не удастся. Англичане праздновали победу. Фрэнсис Дрейк писал: «Ничто не доставляло мне такого удовольствия, как зрелище вражеских кораблей, гонимых к северу южным ветром... Если, с Божьей помощью, мы будем живы, то не сомневаюсь, вскоре дело пойдет так, что герцог Сидония очень захочет оказаться среди апельсиновых деревьев в порту Св. Марии»².

У испанцев не было ни малейшей возможности вернуться домой прежним путем: в водах Ла-Манша их подстерегала верная гибель. Оставалось идти в Испанию в обход Шотландии и Ирландии. Чего не сделали английские моряки, довершила природа: многие испанские корабли во время этого перехода разбились о прибрежные скалы. Из 120 галеонов в Испанию вернулось меньше половины — всего 54 корабля.

Филиппу II горько было признать поражение: «Я посылал вас сражаться с людьми, а не с ветром», — сказал он герцогу Сидонии. Англичане, напротив, были весьма благодарны благоприятному вмешательству стихии. На медали, отчеканенной в Англии в ознаменование разгрома «Непобедимой армады», было написано: «Господь послал ветер, и их разметало». Конечно, можно было объяснять и поражение, и победу волей Всевышнего. Однако важнее всего для Англии было то, что ее отважные моряки разгромили испанский флот и сделались безраздельными повелителями морских просторов. После победы над «Непобедимой армадой» Англия стала владычицей морей, сильнейшей морской державой мира. Теперь Елизавета I могла быть спокойна: ни у кого из ее врагов не хватило бы средств, чтобы построить новый флот для вторжения в пределы ее королевства.

² Гавань Св. Марии находится в окрестностях Кадикса, где располагалась резиденция герцога.

БЫТ АНГЛИЧАН В XVI в.

Уже в середине XVI в. иностранцы, посещавшие Англию, обращали внимание на то, что население в целом хорошо питается.

Один из испанских путешественников отмечал, что англичане строят дома из палок и грязи (т.е. из дерева, обмазанного глиной), но обычно живут не хуже королей. В елизаветинскую эпоху большое развитие получила архитектура. Если прежде в целях защиты от непогоды здания строились с маленькими, подслеповатыми окнами с решетчатым переплетом, просветы которого защищались роговыми пластинками, не пропускавшими достаточного количества света, то теперь в домах знати появились широкие застекленные окна.

Если сравнивать постройки XVI в. с более ранними, то прежде всего бросается в глаза именно различие в размере и оформлении окон. Стекло получило широкое распространение. Трудно было представить применение этого материала в эпоху междоусобиц, но при Елизавете начали стеклить и узкие окна-щели старинных замков. Загородные особняки аристократии, построенные в елизаветинскую эпоху, нетрудно отличить от всех прочих: в плане они представляли собой букву «Е»; к довольно широкому фасаду пристраивались три флигеля. Е-образная форма строений елизаветинской эпохи представляла собой один из способов прославления имени королевы.

Не меньшие перемены претерпело внутреннее убранство домов. В Средние века в домах горожан стояли столы, скамьи и лари, однако спали люди на полу, подстелив для мягкости солому. Подушками не пользовались: их заменял мешок со стружками, а иногда и охапка дров, слегка прикрытая сверху соломой. Подушка казалась предметом ненужной роскоши, умалявшим достоинство здорового человека, который вполне мог обходиться без такой ерунды. У каждого века свои критерии комфорта, ведь и мы прекрасно обходимся без перин, голубой мечты наших предков еще в прошлом столетии. В елизаветинскую эпоху не только знатные лица, но и горожане стали пользоваться кроватями. На кухнях деревянные ложки были вытеснены оловянными, оловянная посуда заменила деревянную и глиняную утварь.

Эти изменения, незначительные сами по себе, в совокупности свидетельствовали о том, что общество становится богаче, — при Елизавете Англия вступила в эпоху экономического расцвета.

Булочники Йорка в XVI в.

В елизаветинскую эпоху англичане стали уделять большое внимание одежде. Пышность придворной моды с ее рюшами, буфами, высокими женскими прическами побуждала стоящие на более низких ступенях социальной лестницы категории населения подражать знати. Со своей стороны верхушка общества предпринимала определенные усилия, чтобы поддерживать имеющийся статус манерой одеваться. Поскольку любое новшество вызывало волну подражаний, то эволюция моды в этот период становится очевидной.

Главной щеголихой в стране была королева Елизавета, со временем расставшаяся со скромными привычками юности. Обладавшая не слишком эффектной внешностью и в то же время желавшая

быть самой красивой на свете, королева стремилась компенсировать скромные природные внешние данные невероятной пышностью туалетов. По свидетельству современников, у государыни было три тысячи платьев.

В XVI в. большую часть населения страны составляли сельские жители. В Англии было 26 крупных городов и более 1700 мелких населенных пунктов — городков и деревень, гораздо меньше, чем сейчас, и отстояли они друг от друга на большие расстояния.

Путешествовали либо пешком, либо верхом, на лошадях и мулах. При Елизавете в моду вошли кареты — первый экипаж был изготовлен для королевы в 1564 г. голландским мастером. Однако кареты в те времена делались без рессор, и пассажиры изнемогали от тряски, подпрыгивая на малейших неровностях дороги. Гораздо приятнее было совершать путешествия по рекам. По воде перевозили и основную массу товаров, и на одной только Темзе трудилось до 8 тыс. лодочников, зарабатывавших на жизнь извозом пассажиров и грузов.

По свидетельству жившего в начале XVII в. англичанина Моррисона, в Англии были по тогдашним временам лучшие в мире гостиницы, причем они располагались чуть ли не в каждой деревушке. Забота о постояльцах начиналась уже на гостиничном дворе. К приезжему со всех ног бежали слуги — помогали спешиться или выйти из экипажа, брали на себя заботу о лошадях и багаже. Затем гостя проводжали в предназначенный для него номер, где в камине тотчас же разводили огонь. Пока постояльца кормили только что приготовленными яствами, гостиничные слуги чистили его дорожные сапоги. Еда подавалась в общем зале, однако путник мог по желанию подкрепиться и в своем номере. Вместе с тем путешественнику не возбранялось лично наблюдать за приготовлением заказанных им блюд — для этого достаточно было пройти на кухню.

Случалось, что именно в гостиницах путешественников грабили. Как правило, воришки входили в сговор с хозяином заведения или с кем-то из слуг, выполнявших роль наводчиков, и опытные путешественники оставались начеку даже в самых респектабельных заведениях. Обычно гостиничные кражи учащались зимой: летом было гораздо проще и спокойнее напасть на путешественника прямо на большой дороге. Подстерегали путника и малоприятные встречи с попрошайками. Клянчить милостыню в XVI в. было запрещено законодательно, а нарушившего запрет ожидало жестокое бичевание, но желающие поживиться за счет милосердия шли на риск. Некото-

Королевский пикник Елизаветы I

рые сочетали попрошайничество с лицедейством: разыгрывали роль, которая могла бы в наибольшей степени разжалобить проезжих, например, колченогого инвалида, пострадавшего «за короля» или «за королеву» в каком-нибудь славном сражении.

Самым крупным городом Англии был, разумеется, Лондон, наиболее стремительно развивающийся населенный пункт страны. Лондон рос не только за счет естественного прироста населения, но и за счет оседания в столице приезжих как из других областей страны, так и из-за границы: если в середине столетия здесь проживало около 100 тыс. человек, то к концу XVI в. численность лондонцев как минимум удвоилась.

В связи с явной перенаселенностью столицы властям приходилось принимать драконовские меры — например, в принудительном порядке выселять квартирантов, если число таковых превышало пределы разумного для данного жилища. Некоторым представителям «избыточного населения» предлагалось перебраться на жительство

в провинцию. Однако подобные методы борьбы с перенаселением были малоэффективны, а более интенсивная жизнь в Лондоне привлекала все новые толпы людей.

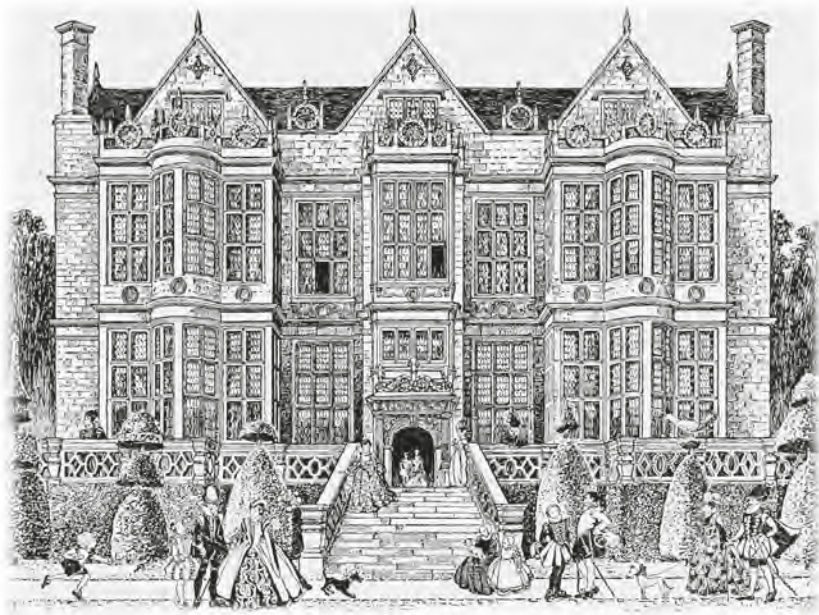
Скученность ощущалась и во дворцах вельмож. Даже в королевских резиденциях отдельные помещения предоставлялись лишь самым высокопоставленным придворным. О том, как ценилась «жилплощадь», свидетельствует тот факт, что фрейлинам королевы разрешалось держать во дворце не более одной комнатной собачки — прочие дамы такой привилегией не пользовались.

Придворные нравы тех лет поражают причудливой смесью изысканной утонченности и примитивного варварства. Например, в 1598 г. было издано распоряжение, запрещавшее «кому бы то ни было» (т. е. не только проказливым левреткам) «загрязнять своей мочой и прочими испражнениями лестницы, коридоры и прочие дворцовые помещения». Примерно в это же время при дворце появился первый в мире ватерклозет, однако изобретение не прижилось — возможно, потому, что предложивший его придворный Джон Харрингтон умудрился навлечь на себя немилость Елизаветы.

Лондон, как и всякий средневековый город, вобравший в себя несколько малых городов и деревень, не имел четкой планировки. Его грязные улицы нередко совершали немислимые повороты, а иногда были до того узки, что прохожий, разведя руки, мог одновременно коснуться стен противоположных домов. Вторые этажи зданий зачастую нависали над первыми. Нетрудно догадаться, что в городе было немало улиц, которые никогда не освещались солнечными лучами.

В столице были свои трущобы (Марк Твен не преувеличивал, описывая в «Принце и нищем» «Двор отбросов»), но были и яркие достопримечательности, главной из которых являлся каменный мост через Темзу, сплошь застроенный домами и казавшийся идущему по нему продолжением улицы. В домах, стоявших на старом Лондонском мосту, не только торговали, но и жили. Лондонский мост был величайшим чудом строительной техники и единственной в те времена сухопутной переправой через Темзу. Он опирался на двадцать один каменный бык, разделяя реку на узкие протоки, через которые бурно неслась вода.

Главной достопримечательностью Лондонского моста были стоявшие на его южном, Саутваркском, конце Мостовые ворота, исполнявшие функцию башни позора. Ворота были увенчаны частоколом пик, на которые насаживались головы казненных преступников. Иногда

Дворец елизаветинской эпохи

таких страшных свидетельств свершившегося правосудия можно было насчитать несколько десятков одновременно. Если верить старинным гравюрам, ворота напоминали подушечку для булавок. Северная часть моста вела к Сити. Мост был таким высоким, что не только англичане, но и иностранцы считали его одним из чудес света.

Среди прочих достопримечательностей Лондона этого периода следует отметить Тауэр, королевский дворец Уайтхолл, квартал юристов Темпл, дворец фаворита Елизаветы I графа Лестера.

В 1588 г. была напечатана знаменитая гравюра Уильяма Смита, изображающая открывающуюся с Темзы панораму Лондона. На рисунке видно, как много в городе было церквей, — в небо поднимаются около трех десятков шпилей и башенок, среди которых самой крупной является колокольня старого собора Св. Павла. Величайший английский поэт XVI в. Эдмунд Спенсер также обратил внимание на этот устремленный ввысь силуэт города: воспев реку Темзу в виде прекрасного юноши в бледно-голубом струящемся одеянии, он увенчал его голову диадемой «с сотней башенок». Для поэта слава Лондона

складывалась не только из его внешней красоты — величественной Темзы, дворцов, церквей, зеленых холмов и полей, подступавших прямо к городским зданиям. Столица поражала ощущением могущества, напряженной интеллектуальной жизнью, стимулирующей творческой и деловой атмосферой.

РОМАНЫ ЕЛИЗАВЕТЫ

Хотя Елизавета на протяжении всего царствования подчеркивала свою девическую непорочность, в Англии, да и при иностранных дворах, шептались о том, что у королевы есть возлюбленные. Поводы для этих сплетен давала сама атмосфера, царившая в окружении Елизаветы: она не жаловала женщин и любила находиться в мужском обществе. Королева была ревнива и стремилась, чтобы окружавшие ее аристократы видели в ней не только монархиню, но и красивую женщину. Сквозь призму желания первенствовать можно рассматривать и отношения между Елизаветой и Марией Стюарт: английская королева была весьма наслышана о красоте своей соперницы и о том, какой популярностью она пользуется у мужчин. Жажда поклонения и славословий сохранилась у Елизаветы до последних дней жизни. Даже в глубокой старости она старалась молодиться, носила парики, скрывавшие седину. Чем старше становилась королева, тем пышнее, словно бросая вызов времени, делались ее туалеты.

Льстивые царедворцы охотно подхватывали игру, навязываемую им королевой. В атмосфере двора возрождались порядком подзабытые куртуазные традиции беззаветного служения Прекрасной даме. Рыцарями Елизаветы были аристократы и мореплаватели, драматурги и поэты, путешественники и торговые люди. Однако, играя роль повелительницы сердец и по политическим соображениям не имея возможности выйти замуж, королева имела в жизни несколько сильных привязанностей.

Впервые Елизавета влюбилась, когда ей шел шестнадцатый год. Получившая доступ ко двору своего отца благодаря усилиям мачехи, юная принцесса привлекла к себе внимание генерал-адмирала Сеймура, который видел в возможности жениться на ней шанс получения власти. После смерти Генриха VIII Сеймур разбил сердце Елизаветы, сочетавшись браком с Екатериной Парр, что с его стороны было следствием все того же холодного расчета. Овдовев, Сеймур возобновил

ухаживание за принцессой, потенциальной наследницей престола, но Елизавета уже знала ему цену и, видимо, довольно холодно относилась к человеку, единожды посмевавшему сыграть на ее чувствах.

Особой привязанностью королева одарила Роберта Дадли (ок. 1532–1588), пятого сына герцога Нортумберленда. Дадли рано женился (ему было всего около восемнадцати лет), но, появившись при дворе королевы, стремился держать свою супругу Эми Робсарт подальше от Лондона, чтобы не вызвать опасную вспышку королевской ревности. Елизавета осыпала своего фаворита щедрыми дарами, а в 1559 г. пожаловала ему звание тайного советника. При дворе шептались, что если бы Дадли не был женат, то, вероятнее всего, стал бы супругом королевы.

Вскоре произошло трагическое событие, бросившее серьезную тень на связь Елизаветы с Дадли: погибла его жена. Обстоятельства смерти леди Дадли загадочны. Почему-то оставшаяся дома в воскресное утро, когда все без исключения отправились в церковь, она была обнаружена мертвой вернувшимися с богослужения. Тело покойной лежало у подножия лестницы. Смерть наступила от перелома шейных позвонков. Такую травму вполне можно было получить при падении со ступенек, однако все обратили внимание на то, что одежда и прическа погибшей были в полном порядке, чего вряд ли следовало ожидать в такой ситуации. Родственники покойной Эми были убеждены, что несчастный случай — всего лишь инсценировка, а на самом деле она погибла от руки наемного убийцы.

Естественным образом возникал вопрос: кому выгодна смерть леди Дадли? Подозрения падали на сэра Роберта: гибель жены делала его свободным и позволяла жениться на королеве. В равной степени устранение Эми отвечало интересам влюбленной Елизаветы. Тайна смерти леди Дадли так и не была раскрыта, несмотря на предпринимаемое тщательное расследование. Однако поскольку и Дадли, и Елизавета были серьезно скомпрометированы этой трагедией, их брачный союз оказался невозможным: вступив в него, они косвенно подтвердили бы имевшиеся против них подозрения. А Елизавета больше всего беспокоилась о собственной репутации.

Некоторое время Елизавета держала Дадли на расстоянии, но затем вновь вернула ему прежние милости, сделала его в 1564 г. графом Лестера. Однако, оставаясь долгое время доверенным лицом королевы, Лестер так и не смог подчинить ее своей воле — она ни с кем не желала делиться властью. В 1578 г. после почти двух десятилетий

Роберт Дадли

вдовства Лестер женился на Летиции, вдове графа Эссекса, что охладило королеву к своему давнему фавориту, но не лишило его прежних милостей.

После смерти Дадли фаворитом Елизаветы стал Роберт Деверо, граф Эссекс (1566–1601), сын второй жены графа Лестера. Привязанность Елизаветы к этому молодому человеку была такова, что она простила ему даже «измену» — женитьбу на вдове блистательного поэта и племянника все того же Лестера Филиппа Сидни (1590). К тому же избранница Эссекса, Фрэнсис, была дочерью государственного секретаря сэра Фрэнсиса Уолсингема (1532–1590), одного из самых верных слуг королевы.

Как часто бывает в таких случаях, у вознесенного на головокружительную высоту молодого человека появились недоброжелатели, а его высокомерие превратило их в настоящих врагов. К числу недругов Эссекса принадлежали, например, сын лорда Берли Роберт Сесил и сэр Уолтер Роли (ок. 1552–1618). Последний из них в свое время пользо-

Уолтер Роли

вался большой симпатией королевы. Отличившийся еще в юные годы в военных действиях в Ирландии, молодой красавец Роли привлек внимание Елизаветы тем, что не задумываясь сорвал с себя дорогой плащ и накрыл им лужу, чтобы государыня могла пройти не замочив туфель и подола платья. Рыцарский поступок сразу ввел Роли в число приближенных Елизаветы.

В 1580-е годы Роли отличился в «подпаливании бороды испанского короля». Он был одним из инициаторов основания первой английской колонии в Новом Свете — она получила название Виргиния в честь королевы-девственницы. Хотя предприятие Роли завершилось полной неудачей, он по-прежнему оставался в фаворе вплоть до 1592 г., когда королева узнала, что он тайно, боясь ее гнева, женился на одной из ее фрейлин, Элизабет Трокмортон. Роли с супругой были изгнаны из Лондона и поселились в Ирландии. Когда жизнь в тихом имении наскучила Роли, он отправился в плавание, надеясь найти легендарную страну сокровищ Эльдорадо. Впоследствии он еще неоднократно отличился в сражениях с испанцами. Благодаря всем своим

Роберт Сесил

заслугам Роли удалось до некоторой степени вернуть себе прежнее влияние в придворных кругах.

Недрузгов Эссекса больше всего злило то, что королева выделила никчемного, с их точки зрения, человека. Поэтому они старались найти способ скомпрометировать фаворита в глазах Елизаветы. Такая возможность представилась, когда в 1599 г. в Ирландии вспыхнуло мощное антианглийское восстание, во главе которого стояли Хью О'Нил, граф, и Хью О'Доннелл. Роли и Сесил убедили королеву послать на подавление мятежников армию под командованием Эссекса. Эссекс не был трусом, но действительно не обладал полководческим талантом и познаниями, которые позволили бы ему добиться успеха. Ему не удалось подавить ирландское восстание, и он с позором возвратился в Лондон, заключив перемирие с мятежниками и тем самым нарушив инструкции Елизаветы. На место Эссекса был назначен лорд Маунтджой, который к 1601 г. выполнил трудное поручение.

Тем временем враги Эссекса в Лондоне открыто объявили его трусом. Елизавета также была недовольна фаворитом, и граф подвергся

унизительному домашнему аресту. Когда срок наказания истек, гордый Эссекс решил отомстить своим обидчикам. В его планы входило, прибегнув к помощи армии, вынудить Елизавету покарать Роберта Сесиля и его пособников. Эссекс рассчитывал, что лондонцы, всегда тепло относившиеся к королевскому любимцу, поддержат его отряд. Однако этого не произошло. Эссексу пришлось сложить оружие. Бывший фаворит был обречен: его поступок не мог быть квалифицирован иначе, как государственная измена. Некоторое время до и после суда графа держали в Тауэре, поскольку Елизавете было нелегко подписать указ о казни столь близкого ей человека, но она все же решилась на это, и граф окончил свои дни на эшафоте.

О гибели Эссекса существует романтическое предание. В свое время королева подарила графу свой любимый перстень, сказав, чтобы он прислал ей этот дар обратно, когда ему понадобится ее помощь и заступничество. Уже будучи приговоренным к смерти, Эссекс увидел из окна камеры юношу приятной внешности и решил доверить ему свою судьбу. Он бросил ему заветное кольцо, на словах попросив доставить его своей родственнице леди Скроуп, знавшей смысл этого подарка. К несчастью, юноша совершил ошибку, доставив кольцо не леди Скроуп, а ее сестре леди Ноттингем, которая была одним из заклятых врагов Эссекса, несмотря на связывавшие их тесные родственные узы. Леди Ноттингем, также знавшая историю перстня, решила оставить его у себя. Тем временем Елизавета с нетерпением ждала, что ее бывший возлюбленный смирит гордыню и обратится к ней с мольбой о спасении. Королева не знала, что произошло с ее подарком, и, окончательно рассердившись на строптивца, подписала роковой указ.

История с кольцом получила огласку уже после смерти Эссекса. Фактическая виновница его гибели леди Ноттингем не намного пережила своего врага и, умирая, умоляла королеву прийти к ее смертному одру, чтобы ей покаяться в содеянном. Говорят, признание леди Ноттингем привело Елизавету в такую ярость, что она отвесила умирающей звонкую пощечину. «Возможно, Господь вас и простит, — сказала ей королева, — но я — никогда!»

В жизни королевы Елизаветы I были и другие привязанности, отнюдь не столь длительные, как к Лестеру или Эссексу. Ее фавориты не обязательно принадлежали к аристократической верхушке. Например, Кристофер Хаттон был правоведом. Вскоре после того, как королева утратила к нему интерес, молодой человек умер «от разбитого сердца».

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ АНГЛИИ

В 1570 г. Елизавета утвердила статуты Кембриджского университета. Этот написанный по-латыни документ позволяет весьма детально представить, как проходила учеба в английских университетах конца XVI в.

Занятия включали в себя лекции и диспуты, за посещением которых велся строгий контроль. Каждый профессор читал лекции по своему предмету с понедельника по четверг. Студентам не разрешалось опаздывать на занятия, равно как и покидать аудиторию до их окончания. Прогульщики и нарушители дисциплины наказывались. На лекциях только слушали, зато диспуты предоставляли всем прекрасную возможность блеснуть эрудицией. Универсанты носили рясы, как священнослужители, но далеко не всегда вели себя благопристойно; ссоры между студентами и горожанами были самым обычным делом как в Кембридже, так и в Оксфорде.

Официальным языком науки была латынь. В теории, студенты были обязаны не только слушать лекции и вести диспуты на этом древнем языке, но и разговаривать на нем между собой даже во время обеденного перерыва. Однако кембриджские статуты мудро предусматривали возможность толкования объяснявшихся на лекциях латинских трудов и по-английски, в зависимости от уровня познаний студентов.

Для получения степени бакалавра студент должен был проучиться в университете четыре года. На первом курсе изучалась риторика. Естественно, гвоздем программы был Цицерон. Второй и третий курсы обучения были посвящены премудростям логики, и, наконец, на четвертом студенты изучали философию. Затем сдавался экзамен на ученую степень. Бакалавры могли продолжить учебу в магистратуре.

Три года учебы в магистратуре не слишком отличались от первых четырех. Студенты так же посещали лекции и диспуты, однако круг изучаемых предметов понемногу расширялся: помимо философии, магистрантам преподавались рисование, астрономия (несмотря на то что миновало три десятилетия со дня смерти Коперника, профессора астрономии по-прежнему вещали о строении вселенной по Птолемею — о неподвижной Земле и окружающих ее хрустальных сферах), греческий язык. Огромное значение придавалось ораторскому искусству.

Колледжи в Оксфорде

Университетское образование в XVI в. основывалось главным образом на изучении античных источников. Из восемнадцати обязательных для изучения авторов только двое жили позже II в. — Джироламо Кардано и епископ Танстолл, ученые эпохи Возрождения, известные своими трудами по математике. Из новых наук в университетах изучалось прежде всего право, включавшее в себя в английских высших школах церковные статуты, а также математика и медицина.

Кембридж

Студентам университетов запрещалось слоняться по городу, посещать школы фехтования или учиться танцам. Каралось также хождение на милые сердцу простонародья забавы вроде петушиных боев и травли быков или медведей — на такие развлечения требовалось получать специальное разрешение университетского начальства. Строго следили за тем, чтобы студенты не играли в азартные игры, однако на Рождество делалась небольшая поблажка — почему-то именно в этот период допускалась игра в карты. В 1571 г. была введена еще одна строгость: студентам Кембриджа запретили купаться, правда, только в реке Кем — в черте города и его окрестностях.

Если внутри колледжей и студенты, и преподаватели ходили в сутанах, то при выходе «в мир» обладатели ученых степеней должны были надевать квадратную академическую шапочку и накидывать на плечи плащ-мантию.

Наибольшие отступления от строгих правил в одежде допускались для студентов аристократического происхождения — сыновей лордов и наследников рыцарских титулов, число которых в студенческой среде неуклонно возрастало. Эти юноши могли позволить себе наряжаться по последней моде — обычно итальянской или французской, однако и в этом случае университетское начальство не поощряло но-

шение головных уборов с перьями. В светских костюмах осуждались пышные штаны, вышивки, плойки и оборки.

Студентами могли стать юноши, которым уже исполнилось четырнадцать лет. Для этого необходимо было сдать вступительный экзамен по математике и логике. После зачисления в университетский колледж новичок прикреплялся к тьютору — наставнику, бдительно следившему за его учебой и поведением.

О студенческой привольной жизни в те годы и не мечтали. Учеба воспринималась как тяжелый, богоугодный труд. День в университете начинался в пять часов утра с церковной службы. Дважды в неделю в нее входила проповедь, которую произносил кто-нибудь из обладателей ученых степеней — магистр или доктор богословия. Большую часть дня поглощали занятия — не только лекции и диспуты, но и обширная самостоятельная работа. Завершался день вечерней церковной службой. Вопросам религии и религиозного воспитания в университетах, исторически возникших на базе монастырей, уделялось первостепенное внимание. Например, каждый семестр начинался для студента с принятия причастия. Тем самым подчеркивалось фактически культовое отношение к процессу обретения знаний. Студентов учили посвящать себя книгам и благочестию. По воскресеньям и в праздничные дни в церквях колледжей читались отрывки из Священного Писания. Каждый семестр завершался торжественным богослужением в честь попечителей и основателей колледжа, которое предполагало проповедь, песнопения и подобающий случаю молебен.

АНГЛИЯ ЗНАКОМИТСЯ С РОССИЕЙ

Государство Московское стало привлекать английских купцов еще в 1550-е годы. В это время Англией правили Эдуард VI и Мария I, на московском престоле сидел Иван Грозный. Начавшись с торговых контактов, англо-русские связи в эпоху королевы Елизаветы дополнились интенсивными дипломатическими отношениями.

В 1553 г. группа лондонских торговцев снарядила три корабля, ставя перед ними задачу дойти до Ост-Индии в обход Европы и Азии по студеным северным морям. Два судна добрались до Кольского полуострова, но их команды погибли от холода и голода, третье благополучно достигло устья Двины и попало в неизвестный англичанам Архангельск. У капитана корабля Ричарда Ченслера (ум. в 1556 г.) была

грамота за подписью Эдуарда VI, в которой английский король призывал неведомых правителей далеких северных стран вступать в торговлю с купцами его державы.

Ченслера и его команду приняли с большим почетом. Капитан был препровожден в Москву к самому царю, который обещал всячески способствовать деятельности английских «гостей» в государстве Московском. Иван IV вручил Ченслеру приветливое послание английскому государю, но, вернувшись на родину, капитан, покинувший Англию при Эдуарде VI, передал его уже новой королеве. Как наиболее крупный знаток Руси — путешественник первым познакомил англичан с Московской Русью, описав свои впечатления и наблюдения в книге «О великом и могущественном царе русском и великом князе Московском...», — Ченслер был возведен в ранг королевского посла и отправлен в Москву, где был встречен с исключительными почестями. В том же 1555 г. в Англию был направлен русский посол Осип Григорьевич Непея (ум. ок. 1570 г.) — так началась история дипломатических отношений двух стран.

Примерно через год после выезда из Москвы Непея добрался до Лондона. По пути три посольских корабля потерпели кораблекрушение. На одном из них погибли и возвращавшиеся с Непеей на родину отец и сын Ченслеры. Морская пучина поглотила и щедрые дары, посланные Иваном IV английской королеве. Преодолевшие трудности дальнего пути путешественники были любезно приняты королевой Марией, предложившей русскому царю «братскую любовь и крепкую дружбу». Русский посол пробыл в Англии около двух месяцев, но за этот краткий срок было достигнуто немало. Так, королева разрешила московским купцам беспрепятственно и беспошлинно продавать свои товары в ее стране и даже выделила в Лондоне здание для торговли русскими товарами.

Никто в Англии не знал русского языка, равно как ни один москвит пока еще не владел английским. Посольские документы некоторое время составлялись на других языках — греческом, итальянском и даже польском.

В царствование Елизаветы I отношения между королевой и русским царем были не менее дружественными, однако мало известен тот факт, что Иван IV подумывал перебраться на жительство в Англию и породниться с ее правительницей. У русского царя были общие с Елизаветой проблемы: по крайней мере, в 1560-е годы оба не могли чувствовать себя спокойно, опасаясь, что против них плетут-

ся заговоры. В 1567 г. Иван Грозный даже предложил Елизавете заключить взаимное соглашение, по которому в случае необходимости каждый из них сможет укрыться в стране другого. Королева поручила своему посланнику в Москве деликатно обойти вопрос о договоре и передать, что царь всегда будет ее желанным гостем.

Царь просил продать России пушки и ядра и заключить с ним военный союз против недругов. Россия тогда враждовала с Польшей и Швецией, но Елизавета вовсе не хотела усложнять себе жизнь, обретая новых противников — ей хватало забот с Испанией и Францией, — и ее отказ страшно разобидел Ивана Грозного. Письмо, отправленное им Елизавете, не было выдержано в дипломатических тонах: «Мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государственной чести смотришь, а ты пребываешь в своем девическом чину как есть пошлая девица». Одним словом, баба ты на престоле, а не королева. Умевшая считать выгоду Елизавета смогла урезонить разбушевавшегося царя: не нужная как политический союзник, Россия оставалась страной сказочных богатств (одни соболя чего стоили!) и обширным рынком для сбыта английских товаров. Однако Иван IV вскоре вновь озадачил опытных английских дипломатов и их королеву.

По жестокости и непредсказуемости поведения Ивана Грозного можно было бы сравнить с Генрихом VIII. Так же, как и английский монарх, царь безжалостно обращался со своими женами. Три первые жены Грозного умерли вскоре после свадьбы. Вопреки православным обычаям, запрещающим жениться в четвертый раз, царь принудил духовенство благословить его и на пятый, и на шестой, и на седьмой, и на восьмой браки. Предела этому видно не было, и в 1582 г., при живой жене Марии Нагой, Грозный начал свататься к Марии Гастингс, графине Хоптон. Англичанка сначала возгорелась было желанием стать русской царицей, но быстро одумалась, узнав, что Иван IV расправляется со своими супругами еще решительнее, чем Генрих VIII. «Невеста» сказалась нездоровой, и примерно через год после сватовства было объявлено, что она слишком слаба для опасного путешествия в далекую Московию.

Узнав об отказе, Грозный набросился на привезшего его английского посланника Джерома (по-русски — Еремея) Боуса (ум. в 1616 г.). Тот оказался злопамятным. Покидая Россию в 1584 г. уже после смерти Ивана IV, он выбросил в Холмогорах грамоту, которую направлял Елизавете новый царь Федор Иоаннович. Этот дипломатический ка-

зус был успешно преодолен. Направляемый умным Борисом Годуновым, царь Федор убедил Елизавету продолжить развивать отношения с его страной.

Прозорливая королева быстро оценила роль, которую в России играл Годунов. Между ними велась обширная переписка, в которой, между прочим, Годунов именoval Елизавету «своей любимой сестрой» — на правах царского шурина. В последние пять лет правления Елизаветы, когда Годунов стал русским царем, торговые связи Англии и России были наиболее тесными. В Москву стали приезжать многие англичане, которых встречали с большим почетом как желанных гостей русского государя. Среди приезжих англичан был и Марк Ридли (1560–1624), доктор медицины, проведший в России около пяти лет (с 1594 по 1599 г.) и состоявший при Федоре Иоанновиче.

Королева Елизавета послала его на Русь, чтобы он занял должность придворного врача, однако, как подлинный сын эпохи Возрождения, медик интересовался и другими областями знаний. Понимая, до какой степени языковой барьер мешает сближению народов, Ридли составил первый англо-русский и русско-английский словарь, один из лучших двуязычных словарей своего времени.

СТАРАЯ ДОБРАЯ АНГЛИЯ

В старой доброй Англии умели и любили повеселиться. Развлечения были на все вкусы — бродячие музыканты-*минстрелы*, травля медведя или быка собаками, петушиные бои. Уже в те времена играли в футбол, однако без всяких правил, — просто катали мяч ногами. Любили и танцевать, причем одной из характернейших танцевальных фигур были высокие прыжки. В праздничные дни, особенно в Майский день, которым отмечалось наступление теплого времени года, исполнялся особый танец моррис, состоявший почти из одних прыжков и поворотов. Для пущего эффекта исполнители морриса — это были только мужчины — надевали под колени подвязки с множеством бубенчиков, которые весело бренчали во время искрометного танца. Жители столицы обожали всяческие торжественные процессии.

Люди образованные не чурались простонародных забав, однако нередко проводили досуг за чтением книг или игрой в шахматы, ко-

Народные забавы

торую уже тогда считали игрой мудрецов. Первое подробное руководство по игре в шахматы было опубликовано в Англии еще в конце XV в. Дамы из знатных и богатых семейств, в том числе и королевы, с удовольствием занимались вышиванием. Для вышивки пользовались разноцветными шелковыми нитками. Среди аристократических забав по-прежнему очень популярной оставалась охота, в которой участвовали и мужчины, и женщины.

В городских тавернах процветали азартные игры. Здесь играли в кости, заключали разнообразные пари. Иногда за кружкой знаменитого английского эля велись обстоятельные разговоры о высоких материях — искусстве, литературе, театре, ставшем любимым развлечением англичан в XVI в. Самым известным литературным клубом в Лондоне была таверна «Русалка».

В конце XV — начале XVI в. произошли серьезные изменения в характере книг, которые читались в Англии. Средневековые сборники рассказов для мирян были насыщены строгой моралью. Вот, например, история из знаменитой книги «Деяния римлян», составленной в Англии в конце XIII — начале XIV веков и получившей широчайшую известность во всем христианском мире:

О тицеславии

Повествует Валерий о том, что некий муж по имени Ператин сказал со слезами сыну своему и соседям: «О горе, горе мне! есть у меня в саду злосчастное дерево, на коем повесилась моя первая жена, потом на нем же вторая, а ныне третья, и посему горе мое неизмеримо». Но один человек, именуемый Аррий, сказал ему так: «Дивно мне, что ты при стольких удачах проливаешь слезы! Дай мне, прошу тебя, три отростка от этого дерева, я хочу их поделить между соседями, чтобы у каждого было дерево, на котором могла бы удавиться его жена». Так и было сделано.

Нравоучение. Любезнейшие! Сие дерево есть Крест Святой, на коем был распят Христос. Сие дерево должно быть посажено в саду человека, дондеже душа его сохраняет память о страстях Христовых. На сем древе повешены три жены человека, сиречь гордость, вожделение плоти и вожделение очей. Ибо человек, идя в мир, берет себе трех жен: первая — дочь плоти, именуемая наслаждение, другая — дочь мира, именуемая алчность, третья — дочь диаволова, именуемая гордость. Но если грешник по милости Божией прибегает к покаянию, то сии три жены его, не домогшись взыскуемого, удавляют себя. Алчность удавляется на вервии милосердия, гордость — на вервии смирения, наслаждение — на вервии воздержания и чистоты. Тот, кто просит себе отростки, есть добрый христианин, который и должен помогать и просить доброго не только для себя, но и для ближних своих. Тот же, кто плачет, есть человек несчастный, возлюбивший плоть и все плотское паче, нежели то, что от Духа Святого. Однако же и его человек добрый часто может наставлением повести по верному пути, и войдет он в жизнь вечную³.

Для современного читателя первая, содержательная, часть рассказа звучит как исповедь достойного единомышленника Синей Бороды. Для средневекового человека этот рассказ был аллегорией, т.е. нес в себе дополнительный скрытый смысл, который толковался в «Нравоучении» и оказывался главным в данной истории.

Впрочем, средневековые сборники нравоучительных рассказов предоставляют множество впечатляющих свидетельств жестокости и черствости, с какими относились к женщинам средневековые мужчины. Объектами куртуазного культа становились единицы представительниц прекрасного пола; на всех прочих распространялась подерживаемая церковными догмами идея о природной греховности женщины.

³ Пер. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспарова (*Гаспаров М. Л. История мировой культуры. М., 2017. С. 38*).

В «Книге рыцаря де Ла Тура Ландри, написанной в назидание дочерям» (1370-е годы), которая была хорошо известна и в Англии, сохранилась новелла «О той, что вскочила на стол», утверждающая для жены необходимость безропотно повиноваться супругу.

Три купца поспорили, чья жена послушнее. Чтобы проверить, они договорились обойти все три дома и испытать каждую из жен. Первый купец приказал жене прыгнуть в пруд, но она отказалась и была бита. Второй потребовал от жены того же, но она тоже отказалась и получила жестокую трепку. Когда спорщики пришли в дом к третьему купцу, там уже был накрыт стол, и они уселись пообедать. Однако оказалось, что на столе нет соли. Тогда хозяин крикнул жене: «Дополни сервировку!» Бедняжка, которая, как ей и полагалось, любила и боялась своего мужа, немедленно вскочила на стол. При этом стол повалился, и все, что на нем было, рухнуло на пол. Все были вынуждены признать, что третий купец выиграл пари, хотя сам он, прося принести солонку, и не думал, что подвергает жену условленному испытанию.

На заре эпохи Возрождения книги, которые читали миряне, становились все более занимательными и менее назидательными. По-прежнему огромной любовью пользовались легенды о короле Артуре, но постепенно и они начали вытесняться забавными или поражающими воображение страшными историями из обыденной жизни. Вот одна из любимых в то время новелл, опубликованная в 1561 г. сэром Томасом Хоби, который сделал ее вольный перевод с итальянского:

Три приятеля

Как-то раз, оказавшись в Апулии, в одной и той же гостинице остановились трое славных людей; двое были уроженцами Пистойи, а третий — из Прато. После ужина, как это обычно бывает, они уселись сыграть в карты. Вскоре один из пистойцев, проигравшись в пух и прах, так, что у него и фартинга не осталось, принялся ругаться, браниться, сыпать проклятиями и богохульствовать самым ужасным образом и, испытывая таким образом терпение Всевышнего, отправился на боковую. Остальные еще немного поиграли, а затем сговорились разыграть того, кто улегся спать.

Убедившись, что он уснул, проказники задули свечи, загасили огонь в очаге и подняли страшный шум, как и было ими задумано. Первый кричит: «Ты подтасовывал карты!» Второй отпирается: «Тебе померещилось.

Давай перемешаем». И они продолжают громко сыпать картежными терминами, да так, что спящий проснулся. Услышав, что у друзей игра в самом разгаре, словно они видят карты, он слегка приоткрыл глаза. Увидев, что в комнате кромешная тьма, он сказал: «Какого дьявола вы тут шумите всю ночь напролет?»

Перевернувшись на другой бок, он снова улегся спать. Два приятеля ничего ему не ответили, но продолжали свое дело до тех пор, пока тот не проснулся окончательно, а когда увидел, что в комнате точно нет света, а они с увлечением продолжают играть, сказал: «Как же вы видите карты без света?» Один ему в ответ: «Должно быть, ты потерял зрение, как прежде — деньги. Неужто не видишь, что у нас две свечи горят?» Тот, кто лежал в кровати, приподнялся на локтях и сердито говорит: «Либо я пьян или ослеп, либо вы лжете». Оба заговорщика поднялись со своих мест и в полной темноте пошли укладываться спать, смеясь и делая вид, что воспринимают его слова как шутку. Он снова говорит: «Я правда вас не вижу». Те якобы очень удивились, и один говорит другому: «Боже милостивый, я верю, что он говорит правду. Дай мне свечу, посмотрим, что мешает его зрению».

Тут уж бедняга и вовсе поверил, что ослеп, и, горько рыдая, воскликнул: «Ох, Господи, я ослеп» — и начал призывать на помощь Пресвятую Богородицу, и просить у нее прощения за то, что бранился и божился, проиграв свои деньги.

Однако те двое принялись утешать его, приговаривая: «Не может быть, чтобы ты нас не видел. Ты просто вбил это себе в голову». «Боже милостивый, — откликается несчастный, — ничего я не придумываю, но не вижу совсем, словно у меня и глаз-то нету!» «Взор у тебя ясный», — хором говорят шутники. А потом один, обращаясь к другому, замечает: «Обрати внимание, как хорошо у него открываются глаза и какие они красивые, кто бы подумал, что он незрячий?» Бедняга разрыдался пуще прежнего, призывая к себе милость Божию. В заключение они сказали ему: «Смотри же, соверши паломничество к Богоматери Лоретской, да иди босиком, ибо это лучшее средство от слепоты. А мы тем временем отправимся в Аквапенденте и другие соседние города, поищем врача и можем тебе всем, что в наших силах».

И тогда бедный простака встал на кровати на колени и весь в слезах и горьком раскаянии за свое богохульство дал обет пойти босиком на покаяние Богоматери Лоретской и пожертвовать ей два глаза из серебра, и не вкушать мяса по средам, яиц по пятницам, каждую субботу поститься на хлебе и воде во славу Богородицы, если она смилостивится и вернет ему зрение. Два шутника, выйдя в другую комнату, зажгли свечу и вернулись назад, от души потешаясь над простаком, который, даже избавившись от напасти, был настолько взволнован и ошарашен пережитым ужасом, что не мог не то что смеяться, но и слова произнести,

Карнавальное шествие

а два других постояльца продолжали подначивать его, говоря, что он обязан сдерживать все те обеты, за которые ему были дарованы те милости, о которых он просил.

Да, в старой доброй Англии любили и ценили хорошую шутку, недаром розыгрыши часто становились сюжетным ходом веселых комедий, шедших на сценах лондонских театров. Вспомним шекспировского Мальволио из «Двенадцатой ночи», которого наказали озорные камеристки Оливии!

ТИТАНЫ АНГЛИЙСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Экономический и политический подъем, расширение международных контактов в тюдоровскую эпоху благоприятствовали развитию английской культуры. Несмотря на религиозные распри, протестантские страны не могли избежать влияния со стороны ренессансной культуры католической Италии, которая еще с XIV столетия начала играть роль общеевропейского культурного лидера. В XVI в. многие молодые англичане побывали в этой прекрасной стране, общились к ее культуре и по возвращении постарались укоренить итальянские веяния в среде своих соотечественников. Печатники начали массовый выпуск переводов произведений итальянских авторов, и эти книги в Англии стали подлинными проводниками гуманистической идеологии. Ориентируясь на экспортированный из Италии гуманистический идеал человека, англичане начинают крайне серьезно относиться к проблемам образования. Всестороннее, гармоничное развитие личности соответствовало и практическим потребностям развивающейся промышленности и торговли. В подобной благоприятной атмосфере пышно расцветает английская культура. В восприятии наших современников Возрождение в Англии — это прежде всего эпоха Ф. Сидни, У. Шекспира, Э. Спенсера.

Филип Сидни

Согласно популярнейшему в елизаветинской Англии этическому трактату итальянца Бальдассаре ди Кастильоне «Придворный» (1528), в котором излагаются беседы блестящего окружения герцогини Елизаветы Гонзага, супруги герцога Урбино, о качествах, необходимых идеальному придворному, одним из признаков истинного джентльмена является умение сочинять стихи и песни для развлечения изысканного общества. Поэтому не приходится удивляться тому, что при дворе Елизаветы I блистало множество вельмож-поэтов.

По своему социальному положению Филип Сидни (1554–1586) действительно принадлежал к числу придворных поэтов, однако по уровню мастерства и литературного дарования он намного превзошел не только образцовых джентльменов, но и большинство тех современников, которых можно было бы назвать истинными поэтами.

Филип Сидни

Один из достойнейших представителей английской ренессансной литературы, Сидни вошел в историю не только как поэт и романист, но и как автор трактата «Защита поэзии», являющегося одним из самых глубоких литературно-критических сочинений XVI столетия.

Филип Сидни был сыном сэра Генри Сидни, одного из видных военачальников и государственных деятелей времен Елизаветы, которого впоследствии королева трижды назначала генерал-губернатором мятежной Ирландии. Мать Филипа Мэри была дочерью высокородного Джона Дадли, герцога Нортумберленда, который фактически являлся некоронованным королем Англии в течение девяти дней 1553 г., когда после смерти юного Эдуарда VI он попытался возвести на престол свою невестку леди Джейн Грей. Судьба заговорщиков была плачевной: леди Джейн Грей, ее супруг и герцог Нортумберленд сложили голову на плахе — последнего не спасли от смерти ни публичное покаяние, ни переход в католическую веру.

Однако монархи прошлого умели не только карать, но и проявлять великодушие. Филип Сидни, родившийся 30 ноября 1554 г., появился на свет всего через несколько месяцев после гибели деда, дяди и тетки и был крещен по католическому обряду, причем его восприемником стал ревностный католик Филипп II Испанский, недавно женившийся на королеве Марии I. Однако с воцарением в 1558 г. Елизаветы I семейство Сидни, всегда симпатизировавшее реформированной церкви, отсеклось от католицизма и оказалось в еще большем фаворе, особенно благодаря стремительной карьере дяди Филипа — Роберта Дадли, ставшего в 1564 г. графом Лестером. Впрочем, Филип Сидни, погибший в 1586 г., не увидел случившихся позднее самых мрачных дней в жизни своего выдающегося родственника и покровителя.

При таких родственных связях перед Филипом открывались самые широкие перспективы, становившиеся еще более радужными потому, что юноша получил блестящее образование. Азы наук он постигал в грамматической школе в Шрусбери. В этот период жизни он постоянно получал письма от отца, столь серьезные по содержанию, что они скорее подошли бы более взрослому адресату. Впрочем, по свидетельству биографа Сидни Фулка Гревилла, лорда Брука, дружившего с ним с юных лет, Сидни никогда и не был ребенком: «хотя я жил с ним и знал его с детства, я всегда знал его только как взрослого человека». Эта взрослость проявлялась в сдержанности, твердости убеждений, жажде знаний — маленький Сидни «даже в играх стремился обогатить свой ум». Завершив академическое образование в Оксфорде, где он провел три года, в 1572 г. Сидни отправился в путешествие по Европе.

Первой остановкой на этом пути познания мира стал Париж. Юноша жил в английском посольстве как частное лицо, не имеющее дипломатического статуса. Однако родственные связи, ум и личное обаяние сделали его желанным гостем при французском дворе, а Карл IX приблизил его к своей особе до такой степени, что фактически сделал его своим постельником.

В Париж семнадцатилетний Сидни попал накануне драматических событий Варфоломеевской ночи, став ошеломленным свидетелем которых он еще больше укрепился в приверженности реформированной церкви. С этого момента Сидни начал воспринимать католицизм как силу, враждебную гуманизму и цивилизации. Однако в дальнейшем религиозные взгляды не мешали Сидни объективно судить о людях, он не стал религиозным фанатиком, терпимо относясь к убеж-

дениям других; среди его друзей даже остались паписты, например, поэт Генри Констебль.

В сентябре 1572 г. курировавший путешествие высокородного юноши Фрэнсис Уолсингем, государственный секретарь Елизаветы I с 1573 по 1590 годы, планировал вернуть Сидни в Англию, но когда это решение было принято, молодой человек был уже на пути в Германию. Осень и зиму 1572–1573 г. он провел во Франкфурте, остановившись в доме книгопечатника Андреаса Вехеля, занимавшегося изданием вновь открытых латинских и греческих текстов. Здесь, по-видимому, он сблизился с ученым-протестантом Юбером Ланге, также спешно покинувшим Францию из-за религиозной бойни. Именно этому человеку было суждено на несколько лет стать наставником молодого англичанина. Дружбу Сидни с Ланге приветствовал всевидящий Уолсингем, хорошо знавший и высоко ценивший этого ученого. Было решено, что Сидни посетит Вену, куда из Франкфурта направлялся Ланге.

Путь Сидни в Вену лежал через Гейдельберг, Страсбург и Базель, где его ждали новые интересные встречи. В Гейдельберге он познакомился с великим знатоком античности книгопечатником Анри Этьенном, более известным как Генрикус Стефанус. Сидни еще раз встретился с ним в Вене, а Этьенн посвятил своему молодому другу выпущенное им в 1576 г. в Женеве греческое издание Нового Завета. Эта дружба продолжалась и в последующие годы: в 1578 г. Этьенн подарил Сидни свое знаменитое издание сочинений Платона, а в 1581 г. посвятил ему издание трудов греческих историков Геродиана и Зосима. Главное впечатление от Страсбурга у Сидни было связано с Иоганнесом Штурмом, одним из крупнейших педагогов XVI столетия и создателем школы, в которой получил образование сам Жан Кальвин. В основу педагогической доктрины Штурма была положена задача воспитания гармонической личности, готовой радеть за общее благо. Впоследствии, в 1579 г., при горячем одобрении Сидни у Штурма останавливался его младший брат Роберт.

В Вене неутомимый Ланге познакомил молодого англичанина с выдающимся ботаником Шарлем де Леклюзом (Карлом Клузиусом), известным тем, что он одним из первых в Европе начал разводить тюльпаны. Леклюз принадлежал к новому поколению естествоиспытателей: его интересовали не столько вопросы той пользы, которую могут принести человеку те или иные растения или животные, но их жизнь сама по себе.

Вместе со своим новым другом Сидни в августе — сентябре 1573 г. совершил краткую поездку в Венгрию, где не только вволю полакомился фруктами, но и познакомился с прекрасными местными винами. Между тем путешествие в Венгрию вовсе не было беспечной прогулкой. Очевидно, планируя его для своего подопечного, Ланге предполагал обогатить юношу знанием военного дела: в Венгрии армия австрийского императора Максимилиана сражалась против турок. Сидни действительно познакомился с главнокомандующим Хуньяди, но боевого крещения не получил. Тем не менее в память об этом визите несколько лет спустя граф Ганау прислал Сидни военный трактат Хуньяди, обобщавший его опыт борьбы с турками.

По возвращении в Вену Сидни начал вести переговоры о поездке в Италию, однако на родине далеко не все одобряли его намерения. В частности, один из известнейших английских поборников протестантизма главный министр Елизаветы Уильям Сесил, лорд Берли, полагал, что среди папистов молодые англичане «не выучатся ничему, кроме гордыни, богохульства и безбожия».

В конце октября 1573 г., тепло распрощавшись с Ланге, Сидни отправился в Венецию и целый год провел в Италии. Ланге дал ему несколько рекомендательных писем к своим французским друзьям, в частности, к французскому посланнику дю Ферье. Возможно, это обстоятельство предопределило круг общения Сидни, предпочитавшего в Италии общество французов, немцев и своих соотечественников, среди которых были и его родственники Ричард Шелли и Роберт Корбет.

В Италии Сидни жил в Венеции и Падуе, где протестантам не угрожала инквизиция, а также совершил поездку во Флоренцию. Сведения об этом этапе его жизни можно получить из переписки Сидни с Ланге. Через несколько недель по приезде в Венецию Сидни был принят в местном высшем свете, подружился с семейством Гримани, к которому принадлежали венецианские дожи XVI в., а 26 февраля 1574 г., вернувшись из Падуи, начал позировать для портрета великому Веронезе (11 июня Ланге получил его в подарок).

Однако в Италию Сидни приехал не за развлечениями, а за новыми знаниями, готовясь к серьезному служению родной стране. Особенно усердной была его учеба в Падуанском университете, где он занимался музыкой, астрономией, геометрией, историей и этикой. Юноша хорошо овладел итальянским (Ланге считал это совершенно излишним), штудировал испанский и не дававшийся ему немецкий,

жалуясь на присущую этому языку резкость и выражая сомнение, что когда-нибудь научится хотя бы понимать немецкую речь. Он совершенствовался в древнегреческом, чтобы читать Аристотеля, из сочинений которого в то время почитал важнейшим «Политику», хотя несколько лет спустя говорил брату, что главным трудом Аристотеля является «Этика». В письмах Сидни совершенно не упоминается факт его знакомства с «Поэтикой» Аристотеля, однако этот трактат не мог пройти мимо него, и возможно, он даже слушал в Падуе лекции о «Поэтике», которые читал в это время итальянский профессор Забарелла.

В посланиях Сидни Ланге также говорится и о других книгах, составлявших круг его чтения: это труды по истории — Ланге особенно одобрял изучение этой «области моральной философии, рассматривающей справедливость и несправедливость», — и политике, письма великих людей (кардинала Бембо, Лоренцо ди Медичи и др.). Интересно, что в переписке с Ланге совершенно не говорится об итальянском искусстве, словно Сидни не волновали ни живопись, ни архитектура, ни поэзия. Между тем это не так. Среди друзей Сидни авторитет итальянской культуры был очень высок; его литературные произведения свидетельствуют о влиянии итальянской школы, проницательностью отличаются критические суждения; например, он первым из англичан обратил внимание на совершенство образа Беатриче у Данте. Очевидно, молодой человек просто сообщал своему наставнику о главном.

Серьезность подопечного порой вызывала тревогу даже у Ланге. Он очень ценил присущее Сидни сочетание ума и личного обаяния, подчеркивая в письмах юному другу необходимость оставаться самим собой: «...пока Вы будете самим собой... Вы повсюду найдете людей, которые полюбят Вас и изъявят к Вам свои добрые чувства». Ланге никогда не побуждал Сидни быть усидчивее, и единственное критическое замечание в его адрес связано с простительной для уроженца туманного Альбиона слабостью: Ланге предостерегает Сидни от чрезмерного потребления фруктов.

В октябре 1574 г. Сидни вернулся в Вену, где сильно заболел, но, быстро выздоровев благодаря бдительному присмотру Ланге, тотчас же отправился в Польшу. Вернувшись в Вену в конце ноября, следующую зиму Сидни провел при императорском дворе, воспользовавшись возможностью брать уроки верховой езды у императорского бейрейтора-итальянца. Умение хорошо держаться в седле высоко цени-

лось среди европейской аристократической молодежи. Об увлечении Сидни этим рыцарским искусством свидетельствует письмо брату, которому он советует прочесть две итальянские книги о верховой езде, а специальные познания позволили ему впоследствии изобразить в «Аркадии» идеального наездника, который сливается с конем в одно целое, управляя животным одними легкими прикосновениями, без шпор и хлыста, которые превращаются из орудий наказания в знак господства человека над животным. Неслучайно впоследствии Кристофер Клиффорд посвятил свой трактат «Школа верховой езды» именно Сидни.

В феврале 1575 г. Сидни вместе с Ланге побывал в Праге, откуда Ланге отправил его в Саксонию с рекомендательным письмом к электору Августу, высоко отзываясь о своем питомце: «У него превосходный ум и больше опыта, чем подобает его возрасту». Проехав через Дрезден, Страсбург и Франкфурт, а затем и Нидерланды, 31 мая 1575 г. Сидни добрался наконец до английских берегов, проведя за границей в общей сложности три года. За этот короткий срок из многообещающего талантливого мальчика он превратился в «первого джентльмена Европы», человека с широкой международной известностью. С его именем были связаны надежды крупнейших ученых и протестантских общественных деятелей, и Сидни жаждал приступить к служению на благо отечества и единоверцев.

По возвращении на родину Сидни принял участие в обставленной с величайшей пышностью поездке королевы Елизаветы по стране. По крайней мере, в июле 1575 г. он находился в замке Кенилворт, где Елизавете принимал его дядя граф Лестер. Почти сразу после этого сэра Генри Сидни был вновь назначен наместником Ирландии, и сын отправился проводить отца до западного побережья Англии. Поэтому время написать Ланге выдалось у молодого человека только в ноябре, и в письме он искренне извинялся за свое длительное молчание, вызванное участием в поездке королевы и проводами сэра Генри. Судя по тому, что письма Сидни от его европейских друзей приходили в лондонскую резиденцию Лестера, он большую часть времени проводил в доме дяди, надеясь, что вскоре ему поручат какое-нибудь ответственное задание.

Осенью он получил неожиданное приглашение посетить Францию от брата Генриха III и престолонаследника герцога Алансонского и Анжуйского — тот любезно предлагал Сидни погостить в его стране несколько месяцев, чтобы изучить французов так же, как он уже

изучил немцев и итальянцев. Юбер Ланге советовал Сидни принять это предложение, но Сидни, памятуя о событиях Варфоломеевской ночи, решительно отказался от поездки. Тем не менее приглашение брата французского короля, который ко всему прочему был поэтом и оказывал покровительство служителям искусства, свидетельствует о высокой репутации Сидни в Европе.

Осенью 1575 — зимой 1576 года Филип Сидни подружился с Уолтером Деверо, графом Эссексом, который знал его с детских лет. В доме графа он познакомился с его двенадцатилетней дочерью Пенелопой Деверо, которую Эссекс был не прочь выдать за него замуж. Желая еще больше сблизиться с Сидни, Эссекс взял его в Ирландию, куда летом 1576 г. он отправился в качестве графа-маршала. Для Сидни эта поездка открывала возможность побыть вместе с отцом, и в Коннахте он присоединился к сэру Генри и принял участие в боевых действиях против ирландских мятежников.

Во время пребывания Сидни в Ирландии в Дублине скоропостижно скончался его добрый друг Эссекс, и в ноябре Филип вернулся в Англию, чтобы принять участие в его погребении. Очевидно, поездка в Ирландию стала не только боевым крещением для молодого аристократа. Как всегда, Сидни использовал ее для пополнения своих представлений о мире, для изучения нравов и традиций местного населения. Личный опыт позволил ему заключить, что, несмотря на вопиющее отсутствие образования, ирландцы не лишены чувства прекрасного и глубоко чтут своих поэтов. Для Сидни подобная ситуация должна была казаться парадоксальной: ведь в эпоху Возрождения поэзия повсеместно воспринималась как привилегия исключительно образованных людей,

По возвращении из Ирландии Сидни с головой погрузился в светскую придворную жизнь. В 1576 г. королева назначила его своим виночерпием, но Сидни не довольствовался этой парадной должностью, мечтая о великих свершениях на благо Англии. Случай блеснуть на дипломатическом поприще представился ему осенью того же года, когда в Англию пришло известие о смерти императора Максимилиана. Как человек, лично знавший покойного императора, Сидни казался идеальной кандидатурой для главы английского посольства к новому императору Рудольфу, которому надлежало передать соболезнования по поводу кончины отца и поздравления в связи с восшествием на престол. По дороге молодому дипломату предстояло посетить младших братьев Рудольфа Луиса и Казимира и также

выразить им соболезнования королевы в связи с потерей великого родителя. Было бы ошибкой назвать дипломатическую миссию Сидни только церемониальной. В те времена даже те англичане, которые совершали частные поездки в Европу, должны были попутно собирать информацию о положении дел на континенте. Однако перед Сидни ставилась задача не только наблюдать за происходящим. Ему было поручено прозондировать возможность создания Протестантской лиги европейских государств, способной противостоять католическим державам. Деликатность и важность этой задачи делали новую поездку Сидни сложным экзаменом для его дипломатических способностей.

В середине февраля 1577 г. посольство двинулось в путь; Сидни сопровождали два близких друга, Фулк Гревилл и Эдвард Дайер, а также опытные дипломаты Генри Ли (он приходился племянником знаменитому поэту Томасу Уайетту, одному из отцов английского сонета) и Джером Боус (тот самый, который впоследствии прославился своим посольством к Ивану Грозному). Компания собралась интереснейшая: все были прекрасно образованными людьми, немало повидавшими на своем веку. Кроме того, трехмесячная поездка дала Сидни возможность увидеться с многими старыми знакомыми и друзьями.

Из Антверпена миссия Сидни отправилась в Брюссель, где их принимал английский посланник Томас Уилсон, затем в Лувене состоялась встреча с доном Хуаном Австрийским, отмеченная в жизнеописании Сидни, составленном Гревиллом, который особо подчеркнул, как окружение принца было удивлено его симпатией и уважением к Сидни. Проезжая через Гейдельберг, Сидни встретился с принцем Казимиром, но Луиса, электора Палатинского, не застал и отправился дальше, в Прагу, где тогда находился двор императора Рудольфа.

В Праге Сидни ждала неожиданная встреча со знакомым ему еще по Оксфордскому университету Эдмундом Кэмпием, который теперь преподавал риторику в иезуитском колледже. Католик Кэмпием всерьез вознамерился обратить молодого дипломата в «истинную веру», справедливо полагая, о чем он сообщает в частной переписке, что, если бы удалось убедить Сидни, пользующегося такой любовью и авторитетом среди своих соотечественников, перейти в католичество, это нанесло бы «сокрушительный удар его благородному отцу, наместнику Ирландии, его дядюшкам Дадли, всем юным придворным и самому Сесилу». Однако смелые надежды Кэмпием были беспочвенными. Гораздо более приятной для обеих сторон стала встреча

Сидни с Ланге, который сопровождал английских дипломатов на обратном пути через Нюрнберг и Гейдельберг до Кёльна, обещав при расставании непременно навестить своего любимца в Англии.

Ланге знал, что Сидни мечтал встретиться с правителем протестантских Нидерландов Вильгельмом Оранским, прозванным Молчаливым, величайшим протестантским деятелем Европы. Однако он отговорил своего молодого друга от частного визита к Вильгельму Молчаливому, опасаясь реакции со стороны королевы Елизаветы. Тем не менее желанная встреча состоялась именно в ходе этой поездки и именно по приказу королевы: у Оранской четы родилась дочь, и Елизавета отдала приказ Сидни представлять ее на крестинах малышки-принцессы. Таким образом, последние дни мая 1577 г. Сидни провел в обществе Вильгельма Молчаливого и его супруги.

Сведения об этой знаменательной встрече крайне скупы, однако известно, что два года спустя принц Оранский через Гревилла передал Елизавете I самый лестный отзыв о Сидни, в лице которого «ее величество имеет одного из самых зрелых и величайших государственных советников... из числа всех европейских современников». Принц настолько был расположен к Сидни, что подумывал о женитьбе его на одной из своих дочерей, но Елизавета не дала соизволения на брак Сидни с иностранной принцессой. Несмотря на это отношения между Сидни и Вильгельмом Молчаливым остались теплыми и доверительными, и в дальнейшей жизни Сидни желание освободить Нидерланды из-под гнета католической Испании стало одним из приоритетных. За это благородное дело он и сложил голову.

В Англию Сидни вернулся с еще более упрочившейся европейской репутацией, и впоследствии многие ученые посещали его на родине. Верный Ланге продолжал покупать для него издаваемые на континенте книги, а в 1579 г. выполнил обещание и навестил Сидни. Его пребывание в Англии было недолгим, и в обратный путь он пустился вместе с младшим братом Филипа Робертом, для которого настало время совершить европейское турне.

В отсутствие Сидни его младшая сестра Мэри в апреле 1577 г. вышла замуж за Генри Герберта, 2-го графа Пембрука. Мэри была приглашена ко двору в 1575 г., когда ей было всего тринадцать лет. Однако девушка сразу привлекла к себе внимание, и не только потому, что принадлежала к влиятельнейшей аристократической семье. В сентябре 1575 г. один из придворных поэтов посвятил ей пророческие строки:

Годами молода, но зрелая умом, достойный отпрыск рода своего,
Коль будешь продолжать, как начала, останется ли кто,
тобою не затмленный?

Отметим, что комплимент адресован именно интеллектуальным способностям девушки, что само по себе необычно для эпохи, когда предметом восхваления была женская красота и добродетель. Юная графиня Пембрук, столь же щедро одаренная природой, как и ее старший брат, стала близким другом Филипа, и в последующие годы он провел немало счастливых дней в принадлежавшем его зятю поместье Уилтон в графстве Уилтшир. Благодаря Мэри и Филипу Сидни в Уилтоне часто гостили поклонники и служители искусств, музыканты, поэты и ученые. Граф Пембрук благосклонно относился к затеям своей молоденькой супруги и ее брата, поскольку принадлежал к роду, традиционно славившемуся меценатством.

Находясь при дворе, Сидни, по свидетельству домашнего врача Пембруков Томаса Моффета, считал счастливейшими те дни, которые мог провести в уединении, в беседах с умными и высокообразованными друзьями и сестрой. Очевидно, в часы досуга все они занимались поэзией и, вероятно, уже в этот период всерьез задумывались о необходимости реформы английского литературного языка и самой английской поэзии. Однако дискуссии такого характера продолжались и в Лондоне: Филип Сидни, Фулк Гревилл и Эдвард Дайер в конце 1570-х годов составили так называемый «Ареопаг» — шуточный вариант европейских (итальянских и французских) литературных академий, занявшийся проблемами совершенствования английской поэзии, все еще значительно уступавшей ренессансной поэзии других европейских стран. По существу, и в своих литературных занятиях Сидни остался пламенным патриотом.

Деятельность «Ареопага» окутана ореолом загадочности. Известно лишь, что к входившим в него молодым «университетским умам» в 1578–1579 годах примкнул и самый талантливый из поэтов елизаветинской эпохи Эдмунд Спенсер, магистр богословия, окончивший кембриджский Пембрук-холл и пользовавшийся покровительством епископа Рочестерского Джона Янга, который, видимо, порекомендовал молодого человека в качестве секретаря графу Лестеру. Неясно, каким именно образом состоялось знакомство блистательного Филипа Сидни с «плебеєм» Спенсером, сыном бедного лондонского торговца мануфактурой, сумевшим получить образование только бла-

годаря своим исключительным способностям и жажде знаний. Примечательно, однако, что в отношении к гениальному юноше члены «Ареопага» отбросили все сословные предрассудки, и в апреле 1579 г. у Спенсера было полное основание писать своему университетскому другу Гэбриэлу Харви, что Сидни и Дайер относятся к нему как к другу. Через посредство Спенсера члены «Ареопага» познакомились и с экспериментами в области английской просодии, которыми занимался Харви.

Душой «Ареопага» был Сидни. Гревилл и Дайер уступали ему в поэтических талантах, хотя и обладали каждый своим особым, неповторимым стилем. Гревилла можно было бы назвать одновременно и одним из самых выдающихся придворных Елизаветы, и одним из лучших английских поэтов того времени. По оценке крупнейшего поэта-романтика начала XIX в. Р. Саути, трудно было бы назвать поэта, которого Гревилл не превзошел бы по силе ума, уступая некоторым лишь по степени владения языком поэзии. Его стихи рождались из глубоких размышлений о смысле жизни, столь характерных для Гревилла как последователя Кальвина. Его стиль отличался простотой, отсутствием классических аллюзий и традиционных петраркистских концептов. Как пуританин, Гревилл сторонился светской суеты и даже женщин, всю жизнь оставаясь холостяком. Однако он не разделял характерное для пуритан негативное отношение к искусству и прославился не только собственными сочинениями, но и щедрой меценатской деятельностью. Гревилл занимал высокое положение не только при Елизавете I, но и при Якове I, длительный период находясь в самом центре интеллектуальной жизни Англии. Если 1570–1580-е годы у него были связаны с деятельностью «Ареопага», то в 1590-е он сблизился с Фрэнсисом Бэконом. Подводя итоги своей богатой событиями жизни, он лаконично сформулировал их в автоэпитафии: «Слуга королевы Елизаветы, канцлер короля Якова, друг Филипа Сидни».

Эдвард Дайер, самый старший из членов «Ареопага», был сыном сельского сквайра из графства Сомерсет и познакомился с Сидни, поступив на службу секретарем к графу Лестеру. К моменту создания «Ареопага» Дайер уже выработал собственную поэтическую манеру. Не стремясь подражать иностранцам, он ориентировался в своем творчестве на английские образцы, что позволило Харви назвать его «нашим единственным английским поэтом». До нас дошло чуть более десяти стихотворений Дайера, что не позволяет объективно оценить

его творчество. Важно, однако, что поэзия Дайера высоко ценилась знавшими ее современниками и даже цитировалась в самой известной елизаветинской поэтике — «Искусстве английской поэзии», приписываемой Джорджу Патнэму. Ставя перед собой возвышенные цели, члены «Ареопага» относились к их достижению как к литературной игре, скрашивавшей их досуг. Следует отметить, что, вероятно, претенциозное название кружка Сидни было известно лишь очень узкому кругу лиц, а возможно, родилось в голове Спенсера, который приводит его в греческом начертании в письме к Харви, повторяющему его уже по-английски в ответном послании с эпитетом «новорожденный».

Литературные занятия заполняли лишь досуг членов «Ареопага» и отошли в сторону, когда в 1578 г. у протестантов появился веский повод для беспокойства по поводу возможного брака английской королевы с Франциском Валуа, герцогом Анжуйским и Алансонским.

В начале 1580 г. Филипп Сидни отважился обратиться с письмом к Елизавете I, где прямо указывал на то, что один опрометчивый шаг государыни будет иметь трагические последствия для протестантов, связывающих с ней свои самые сокровенные надежды и полагающихся на ее защиту. Выдержанное в самых учтивых тонах, письмо-предупреждение абсолютной правительнице само по себе было величайшей дерзостью. Попавший в неизбежную немилость Сидни отделался довольно легко: ему просто было приказано покинуть двор.

Узнав о затруднениях, с которыми столкнулся Сидни, Ланге написал ему, предлагая поступить на службу к Вильгельму Молчаливому, однако его молодой друг предпочел остаться на родине и, покинув двор, удалился в Уилтон. Там им был создан ориентированный на сочинения известнейших европейских пасторалистов — итальянца Якопо Саннадзаро (1458–1530) и испанского писателя португало-еврейского происхождения Хорхе де Монтемайора (ум. ок. 1562) — пасторальный роман «Аркадия графини Пембрук» (он был опубликован в редакции графини Пембрук посмертно, в 1590 г., лондонским издателем Уильямом Понсонби). Выбор жанра пасторали, очевидно, был подсказан Сидни культом Вергилия, характерным для поэтов «Ареопага» и других поклонников античной культуры, а следование «вергилиеву канону» предполагало начало творческой деятельности именно с пасторали, поскольку слава великого древнеримского поэта начиналась с «Георгик» и «Буколик». Кроме того, пасторальная безмятежность должна была казаться особенно пленительной для тех,

кто, как и Сидни, устал от городской и тем более придворной суеты. Практически одновременные эксперименты Сидни и Спенсера («Пастушеский календарь») ввели в Англии моду на пастораль, изначально воспринимавшуюся как условная, но изящная и сулящая душевное отдохновение форма искусства.

Внешне «Аркадия» Сидни и была увлекательной игрушкой, сочиненной для собственного удовольствия и развлечения любимой сестры, которая, возможно, приложила руку к ее созданию. Игровое начало романа позволяло распутывать хитросплетения интриги и блуждать по благословенным лесам, существующим как будто бы исключительно для того, чтобы в них собирали цветы. Однако описываемой Сидни пасторальной идиллии предшествовали драматические приключения фессалийского принца Мусидора и македонского принца Пирокла, которые потерпели кораблекрушение у берегов Спарты и после долгой разлуки и приключений неожиданно встретились в благословенной Аркадии.

В этой классической стране пастухов и пастушек, совсем не похожей на реальную Аркадию с ее иссушенным южным солнцем и сильными ветрами горными склонами, царят простые и приятные нравы, и царь Базилий, противник всяческой суетности, в полном уединении воспитывает своих дочерей, принцесс Памелу и Филоклею. Летние месяцы царское семейство проводит в прекрасном лесу. Увидев прелестных принцесс, принцы-странники немедленно воспылали любовью к достойным девушкам и вознамерились покорить их сердца. При этом не обошлось без комических недоразумений. Например, желая иметь возможность общаться со своей возлюбленной, юный Пирокл переодевается пастушкой и под именем Зельманы появляется при лесном царском дворе. Мнимая пастушка так хороша собой, что в нее влюбляются и царь Базилий, и его супруга, которая, в отличие от мужа, сразу догадывается, что перед ней переодетый юноша. В конце концов щекотливая ситуация разрешается ко всеобщему удовольствию: Мусидор женится на Памеле, а Пирокл — на Филоклее.

В «Аркадии» впервые появился литературный двойник Филипа Сидни, имя которого образовалось стяжением имени и фамилии автора — Филисид.

Новаторство Сидни как автора «Аркадии» не ограничивалось, как у Саннадзаро или Монтемайора, совмещением пасторальных и авантюрных мотивов, сочетанием прозы и поэзии в одном произведении.

Литературная игра стала предлогом для серьезных экспериментов, направленных на поиски путей совершенствования выразительных возможностей английского литературного языка и английской поэзии. Нереальность мира Аркадии подчеркивалась эвфуистической манерой повествования и речи персонажей. В этом есть и определенный урок: сопоставленное с обыденной речью, аркадийское красноречие лишний раз заставляло задуматься о несовершенстве реального мира, о его непохожести на идеальный мир, получивший отражение в конечном результате творческой фантазии автора.

Кроме того, в этом произведении Сидни осуществил выдающийся литературный эксперимент, продемонстрировав весьма широкие возможности английской поэзии, к которым в XVI в. многие его соотечественники относились скептически, делая акцент на несовершенстве английского языка. Украшением «Аркадии» стали многочисленные поэтические вставки, в которых, как и в экспериментальных по характеру эклогах «Пастушеского календаря» Спенсера, рождалась новая поэзия. Вероятно, многие из этих стихов были созданы еще в конце 1570-х годов. Собранные в один переплет, они поражают своим разнообразием. Достаточно сказать, что в «Аркадию» включен первый английский мадригал, в ней широко использованы итальянские формы — терцины, секстина, октава, сонет, а также сделана попытка приспособить к возможностям английского языка различные классические метры, что было не так-то просто в пределах силлаботонической системы стихосложения.

По крайней мере до середины XVII в. «Аркадия» Сидни оставалась стилистическим образцом, на который ориентировались английские писатели. Так, уже в 1588 г., еще до публикации романа, многочисленные цитаты из него появились в посвященной графине Пембрук книге Абрахама Фраунса «Аркадийское красноречие». Автор иллюстрирует разнообразные риторические фигуры примерами из классических произведений, и отрывки из «Аркадии» приводятся непосредственно после цитат из Гомера и Вергилия. Образцом хорошего стиля «Аркадия» оставалась и для риториков середины XVII в., что доказывают трактаты Томаса Блаунта «Академия красноречия» (1654) и Джона Смита «Раскрытая тайна риторики» (1657).

По-видимому, в тот же период, что и «Аркадия», был написан и трактат Сидни «Защита поэзии» (опубл. 1598). Можно предположить, что толчком к созданию этого произведения стали уничижительные суждения о возможностях английской поэзии, высказанные

в 1579 г. Стивеном Госсомом в памфлете «Школа нечестия». Госсон был автором нескольких комедий, но затем ударился в религию, став воинствующим пуританином, порицающим всякое искусство в силу его греховной бесполезности. Анекдотичность ситуации, сложившейся благодаря узости взглядов Госсона, заключалась в том, что свой унижающий искусство и литературу опус автор посвятил... Сидни, видя в нем достойного поборника истинной веры. Тем самым Филип Сидни был втянут в полемику по поводу сущности искусства, в лаконичной и энергичной форме изложив свои взгляды в этой апологии поэзии.

Пафос трактата, одного из лучших манифестов литературно-критической мысли эпохи Возрождения, напоминает рыцарское стремление освободить из темницы заточенную в ней прекрасную принцессу-поэзию. Как допускает Сидни, поэзия в Англии еще не достигла того уровня, когда она уже не нуждалась бы в защитниках. Отстаивая достоинства поэзии, Сидни подчеркивает, что она не сводится к стихосложению: «Можно быть поэтом, но не стихотворцем, и стихотворцем, но не поэтом». Поэзия — это все то, что очищает и возвышает ум, придает жизни идеальный оттенок, а поэт — своего рода волшебник, способный постигнуть прекрасное: «Природа никогда не облачала землю в такие богатые шпалеры, как это делали многие поэты», и объяснение этому дается предельно простое: «мир природы — медный (brazen), и лишь поэты создают мир золотой».

В своих рассуждениях Сидни опирается не только на Платона и Горация, основных авторитетов для английских писателей XVI в., но и на Аристотеля, вслед за которым он определяет поэзию как «искусство подражания... то есть воспроизведение, подражание, преобразование, или метафорически говорящую картину, цель которой учить и доставлять удовольствие»⁴.

Согласно учению Аристотеля о подражании (мимесисе), художественное творчество есть подражание природе, в процессе которого художник создает образы, воспроизводящие общие свойства природы. Противопоставляя поэзию истории, Аристотель отдавал ей предпочтение по причинам большей философичности, поскольку поэзия говорит «не о действительно случившемся, но о том, что могло бы слу-

⁴ Пер. Л. И. Володарской (Сидни Ф. Астрофил и Стелла. Защита поэзии. М., 1982. С. 155).

читься» и, следовательно, способна шире отразить все многообразие мира. Отталкиваясь от Аристотеля, Сидни приходит к умозаключению о том, что поэты, должным образом подражая природе, «подвластны лишь своему знанию и суждению», которое обретается ими в процессе «божественного размышления о том, что может быть или должно быть». Принимая подобную точку зрения, Сидни противоречит наиболее распространенной в XVI в. платонической концепции искусства.

Платон уделил внимание проблемам искусства в трех своих знаменитых трактатах: «Государство», «Ион» и «Федр». В соответствии с платоновским учением о мимесисе, искусство также есть подражание природе, однако саму природу Платон рассматривал как бледную копию истинных сущностей — идей; поэзия как вид искусства, таким образом, оказывалась лишь подражанием подражанию («Государство»). В «Ионе» и «Федре» Платон вообще отказал поэзии в принадлежности к искусству, назвав ее особым божественным исступлением.

Находясь под влиянием идей Аристотеля, Сидни не отрекается и от платонизма. Так, говоря о способностях поэта благодаря творческому вымыслу создавать «другую природу», то, что никогда не существовало в действительности, Сидни оказывается близок одному из авторитетнейших неоплатоников Плотину, в трактате которого «Об умной красоте» указывается, что поэты не просто подражают видимому, «но восходят к смыслам, из которых состоит и получается сама природа», а также привносят в свои творения присущую им самим красоту: «они многое созидают от себя, и, в частности, они прибавляют в каком-нибудь отношении ущербному свои свойства в качестве обладающих красотой»⁵. Сам по себе идеальный мир, которому подражает поэзия, у Сидни ассоциируется с совершенством природы, утраченным с грехопадением Адама. Таким образом, платоническая трактовка высшей красоты соединяется с христианской, подчеркивая единство прекрасного и благого.

Вместе с тем Сидни отвергает развитое итальянскими неоплатониками учение о художнике как священном безумце. Творчество — не экстатический, но рационалистический акт, в процессе которого поэт способен облагораживать внутренний мир тех, кто внимает его фантазии. Отсюда и понимание Сидни роли искусства, способного поучать, доставляя при этом наслаждение красотой. Поскольку пре-

⁵ Пер. А. Ф. Лосева (*Плотин. Сочинения. Плотин в русских переводах*. СПб., 1995. С. 513).

красное неотделимо от добра, красота поэзии способна порождать у человека любовь к добродетели. Далекий от утилитаристских подходов к произведениям искусства, Сидни тем не менее утверждает практическую ценность поэзии, называя поэта повелителем искусства и людей, которому дано указывать путь к совершенству и «побуждать всякого следовать по этому пути».

Идеал поэзии у Сидни тесно связан с концепцией тождественности добра и красоты: прекрасное, благое содержание произведения должно отливаться в соответствующую совершенную форму, создание которой и есть высшая цель поэта.

Сидни-поэт признает себя варваром, учитывая скромные достижения современной ему английской словесности, однако считает, что настало время и для расцвета английской поэзии. Сидни энергично доказывает, что английский язык обладает достаточной гибкостью и выразительностью, приводя в качестве примеров «Троила и Хризиду» Чосера, лирику графа Сарри, «Горбодук» Сэквилла и ранние стихи Спенсера. Время доказало правоту Сидни, а имя Госсона, похоже, осталось в истории только потому, что его упомянул Сидни.

Отзываясь о драме, Сидни высказывал неодобрение по поводу смешения трагического и комического, ему больше по вкусу следование античным традициям. Без сомнения, тогдашняя английская драма была бесконечно оскорбительна для рафинированного вкуса, и трудно было предположить, что через каких-то десять лет, во многом благодаря именно смешению трагического и комического, произойдет второе рождение драмы.

В начале 1580-х годов Сидни создал поэтический цикл «Астрофил и Стелла», ставший достойным продолжением традиций «Книги песен» Ф. Петрарки и вместе с тем преодолевший изрядно поднадоевшие благодаря частому употреблению штампы, которыми злоупотребляли европейские последователи Петрарки — поэты-петраркисты.

При жизни Филипа Сидни сонетный цикл «Астрофил и Стелла» был известен лишь в списках, ходивших, однако, не только среди близких друзей поэта. Первая посмертная публикация сонетов состоялась лишь в 1591 г. и не была полной; из текста были изъяты некоторые наиболее личные стихи: сонет XXXVII, фрагменты 8-й и 10-й песен, а также целиком песнь 11-я. Они вошли только в издание 1598 г., выпущенное Уильямом Понсонби, одним из лучших книгопечатников елизаветинской эпохи. В подготовке издания Понсонби ведущую роль сыграла сестра Филипа Сидни Мэри Сидни, графиня Пембрук.

В новом издании был несколько изменен порядок следования текстов: если у Ньюмена песни публиковались после корпуса сонетов, то в издании Понсонби они заняли логически оправданные позиции среди них, как бы отмечая паузы в драматическом развитии действия и отражая конкретную стадию внутреннего состояния Астрофила. Песнь первая, прославляющая земную любовь и земную красоту Стеллы, отделяет 63 начальных сонета, вторая следует за сонетом LXXII, третья — за сонетом LXXXIII, четвертая — за LXXXV. Песни 5–9-я компактно размещены между сонетами LXXXVI и LXXXVII, 10-я идет за сонетом XCII, а последняя, 11-я, отделяет драматический финал цикла (сонеты CV—CVIII). Интересно, что песни в «Астрофиле и Стелле» играют такую же кульминационную роль, которую впоследствии песни будут выполнять в пьесах Шекспира.

Более полный текст цикла в издании Понсонби побуждает исследователей делать вывод о параллельном существовании как минимум двух вариантов «Астрофила и Стеллы» — предназначенного для узкого дружеского круга, знавшего, кто такая Стелла, и усеченного — для прочих поклонников поэтического таланта Сидни.

Имена героев сонетного цикла объясняли читателям многое. Дама сонетов фигурировала под небесным именем Стелла, что по-латыни означает «звезда». От читателей не укрылась и прозрачная этимология вымышленного имени «Астрофил» — «влюбленный в звезду». Кроме того, возникала и иная ассоциация. В «Аркадии» фигурировал Филисид — литературный двойник автора, имя которого было образовано стяжением имени Филипа Сидни и ассоциировалось с греческим *philos* и латинским *sidus* (*sideris*) — «звезда». «Астрофил» оказывается своеобразным переводом имени этого героя: *astron* означает по-гречески «звезда». Таким образом, напрашивался вывод о тождестве Сидни и Астрофила. Следуя этому предположению, легко было представить, что история неразделенной любви героя является лирическим дневником Сидни, а имя суровой, но прекрасной возлюбленной героя подсказывали сами сонеты, в которых обыгрывалась фамилия Рич.

Леди Рич, Пенелопа Деверо, дочь графа Эссекса, некоторое время рассматривалась как потенциальная невеста Сидни, и версия об автобиографизме сонетов, казалось бы, не вызвала сомнений. Так продолжалось вплоть до конца XIX столетия: этот сонетный цикл воспринимался как лирический дневник поэта, в Сидни видели английского Петрарку, пожелавшего излить в стихах переживания по

поводу своей безответной любви к Пенелопе Деверо. Вероятно, сонеты были созданы после того, как возлюбленная Сидни вышла замуж за лорда Рича. Между тем высказывалось мнение о том, что до этого Сидни не слишком интересовался прекрасной Пенелопой. Таким образом, исходя из наличия автобиографической основы цикла, нельзя исключать того, что отразившиеся в нем переживания Сидни были по преимуществу связаны с тем, что ему предпочли другого.

На короткий миг Сидни забывает о своей уравновешенности, и его сонеты дышат страстью. Однако буря чувств, поднявшаяся в душе Сидни, быстро улеглась: поскольку леди Рич не сочла возможным ответить на его любовь, в 1583 г. он женился на Фрэнсис Уолсингем, дочери государственного секретаря Елизаветы I, и, судя по всему, их брак оказался счастливым, хотя и коротким.

Присущая Сидни цельность натуры едва ли допускает возможность столь легкого переключения чувств с одного предмета на другой. Поэтому не приходится удивляться, что на рубеже XIX–XX веков возникла иная концепция цикла «Астрофил и Стелла», ставящая под сомнение подлинность описываемых в нем переживаний. Следуя логике ее сторонников, Сидни — создатель «Аркадии» — решил поиграть в «Астрофиле и Стелле» в любовь. Основательность концепции игрового начала в сонетном цикле подтверждается фактами биографии Сидни. Нет сомнений в том, что образ Астрофила — это литературное инобытие автора, продолжение образа Филисида. Мы вправе усматривать в сонетах автобиографические мотивы, однако прямое отождествление автора и героя было бы ошибкой.

Одной из задач, продиктованных Сидни любовью к родной стране, была реформа английской словесности, которая позволила бы поставить национальную литературу в один ряд с литературами ведущих стран Европы, и прежде всего Франции и Италии. Этим объясняется откровенно экспериментальный характер его творчества в целом.

Опала, которой подвергся Сидни, была недолгой. Уже в октябре 1580 г. ему было разрешено вернуться ко двору, где для него вновь потекли дни, наполненные никчемной церемониальной суетой. Когда в Англию прибыл герцог Анжуйский, надеявшийся во время личного визита решить, наконец, вопрос о браке с Елизаветой I, при дворе был устроен пышный театрализованный рыцарский турнир. По предусмотренному заранее сценарию Сидни вместе с тремя другими молодыми придворными исполняли роли приемных детей Страсти, пославших вызов защитникам Крепости Совершенной Красоты. По-

нятно, что «инициаторы» турнира должны были потерпеть позорное поражение, и едва ли настроение Сидни заметно улучшилось от необходимости публично признать превосходство противников. Даже четыре с лишним века спустя в распределении ролей на этом потешном турнире чувствуется тайный умысел унизить того, кто, забывшись, посмел давать непрошенные советы самой королеве.

Сидни по-прежнему продолжал мечтать о великих свершениях на благо Англии и протестантской религии. Однако мы имеем возможность судить о его жизни с осени 1581 г. почти исключительно по ее внешней, событийной, стороне. В сентябре скончался Юбер Ланге, и прервалась многолетняя переписка, служащая сейчас бесценным источником информации о внутреннем мире Сидни. Между тем биографические факты свидетельствуют о том, что в начале 1580-х годов Сидни получил наконец долгожданную возможность заняться «великой деятельностью»: в 1581 г. он был избран членом парламента от графства Кент. Это позволило ему принять деятельное участие в обсуждении уложений, регулировавших сферу религиозной жизни страны; в частности, он горячо ратовал за постановление о признании государственными изменниками тех англичан, кто переходил в католическую веру, а также о штрафах и тюремном заключении за участие в католических богослужениях, равно как и за нерадивость в посещении англиканских церковных служб. Однако, судя по всему, Сидни продолжал мечтать о более значительных свершениях.

Богатыми на события выдались для него последние три года жизни. 20 сентября 1583 г. Сидни женился на Фрэнсис Уолсингем. Их единственная дочь Елизавета (род. в 1585 г.), в замужестве графиня Рэтленд, унаследовавшая таланты своего гениального отца, стала незаурядной поэтессой. До настоящего времени дочь Сидни оставалась в тени, однако уже сейчас очевидно, что сыгранная ею роль в развитии английской литературы крайне важна; грядущим поколениям исследователей еще предстоит выяснить подлинное значение творчества этой удивительной женщины.

В 1583 г. королева явила Сидни свое расположение, назначив его начальником картографического департамента. Затем в 1584 г. в доме Фулка Гревилла Сидни познакомился и подружился с Джордано Бруно, с 1583 по 1585 г. жившим в Англии. Поскольку Сидни изучал астрономию в Италии, он, должно быть, испытывал глубокий интерес к идеям Бруно, единственного в Европе гения, осмелившегося вывести революционные следствия из учения Коперника. Как и все,

кто знал Сидни, Бруно был очарован светлой личностью Сидни и посвятил ему два труда — воинствующий антиклерикальный памфлет «Изгнание торжествующего зверя» (1584) и «О героическом энтузиазме» (1585).

С начала 1580-х годов Сидни мечтал о великих путешествиях с целью пропаганды протестантской веры и усиления позиций протестантов в мире. Летом 1583 г. он рассматривал возможность принять участие в экспедиции сэра Хамфри Гилберта (ок. 1539–1683), который еще в 1566 г. высказался по поводу необходимости поисков северо-западного морского прохода в Индию. Однако намерение вступить в брак, к счастью, удержало Сидни от участия в смелой морской авантюре: на обратном пути в Англию Гилберт погиб во время шторма, и Сидни вполне мог бы разделить его участь.

К колонизации Нового Света Сидни относился как к важнейшей политической задаче, стоявшей перед его поколением англичан, считая, что у Англии есть лишь два способа умерить попытки Филиппа II Испанского задавить Реформацию в Европе: либо предать огню и мечу саму Испанию, либо (это казалось предпочтительнее с чисто гуманистической точки зрения) лишить врага «золотого руна» — фантастических богатств Нового Света. Идея захвата новых территорий для английской короны так сильно овладела Сидни, что он пытался присоединиться к Дрейку, в 1577–1580 годах обогнувшему земной шар и собиравшемуся в 1585 г. отправиться в новое плавание к берегам Америки. Однако Дрейк, по всей вероятности, не слишком рвался поделиться славой с молодым вельможей и сумел убедить королеву запретить Сидни участвовать в его экспедиции. Тем не менее Елизавета нашла способ смягчить удар, нанесенный честолюбию молодого человека. После убийства Вильгельма Молчаливого, погибшего в 1584 г. от руки испанского агента, изнемогавшие от войны с испанцами протестантские Нидерланды попросили Англию, могущественнейшее из протестантских государств, принять их под свою защиту. Просьба была удовлетворена в ноябре 1585 г., и королева назначила графа Лестера главнокомандующим объединенными протестантскими силами в Нидерландах, а его племянник получил должность коменданта Флиссингена.

По прибытии в Нидерланды Сидни остался недоволен тем, как повел дела его дядя. Ему казалось, что Лестер действует вяло и нерешительно, уступая инициативу испанскому полководцу герцогу Пармскому. В то же время Сидни пытался добиться от королевы и ее

государственного секретаря Уильяма Сесила, лорда Берли, большей финансовой поддержки для военной кампании в Европе. В конце концов ему удалось получить разрешение Лестера на самостоятельные действия. Осуществленная племянником блистательная операция по захвату Акселя подтолкнула к решительным действиям и самого Лестера. Вторично Сидни отличился 22 сентября 1586 г. в сражении под Зютфеном, где английская кавалерия под командованием Сидни и молодого Эссекса атаковала крупный отряд испанцев, шедших на подмогу гарнизону этого городка. Однако бой оказался для Сидни последним. Он отважно вступил в него без доспехов и получил сквозное пулевое ранение в бедро, оказавшееся смертельным. Перевезенный в Арнем, Сидни скончался 15 октября того же года. Останки Сидни были с величайшими почестями захоронены в лондонском соборе Св. Павла.

До гибели Нельсона в 1805 г. Англия не видела более печальной и массовой погребальной церемонии, а в Лондоне на многие месяцы воцарился траур. В лице Сидни английская литература елизаветинской эпохи потеряла свою утреннюю звезду. Потерю понесло не только искусство, но в равной мере — военное дело и политика. Пережитое потрясение оставило глубокий след в литературе: трудно назвать другую некоронованную особу, на смерть которой было получено такое количество поэтических откликов. Оба английских университета отреагировали на гибель Сидни двумя томами элегий, написанных преимущественно на латинском языке (однако среди них была и абсолютная экзотика — стихи, написанные на древнееврейском). В кембриджский сборник вошли английские элегии, созданные шотландскими поклонниками Сидни, и свою лепту в него внес даже молодой шотландский король Яков VI, которому после смерти Елизаветы I предстояло унаследовать и английский престол. Оксфордский том элегий вышел позднее кембриджского, и, словно извиняясь за допущенное университетом промедление, члены оксфордского Нового колледжа, где учился отец покойного и представители семейства Гербертов, выпустили еще один том элегий, посвятив его зятю Сидни, графу Пембруку. Сборником элегий откликнулся и основанный Вильгельмом Молчаливым Лейденский университет. В стихах отзывались на смерть Сидни и частные лица — поэты Томас Черчьярд, Джордж Ветстоун, Бен Джонсон, Сэмюэл Дэниэл, Майкл Дрейтон, Джордж Пиль, Томас Уотсон и многие, многие другие, даже те, которые не были с ним знакомы. Сэр Артур Горджес откликнулся на

печальное событие траурным сонетом, вобравшим в себя основной лейтмотив оценок, данных Сидни современниками: Сидни был для них в равной степени великим воином и великим поэтом.

Уильям Шекспир и английский театр эпохи Возрождения

Бесспорно принадлежащие Шекспиру произведения составляют так называемый «шекспировский канон», куда входят тридцать семь пьес, поэмы «Венера и Адонис» (опубл. 1593) и «Лукреция» (опубл. 1594), а также знаменитый цикл из 154 сонетов, большей частью созданных, как принято считать, между 1592 и 1598 годами. Бессмертные творения Шекспира вызывали восторг у его современников и продолжают волновать и интриговать читателей и зрителей наших дней. Столь гениальны эти произведения, что порой трудно поверить, будто все они были написаны всего в течение двух десятилетий скромным уроженцем небольшого провинциального городка Стратфорд-на-Эвоне, перебравшимся в Лондон, где он стал сперва актером, а затем и совладельцем частного театра.

Время от времени в печати появляются отчеты «антистратфордианцев» об очередных изысканиях в пользу того, что под именем Шекспира ставила и публиковала свои сочинения некая высокообразованная и высокопоставленная особа — граф Рэтленд, граф Дерби, граф Оксфорд, сама королева Елизавета I: число претендентов на авторство уже приближается к шести десяткам. Очень активны сторонники «бэкониианской ереси», считающие подлинным создателем произведений Шекспира великого философа Фрэнсиса Бэкона. Приверженцы этой точки зрения проявляют активность не только в ее пропаганде. Достаточно сказать, что одного желания обнаружить текст шекспировской эпитафии в гробу Эдмунда Спенсера и сличить потенциальную находку с автографами Бэкона оказалось достаточно, чтобы добиться разрешения на раскопки захоронения Спенсера в «Уголке поэтов» Вестминстерского аббатства, которые, впрочем, оказались безрезультатными.

Российские шекспиологи до последнего времени не участвовали в спорах об авторстве Шекспира, отождествляя великого поэта и драматурга с актером и предпринимателем Уильямом Шекспиром (1564–1616). Многое в жизни этого человека остается загадкой, одна-

Уильям Шекспир

ко мы располагаем достаточной информацией, чтобы восстановить основные вехи его судьбы.

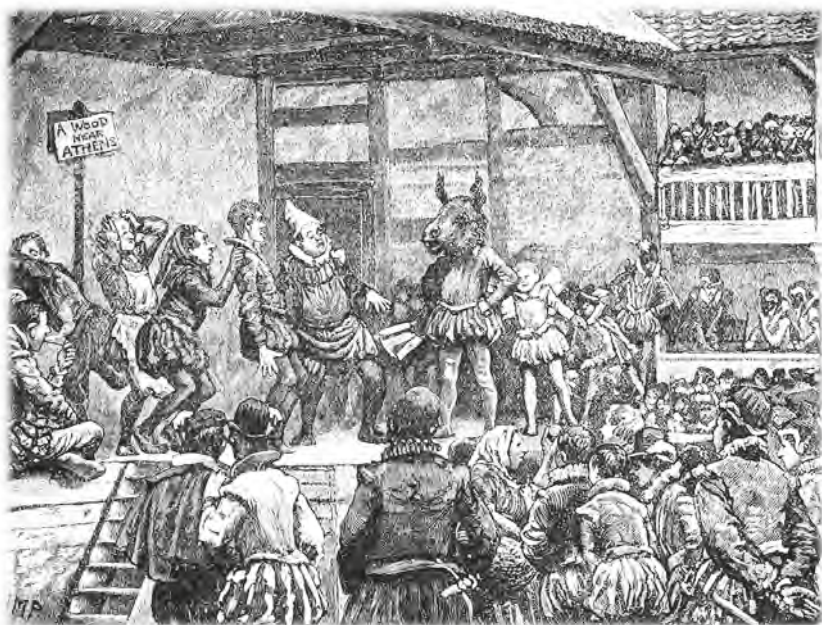
Днем рождения Шекспира считают 23 апреля. Однако точная дата его появления на свет не установлена: известно лишь, что 26 апреля 1564 г. его крестили в стратфордской церкви Св. Троицы. Мать будущего поэта и драматурга Мэри Шекспир (урожденная Арден) происходила из хорошего старинного рода и унаследовала от своих родителей кое-какие земельные угодья. Отец, Джон Шекспир, был обыкновенным горожанином, пользовавшимся, по-видимому, уважением земляков, которые в 1565 г. избрали его членом городского совета, а тремя годами позднее — бейлифом. Коммерческо-предпринимательский дух эпохи заразил Джона Шекспира деловым энтузиазмом, однако ему не удалось добиться особых успехов, а колебания в доходах отца не могли не отражаться на жизни Уильяма.

По всей видимости, Шекспир получил образование в стратфордской грамматической школе, где в соответствии с традициями того

времени особое внимание уделялось изучению латыни. Любопытно, что данное учебное заведение содержалось за счет городской казны, а образование в ней было бесплатным. До нас не дошли списки учеников, посещавших стратфордскую школу в дни отрочества Шекспира, что порождает немало споров о том, сколько лет он провел на школьной скамье. Часть исследователей полагает, что Шекспир до времени бросил занятия, поскольку должен был помогать отцу в его делах; другие же, напротив, считают, что в молодые годы Шекспир некоторое время проработал младшим учителем, а это могло быть, разумеется, только в том случае, если ранее он сам получил полное школьное образование. Однако с уверенностью можно сказать, что на школьной скамье Шекспир обрел недурные познания в латинском языке, приобщился к античной культуре.

Шекспиру было восемнадцать лет, когда он женился на Энн (Анне) Хатауэй. Супруга была на восемь лет старше него, и порой высказываются предположения, будто брак этот был заключен с вынужденной поспешностью из-за того, что невеста уже ожидала ребенка. 26 мая 1583 г. в стратфордской церкви Св. Троицы крестили старшую дочь Шекспира Сюзанну, а 2 февраля 1585 г. — близнецов Хемнита и Джудит.

О последующем восьмилетии жизни Шекспира достоверных сведений не сохранилось, и поэтому через многие десятилетия после смерти великого человека именно этот период его биографии начал стремительно обрастать легендарными подробностями. Биографы сходятся в одном: Шекспир по каким-то причинам покинул семью, уехал из родного города и предположительно около 1590 г. появился в Лондоне. Отъезд Шекспира из Стратфорда объясняется, например, тем, что молодой человек был замечен в браконьерстве и боялся преследований со стороны сэра Люси, на землях которого якобы убил оленя. Предполагается, что в эти годы Шекспир учительствовал в каком-то захолустье; не исключена также вероятность того, что, поддавшись общей для этого времени страсти к путешествиям на континент, он побывал в других европейских странах и, возможно, даже в Италии. Наконец, родилась трогательная и маловероятная история о том, как, оказавшись в столице, он впервые соприкоснулся с театром, работая конюхом и принимая лошадей у зрителей, приезжавших на спектакль верхом. Ни подтвердить, ни опровергнуть подобные рассказы невозможно, и всякий волен относиться к ним по своему усмотрению.

«Сон в летнюю ночь» Шекспира в театре «Глобус»

Следующее письменное упоминание о Шекспире относится к 1592 г.: в опубликованном посмертно памфлете известного драматурга Роберта Грина (1560–1592) Шекспир упоминается в весьма не лестных тонах. Автор именует его «высочкой-вороной, украсившей себя перьями собратьев», человеком «с сердцем тигра в актерской шкуре», заносчиво полагающим, что владеет белым стихом лучше других. От этих слов так и веет злобой и ревностью, вызванными первыми успехами Шекспира в связи с постановкой пьес-хроник «Генрих VI. Часть I», «Генрих VI. Часть II», «Генрих VI. Часть III» (1589–1593) и искрометной «Комедии ошибок» (1589–1594). Желая смягчить резкость характеристики, которую Грин дал Шекспиру, редактор снабдил памфлет предисловием, в котором попытался реабилитировать драматурга.

Очевидно, по приезде в Лондон решивший связать свою жизнь с театром стратфордзец оказался в непростом положении. В среде благонравных и чопорных горожан еще сохранялось то предвзятое отношение к лицедеям, которое было характерно для средневековья;

действующие драматурги косо посматривали в сторону новоявленных конкурентов. Настоящую поддержку Шекспир как актер и драматург мог обрести лишь в аристократических кругах. По своему происхождению Шекспир не претендовал на то, чтобы его сразу допустили туда. Скорее всего, своего покровителя он встретил в одной из лондонских таверн, где в те времена нередко собирались литераторы, к спорам которых охотно подключались и зашедшие на огонек вельможи. Вполне вероятно, что именно во время подобного диспута и произошло знакомство начинающего драматурга с блистательным молодым аристократом Генри Ризли, графом Саутгемптоном, бароном Тичфилдским.

На редкость красивый и высокообразованный Саутгемптон был девятью годами моложе Шекспира. Он учился в Кембриджском университете и уже в шестнадцать лет имел степень магистра искусств. Человек незаурядный, обладавший широким кругозором ренессансного гуманиста, Саутгемптон мог легко переступить социальный барьер и снизойти до дружбы с безродным, но несомненно талантливым начинающим драматургом и актером: молодой меценат не мог не знать содержания знаменитого диалога Цицерона «О дружбе», в котором, в частности, говорилось, что дружбы достойны люди, обладающие качествами, за которые их можно любить (в случае Шекспира — гениальностью), а также указывалось, что самое важное в дружбе — быть на равной ноге с нижестоящим. По Цицерону, дружба придает жизни привлекательность, и нужно искать людей, которые бы отвечали любовью на любовь. Думается, что Саутгемптон не был разочарован в своем друге: Шекспир ответил ему настоящей преданностью и обожанием. Саутгемптон стал влиятельнейшим покровителем Шекспира и во многом способствовал стремительному взлету его карьеры.

К периоду начала дружбы Шекспира с Саутгемптоном относятся поэмы «Венера и Адонис» и «Лукреция», написанные в 1593–1594 годах и посвященные молодому графу. Оба произведения открываются прочувствованными посвящениями высокопоставленному другу автора. В посвящении «Венеры и Адониса» Саутгемптону автор заявляет, что будет считать благоволение покровителя высочайшей наградой и дает «обет пользоваться всеми своими свободными часами и неустанно работать» до тех пор, пока не создаст «более серьезное творение» в его честь. Саутгемптон для Шекспира — личность, на которую возлагает надежды весь мир («the worlds hopefull expecta-

tion»). «Лукреция», как и «Венера и Адонис», преподносится поэтом как «дань» дорогому другу: «То, что я совершил, принадлежит Вам, что я должен еще свершить, тоже Ваше», — гласит посвящение. Более теплый тон, подразумевающий углубление дружеских чувств, связывающих поэта и аристократа, отмечал один из ведущих шекспирологов XIX в. Георг Брандес. Он же подчеркнул, что между поэмами существует тесная связь: поэма о Лукреции служит своеобразным контрастом к «Венере и Адонису». Если в более ранней поэме Шекспир «воспевал целомудрие мужчины, здесь, напротив, — целомудрие женщины; там он описывал необузданную страсть женщины, здесь же преступную любовь мужчины».

Итак, Шекспир дважды выразил намерение посвятить Саутгемптону нечто большее. Обе поэмы затрагивали тему любви чувственной, а «Лукреция», по сути, представляла собой проповедь о пагубных для человека последствиях проявления неконтролируемых разумом животных инстинктов. Так и хочется предположить, что следующая по хронологии работа Шекспира-стихотворца, лиро-эпический цикл «Сонеты», является попыткой создать более достойный памятник прекрасному другу. Более возвышенной, в соответствии с подобной целью, оказывается и трактовка в «Сонетах» темы любви — истинной любовью, по Платону, могла считаться только любовь-дружба, которой один мужчина одаривает другого. Мнение о том, что цикл сонетов Шекспира посвящен Саутгемптону, разделяют многие, но от этого оно, к сожалению, не перестает быть красивой гипотезой, а споры по этому поводу не утихают и по сей день.

По всей вероятности, Шекспир не намеревался публиковать свои сонеты — судя по книге «Сокровищница Паллады» (1598) его современника Фрэнсиса Мереса, первым упоминающего об этой работе Шекспира, они предназначались для узкого круга друзей и ходили в ограниченном количестве рукописных списков. Однако в 1599 г. Уильям Джаггард напечатал томик стихов «Страстный пилигрим», приписав его авторство Шекспиру. Подобная атрибуция вошедших в сборник произведений в настоящее время ставится под сомнение, однако среди них были и два подлинно шекспировских сонета, ныне известных под номерами CXXXVIII и CXLIV.

Лишь в 1609 г., явно помимо воли автора, некий издатель Томас Торп опубликовал полный текст цикла в сборнике «Сонеты Шекспира, никогда прежде не публиковавшиеся». Этот сборник открывался загадочным посвящением: «тому единственному, кому обязаны сво-

им появлением нижеследующие сонеты, господину W.H.». Вопреки распространенному обычаю, посвящение было подписано не автором, а издателем (под текстом стоят инициалы «Т. Т.»).

Сторонники отождествления W.H. с графом Саутгемптоном (Henry Wriothesley) утверждают, что соответствующие его инициалам литеры W и H при наборе были перепутаны местами. Высказывается также мнение, что, поскольку «Сонеты» представляют собой «зеркало», в котором запечатлен образ графа, то и инициалы следует рассматривать в зеркальном отражении. Подобные заявления имеют характер домыслов, не относящихся к науке. Нельзя, впрочем, исключать вероятность того, что за таинственными инициалами скрывался либо Саутгемптон, либо такой же юный Уильям Герберт (William Herbert), граф Пембрук, в равной степени оказывавший покровительство Шекспиру из Стратфорда и заслуживший славу крупнейшего среди вельмож елизаветинской эпохи мецената. Оба потенциальных W.H. были хороши собой, богаты, очень молоды, принадлежали к более высокому кругу, чем Шекспир, покровительствовали поэтам. К любому из них Шекспир мог обратиться как к человеку, которому известие о смерти Елизаветы I могло принести радость: оба графа в последние годы ее правления находились в опале — Саутгемптон был заключен в Тауэр, а Пембрук удален от двора.

Из более экзотических гипотез можно отметить идею о том, что за W.H. скрывается сам Шекспир (William Himself) или же Уильям Холл (William Hall), передавший Торпу тексты бессмертных сонетов. В последней версии учитывается, что слово «begetter» в тексте посвящения может обозначать не только того, кто вдохновил Шекспира на создание цикла, но в равной степени и человека, который передал стихи в руки издателя, — в этом случае у него была веская причина не рекламировать свое полное имя.

Публикация 1609 г. — единственное прижизненное издание «Сонетов». Следующий раз они были напечатаны только в 1640 г. издателем Джоном Бенсоном, который допустил полный произвол в обращении с текстами: он не включил в сборник восемь сонетов из издания 1609 г., а также расставил стихотворения в соответствии со своим собственным пониманием внутренней логики цикла.

XVI век — столетие пышного расцвета драматургии в Англии, связанное с рождением классического английского театра. Эта эпоха в нашем сознании прочно ассоциируется с именем Шекспира. Однако с драмой англичане познакомились значительно раньше — драмы со-

держались в средневековых мираклях и мистериях, но впервые театр как таковой, как светское развлечение, оформился в тюдоровскую эпоху. В начале века популярностью пользовались средневековые жанры — интермедии и моралите. Однако английская драма нуждалась и в более совершенной форме, и в более глубоком понимании человека. Ориентация на постижение классического наследия послужила толчком для знакомства англичан с латинскими комедиями Плавта и Теренция, и трагедиями, в частности с творчеством Сенеки. Если в первые десятилетия XVI в. эти пьесы игрались на школьной сцене, то в середине столетия их стали переводить на английский язык. Вслед за этим, все дальше отходя от образцов, стали появляться и оригинальные английские пьесы.

Подлинный же расцвет театра начался в конце 1580-х годов благодаря так называемым «университетским умам» — драматургам-гуманистам, получившим образование в одном из английских университетов, Оксфордском или Кембриджском. Томас Кид (1558–1594) разрабатывал жанр «кровавой трагедии», Джон Лили (ок. 1554–1606) писал изящные комедии на античные сюжеты, в драмах Роберта Грина (1558–1592) блестяще реализовались темы и сюжеты английского фольклора, а в творчестве Кристофера Марло (1564–1593) значительное место заняли пьесы на историческую тему. Рост самосознания англичан как нации предопределил интерес елизаветинцев и к народному творчеству, и к национальной истории. Отсюда — значительное число исторических пьес-хроник, которые пользовались огромным успехом у зрителей.

К концу XVI в. в Англии было несколько разных видов театра, отличавшихся друг от друга прежде всего аудиторией и технической организацией. Старейшим был придворный театр. Собственные театральные труппы имели не только монархи, но и некоторые аристократы. Параллельно существовали и городские театры, делившиеся на публичные и частные, в отличие от придворных, существовавших на средства владельца-аристократа и посещавшихся только его семьей и гостями. Вход в городские театры был платным. Если зрители городских театров, не принадлежавшие к аристократическим кругам, не имели возможности попасть на представление в придворном театре, то труппы «плебейских» театров нередко приглашались ко двору.

В публичных и частных театрах аудитория была очень пестрой; нередко сюда заглядывали и вельможи. Места для толстосумов находились в ложах, можно даже было купить кресло на краю сцены. Партер

занимало простонародье. Декораций в те времена не было, сценическое действие воспринималось как очень условное. Например, на заднике сцены могла появиться доска с надписью: «Замок», «Лес» и т. п., и этого было достаточно, чтобы публика поняла, где, на каком фоне разворачиваются события. Однако самым примечательным было то, что все роли в театре исполнялись лицами мужского пола, а партии героинь играли безусые мальчишки-подростки. Понимая психологическую глубину женских образов Шекспира, трудно представить, как такой юный актер мог сыграть, скажем, Офелию или Дездемону.

В наше время большинство театральных режиссеров стремится облачить актеров в костюмы, соответствующие времени и месту, в которых разворачивается действие. Во времена же Шекспира понятия национального и исторического колорита находились в зачаточном состоянии и костюмы исполнителей оставались весьма условными. Они должны были отвечать понятиям современников. Очень важным оказывался цвет актерского платья или его отдельных деталей. Цвет позволял указать на некую доминирующую черту характера героя пьесы. Пурпур передавал царственное величие. Белый — невинность. Черный — скорбь, коричневый — старость и мудрость. Зеленый — юность и неопытность. Сложнее всего было с желтым — его оттенкам приписывались самые разные значения. Вспомним еще раз сцену из «Двенадцатой ночи», где Мальволио, руководствуясь сведениями из подметного письма, предстает перед госпожой Оливией в чулках с желтыми подвязками. Выбор их необычного цвета не случаен: современникам Шекспира было понятно, что желтый — цвет безумия и пылкости. Мальволио пылает страстью к Оливии, и внешне это его состояние передается «говорящей» деталью костюма.

Судьба Шекспира как актера и драматурга на протяжении многих лет была связана с труппой Ричарда Бербеда (ок. 1568–1619), одного из лучших трагиков своего времени. В 1597 г. Бербед построил в Лондоне театр «Глобус», пайщиком которого стал и Шекспир. В «Глобусе» ставились драмы, написанные Шекспиром, что в немалой степени делало театр выгодным коммерческим предприятием. У нас нет свидетельств о том, что Шекспир поражал зрителей сценической игрой, однако многие его современники, в том числе и второй по значению драматург этого периода Бен Джонсон, отличали талант Шекспира-драматурга.

В 1612 г. случилось непоправимое несчастье — «Глобус» сгорел. Стареющий и порядком уставший от столичной суеты драматург-

предприниматель отказался от мысли о возрождении собственного театра и вернулся в родной городок, где и провел остаток своих лет.

Сколь ни велики заслуги Шекспира-поэта, возможно, до сих пор не получившие адекватной оценки, он обессмертил себя прежде всего как драматург. Творчество Шекспира принято делить на три этапа: до начала XVII в.; с 1601 по 1609 и с 1609 по 1613 г. К первому периоду относятся уже упоминавшиеся три части «Генриха VI», «Комедия ошибок», а также «Ричард III» (1592–1594), «Тит Андроник» (ок. 1598–1592), «Укрощение строптивой» (ок. 1590–1594), «Два веронца» (ок. 1612–1614), «Бесплодные усилия любви» (ок. 1588–1597), «Ромео и Джульетта» (ок. 1594–1596), «Ричард II», «Сон в летнюю ночь» (обе — ок. 1595–1596), «Король Джон» (ок. 1594–1596), «Венецианский купец» (1596–1597), «Генрих IV. Часть I», «Генрих IV. Часть II» (ок. 1596–1598), «Виндзорские кумушки» (ок. 1597–1601), «Много шума из ничего» (ок. 1598–1599), «Генрих V», «Юлий Цезарь» (обе — ок. 1599), «Как вам это нравится» (1599–1600) и «Двенадцатая ночь» (ок. 1600–1602). Вторым периодом — временем создания «Гамлета» (ок. 1599–1601), «Троила и Крессиды» (ок. 1601–1602); в это десятилетие были написаны также «Конец — делу венец» (1601–1605), «Мера за меру» и «Отелло» (ок. 1603–1604), «Король Лир» (1605–1606) и «Макбет» (1606–1607), «Антоний и Клеопатра» (ок. 1606–1607), «Кориолан» (ок. 1608) и «Тимон Афинский» (ок. 1605–1608). К третьему периоду относятся «Цимбелин» (ок. 1608–1610), «Зимняя сказка» (ок. 1609–1611), «Буря» (ок. 1611), последняя пьеса-хроника Шекспира «Генрих VIII» (1613, постановка), а также считающийся созданным им в соавторстве «Перикл» (ок. 1608–1608).

В драмах Шекспира, названных именами английских монархов, оживают ключевые эпизоды истории страны — прелюдия к событиям времен Шекспира. Уходят в прошлое феодальные смуты, рождается крепкое государство. Наибольшую симпатию драматурга вызывает личность Генриха V, олицетворяющего разум и величие английской монархии. Источниками сюжетов для исторических драм Шекспира служили в первую очередь многотомные «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии», составленные Рафаэлем Холиншедом по более древним документам и впервые опубликованные в 1577 г.

Как и пьесы-хроники, комедии и трагедии Шекспира во многом сюжетно опираются на бытовавшие ранее предания, истории или пьесы других драматургов. Однако ни в коей мере нельзя обвинять Шекспира в отсутствии оригинальности. Каждый заимствованный

сюжет приобретал под его пером необыкновенную легкость, искрящееся веселье либо, напротив, глубокий философский или трагический оттенок. Подобно всем англичанам XVI в., Шекспир был хорошо знаком с итальянской новеллистикой, если не на языке оригинала, то во французских или английских переводах. Сюжет о юных влюбленных, принадлежавших к двум враждующим семьям и восторжествовавших в своей смерти над мирской распрей, неоднократно воспроизводился итальянскими новеллистами, в том числе и Маттео Банделло, у которого герои обрели шекспировские имена (новелла «Ромео и Джульетта. Всевозможные злоключения и печальная смерть двух влюбленных», 1554). Новелла Банделло получила в Англии известность в переложении Уильяма Пейнтера, которое наверняка было знакомо и Шекспиру. Была у его гениальной трагедии и еще одна английская предшественница — поэма Артура Брука «Трагическая история Ромеуса и Джульетты» (1562).

Оценить гениальность интерпретации известного сюжета Шекспиром можно уже по некоторым чертам, придающим трагедии особый, высоко поэтический смысл. Ни у одного предшественника Шекспира не было знаменитой сцены в саду, самого романтического и возвышенного эпизода пьесы! Да и сама Джульетта у Шекспира получилась иной, чем ее литературные предшественницы. Шекспир омолодил героиню, сделал ее четырнадцатилетней непосредственной девочкой, сердце которой широко распахнулось для первой и единственной любви, и именно эта деталь помогла ему превратить пьесу в торжественный и прекрасный в своей трагичности гимн высокой любви — самому божественному чувству, которое дано испытать смертным.

В более поздних трагедиях Шекспира печаль становится менее светлой. Например, в «Гамлете» сама любовь оказывается игрушкой темных сил, одержавших победу в датском королевстве. История Гамлета придумана не Шекспиром: сюжет трагедии восходит к фрагменту латинских «Деяний датчан» датского хрониста Саксона Грамматика (XII—XIII вв.). Новелла о принце Датском фигурировала и в очень популярном среди англичан сборнике «Трагические истории» французского автора Франсуа де Бельфоре. Кроме того, до появления шекспировской трагедии в Лондоне играли пьесу на этот сюжет.

Комедии Шекспира, наряду с сочинениями испанского драматурга Лопе де Веги, принадлежат к числу самых выдающихся образцов комедиографии эпохи Возрождения. Динамизм и жизнерадостное

веселье, блистательные диалоги, комизм положений завораживают зрителей, которые настолько поглощены разворачивающимся на их глазах действием, что не в силах заметить даже некоторые несообразности, допускаемые великим драматургом. Возьмем хорошо всем знакомую комедию «Много шума из ничего». Захваченные словесными поединками Беатриче и Бенедикта, огорченные клеветой, обрушенной на Геро, мы как-то не отдаем себе отчета в том, что Клаудио ведет себя далеко не самым достойным образом по отношению к боготворимой ранее невесте. Более того, мы почему-то совершенно не задумываемся над степенью присущего Леонато здравого смысла: заботливый отец, столько лет лелеявший единственную дочь, с готовностью начинает чернить девушку, как будто обвинение, брошенное Геро, не идет вразрез с тем, что он о ней знает! Лишь Беатриче до глубины души возмущена происходящим и намерена защищать честь кузины.

Однако порой комедии Шекспира ошеломляют психологической глубиной и жизненной правдой. Как многозначна, например, пьеса «Укрощение строптивой»! Петруччо вроде бы подчиняет себе буйную супругу, побеждают «домостроевские» традиции. Однако взгляните попристальнее на Катарину. Перед нами — великая актриса. Устав от глупости мира, она начала играть роль строптивой, чтобы оттолкнуть от себя возможных женихов-недотеп. Может быть, ее отношение к мужу меняется не из-за его строгостей, а потому, что она обнаруживает в нем достойного ее супруга? А может быть, в финале Катарина попросту начинает играть новую роль — образцово-показательной покорной жены?

Шекспира мы знаем и любим, пожалуй, больше, чем любого другого английского автора. Нам кажется, что он всегда, подобно Пушкину, был «солнцем» литературы своего народа. Однако судьба оказалась менее благосклонна к творческому наследию Шекспира, чем можно было бы предполагать. В первые два десятилетия после смерти драматурга слава его оставалась громкой, а произведения пользовались большой популярностью. Однако в суровые годы английской буржуазной революции XVII в., когда театр был под запретом, даже самые известные пьесы Шекспира были основательно забыты. Затем, в период становления в Англии классицизма, Шекспир оказался объектом серьезной критики: в его драмах отсутствовала чистота жанровой природы (элементы трагедии соседствовали с комическими) и грубо нарушались считавшиеся обязательными для драмы правила

единства места, времени и действия. Наиболее выдающиеся представители английского классицизма, впрочем, понимали величие Шекспира и стремились по-своему «улучшить» и «облагородить» его пьесы. В конце XVII в. имя Шекспира было неплохо знакомо любителям театра, однако пьесы его шли в переделках: Томас Отуэй переделал «Ромео и Джульетту» в «Жизнь и падение Кая Мария» (1692), Джон Драйден превратил «Антония и Клеопатру» в любовную драму «Все для любви» (1678), а Наум Тейт «усовершенствовал» «Короля Лира», изменив финал трагедии: Лир вновь стал королем, а Корделия благополучно вышла замуж за Эдгара (пьеса завершилась пышной свадьбой). Понятно, что подобные постановки создавали превратное представление о творчестве Шекспира.

Однако уже с начала XVIII в. громко зазвучали голоса в защиту истинного Шекспира. Издатели сатирико-нравоучительных журналов «Болтун» и «Зритель» Ричард Стил и Джозеф Аддисон связывали борьбу за создание национального английского театра с поддержкой «благородного представления благородных шекспировских образов», с реабилитацией «старого Шекспира». Огромную роль в возрождении интереса к нему сыграл актер и руководитель лондонского театра Друри-Лейн Дэвид Гаррик (1717–1779). Гаррик вел бескомпромиссную борьбу с условиями классицистического театра во имя приближения искусства к природе. Реалистические устремления побудили Гаррика обратиться к наследию Шекспира, и вскоре его драмы заняли основное место в репертуаре театра Друри-Лейн. Пьесы здесь по-прежнему шли в сокращениях и переделках, но вдохновенная игра Гаррика (он исполнял роли в 35 (!) шекспировских пьесах) воспитывала у зрителей интерес и любовь к Шекспиру, помогала понять силу его драматургии.

Несмотря на постоянное возрастание интереса к творчеству Шекспира, его «Сонеты» еще длительное время оставались в тени забвения. Например, они не вошли в собрание сочинений Шекспира, изданное в 1793 г. Подготовивший его Джордж Стивенс пользовался репутацией тонкого знатока Шекспира, однако и он считал, что «Сонеты» безнадежно устарели и покажутся публике не только архаичными, но и тяжеловесными. «Мы не перепечатали «Сонеты» и другие лирические произведения Шекспира, поскольку даже самое строгое постановление парламента не расположит читателей в их пользу», — писал Стивенс и выражал уверенность, что имя Шекспира было бы давно забыто, если бы он оставил нам только свои сонеты.

Коренной перелом в отношении к творчеству Шекспира происходит на рубеже XVIII—XIX вв. В 1800 г. молодые поэты-романтики Сэмюэл Тейлор Колридж и Уильям Вордсворт выпустили второе издание своего совместного сборника «Лирические баллады», которое отличалось от первой публикации 1798 г. тем, что ему было предпослано предисловие, считающееся первым литературным манифестом романтических принципов в английской литературе. В нем, в частности, провозглашался культ Шекспира. С этого момента начинается подлинно научное изучение его наследия, а к середине XIX в. знание творчества Шекспира становится таким же неперенным атрибутом образованного человека, как знание античных классиков в тюдоровскую эпоху.

«Князь поэтов» Эдмунд Спенсер

XVI в. в целом был отмечен становлением английской художественной прозы — ведь многие темы, образы и даже сюжеты заимствовались драматургами, в том числе и Шекспиром, из популярных в то время новеллистических сборников, содержавших как переводы с французского, итальянского или испанского, так и сочинения английских авторов. Современниками Шекспира были и блистательные поэты — Филип Сидни, Уолтер Роли, Фулк Гревилл, Сэмюэл Дэниел, а также Эдмунд Спенсер (ок. 1552–1599), величайший поэт английского Возрождения, названный современниками «князем поэтов».

До нас дошло немало произведений Спенсера, хотя нет сомнения в том, что значительная часть его сочинений утрачена: в молодые годы он писал веселые пьесы в итальянском вкусе, ни одна из которых не сохранилась. О самом Спенсере, как и о Шекспире, известно очень немного. Как полагают его биографы, поэт появился на свет в Лондоне, где его отец занимался торговлей мануфактурой. У лондонских Спенсеров были богатые родственники, жившие в Уорикшире и выбившиеся в аристократическую среду благодаря деньгам, нажитым на разведении овец, шерсть которых пользовалась большим спросом на ткацких мануфактурах. Однако удачливая ветвь семейства предпочитала не поддерживать родственные связи с бедняками, и Эдмунду Спенсеру приходилось во все времена рассчитывать только на собственные силы и милость Провидения.

Судьба была не слишком благосклонна к гению, но все же иногда дарила ему удачу. Спенсеру повезло, что его приняли бесплатным

учеником в только что открытую гильдию торговцев тканями школу, которой руководил Ричард Мулкастер, выдающийся педагог, стремившийся развивать не только умственные и физические, но и духовные качества своих учеников. Мальчики изучали в школе древние языки — уже в юности Спенсер владел латынью, древнегреческим, древнееврейским и французским, что оказалось необходимым для знакомства как с античной, так и современной ему зарубежной литературой. Мулкастер, по-видимому, первым оценил выдающиеся поэтические способности Спенсера, и первые стихотворные опусы поэта были опубликованы во многом благодаря его посредничеству. Скорее всего, именно Мулкастер познакомил Спенсера с голландцем Яном ван дер Нотом, искавшим человека, который перевел бы на английский стихотворные фрагменты из написанной им антикатолической книги «Театр, в котором будут в равной степени представлены несчастья и беды, проистекающие из сластолюбивой мирской жизни, а также великие радости и удовольствия, которыми наслаждаются праведные».

Ян ван дер Нот, уроженец Антверпена и пламенный кальвинист, в 1567 г. бежал в Англию, где год спустя напечатал свой труд на фламандском и французском языках. Английский вариант «Театра» был опубликован в 1569 г. Желая привлечь внимание читателей к своему памфлету, ван дер Нот разнообразил прозаический текст стихотворными фрагментами, носящими характер пророческих видений. Для большей убедительности (и внешней привлекательности издания) содержание видений иллюстрировалось гравюрами. Среди приведенных в книге стихотворных фрагментов шесть представляют собой видения, восходящие к текстам Петрарки (во французском варианте использовались их весьма вольные переводы на французский язык, выполненные К. Маро); одиннадцать видений, в которых в символично-аллегорической форме изображается падение Рима, являются весьма точными переводами стихотворений Ж.Дю Белле. Еще четыре видения принадлежат самому ван дер Ноту. В качестве сюжетов для них автор «Театра» избрал яркие, запоминающиеся образы из Апокалипсиса.

Подобно тому, как откровения св. Иоанна Богослова имели своей целью утешить ранних христиан среди гонений и рассеять их опасения за будущность избранной ими религии, ван дер Нот надеялся вдохнуть своим трудом бодрость в сердца притесняемых католиками единоверцев. Само количество стихотворных фрагментов — их

Эдмунд Спенсер

в книге двадцать два — также, по-видимому, неслучайно, оно подсказано структурой Апокалипсиса, в котором насчитывается ровно такое же количество глав. Избранные ван дер Нотом апокалиптические образы — это зверь с семью головами и десятью рогами, женщина в пурпурных одеждах, восседающая на том чудовище, Слово Божие на белом коне, а также Новый Иерусалим, становящийся уделом праведников не только на небе, но и на земле.

Опыт работы над переводами для «Театра» стимулировал интерес Спенсера к жанру видения, а изобилующие в книге аллегорические и символические образы оставили глубокий след в памяти впечатлительного юноши. Апокалиптические образы видений ван дер Нота нашли преломление в зрелом творчестве Спенсера. В книге I «Королевы фей», самого знаменитого произведения Спенсера, колдунья Дуэсса описывается как женщина в пурпурном облачении, разъезжающая на многоглавом чудовище, и этот образ перекликается с изображенными ван дер Нотом дамой и семиглавым зверем. По всей вероятно-

сти, Спенсер вспомнил и о Новом Иерусалиме, упоминавшемся ван дер Нотом, когда в песне 10 книги I «Королевы фей» живописал представшее перед глазами Рыцаря Красного Креста чудесное видение небесного града. Вслед за автором «Театра» поэт упоминает паривших над городом ангелов, утверждая, что красота его стен и башен, сложенных из жемчуга и всевозможных самоцветов, такова, что не во власти смертного подобрать слова для должного ее описания.

Ранние поэтические опыты Спенсера, опубликованные в английском издании «Театра», представляют собой важнейшее косвенное свидетельство о наименее известном этапе жизни поэта. Одно то, что шестнадцатилетнему Спенсеру доверили перевод поэтических фрагментов для серьезной книги агитационного характера, доказывает не только антикатолические настроения юного поэта и его равнодушие к религиозным проблемам. Важно также, что уже тогда одаренного и прилежного юношу выделяли среди прочих учеников школы и признавали за ним поэтический талант. Кроме того, «Театр» — красноречивое доказательство знакомства юного Спенсера с современной ему европейской поэзией вообще и с сонетной формой в частности.

По окончании школы Мерчант-Тейлорз Спенсер продолжил образование в Кембриджском университете, где изучал богословие. В Кембридже талантливому юноше предоставили возможность учиться бесплатно — он оказался на положении бесплатного студента, «сайзера», который, помимо занятий, должен был «отрабатывать» право на учебу исполнением определенного круга обязанностей по колледжу Пембрук-холл. Слово «сайзер» происходит от size — так называлась порция хлеба и эля, которые выдавались неимущему студенту. Не приходится сомневаться, что и в новой обстановке Спенсер проявил себя с лучшей стороны; в 1573 г. он получил степень бакалавра, а в 1576 г. — степень магистра.

Дальнейшие несколько лет жизни Спенсера плотно скрыты от наших взоров пеленой времени, и можно лишь с точностью сказать, что в 1578 г. ему было предложено место личного секретаря Джона Янга, епископа Рочестерского, который в университетские годы поэта возглавлял колледж Пембрук-холл. Приняв предложение, Спенсер переезжает в Кент, где в свободное от должностных обязанностей время получает возможность любоваться размеренной и внешне безмятежной сельской жизнью. Впоследствии воспоминания о Кенте отразятся в идиллических картинах, нарисованных им в его сочинениях.

Примерно через год при неясных обстоятельствах Спенсер переезжает в Лондон и поступает на службу к всеильному фавориту королевы Елизаветы Роберту Дадли, графу Лестеру, в доме которого знакомится с его блистательным племянником, поэтом Филипом Сидни, о котором говорили как об одном из первых джентльменов Европы.

В Сидни Спенсер обрел родственную душу — оба молодых человека мечтали о возвышении национальной поэзии до европейского уровня, оба были склонны к творческим экспериментам по синтезу античных, зарубежных ренессансных и национальных традиций, на стыке которых рождались их лучшие творения, обоим занимала проблема реформирования национальной поэзии и ее языка. Трудно сказать, насколько были близки поэты. Но свое глубочайшее преклонение перед талантами Сидни Спенсер высказал, посвятив ему свой первый большой оригинальный труд — пастораль «Пастушеский календарь» (1579), в создании которого поэт ориентировался на античные традиции пасторали. Однако возможно, что замысел поэмы был подсказан Спенсеру и популярными в XVI в. «сельскими альманахами» — сборниками всевозможных рекомендаций, адресованных сельским жителям.

Появлению «Пастушеского календаря» Спенсера предшествовало восемь английских изданий переведенного с французского «Календаря пастухов» — своеобразного сплава собственно календаря, альманаха, нравоучительных пассажей, а также руководств по медицине, астрономии и астрологии. Основная тема поэмы связана с историей неразделенной любви Колина Клаута, имя которого Спенсер позаимствовал из стихотворения «Колин Клаут» английского поэта Джона Скелтона (ок. 1460–1529). Скелтон вошел в историю английской литературы как автор, для произведений которого была характерна антикатолическая направленность. Вслед за своим предшественником Спенсер также вводит в свою пастораль критику клира и сочетает эти мотивы со злободневной политической проблематикой.

Поэму «Пастушеский календарь» можно рассматривать и как аллегорическое агитационное произведение (Спенсер твердо усвоил урок ван дер Нота), затрагивающее щекотливую тему «французского брака», столь волновавшую покровителя Спенсера и фаворита королевы Елизаветы I графа Лестера, крайне обеспокоенного возможностью вступления государыни в брак, тем более — с католическим принцем. По-видимому, поэт прекрасно сознавал смелость своего сочинения и отчасти по этой причине предпочел опубликовать его анонимно.

Учитывая крутой нрав Елизаветы, подобные предосторожности не были излишними: в сентябре 1579 г. был арестован и приговорен к отсечению правой руки Джон Стаббс, опубликовавший памфлет, в котором сравнивал последствия брака королевы с французским герцогом с падением Англии в зияющую пропасть. Однако популярность «Пастушеского календаря» пережила «агитационный период»: только при жизни поэта, с 1579 по 1597 г., вышло целых пять его изданий!

В 1580 г. Спенсер покинул Лондон и отправился в Ирландию. Этот поворот в его судьбе часто объясняют желанием поэта скрыться от возможных тягостных последствий реакции Елизаветы на публикацию «Пастушеского календаря». Однако возможно и другое объяснение. Человеку из низов, каким был Спенсер, пусть самому одаренному, гораздо легче было сделать карьеру в провинции, чем при английском дворе. Служба в Ирландии, где то и дело вспыхивали антианглийские бунты, была делом опасным и, соответственно, хорошо вознаграждалась, а для вечно нуждавшегося Спенсера это было весьма существенным ее преимуществом. Наконец, жизнь в провинции во все времена была дешевле жизни в столице.

Спенсер прибыл на Изумрудный остров в качестве помощника лорда Грея, только что назначенного уполномоченным представителем короны в Ирландии, и в 1580-е годы играл заметную роль в английской администрации на острове.

За восемнадцать лет, что он прожил в этой стране, ему не раз приходилось участвовать в карательных акциях. Жизнь поэта в эти годы можно сравнить с существованием на пороховой бочке. Около 1580 г. в Ирландии началась контрреформация — естественная реакция населения на насильственное насаждение англиканства. На фоне усиления угрозы испанского вторжения положение англичан в Ирландии становилось все более критическим. Особенно нелегко пришлось им в 1588 г., когда к Британским островам двинулась «Непобедимая армада». Очевидно, в эти дни Спенсер оказался на высоте и внес свой вклад в организацию береговой обороны острова в местах предполагаемой высадки испанцев. По крайней мере, на следующий год он стал владельцем замка Килколман (тот был формально пожалован ему в 1590 г.) в провинции Манстер и поместья площадью 3 тыс. акров. Соседом Спенсера по имению оказался Уолтер Роли. Свидетельством крепнувшей дружбы с ним была публикация посвященной Роли поэмы Спенсера «Возвращение Колина Клаута» (1591; опубл. 1595), написанной под впечатлением от их совместной поездки в Англию в 1589 г.

Начало 1590-х годов принесло поэту немало радостей, главной из которых была встреча с Элизабет Бойл, ставшей 11 июня 1594 г. его женой. Личное счастье в немалой степени способствовало тому, что ведущей темой творчества поэта в начале-середине 1590-х годов оказалась любовь. В качестве свадебного подарка поэт преподнес невесте цикл сонетов «Amoretti» и «Эпиталаму», написанную ко дню их бракосочетания. В 1595 г. оба сочинения были опубликованы в одном переплете, на титуле которого значилось, что написаны они «незадолго до этого». Взятые вместе, оба сочинения представляют собой единый, глубоко личный рассказ-исповедь о периоде ухаживания поэта за своей возлюбленной и передают его ликующее торжество в день долгожданной свадьбы. Итальянское слово *amoretti*, вынесенное в заглавие сонетного цикла, означает «маленькие любовные послания». Тем самым Спенсер допускает отступление от восходящей к Петрарке традиции европейских сонетистов упоминать в заглавиях циклов имена возлюбленных. Лишь однажды, в сонете LXXIV, он называет имя любимой — Элизабет, — особенно дорогое для него потому, что так зовут королеву и звали мать поэта.

Тема сонетов Спенсера оказывается значительнее, чем простое воспевание совершенств Дамы сонетов и сетования на ее холодность или недоступность. Речь идет о любви, которая, пройдя через множество испытаний, восторжествовала, об оттенках этого всепоглощающего чувства. Отступает поэт и от характерной для поэтов-петраркистов практики изображения любви несчастной; конечно, сперва лирический герой сонетов томится муками неразделенной любви, но затем в его отношениях с дамой наступает счастливый перелом, она снисходит до него, одаряет его своей любовью, что рождает в душе поэта сонм радужных надежд и делает вынужденную — в силу не совсем ясных внешних, возможно служебных, обстоятельств — короткую разлуку с любимой почти невыносимой. «Эпиталама» же, выдержанная в гимнической традиции, передает и душевный восторг жениха, и его нетерпение в ожидании той минуты, когда, наконец, он сможет по-настоящему назвать Элизабет своей. Поэт заглядывает в вечность, которую приоткрывает ему любовь.

Для сонетов Спенсер разработал новую изощренную схему рифм, до него не применявшуюся: *ababbcbccdcdee*. Строфы «Эпиталамы» рифмуются тоже по весьма сложной схеме: *ababccbcbbdfeegg*, причем 23 из 24 строф поэмы завершаются рефреном с постоянной рифмой и варьирующимся словесным наполнением. Не менее сложной оказы-

вается и структура всего сборника «Amoretti и Эпиталама». Обращает на себя внимание очень бережное отношение Спенсера к числовой гармонии. Если пронумеровать подряд не только сонеты, но следующие за ними анакреонтические строфы и строфы «Эпиталамы», то в самом начале второй половины сборника окажется сонет LXII, тематически открывающий счастливый период ухаживаний поэта.

Хронологически «Amoretti» охватывают около полутора лет, «Эпиталама» — один день Св. Варнавы, 11 июня 1594 г., на который пришлось бракосочетание поэта с Элизабет Бойл. Даже по природным параметрам этот день занимает исключительное положение среди прочих дней старого календаря, будучи днем летнего солнцестояния. Самый светлый день года стал самым светлым днем жизни Спенсера.

При первом же прочтении поэмы бросается в глаза привязанность событий праздника к времени суток — действие начинается на заре и завершается наступлением благословенной ночи любви, которую поэт желал бы продлить на трое суток. Структура поэмы стала памятником великому дню. Двадцать четыре строфы поэмы соответствуют двадцати четырем часам, составляющим сутки. Общее число длинных строк — 365 — равно количеству дней в году. Подсчитав количество укороченных строк и получив число 68, можно предположить, что оно представляет собой сумму числа недель, месяцев и сезонов в году.

Господствующей концепцией любви во времена Спенсера была теория ее разных видов — любви, рождающейся под влиянием чувственной или небесной красоты. Первый вид, чувственная любовь, состоит из плотского вожделения, желания телесного слияния с красотой. Это животная, неразумная любовь. Человеческая же, разумная, рождается из желания души слиться с красотой разумом. Оба этих вида любви являются естественными для большинства людей. Как писал итальянский неоплатоник Пико делла Мирандола, «те, у кого благодаря философским штудиям интеллект очищен и просветлен, сознают, что чувственная красота — образ другой, более совершенной красоты, и, оставив любовь к ней, стремятся к созерцанию небесной красоты. Это — третья любовь, вкусивший хотя бы отчасти любви небесной, сохраняет о ней воспоминание»⁶.

Неоплатоники полагали, что источником красоты является Бог, с которым жаждет воссоединиться душа, а земная любовь может воз-

⁶ Пер. Л. Брагиной (Эстетика Ренессанса: в 2 т. Т. 1. М., 1981. С. 298–299).

высить человека до степени любви созерцательной. Спенсер в «Amoretti» выделяет следующие этапы развития любви: влюбленный так исполнен страсти, что не видит вокруг ничего, кроме своей Дамы сердца, все его помыслы сосредоточены на ней. Его чувственность разжигается до такой степени, что он «голодным взором пожирает возлюбленную» (сонет XXXV), в то время как она не обращает на него внимание; более того, его пыл лишь усиливает ее равнодушие, в свою очередь, усугубляющее страдания влюбленного. Однако страдания эти оказываются целительными, возвышающими и облагораживающими душу кавалера. Как любовь к Лауре вела Петрарку к небесам, так и любовь к Элизабет возвышает душу Спенсера. Любовь к женщине становится частью любви к Богу, и поэт обращается к Даме сонетов с призывом любить друг друга так, как должно, ибо «любовь — тот урок, который преподал нам Господь» (сонет LXVIII). Лирическому герою «Amoretti» не удастся абстрагироваться от земной любви, но он четко следует неоплатонической схеме возвышающей любви. Однако «Amoretti» плавно перетекает в «Эпиталаму», и вместо любви небесной поэт воспекает супружескую. По-видимому, такая трактовка темы любви возникла у Спенсера под влиянием характерного для протестантов очень серьезного и ответственного отношения к брачным узам.

Поведав сугубо частную историю любви, Спенсер перешел к обобщенному изложению своих взглядов в цикле «Четыре гимна» (1596), самом философском из созданных им произведений. Не ставя перед собой задачу сформулировать некую оригинальную концепцию любви, поэт стремится упорядочить, привести в некое гармоничное соответствие представления о ней, распространенные в его время. В распоряжении Спенсера была богатая литературная традиция: он опирался на опыт Данте и Петрарки, был знаком не только с идеями флорентийских неоплатоников, но и с учением самого Платона, знал труды Аврелия Августина, адаптировавшего учение Платона применительно к христианской доктрине; однако наиболее вероятным источником представлений о неоплатонической доктрине любви является книга диалогов «О придворном» Б. Кастильоне, хорошо известная в елизаветинской Англии, в том числе и в переводе Т. Хоби.

Считается, что «Гимн во славу Любви» и «Гимн во славу Красоты» были написаны Спенсером в молодые годы, а «Гимн во славу Небесной Любви» и «Гимн во славу Небесной Красоты» — в середине 1590-х годов. Первая пара гимнов прославляет Купидона и Венеру, вторая — Христа и Мудрость. При этом оба гимна во славу любви связаны с высшими

существами мужского пола, а прославления красоты — с женскими образами. Венера и Мудрость всегда находятся над миром людей, в то время как и Купидон, и Христос спускались на землю. Купидон, бог земной, чувственной любви, поработщает и тиранит людей; Христос же, являясь олицетворением Любви Небесной, идет в мир, чтобы служить людям, чтобы очистить их от греха. Человек, попавший в плен к Купидону, настолько захвачен желанием обладать возлюбленной, что видит в ближних своих только возможных соперников в любви. В «Гимне во славу Небесной Любви», напротив, утверждается, что человек должен всегда выказывать любовь и сострадание к другим людям. Влюбленный первых двух гимнов исключил подлинно духовный мир последних двух гимнов из своего парадиза удовольствий, а возвышенный христианин, образ которого выведен Спенсером в завершающей паре гимнов, стремится отречься от царства Купидона. Описывая и того, и другого, Спенсер словно желает показать грани любви и красоты, отдавая предпочтение их духовным ипостасям, но не отвергая категорически форм их земного проявления.

В ирландский период жизни Спенсер создал и свое самое масштабное и знаменитое произведение — эпическую поэму «Королева фей». Первое упоминание о поэме относится ко времени пребывания Спенсера в Лондоне — о ней говорится в переписке Спенсера и Харви, опубликованной последним в 1580 г. Первые три книги «Королевы фей» были написаны к 1589 г., следующие три — к 1596 г., когда в Лондоне увидело свет издание всех шести книг, вышедших под названием «Королева фей. Изложенная в двенадцати книгах, отражая двенадцать нравственных добродетелей». Об объеме поэмы можно судить хотя бы по тому, что каждая книга, в свою очередь, делилась на двенадцать песней. Воспетыми оказались такие добродетели, как благочестие, умеренность, целомудрие, дружба, справедливость и вежество. Незаконченная книга VII была опубликована уже после смерти Спенсера. В соответствии с традицией, восходящей к гомеровскому эпосу, эпическая поэма должна была состоять из 24 частей — по числу букв в древнегреческом алфавите, и изначально Спенсер намеревался написать двенадцать книг, посвященных нравственным добродетелям, а затем еще двенадцать, посвященных воспеванию государственных и политических добродетелей. Такой план оправдывал посвящение «Королевы фей» Елизавете I. Однако со временем намерения Спенсера изменились, а смерть не позволила поэту осуществить задуманное до конца.

Решая актуальную для своего времени задачу создания национального героического эпоса, поэт взял за основу сказания о подвигах легендарного короля Артура и рыцарей Круглого стола, наиболее полно изложенные Томасом Мэлори в собрании рыцарских романов, опубликованных им в 1485 г. под названием «Смерть Артура». Действие поэмы Спенсера разворачивается в фантастическом мире, населенном феями и эльфами, гигантами и уродами, чародеями, драконами, прекрасными дамами и благородными рыцарями, персонифицирующими определенную нравственную добродетель: Рыцарь Красного Креста (Редкросс) — благочестие, Артегалл — справедливость, Гийон — умеренность, Калидор — куртуазную учтивость и т. д. Из этих рыцарей особо выделяется Артур, с которым в первую очередь связана тема королевы фей Глорианы, вдохновительницы всех подвигов, совершаемых в поэме рыцарями. К сожалению, написанные Спенсером фрагменты поэмы не дают возможности оценить замысел в целом: в письме к Роли, предпосланном изданию первых трех книг «Королевы фей», он пояснял, что самостоятельные сюжетные линии каждой книги будут сведены вместе только в двенадцатой книге поэмы. Но и того, что Спенсер успел написать, с лихвой хватило, чтобы на целых четыре столетия увлечь читателей разгадкой смысла его волшебных строк.

В сказочном мире «Королевы фей» проступали черты реальной Англии конца XVI в. Его леса, реки и поля напоминали характерные английские пейзажи, а в образах действующих лиц оказались запечатлены многие современники Спенсера. В письме к Роли поэт не скрывал, что целый ряд героев и героинь созданы им для прославления великих современников. Своего покровителя графа Лестера Спенсер вывел в образе доблестного короля Артура, У. Роли был изображен им как Тимиа, лорд Грей, под началом которого он начинал служить в Ирландии, стал Артегаллом, а знаменитый адмирал Говард, отличившийся при разгроме «Непобедимой армады», — Маринелем. Образы таких благородных героинь поэмы, как Глориана, дева-воительница Бритомартис, Бельфеба и Марсилла, были списаны с королевы Елизаветы. В гротескных, карикатурных образах Спенсер запечатлел тех, кто в глазах его соотечественников был врагом Англии. Это прежде всего Филипп II Испанский (Герионео), неудачливый жених Елизаветы герцог Анжуйский (Брагадоккио) и Мария Стюарт (Дуэсса). Сходство последней с реальным прототипом было настолько сильным, а изображение ее в поэме столь непочтительным, что сын

казненной королевы Яков VI Шотландский почувствовал себя оскорбленным и направил в Англию протест.

Чарующая атмосфера рыцарской поэмы не может существовать без любви, и в «Королеве фей» поэт вновь обращается к излюбленной теме своего творчества, подробно останавливаясь на том, какое благотворное и возвышающее влияние оказывает на человека любовь. Она способствует облагораживанию нрава, служит источником рыцарской доблести, а также в итоге приносит человеку счастье, хотя порой ее муки и заставляют его страдать.

У творческого наследия Спенсера была счастливая судьба. Классицисты восхваляли его за стремление применить достижения классики в современной англоязычной литературе, романтики боготворили за беспредельный полет фантазии. В начале XIX столетия интерес к творчеству Спенсера разгорелся в Англии с новой силой и не угасает в наши дни.

АНГЛИЯ ПРИ ПЕРВЫХ СТЮАРТАХ

ПРЕСТОЛОНАСЛЕДНИК

10 марта 1603 г. с Елизаветой, страдавшей многочисленными старческими недугами, случился удар. Она замертво рухнула на пол, и многие подумали, что королева преставилась. Тем не менее через некоторое время королева пришла в себя. Она по-прежнему сохраняла способность говорить, но мысли ее путались. Придворные пытались уговорить Елизавету лечь в постель, что было совершенно необходимо в ее тяжелом состоянии. Однако королева упрямо отказывалась, утверждая, что никогда не поднимется вновь, если позволит себе улечься в кровать. Пришлось подчиниться воле утасаживающей государыни, и она целых десять дней пролежала на подложенных под нее подушках прямо на том месте, где упала, когда ей стало плохо. Все это время она категорически отказывалась принимать пищу. Затем королеву все же удалось убедить перенести ее в опочивальню. Все понимали, что жить ей осталось считанные часы.

В соответствии с законом о престолонаследии преемником Елизаветы должен был стать Уильям Сеймур, сын графа Хартфорда и леди Кэтрин Грей. Однако потенциальный престолонаследник в глазах многих не был столь уж очевидным претендентом на английскую корону: его считали незаконнорожденным. Родители Уильяма состояли в браке, который, однако, был заключен тайно, а некоторые были убеждены, что союз отца и матери Сеймура и вовсе не освящен церковью.

Елизавета никогда не говорила об Уильяме Сеймуре как о своем преемнике, да и вообще старательно избегала разговоров о смерти. Теперь же, когда дни ее были сочтены, она назвала престолонаследником Якова VI Шотландского, который приходился ей двоюродным внуком по линии ее старшей тетушки Маргариты (он вззошел на английский престол под именем Якова I).

23 марта 1603 г. великой королевы не стало. Новый английский монарх Яков получил корону двух королевств одновременно. Первые после столетий вражды Англия и Шотландия оказались объединенными на основе личной унии. Определением наследника престола Елизавета сделала еще один сильный политический ход, желая обеспечить мир своему королевству.

Выбор Елизаветы был, безусловно, дальновидным и мудрым, однако нельзя сказать, что родоначальник династии Стюартов на английском престоле представлял собой идеального престолонаследника. Новому английскому государю не хватало не только стати и величия, но также смелости и рассудительности. Детство, пришедшееся на весьма непростой период шотландской истории, зависимость от протекторов, манипулировавших Яковом с годовалого возраста, наложили отпечаток на его характер и психику. Так, новый английский король страдал манией преследования и страшно боялся, что к нему подойдут убийцы. Из-за этого он всегда носил одежду из простеганной плотной ткани, которую трудно было бы пропороть кинжалом. Любимым цветом короля был зеленый. Яков увлекался охотой и вместо шпаги носил на боку охотничий рожок.

Всего через месяц после смерти Елизаветы Яков был в Лондоне и с тех пор побывал в Шотландии только один раз в 1617 г. Его радость по поводу обретения английской короны была такова, что он буквально осыпал милостями всех, кто был рядом с ним или встречался на пути: только по дороге из Эдинбурга в Лондон он возвел в рыцарское звание около двухсот человек. Щедрые жесты не прекращались и по въезде короля в столицу: за три месяца пребывания в Лондоне рыцарями сделались еще семьсот человек, а количество пэров Англии увеличилось на шестьдесят два человека.

Первые шаги Якова I как будто свидетельствовали о его намерениях проводить политику, преемственную по отношению к политике Елизаветы. Мудрейший из советчиков покойной королевы лорд Берли, умерший в 1598 г., убеждал Елизавету в необходимости прекращения войны с Испанией, которая уже давно потеряла вся-

Яков I

кий смысл. Яков последовал этому совету сразу же по восшествии на престол, и в 1604 г. между Англией и Испанией был подписан мирный договор.

Государственным секретарем при Якове I стал Роберт Сесил, второй сын лорда Берли, исполнявшего эту должность при Елизавете. Подобное назначение пришлось по вкусу далеко не всем. Если прежде Сесил и Роли выступали заодно против Эссекса, то теперь они стали врагами. Роли и его единомышленник лорд Кобхэм выступили инициаторами заговора против Сесила, смысл которого заключался в том, чтобы захватить короля и принудить его к смещению неугодного государственного секретаря. Заговор был раскрыт, Кобхэм малодушно сознался во всем, оговорив Роли. Тот, однако, поставил судей в тупик, блестяще опровергнув все предъявленные ему обвинения. Тем не менее суд объявил его виновным в государственной измене.

Роли был приговорен к смертной казни — ему ставили в вину подстрекательство испанцев к вторжению в Англию. Казнь, однако, была отсрочена, и Роли провел в Тауэре целых тринадцать лет. Лишь тогда

король позволил ему направиться на поиски золота в Новый Свет. С него взяли слово, что во время экспедиции его нога не ступит на принадлежащие испанской короне земли. В противном случае ему грозило исполнение смертного приговора.

Экспедиция Роли завершилась неудачей. Золота она не нашла. Роли думал было поохотиться на испанские корабли, надеясь поживиться за счет их грузов. Однако его капитаны наотрез отказались заниматься пиратством, и Роли пришлось возвращаться на родину с пустыми руками. По прибытии в Англию он не смог доказать, что выполнил обязательство не сходить на испанскую землю, — да и кто в те времена мог с точностью сказать, где именно она начиналась и кончалась в Новом Свете. Теперь участь Роли была решена — в 1618 г. он взшел на эшафот и принял смерть по старому обвинению в государственной измене.

Роли был последним из плеяды героев елизаветинской эпохи: мореплаватель и воин, государственный деятель, поэт и историк, он представлял собой совершенный образец человека эпохи Возрождения. Однако подобно Фрэнсису Дрейку Роли был убежден, что в водах Нового Света не может быть мира, а грабеж испанских судов даже в мирное время является высшей добродетелью.

ПОРОХОВОЙ ЗАГОВОР

Одной из наиболее сложных проблем, с которой столкнулся при вступлении на английский престол Яков I, оказалась проблема религиозной терпимости. Пуритане были недовольны королем потому, что он не желал упразднить институт епископства. В январе 1604 г. к Якову прибыла большая делегация священнослужителей-пуритан, просивших разрешить им не облачаться в стихари при богослужении и упростить некоторые религиозные обряды. При этом пуритане даже не помышляли о том, чтобы отделиться от англиканской церкви. Яков спокойно слушал просителей до тех пор, пока кто-то из них не заговорил о пресвитерианстве. Короля словно подменили. «Шотландское пресвитерианство так же согласуется с монархией, как Господь с дьяволом, — воскликнул он. — Всякие Джеки, Томы, Уиллы и Дики будут собираться, чтобы от души порицать и меня, и мой государственный совет. Пока я не обленился, даже не помышляйте об этом». В итоге пуританам было приказано либо подчиниться правилам госу-

дарственной англиканской церкви, либо сложить с себя священнические полномочия. С этого момента девизом короля стало: «Нет епископа — нет короля!» Подобно Елизавете, он использовал епископов для того, чтобы не допустить высвобождения священнослужителей из-под власти государства. Понятно, что обласканные Яковом епископы были довольны новым королем, чего никак нельзя было сказать о пуританах.

С призывами к веротерпимости обращались к Якову I и католики. В первый год его царствования у них появились надежды: Яков отменил штрафы за непосещение англиканских богослужений. Вскоре количество людей, ходивших на церковные службы, заметно сократилось. Обеспокоенный король в феврале 1604 г. издал указ об изгнании из Лондона всех католических священнослужителей. В ответ на это группа католиков, во главе которой стоял джентльмен Роберт Кэтсби, вступила в заговор с целью устранения короля, чинящего притеснения их единоверцам. Заодно было решено отомстить и как можно большему числу членов парламента, допустившего ужесточение законов против католиков.

Разрабатывая душегубские планы, Кэтсби и его сообщники думали и о будущем монархии. У короля было трое детей: сыновья Генрих и Карл и маленькая дочка Элизабет (Елизавета). Заговорщики считали, что принцы должны разделить участь отца, а девочку предполагалось возвести на престол и воспитать в католической вере. Наиболее подходящим моментом для террористического акта заговорщики сочли день открытия парламента, поскольку на этой церемонии присутствовали не только его члены, но и король, — надо было просто в нужный момент взорвать здание парламента.

По предложению участника заговора Томаса Уинтера для осуществления взрыва был приглашен бывалый солдат и ревностный католик Гай (Гвидо) Фокс. Активную роль в заговоре играли также Томас Перси и Джон Райт.

План грандиозного взрыва был разработан в мельчайших деталях. Сняв дом в Вестминстере, заговорщики пробили подземный ход в подвал, находившийся прямо под палатой лордов, и внесли в него тридцать шесть бочонков с порохом, спрятав их под грудой угля и вязанок хвороста. По мере того как близилось открытие парламента, ряды заговорщиков пополнялись — к ним примкнули Эдвард Бейнхэм, Эверард Дигби, Амброуз Руквуд и Фрэнсис Трэшем. Гай Фокс, умевший обращаться с порохом, по-прежнему оставался ключевой

Казнь Гая Фокса

фигурой заговора. Другие участники помогали деньгами, обещали в день взрыва расставить в нужных местах лошадей, чтобы Фокс и его спутники могли быстро покинуть столицу. На Темзе стоял корабль, готовый немедленно пуститься в путь и перевезти заговорщиков во Фландрию. Наконец, определилась и дата взрыва — открытие парламента должно было состояться 5 ноября 1615 г. Вечером накануне этого события Фокс пробрался в начиненный порохом подвал и начал готовиться к взрыву.

Если бы заговорщики сразу ограничили число посвященных в тайну, их дьявольская задумка могла бы вполне увенчаться успехом. Однако по мере роста числа заговорщиков шансы сохранить дело в секрете резко сокращались. Собственно, ни один из участников заговора тайны так и не выдал. Однако Трэшем, который не желал, чтобы вместе с другими членами парламента погиб его родственник лорд Монтигл, послал ему сбивчивое и загадочное письмо, в котором умолял держаться подальше от парламента в день его открытия. Содержавшихся в письме намеков было достаточно, чтобы возбудить подозрения. Монтигл показал странное послание королю и его советникам, после чего было решено схватить злоумышленников с поличным, подвергнув здание парламента самому тщательному осмотру.

Гай Фокс был на месте уже 4 ноября. Бдительно следившие за происходящим вокруг палаты лордов люди короля увидели, как он вошел в подвал. Наблюдение было усилено. Уже пробило полночь, когда Фокс, которому надоело сидеть одному в подвале, решил выйти подышать свежим воздухом. Именно в этот момент его арестовали. При нем был фитиль, кремль и огниво, а также часы — с головой выдавало его намерения.

Арестованного доставили прямо в королевскую спальню. Яков I вел себя с редким самообладанием. Он лишь поинтересовался, как у Фокса хватило духу решиться на убийство такого большого числа людей. Совесть злоумышленника, религиозного фанатика, была абсолютно спокойна, когда он дерзко ответил: «Для лечения чудовищных болезней требуются и чудовищные средства».

Как государственного преступника Фокса препроводили в Тауэр, но он держался необыкновенно стойко и даже под пытками не выдал имена других участников заговора, вошедшего в историю под названием Порохового. Другие заговорщики оказались не столь тверды и решительны, и вскоре все имевшие отношение к этому преступному намерению были либо арестованы, либо убиты при попытке ускользнуть от правосудия. Суд признал их виновными в государственной измене и приговорил к смерти. Казнь состоялась 15 января 1606 г. В числе казненных участников Порохового заговора был и иезуит Генри Гарнет, впоследствии канонизированный католической церковью.

Раскрытие Порохового заговора еще сильнее настроило английских протестантов против католиков и вызвало ужесточение направленных против них законов.

КОРОЛЬ, ДЕНЬГИ, ПАРЛАМЕНТ И ЛЮБОВЬ

Елизавета I была одновременно и прижимистой, и расточительной, и Якову I досталась не слишком полная казна. По сравнению со своей предшественницей король был вынужден тратить значительно большие суммы на личные нужды, ведь у него была семья, а кроме того, множество фаворитов, которые получали от него поистине королевские подарки. Особой симпатией и, следовательно, щедростью Якова пользовались сэр Филипп Герберт, граф Монтгомери, Роберт Карр, виконт Рочестерский, а затем и граф Сомерсет, а также Джордж Вильерс, герцог Букингем (Бекингем). Немудрено, что Яков постоянно испытывал финансовые затруднения и пытался прибрать к рукам деньги где только возможно.

Зная затруднения короля, собранный им в 1610–1611 годах парламент постарался заключить с Яковом договор, по которому король гарантировался бы солидный ежегодный доход в размере 200 тыс. фунтов стерлингов при условии, что он отказывался впредь вводить новые налоги, не согласуя их с парламентом. Однако уже тогда, когда условия этого так называемого «Великого договора» были согласованы, в парламенте вновь вспыхнули дебаты. Видя, что ждать устраивающего обе стороны решения бесполезно, Яков распустил парламент и созвал его лишь в 1614 г., но и на этот раз королю не удалось договориться с палатой общин.

В 1612 г. умер принц Уэльский Генрих, и наследником престола стал юный Карл. Чувствуя, насколько шатким является его положение в собственных королевствах, Яков I решил установить родственные связи с наиболее влиятельными европейскими государями. В 1613 г. принцесса Елизавета была выдана замуж за Фридриха V, электора Палатинского, признанного вождя немецких кальвинистов. Для сына же Яков планировал католический брак, однако никак не мог решить, что выгоднее — союз с Францией или с Испанией. Обсуждение этого вопроса затянулось на много лет, и в 1623 г. возмужавший Карл отправился наконец ко двору Филиппа IV Испанского, чтобы посвататься к его сестре. Однако инфанта, настроенная своим духовником, категорически отказывалась выходить замуж за еретика.

Филипп и его главный министр Оливарес испугались, что поведение принцессы может спровоцировать новую англо-испанскую

войну. Сперва они предложили Карлу перейти в католичество, а когда тот отказался, вступили в тайную переписку с папой, прося его не давать разрешения на брак инфанты с протестантом. Папа оказался в весьма сложном положении: он не без оснований опасался, что его отказ спровоцирует новую волну гонений на английских католиков. Он написал Филиппу, что согласится на брак в том случае, если Яков I и принц Уэльский дадут слово предоставить свободу вероисповедания английским католикам. Самому испанскому монарху предлагалось проследить, чтобы его будущие родственники сдержали обещание.

Пока Филипп IV совещался с отцами церкви, молодой английский принц тщетно пытался познакомиться с потенциальной невестой: известный своей строгостью испанский придворный этикет не допускал, чтобы инфанта хотя бы на краткое мгновение оставалась наедине с мужчиной. Рассказывали, что один раз принц попробовал встретиться с инфантой, когда та прогуливалась в саду. Однако, увидев перед собой перепрыгнувшего через ограду Карла, она испуганно вскрикнула и убежала прочь.

Наконец Карлу и сопровождавшему его в поездке в Испанию герцогу Букингему, объявили, что принц может жениться на инфанте, однако сразу по свершении брачной церемонии он обязан покинуть Испанию, вернуться домой и в течение полугода дать полную свободу вероисповедания английским католикам — только после этого жена последует за ним в его королевство. Взмешенный Карл и не менее распаленный гневом герцог Букингем вернулись в Англию, исполненные желания начать войну с Испанией. Идея нашла горячую поддержку среди английских протестантов, и даже созданный в 1624 г. парламент проголосовал за начало морской кампании против Испании и был готов выделить средства на ее ведение.

Одновременно шла подготовка к свадьбе наследника престола. Во время путешествия в Мадрид принц Уэльский заезжал в Париж, где увидел очаровательную принцессу Генриетту-Марию, младшую дочь великого французского короля Генриха IV и сестру Людовика XIII. Карл женился на ней по большой взаимной любви и, наверное, в личной жизни был одним из счастливейших английских монархов. Его отец не дождал свадьбы — Яков скончался 27 марта 1625 г., а 1 мая Букингем представлял венценосного жениха на свадьбе по доверенности, которую сыграли в Париже.

ФРЭНСИС БЭКОН

Одной из ярчайших личностей периода правления Якова I был Фрэнсис Бэкон (1561–1626), сын сэра Николаса Бэкона, пользовавшегося большим уважением при дворе королевы Елизаветы и одно время даже являвшегося канцлером королевства.

Ф. Бэкон получил блестящее образование в Кембриджском университете, которое должно было способствовать его политической карьере. Он несколько лет занимался юридической практикой, а в 1593 г. был избран в палату общин английского парламента. Его наибольшие успехи на политическом поприще пришлось на время царствования Якова I, который сделал его одним из своих фаворитов и советников. В 1618 г. Бэкон стал, как прежде его отец, канцлером королевства, а также пэром Англии.

Будучи горячим сторонником монархии, Бэкон вызывал серьезное недовольство палаты общин, выступая в защиту так называемых монополий. Искключительные права предоставлялись определенным социальным группам и в предыдущие царствования. Взойдя на престол, Яков упразднил многие монополии елизаветинских времен, но зато ввел новые, видя в них способ поощрения отечественных товаропроизводителей и рычаг управления торговлей. Например, некоей группе людей предоставлялось исключительное право на производство стекла, поскольку в производственном процессе они пользовались для топки печей углем, а не деревом, необходимым для строительства кораблей. Монополия на производство золотой и серебряной канители досталась тем предпринимателям, которые обязались изготавливать ее из привозных металлов, не переводя на украшения золотой и серебряный запасы Англии. Разумеется, обладатели монополий получали огромные коммерческие выгоды. Коль скоро выдача исключительных прав зависела, в конечном счете, от короля, для получения монополий предприниматели нередко шли на подкуп влиятельных особ, способных походайтаться в пользу заинтересованных лиц. Такое посредничество вознаграждалось щедрыми дарами.

Как канцлер и пэр Англии Бэкон был убежден в пользе монополий. Как лицо, близкое к королю, мог активно влиять на их распределение. Вполне естественно, что многие предприниматели обращались к нему за помощью, одаривая его богатыми подношениями. Этим и решили воспользоваться враги Бэкона. Канцлера обвинили во взяточничестве. Когда по требованию палаты общин дело Бэкона

Фрэнсис Бэкон

было рассмотрено палатой лордов, Бэкона действительно признали виновным в мздоимстве. Сам он полностью согласился со справедливостью приговора и честно признал, что получал подношения и до, и после выдачи патентов на монополии. Если бы он заявил, что ценные подарки достались ему только после выдачи патентов, обвинение во взяточничестве было бы с него снято, а дары, полученные им от монополистиков, истолкованы как подобающая и уместная благодарность. Так, из-за «честности» в 1621 г. Бэкон был смещен с поста канцлера, приговорен к солидному штрафу и заточен в Тауэр. Однако заключение его было очень недолгим, а король избавил его от необходимости платить разорительный штраф. Дело Бэкона показало, что сила парламента возросла, власть же короля стала слабее, поскольку к Бэкону была применена процедура импичмента, невозможная в тюдоровской Англии.

Как государственный деятель Бэкон не оставил особо яркого следа в истории страны. Заслуги его лежали в иной области: он был выдаю-

щимся философом, естествоиспытателем и писателем. Крупнейшими философскими работами Бэкона являются трактаты «Опыты или наставления нравственные и политические» (1597, последнее дополненное издание — 1625), «О достоинстве и преумножении наук» (1605), «Новый Органон» (1620). Философские размышления писателя легли в основу его неоконченного утопического романа «Новая Атлантида» (1623–1624, опублик. 1627).

Как философ Бэкон решительно выступил против безраздельно царивших в науке теологии и схоластики, объявляя их бесплодными и вредными для подлинно научного исследования природы. В обществе распространены так называемые «призраки театра» — так образно называл ученый ложные взгляды, укоренившиеся в сознании людей благодаря вере в ложные авторитеты. Эти ложные представления разыгрываются в умах людей, словно на театральных подмостках. Бэкон указывал и на наличие других «призраков», или «идолов», т. е. заблуждений, характерных для его времени. Многие люди имеют зашоренное сознание, являясь жертвами «призраков пещеры» — ошибок, свойственных тем, кто как будто бы сидит в пещере и не видит мир в истинном свете.

«Призраками рынка» Бэкон именовал заблуждения, вызванные употреблением бессодержательных слов, как это бывает на рынке. Если такие «призраки» одолевают отдельных людей или же группы людей, то существуют и «призраки рода», которые одолевают все человечество. Источниками «призраков рода» Бэкон объявлял неточные свидетельства органов чувств или логические ошибки. «Призраки рода» не являются вечным проклятием человечества — их можно устранить, нужно лишь выработать правильный метод познания, способствовать развитию подлинной науки. «Человек, слуга и истолкователь Природы, — писал Бэкон, — столько совершает и понимает, сколько постиг в порядке Природы делом или размышлением, и свыше этого он не знает и не может»¹.

Схоластика и идеалистические философские системы античных времен также выступали для Бэкона «призраками». Пытаясь объяснить, почему античный идеализм, вершиной которого были труды Платона и Пифагора, пережил учение античных материалистов, философ прибегает к помощи остроумной метафоры: античный мир погиб, и во время этой гибели, как при кораблекрушении, наиболее ценный и тя-

¹ Пер. С. Красильщикова (*Бэкон Ф. Новый Органон*. Л., 1935. С. 108).

желый груз ушел на дно, а пустые бочки остались плавать на поверхности моря. Схоластика, по словам Бэкона, бесплодна, как девственница, посвященная Богу. Человечество нуждается в такой философии, которая позволила бы ему познавать природу, ибо знание есть сила. В природе действуют определенные силы и закономерности — Бэкон называет их «формами». Повинуясь этим «формам», человек способен стать властителем природы. Однако для изучения сил и закономерностей природы нужна «новая наука», которая будет исследовать материальный мир таким, каким он является на самом деле.

Ученых-догматиков, игнорировавших опытное знание, Бэкон сравнивал с пауками: они выжимают из себя абстрактные рассуждения и переплетают их, словно ткут паутину. Были ученые, которые собирали только отдельные факты, — их Бэкон сравнивает с муравьями. Однако подлинный ученый подобен пчеле: для него опытные данные — нектар, который он перерабатывает в мед истинной науки. «Новая наука» должна была стать не умозрительной, а опытной. Познание мира начинается с опыта, результаты которого в дальнейшем подвергаются осмыслению — рациональной обработке. Опыт для Бэкона — критерий истины. Таким образом, Бэкон разработал индуктивный (наводящий) метод научного исследования. И сейчас, в современной науке, ученые движутся от эмпирических данных к научному обобщению, от наблюдений и экспериментов к созданию теорий.

Разработке своего научного метода Бэкон посвятил трактат «Новый Органон», назвав его по образцу «Органона» (собрания сочинений по логике) величайшего ученого древности Аристотеля.

О том, как благосостояние общества связано с уровнем развития науки, Бэкон поведал в утопическом романе «Новая Атлантида». «Новой Атлантидой» писатель называет вымышленный остров Бенсалем, расположенный в Тихом океане. Правившие этим островом короли с древнейших времен покровительствовали добродетели и науке. Один из монархов прошлого учредил орден ученых — «Дом Соломона», получивший свое название по имени мудрейшего библейского царя. Члены ордена ученых познают «причины и скрытые силы всех вещей», расширяя власть человека над природой.

Люди науки и их изобретения пользуются на Бенсалеме неизменным почетом: скульптурные изображения корифеев и созданные ими чудеса техники экспонируются в обширных музейных галереях. Любопытно, что, рассказывая о достижениях бенсалемских мудрецов,

Бэкон многократно предвосхитил изобретения и открытия грядущих столетий. У бенсалемцев были аппараты для полета в воздухе и плаванья под водой, они умели передавать звук и свет на любые расстояния, обладали мощными телескопами и микроскопами, создавали новые эффективные лекарства (во времена Бэкона наиболее распространенными методами лечения всех хворей были рвотные и слабительные снадобья, врачи не расставались с клистиром и ланцетом для кровопускания, которое также считалось радикальным средством), занимались селекцией растений, были близки к открытию способов управления всякого рода осадками и даже грозой.

В отличие от Томаса Мора, который в своей «Утопии» хотел показать социальное устройство счастливого общества, Бэкон восславил вымышленную страну мудрецов, научный рай на земле, проиллюстрировав романом основные положения своей философии.

КАРЛ I: НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ

Карл I с нетерпением ждал открытия первого созванного им парламента, надеясь, что тот выделит ему крупную сумму для ведения войны против Испании. Однако парламентарии были не слишком довольны своим королем, женившимся на католичке, и не спешили снабжать его деньгами. Более того, упрямцы заявили, что согласны выделять средства только при условии, что расхождением их будет заниматься кто угодно, только не Букингем. Видя, что парламент намерен навязать ему своих министров (а это привело бы в итоге к подчинению короля парламенту), Карл принял решение о роспуске парламента.

Король полагал, что, если ему удастся добиться хоть какой-то победы над испанцами, парламент окажется сговорчивее. Он буквально наскреб средства, чтобы снарядить эскадру и армию под командованием сэра Эдварда Сесила, которым надлежало совершить нападение на Кадикс — в гавани этого торгового города раз в год швартовались испанские корабли, перевозившие в Европу сокровища из Нового Света. Проведенная в 1625 г. военная операция окончилась полной неудачей. Сесил не сумел взять Кадикс, а после отхода англичан в гавань спокойно вошел груженный золотом галеон. В растрате денег и военной неудаче был виновен не столько молодой король, сколько его деятельный помощник Букингем. Разумеется, случившееся не способствова-

Карл I

ло улучшению отношений между королем и парламентом. Собранный в 1626 г. второй парламент Карла I объявил импичмент Букингему, и король, желая спасти друга, был вынужден вновь распустить парламент, который так и не выделил ему необходимых денежных средств.

По-прежнему помышляя о войне, король обратился к подданным с просьбой пожертвовать ему деньги — добровольность этого шага всячески подчеркивалась. Однако охотников делать такие подарки нашлось совсем немного. Тогда король ввел несанкционированные парламентом поборы с ввозимых в Англию товаров — пошлину с веса и грузовую пошлину. Портовыми городам было приказано построить для короля корабли с пушками. Затем Карл I решил брать займы деньги у своих подданных. В отличие от налогообложения он мог делать это без согласия парламента. Займ в пользу короля был принудительным и не вызывал ни малейшего энтузиазма у подданных Карла, понимавших, что они расстаются со своими деньгами навсегда. Были случаи, когда люди отказывались давать королю займы, но тогда их ожидало тюремное заключение.

Тем временем у Карла начались проблемы в отношениях с Францией. Людовик XIII готовился к осаде гугенотской крепости Ла-Рошель, а Карл считал своим долгом оказывать поддержку французским протестантам. Кроме того, французский король был оскорблен тем, что Карл выслал из Англии французскую прислугу королевы, — это было сделано явно для того, чтобы пресечь разговоры, будто католики заняли прочное положение при его дворе. Людовик также считал, что Карл его обманул: когда речь шла о женитьбе английского монарха на Генриетте-Марии, он взял с жениха слово предоставить свободу вероисповедания католикам, которое Карл нарушил. Эти трения привели к тому, что в 1627 г. между государствами началась очередная война.

Необходимость денег на войну с Людовиком XIII побудила Карла ужесточить меры по выколачиванию «добровольных» ссуд. В результате к Ла-Рошели удалось отправить эскадру из шести кораблей. На них находилась целая армия, которой командовал королевский фаворит герцог Букингем. 12 июля 1627 г. войско Букингема высадилось на островке Ре, откуда удобно было осуществлять боевые операции по спасению осажденной Ла-Рошели. На островке находилась французская крепость Сен-Мартен, и Букингему почти удалось добиться ее капитуляции, когда гарнизон неожиданно получил подкрепление, а подошедшие к острову французские корабли дали серьезный бой державшей Ре в блокаде английской эскадре. Букингему пришлось вернуться в Англию. Потери в боях на Ре были катастрофическими — из 6800 человек, отправившихся на войну, в Англию вернулось менее 3 тыс. Естественно, эти печальные события лишь усилили всеобщую ненависть к герцогу.

В 1628 г. король был принужден вновь созвать парламент. Палата общин представила Карлу «Петицию о праве», в которой указывалось, что в первые годы правления он грубо нарушал положения Великой хартии вольностей, на верность которой присягал при вступлении на престол. В документе также говорилось, что король не имеет права по своему произволу заключать людей в тюрьму (как он делал это, выбивая «добровольные ссуды»). Карл усмотрел в этом нелепое покушение на права государя. Однако, хотя он истово верил в божественное происхождение и незыблемость королевской власти, нужда в деньгах для отправки нового флота к Ла-Рошели принудила его принять «Петицию о праве». В соответствии с текстом этого ставшего законом документа Карл I (и любой последующий король) не мог своей волей

Герцог Букингем

объявлять военное положение в стране, не мог требовать, чтобы его подданные брали на постой солдат королевской армии, и, конечно, не имел права взимать налоги без согласия парламента или же арестовывать людей по собственному произволу.

Это была очень большая уступка со стороны Карла I. Однако, сделав ее, он получил деньги, на которые можно было снарядить новую эскадру для войны с Францией. Объявив перерыв в работе парламента, король поручил Букингему готовиться к отбытию во Францию. В августе 1628 г. герцог выехал из столицы в Портсмут. Никто не подозревал, что часы Букингема сочтены: по его следам Лондон покинул некто Джон Фелтон, которого Букингем лишил места, не заплатив за прошлую службу. Преисполненный жаждой мести, а также знавший, какие обвинения выдвигались против герцога, он решил избавить Англию от этого человека и 23 августа заколол его кинжалом, когда тот только что закончил свой завтрак.

Командующим английской эскадрой был назначен граф Линдси, однако ему также не удалось прорвать блокаду Ла-Рошели, и кре-

пость вынуждена была сдаться на милость короля Франции. Ответственность за поражение, прежде возлагавшаяся на плечи Букингема, тяжелым грузом легла на плечи молодого короля и никак не способствовала его популярности в народе.

КАРЛ I ПРАВИТ БЕЗ ПАРЛАМЕНТА (1629–1640)

На осенней сессии парламента в 1628 г. конфликт между королем и парламентом разгорелся с новой силой. 2 марта 1629 г. Карл I приказал прервать парламентские заседания на неделю. Однако члены палаты общин подозревали, что этот перерыв на деле обернется роспуском парламента. И вот, когда спикер палаты общин поднялся со своего кресла, намереваясь покинуть зал, двое депутатов рванулись к нему и силой заставили сесть на место: по английским законам заседание палаты без спикера не считается правомочным. Взбунтовавшийся парламент тем же вечером принял три закона. Во-первых, врагами королевства объявлялись те, кто хотел привнести в церковь Англии католические элементы (этот камень общины, состоявшие в основном из пуритан, предназначали королю, находившемуся под сильным влиянием жены-католички); во-вторых, врагами королевства объявлялись те, кто давал советы королю вводить налоги и пошлины в обход парламента. Наконец, предателем английских свобод, зафиксированных Великой хартией вольностей, назывался всякий, кто соглашался платить незаконные поборы, не утвержденные парламентом. Разумеется, мятежный парламент был немедленно распущен. Однако день, когда палата общин открыто выступила против короля, стал прологом к трагическим событиям 1640-х годов.

Королю, решившему править без парламента, пришлось искать законные источники пополнения казны. Карл не только занялся торговлей титулами, должностями и монопольными патентами, но также своей властью ввел большие денежные штрафы за нарушение законов против огораживаний, лесных законов и даже за уклонение от принятия рыцарского звания (облюбовав богатенького простолюдина, король «жаловал» его в рыцари, вынуждая заплатить за это деньги в казну). Однако поскольку парламент не утвердил погонные и пофунтовые пошлины, все больше торговцев отказывались платить

их в соответствии с последним постановлением крамольного парламента, а это сводило на нет все финансовые мероприятия короны.

В 1635 г. Карл I предпринял еще одну попытку пополнить казну. Исторически все прибрежные графства должны были собирать так называемые корабельные деньги — ранее они шли на постройку кораблей для обороны Англии, но теперь, когда угроза со стороны испанского флота канула в Лету, а другие потенциально враждебные Англии государства не могли соперничать с ней на море, королевство не так активно строило корабли, а корабельные деньги, сбор которых был прерогативой короля, поступали в казну. Желая увеличить свои доходы, король ввел сбор корабельных денег и с внутренних графств Англии: он опирался на традицию, а потому не должен был согласовывать свои действия с парламентом. Однако эта попытка не увенчалась успехом. Зажиточный сквайр Джон Хемпден показал пример всей стране, отказавшись платить свою часть корабельных денег.

Пока король измышлял способы изъятия денег у подданных, его ближайшие сторонники донельзя осложнили ситуацию в Ирландии и Шотландии. Наместник Ирландии граф Страффорд жестоко преследовал местных католиков, облагая их денежными штрафами. Эта политика привела к серьезному восстанию, вспыхнувшему в Ирландии в 1641 г. Практически одновременно начались волнения в Шотландском королевстве. Архиепископ Кентерберийский Лод решил ввести в Шотландии церковное устройство, аналогичное тому, которое существовало в Англии. Это означало, что на смену пресвитерам должны были прийти епископы, а богослужение — обогатиться элементами католической обрядности, которые отличали англиканское богослужение от кальвинистского. В 1637 г. в Шотландии была введена литургия по англиканскому образцу. В ответ на это кальвинисты сплотились в союз, так называемый национальный ковенант. Религиозный конфликт вылился в англо-шотландскую войну 1639–1640 годов. Армия шотландских ковенантеров вторглась в северную Англию и начала теснить войско короля, которое, впрочем, не так уж стремилось постоять за монарха, платившего солдатам весьма скудное содержание. Сложилась парадоксальная ситуация: между собой воевали два королевства одного короля, и Карл I эту битву проигрывал, доказывая полную неспособность управлять страной. Пришлось ему пойти на попятную и созвать очередной парламент, чтобы получить от него деньги на войну и наведение порядка в стране.

ДВА ПАРЛАМЕНТА 1640 г.

Наспех заключив перемирие с Шотландией и будучи обязан выплатить ей контрибуцию, 13 апреля 1640 г. Карл I созвал четвертый в истории его царствования парламент. Он прозаседал менее месяца, до 5 мая, почему и вошел в историю как Короткий.

Парламент, и прежде всего палата общин, был оскорблен тем, что король пренебрегал им на протяжении долгих одиннадцати лет. И теперь, вместо того чтобы пойти навстречу монарху, просившему дать денег на войну, общины приступили к подробному обсуждению деятельности Карла I в годы его единоличного правления. Король в гневе распустил парламент. Война с шотландскими ковенантерами возобновилась, и вскоре шотландцы одержали победу над армией короля, захватив значительную часть северо-восточной Англии. Не имея денег, король не мог снарядить своих воинов должным образом. Положение становилось критическим, и, уступая коллективной просьбе пэров Англии, Карл все же решил созвать свой пятый и последний парламент, ставший известным под названием Долгого.

Заседание Долгого парламента началось 3 ноября 1640 г. В данном составе он просуществовал рекордный срок — девятнадцать лет и три месяца, весь тот исторический период, который принято называть Английской буржуазной революцией XVII в. Долгий парламент был настроен крайне решительно. Депутаты немедленно приняли «Трехгодичный акт», закон, по которому парламент должен был созываться каждые три года. Воля короля при его созыве, таким образом, игнорировалась. Был запрещен сбор корабельных денег, приравненных к разряду обычных налогов. Парламент упразднил «Звездную палату», церковный суд, именовавшийся «Высокой комиссией», а также существовавшие при короле Советы по делам Севера и Уэльса. Одновременно были созданы и новые управленческие структуры — комитеты по вопросам религии, торговли, рассмотрению жалоб, а также по делам Ирландии и делам судебных палат, ставшие прообразами министерств.

Карл был вынужден «одобрить» все эти постановления, оскорбительные для него как абсолютного монарха. Дело в том, что перед фасадом королевского дворца Уайтхолл собирались толпы народа. Люди были вооружены и настроены агрессивно. Если бы король не подписал принятые парламентом законопроекты, толпа могла бы перейти к насильственным действиям. Король не был трусом и бо-

ялся не за себя: его задачей было удержать бразды правления в руках и обеспечить благополучие горячо любимой семьи.

По требованию парламента были арестованы многие советники короля, помогавшие ему незаконно править страной в одиночку. В Тауэре оказались и архиепископ Кентерберийский Лод, и граф Страффорд. Последний вызывал особую ненависть: ведь он предлагал Карлу навести порядок в Лондоне и в Англии в целом при помощи той части королевской армии, которая была дислоцирована в Ирландии, т. е. подстрекал к войне против народа. Король был вынужден пожертвовать своим верным сторонником, и 6 апреля 1641 г. Страффорд сложил голову на плахе. Такая же печальная судьба четыре года спустя постигла и архиепископа Лода.

Взявшись за рассмотрение дел церкви, парламент пришел к неутешительному выводу, что высшие чины английской церкви, епископы и архиепископы, изрядно склоняются к католицизму. Парламент принял петицию, требовавшую изгнать из лона церкви недостойных пастырей. Это был ловкий ход, еще более подрывавший авторитет монарха, опиравшегося на высшее духовенство.

Зная боязнь, которую англичане уже генетически питали по отношению к католицизму, враги короля начали эксплуатировать этот всеобщий страх. Когда Карл I приехал в Шотландию и признал неизбежность пресвитерианского церковного устройства, по Англии поползли подогреваемые врагами короля слухи о том, будто католики вновь готовят попытку реставрации своей церкви в стране. Когда в том же 1641 г. в Ирландии вспыхнуло восстание, начали шептаться о том, что взбунтовавшиеся местные католики учинили кровавую резню, в которой погибли несколько тысяч английских переселенцев-протестантов. Тень подозрения была брошена и на королевскую семью: дескать, Генриетта-Мария как верная дочь Рима поддерживает бесчинства ирландских католиков, которые являются лишь прелюдией к еще более страшным событиям в самой Англии. Было известно, каким нежным и внимательным мужем был король, следовательно, его обвиняли в потворстве жене-католичке.

К тому времени, как король вернулся из Шотландии в Лондон, было очевидно, что столица находится на грани мятежа. Толпы на улицах требовали вывести епископов из палаты лордов — дошло до того, что священнослужители перестали являться на заседания парламента, боясь за свою жизнь. Верхняя палата парламента потребовала, чтобы общины приняли меры против распоясавшейся толпы,

Джон Хемпден

но один из лидеров оппозиции королю Джон Пим принялся горячо доказывать, что общины не должны «ослаблять воодушевление народа».

3 января 1642 г. по приказанию короля в палату общин явился королевский прокурор в сопровождении небольшого отряда вооруженных стражников. От имени короля он объявил указ об аресте пятерых особо рьяных деятелей оппозиции — Джона Пима, Джона Хэмдена (Хемпдена), Артура Хейзлрига, Джона Холлеса, Уильяма Строуда. Палата ответила категорическим отказом выдать своих лидеров, и 4 января Карл I в нарушение традиции, по которой монарх не посещает палату общин, лично явился с отрядом из 400 солдат, чтобы арестовать обвиняемых в государственной измене, однако тщетно выкликались их имена: предупрежденные об опасности, все пятеро уже покинули Вестминстер и перебрались в Сити, где их взяли под свою защиту лондонцы. После появления короля общины также перенесли свои заседания в Сити. Карл I обратился к лондонскому

лорду-мэру с требованием выдать пятерку государственных преступников, но получил отказ. Взбешенный король покинул столицу: Карл ехал на север, рассчитывая собрать там армию для наведения порядка в Лондоне. Тем временем взбунтовавшийся парламент вновь водворился в Вестминстере. Для его охраны была сформирована милиция, т. е. ополчение, в которое вошли горожане. Во главе милиции был поставлен граф Эссекс. Впервые в истории страны ополчение формировалось, а его командир назначался помимо воли монарха.

Противостояние короля и парламента миновало мирную фазу: теперь у каждого из них были свои вооруженные силы. Англия вступала в эпоху гражданских войн.

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ 1640-х ГОДОВ

22 августа 1642 г. Карл I велел поднять над своей ставкой в Ноттингеме королевский штандарт — огромное полотнище с королевскими гербами по углам и короной в центре, над которой был указующий свыше перст: «Воздайте кесарю должное ему». Говорят, что флаг сорвало ветром, и его пришлось водружать вторично. Сперва этому обстоятельству не придали значения, но затем, когда судьба Карла I вступила в самую трагическую фазу, о нем вспомнили и истолковали как дурное предзнаменование. Во главе армии короля стояли сам Карл I и шотландский полководец граф Линдсей. Кавалерией командовали прибывшие на подмогу королю племянники, принцы Руперт и Мориц, сыновья электора Палатинского.

Сторонники короля, роялисты, по причине их изысканных костюмов и аристократизма манер получили название «кавалеры». Строгие пуритане, составлявшие большинство парламентского ополчения, были прозваны «круглоголовыми» — их прически разительно отличались от локонов «кавалеров». Авторство данного пуританам прозвища приписывается королеве Генриетте-Марии.

На первых порах удача была на стороне короля. Это было вполне объяснимо — ополчение не могло противостоять регулярной армии. «Кавалеры» большей частью были искусными наездниками и прекрасно владели оружием: они были воспитаны таким образом, что презирали трусость и почитали за доблесть бесстрашие. В стане «кавалеров» четко соблюдался принцип единоначалия, все беспрекословно подчинялись королю. Однако в этом была не только их сила,

но и слабость: Карл I показал себя весьма посредственным полководцем. Что до ополченцев, то многие из них прежде никогда не держали в руках ни мечей, ни мушкетов. Среди них было немало отчаянно храбрых людей, но одной отваги без опыта и дисциплины мало. Если «кавалеры» сражались из соображений чести, то парламент мог выставить против них, помимо вдохновенного общей идеей, но необстрелянного ополчения, только наемников.

Первое крупное сражение гражданской войны 1642–1646 годов произошло 23 октября 1642 г. при Эджхилле. Роялисты выиграли сражение, причем некоторые «круглоголовые» просто-напросто бежали с поля боя. Если бы «кавалеры» продолжили преследование побежденных, то их победа могла бы оказаться решающей. У короля была возможность продолжить наступление и войти в столицу, однако он предпочел остаться в Оксфорде.

В 1643 г. роялисты по-прежнему оставались сильнее «круглоголовых», понесших значительные потери и проигравших немало сражений. Погибли многие лидеры оппозиции, в том числе и известный своей непримиримостью по отношению к Карлу I Джон Хемпден. Смерть его была нелепой: у него в руке разорвался пистолет. Положение армии парламента можно было назвать отчаянным. Английским пуританам все же удалось немного выправить его, договорившись с шотландскими ковенантерами о том, что те пришлют на помощь двадцатитысячную армию. Карл I со своей стороны тоже сумел пополнить ряды своего воинства за счет роялистов Шотландии и Ирландии, однако его партия понесла невосполнимую утрату — 20 сентября 1643 г. в битве при Ньюбери погиб один из мудрейших советников короля лорд Фолкленд. С этого момента удача изменила Карлу. Одновременно начала восходить звезда генерала Кромвеля, крупнейшего деятеля английской буржуазной революции XVII в., который пока еще сражался под началом графа Эссекса.

Оливер Кромвель (1599–1658), получивший образование в Кембриджском университете, в двадцать девять лет стал членом палаты общин как представитель Кембриджа. Его политическая карьера началась с участия в третьем парламенте Карла I. Как активному деятелю Долгого парламента Кромвелю доверили формирование отрядов ополчения, которые он затем и возглавил.

В 1643 г. генерал Кромвель командовал кавалерийским полком армии парламента. Ему удалось не только обучить своих людей военному делу, в полку Кромвеля царил особая атмосфера: командир хотел,

Оливер Кромвель

чтобы его подчиненные были людьми чести и одновременно глубоко набожными. Вера и понятие чести помогали им в боях, и уже в 1644 г. командовавший роялистской кавалерией принц Руперт имел возможность убедиться в том, что у него появился грозный противник. Кавалеристы Кромвеля блестяще показали себя в битве при Марстон-Муре 3 июля 1644 г., заслужив прозвище «железнобоких» благодаря своим крепким кирасам. Считается, что его придумал принц Руперт.

Большую часть «железнобоких» составляли так называемые индипенденты, представители религиозного течения, которые, в отличие от приверженцев епископальной и пресвитерианской церквей, настаивали на автономности отдельных церковных приходов. В своей ненависти к епископам индипенденты превосходили даже пресвитериан. Индипенденты придерживались строгих взглядов в вопросах религии. В подразделениях «железнобоких» постоянно читали Библию. Вдохновленные Священным Писанием, многие воины Кромвеля даже меняли имена, заимствуя их из Ветхого Завета или дополняя их каким-нибудь словом или словосочетанием, отражавшим их набожность: Соломон Хвала Богу, Благодарный Госпо-

ду Джонсон, Эбенезер Пребывающий с Господом и т.п. Очевидно, стремление вводить в обиход новые имена в истории человечества тесно связано с политическими революциями. Как офицеры, так и простые солдаты истово верили, что, сражаясь против короля, делают богоугодное дело.

«Железнобокие» были хорошо обучены и экипированы. Они носили куртки из грубой, толстой кожи, поверх которой надевались кирасы, голову защищали железные шлемы, ноги — высокие, прочные кожаные сапоги. Вооружены они были тяжелыми мечами-палашами, с которыми умели прекрасно обращаться. Однако главным отличием отрядов Кромвеля была царившая в них поистине железная дисциплина.

К 1644 г. партия индипендентов, фактически представлявшая интересы армии, стала играть в жизни страны роль, сопоставимую с ролями партий короля и парламента. Ее возвышение вполне объяснимо: люди, занимавшиеся в мирное время законотворчеством, как правило, играют маленькую роль в военных действиях. В конце концов слаженная армия и ее командиры начали возражать против того, чтобы ими руководили штатские болтуны, — никому не хотелось рисковать жизнью, выполняя распоряжения не смыслящего в искусстве войны парламента.

Чем больших успехов добивалась армия парламента, тем более свободными и независимыми становились ее командиры. Прения между парламентом и армией усиливались также причинами религиозными: в парламенте доминировали пресвитериане, в армии, как мы уже знаем, — индипенденты. Раскол в стане «круглоголовых» становился все более очевидным, и в апреле 1645 г. парламент был вынужден принять «Ордонанс о самоотречении», которым члены обеих палат лишались должностей в армии. Исключение было сделано только для Оливера Кромвеля. С этого момента индипенденты по-настоящему возглавили стан противников короля. Главнокомандующим армии парламента был назначен Томас Ферфакс (1612–1671), а во главе кавалерии поставлен Кромвель.

Когда армия вышла из-под контроля парламента, в ней была проведена реорганизация. Она превратилась в регулярную, была введена жесткая разбивка войск на подразделения, определен срок воинской службы, ее оплата; обязательным стало обучение солдат. В армии поддерживалась строгая дисциплина. После такой военной реформы армия «круглоголовых» стала известна как армия «нового образца».

Боеспособность армии парламента возросла, однако роялисты решили воспользоваться расколом в стане своих противников. Если весной 1644 г. Карл I был склонен идти на переговоры с парламентом, то теперь эти переговоры были свернуты. Начались новые боевые действия. Война охватила Шотландию, где партию «кавалеров» возглавлял граф Монтроз, а сторонников парламента — маркиз Аргайл. Успех там сопутствовал роялистам, однако он не мог компенсировать страшный удар, полученный Карлом I в Англии: 14 июня 1645 г. армия «нового образца» наголову разбила его армию в сражении при Нэйсби (графство Нортгемптоншир). Роялисты потеряли свыше тысячи убитыми и ранеными, около 5 тыс. солдат попали в плен. С этого момента стало очевидно, что поражение «кавалеров» — дело времени.

Действительно, в Шотландии была разгромлена армия Монтроза (сентябрь 1645 г.), лорд Ферфакс отбил у роялистов Тонтон, Бриджуотер и Бристоль; королевское войско в Корнуолле было разбито наголову, а в июне 1646 г. сдался Оксфорд, где во время войны находился королевский двор.

ЗАВЕРШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И КАЗНЬ КАРЛА I

Потерпев военное поражение, король попробовал спасти положение сложной политической интригой, пытаясь добиться полного раскола между армией и парламентом и ослабить своих врагов неизбежной в этом случае междоусобицей. План этот, однако, провалился. Отчаявшись, король направился навстречу шотландской армии, которая к этому времени уже дошла до Ньюарка (графство Ноттингемшир). Карл шел на любые посулы, только бы заставить шотландцев отказаться от помощи парламенту, но и эта попытка раскола врагов ему не удалась: парламент предложил им 400 тыс. фунтов, если они выдадут ему короля, а сами покинут Англию. Деньги решили все — 30 января 1647 г. Карл I оказался переданным в руки своих врагов.

И пресвитериане, и индепенденты претендовали на то, чтобы держать пленника под своим контролем. Разумеется, в этом споре победила сила, и кавалерийский офицер Джойс во главе отряда из пяти-сот человек доставил венценосного пленника в расположение армии

Ферфакса. Когда в августе 1647 г. армия индепендентов вошла в Лондон, короля поместили во дворце Хэмптон-корт.

Три месяца спустя Карлу удалось бежать. Он направился на остров Уайт, где заперся в замке Кэрисбрук. Оттуда он делал отчаянные попытки призвать на помощь всех друзей, которые у него еще остались в Англии, а также вел переговоры с шотландским парламентом, уговаривая-таки его послать в Англию шотландскую армию. В Англии дела Карла обстояли даже лучше, чем он мог предполагать: за него готовы были выступить не только роялисты, но и часть рассорившихся с индепендентами пресвитериан.

Руководители армии отчетливо видели, что им грозит серьезная опасность, если попытки их противников не будут задушены в зародыше. Лорд Ферфакс двинулся на юг и разгромил в Кенте шедшую к королю армию роялистов. На севере, в окрестностях Престона, Кромвель и генерал Ламберт успешно повернули назад шотландскую армию. Король пытался бежать с острова Уайт, однако был захвачен в плен и водворен в хэмпширский замок Херст.

Армия одержала победу и над роялистами, и над пресвитерианами. Настал момент, когда она, созданная по воле парламента и сражавшаяся за его дело, нанесла ему страшный удар. Большинство членов палаты общин высказались за достижение соглашения с королем. Руководители армии считали, что это недопустимо, и были намерены стоять на своем. 6 декабря 1648 г. отряд полковника Прайда получил приказ арестовать пятьдесят парламентариев-пресвитериан, выступавших за мировую с королем. Таким образом, в палате общин осталась лишь половина депутатов. Все они были индепендентами и готовы были делать все, что им прикажет армия.

Теперь Карл оказался во власти индепендентов. Его под конвоем доставили из Херста в Виндзор, а затем в Лондон, где разместили во дворце Уайтхолл. Индепендентский парламент принял закон, по которому ведение войны против парламента объявлялось государственной изменой. С этой точки зрения действия короля, развязавшего гражданскую войну, оказывались преступными. Карлу I надлежало предстать перед судом.

Суд над королем начался в Вестминстер-холле 20 января 1649 г. Карл держался с презрительным хладнокровием. Он был одет в парадный черный костюм и не снял шляпы, даже сев на предназначенное для него как подсудимого место. Ввиду беспрецедентности суда над монархом члены высокого суда, верховные судьи Англии, под

разными предложениями отказались от участия в процессе. Председателем суда поэтому был назначен верховный судья графства Чешир Джон Бредшоу. Однако и он прекрасно понимал, что на него возложена опасная миссия, и, боясь мести со стороны роялистов, долгое время ходил в шляпе, подбитой стальными пластинками.

Короля обвинили в попрании прав и привилегий народа, тирании, для поддержания которой он «объявил войну парламенту и народу, в нем представленному». Утверждалось, что Карл I не только развязал гражданскую войну, но и готовил «иностранное», т. е. шотландское, вторжение в Англию. Посему на короля возлагалась ответственность за все несчастья, причиненные стране и ее народу в годы гражданских войн.

Хрупкий, миниатюрный Карл (его рост составлял всего лишь 150 см), страдая заиканием, никогда не отличался красноречием, но здесь, под влиянием сдерживаемого душевного волнения, он произнес лучшую речь в своей жизни², продемонстрировав твердое убеждение в божественном происхождении королевской власти. Король отказался признать законность суда — власть народа в его глазах законной не была. Соответственно, он отказался и от ответа на предъявленные ему обвинения. Когда Карл потребовал, чтобы ему представили законные основания суда, «опирающиеся на слова Божьи, Писание или конституцию королевства», Бредшоу, не имея возможности удовлетворить требование подсудимого, попросту приказал вывести короля из зала суда.

На последующих заседаниях 22 и 24–26 января продолжился допрос монарха, а затем и свидетелей его «злодеяний». Тридцать три человека утверждали, что видели короля в доспехах на поле битвы, что он присутствовал при сценах мародерства, попустительствовал бесчинствам своих солдат в захваченных городах — индипенденты постарались как можно шире распространить бюллетени с подобными откровениями в народе. Такая агитационная работа была далеко не лишней, поскольку во время суда ни роялисты, ни пресвитериане не сидели сложа руки, доказывая, что король не может быть судим. Заступались за Карла I и иностранные державы. В Лондон прибыли

² В современном сознании этот исторический эпизод перекликается с историей знаменитой речи Георга VI по поводу начала Второй мировой войны, его радиообращения к нации, ставшего центральным эпизодом культового фильма режиссера Т. Хупера «Король говорит!» (2010).

голландские послы, настаивавшие на отмене суда, во Франции был обнародован королевский манифест, осуждавший происходящее в Лондоне, к берегам Англии была стянута небольшая эскадра принца Руперта, по-прежнему горячего сторонника своего дяди.

Тем не менее суд продолжал работу, и 27 января королю был вынесен обвинительный приговор. Карла приговорили к смертной казни. Суд действовал трусливо — подсудимому даже не предоставили последнего слова. Не менее показательно, что некоторые из судей отказались подписать приговор. Единственная дарованная королю милость заключалась в возможности попрощаться с двумя из шестерых детей, находившимися в это время в Англии, — девятилетним Генрихом, герцогом Глостерским, и тринадцатилетней Элизабет. Свидание было очень трогательным: даже суровые стражники расчувствовались — им и в голову не приходило, что король может быть нежным, любящим отцом.

День казни, 30 января, выдался необыкновенно морозным и снежным. Свидетели рассказывают, что король поднялся за два часа до рассвета и сам тщательно оделся. Он казался очень спокойным, словно не его отделяли от небытия несколько коротких часов. Единственное, что он сделал вопреки обыкновению, — это поддел еще одну рубаху, чтобы было теплее: он не хотел, чтобы вызванный холодом озноб сочли за проявление трусости. Карл отказался от завтрака, так как уже принял Святое Причастие и не хотел осквернять себя вкушением земной пищи.

Ему пришлось ждать, пока на уровне окон нижнего этажа Банкетинг-хауса, здания, служившего для пиров и увеселений, будет возведен эшафот, по нерасторопности или же по злому умыслу не сооруженный вовремя. По настоянию бывшего с ним епископа Джаксона в полдень он съел кусок хлеба и выпил бокал вина. Вскоре после этого к нему явился полковник Хэкер, которому надлежало предъявить королю указ о приведении приговора в исполнение. По длинным переходам Уайтхолла король дошел до Банкетинг-хауса и через центральное окно первого этажа вышел на застланный черной тканью эшафот.

Несмотря на то что с утра вокруг Банкетинг-хауса собрались огромные толпы народа, царилась гробовая тишина. Подле плахи стояли палач и его помощник. Индепенденты и палачи прекрасно понимали, что история может предъявить им счет за эту казнь: оба заплочных дел мастера были в одежде моряков, лица их скрывали полумаски. К тому же им приклеили накладные бороды и усы.

Король был немного озадачен тем, что плаха оказалась такой низкой. Он совсем не боялся смерти, сказав находившемуся с ним до последнего епископу Лондонскому Уильяму Джаксону, что милостивый Бог — на его стороне. Карл преклонил колени, положил голову на плаху, сам приподнял волосы, чтобы обнажить шею. Сверкнул топор, оборвавший жизнь монарха... Толпа отозвалась тяжелым стоном, а палач, как ему было положено, поднял над толпой голову короля с традиционным возгласом: «Вот голова предателя!» Впервые в истории Европы короля судили и казнили по приговору суда.

Однако далеко не все собравшиеся посмотреть на историческую казнь испытывали чувство торжества. Десятки людей бросились к эшафоту, чтобы смочить платки в крови погибшего и сохранить их на память о своем несчастном короле. И вскоре после этой казни народ Англии заговорил о Карле I уже не как о предателе, а как о мученике, а его смерть называли поистине героической. Казнь короля сплотила партию роялистов, и со временем она вернула себе господствующее положение. После гибели Карла I страна одиннадцать лет жила без монарха, и лишь в 1660 г. на английский престол взошел старший сын казненного — Карл II.

АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕСПУБЛИКА

АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕСПУБЛИКА И ВОЙНЫ КРОМВЕЛЯ

Англия стала республикой. Через несколько дней после казни короля, 6 февраля 1649 г., палата общин приняла закон, по которому упразднялась палата лордов, а также запрещалось провозглашать королем и престолонаследника Карла, принца Уэльского, и кого бы то ни было другого — это приравнивалось к государственной измене. Начались жестокие преследования роялистов, многие из которых заплатились жизнью за преданность короне.

Семья покойного короля была принуждена эмигрировать еще до того, как Карл оказался в плену. Его старшие сыновья нашли приют в Голландии у сестры, принцессы Оранской. Королева Генриетта-Мария бежала во Францию вместе с младшей дочерью Генриеттой-Анной, которую для маскировки нарядили в костюм мальчика. Вскоре младший сын Карла Генрих воссоединился с братьями. Что до его средней дочери, то Элизабет ненадолго пережила отца — она умерла в Англии 8 сентября следующего года.

Для управления страной парламент назначил государственный совет из сорока человек под председательством Бредшоу (пятеро из них были пэрами). Была вновь расширена палата общин, куда вошли и те, кто голосовал против казни короля, — теперь ее численность составляла около 150 депутатов. Тон в совете задавали армейские офице-

ры — такие личности, как Оливер Кромвель, Джон Хатчисон (1615–1664)¹, а латинским секретарем совета был назначен выдающийся поэт Джон Мильтон.

Первой проблемой, с которой столкнулось новое правительство, была ситуация в Ирландии. Местные католики всегда были враждебны по отношению к английским властям, а теперь они сплотились с роялистами, которых было немало в этой стране. Государственный совет принял решение направить в Ирландию карательные отряды под командованием Кромвеля, назначенного губернатором Ирландии.

К этому времени «старина Нолль», как его называли в армии, превратился в одного из самых влиятельных людей Англии. Несмотря на свои индипендентские взгляды, он, в отличие от остальных пуритан, не слишком чурался пышности. Так, отправляясь из Лондона в Бристоль, где ему предстояло сесть на корабль и отплыть в Ирландию, он выехал в роскошной карете, запряженной шестеркой лошадей. На протяжении всего пути его сопровождал отряд из восьми десятков телохранителей, облаченных в нарядные, богатые ливреи. Впереди следовали герольды, трубившие в трубы, предупреждая о приближении важной персоны.

Многие открыто не одобряли такое стремление к пышности. Часть индипендентов, именовавших себя «уравнителями», или «левеллерами» (от английского *to level* — «уравнивать, выравнять»), считала, что стране угрожает военная диктатура. Эту мысль выразил в памфлете «Разоблачение новых целей Англии» (1649) лидер левеллеров Джон Лилберн. Левеллеры набрали такую силу, что начали выказывать демонстративное нежелание выполнять распоряжения правительства. В частности, в нескольких подразделениях армии они попытались поднять мятеж в знак протеста против приказа отправляться в Ирландию. Однако бунт был подавлен благодаря решительным действиям Ферфакса и Кромвеля.

13 августа 1649 г. десяти тысячное войско Кромвеля погрузилось на 132 корабля и двумя днями позже высадилось на ирландском побережье. Начиналась одна из самых постыдных и кровавых страниц в истории господства англичан над Изумрудным островом. Власть

¹ Жена полковника Хатчисона Люси написала биографию мужа, которая была опубликована только в 1806 г. В этой книге живо рассказывается о жизни Англии середины XVII столетия.

английского парламента признавали только в Дублине и его окрестностях, и Кромвелю предстояло поочередно подавить очаги сопротивления, разбросанные по всей стране. Первой на пути его армии лежала крепость Дрозда (Дрохеда), считавшаяся практически неприступной. Тем не менее войско Кромвеля начало осаду этой ирландской твердыни, которую защищали около 3 тыс. человек, наотрез отказавшихся сдаваться на милость англичан. Тогда артиллерия Кромвеля сделала брешь в крепостной стене, и командир вместе со своими солдатами ворвался через нее внутрь крепости. Из донесения, отправленного Кромвелем после взятия Дрозды в Лондон, следует, что по его приказу 11 сентября 1649 г. было зарублено более 2 тыс. человек. Около сотни ирландцев, искавших убежища в местной церкви, сгорели в ней заживо. При этом потери англичан составили всего 64 человека.

Жестокость (если не употребить более сильное выражение — зверства) англичан имела демонстративный характер: Кромвель хотел запугать ирландцев и обеспечить себе легкую победу. Однако его намерения не оправдались. Ирландцы продолжали сопротивление и тогда, когда месяц спустя в павшей крепости Уэксфорд люди Кромвеля вырезали более 2 тыс. человек.

Зима 1649–1650 годов оказалась союзницей ирландцев: английская армия голодала, солдат косили болезни. Сопротивление местных гарнизонов оставалось упорным, а в мае 1650 г. англичане потерпели серьезное поражение. Во время осады города Клонмел потери Кромвеля составили около 2 тыс. человек, а маленький гарнизон — около 1200 защитников — вынудил врагов снять осаду крепости. Сразу после этого события Кромвель был отозван в Лондон. Его место в Ирландии занял Генри Айртон (1611–1657), зять «старого Ноля». Впрочем, Айртона подстерегала скорая смерть: в 1651 г. он скончался от лихорадки, подхваченной в ирландских болотах.

Кромвеля вызвали в Лондон не для того, чтобы упрекнуть за отсутствие видимых успехов в его весьма дорогостоящей ирландской кампании. Государственный совет был крайне обеспокоен происходящим в Шотландии и полагал, что лишь Кромвелю по силам уберечь Англию от опасности, грозящей ей с севера. Угроза заключалась в том, что престолонаследник Карл нашел общий язык с ковенантерами, предстал перед ними в качестве ревностного протестанта, осуждавшего веру матери и потворство католикам, которое вменяли в вину его отцу. Поскольку молодой Карл соглашался ввести пресви-

терианское церковное устройство в Англии, ковенантеры провозгласили его королем Шотландии и были преисполнены решимости помочь ему занять трон соседнего королевства. Они готовили военное вторжение в Англию.

Английский парламент считал, что будет гораздо лучше, если англичане не допустят шотландцев на свою территорию и сами нанесут упреждающий удар по врагу. Однако главнокомандующий лорд Ферфакс категорически отказался выполнять данное ему поручение — он был согласен защищать республику, но не вторгаться с войной на территорию соседнего государства. В этой ситуации парламент назначил главнокомандующим Кромвеля, который, считая войну с Шотландией делом неизбежным, предпочитал воевать на чужой земле.

22 июля 1650 г. армия Кромвеля — 10 тыс. пехоты и 5 тыс. кавалеристов — перешла границу Шотландии. Тактика устрашения, применявшаяся им в Ирландии, теперь не годилась: надо было помнить, что пресвитериане — такие же противники англиканства, как и английские пуритане. Введя свои войска в соседнее королевство, Кромвель объявил, что согласен уладить дело без кровопролития. Этого не случилось.

Шотландцы выставили против Кромвеля 18 тыс. пехотинцев и 8 тыс. кавалерии под командованием Дэвида Лесли (ум. 1682). Шотландский полководец решил заманить англичан подальше от границы, а затем окружить и уничтожить. Отряды Лесли держались горной местности, где им не угрожала кавалерия противника, и время от времени атаковали англичан. В сентябре Кромвель попал в окружение в районе города Данбара — к этому времени его измученное войско уже поредело на целую треть. Видя, в каком плачевном состоянии находится противник, Лесли решил дать Кромвелю генеральное сражение: имея двойной численный перевес, он нисколько не сомневался в успехе. Однако произошло непредвиденное: англичане сумели выявить слабые места в позиции противника и в предрассветных сумерках 3 сентября 1650 г. напали на шотландцев. Результаты сражения были ошеломляющими: Лесли потерял 3 тыс. человек убитыми, около 10 тыс. сдались в плен. Шотландцы лишились артиллерии и обоза. Английские пуритане вполне могли уверовать, что Господь на их стороне — потери армии Кромвеля были ничтожными, около двух десятков человек.

К началу зимы Кромвель уже владел не только Данбаром, но и Эдинбургом. Между тем шотландцы вовсе не собирались капи-

тулировать. 1 января 1651 г. в Скунском аббатстве прошла торжественная коронация молодого короля Карла II, который явно готовился к вторжению в Англию. Кромвель придумал блестящий план разгрома армии противника. Военная хитрость заключалась в том, чтобы, пропустив Карла вглубь Англии, отрезать его от Шотландии. Ровно через год после триумфальной победы при Данбаре, 3 сентября 1651 г., Кромвель добился еще одного успеха, разгромив взятую в кольцо армию Карла при Вустере. Битва продолжалась всего пять часов.

Когда после этой славной победы Оливер Кромвель вернулся в Лондон, ему устроили торжественную встречу. Его наградили годовым доходом в 4 тыс. фунтов стерлингов, а также, помимо уже переданного ему королевского дворца Уайтхолл, предоставили в его распоряжение и летнюю резиденцию английских монархов, дворец Хэмптон-корт.

РОМАНТИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МОЛОДОГО КОРОЛЯ

Мало кому из шотландцев, воевавших против Кромвеля, удалось избежать смерти или плена. Карл II, однако, почти чудом спасся от «круглоголовых». С отрядом из шестидесяти верных людей под покровом ночи он добрался до дома некой дамы-католички в Стаффордшире, где друзья покинули его. Наутро Карлу пришлось расстаться со своей «кавалерской» шевелюрой, надеть крестьянское платье, измазать лицо свежим соком грецкого ореха, чтобы кожа казалась загорелой, и, взвалив на плечо топор, отправиться в путь в сопровождении родственников владелицы приютившего его дома, которые также переоделись в платье дровосеков. Через пару дней путники вышли к реке Северн, намереваясь пробраться в Уэльс, однако местность буквально кишела солдатами Кромвеля, и все переправы через реку бдительно охранялись.

Некоторое время король прятался в стогу сена, а затем вместе с католиком полковником Кеарлессом, поджидавшим его в районе предполагаемой переправы, был вынужден взобраться на высокий дуб и целый день скрывался от взоров врагов в его густой кроне. Этот дуб, спасший жизнь Карлу, стал впоследствии одним из самых знаменитых деревьев Англии. Его так и называли — «дуб короля Карла II».

Карл II

Беглецы несколько дней брели наугад, стирая в кровь непривычные к долгой ходьбе ноги. В местечке Бентли они нашли приют в доме протестантки мисс Лейн, которая помогла вконец измученному Карлу добраться до Бристоля — молодая особа получила от «круглоголовых» разрешение навестить своего родственника сэра Джона Уинтера, жившего неподалеку от этого портового города. Дама путешествовала в карете, а король ехал верхом, изображая из себя слугу мисс Лейн. В доме Уинтера Карла подстерегало неожиданное опасное приключение. Дворецкий Уинтера, прежде служивший в Лондоне, с первого взгляда узнал короля. Однако слуга оказался надежным человеком и не выдал тайны необычного гостя.

Поскольку в Бристоле найти корабль для Карла не удалось, мисс Лейн продолжила путешествие со своим слугой в Трент (графство Дорсет), где, наконец, удалось арендовать судно, которое должно было перевезти короля во Францию.

Однако первая попытка нанять судно потерпела поражение. Капитан был готов рискнуть перевезти опасного пассажира, но его

супруга, женщина крутого нрава, заподозрив неладное, попросту посадила мужа под замок. Пришлось начинать поиски сначала. Капитанов легче всего было найти в портовых кабаках. Однако, когда король подошел к одной из харчевен, рядом с которой у коновязи крутилось несколько «круглоголовых», один из солдат, к счастью, не вполне трезвый, усталый на него, а затем заявил, что видел его в доме некоего Поттера в городе Эксетер. Король с трудом овладел обуревавшими его чувствами — он действительно бывал в этом месте — и спокойно ответил, что интересующийся им не ошибся: он якобы одно время служил у вышеупомянутого господина. Налицо был повод обмыть встречу, но Карл отговорился, пообещав сделать это немного позднее.

Оставаться в Тренте было опасно. Король перебрался в Брайтон, бывший тогда еще маленькой рыбацкой деревушкой, и там 15 октября 1651 г. сел на корабль, доставивший его в Нормандию.

Быть может, история чудесного спасения Карла II чересчур романтизирована, но это было действительно поразительное бегство от опасности — малейшая оплошность стоила бы королю жизни.

Впереди Карла ждали девять с половиной лет вынужденного изгнания, жизни при дворах европейских правителей, наполненной надеждами и попытками заполучить армию, которая помогла бы ему вернуть отцовское наследство — трон Англии.

МОРСКАЯ ВОЙНА С ГОЛЛАНДИЕЙ

Казнь Карла I вызвала сильнейший общественный резонанс во всей Европе. Роялисты, вынужденные бежать из Англии, не жалели слов, расписывая творящиеся на их родине ужасы. Разумеется, правители других стран осуждали происшедшее в Англии, и даже те страны, которые раньше поддерживали дружественные связи с королевством, теперь отвернулись от республики.

Голландия, правитель которой был женат на дочери Карла I, не была исключением. Кроме того, существовала еще одна веская причина, по которой голландцы были намерены выступить против Англии. Страна рек и каналов постепенно превращалась в морскую державу. Мореплавание, торговля стали основой ее процветания, поэтому Англия, занимавшаяся тем же промыслом, становилась естественной соперницей Голландии. Англия претендовала на роль полной влады-

Адмирал Блейк

чицы морей, ее корабли требовали, чтобы суда других стран отдавали им при встрече салют, а в узком проливе Па-де-Кале и Ла-Манше англичане и вовсе чувствовали себя хозяевами. Надеясь, что революция и длительные войны подорвали морскую мощь Англии, голландцы решили силой доказать свое право плавать в проливах.

Сперва голландские корабли отказались салютовать английским. Затем в Гааге был убит английский посланник. Парламент в Лондоне позволил себе весьма резкие высказывания в адрес голландцев, а в октябре 1651 г. нанес им чувствительный удар принятием «Акта о навигации», по которому все ввозимые в Англию товары должны были доставлять только на английских кораблях. Этот закон серьезнейшим образом подрывал интересы морских извозчиков из Голландии и привел к началу войны между двумя странами. Попутно отметим, что «Акт о навигации» предусматривал также меры по подготовке новых поколений моряков: на каждом корабле должны были плавать юнги, готовившиеся стать настоящими морскими волками.

Кромвель распорядился, чтобы английские корабли в проливах Па-де-Кале и Ла-Манш принуждали голландские корабли салютовать им. Голландские капитаны отказались от этого унижения, что спровоцировало первые битвы на море. Война была ожесточенной, и в мужестве и умении противники не уступали друг другу. Голландской флотилией командовали адмиралы ван Тромп и де Рейтер, английской — новоиспеченные флотоводцы Роберт Блейк (1559–1657) и Джордж Монк (1608–1670). Хотя Блейк и Монк были опытными сухопутными полководцами, они проявили себя с лучшей стороны и на море.

Некоторое время исход войны казался неопределенным. Сперва Блейк нанес поражение ван Тромпу, но скоро голландский адмирал сполна расквитался за причиненный ему ущерб. Голландцы были до такой степени уверены в своей победе, что, проходя через пролив Па-де-Кале, ван Тромп приказал привязать к мачте своего флагмана метлу. Этот знак символизировал его намерение «вымести» англичан из пролива. Однако праздновать победу было пока рановато. Через несколько месяцев противники сошлись в сражении близ Портленда, в котором ни одна сторона не добилась решающего перевеса, а в июне 1653 г. флот Блейка и Монка уничтожил практически все корабли ван Тромпа. Голландцы были окончательно добиты в июле того же года, когда погиб и их храбрый флотоводец ван Тромп. Голландцам пришлось смириться с поражением и с положениями «Акта о навигации». С тех пор их корабли безропотно приветствовали суда под английским флагом.

Со временем иностранные державы стали относиться к английской буржуазной республике с большим уважением. В 1650 г. ее признала Испания, в 1652 г. — Франция.

РАЗГОН «ОХВОСТЬ»

Англия укрепляла свое положение в международной политике, однако в самой республике назревала серьезная проблема. Члены Долгого парламента и государственного совета не слишком достойно выдержали испытание властью. Их охватила жажда обогащения, и в основном их государственная деятельность сводилась к заботе о приобретении и приумножении частной собственности. Новая власть не остановила процесса огораживания, ставшего бичом сель-

Кромвель распускает Долгий парламент

ского населения страны, не изменила в лучшую сторону полуголодного существования городских и деревенских низов. Налоговое бремя оставалось таким же тяжелым — не была отменена даже церковная десятина. Англия по-прежнему не получила закона о свободе совести, а многие радикальные секты пуритан даже подвергались гонениям, так как правители видели в их стремлении к обобществлению собственности прямую угрозу собственному материальному благополучию.

Революционный парламент, отступившийся от прежних идеалов, превратился в реакционное «охвостье», политика которого начинала

вызывать недовольство широких народных масс. Опытный политик, Кромвель понимал заключенную в этом опасность: притихшие, но не сломленные роялисты постарались бы извлечь максимум пользы из назревавших в стране брожений. В этой ситуации Кромвель неоднократно пытался урезонить потерявшее стыд «охвостье», и наконец под сильнейшим нажимом армейских офицеров Долгий парламент соизволил назначить дату своего самороспуска — ноябрь 1654 г. Впрочем, никто из его членов не собирался отказываться от кормушки, которой для них стала власть. В проекте рассматривавшегося нового избирательного закона значилось, что члены Долгого парламента должны автоматически войти и во все последующие парламенты. Кроме того, ни один из новоизбранных депутатов не мог закрепиться там без согласия «ветеранов» — «охвостье» желало иметь право устанавливать «законность» избрания любого члена парламента и таким образом не допускать в свои ряды опасных чужаков.

Армейские офицеры были возмущены бесстыдством «охвостья». Зная, как относится к проекту избирательного закона Кромвель, члены парламента решили действовать за его спиной и обсудить билль в отсутствие «старины Нолля». Когда ему доложили о происходящем в парламенте, Кромвель, не тратя времени даже на то, чтобы сменить домашний кафтан, с отрядом мушкетеров поспешил в Вестминстер.

Немного посидев и понаблюдав за дебатами, он поднялся со своего места и обрушился на парламентариев с гневными упреками. Он был настолько взбешен, что его обвинительная речь казалась несвязной — ясно было одно: командующий армией, самый авторитетный и популярный человек в стране считает, что парламент не достоин править Англией. Кромвеля пытались урезонить — слуге парламента не подобает произносить подобные слова. Это еще больше распалило оратора, бросившего в ответ историческую фразу: «Вы полагаете, что это не парламентский язык; согласен; но вы не можете ожидать, что я заговорю по-другому. Вы — не парламент, я говорю вам, вы — не парламент, и я положу конец вашим заседаниям».

По команде Кромвеля в зал вошли мушкетеры. Обличения Кромвеля продолжались и при них. Не называя конкретных имен, но прозрачно намекая на тех, о ком идет речь, «старина Нолль» обвинял членов парламента во всех смертных грехах — пьянстве, распутстве, мздоимстве. После этого он отдал приказ очистить помещение и закрыть двери. Несколькими часами позже Кромвель разогнал и государственный совет. Это произошло 20 апреля 1653 г.

СОБРАНИЕ «СВЯТЫХ» И ПРОЩАНИЕ КРОМВЕЛЯ С ВОЕННОЙ СЛУЖБОЙ

С разгоном «охвостья» возникла насущная проблема срочного созыва нового парламента. Дабы депутаты не впали, подобно членам Долгого парламента, в грех стяжательства, армейская верхушка решила созвать в парламент «святых» — представителей строгих пуританских церковных общин. Формально депутаты нового парламента выдвигались церковными общинами графств, но на деле кандидатура каждого будущего парламентария называлась офицерским советом.

Собрание «святых», съехавшихся в столицу в июле 1653 г., вскоре было окрещено Малым парламентом. Из 140 депутатов 55 человек ранее уже принимали участие в работе предыдущих парламентов; примерно таким же было число религиозных энтузиастов, фанатичных поборников радикальных реформ. Благодаря рвению этой части парламентариев были образованы комитеты, которым надлежало реформировать отдельные стороны жизни страны. Малый парламент упразднил церковный брак, заменив его гражданским, отменил систему откупа налогов, намеревался реформировать Канцлерский суд, Верховный суд Англии по гражданским делам, уже тогда печально известный бюрократической волокитой (в его практике встречались проволочки, исчислявшиеся десятилетиями; к 1653 г. в суде накопилось более 20 тыс. нерешенных дел, среди которых были и поступившие на рассмотрение двадцать-тридцать лет назад), а также отменить церковную десятину. «Пусть священников содержат те, кто нуждается в них», — заявляли реформаторы.

Рвение Малого парламента пришлось не по нраву армейским чинам. Как и представители «охвостья», они уже успели обрести собственностью, а уравнилельные тенденции, просматривавшиеся в курсе политики парламента, угрожали их благосостоянию. Поэтому армейские офицеры вступили в сговор с сельскими джентльменами, составлявшими консервативное крыло Малого парламента, намереваясь взять политическое устройство Англии исключительно в свои руки.

Заседание парламента 12 декабря 1653 г. началось необычайно рано, причем на нем отсутствовали все не посвященные в заговор «святые». Было принято решение о роспуске Малого парламента, поскольку его дальнейшая деятельность не могла принести блага государству — уничтожение собственности, права и духовенства принес-

ло бы один лишь вред. Затем депутация парламента во главе со спикером отправилась в Уайтхолл, к Кромвелю, чтобы объявить о решении передать ему свои полномочия.

Была введена разработанная офицерами конституция — этот документ назывался «Орудием правления», — в соответствии с которой 16 декабря 1653 г. Кромвель был провозглашен единоличным правителем — лордом-протектором Англии. В присяге, данной Кромвелем при вступлении в должность, говорилось, что он обещает править страной так, чтобы «Евангелие могло цвести в его полном блеске и чистоте, а народ — пользоваться своими законными правами и собственностью».

На церемонии инаугурации Кромвель неожиданно предстал перед собравшимися в гражданской одежде — в черном бархатном костюме, черной мантии, черных туфлях и чулках. Его черная шляпа была украшена золотой лентой. Протектор как бы прощался со своим великим военным прошлым — прошлым полководца, не проигравшего ни одного сражения.

ПРОТЕКТОРАТ КРОМВЕЛЯ

Для помощи ставшему единоличным правителем Англии Кромвелю был сформирован государственный совет из 15 человек. Вместе с тем новый режим не исключал возможности созыва «свободного» парламента, и новая парламентская сессия открылась в сентябре 1654 г. Начало работы было обставлено с той же пышностью, которой эта церемония отличалась в бытность Англии монархией, только теперь место короля в ней занял Кромвель. В дальнейшем его отношение к парламентариям сильно напоминало времена Карла I: называя парламент «свободным», лорд-протектор быстро дал понять, что свобода эта имеет пределы, и если депутаты осмелятся их нарушить, он не постоит перед роспуском парламента.

Полнота полученной Кромвелем власти была поистине королевской. «Совместно с парламентом» он обладал законодательной властью, «совместно с государственным советом» — исполнительной. В перерывах между сессиями парламента его указы были равносильны принятым парламентом законам. Кроме того, Кромвель являлся главнокомандующим и армии, и флота, определял внешнюю политику страны и пользовался правом объявлять войну и заключать мир —

для этого было достаточно лишь уведомить о своем намерении государственный совет. Под контролем лорда-протектора находились также финансы и правосудие.

Такой небывало высокий взлет изменил и самого Кромвеля. Он по-прежнему был врагом роялистов, но в то же время старался заручиться поддержкой английской знати. Он вспомнил, что его социальное положение было высоким уже по рождению. Враждебными по отношению к Кромвелю оставались представители «охвостья» Долгого парламента. Великое осуждение вызывали действия протектора и у наиболее радикально настроенных пуритан. Кромвель отплатил за критику, начав жестокое преследование своих оппонентов. Примечательно, что он ясно понимал значение печатной пропаганды: при нем в Англии была введена строжайшая цензура печати.

Как и низложенный Карл I, Кромвель испытывал острую нехватку средств. Его главной опорой была армия, верная и надежная, однако лишь до той поры, пока на ее содержание отпускались деньги. Кромвель не скупился, но возможности его были весьма ограничены. Во все времена в периоды войн налоговое бремя населения увеличивалось, а мир приносил долгожданное облегчение. Теперь, когда была создана регулярная армия, деньги на ее содержание требовались постоянно. Кромвелю пришлось сохранить размер налогов, платившихся в военное время, а также дополнительно собирать деньги по подписным листам. Обе меры были крайне непопулярными, и в марте 1655 г. в отдельных городах страны начались бунты.

Кромвелю не стоило труда усмирить бунтовщиков. Однако во избежание подобных осложнений в будущем и для облегчения управления Англия была поделена на дюжину округов, во главе которых были поставлены «губернаторы», именовавшиеся генерал-майорами; на них возлагалась обязанность поддерживать порядок и спокойствие — режим Кромвеля был откровенной военной диктатурой.

«Режим генерал-майоров» продержался около двух лет и был отменен парламентом в октябре 1657 г. Армейские офицеры были взбешены этим решением, и от резких действий их удержал только авторитет Кромвеля. Депутаты же остались признательны протектору, который выступил на их стороне. Между тем к сговорчивости Кромвеля принуждала потребность в парламентском благословении на новый сбор налогов. Дело в том, что в 1654 г., пользуясь ослаблением могущества Испании, Кромвель захватил Ямайку, за что Испания, прежде владевшая островом, объявила войну Англии.

Ричард Кромвель

Со своей стороны парламент, видя любезное расположение Кромвеля и желая сделать невозможной реставрацию Стюартов, предложил протектору английскую корону. Считается, что инициатива обратиться к Кромвелю с просьбой занять английский престол принадлежала купцу Кристоферу Пеку, депутату парламента от Лондона. Парламент поддержал это предложение 25 марта 1657 г. «Просьба» была изложена в документе, именовавшемся «Смиренной петицией». Нет сомнения в том, что Кромвель всей душой желал для себя короны, — это было бы не только признанием его фактической роли в государстве, но и сделало бы его родоначальником новой королевской династии. Как и Карл I, этот человек, несмотря на всю свою суровость и жестокость, был нежным отцом, беспокоившимся о будущем детей и мечтавшим закрепить их положение в обществе.

Впервые в жизни Кромвель не знал, на что решиться. Оставаясь даже в период этого сильнейшего искушения мудрым политиком, он хотел знать реакцию армии. Через несколько дней стало ясно, что индипенденты, составлявшие подавляющее большинство офицерского

корпуса, осуждали возможность коронации своего лидера. Кромвель мог стать королем и, лишившись своей главной опоры, армии, быстро потерять власть. Власть была ему дороже, и он предпочел ее короне. 8 мая 1657 г. Кромвель решительно отказался от предложения парламентариев. Одновременно он удовлетворил другую просьбу парламента — о возрождении второй его палаты (в нее вошел и сын протектора Ричард), а сам получил право назначить себе преемника на посту протектора, т.е. фактически передать власть по наследству.

Занимая пост верховного правителя страны, Кромвель был объектом многих заговоров — против него ополчались и роялисты, и пуританские радикалы. Его постоянно окружали шпионы. Например, агентом Карла II, старшего сына казненного Карла I, являлся близкий Кромвелю сэр Ричард Уиллис — его услуги оплачивались 200 фунтами в год. Обвиненных в участии в заговорах против Кромвеля ожидала незавидная участь: плаха, виселица или же продажа в рабство на душные плантации Вест-Индии.

Властный правитель, Кромвель заметно поднял международный престиж Англии. Например, узнав, что английские коммерсанты понесли ущерб от действий тосканцев, он послал в Средиземное море эскадру военных кораблей и принудил герцога Тосканы возместить убыток, выплатив потерпевшим, а заодно и английской казне, 6 тыс. фунтов.

Любопытно обстояло дело и с пиратством. При Кромвеле английские моряки по-прежнему позволяли себе налетать на суда под чужими флагами, но горе было пиратам, которые осмеливались нападать на английских купцов! Утверждая авторитет страны, Кромвель стоял на защите интересов англичан в морской торговле. Если становилось известно, что экипаж того или иного корабля был атакован пиратами и взят в плен, Кромвель посылал свои флотилии для спасения пострадавших — английские корабли смело шли к берегам Туниса или Алжира и вызволяли соотечественников из беды.

Жизнь Кромвеля нельзя назвать легкой. В военный период своей карьеры он страдал лихорадкой, тяжело болел во время ирландской и шотландской кампаний. Пребывание у власти заставляло его постоянно находиться в огромном напряжении. На шестом десятке его начала донимать не только малярийная лихорадка, но и подагра. Грустные события в семье — смерть внука, а затем и его матери, любимой дочери протектора Элизабет Клейпол, окончательно подорвали здоровье «старого Нолля».

Говорят, что в конце августа 1658 г. Кромвель, уже не поднимавшийся с постели, убеждал своих врачей, что обязательно поправится, ибо Господь дал ему знать, что не эта болезнь станет причиной его смерти. Однако улучшения в его состоянии не наступило, и 3 сентября 1658 г. Оливера Кромвеля не стало.

В соответствии с постановлением 1657 г. Кромвель лично назвал своего преемника — после его смерти власть в стране перешла к его сыну Ричарду (1626–1712). Однако младший Кромвель не обладал ни талантом, ни авторитетом отца. Он продержался у власти чуть более полутора лет, и вся история его правления состоит из бесконечных свар армейской верхушки с парламентом и грызни офицеров между собой. Дело кончилось тем, что командование армией захватил генерал Монк, подготовивший возвращение на английский престол представителей династии Стюартов.

Оказавшись перед угрозой поражения от роялистов, Ричард Кромвель бежал во Францию, где жил с 1660 по 1680 г. На склоне лет он вернулся на родину и провел остаток своих дней, ведя уединенный, тихий образ жизни в оставленном ему поместье. Однако в памяти сограждан он остался с обидным прозвищем Разгромленный Дик.

ПРЕЛЮДИЯ К РЕСТАВРАЦИИ

Ричард Кромвель был личностью иного склада, чем его великий отец. Человек сугубо гражданский, он начал свою политическую карьеру как член парламента и, став протектором, сохранил более дружественные связи с парламентом, а не с армией. Именно поэтому армия выступила против Ричарда, потребовав, чтобы главнокомандующим вместо него был назначен зять Кромвеля Чарльз Флитвуд, а саму армию вывели бы из-под власти протектора. Ричард не согласился поступить с титулом верховного главнокомандующего — с его стороны было бы полным безумием выпускать из-под контроля армию, — но назначил Флитвуда своим полномочным заместителем. Парламент выступил в поддержку верховенства гражданских властей над армией, чем вызвал великий гнев в среде военных. 22 апреля 1659 г. солдаты принудили Ричарда Кромвеля отдать распоряжение о роспуске злокозненного парламента, а 25 мая протектор отрекся от власти.

Уже 7 мая по просьбе военных в Вестминстере собрались сорок два представителя так называемого «охвостья» Долгого парламента,

разогнанного О. Кромвелем в 1653 г. «Охвостье» алчно ухватилось за вновь предоставившуюся возможность править государством. Оно отменило все законы времен Кромвеля, а жажда наживы побудила этот возрожденный парламент принять постановление о том, что все откупщики, собиравшие налоги по разрешению Кромвеля, должны были внести в казну полученные ими средства. Парламентское постановление больно задевало интересы высших чинов армии, которые значительно обогатились при «старом Нолле» именно таким путем и вовсе не желали расставаться с нажитыми капиталами. В это время в Чeshire вспыхнуло восстание под руководством сэра Джорджа Бута. Один из наиболее выдающихся полководцев Кромвеля Джон Ламберт (1616–1683) повел свой полк на подавление мятежа и 19 августа разбил роялистов в сражении близ Уиннингтонского моста.

По возвращении Ламберта в Лондон, где по-прежнему бушевали страсти, офицеры, которым надоело препираться с парламентом, попросту принудили «охвостье» покинуть зал заседаний. 13 октября 1659 г. парламент прекратил свое существование, власть в стране перешла в руки военных. Армейская верхушка оказалась не в состоянии править государством без помощи гражданских лиц. И, как ни презирали военные штатских, им пришлось признать необходимость существования гражданского органа власти и 26 декабря 1659 г. восстановить парламент. Было, однако, ясно, что мирное сосуществование парламента и армии невозможно. Многие понимали, что страна все глубже опускается в пучину анархии. Англия нуждалась в правителе.

К этим выводам пришел и генерал Джордж Монк (1608–1670), верный соратник О. Кромвеля, с которым он прошел ирландскую и шотландскую кампании. После поражения шотландских роялистов Монк был оставлен в Шотландии в качестве главнокомандующего. Когда после смерти Оливера Кромвеля Англию стала захлестывать волна анархии, Монк решил попытаться навести порядок в стране. 1 января 1660 г. его армия перешла шотландско-английскую границу. В Йорке к нему присоединился генерал Томас Ферфакс, и 3 февраля их объединенные силы вошли в Лондон.

Три дня спустя жители лондонского Сити заявили, что отказываются платить установленные парламентом налоги, поскольку среди депутатов они не имеют ни одного своего представителя. Монку было поручено приструнить строптивых горожан. Когда его отряды вошли в Сити, генерал воочию убедился, до какой степени непопулярен в стране парламент, — у всех слоев населения он вызывал только нена-

висть и откровенное презрение. Дальше так продолжаться не могло, и 16 февраля Монк открыто высказался за созыв нового парламента.

Авторитет генерала был столь велик, что парламент был вынужден принять решение о новых выборах и самораспуститься — это произошло 16 марта. Поскольку все новые формы правления — и парламентская республика, и протекторат, и военная диктатура — себя дискредитировали, население страны в целом было не прочь вернуть старый порядок; крах монархии Карла I теперь объясняли прежде всего личными ошибками короля, но это не означало недовольства монархией как институтом.

Параллельно Монк вступил в сношения с находившимся в Голландии Карлом Стюартом, и 4 апреля 1660 г. старший сын казненного короля подписал в Бреде воззвание к людям Англии, в котором обещал прощение всем, кто выступал против короны, за исключением наиболее ревностных сторонников парламента, причастных к казни его отца. Карл намеревался сохранить приобретенные за время правления пуритан материальные блага за их новыми владельцами, сообщаясь в этом своем решении с волей парламента. Новый король не собирался править независимо от парламента, как стремился к этому его отец, но в его намерения входило переложить на парламент и часть королевских забот, например, не самому искать средства на содержание армии, а предоставить решать эту проблему палатам.

25 апреля 1660 г. в Лондоне собрался новый парламент, вошедший в историю под названием Согласительного. 1 мая парламентарии ознакомились с Бредской декларацией Карла, получившей всеобщее одобрение. Парламент вынес решение о том, что в соответствии с древними законами английского королевства править страной должен король и состоящий из двух палат парламент. Это решение вернуло на круги своя все, что было сметено пуританской революцией. Англия вновь стала монархией.

ПУРИТАНЕ И ИСКУССТВО

С точки зрения пуритан, развлечения всякого рода являлись богопротивными занятиями. Человек рожден, чтобы трудиться и славить Господа. Начав с того, что в XVI в. они крушили органы в церквях, пуритане ополчились на театр. Эта «бесовская затея» оскорбляла их тем, что мужчины-актеры рядились на сцене в женское платье: про-

рок Моисей строго-настроено запретил мужчинам и женщинам носить одежды, приставшие противоположному полу, поскольку в древности такое переодевание было распространено среди языческих народов и связывалось с развратом. Достойным чтением считалось Священное Писание, назидательная религиозная литература. Что касается театра, то на протяжении всего периода пребывания пуритан у власти он находился под запретом.

После эпохи расцвета, пришедшегося на период правления Елизаветы I и первых Стюартов, литература переживала глубочайший кризис. Однако и в пуританской среде нашлись писатели и поэты, имена которых навечно вошли в память благодарного человечества. Джон Мильтон (1608–1674) по праву считается величайшим английским поэтом XVII в., а Джон Беньян (1628–1688) — создателем самой популярной в Англии после Библии книги, знаменитой притчи «Путь паломника» (1678).

В Уголке поэтов Вестминстерского аббатства можно увидеть памятник Мильтону. Однако погребения рядом с могилами Чосера и Спенсера он не удостоился — Мильтон был не только служителем муз, но и крупным политическим деятелем эпохи пуританской революции, за что подвергся гонениям после реставрации Стюартов.

Мильтон родился в семье лондонского нотариуса и получил строгое пуританское воспитание. Он учился в одном из самых известных учебных заведений своего времени — школе при соборе Св. Павла, а потом поступил в Кембриджский университет, где получил степень магистра. В 1632 г. молодой человек побывал во Франции, затем, поселившись в отцовском поместье в Хортоне, посвятил себя творчеству. Ранние произведения Мильтона, особенно знаменитый поэтический диптих «L'Allegro» («Веселый») и «Il Penseroso» («Задумчивый») (1632–1634) свидетельствуют, что молодой Мильтон находился под сильным влиянием литературы эпохи Возрождения, однако в этих произведениях отсутствует целостность восприятия мира и человека, характерная для искусства Ренессанса. В первой поэме герой — веселый, жизнерадостный юноша, во второй — тот же молодой человек, только исполненный грусти, ищущий уединения и равнодушный к радостям бытия. Серьезный и задумчивый, он намерен посвятить жизнь не поиску наслаждений, но изучению наук и искусств. Оба образа автобиографичны — мы словно видим самого Мильтона на перепутье, размышляющего о своем будущем.

Джон Мильтон

Со временем в творчестве Мильтона набирают силы пуританские тенденции, проявляется моральный ригоризм, присущий представителям этого религиозного течения. Однако сам поэт в отношении искусства сохранил более гуманистическую позицию — например, он преклонялся перед Шекспиром-драматургом и сам писал для театра пьесы-маски (так назывались аллегорические пьесы, создававшиеся преимущественно для постановок в придворных театрах, строившиеся по мотивам античной мифологии и представлявшие собой сплав драмы, балета и музыки). В самой известной из них, «Комусе» (1634), воспроизведена история некой юной Леди, заблудившейся в лесу — сложностях человеческой жизни. Девушку преследует злой дух Комус — воплощение порока, однако ему не удастся восторжествовать над добродетелью.

В 1638–1639 годах Мильтон совершил еще одно заграничное путешествие, а по возвращении из него с головой ушел в общественно-политическую деятельность как сторонник индипендентов. В период

гражданских войн расцветает талант Мильтона-публициста, решительно выступающего против партии роялистов. Например, в памфлете «Иконоборец» (1649) он пламенно доказывал справедливость казни Карла I, считая его монархом, предавшим интересы народа. Выступая за республику, Милтон говорил, что ее правители — прежде всего Кромвель — не должны злоупотреблять личной властью («Защита английского народа», 1650).

Будучи высокообразованным человеком, владея латынью, греческим, древнееврейским, а также итальянским языками, Милтон в период Английской республики был латинским секретарем государственного совета. Он оставался еще некоторое время на этом посту и после того, как в 1652 г. полностью ослеп. Все последующие годы он был вынужден надиктовывать свои произведения. В конце 1650-х годов Милтон написал латинский трактат «О христианском вероучении». Одна из основных мыслей этого сочинения заключается в том, что долг христианина — в служении на благо общества. В политической деятельности Милтон стремился руководствоваться именно этим принципом. Не менее последовательной оставалась его приверженность идеалу гражданина республики, нарисованному им в трактате «Ареопагитика» (1644) и заключавшемся в том, что человек обязан отстаивать свои убеждения.

В годы Реставрации Милтону пришлось держать ответ за свои принципы. В числе немногих активных деятелей республики он был приговорен к смертной казни, но в последнюю минуту помилован. Его попросту лишили средств к существованию, принудив сделать огромные выплаты в казну, а некоторые из его крамольных памфлетов были сожжены рукой палача. Легко представить, как отнесся к этому автор «Ареопагитики», писавший, что «убить книгу — все равно что убить человека».

За период участия в религиозно-политической борьбе Милтон создал лишь несколько поэтических произведений — стихотворные переложения некоторых псалмов и шестнадцать сонетов. Зато после Реставрации забытый всеми слепец создал величайшие эпические поэмы «Потерянный рай» (1667), «Возвращенный рай» (1671) и трагедию «Самсон-борец» (1671), почерпнув сюжеты всех трех произведений из Библии.

Главная тема первой поэмы — борьба Неба и Ада, Добра и Зла, в которой отразилось мироощущение Мильтона как свидетеля грандиозных политических катаклизмов середины XVII в. Эпическая тема

борьбы гордого Сатаны с Богом переплетается в поэме с рассказом о судьбе Адама и Евы, идеальных, по мысли поэта, людей, которые изображены созвучно времени самого Мильтона — страдающими, выброшенными из привычной колеи жизни, но готовыми мужественно противостоять обрушившимся на них невзгодам. Воплощенный в образе Адама идеал стоицизма психологически объясним — эта философия служила опорой самому Мильтону. Герой-стоик оказывается и центральной фигурой «Возвращенного рая». Иисус представлен в этой поэме обычным, земным человеком, в душе которого идет сложная борьба, ведущая его не только к победе над Сатаной, но и к победе над самим собой.

После «Возвращенного рая» логичным представляется переход поэта к трагедии «Самсон-борец», герой которой ценой смерти одерживает победу над врагом. Если Адам мечтал о подвиге, а Иисус был готов к нему, то Самсон совершает его, и вся трагедия построена как трагедия личности, одиноко отстаивающей идеалы, в то время как другие отвернулись от них. Страдания библейского Самсона были понятны Мильтону, как никому другому: филистимляне выкололи богатырю глаза, и он был слеп, как и поэт, но так же оставался верен своим убеждениям.

Создатель «Пути паломника» Джон Беньян появился на свет и рос в совсем иной среде, чем Милтон, — его отец был лудильщиком. С молодых ногтей Беньян отличался честностью и богобоязненностью. Глубокая религиозность сделала Священное Писание его любимой книгой. Образование, полученное им в молодые годы, изчерпывалось умением читать, писать и знанием Библии. Когда началась гражданская война, юный Беньян вступил в армию короля, но вскоре перешел на сторону индепендентов. В стане пуритан он еще больше утвердился в своих религиозных убеждениях. По окончании военной службы Беньян вернулся в родное графство Бедфорд.

В 1650-е годы он вел скитальческий образ жизни, совмещая наследственную профессию лудильщика с проповеднической деятельностью, связанной с пропагандой религиозных взглядов секты баптистов, к которой он принадлежал. Проповеди Беньяна затрагивали многих влиятельных особ, он резко выступал против англиканской церкви, а когда после Реставрации власти потребовали, чтобы он прекратил свою религиозную деятельность, Беньян не подчинился, за что угодил в бедфордскую тюрьму, где провел долгие двенадцать лет — с 1660 по 1672 г. В тюрьме он и создал свою замечательную притчу «Путь паломника», опубликованную в 1678 г.

Герой этого произведения Христианин ведет поиски высшей правды, которую можно обрести, только попав в Град Небесный. Такая участь — удел немногих, сумевших пройти через все жизненные испытания и не запятнать душу грехом. Подлинный христианин, занимаясь духовным самосовершенствованием, открывает перед собой врата рая. Идея морального совершенствования личности, ставящей перед собой возвышенные цели, — центральная идея «Пути паломника», вдохновившего А.С.Пушкина на стихотворение «Странник» (1835):

...Пошел я вновь бродить — уныньем изнывая
И взоры вкруг себя со страхом обращая,
Как узник, из тюрьмы замысливший побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
Духовный труженик — влача свою веригу,
Я встретил юношу, читающего книгу.
Он тихо поднял взор — и спросил меня,
О чем, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: «Познай мой жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в суд загробный —
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит».
«Коль жребий твой таков, —
Он возразил, — и ты так жалок в самом деле.
Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь отселе?»
И я: «Куда бежать? какой мне выбрать путь?»
Тогда: «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь?» —
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть, болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», — сказал я наконец.
«Иди ж, — он продолжал, — держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!» — И я бежать пустился в тот же миг.

На своем пути Христианин проходит Топь Уныния и Гору Затруднения, Долину Унижений и Долину Смертной Тени, где видит двух великанов — мертвого (Язычество) и живого (Папство), кото-

рый изображен недужным стариком, терзающимся сознанием собственного бессилия. Герой посещает и город Ярмарки Тщеславия, представляющий собой аллгорию современного Беньяну Лондона. На Ярмарке Тщеславия «продаются любые товары: дома, земли, торговые предприятия, почести, титулы, страны, королевства, похоти, удовольствия и наслаждения всякого рода, как то: шлюхи, сводни, жены, мужья, дети, господа, слуги, жизнь, кровь, тела, души, серебро, золото и все, что угодно». Нарисованный Беньяном образ подсказал У.М.Теккерю (1811–1863) название для его романа «Ярмарка тщеславия». Пройдя все испытания и ни разу не сбившись «с верного пути Евангельского учения», Христианин достиг Небесного Града.

РЕСТАВРАЦИЯ (1660–1688)

«СТАРИНА РОУЛИ»

Ставший королем Англии в 1660 г. Карл II вернул в жизнь страны веселье, особо желанное после многолетнего господства пуритан. Молодой король въехал в столицу в день своего тридцатилетия, превратив это событие в двойной праздник.

В Англии возобновились зрелищные, увеселительные мероприятия, заработали театры, находившиеся под запретом на протяжении всего периода пребывания пуритан у власти. Театр, однако, сильно изменился: теперь женские роли исполняли актрисы, да и репертуар стал иным — шли пьесы французских драматургов и ориентировавшихся на них английских авторов. Особое место среди своих собратьев по перу занимала в это время Афра Бен (ок. 1640–1689), считающаяся первой профессиональной писательницей в истории английской литературы, автор двенадцати комедий, четырех трагикомедий, одного фарса, нескольких повестей и романа «Оруноко, или Царственный раб».

Театральные зрители теперь приходили в театр не только ради того, чтобы насладиться пьесой, но и поглазеть на хорошеньких актрис или так называемых «апельсинных девушек», ходивших между рядами и предлагавших заморские фрукты для услаждения театралов. Нравы стали свободными, а за кулисами завязывалось немало бурных романов. Даже у Карла II была фаворитка из числа актрис — Нелл Гуин (1650–1687).

Нелл Гуин и король

Король, молодость которого прошла на континенте, был одним из главных английских либертенов — поклонников французского философа Гассенди, выдвигавших в качестве основного принципа человеческого поведения «следование природе». «Следование природе» избавляло от необходимости соразмерять свое поведение с нравственными нормами, и либертены отличались не столько естественностью поведения, сколько неукротимым стремлением к вседозволенности.

О похождениях короля и его брата Якова, герцога Йоркского, судачил весь Лондон. Карлу II даже дали прозвище Старина Роули — по имени темпераментного жеребчика из королевской конюшни. Отъявленный ловелас, Карл имел огромное количество фавориток, будучи очень чувствительным к чарам женской красоты. Порой его

романы приобретали весьма опасное течение. Например, одна из королевских любовниц, Луиза де Керуаль, была шпионкой французского короля Людовика XIV. Прелестница прибыла в Англию в качестве фрейлины Генриетты Орлеанской, младшей и любимой сестры английского монарха, а после смерти своей госпожи окончательно перебралась в Лондон, где очарованный Карл II сделал ее герцогиней Портсмутской. Карлу нравилось вести рискованную игру: ублажать красавицу, а заодно водить за нос французского короля. Другая фаворитка Карла, Барбара Вильерс, леди Каслмейн (впоследствии герцогиня Кливлендская, 1640–1709), также имела прямые контакты с иностранным двором, однако действовала в интересах не Франции, а Испании.

Далеко не все пассии короля принадлежали к высшему обществу. Это придавало его похождениям определенный демократический шарм, а обаяние короля было столь велико, что подавляющее большинство подданных относились к его романам вполне терпимо. Число незаконнорожденных отпрысков Карла II не поддавалось точному определению. Однако законных наследников престола — в 1662 г. Карл женился на португальской принцессе Екатерине (1638–1705) — у него не было, и его официальным преемником считался брат, герцог Йоркский.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ЦАРСТВОВАНИЕ КАРЛА II

В подписанной в Бреде декларации Карл обещал всеобщую амнистию тем, кто выступил против короны, однако это не относилось к его злейшим врагам. Тринадцать видных протестантских деятелей были отправлены на эшафот, а тела уже умерших к тому времени Оливера Кромвеля, Айртона и Бредшоу эксгумировали и вздернули на виселице. Захороненные в Вестминстерском аббатстве тела Пима и Блейка были извлечены из могил и свалены в общую яму. Многие сторонники республики и протектората подверглись денежным штрафам, другие были вынуждены удалиться в изгнание.

Созванный 29 декабря 1660 г. Согласительный парламент был настроен против индепендентов и других радикальных пуританских сект. В результате начавшихся гонений в январе 1661 г. в Лондоне вспыхнуло восстание религиозных фанатиков пуританского толка, во главе которого стоял бочар Веннер. Это выступление было быстро

подавлено, но у Карла появился повод не распускать полностью регулярную армию, ставшую тяжелым бременем для налогоплательщиков, а сохранить в полной боевой готовности три хорошо обученных полка.

В новых условиях насущным оказался вопрос веротерпимости. Партия «кавалеров» желала восстановления епископальной церкви. Пресвитериане были готовы пойти на уступки при условии, что при каждом епископе будет церковный совет, рекомендации которого станут для иерарха обязательными. Карл II одобрил такой принцип церковного устройства как более отвечающий принципу религиозной терпимости. Однако королю не удалось ввести в своем королевстве свободу вероисповедания: и «кавалеры», и пресвитериане одинаково боялись католиков, ужас перед которыми стал в Англии уже генетическим.

Следующий парламент был созван королем в мае 1661 г. Он вошел в историю под названием «Кавалерского», поскольку подавляющее большинство парламентариев представляло именно партию роялистов. Одним из важнейших постановлений этого парламента стал закон, по которому парламенту запрещалось созывать народное ополчение и вести войну против короля. Важно также, что парламент узаконил практику, в соответствии с которой при вступлении в любую государственную должность человек был обязан принимать церковное причастие по англиканскому обряду. Тем самым исключалось участие в управлении государством как крайних пуритан, так и католиков. «Кавалерскому» парламенту пришлось принять активное участие и в разрешении проблем церковного устройства. В 1662 г. был принят Акт об единообразии, по которому все служители церкви и все школьные наставники до 24 августа должны были подтвердить свое полное приятие Книги общей молитвы. Однако по истечении отпущенного срока выяснилось, что около 2 тыс. человек предпочли расстаться с местом и лишиться доходов, чем покривить душой и отречься от своих религиозных убеждений, не совпадавших с официальной церковной доктриной.

Чистка церковных рядов закономерно привела к возникновению альтернативных религиозных общин, диссентеров. Первые пуритане не желали отделяться от национальной церкви, стремясь переделать ее в соответствии со своим пониманием того, какой она должна быть. Индепенденты показали пример выхода из государственной церкви с организацией самостоятельных религиозных общин. Ему

последовали покинувшие церковное лоно в 1662 г. пресвитериане. Кроме того, вне англиканской церкви действовали общины баптистов и квакеров. Представители этих протестантских конфессий не пытались договориться с государственной церковью и лишь просили разрешения позволить им поклоняться Богу так, как они считали правильным. Однако такого разрешения они не получили; более того, диссентеры подвергались серьезным штрафам и даже ссылке. В частности, священнослужителям, отказавшимся письменно подтвердить свою приверженность установленной церкви, запрещалось приближаться к городам ближе, чем на пять миль. Диссентеры были опасны для монархии, поскольку при благоприятных обстоятельствах могли бы выступить против короны, как это сделали в свое время индепенденты.

Карл II симпатизировал католицизму и открыто признался бы в своих религиозных убеждениях, если бы не опасался последствий такой откровенности в стране, где народ отличался нетерпимым отношением к католикам. Король не возражал бы против воссоединения Англии с Римом; подобно своему казненному отцу он был внутренне убежден, что существует священное право королей, а если власть дана им от Бога, то подчинение парламенту приходится воспринимать как необходимость, которую нужно терпеть, чтобы получать деньги. А в деньгах Карл нуждался — их властно требовал тот веселый образ жизни, который стал естественным для короля-повесы. И вот, наконец, он нашел способ добывать средства в обход парламента. Король знал, что Людовик XIV — его кузен — вовсе не прочь заключить союз с Англией для вторжения в Голландию. Людовику особенно хотелось, чтобы Англия к тому же стала вновь католической страной, — тогда выступать вместе против голландских протестантов стало бы гораздо проще. Через посредство принцессы Генриетты, младшей сестры Карла II и жены младшего брата французского короля Филиппа Орлеанского, Людовик вел секретные переговоры с Карлом, убеждая его вернуть Англию Риму. За это Франция была готова снабжать Карла деньгами, войсками и оружием. Открыто перейти в католичество Карл не мог — это стоило бы ему с таким трудом добытой короны, а может быть, и самой жизни.

Однако Карлу удалось добиться значительных уступок со стороны Людовика: Франция обязалась выплачивать ему деньги с тем, чтобы «в подходящее для этого время» английский король сделал заявление о своем переходе в католическую веру. Такая оговорка была очень

удобна — «подходящее время» могло и не наступить. Действительно, оно так и не наступило. Однако перед самой смертью Карл II не отказался от предложения брата Якова призвать к нему католического священника.

ВОЙНА С ГОЛЛАНДИЕЙ И ВЕЛИКАЯ ЧУМА

Торговое соперничество посеяло семена раздора между Англией и Голландией еще во времена Оливера Кромвеля. При Карле II навигационные законы эпохи протектората остались в силе. Камнем преткновения между двумя державами оказался остров Пуларун в Индийском океане, где в изобилии произрастали самые изысканные специи. У Карла были и личные причины недолюбливать голландцев, которые упразднили пост штатгальтера и тем самым лишили власти его племянника Вильгельма Оранского, сына старшей сестры английского монарха. Всеми делами в Нидерландах заправлял теперь великий пенсионарий Ян де Витт.

В результате в 1664 г. между двумя государствами началась необъявленная война. Англичане топили голландские торговые корабли у берегов Африки, захватывали голландские владения в Вест-Индии, овладели североамериканской голландской колонией Новый Амстердам, переименовав ее в Нью-Йорк в честь герцога Йоркского, главнокомандующего английским флотом. Голландцы не остались в долгу, и в том же году англичане лишились большинства своих фортов на побережье Гвинеи. В 1665 г. последовало официальное объявление войны. Английский парламент выделил на нее 2,5 млн фунтов стерлингов, а 3 июня англичане одержали первую серьезную победу над противником.

Однако ликование англичан было кратковременным. В XVII в. чума была частой гостьей во всех западноевропейских странах, особенно там, где велась интенсивная торговля с Востоком. В Англии ее вспышки наблюдались примерно раз в пять лет, но эпидемия 1665 г., именуемая Великой чумой, оказалась особенно сильной. По оценкам современных историков, она унесла от 70 до 100 тыс. жизней. Пик заболеваний пришелся на август — сентябрь, причем наиболее устрашающие размеры эпидемия приняла в Лондоне. Болезнь косила и английских моряков, так что английский флот даже не мог выйти в море — господами положения оказались голландцы.

Между тем на выделенные парламентом средства Карл II отправил в Голландию наемное войско, и голландцы, заключившие в 1648 г. мир с Испанией и переставшие поэтому следить за обороной своих земель, были захвачены врасплох. Поскольку Людовик XIV в этот период был связан союзным договором с Голландией, в 1666 г. ему пришлось вмешаться в войну на ее стороне. Однако особого рвения Людовик не проявлял. Вражда двух протестантских стран была ему выгодна. Кроме всего прочего, французский король испытывал своеобразную симпатию к своему английскому кузену: Карл был женат на португальской принцессе, а Людовик осуждал захват Португалии Испанией. Наконец, война во все времена была дорогим удовольствием, и Людовик ограничился тем, что помог голландцам изгнать армию английских наемников, но не пожелал бороться с английским флотом.

На море же после окончания эпидемии чумы англичане одерживали одну победу за другой, хотя и несли при этом серьезные потери. Они отважно вторгались в голландские порты и уничтожали стоявшие на якоре суда противника. Английский парламент намеревался продолжать войну, но страну постигло новое бедствие — Великий пожар Лондона (1666). Потери, понесенные обеими сторонами, вынудили воевавшие державы искать мира.

Тем временем на юге европейского континента разворачивались захватывающие политические события. В 1665 г. умер король Испании Филипп IV. Ему наследовал Карл II, его единственный сын, совсем мальчик, который к тому же был неполноценен как в физическом, так и в умственном отношении. У Филиппа были также две дочери. Старшая, Мария Терезия, дочь от первого брака с Изабеллой Французской, вышла замуж за Людовика XIV. Младшая, Маргарита Тереза, дочь от второго брака с Марианной Австрийской, стала женой германского императора Леопольда I. Вступая в брак, обе испанки отказались от дальнейших притязаний на отцовский престол, однако Людовик, готовый к тому, что его юный испанский шурин вскоре последует за своим родителем, намеревался отстаивать права жены на испанскую корону. В то же время он претендовал на большую часть испанских Нидерландов, требуя, чтобы эти земли немедленно перешли к Марии Терезии, так как на этой территории действовал закон, по которому доля наследства дочери от первого брака должна превышать долю наследства детей от второго брака, в том числе и сыновей. С этой точки зрения преимущества Марии Терезии над Карлом II Испанским и Маргаритой Терезой были неоспоримы.

В марте 1667 г. Людовик XIV и Карл II Английский заключили секретное соглашение: Франция не собиралась вмешиваться в англо-голландский конфликт, а Англия не возражала против захвата Людовиком голландских Нидерландов. В марте началась Деволуционная война между Францией и Испанией (1667–1668), и Людовик XIV приступил к захвату вожделенных территорий. Голландия была сильно обеспокоена творящимся в испанских Нидерландах и была вынуждена пойти на мирные переговоры с Англией. Голландцы шли на любые уступки, и Карл II Английский, полагая, что вопрос об острове специй решится также в его пользу, распорядился вернуть английский флот на родину и уволить военных моряков на берег. Голландцы немедленно воспользовались этим промахом, ввели свои корабли в Темзу, уничтожили три английских корабля и захватили в плен четвертый. Блокада Темзы продолжалась несколько дней, после чего Карл II послал в Бреду гонцов с повелением уступить спорный остров голландцам. Наконец 31 июля 1667 г. был подписан англо-голландский мир.

ВЕЛИКИЙ ПОЖАР ЛОНДОНА

Среди катастроф, постигших Англию в период Реставрации, по своим масштабам с Великой чумой может соперничать только Великий пожар Лондона. Современники относились к этим событиям как к карам, которые Господь обрушил на грешников. Пуритане не сомневались, что распутство Карла II и его двора, где всякий норовил подражать в поведении королю, переполнили чашу терпения Всевышнего. Кроме того, лондонская трагедия породила более прозаическую версию, согласно которой Лондон спалили католики, всегда искавшие способов насолить протестантам.

Великий пожар начался 2 сентября 1666 г. Неподалеку от Лондонского моста, в ведущем к Темзе переулке Пудинг-лейн загорелся дом королевского пекаря Джона Фаринора. Произошло это около двух часов ночи, когда все семейство пекаря спокойно спало (лондонцы, имевшие свое дело, в те годы отправлялись на покой рано, около десяти часов вечера). По счастью, слуга семейства спал чутко и заметил, что дом наполняется дымом. Он бросился будить Фариноров и жившую в доме служанку. К этому времени разгоревшийся в помещении пекарни огонь уже отрезал выход на улицу тем, кто находился в доме. Пришлось вылезать на крышу и по ней перебираться

Вид Лондона

на соседнее строение. Пекарь, его жена и дочь, а также бдительный слуга сумели спастись, а вот менее проворная служанка стала первой жертвой огненной стихии.

Лондон середины XVII в. был густо застроен домами тюдоровской эпохи. Если первые этажи таких зданий возводились по преимуществу из камня, то верхние, нависавшие над улицами, строились из дерева. В царствования первых Стюартов город не претерпел заметных изменений, и теперь дома вспыхивали один за другим. Огонь пожирал улицу за улицей, а ночью над столицей стояло багровое зарево, видное на многие мили окрест. Дул сильный ветер, и безжалостный огонь уничтожал строение за строением. 3 сентября пламя охватило собор Св. Павла — кафедральный собор епископа Лондонского в самом сердце Сити. Очевидец этого кошмара Сэмюэль Пипс днем позже записал в своем дневнике: «...камни собора Св. Павла разлетались в стороны, словно выпущенные из пращи, расплавленный свинец (кровли. — И. Б.) ручьями струился по окрестным улицам, и сама мостовая светилась, пыша жаром, так что ни лошадь, ни человек не могли пройти по ней».

Пожар грозил уничтожить всю столицу. Для того чтобы поставить заслон огню, моряки под командованием герцога Йоркского взорвали дома на нескольких улицах, локализовав тем самым зону пожара. Великий пожар бушевал в течение четырех суток. Жителей столицы охватила паника, они тысячами бежали из объятых огнем города. На этом фоне поведение Карла II и его брата-престолонаследника, принимавших непосредственное участие в тушении пожара, выглядело подлинным героизмом. К исходу четвертых суток ветер, дувший очень сильно на протяжении всех этих трагических дней, стих, и пламя резко пошло на убыль. Однако некоторые постройки продолжали дымиться и тлеть еще в течение нескольких месяцев, вплоть до весны 1667 г.

В память о трагическом событии архитектор Кристофер Рен неподалеку от Лондонского моста воздвиг мемориальную колонну. Высота 61,5 м памятника, именуемого Монументом, выбрана неслучайно. Считается, что пекарня, в которой начался Великий пожар Лондона, располагалась именно на таком расстоянии от основания колонны. На вершине Монумента находится бронзовая урна с вырывающимися из нее языками пламени, хотя первоначально архитектор намеревался увенчать колонну статуей Карла II, принимавшего деятельное участие в спасении города и ликвидации последствий пожара.

ЛОНДОН ВОССТАЕТ ИЗ ПЕПЛА. АРХИТЕКТОР КРИСТОФЕР РЕН

Отстроенная после Великого пожара столица стала совсем иной. Город помолодел — на месте старинных деревянных домов выросли новые каменные здания, устремили в небо сверкающие шпили колоколен новые каменные церкви. Улицы стали шире, просторнее и прямее — такими, какими их можно увидеть в старой части города в наши дни. Формированию нового облика Лондона в огромной степени способствовал самый знаменитый из английских архитекторов — Кристофер Рен (1632–1723). Англичане никогда не скупились на похвалы Рену. Его называли Шекспиром от архитектуры, а его современник, великий Ньютон, хорошо знавший зодчего, считал его одним из самых выдающихся геометров своего времени.

Рен родился в Ист-Нойле, графство Уилтшир, в семье настоятеля местной церкви, который позднее был назначен деканом Виндзорского собора. В годы гражданской войны будущий архитектор учился в Вест-

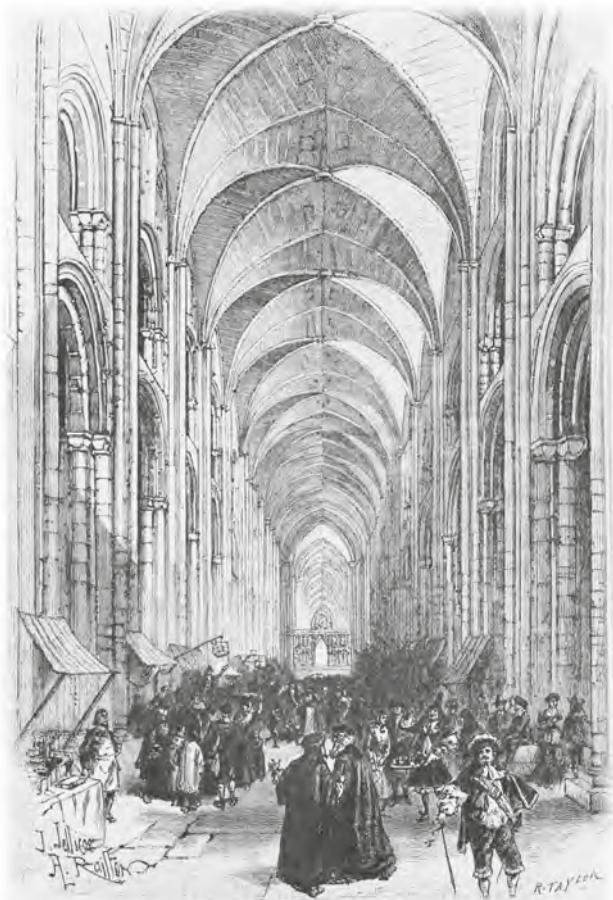

Кристофер Рен

минстерской школе, а в 1649 г. поступил в Оксфордский университет, где изучал математику и астрономию. Об архитектуре он тогда даже не помышлял. Казалось, его ожидала блистательная академическая карьера. В 1653 г. он получил степень магистра искусств, а в двадцать пять лет стал профессором астрономии в лондонском Грешемском колледже, престижном учебном заведении, основанном лордом-мэром Томасом Грешемом (1519–1579), который завещал для этой цели собственный дом и денежный фонд для оплаты труда профессоров астрономии, геометрии, физики, права, богословия, риторики и музыки. Любопытно заметить, что преподавание в колледже изначально велось на английском языке. В 1661 г. молодой ученый уже занимал профессорскую кафедру в Оксфорде, где он преподавал математику. Одновременно Рен серьезно изучал право и получил степень доктора права.

Интерес к строительству зданий проявился у Рена не сразу. Его самой ранней работой является театр Шелдона¹ в Оксфорде, где в на-

¹ Театр носит имя Гилберта Шелдона (1598–1677), архиепископа Кентерберийского, предоставившего университету средства на возведение здания для торжественных актов.

Старый собор Св. Павла

стоящее время размещается Совет Оксфордского университета. Театр Шелдона был заложен в 1664 г., а завершилось строительство в 1699 г. Трудно сказать, что именно побудило Рена посвятить в дальнейшем свою жизнь прежде всего архитектуре. Возможно, это была встреча с величайшим зодчим XVII столетия Бернини, создателем Луврского дворца. Рен познакомился с итальянцем в Париже, где провел около восьми месяцев 1665 г. — как раз тот период, когда в Лондоне свирепствовала Великая чума. Как бы то ни было, по возвращении на родину

Рену предоставилась блестящая возможность вписать золотыми буквами свое имя в историю английского зодчества.

Сразу после ликвидации Великого пожара Карл II создал комиссию по реконструкции Сити, которую требовалось осуществить в кратчайший срок. Кроме того, перед членами комиссии стояла задача улучшить планировку этой старейшей части столицы, поскольку прежние средневековые кривые улочки были очень тесны и даже не всегда пригодны для проезда по ним экипажей. Кристофер Рен предложил комиссии свой план регулярной застройки Сити, однако этот проект пришлось отвергнуть. Слишком велики были потери от пожара — от огня пострадало свыше 13 тыс. жилых домов и более сотни церковных зданий. По оценкам современников, без крова остались около 200 тыс. лондонцев. Учитывая интересы населения, пришлось пойти на половинчатые меры — люди возвращались на привычные места, но улицы основательно расширились, хотя свободного пространства оставалось гораздо меньше, чем это предусматривалось планом Рена (он предлагал разбить основные улицы шириной 27 м). Подавляющее большинство улочек и переулков Сити осталось на прежних местах. Тем не менее Рен внес огромный вклад в формирование его нового облика: им было построено 52 (!) церкви и новое здание собора Св. Павла.

Строительство собора продолжалось тридцать пять лет и было завершено уже после смерти Рена. Первый камень этого монументального здания был заложен 21 июня 1675 г. По преданию, архитектор распорядился поставить его в той точке, над которой должна была взметнуться вершина громадного купола будущей постройки. Закладной камень был взят из развалин стен старого собора; а на нем начертали латинское слово *Resurgam* — «Я восстану вновь». Действительно, Рен поднял собор из пепла — неслучайно южный портик здания украшает изображение феникса. Две симметричные башни-колокольни были добавлены Реном к уже построенному зданию собора в 1707 г. В правой из них находится шестнадцатитонный «Большой Пол», самый крупный колокол в Англии. Последний, символический, камень в надкупольный фонарь собора положил уже сын архитектора.

В плане собор имеет форму удлинённого креста, над центром которого поднимается громадный купол — одно из ярчайших архитектурных достижений Рена. Глядя на собор снаружи, невозможно догадаться о том, что купол — многослойный. Снаружи видна только его внешняя свинцовая оболочка. Она покоится на деревянной опоре,

Новый собор Св. Павла

которую, в свою очередь, несет кирпичный конус. Этот конус незаметен и для тех, кто находится внутри собора, потому что он скрыт от взоров расписной внутренней полусферой с центральным отверстием, через которое в собор попадает дневной свет из венчающего купол светового фонаря. Из-за высоты собора и величины купола башня кажется изящной и хрупкой, однако вес этой «малютки» — около 850 т.

Желающие могут подняться на каменный балкон над колоннадой барабана купола, а также выйти на «галерею шепота», расположенную внутри собора вдоль основания внутреннего купола. Акустические особенности этой галереи таковы, что тихо произнесенное стоящим на ней человеком слово отчетливо слышно в диаметрально противоположной точке, хотя расстояние до нее составляет 32 м.

За свою трехвековую историю собор стал усыпальницей многих знаменитых людей. Здесь похоронены лексикограф Сэмюэл Джонсон, художники Джошуа Рейнолдс и Сирил Тернер, в гранитном и порфировом саркофагах спят вечным сном адмирал Горацио Нельсон и полководец герцог Веллингтон. В соборе покоится и прах его создателя, памятником которому является само великолепное здание. Об этом говорит и надпись на мемориальной плите: «*Si monumentum requiris,*

circumspice» («Если хочешь найти памятник, оглянись вокруг»). В соборе установлены и скульптурные изображения многих из тех людей, деятельность которых прославила Англию. Старейшее из изваяний — статуя замечательного поэта Джона Донна, который был деканом старого собора Св. Павла в начале XVII в. Этот памятник практически не пострадал во время Великого пожара. Один из новейших мемориальных памятников — бюст Лоуренса Аравийского (1888–1935).

КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО. РОБЕРТ ГУК И ИСААК НЬЮТОН

Королевское общество было основано в 1660 г. и с первых дней существования выполняло функции академии наук. Членство в нем является наиболее почетным званием для британского ученого.

Еще в 1640-е годы английские ученые начали проводить своеобразные конференции-диспуты, посвященные самым разным темам, за исключением политики и богословия (это вполне понятно, если учесть, что собрания проходили в разгар гражданских войн). Ученые мужи обсуждали проблемы физики и анатомии, навигации и магнетизма, химии и механики, знакомились с состоянием естественных наук в других странах. Их интересовало решительно все: природа комет, вес воздуха, лимфатическая система человека, пятна на Солнце, усовершенствования телескопа, всевозможные естественнонаучные эксперименты. Один из участников встреч доктор Джон Уоллис в своих мемуарах писал, что собрания проводились в Лондоне в 1645 г. раз в неделю, и посещали их многие доктора из Оксфорда и Кембриджа — из-за гражданской войны академические занятия «в обоих университетах были в значительной мере прерваны». Автор мемуаров называет и инициатора проведения этих собраний — им был живший в Лондоне немец Теодор Гаак.

На научных собраниях постоянно присутствовали, помимо Уоллиса, доктора медицины Джон Уилкинс и Джонатан Годдард, математик и астроном Сэмюэль Форстер, физик Роберт Бойль и многие другие знаменитости. В конце 1640-х годов кружок распался на две части: некоторые ученые остались в Лондоне, другие перебрались в Оксфорд².

² Оксфордский кружок ученых возглавлял Джон Уилкинс. Дань его организаторским способностям воздается Королевским обществом, которое раз в три года проводит престижные Уилкинсовские чтения.

Однако в 1659 г. лондонские и оксфордские ученые приняли решение о воссоединении и стали проводить собрания в лондонском Грешемском колледже.

28 ноября 1660 г. после лекции, прочитанной на очередном заседании Кристофером Реном, также принимавшим активное участие в этих конференциях, двенадцать ученых — в их числе Бойль, Рен и Уилкинс — принялись обсуждать возможность создания специального колледжа для проведения физических экспериментов. Одновременно они приняли решение упорядочить проведение научных заседаний, сделать их регулярными. В качестве образца для английского сообщества ученых были избраны итальянские академии. Поэтому 28 ноября принято считать днем рождения Королевского общества.

Интерес к деятельности общества ученых был очень велик: если изначально в нем состояло 55 человек, то через полгода число «феллоуз» (т. е. членов) составило уже 73 человека. Деятельностью ученых интересовались и лица, не принадлежавшие к миру науки, что во многом объясняется причинами политико-экономического характера. Благоденствие островной державы напрямую зависело от состояния науки и техники. О существовании общества ученых узнал и Карл II, который 15 июля 1662 г. пожаловал обществу хартию, где оно впервые было названо Королевским (Regalis Societas). Король и впредь дарил ученых своими милостями: в 1663 г. обществу был пожалован герб с девизом «Nullius In Verba» («Ничто словами»), отражавшим нацеленность ученых на экспериментальную науку.

С 1661 г. существует и выборная должность президента Королевского общества. Сначала президента избирали ежемесячно: девять раз этот почетный пост занимал первый президент Роберт Морэй, однако пальму первенства с ним делит и математик Уильям Браункер — он стал первым президентом общества после получения тем королевской хартии.

Одной из самых хлопотных должностей в Королевском обществе была должность куратора, который отвечал за организацию заседаний и, кроме того, должен был готовить к каждому из них демонстрации нескольких опытов. Нередко это было связано и с изготовлением нужных приборов. С 1662 по 1703 г. (до самой смерти) на этом хлопотном посту трудился замечательный ученый-энциклопедист доктор Роберт Гук (1635–1703).

Гук — основоположник учения о прочности материалов, гениальный экспериментатор, изобретатель, профессор, архитектор — об-

ладал универсальными знаниями, необходимыми для осуществления обязанностей куратора. Работа ученого почти не оплачивалась, и ему все время приходилось искать себе дополнительные источники доходов. В последние годы жизни он зарабатывал хорошие деньги, давая консультации по механике, топографии и архитектуре английским предпринимателям. Среди изобретений Гука — прибор для измерения морских глубин, воздушное ружье, пуля из которого пробивает дверь с расстояния 20 м, ветромер, оптический телеграф, машина для производства кирпичей, бароскоп, гелиоскоп, микрометр, редуктор и даже машина для умножения и деления. Описания многих своих изобретений Гук зашифровал, чтобы они не попали в чужие руки.

Гуку принадлежит честь формулировки задач Королевского общества: «совершенствовать познания натуральных вещей и всех полезных искусств, мануфактур, механической практики, машин и изобретений при помощи экспериментов (не вмешиваясь в богословие, метафизику, мораль, политику, грамматику, риторику и логику). Стараться восстановить такие допустимые искусства и изобретения, которые утеряны. Рассматривать все системы, теории, принципы, гипотезы, элементы, истории и эксперименты естественных, математических и механических вещей, изобретенных, описанных или примененных любыми значительными авторами, как древними, так и современными, для того, чтобы составить полную систему надежной философии для объяснения всех явлений, производимых природой или искусством, и для отыскания рационального пояснения причин вещей»³.

Многие эксперименты членов Королевского общества казались современникам сущей чепухой. Например, Карл II очень смеялся над попытками ученых взвесить воздух. А в опубликованных в 1726 г. «Путешествиях Лемюэля Гулливера» Джонатан Свифт, рассказывая об ученых с летающего острова Лапута, по сути насмехался над экспериментаторами из Королевского общества: мудрецы Лапуты то пытаются извлекать солнечную энергию из огурцов, то пробуют пережечь лед в порох, то селятся превратить экскременты в исходные продукты...

Из современников Гука самым известным членом Королевского общества был Исаак Ньютон (1643–1727). Он получил образование в Кембриджском университете, а четыре года спустя занял в нем профессорскую кафедру, которую оставил только в 1701 г. Параллельно

³ Цит. по: Боголюбов А. Н. Роберт Гук. М., 1984.

Исаак Ньютон

с преподавательской и научной деятельностью он исполнял обязанности смотрителя (1695–1699), а затем и директора Монетного двора.

Среди всех исторических лиц — героев анекдотов — Ньютон прочно занимает одно из первых мест. Всем известно, что закон всемирного тяготения открылся ему после прогулки по яблоневому саду — ученый установил, почему маленькое яблоко, падая на голову, причиняет такую сильную боль. Рассеянность ученого также стала предметом многих веселых историй. То Ньютон, задумавшись о глобальных научных проблемах, забывает, обедал он или нет, то, сидя на краю кровати, не может решить, собирался он вставать или ложиться, то старательно варит собственный хронометр, пытаясь определить его готовность по куриному яйцу, которое держит в руке... Некоторые историки науки полагают, что многие из этих анекдотов были придуманы самим Ньютоном, который таким образом стремился упрочить свою известность.

Ньютон не только открыл закон всемирного тяготения, но также показал, что объясняющие движение планет законы Кеплера являют-

ся его следствиями. Ученый сформулировал основные законы классической механики — закон инерции, закон пропорциональности силы сообщаемому ею ускорению и закон действия и противодействия. Результаты своих многолетних исследований Ньютон привел в огромном труде «Математические начала натуральной философии» (опубл. 1687). Он добился величайших результатов в оптике — науке о свете. В 1666 г., пропустив луч белого (дневного) света через трехгранную стеклянную призму, он разложил его в спектр, получив семь цветов радуги и доказав тем самым, что белый свет состоит из лучей света разных цветов. Позднее, в XIX в., этим открытием будут широко пользоваться художники-импрессионисты, исключившие из палитры белую краску и производившие впечатление белого цвета на своих картинах смешением цветов солнечного спектра.

Трудно переоценить достижения ученого в области математики: еще до того, как занять кафедру в Кембридже, Ньютон независимо от Г.В. Лейбница изобрел дифференциальное и интегральное исчисление. Таким образом, именно математический талант открыл Ньютону возможность стать членом Королевского общества; не получив кафедру, у него не нашлось бы средств, чтобы платить ежегодные взносы. Уже при жизни Ньютон стал величайшим научным авторитетом и с 1703 по 1727 г. являлся президентом Королевского общества, председательствуя⁴ почти на каждом его заседании.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Партии вигов и тори, старейшие в политической системе Великобритании, зародились в начале 1670-х годов и полностью оформились к 1679 г.

Как известно, Карла II подозревали в симпатиях к католицизму, однако главным его недостатком современникам казалось стремление монарха игнорировать парламент. Поведение короля вызывало

⁴ Ньютон стал президентом Королевского общества только после смерти Гука: ученые оспаривали друг у друга приоритеты в научных достижениях. Например, известно, что так называемые кольца Ньютона были открыты Гуком. Последний настаивал на том, что Ньютон присвоил себе его идею всемирного тяготения. Ученые были заклятыми врагами. Некоторые полагают, что правда на стороне Гука, а Ньютон, сознавая это и заботясь о собственной славе, якобы уничтожил единственный портрет Гука, дабы потомкам легче было предать его соперника забвению.

естественное противодействие парламентариев, намеренных добиться, чтобы с ними считались. Стихийно сложившаяся политическая оппозиция королю включала нетитулованных дворян, крупных предпринимателей, в первую очередь представителей богатой лондонской буржуазии, а также лиц, примкнувших к ней из религиозных соображений. Даже внутри Кавалерского парламента этого периода появились активные сторонники ограничения власти короля. Из этой парламентской оппозиции сформировалась партия вигов, которую возглавили лорд Рассел и граф Шефтсбери. Название «виги» носило сперва презрительный, ироничный характер. В период гражданских войн 1640-х годов этим словом называли шотландских пресвитериан, решительнейшим образом выступавших против папизма. Прозвище было перенесено и на новую категорию «непримиримых».

Однако у короля имелись не только противники, но и приверженцы. Ответом на возникновение партии оппозиционеров явилось создание аристократической партии, тори, выступавшей в поддержку монарха и абсолютной монархии в целом. Данная сторонникам короля кличка также имела обидный характер, будучи производной от ирландского *toraidhe*, что означает «человек вне закона», «разбойник». Считается, будто виги придумали ее тогда, когда сторонники короля в парламенте воспротивились попытке лишить герцога Йоркского права наследования английской короны ввиду его принадлежности к католической церкви. Тори последовательно выступали как сторонники абсолютной власти короля или, по крайней мере, всей полноты его исполнительной власти.

В результате парламентских выборов 1679 г. большинство мест в парламенте завоевали виги. Политическая активность оппозиции серьезно беспокоила Карла II, ставя его перед нелегким выбором: либо распустить буйный парламент, либо признать свою власть ограниченной. Расставаться с привилегиями Карлу II вовсе не хотелось, поэтому он еще дважды, в 1680 и 1681 годах, созывал и распускал парламенты, а в последние четыре года своей жизни (1682–1685) обходился вообще без парламента, правя страной как абсолютный монарх. Для подавления вигской оппозиции Карлу II пришлось пойти на прямые репрессивные меры. Страшась за свою жизнь, многие видные деятели гонимой партии бежали за границу. Большинство вынужденных эмигрантов искало убежища в протестантских Нидерландах.

ГРАФ КЛАРЕНДОН И «КАБАЛА» ПО-АНГЛИЙСКИ

Эдвард Хайд, граф Кларендон (1609–1674), вернейший из сторонников Карла II, бывший с ним в тяжелые годы изгнания, на протяжении первых семи лет его правления являлся главным королевским министром и яростно защищал интересы короны. Долгий парламент постановил, что король не может самостоятельно вводить налоги. Кавалерский парламент также считал, что монарх должен предварительно заручиться одобрением депутатов. Кларендон, выдающийся юрист своего времени, всячески пытался помешать парламенту контролировать действия короля. Однако как государственный деятель граф был не слишком дальновиден и питал иллюзии о том, что обе властные структуры, монархия и парламент, смогут сосуществовать в полной гармонии.

Про него говорили, что он не в силах понять простой истины: если двое едут верхом на одной лошади, то кто-то должен сидеть впереди, в кто-то — сзади. Вместе с тем Кларендон не мог не сознавать, что обаятельный, но ненадежный, непостоянный, сорящий деньгами направо и налево Карл II далек от идеала короля — благодетеля своего народа. И министр, к тому же породнившийся с монархом через свою дочь, ставшую герцогиней Йоркской, не упускал случая посетовать на поведение любимого короля. Понятно, что воркотня Кларендона пришлась Карлу не по вкусу.

Верный министр начал раздражать его своими бесконечными отеческими нотациями. Однако резкое ухудшение отношений между Карлом и Кларендоном наступило после того, как министр категорически отказался скрепить большой государственной печатью жалованную грамоту, которой король предоставлял щедрые субсидии Барбаре Каслмейн, бывшей в то время самой влиятельной из королевских фавориток. Разгневанная дама сумела окончательно восстановить Карла против Кларендона. Поскольку парламент продолжал настаивать на контроле над действиями короля, а министр ничего не мог противопоставить этому давлению, 30 августа 1667 г. Карл II отправил Кларендона в отставку. Парламент также усилил нажим на опального графа, обвиняя его во всех грехах.

Король не пожелал осложнять положение публичным заступничеством за бывшего министра; к тому же Кларендон по-прежнему оставался на ножах с леди Каслмейн. Поэтому Карл дал графу понять, что ему лучше всего покинуть пределы королевства. Уже 29 ноября 1667 г.

человек, который больше всего пекся о реставрации английской монархии во всем ее былом величии, вторично отправился в изгнание и провел остаток дней во Франции.

Три года после падения Кларендона Карл II правил без поддержки главного министра, зато у него было сразу пять советчиков, явивших прообраз будущего кабинета министров, — Томас Клиффорд (1630–1673), Генри Беннет, граф Арлингтон (1618–1685), Джордж Вильерс, герцог Букингем (1628–1687), Энтони Эшли Купер, граф Шефтсбери (1621–1683) и Джон Мейтленд, герцог Лодердейл (1616–1682). Из инициалов этой пятерки составилось слово «cabal» (Клиффорд — Арлингтон — Букингем — Эшли (Ashley) — Лодердейл), означающее «интрига», «политическая клика». В целом, возникшее в 1670 г. «кабальное» министерство Карла II оправдало свое прозвище.

Следует отметить, что «кабальное» министерство не было министерством в современном понимании этого слова. Король практически никогда не консультировался со своими советниками, да и сами «кабальщики» придерживались независимых точек зрения. Единственное, в чем их мнения полностью совпадали, — это необходимость принятия закона о веротерпимости, что объясняется их прокатолическими настроениями и заботой о судьбе английской короны.

Арлингтон и Букингем были личными врагами Кларендона и способствовали его падению. Арлингтон, который, как и король, колебался между протестантизмом и католицизмом, занимался преимущественно вопросами внешней политики. Букингем стал советником короля как бы по инерции — его отец был любимцем Карла I. Клиффорд не скрывал, что он католик, и Дуврский договор между Англией и Францией, предусматривавший католизацию страны и переход Карла II в лоно римско-католической церкви, во многом был его детищем. Знал о настроениях Карла II и способствовал подписанию этого документа и Арлингтон, в то время как три других «кабальщика» даже не подозревали о готовящемся шаге короля. Лодердейла вообще мало интересовали события в Англии: как истинный шотландец он заботился прежде всего о делах своей родины. Вместе с тем он способствовал упрочению авторитета Карла II в Шотландии.

Наиболее сложной из всех «кабальщиков» личностью был граф Шефтсбери. Еще в юности, учась в Эксетерском колледже, он проявил недюжинное чувство собственного достоинства и организаторские способности, восстав против неписанной традиции, по которой новички подвергались всевозможным унижительным испытаниям, —

уже в XVII в. в английских школах заводилами и законодателями школьной жизни становились лучшие драчуны. Шефтсбери определенно обладал способностями государственного деятеля; при этом он считал, что для достижения поставленных целей подходят любые средства, однако всегда соблюдал два нерушимых принципа: веротерпимость и парламентский способ управления государством. Впрочем, в 1677–1678 годах он предпринял попытку противозаконно распустить парламент, за что был посажен в тюрьму. По освобождении он резко выступил против религиозного отступничества принявшего католицизм герцога Йоркского. Когда в 1681 г. Карл II распустил парламент, надоевший ему своими антикатолическими настроениями, Шефтсбери по-настоящему взбунтовался, но его попытка организовать мятеж не увенчалась успехом, и ему пришлось искать политического убежища в протестантских Нидерландах.

ГЕРЦОГ ЙОРКСКИЙ И АННА ХАЙД

Покинувшая Англию вместе с отцом-роялистом Анна Хайд была зачислена в придворный штат старшей дочери казненного Карла I Марии, принцессы Оранской. Сопровождая принцессу во время поездки в Париж, где та встречалась с матерью, Анна познакомилась с Яковом, герцогом Йоркским. Ее нельзя было назвать красавицей, но она обладала умом и обаянием, что и привлекло к ней внимание молодого человека. Вскоре по возвращении Анны в Голландию в Бреду прибыл и герцог. Знакомство Якова и Анны возобновилось и вылилось в бурный роман.

Она вернулась на родину вместе со своим высокопоставленным любовником, но радость от этого долгожданного события была отравлена неопределенностью ее положения: Анна ждала ребенка, и коронация Карла II, брата ее возлюбленного, резко снижали ее шансы на брак с Яковом. Со своей стороны, герцог Йоркский проявил завидное постоянство в привязанности к Анне, — ведь она полюбила его еще тогда, когда он был всего лишь изгнанником, носителем громкого титула с сомнительными перспективами и полным отсутствием средств. Не побоявшись гнева брата-короля и вдовствующей королевы-матери, герцог Йоркский тайно обвенчался с Анной в сентябре 1660 г., всего за шесть недель до рождения сына, который умер сразу после появления на свет.

Когда о браке Якова и Анны стало известно, более всех возмущались принцесса Оранская — ее фрейлина посмела войти в королевскую семью! — и Генриетта-Мария, недовольная появлением невестки-протестантки без капли королевской крови в жилах. Не менее был разгневан и отец Анны, опасавшийся, что поступок дочери будет стоить ему карьеры. Спокойнее всего к этому браку отнесся сам король Карл II.

Вскоре после родов Анна испытала величайшее унижение, потому что при дворе поползли слухи о том, будто бы отцом ее малютки был не Яков, а некий гвардейский капитан Чарлз Беркли, открыто похвалившийся своим «отцовством». Дошло до того, что настоящий отец ребенка поверил в эти клеветнические измышления. Видя, в какой ярости пребывает супруг, несчастная женщина призвала епископа Винчестерского и в присутствии герцогини Ормондской поклялась, что никогда не изменяла Якову. Она буквально умирала от горя. Ее спасло дружеское участие короля: Карл поверил невестке и пообещал призвать виновника к ответу.

К счастью, дело обошлось и без этого: в Англию пришло печальное известие о смерти принцессы Оранской, скончавшейся от оспы. Перед кончиной она покаялась, что содействовала распространению клеветнических измышлений об Анне и что Беркли действовал по ее наущению. Уличенный во лжи капитан явился к Якову с повинной, заявив, что его неблагоприятные поступки были продиктованы исключительно заботой о благополучии престолонаследника. Беркли якобы старался расстроить неравный брак герцога Йоркского и даже готов был сам жениться на Анне. Яков простил негодя и помирился с женой. Помирился с Анной и ее отец, Эдвард Хайд, как раз в это время получивший титул графа Кларендона.

Из восьмерых детей, рожденных Анной Якову, в живых остались только две девочки, две будущие королевы — Мария и Анна. Семейную жизнь герцога и герцогини омрачали не только смерти детей, но и склонность Якова к флирту — в этом отношении он был точной копией своего царственного брата, и оба они достойно подтверждали родство с великим жизнелюбом Генрихом IV Французским, их дедом. Герцогине это не нравилось; когда ей становилось известно о появлении у мужа очередной пассии, она устраивала ему бурные сцены, но всякий раз вынуждена была смиряться перед неизбежностью.

Ревность герцогини стала предметом сплетен. Однажды дело дошло до того, что ее начали обвинять в причастности к убийству одной

из фавориток Якова, некой Маргарет Денем, жены известного драматурга эпохи Реставрации Джона Денема.

Последние годы жизни Анну мучили сердечные приступы. Она была очень тучна, и ее дочери унаследовали от матери склонность к полноте, особенно Анна. Страх приближающейся смерти заставил герцогиню задуматься о душе, и понемногу она начала склоняться к католицизму. Ее духовным отцом стал францисканский монах Хант, уговоривший ее перейти в католическую веру. Под влиянием жены проникся симпатией к католицизму и Яков, что было особенно опасно, учитывая его близость к престолу и ненависть англичан к папизму.

ЯКОВ II И ЯКОВ МОНМУТСКИЙ

Трудно сказать, когда именно герцог Йоркский принял католичество, но уже в начале 1670-х годов его вероисповедание перестало быть тайной. Во-первых, герцог, занимавший пост генерал-адмирала Англии, отказался приносить присягу по англиканскому обряду. Во-вторых, овдовев, женился вторично на католичке, причем бракосочетание проводилось по католическому канону.

Второй женой Якова стала Мария Моденская, сестра герцога Модены. Эта девушка была поразительно хороша собой — черные как вороново крыло волосы, огромные темные глаза, точеная фигурка... Ко всему прочему она воспитывалась в монастыре и даже мечтала постричься в монахини. Однако союз с Англией был лестен для брата и матери принцессы. Рим также отнесся к нему благосклонно, видя в готовящемся браке заманчивую перспективу вернуть себе отпавшую от него при Генрихе VIII страну. Набожная жена могла лишь укрепить Якова в намерении следовать католической вере, и если бы в будущем он взошел на престол, то непременно восстановил бы в своих королевствах власть папы.

Известие о том, что в Англию едет католичка, уже обвенчанная по доверенности с герцогом Йоркским, вызвало настоящую бурю. Граф Шефтсбери, один из «кабальщиков», умолял Карла не допустить, чтобы брак состоялся фактически. Однако король вел себя так, словно женитьба Якова была его частным делом и не имела отношения к судьбам государства. В ноябре 1673 г. юная герцогиня прибыла к своему супругу. Странная это была пара: чистая, возвышенная

Яков II

пятнадцатилетняя девочка и сорокалетний распутник. И тем не менее у них получилась неплохая семья. Принцессы Мария и Анна приняли мачеху с симпатией, тем более, что разница в возрасте между ними составляла четыре года и семь лет соответственно.

Однако семейная идиллия Йоркской четы продолжалась недолго. Народ был настолько недоволен второй женитьбой наследника престола, что Карлу II пришлось принимать экстренные меры. Если бы Мария родила Якову сына, мальчик стал бы вторым после своего отца претендентом на престол, обойдя при этом обеих сводных сестер. Наделенный большим государственным умом, чем его брат, Карл II не мог рисковать будущим династии. Предвидя, что нация не пожелает иметь короля-католика, он распорядился, чтобы дочери Якова жили отдельно от отца и мачехи. Девочки были протестантками, и народ не должен был сомневаться в твердости их религиозных убеждений. В 1675 г. дочери герцога Йоркского получили в качестве воспитателя епископа Лондонского Генри Комптона (1632–1713), считавшегося од-

ним из столпов реформированной церкви. Подобное решение короля было оскорбительным для герцога, но с этим пришлось смириться.

Женитьба герцога Йоркского очень огорчила его тезку Якова (Джеймса), герцога Монмутского. Монмут был любимым внебрачным отпрыском Карла II и леди Люси Уолтер. Молодой герцог тешил себя надеждой, что на самом деле король был тайно женат на его матери или же, на худой конец, пожелает публично признать его своим сыном, — ведь брак Карла II оставался бездетным. С ранних лет воспитывавшийся при дворе Монмут недолюбливал своего дядю Якова, а затем начал откровенно ревновать его к короне, которая могла бы достаться ему, сыну монарха. Надежды герцога Йоркского на то, что вторая жена подарит ему сына, вовсе не радовали Монмута: этот ребенок лишь уменьшил бы его шансы быть провозглашенным законным сыном и наследником короля. Ко всему прочему молодой Джеймс был протестантом и ненавидел католиков.

Положение герцога Йоркского резко ухудшилось после того, как в 1678 г. группа ревностных протестантов во главе с Титусом Оутсом и Израэлем Тонгом имитировала католический заговор, направленный на физическое устранение Карла II и возведение на престол Якова. Тень на Йоркское семейство бросил секретарь герцогини, которого обвинили в ведении тайной переписки с французскими иезуитами, якобы руководившими этим преступным планом. «Заговор» был раскрыт Оутсом, в одночасье ставшим благодетелем нации, и в последующие два года (с 1679 по 1681) парламент предпринял три безуспешные, впрочем, попытки лишить Якова Йоркского права наследования престола. Однако Карл II сумел потушить волну недовольства и к концу своей жизни сделал герцога Йоркского высоким комиссаром, т. е. представителем короля, в Шотландии и вновь вернул ему должность главы Адмиралтейства. Благодаря тонкой дипломатии старшего брата герцог Йоркский беспрепятственно вззошел на престол после смерти Карла.

Король Яков II не обладал гибкостью своего предшественника и, получив бразды правления, начал проводить прокатолическую политику. У герцога Монмутского появился реальный шанс добиться заветной цели и сместить дядю с престола. Монмут собрал армию сторонников, преимущественно из числа протестантов из северной Европы. Существовал план, по которому на остров Великобритания одновременно должны были высадиться две союзные армии, ряды которых сразу же пополнились бы английскими противниками нового

короля. Монмут возложил на себя командование десантом, которому надлежало высадиться в Англии, а его сподвижник Арчибальд Кэмпбелл, граф Аргайл (1629–1685) должен был высадиться в Шотландии и повести свою армию на Эдинбург. В свое время Аргайл был ревностным роялистом, но его отношение к Стюартам резко изменилось в период высокого комиссарства герцога Йоркского в Шотландии. У него были и личные счеты с герцогом, который обвинил его в государственной измене и вынес ему смертный приговор. Повод для этого был явно надуманным: сыграло, видимо, роль то, что католик Яков не мог смириться с популярностью, которой пользовался в Шотландии граф-протестант. Теперь, в 1685 г., вынужденный покинуть родину, чтобы спасти себе жизнь, Аргайл рвался в бой, желая отомстить возложившему на себя корону обидчику.

Аргайл первым высадился в Шотландии. Его малочисленное войско двинулось по направлению к Глазго, однако местные власти были хорошо информированы о его намерениях — среди людей, вставших под знамена графа, нашлось немало предателей. Разгромить Аргайла не составило труда. На сей раз граф был действительно повинен в государственной измене, и вынесенный ему ранее приговор был приведен в исполнение. Голова мятежника была выставлена на всеобщее обозрение на башне «эдинбургской темницы» — тюрьмы Толбут.

Примерно на полтора месяца позже Аргайла в графстве Дорсет (на юге Англии) высадился и герцог Монмутский. Здесь он публично заявил, что его дядюшка — католик, в нарушение английских законов захвативший престол. Монмут утверждал, будто Яков Йоркский был одним из организаторов Великого пожара Лондона и даже обвинял его в убийстве своего отца: по словам Монмута, Карл II был отравлен рвавшимся к власти братом-католиком.

Благодаря активной агитации среди населения южноанглийских графств герцогу Монмутскому удалось собрать примерно 4 тыс. человек, с которыми он двинулся в Тонтон, население которого отличалось непримиримым отношением к католикам. В Тонтоне претендента ожидала торжественная встреча, во время которой ему преподнесли Библию. Это был верный знак того, что в нем видели защитника истинной веры.

Окрыленный успехом Монмут провозгласил себя королем Англии и Шотландии и двинулся по направлению к Бриджутеру. Однако, узнав, что неподалеку находится значительный по численности отряд королевской армии, Монмут впал в уныние и начал подумывать

Герцог Монмутский

о возвращении на континент. И все же вожденная цель была так близко, что он рискнул. Было решено атаковать королевских солдат ночью, используя фактор неожиданности. Но Монмуту не повезло: начальник его кавалерии лорд Грей оказался трусом и при первой возможности покинул поле боя. Естественно, что простые горожане и деревенские жители, составлявшие основу армии Монмута, не могли всерьез противостоять опытному военному.

Разгромив армию претендента, солдаты короля бросились по следам Монмута, который пытался бежать, переодевшись в крестьянский костюм. Вскоре он был арестован. При обыске в кармане его куртки обнаружили несколько стручков гороха — незадачливому претенденту пришлось перейти на подножный корм. Теперь от прежней самоуверенности Монмута не осталось и следа. Зная, что его измену невозможно оправдать и что он заслужил смертную казнь, Монмут писал королю униженные, слезные прошения, моля даровать ему прощение. Когда его доставили к Якову в Лондон, он валялся в ногах

у короля, вымаливая облегчение своей участи. Король же остался равнодушен к мольбам о милосердии, и 15 июля 1685 г. Монмут взшел на эшафот.

Герцогу было тридцать шесть лет, слишком мало, чтобы спокойно проститься с жизнью. По свидетельству очевидцев, мужество изменило ему, когда он предстал перед палачом. Прежде чем опустить голову на плаху, осужденный несколько раз просил палача покончить с ним с первого удара, беспокоился, достаточно ли хорошо наточен страшный топор. В результате у палача — такое тоже бывает — сдали нервы, и голова несчастного слетела с плеч только после пятого удара.

Многие участники восстания Монмута поплатились за это жизнью. В одном только Дорчестере, главном городе графства Дорсет, было повешено около 80 человек. Число брошенных в тюрьмы и подвергнутых бичеванию было несоизмеримо больше. Показательные казни-расправы проводились почти в сорока населенных пунктах. Для устрашения всех недовольных королем Яковом II осмоленные части тел казненных были развешаны на перекрестках главных дорог графств. Со времен подавления восстания Монмута палачи в Англии получили прозвище «Джек Кетч». Так звали одного из заплечных дел мастеров, принимавших участие в проведении массовых казней.

«СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ЗАКАТ ДИНАСТИИ СТЮАРТОВ

«РЕБЕНОК ИЗ ГРЕЛКИ» И «СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Реставрация — период английской истории, вызывавший неоднозначные оценки уже у современников. Видимо, неслучайно Робинзон Даниеля Дефо (1660–1731) прожил на необитаемом острове почти столько же времени, сколько его родная страна находилась под властью Карла II и Якова II. Первая дата, отмеченная Робинзоном в самодельном календаре, — 30 сентября 1659 г., а в Англию он вернулся только 11 июня 1686 г. Таким образом, вся эпоха Реставрации прошла мимо него и, очевидно, без потерь для героя. Однако ко времени возвращения Робинзона было ясно, что Англия стоит на пороге нового политического кризиса.

Яков II намеревался жестоко подавить проявления недовольства и продолжал идти по пути подчинения страны Риму. В Лондон прибыл папский легат, которому король постоянно выказывал свое особое расположение, по инициативе Якова в Лондоне открылись католические монастыри. При дворе появилось множество представителей католического духовенства — казалось, королю нравится видеть монахов в облачениях разных орденов. Протестанты подверглись притеснениям: их вынуждали покидать государственные и армейские должности, либо они сами подавали в отставку. В любом случае освободившиеся места занимали католики.

Король никак не ожидал, что ему посмеют возражать. Однако, когда он попытался поставить католического монаха на административную

должность в Кембриджском университете, это известное своими протестантскими традициями учебное заведение взбунтовалось и отказалось повиноваться королю. В 1687–1688 годах король пытался отменить англиканскую присягу при вступлении в должность, но англикане и диссентеры объединились в общем порыве, требуя не допускать католиков к управлению жизнью страны. Шесть епископов англиканской церкви были делегированы к Якову II, чтобы вручить ему предостерегающее послание архиепископа Кентерберийского Уильяма Сэнкрофта (1617–1693), авторитетнейшего церковного иерарха, который ранее служил капелланом Карла II, а затем и деканом собора Св. Павла. Архиепископ категорически отказался от требования короля огласить в церкви Декларацию о терпимости — указ об отмене Тест-акта, как называли закон, обязывавший при вступлении в официальную должность давать клятву в принадлежности к англиканской церкви. Сопrotивление духовенства было таким решительным, что из 10 тыс. священнослужителей всего двести уступили давлению со стороны короля. По распоряжению Якова II шестеро епископов и архиепископ Кентерберийский Сэнкрофт были заключены в Тауэр.

Когда достойных отцов церкви вели в тюрьму, горожане высыпали на улицу, чтобы приветствовать их. Люди плакали, сочувствуя арестованным, и подбегали попросить благословения у новых мучеников веры. Даже солдаты и офицеры Тауэра отнеслись к ним со своеобразным благоговением — чуть ли не каждый день пребывания епископов в тюрьме охранники пили за их здоровье. Полной неожиданностью для короля явился исход суда над строптивыми церковниками: несмотря на то что на суде председательствовал сам король, присяжные вынесли им оправдательный приговор.

В промежутке между подачей епископской петиции и судом над епископами произошло крайне важное событие: 10 июня 1688 г. у Якова II родился сын. Народ был охвачен великой тревогой: младенец, к которому со временем перейдет корона, будет правоверным католиком! Необходимо было что-то срочно предпринять. По стране поползли слухи, что новорожденный Яков (Джеймс) Эдуард будто бы не является сыном венценосной четы: второй брак Якова II так долго был бездетным, что, скорее всего, король и королева пытаются выдать приемыша за законного наследника. Поговаривали, что королева лишь притворялась беременной, подкладывая под платье подушку; по самой экзотической версии, малыша внесли в спальню королевы

в грелке, на что никто не обратил внимания во время суматохи, поднявшейся во дворце при известии, что королева рождает.

Может показаться странным, что одной из самых рьяных распространительниц подобных слухов оказалась принцесса Анна. В 1683 г. она вышла замуж за датского принца Георга и осталась жить с ним в Англии. Молодая чета находилась под сильным влиянием ближайшей подруги принцессы Сары Черчилль. Властолюбивая Сара с нетерпением ожидала того дня, когда ее подруга станет королевой. Рождение Якова Эдуарда практически сводило ее радужные мечты на нет, и разочарованная Сара всячески пыталась настроить Анну против отца-католика, пытающегося подsunуть английскому народу чужого ребенка только для того, чтобы вернуть Англию Риму.

Симпатии Якова по отношению к Риму не на шутку перепугали и наиболее влиятельных людей государства. Графы Шрусбери, Денби, Девоншир, адмирал Рассел, полковник Сидни, лорд Ламли и епископ Лондонский вступили в сговор с тем, чтобы пригласить на престол Вильгельма Оранского. Последовательный протестант, племянник Якова II и муж его старшей дочери Марии (принцесса вышла замуж за своего кузена в 1677 г.), штатгальтер Нидерландов был наиболее подходящей кандидатурой на смену нынешнему королю. Однако Вильгельм не сразу откликнулся на просьбу англичан. Человек самолюбивый и ранимый, страдающий физическими недостатками (у него была сильная астма и легкий горб), Вильгельм опасался, что в случае низложения Якова II королевой будет провозглашена Мария, чего как муж он бы не перенес. Лишь тогда, когда Мария уверила его, что будет править страной совместно с ним, принц Оранский принял английское предложение.

Намерения принца Оранского не остались секретом для Якова II. «Я не получаю писем от тебя и легко верю, что тебе трудно писать мне о бесчестных намерениях принца Оранского посягнуть на мои права», — писал король старшей дочери, действительно глубоко страдавшей из-за необходимости сделать выбор между супружеским и дочерним долгом. Единственное, что ей удалось, так это взять с мужа слово, что он при любых обстоятельствах сохранит жизнь ее отцу. Тем временем Яков начал серьезную подготовку к возможной войне с зятем, собрав сорокатысячную армию. Вильгельма это не остановило. 5 ноября 1688 г. его флот встал на якорь в Торбее, у южного побережья Девоншира, и его армия двинулась к городу Эксетеру.

Вильгельм неслучайно стремился укрепиться в юго-западной Англии: местное население наиболее сильно пострадало от карателей

после подавления восстания Монмута; однако принц напрасно надеялся на поддержку в этих краях — люди были так напуганы, что лишь немногие отважились пополнить войско нового претендента на престол. Вильгельм пребывал в легкой растерянности, не исключая даже возможности возвращения домой. Однако именно в этот момент к нему начали прибывать люди из других уголков страны, а также поступили известия, что английские города один за другим переходят на его сторону. Дошло до того, что Оксфордский университет предложил расплавить все имеющееся в его распоряжении столовое серебро, чтобы отчеканить из него деньги, необходимые Вильгельму для успешной военной кампании.

Поначалу Яков II недооценивал нависшую над ним опасность. Когда голландский флот только покинул родные гавани, поднялась сильная буря, вынудившая корабли вернуться обратно и переждать, пока стихия успокоится. Английский король воспринял происшедшее как доброе предзнаменование. Однако высадка Вильгельма в Англии повергла его в шок. Преодолев испуг, Яков принял решение дать сражение принцу Оранскому. Король надеялся на искусство своих полководцев: в Уорминстере стояло войско Черчилля, к нему на соединение шел генерал Графтон. Король намеревался встретиться с ними обоими в Уорминстере. Каков же был его ужас, когда ему доложили, что оба полководца со своими армиями перешли на сторону врага!

Яков спешно вернулся в Лондон, где его постиг еще один удар: он узнал, что и принцесса Анна перешла на сторону Вильгельма, уехав из столицы вместе со своей неразлучной приятельницей Сарой Черчилль.

Положение стало настолько опасным, что король решил отправить жену и сына во Францию, а в начале декабря и сам принял решение покинуть страну. 11 декабря 1688 г. он скрытно оставил лондонский дворец Уайтхолл и направился к побережью, чтобы сесть на корабль, который переправил бы его на континент. По дороге, в кентском городке Февершем, его задержали, заподозрив в нем члена ордена иезуитов, которые теперь спешно выезжали из ставшей очень опасной для них страны. Пришлось королю раскрыть свое инкогнито. О задержании Якова немедленно доложили Вильгельму, но тот не был кровожаден и не желал нарушать данное жене слово. Принц скорее испытывал разочарование от того, что его тестю помешали покинуть страну. Без армии, без поддержки народа Яков II не представлял собой никакой опасности.

Вильгельм III

Захваченного в плен короля доставили в Лондон, однако накануне въезда Вильгельма в столицу никто не воспрепятствовал исчезновению Якова. 23 декабря король навсегда покинул родину, чтобы провести остаток дней с женой и сыном в парижском предместье Сен-Жермен.

В феврале 1689 г. принцесса Оранская выехала из Голландии, чтобы вернуться домой и в соправлении с Вильгельмом стать королевой Англии, Шотландии и Ирландии. 13 февраля 1689 г. в связи с тем, что «престол оказался свободен», парламент провозгласил Марию II (1662–1694) и Вильгельма III (1650–1702) королем и королевой. Вступая на престол, царственная чета обязалась уважать законы страны и править в согласии с парламентом.

Государственный переворот 1688–1689 годов вошел в историю под названием «Славная революция». Она привела к установлению ограниченной монархии. Политические результаты «Славной революции» были закреплены в октябре 1689 г. Биллем о правах. Этот документ решительно ограничивал права короны. Теперь монарх уже

не мог издавать или отклонять законы своей властью — для этого требовалось согласие парламента. Сбор денег на нужды короны также мог осуществляться только с одобрения парламента. Билль запрещал содержание постоянной армии в мирное время, за исключением тех случаев, когда парламент давал на это свою санкцию. Документ также определял дальнейшую судьбу престола, чтобы английская корона переходила только к протестантам.

ТРИ КОРОНЫ

Восшедшие на престол соправители Мария II и Вильгельм III оказались в довольно сложном положении, и не только потому, что королева Мария не могла не думать о том, что корона досталась ей и мужу ценой отстранения от власти отца. Ситуация усугублялась тем, что правящей чете пришлось вести самую настоящую войну с Яковом II, не желавшим смириться с потерей королевств. Уже в 1689 г. король-изгнанник высадился в Ирландии, где ему без особых усилий удалось поднять местных католиков, с готовностью выступивших против местных же протестантов. Взбунтовавшаяся Ирландия на некоторое время вышла из-под контроля, и Вильгельму III пришлось лично взяться за наведение порядка на Изумрудном острове.

В 1690 г. во главе большой армии он высадился в Ирландии и с ходу начал теснить якобитов, как именовались приверженцы Якова II (от латинской формы имени — *Jacobus*). 1 июля Вильгельм одержал важную победу на реке Бойн, к северу от Дублина, обратив армию своего врага в повальное бегство. Яков бежал во Францию, что позволило Вильгельму беспрепятственно захватить Дублин¹. Между тем понадобилось еще немало усилий, чтобы добиться окончательной победы — последний из якобитских военачальников сложил оружие только в октябре 1691 г. Это произошло неподалеку от города Лимерик. Вильгельм добился капитуляции противника лишь на ус-

¹ Ирландские протестанты, объединившиеся в Орден оранжистов, т. е. приверженцев Вильгельма Оранского, с тех пор отмечают годовщину битвы как свой величайший праздник. Торжественные шествия оранжистов, проводимые ежегодно в современной Северной Ирландии, неизменно провоцируют стычки между протестантами и католиками, расценивающими подобные демарши как глубочайшее оскорбление их религиозных и патриотических чувств. Напряженность в этот день сохраняется и в эпоху толерантности.

Мария II

ловиях провозглашения свободы вероисповедания для ирландских католиков и отмены всех антикатолических законов, однако своего слова победитель не сдержал, понимая, что лишь репрессивные меры помогут ему удержать Ирландию. За этим завоеванием Ирландии последовали конфискации земель у местных католиков, а новые власти управляли страной с еще большей жестокостью, чем прежде. Теперь английская сторона и вовсе не скрывала, что Изумрудный остров — всего лишь английская колония, существующая исключительно для выгоды англичан: отсюда вывозились продовольствие и сырье для английской промышленности, сюда привозили и здесь сбывали английские товары.

В отличие от Ирландии Шотландия отнеслась к соправителям благосклонно. Шотландские пресвитериане были очень довольны низложением короля-католика. Таким образом, к 1692 г. власть Марии и Вильгельма оказалась установленной на всех Британских островах. Сбылось пророчество, данное при рождении Вильгельма: одна из повитух увидела над головой малютки-принца три призрачные коро-

ны. Теперь эти атрибуты королевского величия материализовались, и Оранская чета получила короны Англии, Шотландии и Ирландии.

Нельзя сказать, что соправители пользовались чрезмерной любовью своих подданных. Все соглашались, что Мария унаследовала фамильное обаяние Стюартов и имеет мягкий, добрый нрав, но в то же время в ней не могли не видеть и неблагодарнейшую из дочерей. Еще более сложным было отношение к Вильгельму. Конечно же, он был добрым протестантом, но его сухость, надменность и внешняя непривлекательность не способствовали росту его популярности. К тому же, будучи королем, Вильгельм не слишком интересовался делами трех королевств. Голландец до мозга костей, он посвятил себя благополучию родной страны. Следовательно, его главной задачей было оградить Голландию от территориальных притязаний Франции, используя могущество своих королевств. Поводом к войне с Францией могло послужить и то, что Людовик XIV, заклятый враг Вильгельма, дал приют Якову II и его семье.

Испания, которая в XVI в. играла доминирующую роль на европейском континенте, пришла в упадок, потеряв способность эффективно оборонять свои владения как в Новом, так и Старом Свете. Не только Франция, но и Австрия с воодушевлением посматривали на Италию, большая часть которой принадлежала Испании, однако первым делом Франция стремилась прибрать к рукам испанские Нидерланды. Если бы не поддержка Англии, то Голландия едва ли смогла бы воспрепятствовать амбициям завоевателей и предотвратить усиление своего главного врага.

В ситуации, когда место европейского лидера оказалось вакантным, Франция постаралась занять освободившуюся позицию. Людовик XIV мечтал и о захвате заморских испанских колоний, что вовсе не входило в планы англичан, облюбовавших эти области для своих торговых операций. Дух конкуренции побудил британцев поддерживать короля Вильгельма в его борьбе с Людовиком Французским. Так Англия оказалась втянутой в войну Аугсбургской лиги (1688–1697), а затем и в Войну за испанское наследство (1701–1714).

Аугсбургская лига — союз, заключенный в 1686 г. в городе Аугсбурге по инициативе Голландии между германским императором, королями Испании и Швеции, владевшими землями, которые входили в состав Германской империи, Баварией и некоторыми другими немецкими княжествами против Франции. В 1689 г. к союзу примкнула и Англия. Война Аугсбургской лиги против Франции завершилась

подписанием мирного договора в Рисвике, по которому Людовик XIV отказывался от ряда захваченных им германских территорий.

Поводом к Войне за испанское наследство послужило прекращение династии испанских Габсбургов. Последний испанский Габсбург, Карл II, завещал корону внуку Людовика XIV Филиппу Бурбону, вступившему на престол под именем Филиппа V. В то же время Англия и ее союзники — Австрия, Голландия, Пруссия и некоторые другие немецкие государства, а также Португалия и герцогство Савойское — считали, что испанский престол должен занять эрцгерцог Карл, представитель австрийской ветви Габсбургов. Война складывалась неудачно для Франции, которая избежала полного поражения только потому, что после того, как в 1711 г. эрцгерцог Карл стал императором Священной Римской империи германской нации, Англия, не желавшая нового соединения испанской и императорской корон (как это было в XVI столетии), заключила мир и с Испанией Филиппа V, и с Францией.

ПЕТРОВСКАЯ РУСЬ И АНГЛИЯ

Петр I побывал в Англии по приглашению Вильгельма III в начале 1698 г. и провел там более трех месяцев. Русский царь не только интересовался строительством кораблей, но и искал политических и торговых партнеров в Западной Европе. Он понимал, какую важную роль играет Англия в международной политике, а также видел в ней «мастерскую мира», куда Россия могла бы с выгодой для себя поставлять сырье в обмен на готовую продукцию.

В течение всего визита Петр жил на берегах Темзы, в Лондоне, в районе Стрэнда или в Гринвиче, проводя большую часть времени на королевской верфи в Детфорде, где его наставником был знаменитый кораблестроитель Энтони Дин, автор книги «Доктрина морской архитектуры», и проявляя интерес к английским арсеналам, мастерским и частным коллекциям редкостей, по образу которых в Петербурге появился первый российский музей, Кунсткамера. Держался русский царь очень скромно, однако его персона постоянно привлекала внимание шустрых английских газетчиков, и тогдашняя пресса пестрела замечаниями о высоком (в прямом и переносном смыслах) иностранном госте; однако многочисленные публикации никак не подтверждают легенду о том, что жадный до знаний царь встречался с самим сэром Исааком Ньютоном. Зато они сохранили подробности о приеме, данном в честь

Петра королем Вильгельмом III в Кенсингтонском дворце: царь не обратил особого внимания на собранную там коллекцию живописи, но был очарован механическими раздвижными шторами и удивительными часами, соединенными с флюгером на крыше дворца и показывавшими не только время, но и направление ветра. Эта диковинка сохранилась до наших дней, а о посещении дворца Петром I напоминает хранящийся в нем его великолепный парадный портрет работы Годфри Неллера.

«Петр Михайлов» интересовался и различными английскими институтами: так, сразу по возвращении в Россию он, по аналогии с орденом Подвязки, учредил орден Св. Андрея Первозванного. А еще в результате этой примечательной поездки вслед за царем к нам прибыло восемь сотен западноевропейских специалистов — военных, корабелов, инженеров, медиков, из которых чуть ли не половину составляли британцы.

Своеобразным следствием визита Петра I в Англию стала книга Д. Дефо «Беспристрастная история царя Петра Алексеевича» (1722), в которой русский царь был представлен чуть ли не идеальным государем, для пользы дела отбросившим все светские условности и овладевшим ремеслом корабельного плотника.

Интерес к петровской России отразился и в заключительной части «Удивительных приключений Робинзона Крузо», в которой любимый герой Дефо попадает из Китая в Россию, проводит долгую, длящуюся целых восемь месяцев зиму в Тобольске, а оттуда направляется в Архангельск, чтобы морем вернуться на родину. Хотя продолжение «Робинзона» никогда не пользовалось такой популярностью, как его первая часть, в нем Дефо постарался как можно подробнее описать лютую зиму, в течение которой «морозы были столь суровы, что невозможно было выйти на улицу, не завернувшись в шубу и не прикрыв лицо меховой маской, точнее, капюшоном с всего лишь тремя отверстиями для глаз и для дыхания», тем самым поспособствовав утверждению этого ставшего традиционным представления о Сибири.

После восшествия на престол королевы Анны в Лондон был направлен русский посол Андрей Артамонович Матвеев, задачей которого было добиться прочного союза между Россией и Англией. Однако усилия дипломата не увенчались успехом — на Западе еще не верили, что Россия прочно утвердится на Балтике. Более того, к Матвееву не отнеслись с уважением, подобавшим представителю великой державы: накануне отбытия русского дипломата из Лондона он подвергся разбойному нападению и был заточен в тюрьму — якобы за долги.

Усилиями иностранных послов, аккредитованных при английском дворе, удалось добиться освобождения Матвеева. Считая, что происшедшее с ним есть прямое оскорбление государству Российскому, Матвеев настоятельно потребовал, чтобы английское правительство сурово наказало тех, кто был повинен в этом происшествии. Узнав о событиях в Лондоне, Петр I обратился к королеве Анне с посланием, требуя, чтобы оскорбители русского дипломата были преданы казни.

Анна пыталась уладить неприятность с помощью подношений дорогих подарков русскому посланнику, но тот отклонил эти дары. Пришлось королеве, а в ее лице и всей Англии, письменно извиняться перед Россией и ее великим правителем. После инцидента с А. А. Матвеевым английский парламент принял закон о защите чести иностранных дипломатов. Когда конфликт был улажен, Петр I выказал желание вступить в союз с Англией и Голландией, однако эти страны не спешили к сближению с Россией; более того, видя успехи России в войне со Швецией, английское правительство подумывало об оказании военной помощи Карлу XII. Однако после победы русских в Полтавской битве ни одна держава уже не могла сбросить со счетов существование могучей Российской империи, и при преемнике Анны, короле Георге I (1660–1727), в отношениях между двумя странами наметились положительные сдвиги.

ГЕРЦОГ МАЛЬБОРО

Война за испанское наследство завершилась для Англии более удачно, чем для других участвовавших в ней стран. Морская и колониальная мощь Франции была значительно подорвана, Англия получила Гибралтар — ключ к господству в Средиземном море, ряд французских владений в Северной Америке (в том числе Новую Шотландию и район Гудзонова залива), Маон на острове Менорка, а также — от Испании — так называемые права асьенто, на тридцать лет предоставлявшие англичанам монополию на поставки африканских рабов в испанские колонии в Новом Свете. Работоторговля принесла английским коммерсантам огромные барыши — по средней оценке, ежегодно англичане вывозили из Африки до 20 тыс. рабов.

Подобным успехам Англия была обязана одному из своих самых выдающихся полководцев Джону Черчиллю, герцогу Мальборо (1650–1722). Джон Черчилль, пращур знаменитого политика XX столетия сэра

Герцог Мальборо

Уинстона Черчилля, начал военную карьеру в возрасте семнадцати лет. В 1668–1670 годах он отличился на службе в Танжере, в 1672–1673-м участвовал в войне с Голландией. Молодой и красивый офицер, прекрасно проявивший себя на поле брани, покорило сердце Сары Дженнингс (1660–1744), фрейлины и любимой подруги принцессы Анны, и в конце 1677 или в начале 1678 г. женился на этой придворной красавице. Из-за того, что брак был тайным, его точная дата так и осталась неустановленной, но секрет был раскрыт осенью 1678 г.

Энергичная, веселая Сара с детских лет состояла в штате фрейлин принцессы Анны и, будучи на пять лет старше своей царственной подруги, пользовалась у нее неизменным авторитетом. Благодаря жене Черчилль был включен в орбиту придворных связей. В 1682 г. он уже именовался бароном Черчиллем и был пэром Англии. Он сыграл заметную роль в подавлении восстания герцога Монмутского, но в 1688 г. предал Якова II, перейдя на сторону Вильгельма Оранского и Марии, за что, собственно, и получил титул герцога Мальборо. В 1690 г. протек-

Сара Мальборо

ция принцессы Анны принесла ему статус тайного советника, однако вскоре его отношения с Вильгельмом III ухудшились. Черчилль считал, что король недооценивает его полководческие таланты, отдавая предпочтение голландским генералам. Оскорбленный вояка начал подумывать о том, как бы обрести более благодарного повелителя. Он дошел до того, что вторично предал английского монарха и вступил в переписку с находившимся во Франции Яковом II. Через Сару ему удалось добиться того, что и принцесса Анна установила контакт с отцом. Этим Черчилль не ограничился, сообщив французам о намерении англичан предпринять атаку на Брест, — в результате задуманная операция провалилась и погибли несколько сотен английских солдат. Измена Черчилля была раскрыта, он потерял пост тайного советника и положение в армии, подвергся аресту и в конце концов получил приказ покинуть двор. Это означало, что и Сара попала в опалу.

Принцесса Анна яростно вступилась за подругу и даже умудрилась рассориться в пух и прах с королевой Марией — до тех пор сестры всегда

были очень дружны, однако преданная супругу Мария на сей раз не прислушалась к мольбам Анны. Отношения сестер так и остались натянутыми вплоть до смерти Марии в 1694 г. В справедливости королевского гнева на Черчилля не приходится сомневаться: в начале 1690-х годов Мальборо вел двойную игру и, если бы Вильгельма Оранского постигла неудача, без всяких угрызений совести переметнулся бы на сторону Якова II.

Анна осталась верна попавшим в опалу друзьям. Подруги продолжали обмениваться нежнейшими письмами, в которых не было места этикетным формальностям. В письмах к Саре принцесса называла подругу «своей дорогой миссис Фримен», а Сара в свою очередь именвала Анну «своей дорогой миссис Морли». Зато, когда Анна стала королевой, Сара немедленно заняла центральное место при дворе, а ее муж в мгновение ока превратился в главнокомандующего англо-голландскими войсками в Европе. В том же 1702 г. Джон Черчилль стал герцогом Мальборо.

За полстолетия, минувшие со времен гражданских войн в Англии, техника ведения боевых действий претерпела значительные изменения. Изобретение штыка и усовершенствование мушкетов, бывших на вооружении у пехоты, значительно увеличили эффективность действий этого рода войск, поскольку каждый боец теперь совмещал функции и пикинера², и стрелка-мушкетера. Первые штыки вставлялись в дула мушкетов, однако вскоре был изобретен штык, насаженный на ствол мушкета и позволявший вести огонь с примкнутым штыком. Сильные изменения произошли и в артиллерии.

Армии конца XVII — начала XVIII веков передвигались крайне медленно и старались придерживаться хорошо подготовленных оборонительных рубежей. Успехи, достигнутые герцогом Мальборо в качестве главнокомандующего соединенными англо-голландскими войсками, во многом были связаны с нарушением основных стратегических доктрин того времени: армии Мальборо отличались мобильностью и способностью совершать марш-броски, появляясь там, где противник меньше всего рассчитывал на встречу с ними.

В первое десятилетие XVIII в. Мальборо увенчал себя лаврами серии блистательных побед — при Бленгейме³ (1704), Рамильи (1706), Аудер-

² Так называли солдата, вооруженного пикой и сражавшегося в пешем строю.

³ Знаменитое сражение при Бленгейме произошло в окрестностях этого баварского города 13 августа 1704 г. В честь победы Мальборо в английском графстве Оксфорд был заложен Бленгеймский дворец, преподнесенный в дар полководцу от имени благодарной нации. Дворец, представляющий собой выдающийся

наре (1708) и Мальплаке (1709). Однако английское правительство сочло, что последнее сражение было выиграно слишком дорогой ценой. Королева Анна заметно охладела к своему фавориту, поверив слухам, что он чересчур свободно распоряжался отпускаемыми на военные нужды средствами, присваивая и растрачивая изрядную часть государственных денег. В 1711 г. Мальборо сместили со всех высоких постов, и он даже вынужден был уехать за границу. Опала, в которую попал Черчилль, распространилась и на его жену, давно привыкшую распоряжаться в Сент-Джеймском дворце как у себя дома. Новой фавориткой королевы Анны стала дальняя родственница Сары Эбигейл Мэшем, история которой легла в основу блестящей комедии Э. Скриба «Стакан воды».

Замечательный английский писатель У.М. Теккерей в своем историческом романе «История Генри Эмонда» создал незабываемый портрет герцога Мальборо: «У нашего великого полководца, которого едва ли не боготворила Англия, да и вся почти Европа, исключая французов, была одна истинно богоподобная черта: ни победы, ни поражения, ни опасности не могли смутить его хладнокровия. <...> Изменить для него было все равно, что отвесить церемонный поклон; ложь, черная, как воды Стикса, сходила с его уст столь же легко, как комплимент или замечание о погоде. <...> Быть может, он не стал бы таким великим мужем, если б его сердце знало любовь или ненависть, страх или жалость, упрек или раскаяние. Он столько же был способен на величайший подвиг храбрости или хитроумнейший расчет, сколько и на гнуснейшую подлость <...>. Он умел использовать каждого от мала до велика, кто только ни встречался на его пути, и у каждого находил, что взять, — кровь у солдата, или шляпу дворянина с дорогим украшением, или сто тысяч крон из королевской казны, или два из трех фартингов, составлявших содержание полуголодного стрелка, или в молодые годы — поцелуй у женщины, и заодно и золотую цепочку с ее шеи, от каждой и каждого стремясь урвать что только можно <...>. У него наготове были и слезы, и улыбки, на случай, если представится надобность в мелкой разменной монете. Он готов был прислуживаться и чистильщику сапог, как и льстить министру или

ся памятник архитектуры барокко, был возведен по проекту архитекторов Джона Ванбру и Николаса Хоксмюра. Позднее садовый архитектор «Кейпбибли» Брун, прозванный так потому, что не признавал невозможного в осуществлении своих замыслов (от английского *capability* — способность, возможность), разбил рядом с дворцом парк, планировка которого отражала характер расположения войск в битве при Бленгейме.

государю; умел быть надменным и смиренным, мог грозить, каяться, плакать <...>⁴. Давая Мальборо столь нелестную характеристику, Теккерей не принижает его отваги, которая, впрочем, питалась подлостью, низостью и корыстными интересами, ибо на войне он рисковал «собственной жизнью и жизнью своих солдат не для блага родины, а во имя своих титулов и денежных выгод».

Герцог Мальборо пережил королеву Анну, и новый английский король Георг I, принадлежавший к числу пылких поклонников полководческого гения Мальборо, вернул ему прежние звания и должности, однако в 1716 г. герцога хватил удар, от которого ему не суждено было оправиться. Как бы ни оценивали деятельность герцога и герцогини Мальборо историки и писатели, они являли на редкость гармоничную супружескую пару.

УНИЯ 1707 г.

Крупнейшим событием периода правления королевы Анны (с 1702 по 1714 г.) стало государственное объединение Англии и Шотландии в единое Соединенное Королевство Великобритания. В 1707 г. лондонский парламент принял Акт об унии, выгодный английской стороне и ущемлявший национальные интересы шотландцев. Даже по прошествии многих десятилетий с момента объединения стран шотландцы продолжали негодовать по поводу измены, совершенной шотландскими государственными деятелями. Эти чувства дошли до нас в стихотворении «Шотландская слава» национального поэта Роберта Бернса, сетовавшего на то, что уния стала результатом подкупа и предательства.

Объективно оценивая последствия унии 1707 г. для Шотландии, трудно видеть в ее вхождении в состав Соединенного Королевства только минусы. Уже после 1603 г., когда Англия и Шотландия оказались связанными личной унией, благосостояние второго из королевств стало ощутимо улучшаться. Показателен тот факт, что за время жизни всего одного поколения население страны возросло втрое, а в XVIII в., после принятия Акта об унии, увеличилось еще в три раза. Отметим, что подобных темпов прироста населения не знала ни одна европейская держава.

По сравнению с английскими экономика и культурное состояние Шотландии производили удручающее впечатление. Здесь почти не

⁴ Пер. Е. Д. Калашниковой (Теккерей У. М. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. М., 1977).

было промышленности, в сельской местности хозяйство было преимущественно натуральным, а города, за исключением Эдинбурга, по свидетельству путешественников, мало чем отличались от деревень. И все же шотландцы упрямо цеплялись за свою старину, поддерживали древние национальные традиции и враждебно относились к англичанам, которые в свою очередь смотрели на шотландцев свысока, видя в них дикарей и высмеивая их обычаи. Даже в наше время, когда экономические и культурные различия ранее не зависимых друг от друга королевств ушли в прошлое, взаимное непонимание народов дает себя знать⁵. В Шотландии активно действуют силы, добивающиеся провозглашения ее независимости, и очень часты случаи, когда на вопрос «Are you English?» («Вы — англичанин?») шотландец презрительно фыркает в ответ: «No, I'm Scottish!» («Нет, я шотландец!»), не беря в расчет, что во всем мире Соединенное Королевство в обиходе именуют просто Англией. Таковы пережитки национальной розни и ненависти, которые когда-то повергали два народа в кровавые войны.

В соответствии с первой статьей Акта об унии Англия и Шотландия становились единым королевством с 1 мая 1707 г. Объединение Англии и Шотландии на основе личной унии — появление нового королевства — потребовало изменений в государственной символике.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА

Первым государственным флагом Англии было белое полотнище с красным крестом — эмблемой св. Георга⁶, почитаемого в качестве небесного заступника этой страны. Английский вариант имени святого — Джордж (это имя носили шесть королей страны), однако в русской традиции оно транслитерируется как Георг. Миф о святом воине-мученике, в котором звучит мотив победы веры и надежды над

⁵ Самым ярким примером различий Англии и Шотландии в настоящее время является их отношение к выходу из Европейского Союза.

⁶ Георгий Победоносец в русском фольклоре носит имя Егория Храброго, в мусульманском — Джирджиса. Фольклорная традиция связывала с именем Георгия языческие весенние обряды скотоводов и земледельцев. Праздник святого отмечался 23 апреля, в древности в этот день впервые выпускали скот на весенние пастбища, закалывали ягненка и пели песни. Линия поклонения святому Георгию как покровителю скота перекрещивается с воинской, рыцарской линией изображения всадника.

злом, светлых сил над темными, очень популярен как в христианском, так и в мусульманском мире.

Святого Георга помнят прежде всего как победителя дракона. В дошедшей из глубины веков легенде повествуется, что недалеко от некоего языческого города поселилось страшное чудовище, убивавшее ради забавы скот и пожиравшее людей. Жители города выдавали ему на съедение каждый день юношу или девушку, пока очередь не дошла до дочери правителя города. Проезжавший мимо святой Георг решил не допустить ее гибели и убил дракона. По некоторым версиям дракон был сражен молитвой святого и сам пал к ногам Георга. Чудовище признало верховенство добрых сил, и девушка отвела его, покорного, в город на поводке. Горожане, восхищенные деяниями веры, приняли крещение, а дочь возвратилась к счастливому отцу.

Популярность этой легенды была особенно велика во времена крестоносцев. Воины, проходившие по многим землям, рассказывали о том, что во время осады Иерусалима в 1099 г. св. Георг участвовал в сражении, представ рыцарем с красным крестом на белом плаще. В XIV в. этот крест стал английским государственным символом⁷. Корабли, выходившие в море от берегов Альбиона, поднимали на мачтах белые флаги с красным крестом.

Флаг Англии так и оставался простым и строгим до начала XVII столетия. Однако после того как на английский престол взошел шотландский король Яков I, государственная символика Англии претерпела большие изменения. На новом флаге английская символика соседствовала с шотландской. Теперь полотнище флага украшали два креста — красный крест св. Георга и белый крест на синем фоне — символ св. Андрея, покровителя Шотландии. Св. Андрей — один из двенадцати апостолов. Он был братом св. Петра, галилеянином, рыбачил на Тиверидском море («море Галилейском») и входил в общину учеников Иоанна Крестителя, пока не был одним из первых или даже первым призван Иисусом Христом (отсюда и его прозвище — «Андрей Первозванный»). Дальнейшая судьба святого трагична: как и многие проповедовавшие христианство языческим народам, он был распят на кресте по распоряжению римского магистрата в греческом городе Патры. Крест имел форму буквы «х». Отсюда, видимо, ведет историю форма диагонального креста Святого Андрея, так называемого Андреевского креста.

⁷ Любопытно, что практически в то же время изображение св. Георгия в образе всадника на коне стало эмблемой Москвы.

Простым наложением крестов — белого диагонального шотландского и красного английского — проблема не решалась, так как это противоречило строгим геральдическим канонам: кресты на знамени не должны соприкасаться, так как красный цвет не должен соседствовать с синим. Из затруднительного положения нашли довольно простой выход. Было решено наложить красный крест на белый, но так, чтобы при этом красный крест обводился тонкой белой каймой, т.е. у него появлялось собственное белое поле. Проблема была решена: кресты не соприкасались, красный и синий цвета везде были отделены друг от друга белыми полосами. Принятый официально в 1606 г. новый государственный флаг получил прозвище «Юнион Джек» или «Великий Юнион». В названии флага закрепились память о том, кто стоял у истоков союза Англии и Шотландии («Юнион» по-английски означает «союз», а Джек — уменьшительное от Джеймс (Яков)), хотя, конечно же, инициатором личной унии была королева Елизавета.

Следующее изменение флаг претерпел во времена Оливера Кромвеля, который повелел разместить в центре флага ирландскую арфу св. Давида, небесного покровителя Ирландии. Арфа — один из древнейших музыкальных инструментов — стала прародительницей всех струнных. На ней играли в Древнем Египте и Финикии, в Ассирии, Древней Греции и Риме. В Средние века арфа приобрела огромную популярность в Европе. Особенно славились арфисты-ирландцы. Они рассказывали саги — особые ирландские сказания, аккомпанируя себе на маленьких арфах. Исполнение музыкальных произведений на арфе стало настолько популярно в Ирландии, что изображение этого инструмента вошло в национальный герб страны. Именно оттуда арфа «перекочевала» на флаг во времена Кромвеля. Но ей не суждено было задержаться там надолго: после Реставрации в 1660 г., когда король Карл II вернул монархии власть в стране, рисунок государственного флага стал прежним.

При Якове I изменился и государственный герб. Теперь на геральдическом щите королевства появились не только три английских золотисто-желтых леопарда на красном фоне, но и стоящий на задних лапах красный шотландский лев на золотисто-желтом фоне.

Щит на гербе занимает прочное, устойчивое положение, так как его поддерживают две мифологические фигуры. Справа — золотисто-голубого цвета лев с короной на голове. Слева — серебристый единорог с золотым рогом, копытами, гривой, ошейником в виде маленьких скре-

пленных между собой корон и цепью. Лев и единорог символизируют Англию и Шотландию, на гербе они выступают представителями этих стран. Их действие можно оценить как поддержку союза, так как они держат и охраняют щит. Однако исторически это не всегда было так. Незвестный автор написал такие строки:

Вел за корону смертный бой со Львом Единорог,
Гонял Единорога Лев вдоль городских дорог.
Кто подавал им черный хлеб, а кто давал пирог,
А после их под барабан прогнали за порог⁸.

Полагают, что этот стишок был сложен в начале XVII в.⁹

⁸ Пер. Д. Г. Орловской (*Кэрролл Л. Лев и Единорог // Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес; Сквозь Зеркало и Что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье*. М., 1978. С. 183–193).

⁹ Соперничество между львом и единорогом насчитывает не одну тысячу лет. Изображение этих животных обнаружено на халдейской шахматной доске, датированной 3500 г. до н. э. Они упоминаются в ранних английских книгах по естественной истории и в средневековых bestiariaх. Полагают, что их борьба символизирует победу лета (лев с золотой гривой) над весной (единорог или белый конь). Лев и единорог фигурируют в книге Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье», где борьба их осмысливается как вновь и вновь возобновляемый процесс, присущий извечному круговороту, идущему в природе. Именем Единорога названо экваториальное созвездие (лат. Monoceros). Символ единорога занимает существенное место в геральдике: единорог изображается как на государственных, так и на личных гербах, в том числе в XVIII в. на гербах некоторых знатных русских родов, в частности графа П. И. Шувалова, в бытность которого начальником оружейной канцелярии получил развитие введенный на Руси еще в XVI в. обычай называть «единорогами» артиллерийские орудия, украшенные изображениями этого существа.

ГЕОРГИАНСКАЯ ЭПОХА

СМЕНА ДИНАСТИЙ

В английской истории, вероятно, нет монарха, образ которого получил бы более противоречивое отражение на страницах произведений художественной литературы, чем королева Анна. Тот же Скриб изобразил ее обаятельной, мягкой и женственной, а Теккереи подчеркивал ее склонность к спиртному, нездоровый багровый румянец ее щек...

Анна была чрезвычайно близорука, сентиментальна, страдала болезненной полнотой, отеками конечностей и болями в суставах, мешавшими ей передвигаться. Например, во время коронации она с трудом сумела пройти от входа к алтарю Вестминстерского аббатства. Большая любительница вкусной еды и особенно сластей, она сочетала эту детскую страсть с любовью к охоте и умело правила лошадьми, запряженными в ее охотничью колесницу. С одной стороны, она стремилась принимать участие в решении государственных вопросов, относясь к государственным обязанностям как к докучливой необходимости. Участвуя в заседаниях Тайного совета, она порой умела заставить прислушаться к ее голосу, что не помешало известному историку Т. Б. Маколею отзываться о ней как о безнадежно глупой женщине, которая в хорошем настроении была «кратко глупа», а в дурном — «сердито глупа». С другой стороны, Анна легко попадала под влияние сильных личностей вроде ее подруги Сары. Зависимость от окружения не прекратилась и тогда, когда в 1683 г. Анна вышла

замуж за датского принца Георга — ее супруг оказался таким же мягким и слабохарактерным.

Георг Датский, брат Кристиана V, не обладал ни малейшими способностями к ведению государственных дел. Впрочем, он был начисто лишен амбиций: его любимым занятием было наблюдать за прохожими, стоя у окна, и язвить по поводу их внешности и манер. (Это не помешало Анне, когда она стала королевой, сделать мужа лорд-адмиралом Англии.)

Королева Анна

Учитывая высокое положение Анны, молодожены остались жить в Англии. На них возлагались большие надежды в плане продолжения династии; у отца Анны и его жены Марии Моденской не было детей, и уже стало очевидно, что брак старшей сестры Анны Марии с Вильгельмом Оранским будет бездетным. Семнадцать раз Анна пыталась стать матерью, однако только пятеро ее детей родились живыми, причем четверо из них умерли в младенчестве, а последняя надежда, сын Уильям, герцог Глостерский, скончался в 1700 г. в возрасте одиннадцати лет.

Английские государственные деятели были серьезно обеспокоены дальнейшей судьбой короны и становившейся все более реальной

угрозой восшествия на престол сводного брата Марии и Анны, католика Якова Эдуарда, «ребенка из грелки». Желая положить конец католическим притязаниям на престол, в 1701 г., еще при жизни Вильгельма III, парламент принял решение назначить наследницей Анны Софию (1630–1714), мать которой была дочерью Якова I, а отец — электором Палатинским. София, вышедшая замуж за электора Ганноверского Эрнста Августа, приходилась, таким образом, двоюродной теткой последним представительницам династии Стюартов. Избранная парламентом престолонаследница уже достигла преклонного возраста, но из всех возможных претендентов на корону она была единственной протестанткой. Однако София скончалась еще до смерти королевы Анны, и в 1714 г. королем Великобритании и Ирландии стал ее сын, электор Ганноверский, принявший тронное имя Георга I и явившийся основателем новой династии. Представителями Ганноверской династии являются четыре Георга (Георг I, Георг II, Георг III и Георг IV), Вильгельм IV и королева Виктория¹.

ЧЕТЫРЕ ГЕОРГА

Четыре короля-тезки правили Соединенным Королевством и Ирландией с 1714 по 1830 годы — Георг I (1714–1727), Георг II (1727–1760), Георг III (1760–1820), Георг IV (1820–1830). Блистательную и одновременно убийственную по заключенной в ней иронии характеристику эти монархи получили в серии очерков У.М. Теккерея «Четыре Георга». Его иронические суждения послужат украшением портретам королей, предлагаемым читателям в этой книге.

Основатель Ганноверской династии Георг I (1660–1727) стал королем Великобритании и Ирландии, когда ему уже исполнилось пятьдесят четыре года — немало по масштабам XVIII столетия. Георг был немцем и остался им, взойдя на престол, — он даже не пытался делать вид, что интересуется английскими обычаями, и совсем не говорил по-английски. Король был равнодушен к британским проблемам,

¹ Последние из Стюартов, Вильгельм II (Стюарт по материнской линии) и Анна, окончили свои дни не самым подобающим монархам образом. Вильгельм скончался от падения с лошади, копыто которой провалилось в рыхлый кротовый холмик, а Анна умерла в Кенсингтонском дворце от сильнейшего несварения желудка, причиной которого стала неистребимая любовь королевы к гастрономическим изыскам.

Георг I

зато неизменно пекся о благе маленького Ганновера. Георга I можно где-то понять: в Великобритании его власть была ограничена парламентом, в то время как у себя на родине он оставался абсолютным монархом. Национальные пристрастия короля не способствовали росту его популярности среди британских подданных.

Теккерей называл Георга I «рассудительным, спокойным и себялюбивым монархом», который всегда преследовал свои цели и соблюдал собственные интересы «с неизменным успехом». Король был предан Англии «хотя бы настолько, чтобы предоставить ее самой себе». Первый Георг был крут в обращении со своей супругой и кузиной Софией Доротеей Целльской, которая вышла за него замуж «ради денег или иных выгод», и в 1694 г., разведясь с ней, он посадил ее под домашний арест. Она так и осталась под стражей в Ганновере.

В Британию Георг прибыл в сопровождении двух алчных фаворитов, которые вместе являли поистине гротескную картину, свидетельствуя о тяге короля к разнообразию. Тощая, как щепка, и высокая Ме-

люзина фон дер Шуленберг получила при дворе прозвище «Майский шест», а София Шарлотта фон Кильманзегге, напротив, была чересчур пышнотелой, что отразилось в закрепившемся за ней прозвище «Два акра щек». В Британии явно не одобряли личную жизнь короля, который, впрочем, «...не обманывался насчет нашей преданности, брал все, что плохо лежало», но все же «уберег» нацию от папизма и французского засилья, неизбежных в случае прихода к власти Якова Эдуарда Стюарта.

Немец до мозга костей, Георг I устроил браки своих детей с отпрысками немецких владетельных особ. Его дочь София Доротея вышла замуж за короля Пруссии Фридриха Вильгельма I и стала матерью Фридриха II Великого. Сын Георга, тоже Георг, еще в 1705 г. женился на Каролине Ансбахской. Взойдя на британский престол, этот второй Георг тоже оставался в душе немцем, но в отличие от отца уже владел английским языком, хотя и изъяснялся на нем с сильным ганноверским акцентом.

Проведя молодые годы в патриархальной тиши маленького немецкого княжества, Георг II приехал в Англию уже сформировавшимся человеком. Ганновер был ему милее, и он, как и его отец, стремился подчинить политику Великобритании ганноверским интересам. К чести Георга II нужно отметить, что он неплохо разбирался в международных делах.

В отличие от своего отца Георг II был счастлив с женой, одной из самых верных и преданных супругов, которых когда-либо имели венценосцы, и это несмотря на то, что сам король не отличался постоянством. Королева Каролина хорошо разбиралась в делах управления государством, и Георг, уезжая из Англии в Ганновер, со спокойной совестью оставлял ее регентом Великобритании и Ирландии. Отлично ладившие между собой супруги были, по-видимому, настолько поглощены политикой и друг другом, что не уделяли достаточного внимания детям, трем сыновьям и пяти дочерям. С этой семьи начинается своеобразная «традиция» Ганноверской династии, в соответствии с которой король и наследник престола, принц Уэльский, с трудом находили общий язык, а зачастую приходили к ожесточенной конфронтации. Теккерей, прямо обвиняя королеву в том, что она была небезупречна как мать, писал: пусть она «добра и даже ласкова с детьми, но спокойно разрежет их на мелкие кусочки, чтобы доставить ему (Георгу II. — *И. Б.*) удовольствие».

Георг II был суровым человеком, которого побаивались и домоладцы, и придворные. «Его обвиняли в жадности, но он не раздари-

Георг II

вал деньги и после себя тоже оставил немного. Он не любил изящные искусства, но и не прикидывался их любителем. В религии он лицемерил не больше, чем его отец. Он низкой меркой мерил людей, но разве для такого окружения его суд был ошибочным? <...> Жизнь сделала из него циника. <...> Строя свои взаимоотношения с мужчинами и женщинами на такой грубой и циничной основе, он пришел к тому, что поставил под сомнение и честь — мужскую и женскую, и патриотизм, и религию»². В то же время король любил серьезную музыку. Он оказывал покровительство многим выдающимся музыкантам, особенно Георгу Фридриху Генделю (1685–1759).

Уроженец Саксонии, Гендель служил придворным музыкантом у электора Ганноверского еще в 1710 г. Затем, когда его господин стал английским королем, Гендель тоже перебрался в Лондон, где пользо-

² Пер. И. М. Бернштейн (*Теккерей У. М. Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М., 1979*).

Георг Фридрих Гендель

вался особой милостью при дворе, сохранив свое положение и в царствование Георга II.

Крупнейшей исторической виной второго Георга перед Британией является то, что он втянул ее в Войну за австрийское наследство. Король, правда, лично участвовал в боевых действиях. Битва при Деттингене стала последним сражением, в котором принимал участие британский монарх. По окончании войны Георг II как-то вдруг утратил интерес к политике и отошел от государственных дел, переложив решение проблем на плечи премьер-министра.

Смерть Георга II была легкой и прозаической. 25 октября 1760 г. король проснулся в обычное время, выпил неизменную чашечку горячего шоколада, поинтересовался, откуда дует ветер (это был его обычный утренний вопрос). Ответ, видимо, пришелся ему по душе, потому что король заявил о своем намерении погулять по Кенсингтонским садам. Однако прогулка так и не состоялась; войдя в гардеробную, чтобы переодеться, семидесятилетний монарх упал замертво на пол.

Старший сын Георга II Фредерик Луис умер в 1751 г. в возрасте срока пяти лет. Причиной смерти принца Уэльского послужил неудач-

ный удар теннисным мячом, спровоцировавший какую-то загадочную болезнь. Смерть принца, однако, не поставила под вопрос будущее Ганноверской династии: король оставил пятерых сыновей и трех дочерей, одна из которых, правда, пережила отца всего на несколько лет, а самая младшая, Каролина Матильда, родилась четыре месяца спустя после его кончины. Так в 1751 г. принцем Уэльским оказался старший из сыновей покойного, тринадцатилетний Георг, будущий Георг III (1738–1820).

Юный принц Уэльский стал объектом особых забот матери Августы Саксен-Готской и ее фаворита Джона, графа Бьюта. Эта парочка намеревалась полностью подчинить себе будущего короля, что было не столь трудной задачей, если учесть природную мягкость характера молодого Георга и свойственное ему уважительное отношение к матери. Лорда Бьюта он называл своим самым драгоценным другом и с детства питал веру в исключительность его познаний и способностей, глядя на него как на своего первого и любимого наставника. Однако, как вскоре выяснилось, Георг доверял матери и Бьюту далеко не все свои секреты.

Ему едва минуло четырнадцать, когда он без памяти влюбился в молоденькую квакершу Ханну Лайтфут. Роман длился несколько лет, и Ханна родила Георгу двух детей. Принц был до такой степени влюблен и счастлив, что, потеряв голову, вступил с Ханной в тайный брак, и замять эту историю оказалось совсем не так просто. Когда Георг уже был женат на принцессе Шарлотте Мекленбург-Стрелицкой (они заключили брак в 1761 г.), он узнал о смерти Ханны. К этому времени Шарлотта уже подарила ему двух сыновей, и королеву мучил страх за будущее маленьких принцев, которые были, по сути, незаконнорожденными. Чтобы закрепить их права, король и королева устроили странный бал-маскарад, во время которого их вторично обвенчал настоящий служитель церкви. Многие недоумевали по поводу маскарадной свадьбы, но для венценосной четы она была очень важным событием.

История женитьбы Георга III на принцессе Мекленбург-Стрелицкой заслуживает особого внимания. Принцесса карликового государства, она осмелилась в 1760 г. написать письмо прусскому королю Фридриху Великому, умоляя его прекратить войну, причиняющую столько страданий простому народу. Король был удивлен этим посланием и отправил его в Лондон, желая, чтобы его союзник Георг III ознакомился с образчиком патриотических чувств, питаемых молоденькой немецкой принцессой.

Георг III

Это письмо решило судьбу Шарлотты. Вдовствующая принцесса Уэльская и ее верный советник Бьют были серьезно обеспокоены влюбчивостью молодого короля и тревожились, как бы он не женился на придворной красавице Саре Леннокс. Дело было не в недостаточном высоком происхождении потенциальной королевской невесты: прадедом Сары был Карл II, а прабабкой — его фаворитка Луиза де Керуаль. Однако сестра девушки была замужем за известным своими амбициями политиком Генри Фоксом, а в планы матери и наставника Георга вовсе не входило, чтобы король попал под чье-либо чужое влияние. В этой ситуации маленькая, невзрачная принцесса Мекленбург-Стрелицкая была сочтена наиболее подходящей невестой для молодого короля. Вдовствующая принцесса так спешила со свадьбой, что не разрешила отсрочить бракосочетание даже ввиду скоропостижной кончины матери Шарлотты.

Свадьба Георга III превратилась в великий праздник. Народ, еще не успевший разочароваться в молодом короле, с восторгом привет-

ствовал этого белокурого, голубоглазого юношу — первого рожденного в Англии представителя Ганноверской династии. Георг свободно говорил и по-английски, и по-немецки, общаясь с женой на ее родном языке. Свадебные торжества плавно перетекли в коронационные — 22 сентября Георг и его супруга венчались на царство в Вестминстерском аббатстве, после чего в Вестминстер-холле был устроен банкет. Однако церемониймейстеры допустили массу оплошностей в его организации, и торжество превратилось в настоящий фарс. Прежде всего выяснилось, что распорядители не рассчитали количество мест за праздничными столами, и обиженными оказались депутаты лондонского Сити во главе с самим лордом-мэром. Затем отличился лорд Толбот. По старинной традиции он как лорд-церемониймейстер должен был въехать в пиршественный зал верхом на коне, прогарцевать к королевскому возвышению и засвидетельствовать свое почтение королю и королеве. Затем ему нужно было выехать из зала, не разворачивая коня. Во время репетиций этот сложный маневр получался у него без труда. Однако в самый ответственный момент лошадь Толбота перепугалась множества шумящих людей, и, едва распорядитель подъехал к помосту, как несчастное животное повернулось к нему задом. Своды Вестминстер-холла чуть не обрушились от гомерического хохота, король с королевой тоже смеялись до слез. Ценой невероятных усилий оконфузившийся Толбот все же развернул своего рысака в правильном направлении, но после всего случившегося его верноподданническая приветственная речь осталась без должного внимания.

Как не вспомнить распространенную в прошлом примету: как проходит коронация, таким будет и царствование. Но самое нелепое и непредвиденное из всех событий 22 сентября 1761 г. произошло во время самой коронации: из короны Георга выпал крупный алмаз. Это событие могло быть истолковано только как дурное предзнаменование, причем настолько скверное, что его постарались поскорее забыть и заговорили о нем лишь тогда, когда в 1776 г. Великобритания лишилась сразу тринадцати североамериканских колоний.

Стране не повезло с Георгом III, который с детских лет был игрушкой в руках противоборствующих группировок придворных интриганов. Природные доброта и простота короля не принесли славы его царствованию. Обделенный талантами и способностями, он «был воспитан темными людьми», и, как пишет Теккерей далее, «самые блестящие учителя едва ли много преуспели бы в развитии его сла-

босильного ума, хотя, наверное, смогли бы развить его вкус и научить его некоторой широте мышления». Увы, этого не случилось. При всей своей добродетельности, при всем желании подавать благой пример народу Георг не мог успешно решать политические проблемы. Все, за что он брался с самыми добрыми намерениями, оборачивалось против него. Он не был создан для ведения государственных дел, и бремя власти оказалось для него чрезмерным. Он понял это уже в начале 1760-х годов, когда выяснилось, что лорд Бьют, бывший премьер-министром в 1762–1763 годах, некомпетентен в вопросах управления страной.

Георг не стремился к почестям, его больше прельщала простая жизнь сельского джентльмена, и он с наслаждением отдыхал в кругу семьи в Ричмонде или Кью. В «милом Кью» был разбит обширный ботанический сад — король очень интересовался жизнью растений. Полагая, что и детям его должно нравиться то, что по душе ему самому, Георг распорядился, чтобы маленьких принцев и принцесс обучали ухаживать за растениями и животными.

Были у Георга III и другие слабости. Он, как и его королева, обожал музыку. Королева была неплохой музыкантшей и хорошо пела, дети радовали родителей домашними концертами, но часто при дворе выступали и крупнейшие музыканты того времени. Еще король любил строить планы, составлять подробные инструкции или сметы расходов. За эту страсть его считали прижимистым, если не скупым, что не соответствовало действительности: глубоко веровавший протестант, симпатизировавший к тому же квакерам, король попросту не тянулся к роскоши. Неслучайно придворные разочарованно говорили, что двор Георга III был самым скучным из королевских дворов Европы.

Еще одним «коньком» этого короля была забота о своей фигуре. Зная о семейной склонности к полноте, он боролся с тучностью при помощи физических упражнений, соблюдал диету и следил, чтобы его домочадцы также ограничивали себя в употреблении пищи и ежедневно совершали длительные пешие прогулки.

Считая, что дети нуждаются в простой, здоровой еде, Георг лично составлял меню для принцев и принцесс. На завтрак королевские дети выпивали по чашке подслащенного чая с молоком и съедали по паре тостов. В три часа дня им подавали обед: бульон (с него предварительно снимался весь жир), мясо с овощами, а в постные дни — рыбные блюда. На сладкое пекли пирог, однако в тесто не добавляли сдобы. В воскресенье и по четвергам стол был более разнообразным,

например, подавалось мороженое. Ужинали в детской в половине девяти, иногда просто кружкой молока с хлебом.

Заботливый отец и верный супруг, Георг III при всех своих достоинствах служил постоянным объектом для насмешек. В зрелые годы все чаще ставилось под сомнение душевное здоровье монарха. После того как он переболел какой-то загадочной лихорадкой, король начал разговаривать несколько странно: он пересыпал свою речь риторическими вопросами, а порой говорил настолько быстро, что невозможно было разобрать ни единого слова. Считается, что король был болен перемежающейся порфирией, приступы которой вызывали психические нарушения. Первый приступ безумия случился у короля в 1788 г., но Георг продолжал оставаться у кормила власти.

В 1797 г. на него было совершено покушение — некая лондонская прачка по имени Маргарет Николсон пыталась вонзить в короля кухонный нож. Георг не пострадал во время этого инцидента, однако как человек, убежденный в том, что является подлинным отцом своему народу, не мог не испытать глубочайшего потрясения. Между тем даже в эти страшные минуты он проявил поразительную выдержку и снисходительность, сжалившись над преступницей. Король запретил привлекать Николсон к суду, а когда выяснилось, что несчастная женщина невменяема, распорядился поместить ее в лондонский Бедлам — знаменитую больницу для умалишенных, название которой стало нарицательным. Здесь «цареубийца» провела остаток своих дней.

Описанное событие тягостно отразилось на течении болезни самого Георга. К 1810 г. он окончательно сошел с ума (рассказывали, что однажды во время прогулки его величество изволили выскочить из кареты, чтобы раскланяться и побеседовать с кряжистым дубом, в котором Георг узрел самого прусского императора) и встал вопрос о регентстве. В 1811 г. регентом был назначен принц Уэльский Георг (1762–1830), который после смерти отца стал королем Георгом IV. К этому времени наследный принц был уже далеко не молодым.

У всех Георгов отношения со старшими сыновьями складывались непросто. Георг III и королева Шарлотта боготворили своего первенца. Когда он появился на свет, один из придворных, лорд Хантингтон, решил первым оповестить короля о рождении ребенка. Вельможе сказали, что родилась девочка, и он поздравил Георга с дочерью. Когда ошибка выяснилась, молодой отец обрадовался еще больше.

Маленький принц Уэльский был от природы ленив, но смышлен, и чуть ли не в младенчестве осознал, что находится на особом по-

Георг IV

ложении даже среди собственных братьев. Пользуясь всеобщим восхищением, маленький Георг дерзил не только воспитателям, но и родителям.

Когда принцу исполнилось восемнадцать, ему предоставили собственные апартаменты в Букингемском дворце и собственный штат слуг. С этого момента началось, по существу, формирование альтернативного двора, где все было не так, как при королевском дворе. Георг III оставался скромным и непритязательным, а его сын обожал пышность и роскошь. Отец был набожен и придерживался строгих правил, сын вырос беспутным повесой. Принца тянуло в весьма сомнительные компании, он любил расхаживать инкогнито по лондонским улицам в обществе таких же прожигателей жизни, как и он сам, заглядывать в таверны и кофейни.

Принц Георг полюбил Брайтон. Благодаря этому маленький провинциальный городок превратился в фешенебельный морской курорт. Принц ввел моду на морские купания: желающий размещался в специальной кабинке-бадье на колесах, которую скатывали в воду, чтобы на некотором расстоянии от берега купальщики без стеснения

могли насладиться целительной процедурой. Подобные купальные машины пользовались огромной популярностью у желающих поправить здоровье на побережье.

Вывравшись из-под родительской опеки, молодой Георг отбросил и те немудреные истины, которые ему стремились внушить в заботе о его здоровье: принц становился все более неводержанным в еде и, что еще печальнее, пристрастился к спиртному. В зрелые годы он стал весьма дородным мужчиной, и его в шутку именовали «Принцем китов», обыгрывая созвучие английских слов *Wales* — «Уэльс» и *whales* — «киты». Однако полнота не уменьшала его обаяния, а стремление сохранить статус законодателя мод закрепило за ним лестное прозвище «Первого джентльмена Европы».

Вместе с тем поведение принца не всегда было джентльменским. У него было много женщин, — впрочем, редко кто из монархов был равнодушен к чарам слабого пола. Однако в 1785 г. он изволил жениться на очаровательной молоденькой вдовушке Марии Фитцгерберт (1756–1837). Впоследствии этот брак был признан недействительным, поскольку Мария была католичкой, а наследник британской короны мог жениться только на протестантке. По понятным причинам принц не афишировал своей женитьбы, но она чуть не стала причиной грандиозного политического скандала. Принцу пришлось отречься от жены, однако их связь продолжалась вплоть до 1811 г., когда Георг стал регентом при своем отце.

Через десять лет после матримониального скандала Георг женился на немецкой принцессе-протестантке Каролине Брауншвейгской (1768–1821). Он выполнил свой долг перед династией и королевством, но брак оказался очень несчастливым. После рождения в 1796 г. принцессы Шарлотты³, названной в честь бабушки-королевы, первого и единственного ребенка четы, супруги приняли решение о раздельном проживании.

Принцесса Уэльская много путешествовала по Европе, а ее эксцентричное поведение не раз становилось предметом для пересудов. Например, ходили слухи, что Каролина изменяла мужу и даже родила внебрачного ребенка (на самом деле, разлученная с дочерью, она взяла на воспитание приемыша). В 1806 г. по этому поводу было учинено

³ Принцесса Шарлотта впоследствии вышла замуж за Леопольда Саксен-Кобургского и умерла при первых родах. Ее вдовец в дальнейшем стал королем Бельгии и большим другом английской королевы Виктории.

«деликатное расследование», и обвинение в распутстве с принцессы сняли. Впрочем, Георг жадно ухватился за информацию, порочащую его супругу, чтобы оправдать собственное нежелание хотя бы видеться с ней. Став королем, в 1820 г. Георг IV предпринял попытку развестись с женой, однако народ был настолько возмущен желанием своего монарха, что поднялся на защиту законной королевы. И все же Георг смог принизить Каролину — в 1821 г. она не была коронована при его коронации в Вестминстерском аббатстве и вскоре после этого публичного оскорбления отошла в лучший мир.

Первые Георги, по выражению Теккерея, «были людьми». Что касается последнего, то писатель не нашел ничего «определенного», что можно было бы сказать об этом венценосце. Это был человек, которому «угождали с колыбели», которому «лобызали стопы еще прежде, чем он научился ими ступать». Правление этого монарха отмечено великими историческими событиями, «войной империй и гигантов», но о самом Георге Теккерей счел возможным сказать лишь то, что он «был добр с горничной, являл великодушие к конюху, тонко разбирался в поклонах. Больше о нем рассказать нечего — только эти пошлые, заурядные анекдоты».

Быть может, четыре Георга оказались не самыми удачливыми правителями в истории Великобритании, однако георгианская эпоха настолько богата событиями и талантами, что прежде чем перейти к рассказу о них, мы сочли возможным представить читателю государей, с именами которых ассоциируется целое столетие английской истории и культуры.

У ИСТОКОВ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАЛАМЕНТСКОЙ СИСТЕМЫ. РОБЕРТ УОЛПОЛ

Первые десятилетия английской истории после Славной революции стали свидетелями интенсивно протекавшего процесса формирования британской парламентской системы — закладывались те формы и принципы государственного управления, которые характерны для буржуазно-демократических государств.

По принятому парламентом в 1701 г. «Акту о престолонаследии и статуту об устройстве королевства» законы Англии провозглашались «прирожденными правами» ее народа, и с тех пор все монархи,

вступавшие на английский престол, обязывались править страной в полном соответствии с этими законами. Поскольку законы издавались только парламентом, то уложение 1701 г. ограничивало власть королей и королев.

В дальнейшем правительство становилось все более независимым от монарха. Министры правительства все чаще заседали без короля, а принятые на их совещаниях решения затем представлялись для одобрения монарху — со временем эта процедура превратилась в пустую формальность, а сейчас и вовсе приобрела автоматический характер.

Высшим органом государственной власти стал парламент, деятельностью которого заправляли лидеры двух политических партий, тори и вигов. Тори, как сторонники абсолютизма, поддерживали идею реставрации Стюартов — Яков II умер в 1701 г., но его юный сын не терял надежды вернуть себе отцовский престол. Однако с приходом к власти Георга I тори были решительно отстранены от управления государством, и большая часть XVIII в. в Англии прошла при доминировании партии вигов⁴.

До заключения унии между Англией и Шотландией (1707) палата общин английского парламента состояла из 513 депутатов. 24 человека представляли княжество Уэльс, 80 рыцарей были депутатами графств, еще 4 человека приходилось на долю университетов (их по-прежнему было только два, Оксфордский и Кембриджский), остальных депутатов выдвигали избирательные округа, так называемые «местечки». После того как в 1707 г. шотландский парламент был упразднен, к английским депутатам палаты общин добавилось 45 представителей Шотландии. Одновременно увеличилась и численность палаты лордов, куда вошли 16 шотландских пэров. Шотландцы были оскорблены диспропорцией между представителями Англии и Шотландии в парламенте и не без оснований считали, что уния и ликвидация их национального парламента сильно ущемляют их интересы⁵.

⁴ Гонения на тори при первых Георгах были настолько серьезными, что влиятельнейший деятель этой партии Генри Сент-Джон, виконт Болингброк (1678–1751), бывший одним из главных вершителей судеб страны при королеве Анне и с 1710 по 1714 г. занимавший пост государственного секретаря, не только оказался отстраненным от этой должности, но и вынужденно покинул Англию. Прощение и, следовательно, позволение вернуться он получил только в 1725 г.

⁵ Шотландия вновь обрела собственный парламент только в 1999 г. Он вправе принимать законы, действующие на территории Шотландии, но любой из них может быть отменен парламентом Великобритании.

Деление страны на избирательные округа было весьма неравномерным: например, крохотная деревушка Луэ в Корнуолле присылала в парламент столько же депутатов, сколько и лондонский Сити. Единого закона о выборах в парламент не было. В нескольких «местечках» избирательным правом пользовались все достигшие совершеннолетия лица мужского пола, в других округах необходимо было принадлежать к определенной корпорации или же действовал имущественный ценз. Примерно в восьми десятках «местечек» право голоса имели только свободные горожане. Однако ни одна женщина не была допущена до участия в выборах, — женским делом считалась кухня, причем отнюдь не политическая.

Когда стало ясно, что теперь парламент будет заседать не время от времени, а ежегодно, и что именно ему предстоит решать вопросы, связанные с ведением внешней торговли и экономикой страны, что от него зависят и почести, и назначения, англичане начали проявлять живой интерес к парламентской деятельности, причем для многих получение места в палате общин превратилось в главную цель жизни.

К середине XVIII в. за место в парламенте уже приходилось бороться. Аргументы в предвыборной борьбе выдвигались самые разные. Некоторые кандидаты в депутаты занимались агитацией в свою пользу, другие настаивали, что поскольку землевладельцы всегда заседали в парламенте, то и теперь им должно принадлежать в нем ведущее место. Третьи, чьи предки принимали участие в работе парламента, были склонны рассматривать членство даже в палате общин как наследственную привилегию. Четвертые, наиболее богатые, занимались скупкой земельной собственности в «местечках». Зависимые от них избиратели надежно обеспечивали им место в парламенте.

Подкупы избирателей будущими парламентариями стали притчей во языцех. В политической комедии «Дон Кихот в Англии» (1734) Генри Филдинг рассказал, как благородный идальго из Ламанчи, оказавшись в захолустном английском городишке, стал свидетелем и невольным участником избирательной кампании. Судя по комедии, покупка голосов на выборах уже в те далекие времена прочно вошла в политическую практику. Подав голос за нужного кандидата, избиратель мог неплохо заработать. Простолюдину порой перепало до нескольких фунтов стерлингов, а более высокородные и состоятельные особы, правильно распорядившиеся своими конституционными правами, вполне могли рассчитывать на благодарность. Конечно, прошедший в парламент депутат не выплачивал столь солидные сум-

Роберт Уолпол

мы наличностью или даже чеком. Благодарность за поддержку выражалась в респектабельной форме — и за государственный счет — в виде официальных пожалований, наград и т. п. Знаменательно, что в первую половину XVIII столетия предвыборная борьба почти никогда не приобретала острые формы, и кандидаты всегда оставались довольны друг другом.

Попав в парламент, депутат отстаивал не только свои личные интересы, но и интересы своих избирателей, добиваясь решения насущных местных проблем (от вопросов водоснабжения до ремонта здания городской ратуши или школы). Однако в самом депутатском корпусе существовало четкое разделение на тех, кто прошел в парламент исключительно благодаря своим средствам, и тех, кто обладал ясным умом и способностями вершить государственные дела. Именно последняя категория парламентариев определяла политику страны.

Одним из влиятельнейших политиков XVIII в. был блистательный представитель партии вигов, ее долговременный лидер Роберт Уолпол, граф Оксфорд (1676–1745), ставший первым британским пре-

мьер-министром и возглавлявший правительство страны с 1721 по 1742 г. Большая часть жизни Уолпола была связана с парламентской деятельностью. Состоятельный сквайр из Норфолка, он стал членом парламента в возрасте двадцати пяти лет и оставался им до 1712 г. Затем в его политической карьере наступил годовой перерыв: находившиеся у власти тори обвинили молодого политика в коррупции, за что его подвергли тюремному заключению. (Серьезное обвинение не помешало ему, впрочем, уже в 1715 г. стать первым лордом казначейства, т. е. министром финансов.) В 1714 г. Уолпол вновь вошел в состав палаты общин и оставался депутатом до 1742 г., когда ему был пожалован графский титул и он занял место в палате лордов.

Безусловно талантливый политический и государственный деятель, Уолпол использовал обретенную власть прежде всего для собственного обогащения. Премьер-министр был великим взяточником, даже не считавшим нужным скрывать несправедные источники своих доходов, позволявших ему буквально купаться в роскоши. Сам мздоимец, Уолпол не критиковал систему подкупов и взяточничества, процветавшую в парламенте и при выборах в него. «У каждого из этих людей есть свои цели», — глубокомысленно говорил он о своих парламентских коллегах.

При королевском дворе издревле существовало множество доходных и почетных должностей. Как правило, самые почетные и в то же время необременительные посты занимали верные короне аристократы, а реальную роль в управлении страной играли действительно понимавшие толк в политике придворные. Их круг был узок, однако членами королевского Тайного совета были не только государственные деятели, но и обладатели синекур. Тайный совет, осуществлявший функции совета при монархе, держал под контролем действия властей на местах. Из-за того, что в него входило около 60 царедворцев, этот правительственный орган не мог действовать эффективно: во-первых, далеко не все советники обладали нужными знаниями и навыками, во-вторых, при таком числе людей трудно было добиться консенсуса. Поэтому и возникла потребность в кабинете, или кабинете министров.

Первый английский кабинет, состоявший из «кабальщиков», собирався в личных покоях Карла II, однако само название «кабинет» закрепилось за этим совещательным органом во времена королевы Анны. Первые короли Ганноверской династии, Георг I и Георг II, не слишком интересовались делами королевства и в отличие от своих

предшественников нерегулярно присутствовали на заседаниях кабинета. При Георге I роль председателя кабинета министров перешла к первому лорду казначейства Уолполу, ставшему первым, или главным, министром его величества. Одновременно Уолпол сохранил и главенствующее положение в парламенте. Масштабы его власти становятся очевидными, особенно если учесть, что первые два Георга подолгу жили в Ганновере.

Уолпол завел обычай обедать у министров — членов кабинета и по очереди посещать их загородные усадьбы. Во время таких неформальных встреч велись деловые беседы, подготавливавшие почву к очередному заседанию кабинета. После того как министры принимали решение, Уолпол сообщал его монарху и пытался убедить одобрить его. Неслучайно уже Георг II говорил, что в Англии королями являются министры. Так премьер-министр превратился в координатора работы различных ветвей власти. В палате общин он представлял короля, в кабинете министров — палату общин.

ЯКОБИТЫ

Сторонников свергнутого короля Якова II называли якобитами. Якобиты были противниками возведенных на престол Вильгельма III, Марии II и Анны, а затем перенесли свои антипатии и на представителей Ганноверской династии. Сперва они ратовали за возвращение на трон самого Якова, а после его смерти в 1701 г. провозгласили королем Яковом III Английским и Яковом VIII Шотландским принца Якова Эдуарда, единственного сына покойного короля. В Англии молодого человека называли Претендентом, поскольку он стремился вернуть себе отцовские права на престол при поддержке якобитов.

Сторонником юноши выступил и французский король Людовик XIV, с помощью которого в 1708 г. Яков Эдуард предпринял попытку завоевания Шотландии: момент был выбран правильно, поскольку шотландцы буквально кипели от негодования в связи с подписанием унии 1707 г. Однако принц был неопытен в военных делах, а советники у него оказались ненадежными и бездарными. Попытка первого якобитского мятежа потерпела сокрушительное поражение. И все же принц Стюарт не собирался складывать руки: его мысли неотвязно крутились вокруг отцовского королевства, откуда его, «ребенка из грелки», увезли в младенчестве.

Старший Претендент

Вторая попытка Претендента вернуть себе отцовское наследство была предпринята уже после смерти королевы Анны. Яков Эдуард учел настроения британцев, многие из которых вовсе не были в восторге от происшедшей смены династии. Уже к концу 1714 г. стало очевидно, что в стране растет недовольство, которым могут воспользоваться якобиты. Желая поддержать порядок в королевстве, в 1715 г. парламент принял закон против бунтов, по которому предусматривались карательные санкции против людей, собравшихся вместе в количестве 12 человек и более и отказавшихся разойтись в течение часа после того, как получили соответствующий приказ от мирового судьи или шерифа. Против ослушников разрешалось применять силу. Акт против бунтов сам по себе вызвал недовольство подданных Георга I, однако достиг своей цели, ибо не допустил массовых беспорядков в стране.

В таких условиях принц Яков Эдуард рискнул предпринять еще одну попытку захвата британской короны. Претендент вознамерил-

ся высадиться в Шотландии, где по понятным причинам рассчитывал получить наиболее горячую поддержку населения. Однако пока шли приготовления к этой очередной политической аванюре, Претендент лишился своего самого могущественного покровителя: скончался великий король Людовик XIV, последовательный сторонник Стюартов и противник Англии, совершившей Славную революцию. На французский престол взошел Людовик XV, но в силу малолетства монарха власть в королевстве перешла к назначенному регентом герцогу Орлеанскому, который, в отличие от «короля-солнца», не питал ни вражды, ни особой любви к Англии, но вовсе не был намерен начинать с ней очередную войну ради того, чтобы посодействовать принцу Стюарту. Так что Якову Эдуарду пришлось рассчитывать главным образом на поддержку шотландских горцев, наиболее болезненно reagировавших на объединение их страны с Англией и всегда помнивших, что короли династии Стюартов одновременно были и главами знаменитого шотландского клана. Горцы почли бы за честь помочь одному из Стюартов.

В августе 1715 г. в графстве Абердин на северо-востоке Шотландии сконцентрировалось значительное количество сторонников Якова Эдуарда, среди которых были и простые горцы, и вожди кланов, и шотландские джентльмены. Во главе этой разномастной маленькой армии встал граф Мар. Войско якобитов двинулось на юг. Однако с первых же шагов якобиты столкнулись с множеством трудностей. Отважные и выносливые горцы плохо ладили между собой — кланы нередко разделяла вражда. К тому же горцы не были знакомы с правилами ведения регулярных сражений. Одержав победу или потерпев поражение, они разбегались по домам, чтобы в случае удачи похвастаться добытыми трофеями и надежно припрятать их, а в случае неудачи — чтобы быть готовыми в любой момент защитить свое жилище от неприятеля. Возникали также проблемы с продовольствием и боевым снаряжением.

Вскоре надежда якобитов на успех начала меркнуть. Войско графа Мара вышло к южному рубежу Шотландии — так называемой Границе, намереваясь вторгнуться в Англию и найти поддержку у якобитов североанглийских графств. Однако здесь шотландских приверженцев Претендента, точнее самых горячих из них, постигло жесточайшее разочарование. Многие из горцев отказались пересекать границу и разошлись по домам. Под рукой графа Мара осталось не более 2 тыс. человек — слишком мало для продолжения войны и низложения ко-

роля-ганноверца. Несмотря на это, шотландские якобиты все же вторглись в Англию. Здесь их подстерегала еще одна неудача: не доверяя силе шотландцев, английские якобиты побоялись примкнуть к мятежу. И все же в августе 1715 г. верный своему пониманию долга граф Мар вывел свою крохотную армию к городку Престон в графстве Ланкашир. Однако здесь путь ему преградили войска Георга I, и в разыгравшемся сражении якобиты потерпели неизбежное поражение.

Угрозы якобитских мятежей в Англии больше не было, но в Шотландии герцог Аргайл, самый влиятельный из шотландских вигов, сторонников Георга I, постарался довершить разгром войска графа Мара: 13 ноября 1715 г. близ Шериффмьюира в графстве Перт состоялось важное сражение между шотландскими группировками. Обе армии понесли значительные потери, но ни одна из них не сочла себя побежденной. После сражения при Шериффмьюире в моду вошло следующее шуточное стихотворение:

Как, узнать вы все ж хотите,
Кто был в битве победитель —
Этот, тот или никто?
Постарайтесь, расспросите:
Лично я был битвы зритель.

В этот момент неустойчивого равновесия политических сил в Шотландию прибыл сам Претендент, которому чудом удалось переправиться в Великобританию, поскольку все подступы к берегам бдительно патрулировались английскими военными морями. Высадившись 6 января 1716 г. в Питерхеде, Претендент принялся распространять воззвания к своим «подданным», подписывая их как Яков VIII Шотландский. Однако ему не удалось собрать новую армию. Силы принца таяли на глазах. Под натиском армии Аргайла войско якобитов отступало все дальше на север. Видя, что удача отвернулась от него, Яков Эдуард принял решение вернуться на континент и 5 февраля — не прошло и месяца с момента его прибытия! — покинул Шотландию. В дальнейшем принц Стюарт перебравшись в Италию, где жил до самой смерти, последовавшей в 1766 г. Тело Якова Эдуарда было погребено в римской базилике Св. Петра.

Однако якобиты не успокоились даже тогда, когда Яков Эдуард самоустранился от дальнейших попыток завладеть отцовскими коронами. Впрочем, восстание было быстро подавлено. Несколько наиболее влиятельных якобитов, в том числе лорды Кенмур и Дервентуотер,

Младший Претендент

были осуждены на смертную казнь, но в целом власти отнеслись к мятежникам гуманно, и в условиях напряженной политической обстановки это милосердие было разумным и взвешенным политическим ходом. Интересно, что шотландское вторжение в Англию в 1715 г. не только не укрепило положение якобитов, но, напротив, восстановило против них подавляющее большинство англичан. Люди Англии тем охотнее выступали за своего нового немецкого короля, чем больше их страшила необузданность и дикость шотландских горцев, с которыми ассоциировалось у них движение якобитов.

Прошло целых три десятилетия, прежде чем якобиты подняли второй крупный мятеж. Теперь во главе повстанцев встал сын Якова Эдуарда, Карл Эдуард Стюарт (1720–1788). Этого двадцатипятилетнего молодого человека в Шотландии любовно называли «Красавчик принц Чарли», что действительно соответствовало его наружности; в Англии принца именовали «Молодым (Младшим) Претендентом» — в отличие от его отца, которого, впрочем, теперь перекрестили в «Старшего (Старого) Претендента».

Более двух десятилетий своей жизни юный Карл Эдуард провел с родителями в Италии. Юношей он стал питать надежды на завоевание британской короны. С учетом дальнейших перспектив он даже выучился говорить по-гэльски, на языке шотландских горцев, а также иногда облачался в национальный шотландский костюм — юбочку-килт из тартана (клетчатой ткани).

В 1740 г. западноевропейские страны оказались втянутыми в Войну за австрийское наследство, в которой Англия действовала против Франции. Этим обстоятельством и воспользовался Молодой Претендент, который прибыл к западным берегам Шотландии на французском военном корабле — Франция Людовика XV была вовсе не прочь подложить свинью Георгу II, способствуя деятельности якобитов. В июле 1745 г. Молодой Претендент высадился в Гленфиннане, намереваясь вести отчаянную борьбу за шотландский престол⁶. Его сопровождали всего шесть человек. Однако новость о прибытии принца вскоре разнеслась по всей Шотландии, и к Карлу Эдуарду начали стекаться шотландцы, готовые сражаться за его дело. Вскоре у него уже была целая армия, состоявшая преимущественно из горцев.

Несмотря на расположенность шотландских якобитов к красивому молодому человеку, положение Красавчика принца Чарли было весьма шатким. В соответствии с коммерческим духом эпохи король Георг II объявил, что схватившему принца Стюарта будет выплачена награда в размере 30 тыс. фунтов стерлингов. Принц отплатил Георгу той же монетой, объявив такую же награду за поимку короля-«узурпатора». Этот поступок Карла Эдуарда был обыкновенной бравадой, но указ Георга II мог действительно роковым образом закончить пребывание принца на земле своих предков.

Имея в своем распоряжении около 2500 человек, Карл Эдуард двинулся на юг. Он захватил города Перт, Стерлинг и даже столицу Шотландии Эдинбург. Завладев Эдинбургом, принц поселился в королевском дворце Холируд, старинной резиденции шотландских монархов. 17 сентября 1745 г. юноша провозгласил своего отца королем Шотландии и Англии — с полным презрением к «Акту об унии» 1707 г. Этот успех буквально окрылил якобитов.

⁶ На месте высадки Карла Эдуарда в Гленфиннане установлен памятник — высокая круглая башня, увенчанная скульптурным изображением горца-якобита.

21 сентября шотландцы разгромили английскую армию в сражении при Престонпансе и в великом воодушевлении пересекли Границу. 1 ноября Красавчик принц Чарли уже достиг Дербишира. Тем временем в Лондоне началась паника — никто не ожидал, что Молодой Претендент проявит такую прыть. В предвкушении грядущих неприятностей Георг II начал поспешно готовиться к отплытию из Англии, чтобы переждать смутное время в милом сердцу Ганновере.

Англия встретила Карла Эдуарда настороженно — иного приема и не могло быть оказано претенденту-католику. Как и в 1715 г., английские якобиты пребывали в нерешительности, и фактически в шотландскую армию молодого претендента влилось всего около 300 англичан из Манчестера, но они не способствовали увеличению боевой мощи якобитов, так как многие шотландцы самовольно покинули армию и вернулись домой. Принц счел за благо не испытывать судьбу и в декабре отступил в Шотландию. Здесь ему вновь улыбнулась удача: 17 января 1746 г. якобиты разбили королевские войска под командованием Генри Хоули, посланные на разгром мятежников. Это сражение при Фолкерке стало последней крупной удачей Молодого Претендента.

В апреле 1746 г. британское правительство направило в Шотландию хорошо вооруженную девятитысячную армию под командованием Уильяма Огастеса, герцога Камберлендского. Под ружье в ней были поставлены не только англичане, но и солдаты из Ганновера — наиболее надежные в сложившейся ситуации воины. К этому времени у Карла Эдуарда оставалось около 5 тыс. приверженцев, изрядно измотанных войной и страдавших от элементарной нехватки продовольствия. Такое войско едва ли могло рассчитывать на победу над противником, имевшим столь явное численное превосходство. И все же 16 апреля 1746 г. якобиты дали англичанам бой в окрестностях Инвернесса, на так называемой Куллоденской вересковой пустоши. Сражение продлилось всего около 40 минут и наглядно выявило неоспоримые преимущества хорошо обученной регулярной армии короля. Шотландцы дрались, как львы, но их атаки все до единой были отбиты. Потери якобитов составили 1200 человек убитыми, в то время как армия герцога Камберлендского лишилась только 50 воинов. Шотландцы обратились в бегство, но королевские войска преследовали их, безжалостно добывая побежденных. Битва на Куллоденской вересковой пустоши стала последним сражением, разыгравшимся на земле Великобритании.

Пришлось спасаться бегством и Красавчику принцу Чарли. За его голову была обещана награда, и Молодому Претенденту пришлось скрываться от преследователей. Впрочем, он мог положиться на шотландцев, которые ни за что бы не выдали «своего» принца англичанам. Около пяти месяцев Карл Эдуард скитался по горам северной Шотландии. Наконец ему удалось уехать во Францию. Своим спасением он был обязан молодой шотландке Флоре Макдональд (1722–1790), которая помогла ему перебраться на остров Скай у северо-западных берегов Шотландии, — переодетый в женское платье принц сопровождал девушку под видом горничной. Участие Флоры в организации побега Карла Эдуарда было раскрыто. Героиню арестовали и отправили в лондонский Тауэр. Однако год спустя ее помиловали и позволили вернуться домой.

Неудачная попытка вернуть престол сломила Карла Эдуарда. И все же два десятилетия спустя он попытался вновь начать борьбу за британскую корону и вновь — безрезультатно. Последние годы жизни он провел в Италии. К старости бывший красавчик опустил, пристрастился к спиртному и, покинутый всеми друзьями, вел одинокий образ жизни.

За восстание якобитов 1745–1746 годов шотландцы заплатили дорогую цену: горцам было законодательно запрещено носить оружие, облачаться в национальные костюмы из тартана. Под запретом оказался и гэльский язык. Якобиты подверглись преследованиям и имущественным притеснениям. В результате всех этих мер выросло количество шотландцев, покинувших родину и устремившихся в поисках лучшей доли в Новый Свет.

НАСЕЛЕНИЕ БРИТАНИИ В XVIII в.: ШУМ ГОРОДОВ И ТИШИНА УСАДЕБ

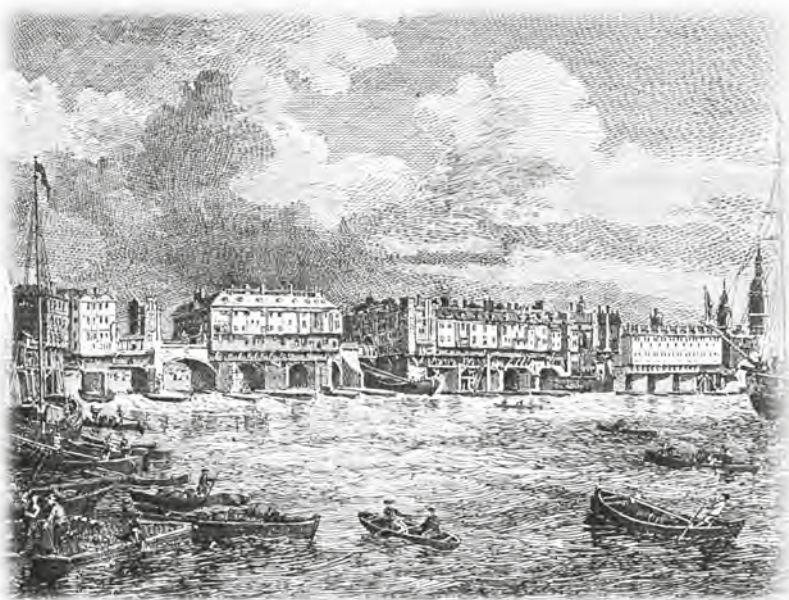
Первые со времен «Книги Страшного суда» точные данные о населении Англии были получены в 1688 г. По этой переписи в Англии и Уэльсе проживало около 5,5 млн человек. В Шотландии население составляло 1 млн, в то время как в Ирландии, по приближенным оценкам, насчитывалось около 2 млн жителей. В Англии большая часть населения была сосредоточена южнее линии, соединяющей Вустер и залив Уош, причем четвертая часть жителей концентрировалась в Лондоне и его окрестностях (в начале века население Лондо-

на составляло около 540 тыс. человек, в то время как в Париже жило 488 тыс., а в Риме — 125 тыс. человек). На долю других английских городов и городков приходилось порядка 876 тыс. жителей, но основную часть населения Англии — около 4 млн человек — составляли селяне. Причем в те добрые старые времена население было распределено по территории страны гораздо более равномерно. Крупнейшими после Лондона английскими городами были Бристоль и Эксетер, игравшие, как и столица, роль морских портов, а также являвшиеся центрами британского кораблестроения.

Единственным на Британских островах городом, способным выдержать сравнение с Лондоном, был Эдинбург. В начале XVIII в. его население составляло всего 30 тыс. человек. Однако Эдинбург выглядел как истинно европейский город, чему в немалой степени способствовали давние связи Шотландии с Францией и Голландией. Вторым по величине шотландским городом был Глазго, где в 1700 г. проживало 11 тыс. человек. Тогда в Глазго было всего две «главные» улицы, да и то большей частью не мощенные.

Из 2 млн ирландцев четверть исповедовали протестантизм, остальные принадлежали к католической церкви. Религиозная рознь осложняла и без того тяжкие экономические и национальные проблемы. Оживленной, шумной жизнью жил шестидесятитысячный Дублин, в Корке проживало около 35 тыс., а в Лимерике — 11 тыс. человек. Крупными, по ирландским масштабам, были города Уотерфорд и Голуэй, население которых превышало 6 тыс. человек. Между тем главный город нынешней Северной Ирландии Белфаст был всего лишь скромным портовым поселком.

Основные промышленные предприятия, небольшие фабрики и заводы, скорее напоминавшие мастерские, располагались в основном в окрестностях Лондона, в графствах Эссекс, Кент, Уилтшир, Сомерсет, а также в Йоркшире, Дареме и Камберленде, — там, где были доступны железо, уголь, овечья шерсть или другие виды промышленного сырья. Однако Англия по-прежнему оставалась страной преимущественно аграрной. Понятие «сельские жители» объединяло в себе и помещиков-сквайров, и крестьян, и фермеров. Богатство типичного сельского сквайра строилось на его обширных земельных угодьях, и сквайры заботились о своих поместьях, желая извлекать из них максимальные доходы. В XVIII в. появилось множество новых усадебных домов — землевладельцы с удовольствием вкладывали капиталы в сельские «дворянские гнезда». Ввиду того что господ-

Вид Лондона в 1760-е годы

ствующим архитектурным стилем эпохи был классицизм, особняки этого периода нетрудно узнать по белоколонным портикам и геометрической точности пропорций. Старые помещичьи усадьбы также обновлялись в соответствии с модными веяниями, но, как и прежде, украшением любого поместья был парк.

На английское садово-парковое искусство оказали влияние итальянский ренессансный сад (XVI в.), французский классицистический сад (эпоха Реставрации) и голландский сад барокко (1690–1720-е годы). Саду как части загородной усадьбы придавали важное значение еще в эпоху Возрождения. Ренессансные архитекторы и садовники стремились отразить в садах идеальные свойства природы, подчеркнуть гармонию между ней и внутренним миром человека. В основе сада барокко лежала идея подражания природе. В природе встречается не только прекрасное, но и безобразное, фантастическое и гротескное, и как отражение этих представлений в садах барокко соблюдался принцип разнообразия. Для барочного сада характерна причудливая фигурная стрижка деревьев, обилие цветов и экзотических растений.

тических растений. В таких садах разводили редких зверей и птиц, например, павлинов. Барочный принцип разнообразия отражался и в отсутствии регулярной планировки парка, в создании в нем причудливых лабиринтов, «естественных» гротов и пещер с фонтанами и водопадами, искусственных руин, а также в установке «поросших» мхом статуй.

В классицистическом садово-парковом искусстве доминирует принцип регулярности. Стиль планировки и оформления классицистического парка строго подчинялся правилам геометрии и перспективы. В основе планировки лежала осевая композиция и симметрия, дорожки и посадки образовывали четкий геометрический орнамент. Аллеи в таких парках были намного шире, чем в садах барокко, однако цветов высаживалось в них гораздо меньше. Регулярные парки были наполнены античной скульптурой, благодаря чему в них создавалось ощущение «исторической перспективы». Присутствовали в классицистических парках и искусственные руины. Им придавался аллегорический смысл — они свидетельствовали о бренности всего земного. Декоративные вазы и статуи фиксировали узловые точки пересекающихся аллей. Огромную роль в таких парках играли и большие водоемы, в глади которых возникали отражения, дополнявшие игру симметрии. Образцом классицистического сада не только для Англии, но и для всей Европы служил Версальский парк.

В отличие от французских садовых архитекторов английские преследовали не только художественные цели — со времен Ф. Бэкона в Англии получила распространение идея пользы садов, где «природа вещей лучше обнаруживает себя», чем «при естественной свободе». Ярким примером практицизма в английском садово-парковом искусстве является тот факт, что искусственные гроты возводились не только для того, чтобы ласкать взоры, но и давать убежище от жары и солнца в погожий летний денек.

На развитие английского паркового стиля повлияла характерная для XVII столетия полемика о том, каким Бог создал рай: в виде регулярного или нерегулярного сада. В «Потерянном рае» Джона Мильтона рай изображался в виде нерегулярного сада с ручьями, холмами и долинами. Под влиянием Мильтона и его сторонников в начале XVIII в. все большее внимание начинал привлекать к себе естественный сад, пейзаж которого оказывался более величественным и захватывающим, нежели надуманная геометрия классицистического парка. Сад начали рассматривать как часть природы, а не как противопол-

ставление ей. Трактую парк как произведение искусства, английские мыслители полагали, что его ценность возрастает пропорционально степени схожести с естественной природой. С начала XVIII в. «пейзажные сады» стали создаваться в Англии архитекторами, садоводами, а также живописцами как противопоставление французскому регулярному стилю. Одним из создателей «пейзажного стиля» в Англии в 1730-е годы был архитектор и живописец Уильям Кент (1684–1748). Позднее пейзажные сады стали именоваться английскими парками.

Пейзажи английских парков стилизовались под дикую природу. Характерными элементами в них стали холмы и лужайки-долины, живописные группы деревьев, искусственные водоемы и рукотворные извилистые русла ручьев, через которые перебрасывались изящные мостики. Если регулярный французский парк производил впечатление упорядоченности, то продуманная живописность английского парка наводила на размышления о красоте и разнообразии природы.

Забываясь о загородных имениях, землевладельцы также обзаводились и красивыми домами в столицах — Лондоне или Эдинбурге. Среди аристократии стало модно проводить зимний сезон в городах, а летом их влекла приятная тишина родовых усадеб. Впрочем, иногда летом помещики с семьями отправлялись на вошедшие в моду бальнеологические курорты. На воды ездили в Харрогит, Бат и Танбридж-Уэллс.

РОСТ АНГЛИЙСКИХ КОЛОНИЙ В XVII — НАЧАЛЕ XVIII в.

В XVII столетии размеры английских владений в Северной Америке заметно увеличились. В связи с острой религиозной борьбой, характерной для этого этапа английской истории, в Новый Свет отправлялись глубоко религиозные люди, подвергавшиеся гонениям на родине за свои убеждения. В XVII в. в Америке возникли и пуританские, и католические колониальные поселения, созданные покинувшими Старый Свет англичанами.

Если история английской колонизации Америки началась с Виргинии, то вторым по времени основания английским колониальным поселением стал Плимут. Начало этой колонии положили так называемые отцы-пилигримы, ревностные пуритане, недовольные англиканской церковью и в 1620 г. перебравшиеся в Новый Свет на корабле

«Мейфлауэр». Девять лет спустя группа пуритан, возглавляемая Джоном Уинтропом (1588–1649), основала колонию Массачусетс. Обследовав новые земли, американские англичане основали такие колонии, как Коннектикут (1635) и Род-Айленд (1636). В 1643 г. Массачусетс, Коннектикут, Нью-Хейвен и Плимут объединились в конфедерацию Новая Англия.

В 1634 г. началась история первой английской католической колонии Мэриленд, основанной Сесилом Калвертом, лордом Балтимором (1605–1675). Будучи приверженцем римско-католической церкви и по собственному опыту зная, каким притеснениям подвергаются его единоверцы в Англии, Калверт решил основать поселение для католиков в Новом Свете и нарек его в честь королевы Генриетты-Марии, супруги Карла I. Лучшие земли новой колонии достались родственникам лорда Балтимора, однако сам он так никогда и не увидел своего детища, управляя делами Мэриленда через посредство губернаторов.

Отряд первых колонистов Мэриленда, около трехсот человек, возглавили два брата лорда Балтимора, Леонард и Джордж Калверты. В отличие от Виргинии дела в Мэриленде изначально складывались очень удачно, и население колонии стремительно росло за счет притока эмигрантов. В то время как в Англии бушевали религиозные распри, в Мэриленде мирно уживались и католики, и протестанты разных толков. В 1649 г. губернатор колонии издал закон о веротерпимости, по которому каждый колонист имел полную свободу в выборе конфессии. Такой демократизм в деликатнейшем вопросе привлек в Мэриленд новый поток переселенцев.

В 1664 г. англичане отвоевали у голландцев Новую Голландию. Карл II подарил эту территорию своему брату герцогу Йоркскому, и вскоре на месте прежних голландских владений возникли колонии Нью-Йорк и Нью-Джерси. В 1670 г. была основана колония Каролины, которая в 1712 г. разделилась на Северную и Южную Каролину.

Важную роль в освоении Северной Америки сыграли и квакеры, религиозная община, возникшая в Англии в XVII столетии. Официально секта называлась «Обществом друзей», но народ прозвал их квакерами или «трепещущими» за то, что они призывали всех трепетать перед Господом, а также, погружаясь в молитвенный транс, сами начинали содрогаться в экстатических конвульсиях. Квакеры отвергали пышные богослужения, не признавали института священнослужителей и во всем стремились к простоте. Полагая, что все люди являются детьми Господа, они не признавали социальных различий

и даже не снимали шляп перед сильными мира сего. Друг друга они называли братьями и сестрами, ко всем без исключения обращались на «ты». Основателем этой секты был Джордж Фокс, однако не менее известным представителем «Общества друзей», жившим в XVII в., является Уильям Пенн (1621–1670), создавший квакерскую колонию Пенсильвания.

Пенн был сыном английского адмирала, пользовавшегося особыми милостями Карла II. Юношу ждала блестящая светская карьера. Однако, отправленный отцом для завершения образования в Оксфорд, семнадцатилетний Уильям сблизился с квакерами. Адмирал был крайне разгневан религиозным рвением сына и решил отослать его в Париж, надеясь, что приятная жизнь во французской столице заставит юношу позабыть о квакерах. Впрочем, эта мера не привела к желаемым результатам, и по возвращении домой Пенн вновь начал посещать молитвенные собрания «Общества друзей». Последней каплей, переполнившей чашу терпения адмирала, стал отказ сына снять шляпу в присутствии короля. Отец выгнал Уильяма из дома, однако все же не лишил его наследства.

В 1670 г. адмирал умер, и Пенн решил использовать доставшиеся ему средства для создания квакерского поселения в Америке. Отец Уильяма не раз ссужал Карла II деньгами, и теперь молодой человек смело обратился к монарху, прося его вернуть долг в виде участка земли в Новом Свете. Король не стал скупиться, а отведенную Пенну обширную территорию назвал Пенсильванией — «страной лесов Пенна».

В октябре 1681 г. Пенн с группой единомышленников покинул Англию, и вскоре на берегах реки Делавер поднялся город Филадельфия (его название в переводе с греческого означает «братская любовь»). К началу XVIII в. в нем уже было более 700 домов, в том числе и кирпичных.

По мере роста колониальных владений западноевропейских держав в Северной Америке неизбежными стали и военные столкновения в Новом Свете. В те годы, когда в Европе шла Война за испанское наследство, англичане и французы воевали и в Америке — в Англии эту кампанию называли Войной королевы Анны (1702–1713). В результате войны Англия получила Акадию, Ньюфаундленд и территорию Гудзонова залива, которые прежде принадлежали Франции.

Наконец, в 1733 г. была основана Джорджия, названная в честь короля Георга II. Эта колония появилась по инициативе генерала Джеймса Оглторпа (1696–1785), известного английского филантропа. После того как один из его друзей скончался в долговой тюрьме, Оглторп

стал бороться за право заключенных на достойные условия содержания. Он пришел к выводу, что попавший в долговую тюрьму не может отработать свой долг. В Америке же такие люди получили бы шанс искупить свою вину честным трудом. Почти два десятилетия Джорджия обходилась без чернокожих рабов, оставаясь исправительной колонией. Бывшие арестанты работали здесь на маленьких фермах, выращивая рис и разводя шелковичных червей. Однако вскоре после того, как в 1743 г. Оглторп вернулся на родину, идиллии настал конец. Индивидуальные фермы уступили место огромным плантациям, для обработки которых покупались рабы. Процесс обогащения бывших должников ускорился, но утратил благородство.

БОРЬБА ЗА КОЛОНИИ. УИЛЬЯМ ПИТТ — АРХИТЕКТОР БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Первый английский премьер-министр Роберт Уолпол старался избегать войн с иностранными державами, поддерживая дружественные отношения даже с давним врагом Англии Францией. Однако в 1740–1748 годы Британия выступила союзницей Австрии против Пруссии, Франции и Испании в Войне за австрийское наследство. Англичане воевали с французами не только в Европе и Северной Америке, но и в Индии.

Сказочные богатства Индии притягивали европейских купцов еще с конца XV в. После того как Васко да Гама высадился в 1498 г. на юго-западном побережье полуострова Индостан, там были основаны португальские, голландские, французские и английские фактории. В 1600 г. была учреждена английская торговая Ост-Индская компания, которая повела свои дела в остром соперничестве с французской Ост-Индской компанией. К 1740 г. английская Ост-Индская компания превратилась в доходнейшее предприятие. Ее капитал составил 3 млн фунтов стерлингов, а держатели акций получали по ним до 7 % годовых прибыли. Многие желали поступить на службу в компанию. Служащие Ост-Индской компании получали фиксированное жалование, однако их основной доход, помимо службы, приносили торговля и получение взяток. Компания сохраняла монополию на торговлю между Британией и Индией, но в самой Индии служащим предоставлялась полная свобода проведения торговых операций.

Французы заинтересовались Индией значительно позже англичан — в конце XVII в., когда британская Ост-Индская компания уже прочно обосновалась в этих краях. Предвидя острое соперничество, французы создали военно-морскую базу на острове Маврикий, а также колониальную армию — хотя ее составили преимущественно местные жители, обучены и вооружены они были по европейскому образцу. Англичане также сформировали собственную армию. Военные столкновения стали неизбежными, тем более что обе колониальные державы стремились укрепить свое влияние в Индии. Англо-французские конфликты начались в 1746 г., когда французы захватили Мадрас, который англичане считали своим. По условиям мирного договора, подписанного после завершения Войны за австрийское наследство, Мадрас вновь перешел к англичанам. Однако борьба за Индию продолжалась.

Дальнейшими успехами в увеличении своих колониальных владений Британия обязана Уильяму Питту (1708–1778). Парламентская карьера этого крупнейшего государственного деятеля георгианской эпохи началась в 1735 г., когда его избрали в палату общин. Питт снил себе репутацию великого коммонера, т. е. великого депутата палаты общин, пламенными речами в защиту международной торговли, которую вели британские купцы, увеличивая благосостояние нации. Питт, назначенный государственным секретарем, т. е. министром иностранных дел, приветствовал начало Семилетней войны (1756–1763), в которой Британия, Ганновер и Пруссия выступили против Австрии, Франции, Саксонии, Испании, Швеции и России. Эту войну Питт использовал для укрепления торговых позиций своей страны и расширения ее заморских владений, явившись, по сути, архитектором могущественной Британской империи.

Начало Семилетней войны стимулировало развитие англо-французского конфликта в Индии, где военные действия не прекращались вплоть до 1763 г., когда по Парижскому мирному договору Британия завладела основной частью страны, оставив на долю Франции лишь несколько торговых факторий, вокруг которых запрещалось возводить какие бы то ни было укрепления. Одним из создателей Британской Индии по праву считается полководец Роберт Клайв (1725–1774). Свою самую большую победу он одержал в сражении при Плесси 23 июня 1757 г., когда 3200 человек под его командованием разгромили пятидесятитысячную французскую армию.

Одновременно драматические события разворачивались и в Северной Америке. Яблоком раздора стала Канада. Еще в начале XVI в.

Уильям Питт

здесь высадились французы, по достоинству оценившие возможности добычи пушного зверя в тех краях, однако англичанам также хотелось владеть этой территорией. К тому же Англию не устраивало стремление французов захватить центральные области материка и не допустить продвижения британских колоний к западу. Англичане бросили французам вызов, напав в 1755 г. на французское укрепление Форт-Дюкенъ на реке Огайо. Несмотря на то что численный перевес был на стороне нападавших, защитники форта отбили атаку. Однако в 1759 г. англичане взяли реванш, заставив Форт-Дюкенъ капитулировать. Завоеванное укрепление было переименовано в Питтсбург в честь Уильяма Питта. В 1758–1760 годы английская армия генерала Джеймса Вулфа (1727–1759) завершила завоевание Канады, а по парижскому мирному договору 1763 г. Англия закрепила за собой территорию Гудзонова залива и Ньюфаундленд, а также завладела Новой Шотландией (Нова-Скотией), Квебеком, островом Принца Эдуарда и островом Кейп-Бретон. Кроме того, Британия получила Сенегал и ряд островов в Вест-Индии.

Британцы от всего сердца приветствовали Питта, политика которого принесла их стране небывалое могущество. Когда бы его карета ни проезжала по Лондону, министра-победителя приветствовали радостными криками. Питт стремился продолжить военные действия и после поражения Франции разобраться с ее союзницей Испанией, однако молодой Георг III не желал продолжения кровопролития, да и другие министры-члены кабинета не поддержали Питта, полагая, что страна нуждается в мирной передышке. Раздосадованный государственный секретарь подал в отставку и покинул свой высокий пост в октябре 1761 г.

Отсутствие Питта в правительстве не замедлило вызвать серьезные проблемы. Лондонцы открыто выражали свое неудовольствие отставкой великого коммонера. Вскоре заговорили и о виновнике этой отставки — премьер-министре лорде Бьюте. В Англии по-прежнему не любили шотландцев, а Бьюта, кроме всего прочего, подозревали в намеренном удалении от дел человека, способного оказывать благое влияние на молодого и неопытного Георга III. Лондонский люд не стеснялся проявлять свои антипатии. Стоило карете лорда появиться на улицах столицы, как ее тотчас начинала преследовать толпа, размахивавшая плакатами с изображением сапога (фамилия Бьют созвучна английскому boot — сапог). Видя, как нарастает народный гнев, Бьют пошел на попятную, посоветовав королю вернуть Питта в правительство.

Вызванный к Георгу III отставной государственный секретарь заявил, что готов сформировать новый кабинет министров, в котором найдется место и Бьюту при условии, что тот согласится безоговорочно поддерживать все действия Питта. Однако Бьюта это не устраивало — ему претила сама мысль о том, что ему придется плясать под дудку Питта. Питт говорил, что кабинет должен быть сформирован из его сторонников. Себя он видел государственным секретарем, а первым государственным казначеем (министром финансов) хотел назначить лорда Темпла. При этом Бьют остался бы премьер-министром только номинально. Человек амбициозный, он не мог поступиться властью, но и сформировать правительство самостоятельно он бы не сумел. У Бьюта оставался единственный выход: найти способ скомпрометировать своего опасного политического оппонента и тем самым уменьшить его популярность в народе.

Настроенный Бьютом, Георг III предложил Питту пост генерал-губернатора Канады — ведь этот доминион фактически являл-

ся его завоеванием. Приняв предложение короля, опальный министр получил бы оклад в 5 тыс. фунтов стерлингов годовых. Однако Питт вовсе не хотел покидать Англию. Не согласился он и на весьма доходную административную должность в Ланкашире, где ему предлагалось заняться приемом поступавших от казны государственных сборов для королевской семьи. Наконец последовало самое заманчивое предложение. Супруге Питта Эстер жаловался титул баронессы Чатем, а сам Питт (и два поколения потомков после его смерти) получали ежегодную государственную пенсию в размере 3 тыс. фунтов. Питт нежно любил жену и, видя, что ей очень хочется стать баронессой, принял эти почести. Тем более что на этот раз они не сопровождались никакими условиями. Кроме того, здоровье Питта — его мучила сильнейшая подагра — не позволяло ему, как прежде, с головой погрузиться в государственные проблемы.

Бьют позаботился о том, чтобы пресса надлежащим образом осветила решение Питта. Однако Питт не мог допустить, чтобы враги публично извращали смысл его поступка. Его заслуги перед Британией были столь велики, что никто не мог поставить под сомнение справедливость полученной им награды. Вместе с тем нельзя было не реагировать на то, что все это якобы было получено им в обмен на отказ вмешиваться в политику. Питт распространил письмо, в котором утверждал, что причиной его ухода в отставку явилось расхождение во мнениях с остальными министрами в вопросе о мерах в отношении Испании. И все же даже это послание не удовлетворило народ, и блеск героического ореола вокруг персоны великого комонера померк.

В 1766 г. Питт стал графом Чатемом и вошел в палату лордов. К этому времени его болезнь обострилась настолько, что он уже не мог серьезно и помногу заниматься политикой. Тем не менее он вошел в правительство премьер-министра Графтона и с июля 1766 по октябрь 1768 г. занимал пост лорда-хранителя печати⁷. В последнее десятилетие жизни Питт лишь изредка появлялся в парламенте.

⁷ Лорд-хранитель печати ведал малой государственной печатью, которая ставится на документах, не имеющих особой государственной важности, или же на документах, впоследствии скрепляемых также большой государственной печатью, хранящейся у лорда-канцлера.

ПОТЕРЯ ТРИНАДЦАТИ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ

Эйфория начала 1760-х годов по поводу стремительного роста заморских владений британской короны вскоре сменилась серьезной озабоченностью в связи с нежеланием американских колоний подчиняться воле метрополии. По инициативе Джорджа Гренвилла (1712–1770), родственника и сторонника Питта, в 1765 г. в американских колониях был введен закон о гербовом сборе с каждого официального документа и печатного издания: таким образом правительство надеялось собрать деньги для организации обороны колоний, которые могли стать легкой добычей противника в случае новой войны. С точки зрения Лондона, было бы справедливо, если бы колонисты внесли свою лепту в укрепление собственной безопасности. Однако в Америке считали иначе и оценивали подобные меры как желание властей поживиться за счет населения колоний.

Американские подданные британской короны во многом были правы. В 1760-е годы начались затруднения у Ост-Индской торговой компании, связанные с коррупцией ее администрации, и английское правительство сделало все, чтобы поддержать эту солидную корпорацию. В 1773 г. ей были предоставлены субсидии, а также исключительное право на экспорт чая в Америку. Прежде чай, доставлявшийся компанией в Англию, облагался налогом в размере одного шиллинга за фунт. При ввозе чая в Америку пошлина составляла всего три пенса, т.е. одну четвертую шиллинга. Когда же американцы узнали, что их обрekli на покупку чая по гораздо более высокой цене, которую диктовала компания-монополист, возмущению не было предела. 16 декабря 1773 г. в Бостоне произошли события, вошедшие в историю как Бостонское чаепитие. Борясь против чайной монополии, бостонцы не позволили произвести разгрузку трех груженных чаем кораблей компании. Часть местных жителей, переодевшись в костюмы индейцев, пробралась на суда и выбросила за борт все тюки с чаем. Чтобы покарать бунтовщиков, британское правительство приказало закрыть бостонский порт, но другие колонии пришли на помощь населению Массачусетса и не дали уморить его голодом.

В дальнейшем события развивались стремительно. Жители тринадцати колоний — Массачусетса, Коннектикута, Делавера, Джорджии, Мэриленда, Нью-Хэмпшира, Нью-Джерси, Нью-Йорка, Пенсильвании, Род-Айленда, Виргинии и обеих Каролин — создали бое-

способное ополчение, готовое с оружием в руках защищать права американцев. В апреле 1775 г. началась война между колониями и метрополией, а 4 июля 1776 г. мятежные колонисты объявили себя независимым государством — Соединенными Штатами Америки. Все дальнейшие попытки Британии вернуть себе взбунтовавшиеся колонии закончились неудачей.

Возможно, судьба Америки сложилась бы иначе, если бы Георг III и премьер-министр Фредерик Норт (1732–1792) не настояли на силовых методах решения конфликта. «Колонии должны покориться, в противном случае победа будет за ними. Мне не хотелось бы прибегать к более суровым мерам, но отступить мы не должны», — писал король Норту. Парламент также выступил за самые решительные действия.

В эти горячие дни Уильям Питт в последний раз появился на заседании палаты лордов. Он был категорически против предоставления колониям независимости, но в то же время призывал к мирному разрешению конфликта. Этой теме была посвящена последняя речь, произнесенная великим государственным деятелем и оратором, речь, которую он в силу своей физической немощи не смог произнести до конца. Архитектор империи, он с болью думал о возможности утраты значительной части американских владений британской короны.

РОК ПРЕСЛЕДУЕТ ГЕОРГА III: СКАНДАЛЫ В КОРОЛЕВСКОМ СЕМЕЙСТВЕ

В то время как в Америке решалась судьба британских колоний, на Георга III, безупречного семьянина и человека строгих нравственных принципов, один за другим обрушились несколько тяжелейших ударов, нанесенных поведением самых близких ему людей.

Первым «отличился» Генри, герцог Камберлендский, младший из братьев короля. Он без памяти влюбился в Генриетту, леди Гросвенор, которая ответила на его мольбы и стала его любовницей. Узнавший об этом лорд Гросвенор, известный своими кутежами и мотовством, искусно разыграл роль оскорбленного супруга и подал в суд на королевского (!) брата, требуя 10 тыс. фунтов компенсации за понесенный им моральный ущерб. Решение суда, отражающее падение авторитета монархии, было вынесено в пользу мужа-рогоносца, и монарху пришлось платить за распутство герцога королевской крови. Однако Камберленд не утомился — не успел завершиться суд,

как у него появилась новая пассия, некая вдовушка из Дербишира с огромными черными ресницами. Миссис Хортон так ловко повела дело, что пылкий герцог женился на ней, даже не поставив в известность родных. Георг III был глубоко потрясен этим мезальянсом.

Практически одновременно с матримониальным скандалом Камберленда разразилась настоящая буря в Дании — в центре нее оказалась младшая сестра короля Каролина Матильда, вышедшая замуж за датского короля Кристиана. Она была уличена в супружеской неверности, и ей грозила смертная казнь. Британскому правительству пришлось приложить максимум усилий и даже послать к датским берегам военные корабли, чтобы добиться смягчения участи Каролины Матильды — ей сохранили жизнь, но отправили в ссылку, где она вскоре умерла от оспы.

Странно, тревожно складывалась и судьба старшей сестры Георга III Августы. Став женой принца Брауншвейгского и приехав на родину мужа, гордая британская принцесса была бесконечно унижена, когда поняла, что фаворитка значит для ее супруга гораздо больше, чем законная жена.

В довершение всех прочих несчастий Георг III узнал, что и второй из его братьев уже несколько лет состоит в тайном браке. Его избранницей была вдова лорда Уолгрейва, незаконная дочь сэра Эдварда Уолпола и некой модистки. Бедняге королю пришлось проглотить и эту пилюлю, хотя он категорически отказался принимать чету при дворе.

Тем временем подрастал Георг, принц Уэльский...

XVIII ВЕК — ВРЕМЯ БЛИСТАТЕЛЬНОГО РАСЦВЕТА АНГЛИЙСКОЙ ЖИВОПИСИ

Вплоть до XVIII столетия ведущие позиции в изобразительном искусстве Англии занимали иностранные художники — немец Ганс Гольбейн Младший, голландцы Даниэль Мейтенс и Пауль ван Сомер, фламандец Антонис Ван Дейк. Однако в георгианскую эпоху в стране складывается национальная школа живописи, подарившая миру ряд замечательных мастеров. Крупнейшими английскими художниками XVIII столетия были Уильям Хогарт (1697–1764), Джошуа Рейнолдс (1723–1792) и Томас Гейнсборо (1727–1788).

Талант Хогарта был не только самобытным, но и многогранным: он писал великолепные портреты, исторические полотна, а в его картинах на современные сюжеты оживала Англия XVIII в. — считается,

Уильям Хогарт

что по работам Хогарта, этой живописной энциклопедии георгианской эпохи, можно получить яркое и глубокое представление о жизни англичан. Хогарт был не только живописцем, но и гравером. Он выполнил гравюры практически со всех своих сатирических картин, благодаря чему они приобрели широкую известность еще при жизни художника.

В 1753 г. мастер опубликовал теоретический трактат «Анализ красоты», в котором провозгласил действительность единственным источником искусства. Реализм Хогарта была направлен против крайностей культа античности, характерного для классицистической эстетики, ибо писал он свои картины не для древних греков, а для современников. Гармонической строгости и «прямолинейности» классицизма Хогарт противопоставил идею о том, что в искусстве главенствует «кривая линия», антагонист абстрактного идеала. Этот принцип художник отразил в своем необычном «Автопортрете с собакой» (1745), где не только изобразил себя, но и передал то, что было ему

особенно дорого. Собственно автопортрет Хогарта, полотно овальной формы, искусно вписан в прямоугольник картины. Изображение художника стоит на трех книгах в старинных кожаных переплетах, отражающих его литературные пристрастия: это сочинения трех китов английской словесности — Мильтона, Шекспира и Свифта. В правом нижнем углу изображен любимый пес художника по кличке Трамп, а слева внизу картины лежит палитра с выведенной на ней плавной кривой, олицетворяющей творческое кредо Хогарта.

Хогарту была чужда манера живописцев, создававших пышные парадные портреты знати. Он не стремился приукрасить натуру, главным для него было передать в портрете характер изображенного человека. Знаменитая «Девушка с креветками» — обыкновенная молоденькая уличная торговка — так и излучает оптимизм и лукавство. Прекрасно удавались художнику и жанровые сценки, среди которых особой известностью пользуются полотна серий «Модный брак» и «Счастливый брак» (сер. 1740-х годов). Они также лишены помпезности, но насыщены тонким юмором и легкой иронией.

Стремясь запечатлеть жизнь без прикрас, Хогарт иногда допускал появление на своих картинах гротескных, сатирически заостренных образов. В этом отношении очень интересна картина «О, ростбиф старой Англии (Ворота Кале)». В 1748 г. художник, воспользовавшись миром, установившимся между Англией и Францией, решил посетить Кале, чтобы написать ворота древней крепости. Местные власти заподозрили в художнике шпиона, оскорбив достоинство живописца. И Хогарт отомстил обидчикам, изобразив на картине отощавших, как пугала, французов, с вожделением поглядывающих на роскошный кусок мяса, который пронесит мимо них согнувшийся под его грузом повар из местного английского трактира. Любопытно, что и на этой картине нашлось место для автопортрета — у левого края картины мы видим Хогарта за работой: он облачен в темную блузу и черный берет и держит в левой руке палитру.

Младший современник Хогарта Джошуа Рейнолдс, первый президент созданной в 1768 г. Королевской Академии художеств, был выдающимся мастером парадного портрета. На его полотнах запечатлены почти все английские знаменитости того времени — герцог Мальборо с семейством, адмиралы Кеппель и Хитфилд, автор первого толкового словаря английского языка и известный литератор Сэмюэль Джонсон (Рейнолдс написал четыре его портрета), министр Чарльз Джеймс Фокс, писатели Лоуренс Стерн и Оливер Голдсмит, актеры Дэвид Гар-

Джошуа Рейнолдс

рик и Сара Сиддонс. Всего им было написано более двух тысяч портретов, множество которых в настоящее время хранится в Национальной галерее в Лондоне. Там же экспонируется и автопортрет художника.

Подобно Хогарту, Рейнолдс ставил перед собой задачу запечатлеть не только внешний облик своих моделей, но и передать живописными средствами правду их характеров. Российским ценителям прекрасного хорошо известна и другая грань щедрого таланта Рейнолдса, знаменитого и своими полотнами на исторические и мифологические сюжеты. В Государственном Эрмитаже хранятся его работы «Воздержанность Сципиона Африканского», «Амур, развязывающий пояс Венеры», «Младенец Геркулес, удушающий змей». На последней в аллегорической форме изображена мощь молодого государства Российского, которое успешно справляется со своими врагами.

С 1753 г. Рейнолдс жил в Лондоне, однако образ его жизни трудно было бы назвать оседлым. Он не только разъезжал по богатым и знат-

Томас Гейнсборо

ным заказчикам, но и неоднократно отправлялся в заграничные путешествия. В 1750–1752 годах он работал в Италии, где изучал творения мастеров XVI—XVII столетий, в 1768 г. посетил Париж, а в 1782 г. — Голландию, Фландрию и Германию. Неудивительно, что художественная манера Рейнолдса вобрала в себя элементы разных национальных школ живописи.

Томас Гейнсборо, как и Рейнолдс, опирался в своем творчестве на опыт старых мастеров. Особенно сильное влияние оказала на него живопись ван Дейка, которому, в частности, Гейнсборо обязан своей любовью к голубому цвету. Однако он значительно превзошел своих предшественников и современников в умении передавать движение, благодаря чему его полотна обрели ощущение реальности. Как портретисту художнику также удалось добиться абсолютно гармоничного соотношения между моделью и фоном, характерного уже для ранних его работ.

Например, портрет Роберта Эндрюса с его супругой Мэри передает всю прелесть отдыха на скамейке под раскидистой кроной могуче-

го дуба в погожий, солнечный денек. Безмятежность отдыха подчеркивается ощущением царящей в тени прохлады, особенно ощутимой потому, что за пределами этого крохотного оазиса мы видим спелые нивы, словно позолоченные полуденным жаром. Игра света и тени, насыщенность и теплота тонов, плавные, изгибающиеся линии способствуют созданию ощущения полнокровной жизни на полотнах великого мастера. Гейнсборо был одинаково велик и как портретист, и как пейзажист, родоначальник школы английского пейзажа, однако наивысшего мастерства он достиг в женских портретах — герцогини де Бофор, своих дочерей Мэри и Маргарет, балерины Джованны Баччелли и других красавиц середины XVIII столетия.

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII в.

XVIII век в Европе — век Разума, век Просвещения, ознаменовавшийся расцветом английского романа: приключенческого, семейно-бытового, философско-сатирического и социально-психологического. Просветителей интересовал вопрос о сущности человеческой природы, они отвергали церковную догму о врожденной греховности человека, утверждая мысль о природной доброте личности. Философ Джон Локк (1632–1704), например, говорил о том, что новорожденный представляет собой *tabula rasa* — «чистую доску», на которой отпечатывается влияние социальной среды, где происходит развитие личности. Если человеку присущи дурные качества, то порождены они неблагоприятным влиянием общества. Заботясь о развитии личности, Локк советовал воспитывать детей в идеальных условиях, ограждая их от скверны мира.

Видя пороки общества, просветители уповали на то, что сила отдельных примеров и убеждений спасет мир, и апеллировали к человеческому разуму. В положительных образах, созданных литературой этого периода, воплотилась вера авторов в возможности человека. Положительный герой эпохи Просвещения — естественный человек, который в своих поступках следует велениям разума, действуя сообразно своей природе.

Отцом английского просветительского романа был Даниель Дефо (1660–1731). Его предки-протестанты перебрались в Англию из Голландии, а отец писателя был лондонским торговцем мясом и свечным фабрикантом. Родители хотели видеть Даниеля пуританским пропо-

ведником, но кипучая натура молодого человека не подходила для этой стези. Попробовав, впрочем без особого успеха, начать собственное дело («Судеб таких изменчивых никто не испытал, / Тринадцать раз я был богат и снова беден стал», — писал о себе Дефо), он увлекся политикой и публицистической деятельностью. Он принимал участие в восстании герцога Монмутского (1685), едва избежав репрессий после его подавления, симпатизировал Вильгельму III, который в свою очередь оказывал покровительство Дефо. В стихотворной сатире «Чистокровный англичанин» (1701) Дефо ядовито высмеял претензии английской аристократии на «чистокровность», напомнив, что вся история страны есть история смешения разных народов. Сатира была злободневной, так как многие высказывали сомнение в праве короля-голландца властвовать над «чистокровными англичанами».

При королеве Анне Дефо подвергся преследованиям. За памфлет «Кратчайший способ расправы с диссидентами» (1702) его оштрафовали, заточили в тюрьму и трижды выставляли к позорному столбу. По освобождении он начал издавать газету «Обозрение» (1704–1713), будучи одновременно и редактором, и автором подавляющего большинства публикаций. Однако самую громкую славу ему принес роман «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, описанные им самим» (1719–1721).

Этот знаменитый приключенческий роман, породивший целую литературную традицию робинзонад, представляет собой одновременно и философскую притчу. История пребывания Робинзона на острове в своих этапах повторяет историю человечества: сперва герой перебивался сбором корней и плодов дикорастущих растений, охотой и рыболовством, затем занялся скотоводством и земледелием, овладел ремеслами и стал владельцем раба — Пятницы, а еще позднее превратил остров в колонию. Практически одновременно Дефо создал еще ряд захватывающих произведений: «Жизнь и пиратские приключения славного капитана Сингльтона» (1720), «Мемуары кавалера» (1720), «Дневник чумного года» (1722), «История полковника Джека» (1722), «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс» (1722), «Роксана» (1724) и «Мемуары английского офицера, капитана Джорджа Карлтона» (1728)⁸.

⁸ В XVIII в. авторы нередко давали романам длиннейшие названия, передавая в них основное содержание книг. Например, полное название «Молль Флендерс» звучит так: «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс, которая роди-

Современником Дефо был Джонатан Свифт (1667–1745), великий английский писатель-сатирик. Сын дублинского пастора, Свифт получил богословское образование в университете Дублина, после чего поступил на службу секретарем к своему дальнему родственнику Уильяму Темплу и переехал в его английское поместье Мур-Парк. Темпл был не только государственным деятелем, но и писателем-эссеистом и безусловно оказал влияние на будущность Свифта, который начал писать в 1690 г.

В 1694 г., следуя семейной традиции, Свифт был рукоположен в сан священника англиканской церкви и получил приход в Ирландии. Однако духовная карьера его не прельщала, все помыслы молодого человека были связаны с литературой. Свифт был великим мастером сатирических иносказаний, в которых он апеллировал к человеческому здравому смыслу, беспощадно бичуя общественные пороки. В «Сказке бочки» (1704) — это словосочетание по-английски означает «белиберда», «бабушкины сказки» — Свифт направил жало своей сатиры против церкви и ее учения. В этом произведении рассказывает аллегорическая история о том, как отец-Христос, умирая, оставил в наследство своим трем сыновьям Библию и одинаковые кафтаны (религию), наказав содержать их в чистоте. Однако братья — Петр (католичество), Джек (кальвинизм; его имя — производное от имени Кальвина — Жан) и Мартин (лютеранство, англиканская церковь) — нарушили отцовскую волю. Петр украсил кафтан по моде, стал ходить в трех шляпах одновременно (намек на папскую тиару), занялся земельными спекуляциями, еще больше разбогател благодаря изобретению «шептални» (исповедальни), «универсального рассола» (святой воды) и «радикального средства от глистов» (отпущения грехов). Однако при этом бедолага рехнулся и дошел до того, что, когда с ним здоровались, протягивал людям не руку, а ногу, чтобы они облобызали его туфлю.

Мартин и Джек, тоже приукрасившие было свои кафтаны, одумались и решили исправиться. Только Джек вырвал украшения, что называется, с мясом, а Мартин аккуратно срезал их, чтобы не повредить платье. Джек так злился на Петра, что сам лишился рассудка.

лась в Ньюгейтской тюрьме и в течение шести десятков лет своей разнообразной жизни (не считая детского возраста) была двенадцать лет содержанкой, пять раз замужем (из них один раз за своим братом), двенадцать лет воровкой, восемь лет ссыльной в Виргинии, но под конец разбогатела, стала жить честно и умерла в раскаянии. Написано по ее собственным заметкам».

Джонатан Свифт

Так Свифт высмеял крайности в вопросах религии, отдав предпочтение англиканской церкви, служителем которой он к тому же являлся сам.

Проведя несколько лет в Ирландии, Свифт вернулся в Лондон и оставался в столице с сентября 1710 по июнь 1713 г. — о его жизни и событиях тех лет подробно рассказывается в «Дневнике для Стеллы», подборке писем, предназначенных возлюбленной Свифта Эстер Ваномри и опубликованных после смерти автора. Затем Свифт переехал в Дублин, где в 1714 г. занял место декана собора Св. Патрика, но и тогда он не бросил своих литературных трудов. В памфлетах ирландского периода творчества он защищал интересы англо-ирландцев и поднимал вопрос о бедственном положении Ирландии в целом.

Венцом его творчества стал роман «Путешествие в разные отдаленные страны мира Лемюэля Гулливера, вначале хирурга, а затем капитана нескольких кораблей» (1721–1725, опубл. 1726), имеющий

ярко выраженное памфлетное начало. Рассказывая о Лилипутии, Свифт рисовал карикатуру на современную ему Англию: соперничающие политические партии отличаются только разной высотой каблучков, при дворе то и дело вспыхивают интриги и ссоры, в частности, по вопросу о том, как следует разбивать вареное яйцо — с тупого конца или с острого. Высшие посты в государстве занимают ловкачи-акробаты, ордена достаются тем, кто прыгнет выше других. Самое печальное, что Лилипутию разъедают одновременно две страшные язвы: внутренние раздоры партий и угроза нашествия внешнего могущественного врага.

Страна Бробдингнейг, где живут великаны, изображена Свифтом как идеальная монархия. Однако и ее история полна смут и войн — писатель явно проводит параллель между судьбами вымышленной страны и Англии, — но теперь Бробдингнегом правит мудрый король, стремящийся личным примером способствовать росту нравственности подданных, которыми он правит, руководствуясь принципами разума и добродетели.

Посещение Гулливером летающего острова Лапута дало Свифту повод высмеять лженауку. Но самой гневной сатирой дышит четвертая, заключительная, часть романа, в которой благородные кони гуигнгны противопоставляются злобным, развратным, наглым и трусливым людям-йеху.

В середине XVIII в. вся Англия, а вслед за ней и Европа, зачитывалась романами Сэмюэла Ричардсона (1689–1761). Изображая в своих произведениях картины семейной жизни, Ричардсон последовательно проповедовал добродетель, которая обязательно вознаграждается судьбой. Жизнь писателя сама по себе представляет иллюстрацию этой идеи. Сын столяра из Дербишира, Ричардсон в семнадцатилетнем возрасте приехал в Лондон и поступил в ученики к типографу, усердно трудился, женился на дочери хозяина, а после смерти тестя стал владельцем печатной мастерской.

Свои идеальные представления о человеке Ричардсон отразил в образе Памелы, героини романа «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740–1741), скромной служаночки, решительно воспротивившейся домогательствам сквайра Б., который, убедившись в неприступности девушки, по-настоящему влюбился в нее и сделал своей женой. Совсем иначе сложилась судьба Клариссы, героини «Клариссы, или Истории молодой леди, охватывающей важнейшие вопросы частной жизни и показывающей, в особенности, бедствия,

Джейн Остин. Лоренс Стерн. Сэмюэл Ричардсон.
Оливер Голдсмит. Тобайас Смоллетт

проистекающие из дурного поведения как родителей, так и детей в отношении к браку» (1747–1748). Имя соблазнителя Клариссы Ловеласа стало нарицательным. Обещанная девушка умерла от стыда, а Ловелас, измученный угрызениями совести, погиб на дуэли, понеся заслуженное наказание. Однако в трагедии молодых людей повинны прежде всего их родители, и читатели оплакивали Клариссу и Ловеласа, несчастные судьбы которых были предопределены беспечностью и равнодушием их близких.

В своем третьем знаменитом романе «История сэра Чарлза Грандисона» (1754) писатель изобразил идеального, с его точки зрения,

Генри Филдинг

молодого человека — набожного, рассудительного и очень правильного. Книга эта перегружена морализаторскими пассажами, недаром А. С. Пушкин писал о ней: «...И бесподобный Грандисон, который нам наводит сон».

В отличие от Ричардсона, создателя романа-трагедии, Генри Филдинг (1707–1754) рассматривал свои романы как комические эпопеи. Его лучшую книгу «История Тома Джонса, найденыша» (1749) часто называют самым выдающимся английским реалистическим романом эпохи Просвещения. На примере героя этого произведения видно, что Филдинг представлял себе совершенного человека иначе, чем Ричардсон. Том Джонс — герой далеко не идеальный, но и дурным его не назовешь. Чего только с ним ни происходит: он даже попадает в тюрьму и лишь случайно избегает виселицы. При этом безродный, темпераментный Том всегда ведет себя естественно, чем выгодно отличается от лицемерного святоши Блайфила, с которым воспитывался в доме помещика Олверти. Симпатии Филдинга целиком принадлежат бесшабашному Тому, и именно он, а не Блайфил, женится в конце романа на Софии Вестерн.

Во второй половине столетия в литературе проявились новые тенденции, отражавшие сдвиги в умонастроении общества. Теперь источником совершенствования личности считали не разум, а чувство. Культ чувства провозглашали сентименталисты — поэты Джеймс Томсон (1700–1748), Эдуард Юнг (1683–1765), Томас Грей (1716–1771), поэт и прозаик Оливер Голдсмит (1728–1774), романист Лоренс Стерн (1713–1768) и другие.

Сын пехотного офицера, Лоренс Стерн получил богословское образование в Кембриджском университете, а затем два десятка лет служил викарием в графстве Йоркшир. Свой путь в литературе он начал как публицист, печатался в газетах, однако его главными сочинениями являются романы «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1760–1767) и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768), оставшийся неоконченным. Стерн отказался от ставшей традиционной для романистов назидательной интонации и строил свои книги вовсе не как историю жизни героя: его интересуют чувства персонажей, сложный и противоречивый мир человеческой души, он любит восприимчивой, чувствительной натурой героев, полагая, что наиболее полно природа человека заявляет о себе в чувствах.

Реакцией на рационализм эпохи Просвещения можно объяснить и появление так называемого «черного», или готического, романа, насыщенного ужасами и сверхъестественными событиями. Неверие в возможности разума побудило авторов готических романов изображать мир как арену действия роковых сверхъестественных сил, определяющих участь героев. Бесспорными классиками этого популярного жанра стали Гораций Уолпол (1717–1797), Анна Радклиф (1764–1823) и Мэтью Грегори Льюис (1775–1818).

Во второй половине XVIII в. жил и великий шотландский бард Роберт Бернс (1759–1796), скромный фермер и жизнелюб, которого Вальтер Скотт назвал «самым гениальным поэтом Шотландии». Бернс писал как на английском, так и на его шотландском диалекте, и большинство его стихов воспроизводит ритмику народных песен. Диапазон творчества Бернса необъятно широк — от искрящегося юмором «Тэма О’Шэнтера», герой которого напился до чертиков и попал на ведьминский шабаш, до проникновенно-лирической исповеди «Любовь моя как роза, роза красная», от ехидной сатиры «Две собаки» до политически злободневного «Дерева Свободы». Имя Бернса стало знаменитым после публикации сборника «Стихотворения, написанные преимущественно на шот-

ландском диалекте» (1786), однако известность не принесла ему богатства. Между тем не будет преувеличением сказать, что бернсовская «Шотландская застольная» стала визитной карточкой его родины.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

В начале XVIII в. Англия по-прежнему оставалась аграрной страной. Лишь в восточной Англии, на юго-западе страны и в Йоркшире было развито производство шерстяной пряжи и тканей, однако выделялись они на кустарных мануфактурах ремесленниками-надомниками. В зачаточном состоянии находилась хлопчатобумажная промышленность. Хлопок в те времена называли «кипрской шерстью» и ввозили из Леванта и Вест-Индии. Первыми прядильщиками и ткачами, занявшимися хлопком, были ланкаширцы. Им приходилось нелегко, поскольку, исходя из традиционного представления о шерсти как основном богатстве страны, правительство принимало законы, сдерживающие развитие хлопкопрядения и хлопкоткачества, дабы защитить от конкурентов шерстяные мануфактуры. Однако хлопок успешно завоевывал рынок. Хлопчатобумажные ткани пользовались огромным успехом в колониях, где климат был гораздо теплее, чем в Великобритании. Да и сами англичане по достоинству оценили гигиеничность изделий из хлопка, который не только «дышал», но и хорошо стирался. Именно в это время чистая хлопчатобумажная рубашка стала непременной принадлежностью костюма джентльмена.

Прежде изготовленную в Британии ткань отправляли в Голландию, где ее подвергали окраске или отбеливанию. К середине XVIII в. необходимость в этом отпала, поскольку местные красильщики стали выпускать продукцию, не уступавшую по качеству континентальной.

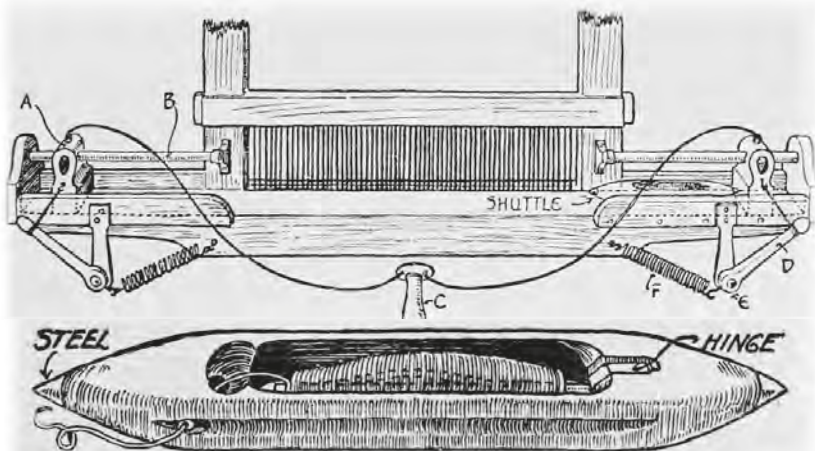
Процветающая шерстяная и уверенно развивающаяся хлопчатобумажная промышленности стимулировали начало промышленного переворота. В 1733 г. английский изобретатель Джон Кей (1704–1764) создал механический, или самолетный, челнок для ручного ткацкого станка, применение которого как минимум вдвое увеличило производительность труда, а также позволило выделять более широкую полосу ткани. В 1765 г. была создана первая прядильная машина, прялка «Дженни», получившая название по имени младшей дочери

Костюмы периода Георга II

конструктора, малограмотного ланкаширского ткача Джеймса Харгривса (ок. 1720–1778). Пять лет спустя Харгривс получил патент на свое изобретение, и вскоре на британских мануфактурах зажужжали тысячи механических прялок. В 1796 г. Ричард Аркрайт (1732–1792) изобрел прядильный станок, составивший могучую конкуренцию прялкам Харгривса, потому что производимая на нем пряжа была лучше скручена и, следовательно, прочнее и легче для ткачества. На этом техническое перевооружение текстильной промышленности не остановилось. В 1779 г. была создана мюль-машина Сэмюэла Кромптона (1753–1827), которая, как и детище Аркрайта, приводилась в движение энергией воды. Силу воды использовал при работе и механический ткацкий станок, построенный в 1785 г. Эдмундом Карпайтом (1743–1823).

Растущие возможности промышленности требовали увеличения объемов сырья. В колониях Британии расширялись хлопковые плантации. Однако очистка хлопка перед прядением была очень трудоемким процессом и велась вручную. Между тем в 1793 г. американец Эли

Челнок для ткацкого станка

Уитни (1765–1825) создал первую в мире хлопкоочистительную машину, применение которой позволило ускорить обработку промышленного сырья и улучшить его качество.

С появлением машинного производства возникли фабрики. Теперь ткачи и прядильщики ходили на работу, забросив примитивные домашние станки и прялки. Те, кто жил слишком далеко, чтобы ежедневно проделывать путь на фабрику и обратно, стремились переселиться поближе, вызывая тем самым рост промышленных городов. На новых фабриках трудились не только мужчины, но также женщины и дети — машины не требовали больших физических усилий.

Крупным прорывом в английской экономике стал переход от использования энергии воды к использованию энергии пара. Первый в мире паровой двигатель был построен английским военным инженером Томасом Севери (ок. 1650–1715) еще в 1691 г. Его применяли для откачки воды из шахт, однако устройство это было очень опасным, так как пар находился в нем под большим давлением, из-за чего двигатель часто разрывало на части. Позднее на шахтах начали применять паровой двигатель Томаса Ньюкомена (1663–1729), именовавшийся пароатмосферной машиной, поскольку в ней помещенный в вертикальном цилиндре поршень приводился в движение атмосферным давлением. Однако по-настоящему широкое приме-

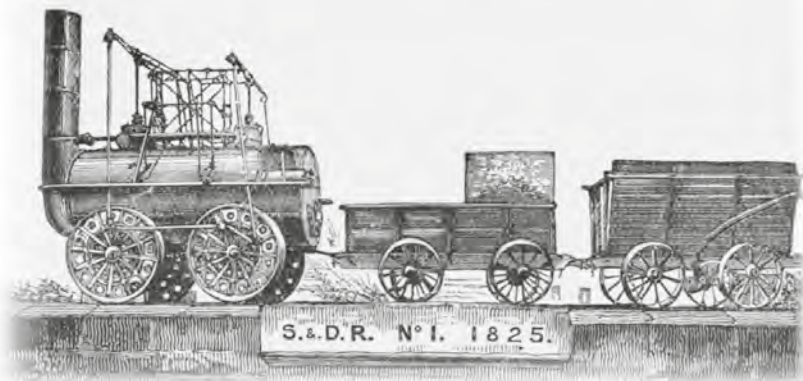
ние нашел лишь универсальный тепловой двигатель, построенный в 1776 г. Джеймсом Уаттом (1736–1819). Его использовали и при производстве чугуна, и при добыче угля, и в текстильной промышленности.

Промышленный переворот в корне изменил британскую промышленность: между 1760 и 1830 г. производство хлопчатобумажных тканей возросло в двенадцать раз (хлопковые ткани стали главной статьей британского экспорта), а добыча угля, необходимого для работы паровых машин, увеличилась за этот период в целых четыре раза. К 1830 г. стремительно возросший промышленный потенциал страны превратил ее в настоящую мастерскую мира.

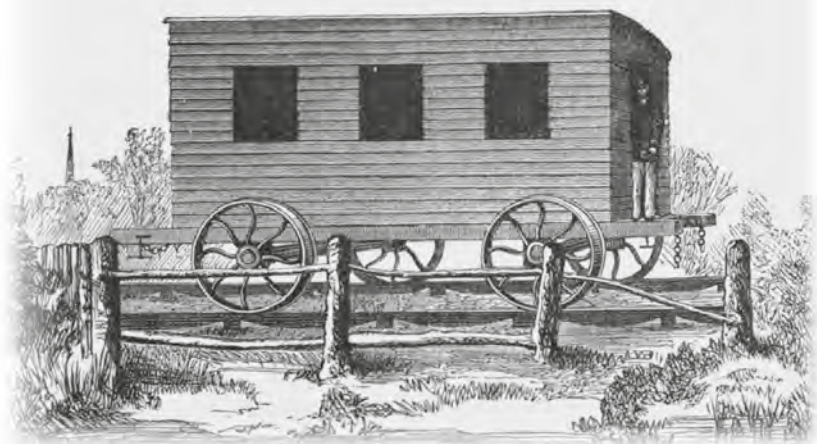
Промышленный переворот сопровождался и революционными изменениями в транспорте. В начале XVIII в. поездка из Лондона в Манчестер или Эксетер заняла бы у путешественника не менее трех дней. К концу столетия аналогичный путь можно было проделать уже за сутки. Влекомые сытыми конями дилижансы доставляли почту и пассажиров в любые города страны. Это стало возможным благодаря деятельности дорожных трестов, поддерживавших дороги в надлежащем порядке. Улучшению сообщения способствовала деятельность британских инженеров: шотландец Томас Телфорд (1757–1834) построил Каледонский канал (1803–1823) и несколько мостов, самым знаменитым из которых является Менайский подвесной мост (1814–1825), а Джон Мак-Адам (1756–1836) предложил искусственную укатку мощных дорог.

Система рукотворных каналов соединила реки, на которых стояли промышленные города: водные артерии жили напряженной жизнью, ибо водный транспорт — несамостоятельные баржи, которые буксировались лошадьми-бурлаками, — оставался наиболее выгодным средством перевозки сырья из портов на фабрики и промышленной продукции от производителя в порты. Лишь к середине XIX в. основной грузопоток стал обслуживаться железной дорогой.

Первый паровоз был построен в Англии в 1803 г. инженером Ричардом Тревитиком (1771–1833) — он предлагал пускать свое детище по рельсовому пути. Испытания машины показали, что она способна развивать большую скорость и, следовательно, перспективна не только для грузовых, но и пассажирских перевозок. Уже в 1825 г. заработала первая британская железная дорога, связавшая Стоктон и Дарлингтон, а в 1829 г. рельсовый путь соединил Манчестер и Ливерпуль. Для этой железной дороги был построен один из самых известных

Один из первых локомотивов

Один из первых пассажирских вагонов

паровозов в мире, «Ракета» (1829). Его создатель Джордж Стефенсон (1781–1848), занимавшийся паровозостроением с 1814 г., гордился тем, что «Ракета» могла перевозить груз, втрое превышавший ее собственный вес, со скоростью 20 км/ч или же тащить вагон с 39 пассажирами со скоростью 39 км/ч. Испытания «Ракеты» окончательно убедили британцев в перспективности железных дорог. В стране начался настоящий железнодорожный бум, в свою очередь стимулировавший развитие производства чугуна и добычу угля.

НАУКА В ГЕОРГИАНСКОЙ БРИТАНИИ

XVIII столетие в Англии было самым настоящим веком Разума, когда пышно расцвела наука. Труды Адама Смита (1723–1790) и Давида Рикардо (1772–1823), Брука Тейлора (1685–1731), Колина Маклорена (1698–1746), Джозефа Пристли (1733–1804) и других ученых этого периода не утратили своего значения и по сей день.

Шотландец Адам Смит, один из образованнейших людей своего времени, преподавал нравственную философию в университетах Эдинбурга и Глазго. Его главное научное сочинение, «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776), убедительно доказывало, что источником стоимости является труд, а ее мерилom следует считать труд, затраченный на производство товара. Англичанин Давид Рикардо критически развил идеи своего предшественника, показав, что стоимость определяется не только трудом, рабочим временем, необходимым на производство товара, но и стоимостью потребленных средств производства. Если Смит считал, что капиталом является запас, предназначенный для дальнейшего производства, то Рикардо определял капитал как накопленный труд. Рикардо открыл одну из главнейших закономерностей экономики, которую мы сейчас воспринимаем как само собой разумеющееся: понижение заработной платы повышает прибыль, а повышение ее, напротив, прибыль снижает. Свои экономические идеи Рикардо с блеском изложил в книге «Начала политической экономии и налогового обложения» (1817). Смита и Рикардо по праву считают отцами классической политэкономии.

Величайшими математиками эпохи были члены Королевского общества Брук Тейлор и Колин Маклорен, которые внесли важный вклад в область математического анализа. Тейлор вывел общую фор-

мулу для разложения функций в степенные ряды («ряды Тейлора»), а Маклорен установил интегральный признак сходимости числовых рядов, он также нашел важную в теории рядов и конечных разностей формулу суммирования. Разумеется, здесь мы приводим лишь самые яркие результаты работ этих ученых.

Уже на самых ранних этапах изучения физики каждый школьник хорошо знает, что беспорядочное движение мелких частиц, взвешенных в жидкости или газе, называется броуновским. Это явление было открыто Робертом Броуном (правильнее — Брауном, 1779–1858) в 1827 г. во время наблюдений с помощью микроскопа взвеси цветочной пыльцы в воде. Однако лишь в начале XX столетия ученые объяснили броуновское движение как одно из проявлений теплового движения атомов и молекул вещества. Броуна нельзя назвать кабинетным ученым: в 1801–1805 годах он участвовал в научной экспедиции в Австралию, путешествовал по Абиссинии, Центральной Африке, побывал на острове Ява и в полярных странах. Им описано более полутора тысяч (!) неизвестных ранее растений.

Броун был близким другом и помощником ботаника Джозефа Бэнкса (1743–1820), бессменного председателя Королевского общества с 1788 по 1820 г. Бэнкс тоже был великим путешественником. В 1766 г. он посетил Лабрадор и Ньюфаундленд — сейчас на карте этого региона можно найти остров и пролив, названные именем ученого, — а в 1768 г. отправился с капитаном Куком в трехлетнее плавание по южным морям, в ходе которого была открыта Австралия. Так Бэнкс стал первым ботаником, удостоившимся чести описать флору нового континента. Отобранные ученым для участия в экспедиции художники под его руководством тщательно зарисовали образцы невиданных растений. Австралийская экспедиция сделала ученого знаменитым. Бэнкс пользовался особым расположением увлекавшегося ботаникой короля Георга III, доверявшего ему в вопросах устройства и расширения ботанического сада в Кью, где находилась любимая резиденция этого монарха.

Поскольку первые три Георга очень любили музыку, надежда обрести коронованных покровителей побуждала переселяться в Англию многих музыкантов. Решил попытать счастья в Британии и сын полкового музыканта, ганноверец Фридрих Вильгельм Гершель (1738–1822). В девятнадцать лет он отправился в Англию, ставшую его второй родиной: даже именоваться Гершель стал на английский манер — Уильямом. Сперва молодой немец работал органистом

и учителем музыки в Галифаксе, затем перебрался в фешенебельный Бат. Занятия теорией музыки побудили Гершеля к серьезным математическим штудиям, потом он заинтересовался оптикой и астрономией. Человек со скромным достатком, Гершель не мог купить себе телескоп, но ему хватило знаний, умения и терпения изготовить такой прибор собственными руками. Систематически наблюдая звездное небо, 13 марта 1781 г. Гершель открыл новое светило, которое принял сперва за комету. Вскоре, однако, он убедился, что это планета Солнечной системы, получившая затем название Уран. При ее «крещении» была нарушена традиция называть планеты Солнечной системы именами богов древнеримского пантеона. За свое открытие Гершель удостоился награды Королевского общества и получил должность королевского астронома.

Успех сопутствовал деятельности Гершеля и впредь. Великий астроном открыл спутники Урана Оберон и Титанию, нареченные в честь героев «Сна в летнюю ночь» Шекспира, а также два спутника Сатурна, Мимас и Энцелад. В 1783 г. он обнаружил, что Солнечная система движется в направлении созвездия Геркулеса. Наблюдая ночное небо, Гершель открыл множество туманностей и звездных скоплений, став родоначальником звездной астрономии. Увлечение Уильяма Гершеля астрономией разделяли его брат Александр и сестра Каролина. Александр принимал участие в создании всех построенных его великим братом телескопов — вместе они изготовили несколько десятков таких приборов, бывших нарасхват в связи с интересом к астрономии, проснувшимся после открытия Урана. Каролина Гершель (1750–1848) стала первой в мире женщиной-астрономом и лично открыла 8 комет и 14 туманностей. Она также помогала Уильяму в проведении наблюдений и обработке их результатов, составила каталог открытых им туманностей.

Современником Гершеля был величайший благодетель человечества Эдуард Дженнер (1749–1823), открывший метод предохранения от заболевания оспой. Сын сельского священника из графства Глостер, Дженнер остался круглым сиротой, когда ему было всего пять лет. Ему удалось закончить школу, после чего он поступил учеником к местному хирургу, а в 1770 г. отправился изучать медицину в Лондон. Проведя в столице более трех лет, Дженнер вернулся в родной городок Беркли и приступил к врачебной практике. Одновременно, будучи большим любителем природы, он занимался орнитологией. В частности, Дженнер первым в Англии открыл, что кукушонок, вы-

лупившийся в чужом гнезде, выбрасывает оттуда все другие яйца. Дженнер также писал стихи о птицах.

Проводя много времени в сельской местности, Дженнер обратил внимание на то, что доярки, переболевшие так называемой коровьей оспой, оказывались невосприимчивыми к черной оспе, страшному заболеванию, эпидемии которого уносили десятки тысяч жизней в одной только Англии. Врач предложил прививку против оспы, при которой человека искусственно заражали содержимым оспенных пузырьков на коровьем вымени. Убеденный в своей правоте, 14 мая 1796 г. Дженнер сделал первую публичную прививку восьмилетнему мальчику-добровольцу. Полтора месяца спустя ребенку была привита настоящая оспа, но мальчик не заболел!

Работа Дженнера вызвала критику не только среди духовенства, рассматривавшего эпидемии как Божью кару, но и в медицинских кругах, однако вскоре коллеги были вынуждены признать правильность идеи победителя оспы. Скромный врач из Беркли стал почетным членом многих университетов и академий. В 1808 г. в Лондоне было основано Дженнеровское общество, содействовавшее распространению оспопрививания. Великое открытие принесло Дженнеру не только мировую славу, но и богатство: британский парламент выплатил ему около 30 тыс. фунтов в награду за оказанное человечеству благодеяние.

Открытие Дженнера привело к снижению смертности и, следовательно, росту населения Великобритании. Если в 1701 г. в Лондоне проживало 600 тыс., а в 1801 г. 950 тыс. человек, то к 1851 г. население столицы составляло примерно 2,5 млн. В целом же за первые пятьдесят лет XIX века население страны удвоилось, приблизившись к 22 млн человек.

Дженнер был далеко не единственным медицинским светилом своего времени, хотя открытия других медиков и не имели столь огромного практического значения. Поразительных научных результатов добился, например, врач и физик Томас Юнг (1773–1829), работы которого повлияли на дальнейшее развитие фундаментальной науки. Если Ньютон и его последователи полагали, что свет представляет собой поток мельчайших частиц-корпускул, то Юнг представил его в виде волны. Он также установил, что человеческий глаз способен воспринимать всего три цвета, а все остальные цвета образуются смешением красного, синего и желтого, волны которых имеют разную длину.

Талант Юнга был универсальным. К шестнадцати годам он владел десятью языками. Когда в 1799 г. в Египте был обнаружен знаменитый

Розеттский камень с текстами на трех древних языках, Юнг заинтересовался загадочными письменами и параллельно с французским археологом Ж. Ф. Шампольоном предложил свой перевод египетских текстов, хотя и не сумел, в отличие от Шампольона, расшифровать все египетские иероглифы.

Рост продолжительности жизни и стремительное увеличение численности населения внушали многим не оптимизм, а тревогу. Английский экономист Томас Мальтус (1766–1834) в работе «Опыт закона о народонаселении» (1798) предсказывал, что деятельность филантропов, направленная на спасение страждущих, приведет к губительным последствиям. Страна с избыточным населением не сможет прокормить всех, и в конце концов ее постигнет чудовищная катастрофа, причем число ее жертв намного превысит обычный уровень смертности. При всей антигуманности рассуждений Мальтуса его идеи повлияли на стремление некоторых государств к сдерживанию рождаемости. Как правило, самые большие семьи бывали у бедняков, да и большое число детей снижало уровень семейного достатка. Чем богаче семья, тем богаче общество в целом. В 1834 г. английский парламент принял очередную поправку к закону о бедных, в соответствии с которой неспособные прокормить себя и свои семьи принудительно помещались в работные дома, где были вынуждены зарабатывать на свое содержание тяжелым, низкооплачиваемым трудом вроде дробления камней для мощения дорог или расплетанием старых канатов, за который не хотели браться более удачливые свободные люди. Если в работный дом попадала семья, то супруги разлучались, в основном из боязни, что они произведут на свет новых нищих. Дети также содержались отдельно от родителей. Экономическая теория Мальтуса породила поистине позорную практику в обращении с несчастными людьми.

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И БРИТАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.: ПОХОЛОДАНИЯ И ПОТЕПЛЕНИЯ

При Георге III в отношениях между Британией и Россией наступило похолодание. Британские власти опасались усиления России в ходе двух турецких войн и трех разделов Польши, а императрица Екатерина II, со своей стороны, не числила Британию среди союзников: когда в 1781–1782 годах великий князь Павел Петрович с супру-

гой под именем «графов Северных» отправились в поездку по Европе, она распорядилась, чтобы маршрут их путешествия проходил только по дружественным странам, среди которых Британии не оказалось. Впрочем, политика не мешала императрице восхищаться достижениями англичан в области науки и искусства. В ее царствование появились и первые российские англоманы, среди которых тон задавали представители семейств Воронцовых, Орловых и Куракиных.

Еще в 1768 г. императрица выписала из Англии врача Томаса Димсдейла (1712–1800), чтобы ввести оспопрививание в России. В то время, до открытия Дженнера, вакцинировали натуральной оспой, что не могло не пугать обывателей, но просвещенная государыня подала личный пример подданным: первые прививки Димсдейл сделал ей и престолонаследнику.

Примерно в то же время россияне обратили внимание на достижения англичан в области журналистики. Английские сатирические журналы начала XVIII в. стали образцами для «Всякой всячины», издателем которой был секретарь императрицы Г. В. Козицкий, и журналов Н. И. Новикова «Трутень», «Пустомеля» и др.; стараниями Новикова русские читатели познакомились с творчеством Свифта, Филдинга, Стерна, Голдсмита и других современных британских авторов.

В 1772 г. Екатерина II писала прожившему три года в Англии и восхищавшемуся этой страной Вольтеру, признаваясь в своей особой, «до безрассудства» любви к английским садам и «глубоком презрении к прямым линиям». Это означало, что французские вкусы перестали доминировать не только при императорском дворе, но и в жизни российской аристократии, которая развернулась в сторону английского искусства.

Два года спустя, в 1774 г., Екатерина исполнила один из самых дорогих своих капризов, заказав фарфоровых дел мастеру Джозае Веджвуду (1730–1795) сервиз на 50 персон, состоявший из 944 предметов и предназначавшийся для одного из путевых дворцов императрицы, Чесменского. Место, в котором его построили, называлось финским словом «кекерекексинен», т. е. лягушачьим болотом. Именно поэтому сервиз был украшен изображением зеленой квакушки. Такая шуточная эмблема отнюдь не портила изумительную тематическую роспись на каждом элементе сервиза. Около трех десятков мастеров исполнили желание императрицы «иметь на столе всю Англию», изобразив на тарелках, супницах, соусницах, блюдах и прочей утвари, какой и название подыскать трудно, живописные пейзажи Англии,

Шотландии и Уэльса, но при этом лягушек рисовал только один из них, а сам Веджвуд пытался воспротивиться их появлению. Сервиз обошелся Екатерине в баснословные 2700 фунтов; за такие деньги в те времена можно было построить как минимум два путевых дворца, равных Чесменскому, но поразительно, что Веджвуд заработал на этом заказе только 88 фунтов, поскольку на изготовление сервиза было потрачено 2612 фунтов. Все компенсировалось репутацией поставщика российского императорского двора. Сейчас части «лягушачьего» сервиза хранятся в Государственном Эрмитаже и в Петергофе.

Специально для Эрмитажа была приобретена великолепная коллекция произведений искусства, собранная Робертом Уолполом. Так в России появились сразу две сотни шедевров, в том числе работы Веронезе, Рембрандта, Рубенса, Мурильо. Ныне коллекция Уолпола разделена между Государственным Эрмитажем и Музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Переезд в Россию спас эти полотна от неминуемой гибели: хотя прежний хозяин построил для них специальную галерею, вскоре после продажи в ней произошел опустошительный пожар. Страшно представить, чего лишилось бы человечество, если бы не эта сделка, одна из крупнейших в истории искусства (императрица заплатила за картины свыше 40 000 фунтов).

Служить императрице было честью для многих английских профессионалов. Состоявший на русской службе шотландец адмирал Самуил (Карлович) Грейг (1735–1788) порекомендовал Екатерине пригласить в Россию британских инженеров. Двенадцать человек во главе с Чарльзом (Карлом Карловичем) Гэскойном (1737–1806), ставшим начальником Олонецких горных заводов, прибыли в Россию в 1786 г. и помогли наладить производство паровых машин и современных пушек. Благодаря англичанам в 1788 г. на Александровском пушечном заводе в Петрозаводске был построен уникальный «чугунный колесопровод» длиной 173,5 м — «дедушка» российских железных дорог, по которому рабочие катали тяжело нагруженные четырехосные вагоны.

Тесно связанной с екатерининской Россией оказалась и жизнь тогдашнего адмирала, Сэмюэля, родного брата знаменитого философа-утилитариста Иеремии Бентама. Он приехал в Россию в 1780 г. и поступил на службу к князю Потемкину в качестве инженера-кораблестроителя, но интересовался и другими вопросами; в частности, предложил соорудить первый паноптикум — тюрьму в виде ротонды, с центрального поста которой охранник может наблюдать сразу за всеми

заклученными, что заставляет последних быть смирными, поскольку они не знают, когда за ними наблюдают, а когда нет. Изобретатель предполагал, что такая конструкция здания может применяться и в других случаях, например, в больницах и сумасшедших домах. Английские власти не очень радовались «утечке мозгов» и никак не поощряли «экспорт технологий», но Россия и тогда щедро оплачивала труд иностранных специалистов, которые приезжали, чтобы хорошо заработать. Вслед за инженерами и мастерами в Россию потянулись и английские предприниматели. Они не только торговали и работали на российских заводах, но и основывали новые.

Один из осевших в России британских предпринимателей, шотландец Франц (Яковлевич) Гарднер (1714–1790), в 1766 г. создал фабрику в селе Вербилки, на которой начал производить знаменитый гарднеровский фарфор, изначально не уступавший по качеству мейсенскому (кстати, предприимчивый фабрикант использовал клеймо, очень похожее на перекрещенные голубые мечи, фирменную эмблему мейсенских мастеров). В конце 1770-х — начале 1780-х годов на фабрике в Вербилках были созданы четыре знаменитых сервиза, предназначавшихся для приемов в честь кавалеров орденов Св. Георгия, Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского и Св. князя Владимира, так понравившихся Екатерине, что она удостоила Гарднера личной аудиенции. Этот замечательный человек прославился и как создатель первого российского закрытого клуба по образцу английских.

На левом берегу Невы, в районе Галерной верфи, там, где сейчас тянется Английская набережная, в середине XVIII в. стала формироваться петербургская британская слободка (о ней сейчас напоминают такие топонимы, как Английская набережная и Английский проспект). И именно там, на Галерной улице, 1 марта 1770 г. открылся созданный по инициативе Гарднера частный клуб, называвшийся «Английское собрание» и быстро ставший центром притяжения не только для обрусевших англичан и экспатов, но и для российского высшего общества. Подобные заведения стали возникать и за пределами Санкт-Петербурга, а Московский английский клуб даже затмил столичный прототип.

Интерес к Англии, желание перенять ее достижения выразились в росте числа изучающих английский язык (в 1793 г. в Петербурге открылась первая в России школа, где преподавание велось на английском) и стремящихся получить образование в британских университетах: например, граф Н. С. Мордвинов, в детстве воспитывавшийся

вместе с Павлом Петровичем, а впоследствии ставший одним из создателей Черноморского флота и первым в истории России морским министром, три года стажировался в Англии. Сын княгини Екатерины Дашковой, урожденной графини Воронцовой, учился в Эдинбургском университете, сама же она подолгу жила в Англии и Шотландии, с удовольствием общаясь с британскими светилами науки, в том числе и с Адамом Смитом. Большую роль в европейской политике рубежа столетий сыграл ее родной брат Александр Романович Воронцов, первый российский почетный доктор Оксфордского университета (1763), возглавлявший российское посольство в Лондоне в 1762–1764 годах: полюбив Англию, он приложил много усилий для укрепления российско-британских связей и способствовал созданию антинаполеоновского союза России, Великобритании и Австрии.

УНИЯ С ИРЛАНДИЕЙ

Многие англичане с интересом следили за революционными событиями во Франции 1789–1792 годов. Некоторые горячие головы вроде поэта Уильяма Вордсворта (1770–1850) даже отправлялись на континент, мечтая «присутствовать при рождении нового мира». Однако последовавший за революцией якобинский террор отрезвил ее почитателей, и в подавляющем большинстве они изменили свое отношение к происходящему. Этому способствовало и обилие французских эмигрантов, которые с гневом и болью живописали творящееся у них на родине.

Опасность того, что революционный пожар перекинется из Франции в другие страны, была велика. Желая избежать ее, английское правительство предприняло ряд эффективных мер, в том числе и введение цензуры на печать. Революции в Великобритании можно было не опасаться, но крайне сложное положение складывалось в Ирландии.

1 февраля 1793 г. Франция объявила войну Британии, оказавшей решительную поддержку французским контрреволюционерам. В этих условиях вполне реальной могла оказаться попытка высадить французский десант на британские берега. Наиболее вероятным местом высадки была Ирландия, на которую французская революция повлияла, пожалуй, сильнее, чем на другие европейские страны.

Под влиянием Великой французской революции в Ирландии усилились свободолюбивые настроения. В 1791 г. в Белфасте было создано «Общество объединенных ирландцев», целью которого стала борьба за независимость страны. Во имя этой великой цели членам общества впервые в истории Ирландии удалось сплотить и католиков, и протестантов, одинаково недовольных политикой, проводимой в их стране англичанами. Понимая, что своими силами противостоять военной мощи Британии практически невозможно, лидер «Объединенных ирландцев» Уолф Тон (1763–1798) в 1796 г. обратился за помощью к французскому правительству. Директория дала согласие на отправку в Манстер экспедиционного корпуса в размере 15 тыс. человек, однако операция была сорвана из-за грубых военных просчетов и неблагоприятных погодных условий.

Ирландцы тщетно уповали на помощь Франции. Тем временем британское правительство начало суровое подавление приступов ирландского свободолюбия. В 1798 г. вожаки «Объединенных ирландцев» были арестованы и приговорены к смертной казни. У.Тон успел вернуться на родину из Франции и разделил участь вождей национально-освободительного движения. Однако в своей ненависти к англичанам он не мог допустить, чтобы его казнили по приговору английских судей, и добровольно ушел из жизни.

В Ирландии было введено военное положение. В сложившейся ситуации «Объединенные ирландцы» были вынуждены действовать самостоятельно, не дожидаясь помощи из Франции. Однако после того, как движение было обезглавлено арестом лидеров, поражение стало неизбежным. Ирландское восстание 1798 г. и реальная угроза высадки в Ирландии французов побудили английских политиков к принятию Акта об унии с Ирландией (1800). Страна утратила статус самостоятельного королевства и с 1 января 1801 г. вошла в состав Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии.

Из-за этого потребовалось внести изменения в герб и государственный флаг Соединенного Королевства. Так на его гербе появился ирландский трилистник. Вторая задача оказалась намного сложнее. На флаге Ирландии изображался символ св. Патрика (конец IV — середина V в.), небесного заступника Ирландии, полулегендарного основателя и первого епископа ирландской христианской церкви, — красный диагональный крест на белом фоне, и внести его без изменений на «пестрый» британский флаг было невозможно.

Однако выход был все же найден: белые полосы, окаймляющие ирландский крест, были сделаны шире, за счет чего полосы, образующие крест, оказались смещенными. Более того, крест оказался разорван, но зрительно по-прежнему воспринимался как единое целое. Благодаря этому белый крест хорошо различим и не кажется просто фоном, полем красного креста. С 1801 г. государственный флаг Великобритании не изменялся. Уже почти два столетия он представляет Соединенное Королевство. «Юнион Джек» можно увидеть и на флагах других современных государств — Австралии, Фиджи, Новой Зеландии, Тувалу, Гавайских островов и других бывших британских колоний и доминионов.

Подобно тому, как в свое время Акт об унии Англии и Шотландии возмутил шотландцев, решение британского парламента о включении Ирландии в состав Соединенного Королевства было воспринято местным населением в штыки. В ответ на этот шаг британского правительства в 1803 г. в Ирландии вспыхнуло мощное восстание под руководством Роберта Эммета (1778–1803), которое, однако, как и предыдущее, было потоплено в крови. Его подавление отнюдь не способствовало урегулированию ирландской проблемы, унаследованной не только XIX, но и XX столетием.

ХІХ ВЕК РОЖДАЕТСЯ ПОД ГРОХОТ ПУШЕК. НЕЛЬСОН И ВЕЛЛИНГТОН

1 февраля 1793 г. Британия вступила в войну с Францией, после того как французы вторглись в австрийские Нидерланды. Англия поддерживала Австрию щедрыми материальными субсидиями, однако эта помощь не предотвратила серьезные военные поражения, которые потерпела союзница Британии. В Лондоне были не на шутку обеспокоены стремлением Франции распространить сферу своего влияния в Европе. После формального объявления войны британцы атаковали французов во Фландрии и под Тулоном, одновременно обрушившись на их колониальные владения в Вест-Индии. В Европе Британию подстерегала неудача: главнокомандующий герцог Йоркский был вынужден отвести свою армию в Германию, а в марте 1795 г. ее пришлось эвакуировать из Бремена. Гораздо увереннее британцы чувствовали себя на море: 1 июня 1794 г. флотоводец Ричард Хау (1726–1799) разгромил французскую эскадру в Ла-Манше — этот

Горацио Нельсон

день в Великобритании до сих пор называют не иначе как «Славное Первое июня». Справедливости ради можно сказать, что победа адмирала Хау могла быть еще более впечатляющей: 26 военных кораблей Франции защищали транспортные суда. Хау стремился завладеть находившимся на них грузом, однако французские моряки, потеряв 7 кораблей (один был потоплен, 6 взяты в плен), все же не допустили захвата гражданских судов, которые благополучно добрались до Бреста. Война охватила и колонии. Словно утешительный приз за неудачи на континенте, британцы получили Цейлон, Демерару (Британскую Гвиану) и мыс Доброй Надежды — здесь голландцы оплатились за поддержку, оказанную французам.

Тем временем молодой генерал Бонапарт добился важной победы в Италии — он не только разбил австрийцев, но и принудил Испанию к заключению союза с Францией. Теперь французский флот был усилен мощью испанского и голландского флотов — и все для того, чтобы сокрушить британское господство на море. В голландских портах начались приготовления к высадке десанта в Великобритании. Труд-

но сказать, как развивались бы дальше события, если бы не победа, которую 14 февраля 1797 г. одержал над испанцами адмирал Джон Джервис (1735–1823) в сражении у мыса Сент-Винсент. Англичане вправе были гордиться своими героями: их 15 кораблей одержали победу над 27 кораблями противника. Джервис был удостоен титула графа Сент-Винсентского. В этом же сражении отличился и молодой капитан Горацио Нельсон (1758–1805).

Вся жизнь Нельсона была связана с военно-морским флотом — он впервые вышел в море, когда ему было двенадцать лет, а в пятнадцать поступил на службу. Таким образом, он сражался в войнах против революционной, а затем и наполеоновской Франции с самого начала, щадя корабли и людей, но не самого себя: уже в 1794 г. он был ранен в голову и ослеп на правый глаз, а после сражения у мыса Сент-Винсент врачам пришлось отнять ему правую руку⁹. Однако настоящая слава еще ждала его впереди.

Героические британские моряки, самоотверженно защищавшие интересы своей страны, не могли сказать, что общество воздает им по заслугам. Победный 1797 г. вошел в историю Британии также как год бунта на флоте. Простые моряки были доведены до отчаяния отсутствием денежных выплат, скверной пищей, мелочными придирками иных офицеров. В апреле страсти накалились до предела, и в Спитхеде начался бунт. Бунтовщики действовали организованно и корректно, требуя улучшить условия существования военных моряков. При этом на кораблях поддерживалась строгая дисциплина. Адмирал Хау уступил требованиям матросов, и благодаря его поддержке и авторитету пожар мятежа удалось погасить. Между тем последствия матросского бунта в Норе (май 1797 г.) оказались поистине драматическими. Бунт на кораблях военно-морского флота, точнее, его эскадры, действовавшей в Северном море, возглавил Ричард Паркер. По его приказу моряки, добивавшиеся улучшения своего положения, блокировали устье Темзы, вызвав великую панику в Лондоне, распространившуюся с быстротой молнии по всей стране. Из-за блокады резко упали курсы акций на лондонской фондовой бирже, что усугубило финансовые проблемы, вызванные войной

⁹ Увечье Нельсона послужило поводом для возникновения нерушимой флотской традиции: в память о том, что великий адмирал мог получать жалованье только левой рукой, ни один британский моряк не брал выплачиваемые ему наличные правой рукой.

с Францией; парламент был вынужден разрешить Английскому банку печатание бумажных денег.

Серьезность положения вынудила правительство, возглавляемое премьер-министром Уильямом Питтом Младшим, к принятию решительных мер. На берегах Темзы были установлены пушки, готовые расстрелять мятежную эскадру, если она не подчинится приказу снять блокаду. Угроза, равно как и сознание, что соотечественники не одобряют их поступка, заставили мятежников капитулировать. Паркер и другие зачинщики мятежа предстали перед трибуналом и были приговорены к повешению.

Мятеж, поднимаемый на флоте во время войны, — тяжелое военное преступление, и если британские моряки рискнули пойти на него, то только из-за величайших тягот, делавших их жизнь невыносимой. Внимание общества было привлечено к проблемам флота, а моряки вскоре многократно доказали преданность своей стране.

В 1798 г. Бонапарт отправился покорять Египет, который, как он полагал, откроет ему путь в Индию. Французам действительно удалось высадиться в Египте и завоевать эту страну, однако флоту, доставившему завоевателей к чужим берегам, не суждено было вернуться в родные гавани. 1 августа 1798 г. отправленная в Средиземное море эскадра под командованием адмирала Нельсона обнаружила французские корабли, стоявшие на якоре в заливе Абукир недалеко от одного из рукавов дельты Нила. Французский командор был уверен, что никто не потревожит его эскадру — залив был мелководен, и лишь безумец мог попытаться пройти между берегом и линией замерших на рейде кораблей. Даже тогда, когда французы заметили на горизонте эскадру Нельсона, они сохранили беспечность, полагая, что англичане не рискнут атаковать их немедленно, ибо день был в самом разгаре, что, в соответствии с тогдашней военно-морской тактикой, считалось неблагоприятным временем для начала сражения. Однако в намерения Нельсона не входило дожидаться утра. Он считал, что более легкие и юркие английские корабли способны пройти по мелководью и приблизиться вплотную к кораблям противника. Маневр удался — лишь один из кораблей Нельсона, «Куллоден», сел на мель.

Из 17 французских кораблей лишь четверем удалось вырваться из залива (три из них были впоследствии захвачены в плен). К девяти часам вечера взлетел на воздух французский флагман «Л'Ориент» — и Нельсон приказал спустить на воду шлюпки, чтобы спасти как можно больше оказавшихся в беде побежденных врагов. Бой длил-

ся до зари в свете полыхавших остовов кораблей. Крепко досталось и англичанам: на корабле Нельсона «Вэнгард» уцелели лишь немногие из пушкарей, обслуживавших шесть носовых орудий. Был ранен и сам великий флотоводец. Характерно, что Нельсон позволил корабельным врачам заняться его раной только после того, как была оказана помощь другим пострадавшим в бою.

Никогда еще победа в морском сражении не была одержана с таким перевесом. Оценивая ее на следующий день, Нельсон заметил, что это не просто победа, а победа безоговорочная, не оставляющая противнику ни малейших надежд на реванш. Понятно, что гибель флота крайне осложнила положение оставшихся в Египте французов. В Британии высоко оценили подвиг моряков, а Нельсону был дарован титул барона Нильского¹⁰.

Воспользовавшись пребыванием Бонапарта в Египте, премьер-министр Уильям Питт Младший (1759–1806) создал антифранцузскую коалицию, в которую вошли Британия, Австрия и Россия. Союзникам удалось потеснить французов в Италии. Получив столь тревожные известия, осенью 1798 г. Бонапарт спешно вернулся в Париж и, свергнув правительство Директории, утвердился в качестве Первого консула. Теперь война против революционной Франции стала войной против Франции наполеоновской. Бонапарт решительными действиями восстановил французское влияние в Италии (1799), после чего созданная Питтом коалиция распалась. В 1802 г. Британия подписала с Францией Амьенский мирный договор, однако всего год спустя война возобновилась с новой силой.

Амьенский мир был лишь кратковременной передышкой. Сменивший в 1801 г. Питта на посту премьер-министра Генри Аддингтон (1757–1844) так желал мира, что заключил его на невыгодных для Британии условиях: империи пришлось расстаться с завоеваниями 1790-х годов, в том числе и с островом Мальта (правда, за англичанами оставались два благоприобретенных в этот период сокровища — острова Тринидад и Цейлон). Однако Мальта была слишком лакомым

¹⁰ Нельсон принимал активное участие в кампании 1794 г. Во время пребывания в Неаполе он сблизился с женой английского посланника в королевстве Неаполитанском леди Эммой Гамильтон (1765–1815). Он был очарован ею еще при первой встрече в 1793 г. Эмма стала его возлюбленной и в 1801 г., родила герою дочь, нареченную в честь отца Горацией. Эмме было суждено пережить Нельсона. Последние годы жизни она провела в Париже, испытывая жестокую нужду: в 1813–1814 годах ее даже заключили в долговую тюрьму.

кусочком и имела особое значение как потенциальная британская военно-морская база в Средиземном море. Отдать ее французам было попросту невозможно, и в конце концов Британия нарушила условия Амьенского мира, сохранив Мальту за собой. Возмущенный Первый консул публично оскорбил британского посланника в Париже лорда Уитворта, а с объявлением войны все находившиеся во Франции подданные британской короны были подвергнуты аресту и тюремному заключению. Понятно, что подобные новости из Франции только подогревали военный пыл британцев.

В 1804 г. дискредитировавший себя Аддингтон ушел в отставку, а премьер-министром вновь стал Питт Младший, лидер партии войны. Со своей стороны, провозгласивший себя в том же году императором Франции, Бонапарт был твердо намерен положить конец британскому могуществу. В Булони были сосредоточены десятки тысяч солдат, обучавшихся навыкам десантной высадки с кораблей на побережье. По приказу Наполеона печатались листовки, в которых утверждалось, что Франция несет в Британию блага, завоеванные Великой французской революцией 1789 г., — эти прокламации планировалось распространять среди британцев после того, как французы пересекут Ла-Манш.

Однако осуществлению грандиозного плана захвата Великобритании мешал ее военно-морской флот. Одна из французских эскадр стояла в Бресте, другая — в Тулоне, где за ней бдительно следил Нельсон, много месяцев стороживший момент ее выхода в море. Бонапарт распорядился, чтобы тулонская эскадра во что бы то ни стало прорвалась в открытое море и увлекла английский флот за собой, подальше от берегов Франции. В дальнейшем кораблям Бонапарта предписывалось оторваться от преследователей и скрытно прийти в Брест, чтобы принять участие в десантировании французской армии на британское побережье.

Адмирал Нельсон действительно бросился преследовать тулонскую эскадру, дойдя за ней чуть ли не до островов Вест-Индии. Лишь когда французам удалось скрыться от англичан, Нельсон полностью осознал свою ошибку и на всех парусах повел свои корабли назад, содрогаясь при мысли, что мог предпринять Бонапарт в его отсутствие. К счастью, французская эскадра была встречена на обратном пути в Бискайском заливе английскими кораблями под командованием Роберта Кальдера, захватившего два корабля противника и принудившего остальных искать спасения в гавани Кадикса — Ис-

пания в то время была союзницей Франции. Увы, подвиг Кальдера остался без награды. Напротив, спасителя нации подвергли суровой критике. Он даже предстал перед военным трибуналом, вынесшим ему порицание за то, что он не уничтожил французский флот. Черная неблагодарность, проявленная по отношению к сэру Кальдеру, характеризует огромную веру тогдашних британцев в возможности их военно-морских сил.

Бонапарт напрасно ожидал подхода своих кораблей — воссоединению его флота помешало историческое сражение при мысе Трафальгар, разыгравшееся 21 октября 1805 г. 32 линейных корабля и 5 фрегатов под командованием адмирала Нельсона дали бой объединенным франко-испанским силам под командованием адмиралов Вильнева и Травина. Численный перевес был на стороне неприятеля — Нельсону пришлось сражаться с 33 линейными кораблями и 7 фрегатами противника. Перед боем по приказу английского флотоводца с флагмана «Виктория» был передан ставший знаменитым сигнал: «Англия ждет, чтобы каждый выполнил свой долг». Французы и испанцы были изрядно озадачены тактикой Нельсона: разделившись на две группы, английские корабли налетели на вытянувшиеся в линию корабли противника, нарушив их строй. Яростная битва, начавшаяся незадолго до полудня, завершилась еще до заката дня. Не потеряв ни единого корабля, моряки Нельсона захватили 17 и потопили один вражеский корабль. Потери французов и испанцев убитыми и ранеными составили около 7 тыс. человек, что многократно превышало урон, понесенный британскими моряками: 450 убитых и более 1200 раненых. В Трафальгарском сражении погиб и великий адмирал Нельсон — он был смертельно ранен вражеским стрелком.

Память о славной морской победе увековечена в названии Трафальгарской площади в центре Лондона, где установлена сорокачетырехметровая гранитная колонна, увенчанная пятиметровой статуей Нельсона. Фигуры львов у основания колонны, как и украшающие нижнюю часть памятника барельефы, отлиты из трофейных французских корабельных пушек, захваченных во время Трафальгарского сражения.

Нельсон уничтожил угрозу французского десанта в Великобритании, однако Наполеон не мог так просто расстаться со своей мечтой: в этот период во Франции рождались самые экзотические проекты завоевания надменного Альбиона, от создания подводных лодок до строительства тоннеля под Ла-Маншем.

Корабли в Трафальгарском сражении

Поражение, понесенное Наполеоном на море, почти совпало по времени с его триумфом в битве при баварском городе Ульме, где 19 октября 1805 г. он заставил сложить оружие сорокатысячную австрийскую армию, а 2 декабря того же года император одержал блистательную победу под Аустерлицем. Известия об успехах противника и постигшей австрийцев военной катастрофе буквально сразили Уильяма Питта Младшего, скончавшегося 23 января 1806 г. Ему было всего сорок семь лет, из которых двадцать один он проработал в британском правительстве.

Новым премьер-министром Великобритании стал кузен Питта Уильям Гренвилл (1759–1834), занимавший прежде посты министра внутренних дел (1789–1791) и министра иностранных дел (1791–1801), однако реальной властью в правительстве обладал не он, а Чарльз Джеймс Фокс (1749–1806), многолетний оппонент политики Питта в палате общин. Блестящий оратор, Фокс яростно критиковал действия Питта, активно выступая и против войны с Францией. Получив же реальную власть, Фокс не стал придерживаться прежних взглядов — не прекратил войны с Наполеоном, поскольку цели последнего стали очевидными: Бонапарт мечтал покорить всю конти-

нентальную Европу, а затем разделаться с Британией. К сожалению, Фокс не увидел претворения в жизнь собственных планов, он всего на восемь месяцев пережил своего великого политического противника Питта, рядом с которым его похоронили в Вестминстерском аббатстве.

Тем временем Наполеон добавил к списку своих побед новые. В 1806 г. он одержал победу над Пруссией. Обеспокоенный неудачами прусского короля российский самодержец Александр I послал ему на подмогу русскую армию, которая также потерпела поражение в кровопролитной битве при Эйлау (1807), после чего Россия пошла на подписание Тильзитского мира с Бонапартом. Однако ни один из императоров не желал ущемить своего достоинства визитом на территорию, принадлежащую другому, и мирный договор был подписан ими на нейтральной середине реки Неман.

Пока наполеоновская Франция расширяла владения в Европе, Британия упрочивала влияние в Индии, одерживая победы над войсками туземных правителей, которых поддерживали французы. Здесь в 1803 г. добился крупной победы генерал Артур Уэлсли (1769–1852), сын ирландского пэра, состоявший на военной службе с 1787 г. В двадцатипятилетием возрасте Уэлсли принял боевое крещение во Фландрии, а в 1797–1804 годах служил в Индии под началом своего старшего брата Ричарда Колли, маркиза Уэлсли (1760–1842). В 1806 г. Артур Уэлсли вернулся на родину и вошел в парламент как депутат от партии тори. В 1807–1809 годах ему была поручена должность министра по делам Ирландии. Однако Уэлсли предстояло прославить свое имя в ином уголке Европы. В 1808 г. началась англо-французская война за доминирование на Пиренейском полуострове (1808–1813). Это было наиболее активное вмешательство Британии в европейскую политику за всю историю борьбы с Наполеоном. После того как испанцы восстали против попытки Наполеона возвести на испанский престол своего брата Жозефа, англичане высадили контрдесант на юге страны. Командование британскими войсками было поручено Артуру Уэлсли.

Перелом в пиренейской кампании настал в 1812 г., когда Наполеон потерпел сокрушительное поражение в России. Способствовало этому и поражение французов в битве при Лейпциге (16–19 октября 1813), вошедшей в историю как Битва народов¹¹, где против Напо-

¹¹ В битве при Лейпциге против Наполеона действовала объединенная армия численностью 325 тыс. человек, в то время как у Наполеона было 185 тыс.

Герцог Веллингтон

леона действовала объединенная армия России, Британии, Австрии, Пруссии и Швеции. К концу 1813 г. Уэлсли, поддерживаемому партизанскими отрядами местных жителей, удалось вытеснить французов из Испании и Португалии и вторгнуться в южные области Франции. После отречения Наполеона от престола (6 апреля 1814) Артур Уэлсли был назначен британским посланником в Париже, куда он прибыл уже как герцог Веллингтон. Между тем самый высокий взлет его карьеры был еще впереди.

По решению Венского конгресса стран-победительниц, собравшегося для того, чтобы установить в Европе прежний порядок, нарушенный французской революцией и правлением Наполеона, низложенный Бонапарт был выслан на остров Эльба, откуда он сумел бежать. Высадившись 1 марта 1815 г. в Каннах, Наполеон в кратчайший срок создал армию — солдаты, уже служившие Людовику XVIII, без

Потери обеих сторон были колоссальными: французы потеряли 68 тыс., союзники — 55 тыс.

колебаний переходили на сторону великого императора-завоевателя, — и уверенно двинулся к Парижу. Никто не воспрепятствовал его возвращению в столицу — король и его министры в панике бежали из города. Наполеон вновь оказался во главе государства и закаленной в боях армии, не меньше его рвавшейся смыть позор поражения новыми победами.

Однако великие армии, разгромившие Наполеона в битве при Лейпциге, еще не были распущены и могли оказать достойное противодействие французам. Вместе с тем инициатива сперва оказалась у Наполеона. 16 июня он одновременно атаковал британскую армию в районе Катр-Бра и прусскую армию в Линьи. Прусское войско не выдержало напора французов и было отброшено далеко от своих исходных позиций. Что касается британцев, то, выстояв в первый день, 17 июня они отступили к деревушке Ватерлоо, расположенной всего в двенадцати милях от Брюсселя. Именно здесь английский главнокомандующий герцог Веллингтон решил дать Наполеону генеральное сражение. Под рукой герцога было 67 655 человек (24 тыс. британцев, а также ганноверцы, голландцы, бельгийцы и другие иностранцы, поступившие на британскую военную службу) и 165 орудий, у Бонапарта — 71 947 человек и 246 пушек.

Ночь перед великим сражением выдалась ненастной, солдаты, которым пришлось провести ее под открытым небом, промокли до нитки. В тревоге ждали рассвета главнокомандующие: оба надеялись на подход подкрепления. Веллингтон ждал, что на помощь ему придет прусская армия под командованием маршала Блюхера, которого в войсках звали «генералом Вперед» (он постоянно подбадривал своих подчиненных кличем «Vorwärts!»).

Утром 18 июня началось великое сражение. Противники бились с таким ожесточением, что необстрелянные бельгийцы в страхе покинули расположение британской армии и, явившись в Брюссель, подняли великую панику, заявив, что битва проиграна и следует с часу на час ждать появления в городе Бонапарта. Между тем в середине дня Веллингтону доложили о приближении авангарда армии Блюхера под командованием Бюлова.

Уже в сумерках французы предприняли последнюю яростную атаку позиций Веллингтона, но она захлебнулась, и нападающие начали отступать. Герцог дал приказ преследовать врага. В это время к нему присоединились основные силы Блюхера. Бонапарт был вынужден спастись позорным бегством.

Битва при Ватерлоо

Союзные армии с триумфом вошли в Париж. Сто дней правления Наполеона остались позади, власть во Франции вернулась к Людовику XVIII. Ганновер, с 1803 г. находившийся во французской оккупации, стал независимым королевством, связанным с Соединенным Королевством на основе личной унии.

Доблестный герцог Веллингтон вновь был назначен британским посланником при французском королевском дворе и оставался на этом посту до 1818 г. Затем герой Ватерлоо вернулся на родину и занялся политикой. В 1819–1827 годах он входил в кабинет министров правительства тори премьер-министра Роберта Бэнкса Дженкинсона, графа Ливерпульского, а с января 1828 по ноябрь 1830 г. сам занимал пост премьера. Веллингтон еще раз стал премьер-министром, но всего на месяц, в ноябре 1834 г., а затем входил в кабинет правительства Роберта Пиля (1834–1835 и 1841–1846).

И все же Веллингтон занимал столь высокие и ответственные посты не потому, что был сильным и опытным политиком. В гражданской жизни Веллингтону не хватало гибкости, и даже ближайшее окружение герцога раздражало присущее ему высокомерие. Один

из тогдашних острословов заметил, что, входя в гостиные, Веллингтон оглядывает присутствующих с таким видом, будто он находится на поле Ватерлоо. Путь в политическую элиту герцогу открыла воинская доблесть, и для британцев он был и навсегда останется великим полководцем, приведшим их к победе над Наполеоном. Имя герцога носят школа в графстве Сомерсет (основана в 1841 г.), колледж в Беркшире (основан в 1859 г.), а также популярный сорт яблок. Герцог оставил след и в истории костюма: он ввел моду на высокие кожаные сапоги для верховой езды, спереди прикрывающие колено, которые получили в Англии название «веллингтоновских сапог».

АНГЛИЙСКИЙ ВОЯЖ АЛЕКСАНДРА I

Каждый, кто читал повесть Н. С. Лескова «Левша», помнит, что она начинается так: «Когда император Александр Павлович окончил венский совет, то он захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть. Объездил он все страны и везде через свою ласковость всегда имел самые междоусобные разговоры со всякими людьми...» Российский император провел в Англии три недели, прибыв вместе с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом III в Дувр 6 июня и покинув страну 27 июня 1814 г. Как бы хорошо ни была задокументирована эта поездка, всех британских собеседников Александра перечислить невозможно, однако со всей очевидностью следует, что главным из них должен был стать принц-регент Георг. Царь владел английским языком, он даже начал отвечать по-английски на торжественную речь, которой его приветствовали по приезде жители портового Дувра, но в «Левше» ясно сказано, что все разговоры в светском обществе велись по-французски, отчего якобы были совершенно не интересны сопровождавшему царя герою войны 1812 г. казачьему атаману Платову. Разумеется, в те далекие времена визит монарха в чужую страну готовился дипломатами, но в этом случае важную роль сыграла любимая сестра царя Александра I Екатерина Павловна.

Несмотря на траур по мужу, принцу Ольденбургскому, скончавшемуся в декабре 1812 г., великая княгиня приехала в Лондон 31 марта 1814 г., за два с небольшим месяца до визита Александра. Она хорошо говорила по-английски (все внуки и внучки Екатерины Великой владели французским, немецким и английским) и должна была подготовить почву для приема императора, заручившись симпатиями свет-

ского общества. Она остановилась в отеле «Палтни» на площади Пикадилли и действительно быстро обзавелась множеством знакомых.

Вполне возможно, что царь надеялся на то, что Екатерине, считавшейся звездой российского императорского двора, удастся очаровать регента, известного ценителя женской красоты. Впрочем, в России, видимо, не учли, что принцу Георгу с юности нравились женщины более старшего возраста: самые известные его фаворитки, миссис Фитцхерберт, Мэри Робинсон и леди Джерси, были старше него на шесть, пять и двенадцать лет соответственно, т. е. по крайней мере на три десятка лет старше Екатерины Павловны. Впрочем, отношения между ней и регентом не заладились с самого начала и вовсе не потому, что она оказалась не в его вкусе, хотя внешне она ему определенно не понравилась. Георга возмутило, что Екатерина опоздала на первую встречу чуть ли не на четверть часа. Он не стал скрывать своего недовольства, и у Екатерины, в свою очередь, также сложилось неблагоприятное впечатление о нем. Их вторая встреча проходила в том же духе: принц позволил себе шутку по поводу траура Екатерины, она же потребовала, чтобы музыканты прекратили играть, ссылаясь на свои расстроенные нервы. Словно назло Георгу она демонстрировала симпатию к принцессе Шарлотте Августе и позволяла себе публично критиковать регента за то, что тот не уделяет внимание единственной дочери. Свое недовольство Георгом Екатерина не преминула выплеснуть в письмах к царственному брату, заранее настроив его против регента.

Предполагалось, что царь остановится в Сент-Джеймском дворце, однако он направился прямо в отель на Пикадилли. В тот же день должна была произойти его встреча с Георгом, но регент так и не появился, с большим запозданием сообщив, что не приедет, поскольку опасается толпы, собравшейся на площади у отеля, чтобы приветствовать его. И в дальнейшем он также не снизошел до посещения гостиницы, оскорбленный выбором русского монарха. Раздражение регента возрастало из-за почестей, которыми его подданные осыпали Александра. Когда царь появлялся на улицах Лондона, горожане приветствовали его криками: «Осанна Иегове, Британии и Александру!», его подобострастно чествовали речами и одами на английском и обоих классических языках в Оксфорде, где 15 июня ему, Фридриху Вильгельму III, представлявшему Австрию министру иностранных дел князю фон Меттерниху, герцогу Веллингтону, прусскому полководцу фон Блюхеру и другим победителям были присвоены звания

почетных докторов гражданского права. Не менее торжественный прием был оказан Александру 18 июня в Гилдхолле, во время которого лондонский лорд-мэр назвал его «всемогушим подателем побед» и «великодушным союзником» Британии.

Не способствовал сближению с регентом и визит Александра к принцессе Шарлотте Августе, явно состоявшийся по наущению Екатерины Павловны. Как раз в это время Шарлотта Августа отчаянно конфликтовала со своим отцом-регентом: тот хотел выдать ее замуж за принца Оранского, она же решительно отказывалась. Рассорившись с Георгом, Екатерина Павловна постаралась подружиться с его единственной дочерью, которая, в отличие от отца, с удовольствием бывала в «Палтни». Именно там в середине июня великая княгиня представила Шарлотте Августе своего дальнего родственника, скорее, свойственника, генерал-лейтенанта русской кавалерии принца Леопольда Саксен-Кобург-Заальфельдского, одна из сестер которого, Антония, была замужем за братом вдовствующей императрицы Марии Федоровны, а другая, Анна, вышла за великого князя Константина Павловича. Наверное, Екатерина Павловна посмеивалась про себя, наблюдая, как развиваются в нужном направлении отношения молодых людей: только 10 июня 1814 г. ее высочество подписала брачный договор, на котором настаивал ее отец, но быстро передумала выходить за принца Оранского, а два года спустя, 2 мая 1816 г., влюбленные, преодолев все преграды, обвенчались. В самом деле может сложиться впечатление, что одной женской уловкой Екатерина Павловна решила сразу две задачи: насолила недругу и обеспечила дружественные отношения с будущей британской королевой.

Впрочем, вторая задача осталась нерешенной, хотя и не по вине Екатерины. Шарлотта Августа и Леопольд были счастливой парой, но им суждено было прожить в любви и согласии только полтора года: 6 ноября 1817 г. принцесса скончалась, произведя на свет мертворожденное дитя.

Читая газетные публикации и мемуары, касающиеся визита Александра I в Англию, трудно отделаться от ощущения, что русский царь и принц-регент относились друг к другу с предубеждением. Дело вполне могло быть в Екатерине Павловне, которую первый обожал, а второй — едва выносил. Но есть еще одна любопытная версия, в которой фигурирует совсем другая женщина.

Еще в конце XIX — начале XX в. некоторые историки (К. Ф. Валишевский, Е. С. Шумигорский и др.) высказывали уверенность в том,

что Англия была причастна к организации дворцового переворота 11–12 марта 1801 г., в результате которого был убит Павел I и возведен на престол Александр Павлович. Считается, что ее посол в Петербурге Чарльз Уитворт был связан с заговорщиками через Ольгу Жеребцову, в девичестве — Зубову, родную сестру последнего фаворита покойной императрицы Екатерины. Хотя Павел I проявлял благосклонность к Ольге, ее братья попали в опалу, а страх за их судьбу вполне мог внушить Ольге ненависть к императору. К тому же она была страстно влюблена в Уитворта. Таким образом, эта авантюристка играла немаловажную роль в подготовке переворота.

Недовольный тем, что в 1800 г. англичане захватили любезную его сердцу Мальту, Павел потребовал отозвать английского посланника и вернул из Лондона российского посла Семена Романовича Воронцова, кстати, прожившего в Англии около полувека и ставшего одним из самых ярких российских англоманов того времени. Вскоре после убийства Павла в Лондон отправилась и Жеребцова. Ее страшно огорчило известие о женитьбе Уитворта, однако она неплохо позаботилась о себе и умудрилась не только присвоить деньги, предназначенные для участников переворота, но также заставила жену Уитворта выплатить ей 10 тыс. фунтов отступных в обмен на обещание не портить ее семейную жизнь. Далее Жеребцова сблизилась с принцем Уэльским и, по слухам, стала его любовницей, и даже родила от него сына.

Если взять в расчет эту полную слухов историю, то отношения двух правителей, «первого джентльмена Европы» и «северного Сфинкса», могла испортить именно Жеребцова, знай она, что и Александр I, и британская королевская семья причастны к убийству Павла I. При таком раскладе ни царь, ни принц-регент не могли быть уверены в том, что известно о них противоположной стороне. Отсюда напряженность и непонятная надменность в поведении обаятельного Александра, отсюда — предвзятость Георга.

Еще, помнится, Лесков упоминал, что англичане «к приезду государеву выдумали разные хитрости, чтобы его чужестранностью пленить», и «стали звать государя во всякие свои цейхгаузы, оружейные и мыльно-пильные заводы, чтобы показать свое над нами во всех вещах преимущество и тем славиться».

Возможно, и были у англичан такие намерения, однако Александр и сам испытывал живейший интерес к разнообразным сторонам британской жизни. 8–9 июня он посетил Кенсингтонский сад, Вест-

минстер, Британский музей, Гайд-парк и лондонские доки, на следующий день присутствовал на скачках в Аскоте; 11 июня посетил банк, 13 июня побывал на верфи и в королевском арсенале, 16 июня — в соборе Св. Павла, а вечером — в отстроенном заново в 1812 г. театре Друри-Лейн. 22 июня, в последний день своего пребывания в Лондоне, осмотрел Тауэр и Лондонский мост. Англичане поражались плотному графику царя и пересказывали друг другу его фразу о том, что невозможно заскучать или устать, когда вокруг столько всего интересного. Однако в политическом плане этот визит был не слишком удачным.

Личная неприязнь, возникшая между царем и Георгом, развязала руки министру иностранных дел виконту Каслри, изначально придерживавшемуся тактики сдерживания России и отказавшемуся поддержать ее после вторжения Наполеона: на Венском конгрессе 1815 г. он действовал против России и заключил направленное против нее тайное соглашение с Францией и Австрией.

Однако память о визите российского государя сохранилась в топонимике Лондона: неподалеку от Гайд-парка находится улица Москоуроуд, еще в XIX в. облюбованная греками и ныне ставшая своего рода греческой слободкой.

ЖИЛ-БЫЛ ВИЛЬГЕЛЬМ IV...

Обычно к георгианской эпохе относят и царствование Вильгельма IV (1765–1837), третьего сына Георга III, сменившего на престоле своего старшего брата. Как третий сын монарха Вильгельм имел малые шансы когда-либо стать королем. Ему предстояла военноморская карьера, и в четырнадцать лет он начал службу на флоте, которому посвятил десять лет жизни. Подобно старшим братьям, Вильгельм, с 1789 г. носивший титул герцога Кларенса, не отличался твердыми моральными принципами. Он безмерно шокировал своих венценосных родителей, когда в 1790 г. сблизился с ирландской актрисой Доротеей Джордан. Их связь продолжалась более двух десятилетий, и плоды этой любви оказались весьма щедры: у герцога было десять незаконнорожденных детей.

В 1818 году Вильгельм женился на Аделаиде Саксен-Мейнингенской, следуя традиции, согласно которой короли Ганноверской династии брали в жены немецких принцесс-протестанток. Аделаида,

Вильгельм IV

о которой все дружно говорили как об очень доброй и простодушной женщине, родила Вильгельму двух дочерей, но обе девочки умерли в младенчестве. Бездетность герцога Кларенса в законном браке зачастую служила объектом иронии придворных насмешников.

Серьезные перемены в положении Вильгельма произошли в 1827 г., когда скончался его брат Фредерик Август, герцог Йоркский, второй из сыновей Георга III: шансы унаследовать корону у Кларенса резко возросли — он стал вторым и, в силу бездетности старшего брата Георга, самым вероятным из всех потенциальных наследников престола.

Вильгельм IV стал королем, когда ему было шестьдесят четыре года. Это был высокий, статный старик со следами бурно прожитой молодости на лице. Как и королева Аделаида, он был очень добр, свято верил, что обязан печься о благе нации, но он был малопригоден к государственной деятельности, а потому быстро стал объектом сатиры памфлетистов и сочинителей эпиграмм. Его называли королем-моряком, считали недалеким, простоватым. Его манеры не отлича-

лись изысканностью, он не умел и не хотел хорошо одеваться и даже не любил роскоши, которой так умело окружал себя его старший брат.

Семилетнее царствование — много это или мало? За отпущенный ему судьбой срок Вильгельм ничем особенным себя не проявил. В период его пребывания на престоле был принят новый закон о выборах в парламент, фабричный закон и закон об отмене рабства в Британской империи. В его царствование начали писать Чарлз Диккенс и Уильям Мейкпис Теккерея. Впрочем, все это не имеет прямого отношения к Вильгельму. Из всех дел этого короля наиболее памятна реформа управления флотом, проведенная в 1832 г.

Руководство флотом переходило от лорда главного адмирала к совету Адмиралтейства, состоявшему из шести лордов: первый лорд Адмиралтейства обязательно входил в состав правительства на правах министра, четыре человека — «морские лорды» — были офицерами военно-морского флота, а шестой член — гражданским чиновником. Адмиралтейство как отдельное министерство просуществовало до 1961 г., после чего вошло в состав министерства обороны Великобритании.

Так, Вильгельм IV, не сумевший совершить ничего выдающегося, остался в истории Великобритании прежде всего королем-предшественником Виктории, одной из самых великих королев в истории человечества.

ВИКТОРИАНСКАЯ ЭПОХА

КОРОЛЕВА ВИКТОРИЯ

Александрина Виктория (1819–1901), единственная дочь Эдуарда, герцога Кентского, четвертого сына Георга III, и Марии Луизы Виктории Саксен-Кобург-Заальфельдской, стала королевой 20 июня 1837 г. Она была последней представительницей Ганноверской династии на престоле, но саму корону Ганновера при этом потеряла: по законам этого государства женщина не могла наследовать престол, который перешел к старшему дяде Виктории Эрнесту Августу. Однако и после утраты связывавшей их личной унии Ганновер и Британия сохранили дружественные отношения.

Принцесса Виктория родилась 24 мая 1819 г. в лондонском Кенсингтонском дворце. Свое первое, менее известное имя она получила в честь российского императора Александра I, а второе, под которым она вошла в историю, было дано ей и в честь недавней победы над Наполеоном, и в честь матери. Рано лишившаяся отца, будущая королева воспитывалась под ее неусыпным контролем: вдовствующая герцогиня Кентская прекрасно понимала, что, если Вильгельм IV умрет до того, как Виктория станет достаточно взрослой, она сама может оказаться регентом Соединенного Королевства. Будучи женщиной амбициозной, герцогиня Кентская держала дочь в ежовых рукавицах, полагая, что даже в том случае, если Виктории не понадобится регент, авторитет матери останется для нее непрекращаемым.

Однако надеждам герцогини править страной руками дочери суждено было улетучиться в первые же дни воцарения Виктории: девушка прекрасно отдавала себе отчет в том, что такое королевская власть, и не желала делиться своими прерогативами даже с родной матерью. Виктория обладала еще более сильным характером, чем герцогиня, и с самого начала своего правления резко поставила мать на место. Уязвленная Мария Луиза Виктория смогла бы перенести удар, если бы он был нанесен только по ее тщеславию, однако граничившая с жестокостью черствость дочери буквально уничтожила эту прежде такую гордую и властную женщину. Лишь много лет спустя, в основном благодаря посредничеству мужа Виктории принца Альберта (1819–1861), относившегося к теще и одновременно тетушке с неизменным уважением, матери и дочери удалось преодолеть разверзшуюся между ними пропасть, а смерть старенькой герцогини в один год с Альбертом вызвала у железной Виктории настоящую бурю раскаяния.

Среди надеявшихся оказывать влияние на юную королеву была не только ее мать. На роль конфидентки Виктории претендовала ее бывшая гувернантка баронесса Лецен. Эта хитрая женщина в свое время постаралась настроить воспитанницу против матери. Стремясь усилить свое влияние на королеву, Луиза Лецен попробовала восстановить ее и против принца Альберта. Однако на сей раз происки старой интриганки стоили ей придворной карьеры; Виктория была столь нежной и любящей супругой, что не потерпела никаких критических намеков по адресу своего избранника.

Наиболее прочной привязанностью Виктории пользовался Леопольд Кобургский, в свое время очень близкий к британской короне. Однако, поскольку его жена Шарлотта, единственная дочь Георга IV, и их новорожденное дитя умерли, Леопольду пришлось отойти в сторону. Впрочем, любовь к Британии он сохранил и был щедро вознагражден за верность: благодаря поддержке британской короны в 1830 г. он стал бельгийским королем. Как заботливый родственник он повел энергичную переписку с Викторией, тогда еще наследницей престола, и, преследуя интересы Кобургского семейства, стал архитектором брачного союза Виктории и Альберта, принца Саксен-Кобург-Готского¹.

¹ Леопольд Кобургский был дядей Виктории по материнской линии и мужем ее кузины по линии отца. Он приходился дядей и принцу Альберту.

Молодая королева Виктория

В детстве и юности Виктория казалась тихой, домашней скромницей; мать держала ее подальше от суетного света, стараясь, однако, создать дочери самую лучшую репутацию. Виктория была любимицей Вильгельма IV, но он, по сути, виделся с племянницей очень редко. Став королевой, девушка некоторое время оставалась для всех загадкой. Викторию видели, когда она совершала поездки по стране, но она никогда не выступала публично, и никто не подозревал, каким недюжинным умом обладает эта хрупкая, маленького роста — менее 150 см — девушка с большими голубыми глазами, хищным орлиным носом и непропорционально маленьким подбородком. Никто не знал, что она обладает железной волей, не надеялся, что королева, еще почти дитя, самостоятельно справится со своими обязанностями. Между тем Виктория заставила министров и парламент считаться с ее мнением, а кабинет подчинялся ей в гораздо большей степени, чем другим представителям Ганноверской династии, не слишком утруждавшим себя государственными делами.

Королева Виктория могла быть такой разной и противоречивой: властная правительница, порой суровая и даже жестокая, равно-

душная к человеческим страданиям, она была преданнейшей и заботливейшей из жен; строгая моралистка, порицавшая грехи, ненавидевшая любителей спиртного и курильщиков, она была великой чревоугодницей, отличалась отменным здоровьем и аппетитом, приводившим ее к невоздержанности за столом; поглощенная политикой и государственными проблемами, она родила девятерых детей, к которым, впрочем, не питала особой любви, а наследника престола попросту третировала; могущественнейшая из монархов своей эпохи, одна из самых богатых женщин в мире, она не придавала значения одежде и не умела хорошо одеваться; неплохо рисовавшая с натуры, совершенно не обладала художественным вкусом...

Жизнь Виктории четко делится на три периода: девичество, замужество и вдовство. Однако какая пропасть лежит между юной любительницей балов и стареющей затворницей, которой Виктория стала после смерти мужа! Неизменными чертами ее характера, пожалуй, оставались незыблемая уверенность в себе и желание заставить окружающих считаться с ее волей.

ВИКТОРИЯ И АЛЬБЕРТ

Юная королева должна была выйти замуж. Леопольд Кобургский и ее мать, урожденная принцесса Саксен-Кобург-Заальфельдская, давно решили, что ее избранником должен стать один из кузенов — Эрнест или Альберт Саксен-Кобург-Готские. Однако Виктория не слишком стремилась к утрате свободы и оттягивала визит братьев в Англию. И решилась на встречу с ними лишь тогда, когда получила вежливое, но твердое письмо от младшего кузена Альберта, где он давал понять, что ему надоело унижение постоянными отсрочками, и он перестанет претендовать на ее руку, если она не позволит ему и брату тотчас же приехать в Лондон.

Историческая встреча состоялась в 1839 г. в Виндзоре, во время торжеств в честь двадцатилетия королевы². Братья из Кобурга мало походили друг на друга: Эрнест был очень живым и общительным,

² На этом празднике Россию представлял цесаревич Александр Николаевич, будущий Александр II. Существует легенда о том, что они с Викторией понравились друг другу, но окружение обоих молодых людей сделало все, чтобы не допустить их сближения.

Альберт, напротив, немногословным и замкнутым. Зато он обладал великолепными внешними данными: безупречной фигурой и словно изваянным из мрамора лицом с безукоризненно правильными чертами. Зная, что лишь один из них может стать супругом королевы великой страны, братья не чувствовали себя соперниками. Ни одному из них не хотелось покидать милую Германию, но в привитых им понятиях долг стоял на первом месте и велел им сочетаться браком с Викторией для вящего процветания Кобургского дома.

В своем дневнике Виктория охарактеризовала принца Эрнеста как «милого и дружелюбного». Для Альберта нашлось только одно слово — «прекрасен». Похоже, что она влюбилась в младшего кузена с первого взгляда. Существует поэтическая легенда о том, что принц Альберт пленил сердце Виктории, когда она подарила ему розу, украшавшую корсаж ее платья, а он, не найдя на своем фраке петлицы, куда бы можно было вставить цветок, не задумываясь разрезал материю перочинным ножом и поместил розу как раз против сердца. Эта эффектная сцена произошла на балу, и непонятно только одно: каким образом в такой обстановке у принца оказался перочинный нож?

Как бы то ни было, юная королева ясно дала понять, что предпочитает Альберта. Он так разительно отличался от тех молодых людей, которые появлялись при дворе, и был очень умен — когда принц говорил, его внимательно слушали, понимая, что он скажет нечто дельное. Между тем окружение Виктории интересовали лишь ее чувства, и никто не понял, что за сдержанным поведением жениха королевы скрывается нечто большее, чем природная скромность и почтительность. Альберт отнюдь не был влюблен в Викторию и готовился принести себя в жертву политике, вступив в брак без взаимной любви. Страсть Виктории пугала его, потому что оставалась без ответа. Однако 14 октября 1839 г. все разрешилось. Виктория, как занимавшая более высокое положение, сделала предложение своему избраннику, и Альберту оставалось только поцеловать руку будущей супруги.

Перед свадьбой Альберт ненадолго отбыл в Кобург, где его настигли полные любви послания невесты, а в Лондоне Виктория начала воевать за статус Альберта в табели о рангах Британской империи. После того как королева выступила в парламенте, объявив о своем намерении выйти замуж, премьер-министр Уильям Лэм, виконт Мельбурн (1779–1848) внес законопроект, по которому предполагалось ежегодно выделять 50 тыс. фунтов на содержание королевского супруга — столько, сколько выплачивали самой королеве. Этот

Принц Альберт

билль вызвал резкие возражения. Англичане могли сколь угодно умиляться предстоящему замужеству их королевы, но не желали платить за эту радость из государственных средств. Даже наиболее сдержанные политики выражали недоумение по поводу запрошенной для Альберта субсидии: прежде чем выплачивать мужу королевы такое содержание, нужно, чтобы он доказал, что может быть полезен государству и в других отношениях. В газетах этого периода было опубликовано множество пасквилей, оскорбительных для Альберта карикатур, изображавших его никчемным женихом-бесприданником, зарящимся на британскую казну. Стоило одному из депутатов парламента намекнуть, что никому не известно ничего определенного о принадлежности Альберта к той или иной религиозной конфессии, как поднялась истерическая волна возмущений по поводу мнимого папизма королевского жениха. Недовольство по этому поводу выражали даже духовные пэры Соединенного Королевства, заседавшие в палате лордов.

Весьма обеспокоенными казались и королевские дядюшки. Они опасались, что с замужеством Виктории первым в линии престолонаследников окажется Альберт, а ведь вполне могло случиться, что миниатюрная Виктория погибнет при рождении ребенка, как это произошло с ее несчастной кузиной Шарлоттой... Учитывая все выпады противников «немецкого» брака королевы, Виктория вынуждена была пойти на компромисс: признать первенство братьев отца в качестве потенциальных наследников, а также согласиться на почти вдвое урезанную сумму субсидий для принца-консорта — парламент выделил ему 30 тыс. фунтов в год.

Королевская свадьба состоялась в феврале 1840 г. Она могла быть и более пышной, но Виктория предпочла, чтобы венчание происходило не в Вестминстерском аббатстве, а в домашней церкви Сент-Джеймского дворца. Некрасивая Виктория выглядела почти хорошенькой в белом атласном платье с широким кринолином, придававшим величие ее фигурке. Платье было отделано оборками из тончайших кружев. Прическу невесты украшали два белых страусовых пера и алмазная тиара, к которой крепилась тонкая, как паутинка, фата. Альберт был очень красив и импозантен, впервые представ перед публикой в полной форме английского фельдмаршала. Его мундир был расшит золотыми позументами, грудь украшала орденская лента и звезда ордена Подвязки. После свадебного банкета в Букингемском дворце молодожены отправились в Виндзор. Их медовому месяцу предстояло продлиться всего две недели, но наедине им удалось побыть лишь в течение трех дней, после чего в Виндзоре к ним присоединился весь двор.

Принц Альберт был человеком долга. Женившись без любви, он старался ничем не огорчать жену-королеву, а та была слишком самоуверенна, чтобы заподозрить истину о чувствах супруга. И все же первые месяцы их совместной жизни не стали безоблачными. Альберт ждал, что его пригласят заняться государственными делами, стремился оказаться полезным в своей новой жизни. Виктория же обращалась с ним как с игрушкой, даже личный секретарь Джордж Ансон был подобран принцу женой. Такая опека раздражала Альберта, хотя впоследствии он не мог не признать, что выбор Виктории оказался весьма удачным. Очень мешала Альберту баронесса Лецен, из ревности подговаривавшая королеву держать мужа подальше от настоящих дел. Однако друзьям Альберта удалось переиграть интриганку, и в 1841 г. Лецен отправили на заслуженный отдых — фактиче-

Вестминстер

ски отлучили от двора, после чего Виктория сделала все, чтобы включить мужа в государственную и общественную деятельность. Привязанность королевы к Альберту еще больше возросла после того, как в 1840 г., когда она уже ждала первенца, на нее было совершено покушение, а муж прикрыл ее собой от пули террориста.

Политическая карьера Альберта в Британии началась с вступления в «Общество борьбы за отмену рабства и цивилизацию Африки» — он стал его президентом. К концу 1841 г. Виктория уже доверяла мужу во всем, они даже делили общий рабочий кабинет, где бок о бок работали с государственными бумагами.

21 ноября 1840 г. Виктория родила своего первого ребенка — Викторию Аделаиду Марию Луизу. Эта девочка, которую в семье называли Пуси, а позднее — Вики, впоследствии вышла замуж за прусского кронпринца Фридриха и стала матерью кайзера Вильгельма II. Маленькая Виктория всегда оставалась любимицей родителей, которые ровно относились к другим своим семерым отпрыскам — Альфреду, Артуру, Леопольду, Алисе, Елене, Луизе и Беатрисе — и дружно питали антипатию к старшему сыну, принцу Уэльскому Альберту Эдуарду, появившемуся на свет 9 ноября 1841 г³.

Альберт не любил шумный, многолюдный Лондон. Он гораздо лучше чувствовал себя в Виндзорском замке, где имел возможность предаваться своему любимому занятию — разбивке и перепланировке садов и парков. Вслед за мужем королева также увлеклась ботаникой. И вскоре весь двор принялся с энтузиазмом заучивать названия всевозможных растений. Принц отучил жену от шумных развлечений. Супруги рано ложились спать, хотя прежде не ведавшая усталости королева была готова веселиться ночь напролет, доводя до полного изнеможения менее выносливых или более старших царедворцев. Жизнь двора стала скучной и благопристойной, еще скучнее и благопристойнее, чем во времена Георга III. Королевская чета превратилась в символ блаженства брака. Под влиянием Альберта королева стала одеваться очень просто, как женщина среднего класса, и почти не носила драгоценностей — однако на безымянном пальце ее левой руки всегда было обручальное кольцо, а на запястье — браслет с портретом мужа.

Виктория никогда не испытывала мук ревности, ибо Альберт являл собой образец супружеской верности. Она могла позволить себе дружбу даже с первой красавицей Европы французской императрицей Евгенией, искренне восхищаясь ею и не опасаясь, что сама померкнет в блеске ее ослепительной красоты. После отречения Наполеона III бывшие император и императрица Франции нашли прибежище в Англии.

Альберт не любил чопорную английскую аристократию, простонародье — особенно по контрасту с чистеньким, благопристойным населением Кобурга — казалось ему буйным, неопрятным, погрязшим в пороках. Зато у английского среднего класса присутствовала серьез-

³ Всех сыновей Виктория называла в честь их отца: Альберт Эдуард, Альфред Эрнест Альберт, Артур Уильям Патрик Альберт, Леопольд Джордж Дункан Альберт (был болен гемофилией, умер в 1884 г. в возрасте тридцати лет от кровоизлияния). Кроме старшей Виктории, еще две дочери, Елена Августа Виктория и Беатриса Мария Виктория Феодора, носили имя матери.

ность, трезвость и набожность, те качества, которые особенно нравились принцу-консарту. Он симпатизировал вигам как выразителям интересов среднего класса, но научил королеву, испытывавшую изначально симпатию к вигам, относиться с уважением и к представителям партии тори.

Виктория и Альберт личным примером способствовали созданию характерного для викторианской Англии культа семьи. Королевская чета жила просто, тяготела к основательности, осуждала нескромность. Каждое воскресенье супруги посещали церковь. Плодовитая Виктория служила символом главного предназначения женщины. Принц-консорт, хотя и добился уважения со стороны британцев, по-прежнему оставался для них иностранцем, но они не могли не признать его личных достоинств. Он был образцовым семьянином, а то, что Виктория, занимавшая более высокое положение, полностью подчинялась супругу, казалось им единственно правильным стилем женского поведения. Тихая, домашняя атмосфера царила в построенных Викторией и Альбертом новых королевских резиденциях Осборн-хаус (1846) на острове Уайт и замке Балморал (1852), который с первых дней существования служит официальной резиденцией британских монархов в Шотландии и знаменит тем, что в убранстве его интерьеров использован желто-черный «королевский» тартан.

Интерьеры новых королевских резиденций демонстрировали основные тенденции викторианской моды: все должно быть прочным, солидным и благопристойным. Ножки стульев и кресел стали выгнутыми и массивными, в отделке диванов появилась бахрома. В домах королевы и принца почти не нашлось места для изящных, хрупких безделушек, характерных для дворцового убранства минувших эпох, а на смену им пришли комнатные цветы — совсем как в Германии. Известно, что принц Альберт не любил картин Гейнсборо и распорядился заменить их полотнами немецкого живописца Франца Ксавера Винтерхальтера (1805–1873), мастера парадного портрета, ставившего перед собой задачу придать своим моделям внешний блеск. Обладая отменной техникой, этот живописец был начисто лишен дара передавать человеческую индивидуальность, духовный мир своих моделей.

Несмотря на большую занятость, королевская чета могла позволить себе даже заграничные путешествия. Супруги побывали на родине принца Альберта, гостили во Франции и Пруссии.

Семейная идиллия Виктории и Альберта оборвалась внезапно и трагически. С 1859 г., после замужества и отъезда в Германию лю-

бимой старшей дочери, Альберт резко постарел. В 1861 г. он часто испытывал недомогания и поэтому не слишком серьезно отнесся к появившимся у него сильным болям, приписывая их простуде, столь естественной в конце холодного, дождливого ноября. Придворный врач не сумел вовремя поставить правильный диагноз, и принц, заболевший брюшным тифом, не получил своевременного лечения. Болезнь оказалась смертельной, и Альберт скончался в Виндзорском замке на руках у преданно ухаживавшей за ним Виктории.

На следующий день после смерти мужа дрожащая рука Виктории вывела в дневнике кричащую непреодолимой душевной мукой фразу: «Без пятнадцати одиннадцать прошлой ночью умер мой обожаемый Альберт. Сердце мое разбито». Виктория не преувеличивала. Погруженная в глубокий траур, она заперлась в Виндзорском замке, где так счастливо началось и так драматично оборвалось ее супружество. Королева стала неутешной «виндзорской вдовой». Потеряв, казалось, интерес к жизни, она все же позаботилась о том, чтобы имя Альберта было увековечено самым достойным образом. В 1873 г. в Лондоне был открыт висячий мост Альберта через Темзу, в 1876 — завершено строительство 55-метрового памятника принцу-консорту. В память Альберта назван огромный концертный зал в Лондоне, вмещающий 8 тыс. зрителей, открывшийся в 1871 г. С 1866 г. за спасение жизни на земле или на водах британские солдаты награждаются медалью Альберта. С именем принца Альберта неразрывно ассоциируется и его детище — военный колледж в Сандхерсте, на базе которого в 1946 г. открылось современное училище сухопутных войск.

БОРЬБА ЗА ЛУЧШУЮ ЖИЗНЬ. ОТ ЛУДДИТОВ ДО ЧАРТИСТОВ

Промышленный переворот и войны конца XVIII — начала XIX в. породили в Англии новые социальные проблемы. В начале нового столетия стало очевидно, что механизация производства ведет к сокращению потребности в живой рабочей силе. Врагами рабочих оказались машины, и именно машины стали объектом мести людей. У истоков движения разрушителей станков стоит полулегендарная фигура рабочего паренька из Лестершира Неда Лудда, который в 1799 г. испортил несколько машин. По имени Лудда разрушители промышленного оборудования стали именоваться луддитами.

Движение луддитов приняло особый размах в 1811–1812 годы на текстильных фабриках графств Ноттингемшир, Дербишир, Йоркшир и Лестершир. Владельцы промышленных предприятий терпели огромные убытки. Бывали случаи, когда, пытаясь предотвратить гибель станков, фабриканты и их управляющие сами становились жертвами озверевшей толпы. Желая обезопасить себя и свое имущество, промышленники обратились в парламент с просьбой принять закон, предусматривающий самые серьезные наказания для луддитов, вплоть до смертной казни⁴. В результате в 1813 г. в Йоркшире было казнено семнадцать участников луддитских беспорядков.

По окончании войны с наполеоновской Францией проблема занятости населения приобрела еще более острую форму: вернувшись к мирной жизни бывшие солдаты нуждались в рабочих местах, и без того дефицитных. К тому же Британия переживала кризис перепроизводства — послевоенная Европа оскудела настолько, что перестала быть рынком сбыта для произведенных в «мастерской мира» товаров. У Британии, правда, оставалась возможность вести торговлю с Вест-Индией и странами Востока, но эти рынки могли поглотить лишь весьма ограниченный спектр продукции. Вывоз товаров из страны сократился, цены на них упали. Например, стоимость тонны чугуна уменьшилась в 2,5 раза, с 20 до 8 фунтов стерлингов. В этих условиях дальнейшее производство становилось убыточным. Предприятия закрывались, а тысячи рабочих оказывались выброшенными на улицу без средств к существованию.

Тем более острой стала реакция народа на принятие в 1815 г. так называемых хлебных законов, в соответствии с которыми, дабы не ущемлять интересы британских землевладельцев, запрещалось ввозить в Великобританию более дешевое зерно из других стран. Гнев бедноты вылился в серию хлебных бунтов, прокатившихся по стране в 1816 г. Дороговизной хлеба объяснялось его практически полное отсутствие в рационе низшего сословия: основу питания составляли овес и горох, из которых варили густые супы-похлебки.

⁴ Молодой Байрон стал участвовать в заседаниях палаты лордов в разгар дебатов по поводу закона против луддитов. В сатирической «Оде авторам билля против разрушителей станков» (1812) поэт выразил свое осуждение жестокости по отношению к доведенным до отчаяния людям.

ки. Позднее народ так же решительно продолжал добиваться отмены хлебных законов, как в свое время протестовал против их принятия.

16 августа 1819 г. в Манчестере состоялся крупный митинг, в котором приняли участие от 60 до 80 тыс. человек. Ораторы требовали отмены хлебных законов и парламентской реформы с тем, чтобы в законодательном органе власти были представлены и наиболее демократические, плебейские слои общества. Во время митинга один из ораторов был арестован внезапно нагрянувшим отрядом конных гвардейцев, которые затем врзались в безоружную толпу, нанося сабельные удары направо и налево. Жертвами убийц в военной форме стали одиннадцать мирных жителей, около 600 человек (примерно четверть из них составляли женщины) получили ранения. По названию места проведения митинга — на Питерсфилде — и по аналогии с Ватерлоо, поскольку разгоняли толпы митинговавших и те, кто участвовал в этой исторической битве, кровавая бойня получила название Питерлоо. После Питерлоо правительство тори графа Ливерпульского санкционировало гонения на тех, кто отваживался открыто высказывать радикальные взгляды, и многие поборники общественных реформ были вынуждены отправиться в эмиграцию. В то же время партия вигов приняла решение поддержать требование проведения парламентской реформы, чем снискала себе широкую народную поддержку.

Однако агитировать за парламентскую реформу было непросто. В ноябре 1819 г. парламент принял серию ограничительных законов, известных как «Шесть постановлений», по которым власти на местах получили право разгонять собрания, если на них сошлось более пятидесяти человек, а также обыскивать частные дома по подозрению хозяев в хранении оружия. Запрещались уличные шествия с транспарантами и знаменами, издатели должны были нести ответственность за публикуемые материалы вплоть до тюремного заключения или высылки в каторжные колонии. Были также введены налоги на издание газет и брошюр, чтобы сделать радикальные издания недоступными для большинства нации. Эти драконовские законы, равно как и постепенное оживление промышленности в 1820-е годы, способствовали относительному затуханию социальных протестов, но, когда в 1830-е годы в Британии разразился новый экономический кризис, требования о проведении парламентской реформы зазвучали с новой силой.

Наконец 7 июня 1832 г. парламент одобрил билль о реформе, который с этого момента стал законом государства. За счет снижения имущественного ценза избирательными правами стали пользоваться в три раза больше британских мужчин — 670 тыс. человек (до реформы избирательным правом обладали только 220 тыс. британцев). Кроме того, было упразднено 55 «гнилых местечек», еще 30 получили право выдвигать в парламент только одного депутата. Одновременно в Лондоне и других крупных промышленных городах страны было создано 42 новых избирательных округа, а графства получили возможность дополнительно посылать в парламент еще 65 депутатов. Итак, реформа 1832 г. дала избирательное право 670 тыс. человек из 14 млн населения страны. Не представленными в палате общин остались беднейшие слои, и прежде всего промышленный пролетариат.

Вскоре на политической арене Великобритании появилось новое общественное движение, направленное на дальнейшее углубление парламентской реформы, — чартизм. Название этого движения происходит от слова *charter* — «хартия, грамота, петиция».

Главным идеологом чартистов, представлявших свои просьбы в парламент в виде хартий в 1839, 1842 и 1848 г., был Уильям Ловетт (1800–1877). Основные требования чартистов заключались в предоставлении избирательного права всем мужчинам, достигшим совершеннолетия, введении ежегодных всеобщих выборов и тайного голосования. Чартисты стремились к тому, чтобы избирательные округа были равными по числу выборщиков, требовали отмены закона, по которому депутатом парламента мог стать только владелец частной собственности, а также предлагали выплачивать депутатам палаты общин жалованье, чтобы неимущие, вошедшие в состав парламента, могли заниматься политикой, не думая о хлебе насущном.

Предназначенные парламенту петиции были подписаны миллионами людей, принадлежавших к самым разным сословиям, — от королевы до последнего нищего. Хартию 1839 г. подписали около 250 тыс. человек, под хартией 1842 г. стояло уже 3 млн подписей, почти столько же чартистов подписало документ 1848 г., но, поскольку правительство угрожало применить силу для разгона шествия, которому надлежало доставить петицию в парламент, требования чартистов так и остались мертвой буквой. Однако со временем, в 1867 и 1884 годах, положения хартии были учтены в соответствующих поправках к закону о выборах.

ВВЕДЕНИЕ И ГУМАНИЗАЦИЯ ФАБРИЧНЫХ ЗАКОНОВ

Среди бедных слоев населения обычно было отдавать детей «в люди» в самом нежном возрасте. До промышленного переворота детский труд традиционно использовался на шахтах, а маленькие, худенькие мальчики становились трубочистами. Трудно сказать, какая из этих работ была более тяжелой. В шахтах дети в буквальном смысле света белого не видели, зарабатывали профессиональные шахтерские болезни, получали травмы и увечья, и мало кто из этих маленьких тружеников имел шанс дожить хотя бы до зрелого возраста. Мальчиков-трубочистов также подстерегали традиционные для их ремесла легочные заболевания, многие из них погибали от рака. Ежедневно занимаясь каторжным трудом, ползая изнутри по закопченному дыму, несчастные дети содержались при этом впроголодь, ибо упитанный ребенок не подходил для такой работы.

С появлением машинного производства детям стали предоставлять работу на фабриках — их физических сил вполне хватало, чтобы управиться с обслуживанием станка. Но по окончании рабочего дня, длившегося как минимум двенадцать часов, у бедняг едва хватало сил добрести до дома, и нередко можно было увидеть, как измученный маленький труженик устраивался на ночлег прямо на улице, засыпая, что называется, на ходу. Сну не мешали ни сырость, ни стужа. Понятно, что последствия таких ночевок сказывались на здоровье маленьких рабочих, а о больничных листах в те годы даже не мечтали: кто не работает, тот не ест.

Зачастую дети трудились по шестнадцать часов в день наравне со взрослыми. Первый закон о сокращении рабочего дня до двенадцати часов для приютских детей был принят только в 1802 г., а в 1819 г. подобная «льгота» распространилась и на остальных занятых в промышленности малолеток (от девяти до шестнадцати лет), причем запрещалось принимать на фабрики детей моложе девяти лет. К несчастью, последнее ограничение зачастую обходили сами родители маленьких рабочих: нужда заставляла их умышленно прибавлять год-два к возрасту своих детей, чтобы те как можно раньше начинали трудиться на семью.

Однако даже двенадцатичасовой рабочий день был непомерно велик для подростков, и английские филантропы развернули кампанию за его законодательное сокращение. Среди самых горячих поборни-

ков нового фабричного законодательства следует упомянуть Ричарда Остлера (1789–1861) и Энтони Эшли Купера, графа Шефтсбери (1801–1885), возглавившего в 1832 г. движение за введение десятичасового рабочего дня. Был в Великобритании и человеколюбивый промышленник, на практике доказавший, что такое вполне возможно. По всей Европе и Америке ходили удивительные рассказы об образцовом рае для рабочих, созданном фабрикантом Робертом Оуэном (1771–1858) в городке Нью-Ланарк, расположенном неподалеку от Глазго.

Уроженец уэльского городка Ньютаун, Оуэн сам прошел непростую школу жизни. Его отец, мелкий лавочник, мог позволить сыну посещать общеобразовательную школу только до девятилетнего возраста, после чего мальчику пришлось поступить на работу. Став старше, Роберт переехал в Манчестер, где добился больших успехов, заняв должность управляющего крупной текстильной фабрикой. Судьба еще раз улыбнулась ему, позволив жениться на дочери шотландского миллионера и стать управляющим и совладельцем текстильного предприятия в Нью-Ланарке. На фабрику Оуэна не принимались дети моложе десяти лет. Даже взрослые рабочие работали здесь «всего» по десять с половиной часов в день. Оуэн позаботился и о быте трудящихся: им предоставлялись чистые, аккуратные домики, построенные владельцами фабрики. В рабочем поселке была открыта школа для детей, где учили не только читать, писать и считать, но даже танцевать. Оуэн был противником палочной дисциплины как на фабрике, так и в школе, полагая, что доброе, человеческое отношение к людям является стимулом и в труде, и в учебе. К сожалению, желающих последовать удивительному примеру Оуэна не нашлось — большинство промышленников предпочитало попросту выжимать из рабочих все силы, не тратя ни пенни на их социальные нужды.

Между тем созданная под давлением общественности королевская комиссия обратилась к парламенту с предложением еще больше сократить рабочее время для детей, и в 1833 г. был принят закон, по которому продолжительность рабочего дня для детей девяти-десяти лет на текстильных фабриках ограничивалась восемью часами, а для подростков одиннадцати-восемнадцати лет — двенадцатью часами. Категорически запрещалось принимать на работу детей моложе девяти лет — работодатель должен был требовать документального подтверждения возраста поступающего на фабрику ребенка. Фабричный закон 1833 г. не распространялся на другие отрасли промышленности, и на чугунолитейных заводах, в шахтах и на других предприятиях

все еще можно было встретить пяти-шестилетних работников. Лишь в 1847 г. был принят закон, ограничивавший продолжительность рабочего дня десятью часами для женщин и лиц, не достигших восемнадцати лет. Законодательное ограничение рабочего дня для мужчин было впервые введено только в 1908 г.: шахтер не мог работать под землей более восьми часов в день.

ВЕЛИКАЯ ВЫСТАВКА 1851 г.

В XIX в. наука в Великобритании продолжала стремительно развиваться. Исследуя связи между электричеством и магнетизмом, Майкл Фарадей (1791–1867) заложил основы физики электромагнитного поля, а Джеймс Клерк Максвелл (1831–1879) создал классическую электродинамику. К числу важнейших достижений Максвелла относятся предсказание существования электромагнитных волн и гипотеза об электромагнитной природе света. Джеймс Прескотт Джоуль (1818–1889) экспериментально обосновал закон сохранения энергии и определил механический эквивалент тепла. Предложенная Чарльзом Робертом Дарвином (1809–1882) теория эволюции органического мира совершила подлинный переворот в естествознании.

Успехи наук способствовали дальнейшему росту промышленности. Безусловным индустриальным лидером Великобритании стала в 1851 г., когда в Лондоне открылась первая всемирная выставка промышленных товаров, задуманная как проявление могущества империи, как гимн достижениям человеческого разума и мастерства. Идея проведения «Великой выставки» принадлежала принцу Альберту.

Для размещения экспонатов, доставленных из самых разных уголков земного шара, в лондонском Гайд-парке был построен гигантский павильон, метко прозванный журналистами Хрустальным дворцом и предопределивший многие черты архитектуры стиля модерн. На его постройку потребовалось более 30 тыс. листов стекла и 5 тыс. чугунных балок; длина выставочного павильона составляла 300 м. К сожалению, Хрустальный дворец не сохранился до наших дней. В 1854 г. он был разобран и перенесен в Сайденхэм, а в 1936 г. погиб во время пожара.

У идеи проведения столь масштабной выставки было огромное число противников. Высказывались мнения, что иностранные гости

Чарлз Дарвин

выставки занесут в страну «бациллу» революций, только что вихрем пронесшихся по Европе, опасались массовых беспорядков, а кликуши предрекали эпидемию чумы и другие небесные кары. Королеву предупреждали, что в случае посещения выставки ее жизнь может оказаться под угрозой: за предыдущие годы на нее было совершено два покушения, а многолюдная выставка могла стать удобным местом для третьей попытки. Виктория не прислушалась к благоразумным советам и в день открытия Великой выставки, 1 мая 1851 г., прибыла на торжественную церемонию вместе с мужем и двумя старшими детьми. Чувства королевы не поддавались описанию: она была особенно счастлива потому, что это событие стало триумфом принца Альберта. Именно он, инициатор проведения выставки, обратился к собравшимся с приветственной речью, закончившейся благодарственной молитвой. Затем хор из шестисот певчих исполнил «Аллилуйя» из оратории Генделя «Мессия», после чего присутствовавшие перешли к осмотру экспонатов.

Хрустальный дворец

Выставка поражала обилием представленных на ней замечательных вещей — стенды экспозиции протянулись на целых одиннадцать миль. Глаз радовали сокровища Востока — индийский трон из слоновой кости, лаковые миниатюры, сказочные шелка и вышивки, драгоценные камни, в том числе и знаменитый алмаз «Кох-и-Нур», изысканные кашемировые шали. Сама Великобритания была представлена не только техническими чудесами, но и произведениями искусства — англий-

ским столовым серебром, золотой посудой, бесценным расписным фарфором, а также кружевами. В центре Хрустального дворца бил хрустальный фонтан, выбрасывавший в воздух серебряные водные струи, а слух гостей выставки улаждало пение механических пичужек, сделанных с таким искусством, что и вблизи их вполне можно было принять за живых. Было здесь и множество восковых цветов, вошедших в моду и постепенно вытеснявших живые растения из жилых интерьеров. Некоторые экзотические экспонаты знакомили посетителей выставки с далекими культурами: из Канады, например, было привезено настоящее индейское каноэ из березовой коры. Из Соединенных Штатов прислали статую, которую можно было вращать вокруг вертикальной оси, крутя вмонтированную в пьедестал рукоятку. Были в экспозиции и такие хитроумные новинки, как кровать-будильник или же изготовленный мастером Роджерсом огромный складной «норфолкский» нож с семью десятками лезвий. Хотя среди экспонатов было много вещей иностранного производства, как минимум половину экспозиции занимали изделия из Британии и ее колоний.

Вечером в день открытия выставки королева Виктория написала восторженное и пространное письмо Леопольду Кобургскому. Описывая выставку и Хрустальный дворец, она сделала особый акцент на заслугах принца Альберта, явившегося ее главным организатором: «Зрелище... было таким завораживающим, грандиозным, величественным и трогательным. Всеобщее ликование, кругом только радостные лица, грандиозное здание... Благослови Господь Альберта и мою дорогую страну, которая сегодня предстала в таком величии». А вот как отозвался о Великой выставке Ф. М. Достоевский: «Да, выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тут всех этих бесчисленных людей, пришедших со всего мира в едино стадо; вы сознаете исполинскую мысль, вы чувствуете, что тут что-то уже достигнуто, что тут победа, торжество. Вы даже как будто начинаете бояться чего-то. Как бы вы ни были независимы, но вам отчего-то становится страшно. Уж не это ли, в самом деле, достигнутый идеал? — думаете вы; — не конец ли тут? не это ли уж, и в самом деле, «едино стадо». Не придется ли принять это, и в самом деле, за полную правду и занеметь окончательно? Все это так торжественно, победно и гордо, что вам начинает дух теснить. Вы смотрите на эти сотни тысяч, на эти миллионы людей, покорно текущих сюда со всего земного шара, — людей, пришедших с одной мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся в этом колоссальном дворце, и вы чувствуете,

что тут что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, в очию совершающееся».

Для большинства гостей Великой выставки она стала олицетворением достигнутого Великобританией прогресса, и действительно, период с 1848 по 1879 г. был временем максимального расцвета викторианской Англии. Именно тогда железные дороги стали главным транспортным средством, на смену парусным судам пришли пароходы. В целом транспорт стал в четыре раза быстрее и во столько же раз дешевле. В 1869 г. были отменены непопулярные хлебные законы, однако, вопреки опасениям правительства, английский рынок не был мгновенно завален импортным продовольствием: боязнь конкуренции заставила британских землевладельцев революционизировать отечественное сельское хозяйство — в нем начали применять удобрения и сельскохозяйственную технику. По аналогии с Великой промышленной выставкой в 1853 г. была проведена выставка Королевского земледельческого общества. Однако уже в середине 1870-х годов мощную конкуренцию английскому зерну и шерсти составил экспорт из США и Австралии, положивший конец сельскохозяйственному буму в Великобритании.

КАК ВЕЛИКАЯ ВЫСТАВКА ПОВЛИЯЛА НА СУДЬБЫ ЕВРОПЕЙСКИХ МОНАРХИЧЕСКИХ ДИНАСТИЙ

Большая выставка 1851 г. имела важное последствие для развития династических связей европейских монархов. Полюбоваться ею в Лондон прибыл 20-летний прусский кронпринц Фридрих Гогенцоллерн, один из самых завидных женихов Европы, к тому же лютеранин. Его ждал радушный прием при королевском дворе, а его гидом по павильону выставки весьма продуманно оказалась одиннадцатилетняя Виктория, старшая дочь королевы Виктории и принца Альберта. Как и все члены семьи, она свободно говорила по-немецки. С этого началась дружба Вики и Фридриха. В 1855 г. кронпринц сделал ей предложение, а в январе 1858 г. они поженились. Еще тридцать лет спустя, в 1888 г., Фридрих стал королем Пруссии и кайзером Германии, однако правил всего чуть более трех месяцев. Ему наследовал сын, Вильгельм II, внук британской королевы Виктории, один из ее восьми внуков по линии Виктории-младшей.

После одного немецкого брака в королевской семье следовало ожидать другого. Вторая дочь Виктории и Альберта, Алиса (Элис) в 1862 г. вышла замуж за принца Людвига Гессенского. Шестнадцать лет спустя она скончалась от дифтерии. Людвиг, уже ставший великим герцогом Гессен-Дармштадтским, вступил в новый морганатический брак, а осиротевших внучек забрала к себе королева Виктория. Ее любимицей стала вторая дочь Алисы, Элизабет, которую в семье называли Эллой. Бабушка предполагала, что Элла выйдет замуж за одного из своих кузенов, Фридриха Баденского или будущего кайзера Вильгельма II, но она предпочла брак с великим князем Сергеем Александровичем, братом императора Александра III, который приходился ей и двоюродным дядей, и четвероюродным братом. Свадьба состоялась в Петербурге в 1884 г., и на ней присутствовала младшая сестра невесты, двенадцатилетняя Аликс (Алиса). Именно тогда состоялась ее первая встреча с наследником российского престола шестнадцатилетним цесаревичем Николаем.

Когда Аликс вернулась в Лондон, королева Виктория стала подумывать о том, чтобы выдать благоразумную внучку замуж за внука своего старшего сына Эдуарда, Альберта Виктора, известного своим беспутством. Этого молодого человека подозревали во всех смертных грехах, от мужеложества до убийств; ходили даже слухи о том, что он и был знаменитым преступником Джеком-потрошителем. Один из самых громких скандалов с его участием разразился в 1889 г., сделав брак с ним невозможным для Аликс. Чтобы замять скандал, Альберта Виктора отправили в Индию (вскоре после возвращения, в 1892 г., он умер в королевском замке Сандрингем), а Аликс воспользовалась приглашением сестры и великого князя Сергея Александровича и отправилась в свое второе путешествие в Россию, во время которых началась ее романтическая дружба с цесаревичем. Впрочем, Александр III и императрица Мария Федоровна были против такого выбора наследника, не столько по политическим причинам, сколько из-за того, что один из братьев Аликс умер в трехлетнем возрасте от гемофилии, т.е. ее сыновья тоже могли быть поражены этой неизлечимой болезнью. Как известно, именно так и случилось, когда Николай, безумно влюбившись в Аликс, настоял на женитьбе на ней и когда после четырех дочерей в этом браке родился цесаревич Алексей.

Таким образом, встреча юной Виктории и Фридриха на Великой выставке имела важные последствия для крупнейших монархических династий Европы. Благодаря ей в начале XX столетия на престолах трех мощных держав оказались три близких родственника. Кайзер

Вильгельм II был двоюродным братом Аликс, ставшей супругой Николая II, и двоюродным братом британского короля Георга V, второго сына Эдуарда VII, который, в свою очередь, был женат на родной сестре русской императрицы Марии Федоровны, матери Николая II, т. е. приходился последнему кузену.

Впрочем, крепнущие родственные узы отнюдь не мешали монархам воевать друг с другом.

АНГЛОМАНИЯ И РУСОФОБИЯ

В XIX в. в России внимательно следили за жизнью Англии, во многом стараясь копировать английские манеры. Вслед за поэтом Байроном русские модники стали носить сорочки с широкими отложными воротничками, пришедшие на смену наглухо застегнутым рубашкам со стоячими воротничками. «Романтической» рубашке соответствовал и свободно повязанный галстук. Евгений Онегин был «как денди лондонский одет», а Павел Петрович Кирсанов (роман И. С. Тургенева «Отцы и дети») уже казался законченным англоманом. Особую любовь к Англии среди русских воспитывала и могучая английская литература XIX в.: почти сразу же после издания знаменитых произведений английских авторов у них на родине наши соотечественники получали возможность познакомиться с этими работами в переводах — не всегда совершенных, но в целом позволявших составить адекватное представление о достоинствах оригинала. Вслед за викторианской Англией Россия была охвачена модой на рождественские, или святочные, рассказы, — массовое увлечение ими началось с «Рождественской песни в прозе» (1843) Ч. Диккенса, и уже в 1850-е годы мало кто из уважающих себя издателей русских журналов решался выпустить декабрьский номер без подобного рассказа.

Англичане в России воспринимались как передовая, прогрессивная нация. Неизменным успехом пользовались британские товары. В богатых домах всегда можно было увидеть роскошные сервизы из английского фарфора, английское столовое серебро; великолепные английские часы также нередко дополняли убранство русских интерьеров. Многие пытались копировать присущую британцам сдержанность. Ставшее ныне традиционным демократическое рукопожатие также пришло в Россию, по-видимому, из Англии. В начале

XX в. в Англии была создана организация юных скаутов — и вскоре аналогичное детское общество возникло в пригородном Павловске, послужив моделью для всей России. По образцу скаутских дружин возникла в советское время и всесоюзная пионерская организация.

В целом в русском сознании XIX в. Британия — великая, достойная восхищения страна, где, как писал в «Левше» Н. С. Лесков, «другие правила жизни, науки и продовольствия». Однако далеко не все англичане были высокого мнения о наших соотечественниках, и, пожалуй, лишь «аглицкий полшкипер» Лескова мог сказать о русском Левше, что «у него хоть и шуба овечкина, зато душа человечкина». В середине XIX в. в Британии господствовало весьма оскорбительное для России представление о нашей стране, а собирательным образом русского народа был мужик-лапотник — темное, дикое существо, неразвитый, необразованный человек, который в принципе не способен к восприятию достижений цивилизации.

Уже в 1840-е годы в отношении английских политиков к России проступили настороженность и недоброжелательность. Российская империя воспринималась ими в этот период как крайне агрессивное государство, стремящееся поглотить своих непосредственных соседей в Европе, а также утвердиться в Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Америке, угрожая геополитическим интересам самой Британской империи. России также приписывали стремление захватить Черноморские проливы⁵ и даже Индию — так формировался образ грозного, коварного врага. Недалекое прошлое, когда Англия и Россия выступали союзницами против общего врага, Наполеона I, было забыто.

Первая вспышка русофобии в Англии относится к началу 1830-х годов, и вызвана она была выходом России к Черноморским проливам (1833). Николай I, зная о реакции Лондона, пошел на значительные уступки, пообещав не ратифицировать заключенный в 1833 г. русско-турецкий Ункяр-Искелесийский договор, русское правительство предоставило Британии большие льготы в ведении торговых операций на территории империи. Наконец, 1 июня 1844 г. царь лично прибыл в Великобританию. Визит не был надлежащим образом подготовлен, словно Николай I хотел застать англичан врасплох. Подобная не-

⁵ Послепетровская Россия рассматривалась Британией как серьезная помеха в ее борьбе за господство в Европе. В силу этого цель политики Англии заключалась в препятствовании утверждению России на Балтийском и Черном морях.

ожиданность обеспечивала царю большую безопасность, поскольку после 1830 г.⁶ в Англии нашли приют множество поляков, питавших лютую ненависть к российской короне и способных совершить покушение на жизнь самодержца.

Николай I прибыл в Англию инкогнито, под именем графа Орлова, и остановился в здании русского посольства. Для него были приготовлены роскошные покои, но царь, ведший спартанский образ жизни, приказал устроить ему постель на кожаном тюфяке с соломой, который он повсюду возил за собой. Даже тогда, когда королева Виктория и принц Альберт уговорили «инкогнито» из Петербурга перебраться в Виндзорский замок, Николай не изменил тюфячку.

Мало для кого было секретом, что русский царь прибыл в британскую столицу. Его видели, когда он посетил зоологический сад; бурно обсуждался и заказ, сделанный Николаем ювелирам с лондонской Бонд-стрит: царь намеревался получить драгоценностей сразу на 5 тыс. фунтов стерлингов! Подлинный фурор произвел и костюм «графа Орлова», точнее, его белоснежные кавалергардские лосины. Царь держался открыто, дружелюбно, но в день, когда он посетил традиционные скачки в Аскоте, в Холборне состоялась оскорбительная антирусская демонстрация.

Виктория, сперва сильно настроенная против русского императора, не могла не признать его воспитанность и любезность. В письме Леопольду Кобургскому она отмечала, что Николай — «на редкость замечательный человек. Он все еще сохраняет привлекательность. Его профиль красив. Манеры в высшей степени достойны и изящны... он весь — воплощенное внимание и вежливость... Это человек, с которым очень просто установить контакт и поддерживать общение».

Царь предполагал, что британское правительство согласится проводить политику, в равной мере устраивающую обе страны, но он заблуждался. Его дипломатические усилия не увенчались успехом, и вскоре после отбытия Николая из Англии о нем заговорили как о новом Атилле, а русских начали сравнивать с безжалостными гуннами, стремящимися завоевать весь мир. К началу 1850-х годов русофобия вновь захлестнула Англию и подтолкнула ее к войне с Россией.

⁶ В 1830–1831 годы русские войска подавили национальное восстание в Польше.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1854–1856 ГОДОВ

В 1852 г. в Иерусалиме вспыхнул конфликт между католическими и православными священнослужителями, не поделившими между собой право обладания величайшими христианскими реликвиями святого города. Иерусалим в то время входил в состав турецкой Османской империи. Николай I решил воспользоваться сложившейся ситуацией для укрепления влияния России на Ближнем Востоке. Россия объявила себя защитницей всех православных подданных турецкого султана и под этим предлогом в июле 1853 г. ввела свои войска в дунайские княжества Молдавию и Валахию, находившиеся тогда под властью Турции. Это послужило поводом к войне, объявленной Турцией России 16 октября 1853 г. Англия и Франция послали свои корабли на помощь турецкому султану. В январе 1854 г. объединенный флот западных держав вошел в Черное море, угрожая южным рубежам России. В результате этого провокационного маневра 21 февраля 1854 г. Россия была вынуждена объявить войну Англии и Франции. На стороне Турции и ее союзников выступило также маленькое королевство Сардиния.

Причины, побудившие врагов России начать войну, были самые разные. Турция не желала утрачивать свое влияние и земли — русские не остановились бы перед тем, чтобы при удачном стечении обстоятельств захватить Константинополь-Царьград; англичане хотели предотвратить экспансию Российской империи; Наполеон III вверг свою страну в конфликт, желая укрепиться на престоле и прослыть достойным племянником своего великого дяди — Наполеона I; крохотная Сардиния ввязалась в Крымскую войну только для того, чтобы показать миру, что у нее имеется собственная боеспособная армия. Мудрый советчик и министр сардинского короля Карла Альберта граф Кавур одновременно надеялся на поддержку союзников в будущем, когда сбудутся его планы сделать своего повелителя королем объединенной Италии. Кавур, кстати, добился цели — в 1861 г. сын воевавшего с Россией короля Виктор Эммануил был провозглашен итальянским королем, а в 1870 г. окончательно закрепил за собой этот титул.

Основные военные действия велись в Крыму, но война шла также и на Дунае, в Добрудже, на Черном, Белом и Балтийском морях и даже на далекой Камчатке. Противники России обладали бесспорным ма-

Крымская война. Осада Севастополя

териальным и техническим перевесом, но русская армия, как всегда, мужественно противостояла грозному неприятелю.

Промышленная революция усилила британский военно-морской флот, британское стрелковое оружие и пушки стали более совершенными. Однако главным недостатком британской военной машины была слабость руководства. Генералы в большинстве своем в последний раз участвовали в военных действиях еще под командованием герцога Веллингтона, командные должности были отданы аристократам.

Первое сражение Крымской войны разыгралось 20 сентября 1854 г. на реке Альма. Победа досталась наступающим: русские понесли огромные потери — около 6 тыс. убитыми и ранеными. Теперь был открыт путь к главной твердыне крымской земли — Севастополю. Уже в октябре город оказался в осаде, которую обеспечивали 50 тыс. британских и французских солдат. Однако мощные оборонительные сооружения и мужество защитников позволили городу-крепости продержаться в кольце долгих 349 дней и ночей. Если

бы не отсутствие подкрепления и боеприпасов, севастопольские герои смогли бы обороняться неограниченное время — крепость была практически неприступна. Однако сражаться голыми руками не было возможности, и в августе 1855 г. русское командование отдало приказ об эвакуации армии из осажденного города на кораблях Черноморского флота. Оставшиеся в гавани корабли были затоплены.

В самом начале осады Севастополя, 25 октября 1854 г., русские предприняли яростную атаку на занятую противником Балаклаву. Маневр имел отвлекающий характер и преследовал цель облегчить положение севастопольцев. В этом сражении не было победителей и побежденных, но оно наглядно продемонстрировало беспомощность британского командования: главнокомандующий британской армией Фицрой Джеймс Генри Сомерсет, лорд Раглан (1788–1855), и командующий кавалерией Джордж Чарльз Бингэм, граф Лукан (1800–1888), действовали несогласованно. Лукан неправильно понял приказ⁷ и подвел свою легкую конницу прямо под русские пушки, что окончилось гибелью как минимум третьей части ее личного состава. Страшными потерями закончилась и битва за Инкерман (5 ноября 1854 г.): потери русской армии составили 12 тыс., а союзников — 3,5 тыс. человек.

В начале Крымской войны Британия пребывала в состоянии эйфории. Известие об объявлении войны вызвало бурю ликования: на улицах Лондона буквально плясали от радости. Сама королева Виктория решила провожать полки в порту отплытия и, стоя на борту флагмана «Виктория и Альберт», наблюдала, как ее флот отправляется в Черное море. Однако в настроениях британцев довольно быстро наступил перелом. В Англию начали поступать ужасные сведения о потерях в Крыму. Солдаты гибли не только от русских пуль, но также от зимних стуж и летнего зноя. В базовом лагере в Скутари⁸ отсутствовали элементарные удобства, свирепствовала холера. Рассказывали о нехватке оружия и боеприпасов, о стычках между ко-

⁷ Приказ о наступлении на неприятеля, записанный генерал-квартирмейстером Эйри, требовал, чтобы атака бригады легкой кавалерии началась «немедленно» (immediate). Впоследствии распространилась версия о том, что на самом деле военачальник просил действовать «по возможности» немедленно, но служака Лукан это не так понял и бросился исполнять приказ без учета реальной ситуации.

⁸ Ныне — район Стамбула Ускюдар.

мандирами, о дезертирстве, об отсутствии помощи раненым. Если в душах одних подобные слухи сеяли панику, то другие исполнялись решимостью помочь армии.

Особую страницу в историю Крымской войны внесла Флоренс Найтингейл (1820–1910). Дочь состоятельных родителей, она отказалась от личной жизни, посвятив себя уходу за страждущими. С 1851 г. она работала сестрой милосердия в одной из лондонских больниц и так хорошо зарекомендовала себя, что ее попросили отправиться в Скутари, чтобы надлежащим образом организовать уход за ранеными. Она лично отобрала тридцать восемь помощниц, и в 1854 г. они уже были в Крыму. Под их опекой находилось порой до 5 тыс. раненых и больных. Сестры милосердия работали без устали по восемнадцать-двадцать часов в сутки. Сама Флоренс ежедневно совершала обход всех палат, получив у солдат прозвище «Леди с лампой» и «Маленький Ангел Крыма».

Англичане собрали около 45 тыс. фунтов стерлингов на нужды Флоренс Найтингейл, предоставив ей право распоряжаться ими по своему усмотрению. В 1860 г. героиня Крымской войны основала школу медицинских сестер при лондонском госпитале Св. Фомы. В 1901 г. Найтингейл ослепла, но по-прежнему продолжала трудиться. За три года до смерти, в 1907 г., король Эдуард VII наградил ее орденом «За заслуги», который был утвержден им в 1902 г.; по положению об этой награде, число награжденных не должно превышать 24 человек, как и число кавалеров высшего британского ордена — ордена Подвязки.

О Найтингейл и ее помощницах с восторгом писали газеты, Флоренс стала национальной героиней. Королева Виктория в знак признательности послала ей в Крым маленькую брошь и благодарственное письмо. Виктория также посещала раненых в английских госпиталях, однако помещения и больных специально готовили к ее визитам, и королева не могла представить себе, что где-то положение может быть иным.

Более скромным, но от этого не менее ценным представляется гражданский порыв Алексиса Бенуа Сойера, одного из лучших кулинарув викторианской эпохи и автор книг, которые до сих пор издаются и вызывают неподдельный интерес⁹. В 1837–1850 годы он

⁹ Его самым известным трудом являются «Таинства кулинарии. Гастрономическое великолепие античного мира» (1853).

Флоренс Найтингейл

прославился как шеф-повар лондонского «Реформ-клуба», в котором оборудовал суперсовременную кухню, а в военное время создал полевую кухню собственной конструкции, причем настолько удачной, что в армии пользовались ею до 1982 г.

Британские журналисты, работавшие на театре военных действий, открыли новый жанр — фоторепортаж. Наиболее известными фоторепортерами, позволившими британцам своими глазами увидеть войну, стали работавшие при ставке Джеймс Робертсон (1813–1888) и Роджер Фентон (1819–1869). По крайней мере, их снимки дошли до нашего времени и стали настоящим окном в прошлое.

Изнурительная война завершилась подписанием Парижского мирного договора 1856 г., по которому Россия уступала Турции южную часть Бессарабии, а также отказывалась иметь военные базы и флот на Черном море. России были навязаны невыгодные для нее условия мира. Парижский конгресс 1856 г. не решил ближневосточных проблем и посеял семена грядущих конфликтов.

САМАЯ ЧЕРНАЯ СТРАНИЦА В КАРЬЕРЕ КАНЦЛЕРА ГОРЧАКОВА

В 1876–1877 годах в Болгарии вспыхнуло антитурецкое восстание, которое было потоплено в крови. Более ста болгарских населенных пунктов преданы огню. По турецким сведениям, было истреблено 18 тыс. болгар, славянские источники приводили еще более кошмарные данные — до 30 тыс. человек. Весь мир осуждал бойню на Балканах. Британия также выразила свое отношение к этой драме, отозвав посла из Турции. Однако намерение России защитить славянских братьев вновь создавало угрозу того, что в ходе новой русско-турецкой войны она захватит Константинополь и будет контролировать Босфор и Дарданеллы, открыв путь в Средиземное море русским военным и торговым кораблям. Желая избежать новой конфронтации с европейскими державами, Россия согласилась на созыв международной конференции по положению на Балканах, однако это мероприятие было сорвано публичными угрозами войны с Россией, прозвучавшими 9 ноября 1876 г. из уст тогдашнего премьер-министра Бенджамина Дизраэли (1804–1881). Реакция русского правительства последовала незамедлительно: Александр II заявил, что если Турция не предпримет мер по улучшению положения ее славянских подданных, то Россия объявит ей войну.

Война началась 24 апреля 1877 г. и развивалась под знаком русских побед. 10 декабря русские войска взяли Плевну, 20 января 1878 г. пал Адрианополь, а к середине февраля армия Александра II вышла к Константинополю (Стамбулу). Лишь появившаяся в Мраморном море британская эскадра предотвратила падение этого города. В Сан-Стефано 3 марта 1878 г. было подписано перемирие, условия которого включали предоставление независимости Болгарии, Сербии, Черногории и Румынии, а также автономии Боснии и Герцеговине.

Британское правительство такое положение дел не устраивало, равно как и возросший престиж России, значительно подорванный после Крымской войны. Выступая последовательной союзницей Турции, Британия добивалась пересмотра Сан-Стефанского договора, одновременно стремясь получить от Турции, якобы в обмен на защиту ее интересов, ряд территорий в восточном Средиземноморье (речь, в частности, шла о Кипре). Даже открытая демонстрация Россией своего отказа от претензий на Константинополь и Черноморские проливы не умиротворила Англию, добившуюся созыва Берлин-

ского конгресса, который открылся 13 июня 1876 г. Россию на Берлинском конгрессе представляли опытейшие дипломаты — канцлер империи светлейший князь Александр Михайлович Горчаков (1798–1883) и русский посол в Лондоне граф Петр Андреевич Шувалов (1827–1889).

Премьер-министр Дизраэли требовал, чтобы территория Болгарии была уменьшена, а ее южная граница прошла по Балканскому горному хребту, при этом жившие южнее его болгары должны были остаться подданными турецкого султана. Русским дипломатам пришлось уступить. По возвращении в Петербург канцлер Горчаков рапортовал царю: «Берлинский трактат есть самая черная страница в моей служебной карьере». Герой Русско-турецкой войны 1877–1878 годов генерал Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882) не уставал возмущаться результатами Берлинского конгресса: «Два года мы обмывали своей кровью Балканский полуостров... Все это мы перенесли бы с терпением... если бы полная свобода, добытая нами нашим братьям по крови и религии, по наречию и вере, была им дана. Но проклятая дипломатия вмешивается и говорит “нет”...».

Если Россия испытывала вполне понятную горечь, то Британия торжествовала. Мало того, что Дизраэли удалось увеличить имперские владения и осадить русского медведя, его действия вызвали напряженность в отношениях между тремя императорами, чем автоматически поддерживалась ведущая роль Англии в Европе. Вернувшийся в Лондон Дизраэли утверждал, что близится час, когда королева Виктория будет диктовать свою волю всему континенту.

Забегая вперед, признаем, что Дизраэли погорячился. Стремительно увеличивавшая свою мощь Германия в 1882 г. заключила союз с Австро-Венгрией, к которому присоединилась и Россия. Угроза со стороны Германии, становившаяся все более реальной, побудила британцев не только отложить строительство уже спроектированного тоннеля под Ла-Маншем, но и пересмотреть свою внешнюю политику. В 1904 г. Британия заключила союз с Францией, а в 1907 г. — с Россией.

Между тем политические разногласия не помешали возникновению родственных уз между английским королевским домом и династией Романовых: в 1874 г. великая княжна Мария Александровна, единственная дочь Александра II, вышла замуж за второго сына королевы Виктории и принца Альберта, Альфреда, герцога Эдинбургского. У Виктории и Александра II было пятеро общих внуков.

КОМПЕНСАЦИЯ КОЛОНИАЛЬНЫХ ПОТЕРЬ В XIX СТОЛЕТИИ

Утрата тринадцати североамериканских колоний спровоцировала своеобразный «бросок» интересов Британии на Восток. В 1773 г. британское правительство возложило на себя заботу об управлении Индией, которое оказалось не по силам переживавшей кризис Ост-Индской компании, а к концу XVIII в. влияние Британии распространилось и на соседние с Индией страны, Афганистан и Бирму.

Огромный оптимизм вызвало открытие капитаном Джеймсом Куком (1728–1779) Австралии в 1770 г.¹⁰ Правда, первая британская колония в Новом Южном Уэльсе, основанная в 1788 г., была всего лишь каторжным поселением, а свободные фермеры, занимавшиеся не столько земледелием, сколько разведением шерстистых меринсовых овец и экспортом их руна на фабрики метрополии, появились на материке лишь в начале XIX столетия. Продолжая колонизацию Австралии, британцы в 1803 г. основали колониальные поселения и в Тасмании. Стремительный приток населения из Европы наблюдался в Австралии во время золотой лихорадки 1851 г.: если в 1840 г. европейское население континента составляло около 200 тыс. человек, то к 1881 г. оно выросло более чем в одиннадцать раз.

На протяжении всего XIX столетия продолжалась британская колониальная экспансия и в Африке. После того как в 1869 г. был открыт реконструированный французским инженером Фердинандом Лессепсом Суэцкий канал, англичане были крайне заинтересованы в контроле над Египтом и Суданом: канал позволял на 10 тыс. км сократить путь между Англией и Индией. Английские капиталисты начали инвестировать огромные средства в экономику Египта. Однако правительство этой страны не сумело вовремя расплатиться

¹⁰ Великий мореплаватель Кук совершил три выдающихся морских похода. В 1768–1771 годах в ходе экспедиции на Таити он нанес на карту очертания берегов Новой Зеландии, прошел вдоль Большого Барьерного рифа, открыл Австралию и исследовал ее юго-восточное побережье. В 1772–1775 годах он совершил плавание к Антарктиде. В 1776–1780 годах отважный мореплаватель попытался найти северо-западный проход вокруг Северной Америки, однако потерпел неудачу. Из этой экспедиции Кук не вернулся — он был убит дикарями на Гавайских островах. Во время длительных морских походов никто из участников экспедиции не страдал от цинги, обычной в те времена морской болезни: капитан позаботился, чтобы его люди употребляли в пищу продукты, содержащие витамин С.

Капитан Дж. Кук

со своими иностранными кредиторами и было вынуждено продать англичанам свою долю акций Суэцкого канала — почти 50 % от их общего числа. Египетские националисты были донельзя возмущены этим поступком, но англичане отстаивали свои права в военном конфликте, оккупировав страну в 1882 г. и тем самым обеспечив себе контроль над Суэцем на долгие семь десятилетий (лишь в 1956 г., через четыре года после обретения независимости, Египет получил и право контролировать Суэцкий канал). Следом за Египтом был покорен Судан.

Одновременно англичане укрепляли колонии в Западной Африке, среди которых самой крупной была Нигерия. В 1807 г. британское правительство запретило работорговлю, а в 1834 г. рабство было отменено на всей территории Британской империи. Западные области Африки перестали котиrowаться как источник живого товара, однако здесь оказалось выгодным выращивать масличные пальмы, какао и другие продовольственные и технические культуры, приносявшие

большую прибыль при продаже на европейских рынках. Кроме того, выяснилось, что колония Золотой Берег богата запасами золота.

Едва ли не главные интересы британцев были сосредоточены на африканском юге. После окончания наполеоновских войн Британия оказалась хозяйкой Капской колонии на южной оконечности африканского материка, важной для захода судов, совершавших рейсы между Англией и ее восточными колониями. Вместе с тем к концу 1870-х годов возросли трения между британскими колонистами и бурами, потомками голландских переселенцев, которые первыми приступили к освоению этого уголка Африки. Первый вооруженный конфликт между англичанами и бурами вспыхнул в 1880 г., однако в 1881 г. его удалось погасить, но в 1899–1902 годах разразилась ожесточенная Англо-бурская война, унесшая около 60 тыс. человеческих жизней. Несмотря на то что симпатии Европы были на стороне буров, британцы вышли из войны победителями, и в 1910 г. на юге Африки был создан Южно-Африканский союз, имевший статус британского доминиона.

Согласно плану, который лелеял английский политический лидер Капской колонии Сесил Джон Родс (1853–1902)¹¹, британские владения на Черном континенте должны были протянуться широкой полосой с севера на юг, от Египта до мыса Доброй Надежды. В конце XIX в. британцы верили в возможность создания подобного «коридора», тем более что вслед за Суданом британскими колониями стали восточноафриканские страны Кения и Уганда. Однако после Англо-бурской войны подобные оптимистические надежды пошли на убыль.

Стремясь играть роль европейского арбитра, Британия продолжала расширять свои владения. В 1878–1880 годах в ходе захватнической войны был установлен британский протекторат над Афганистаном. Афганский эмир пробовал искать поддержку в России, однако та не пошла на оказание прямой военной помощи, хотя в мае 1878 г. войска туркестанского пограничного округа были сосредоточены в полной боевой готовности по берегам Амударьи. Между тем дипломатические усилия России не увенчались успехом.

В XIX в. Британия, могущественнейшая из стран мира, могла гордиться своей империей — ее владения простирались во всех частях света, и над ними буквально никогда не заходило солнце.

¹¹ Именем Родса было названо государство Родезия.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Королева Виктория правила дольше, чем любой из ее предшественников¹², с 1837 по 1901 г. Она была одной из ключевых фигур британской политики и значительно повысила престиж короны, потускневший в период правления ее предков — королей Ганноверской династии. Однако огромную роль в управлении страной играли и премьер-министры. При Виктории этот пост занимали десять человек: Уильям Лэм, граф Мельбурн (1835–1841), лорд Джон Рассел (1846–1852 и 1865–1866), сэр Роберт Пиль (1841–1846), Эдуард Джефри Смит-Стэнли, граф Дерби (1852, 1859, 1866–1868), Джордж Гамильтон Гордон, граф Абердин (1852–1855), Генри Джон Темпл, виконт Пальмерстон (1855–1858, 1859–1865), Бенджамин Дизраэли (1868, 1874–1880), Уильям Гладстон (1868–1874, 1880–1885, 1886 и 1892–1894), Роберт Артур Талбот Гаскойн-Сесил, маркиз Солсбери (1885–1886, 1886–1892 и 1895–1902), а также Арчибальд Филип Примроуз, граф Розбери (1894–1895). Из возглавляемых ими правительств одно (графа Абердина) было коалиционным, девять раз к власти приходили консерваторы, либералы — десять раз. Особую роль премьер-министры играли в период, когда после смерти мужа королева Виктория затворилась от мира в Виндзорском замке.

В 1820-е годы в партии тори произошел раскол, и ее правое крыло в 1830-е годы превратилось в партию консерваторов, которую и поныне называют тори. Вслед за этим изменилось и название вигов. Отмежевавшиеся от консерваторов тори влились в партию вигов, и в середине 1860-х годов возникла партия либералов, члены которой иногда именуются по-старому вигами. Партии консерваторов и либералов оставались единственными политическими партиями Британии, пока в 1906 г. не была создана партия лейбористов.

В год, когда Виктория взошла на престол, у власти находилось правительство вигов, возглавляемое графом Мельбурном (1779–1848). Опытный государственный деятель, Мельбурн являлся членом парламента с 1806 по 1812 г., затем вновь был избран в него в 1816 г., в 1827–1828 годах он занимал пост министра по делам Ирландии, в 1829 г. унаследовал графский титул, а в 1830-м впервые вошел в состав кабинета, получив портфель министра внутренних дел. В 1834 г.,

¹² Ее рекорд был побит королевой Елизаветой II.

с июля по декабрь, был премьер-министром. Правительственный кризис, вызванный разногласиями среди членов кабинета, вынудил Мельбурна уйти в отставку, однако через несколько месяцев он снова возглавил кабинет.

Считается, что важнейшим достижением Мельбурна является обучение юной Виктории науке править государством. Действительно, опытный политик сумел тактично повлиять на королеву, которая в первые годы пребывания у власти во всем полагалась на «лорда М.», как она ласково называла убеленного сединами премьера. Отношения между ними складывались только что не идиллические. В начале правления молодой королевы двор был буквально измотан плотным графиком светских мероприятий, во время которых Виктория бдительно следила за соблюдением этикета. На ежедневных прогулках, музыкальных концертах и ужинах во дворце, а также в гостиных лорд М. неизменно находился подле королевы и даже пользовался привилегией громко разговаривать и смеяться — Виктория требовала, чтобы в ее присутствии все прочие держались скромно и незаметно.

Многие полагали, что Мельбурн — не самый подходящий наперсник для юной Виктории, мотивируя это его скандальной репутацией. Личная жизнь политика была весьма бурной. В 1805 г. он женился на леди Каролине Понсонби (1785–1828). За два десятилетия супруга порядком опозорила его своими страстными романами. Самый шумный скандал был вызван ее связью с лордом Байроном, который был вынужден положить конец их отношениям, измученный преследованиями и вызывающим поведением дамы. Когда Байрон оставил Каролину, она прямо на балу попыталась «свести счеты с жизнью», воткнув себе в грудь маникюрные ножницы. Историю этой любви леди Мельбурн описала в романе «Гленарвон» (1816), выведя под этим именем великого поэта. Приходится лишь удивляться, что Каролина получила развод только в 1825 г. Между тем, избавившись от сверхтемпераментной жены, Мельбурн сам дважды стал причиной распада других семей, сопровождавшегося шумными судебными процессами: обе его возлюбленные, леди Брендон и леди Нортон, были отвергнуты оскорбленными мужьями. Однако королева, наслышанная о его прошлом, относилась к нему очень снисходительно, хотя уже в юные годы в вопросах морали занимала неизменно твердую, если не жесткую позицию.

Кроме того, у Мельбурна была репутация человека весьма жестокого, презирающего чернь. По его инициативе на принудительное поселение в Австралию обрекались все, кто осмеливался протестовать

против любых, даже самых несправедливых, общественных установлений. Среди его жертв были и так называемые «толпаддские мученики» — Джордж и Джеймс Лавлессы, Джон и Томас Стэнфилды, Джеймс Брайн и Джеймс Хэмметт. Эти шестеро жителей деревушки Толпаддл в графстве Дорсет в 1834 г. осмелились попросить работодателя, чтобы тот платил им не семь, а девять шиллингов в неделю. За эту смелость все они были приговорены к пожизненной ссылке в Австралию. Возможно, именно благодаря влиянию Мельбурна Виктория сделалась малочувствительной к страданиям простого народа. Раз Бог создал и бедных, и богатых, не людям менять установленный порядок вещей.

Мельбурн был вигом, и в начале царствования Виктория выказывала явное предпочтение его партии. Когда же политические противники вынудили его подать в отставку, королева нарочито холодно приняла лидера тори Роберта Пиля (1788–1850), которому надлежало сменить Мельбурна и сформировать новое правительство. Более того, королева категорически отказалась допустить в придворный штат супруг членов нового кабинета. Упрямство Виктории вызвало правительственный кризис, вернувший к власти вигов, и лорд М. занял свое прежнее положение. Его влияние на Викторию оставалось огромным, но пошло на убыль после того, как она вышла замуж: любовь к Альберту затмила все прежние привязанности королевы. Когда старый политик вторично подал в отставку, Виктория уже не стала бороться за его возвращение. Тем более что и сам Мельбурн, и принц Альберт, высоко ценивший Пия, призывали ее изменить свое мнение о будущем премьер-министре. Принц ценил его ум и доброе сердце (Пиль продемонстрировал эти качества в середине «голодных сороковых», ратуя за создание общественного фонда в пользу умиравших от голода ирландцев), а Мельбурн, несмотря на различие их политических взглядов, считал Пия абсолютно порядочным, благородным и мудрым человеком.

Предки Пиля нажили солидное состояние на торговле тканями и выбились в верхушку среднего класса: в этом контексте принадлежность сэра Роберта к партии тори, защищавшей интересы аристократов, представляется политическим курьезом. Между тем торизм Пиля не помешал ему в 1845–1846 годах сделать все для отмены хлебных законов, чтобы такой ценой спасти народ от голода. Это противоречило положениям его предвыборной программы и побудило премьер-министра подать в отставку.

Как человек, дважды занимавший пост премьер-министра, Пиль сделал много добрых дел для своей страны. У него практически не было жизни вне политики: по окончании Оксфорда, в возрасте двадцати одного года он стал депутатом парламента. В 1812–1818 годах занимал пост государственного секретаря по делам Ирландии в правительстве лорда Ливерпуля, с 1822 по 1830 г. служил министром внутренних дел, прославившись на все времена созданием в 1829 г. Столичной полиции — регулярных сил охраны правопорядка в Лондоне. Если прежде наведение порядка являлось функцией местных властей, в исключительных случаях требовавших поддержки армии, то полиция Пили подчинялась непосредственно министру внутренних дел. Реформа управления сопровождалась и реформой в подготовке полисменов, вскоре ставших неотъемлемой частью жизни всей Британии. Величавых британских полицейских в элегантной черной униформе до сих пор называют «бобби» или «пилерами» — по имени и фамилии Роберта Пили (Бобби — уменьшительное от Роберт). Заботой о благе государства был продиктован и принятый во время второго премьерства Пили закон о государственном контроле за выпуском бумажных денег (1844). В том же году был принят закон о десятичасовом рабочем дне для детей и подростков.

Пальмерстон (1784–1865) начал политическую карьеру в 1806 г., став членом парламента. В 1830–1841 и в 1846–1851 годах он был британским министром иностранных дел, завоевав репутацию ревностного стража национальных интересов. Находясь на этом посту, он способствовал обретению Бельгией независимости (1830–1831) и поддерживал Леопольда Кобургского в качестве бельгийского короля.

Войдя в состав кабинета правительства Рассела, Пальмерстон начал проводить самостоятельный политический курс, не считаясь с мнением Виктории и «подставляя» таким образом премьер-министра, которому приходилось отдуваться за своего коллегу. Жуткий скандал, вызвавший отставку Пальмерстона с министерского поста, разыгрался в 1851 г. Королева недолюбливала французского монарха Луи-Филиппа и потому, что он мог попытаться возродить силу Франции, и потому, что его отец был повинен в смерти Людовика XVI. В то же время она была готова поддерживать права любого из коронованных особ. Пальмерстон же придерживался иного мнения. Его политика во многом была популистской. К возмущению королевы, принца-консорта и премьер-министра, Пальмерстон выражал сочувствие либеральным движениям в Европе, к восторгу многих соотече-

ственников открыто демонстрируя презрение к монархам Франции, Испании, Португалии и России. Дошло до того, что Виктория была вынуждена лично контролировать всю переписку своего буйного министра. Однако Пальмерстон не обращал внимания на окрики из Букингемского дворца и продолжал поступать по-своему, заявляя, что его политика отражает общественное мнение. Он якобы уважал беспокойство королевы о других монархах, но также считал, что долг Англии заключается в том, чтобы указывать европейским государям на их ошибки, состоящие в нежелании провести реформы в своих странах так, как это сделали британцы. Пальмерстон явно был намерен доказать, что его страна достойна стать не только экономическим, но и политическим лидером мира.

Виктория осуждала французскую революцию 1848 г. Низложенному Луи-Филиппу с семьей было предоставлено политическое убежище в Англии, но, когда 2 декабря 1851 г. во Франции произошел государственный переворот и президент республики стал императором Наполеоном III, Виктория и премьер-министр Рассел сочли, что Британия должна придерживаться нейтралитета до того, как станет ясна позиция других государств и можно будет судить о действиях самого Наполеона. Вопреки указаниям премьера Пальмерстон отправил поздравления французскому посланнику в Лондоне. Лично его устраивало усиление Франции, которое, как он надеялся, произойдет при новом режиме и доставит немало хлопот Пруссии и России. Такой дерзости Пальмерстону не простили, и он был вынужден подать в отставку.

Однако уже в 1852 г. Пальмерстон получил портфель министра внутренних дел, войдя в кабинет премьер-министра лорда Абердина. Королева и принц Альберт открыто демонстрировали свое недовольство по этому поводу и даже стали объектами критики за такое предвзятое отношение к Пальмерстону. Тем более что время показало — новая Франция ищет дружбы с Британией. Огромную популярность принесла Пальмерстону пропаганда войны с Россией — в то время как Абердин выступал за мир, министр внутренних дел бряцал оружием. С началом военных действий в Крыму Пальмерстон демонстрировал такую уверенность в победе, что даже Виктория смягчилась, а когда в 1855 г. пало правительство Абердина, Пальмерстон стал премьер-министром. Он продолжал вести себя с прежней независимостью. Например, вопреки протестам королевы высказался в поддержку национального объединения Италии

под рукой Савойской династии. Однако, увлекшись итальянскими проблемами, Пальмерстон фактически пропустил нарастание напряженности в одной из важнейших британских колоний — Индии, где в 1857 г. вспыхнуло восстание сипаев — туземных солдат, служивших в армии Ост-Индской компании.

Восстание началось в Бенгалии и быстро распространилось по всей стране. К нему примкнуло местное население. Видимо, такой масштаб мятеж приобрел не столько из-за притеснений, творимых английскими колонизаторами, сколько из-за распространившихся слухов о том, что англичане смазывают патроны для револьверов марки «Энфилд» салом священных для индусов животных — коров. Восстание сипаев охватило всю долину Ганга. Мятежники безжалостно расправлялись с захваченными в плен англичанами, людей мучили и убивали, их жилища предавали огню. В Канпуре, например, были истреблены все белые жители, а их истерзанные тела были сброшены в колодец. Английские солдаты с помощью индийских рекрутов из Пенджаба карали восставших с не меньшей жестокостью: сипаев привязывали к дулам пушек, и при выстреле их разрывало в клочья. Жуткие расправы над индийскими мятежниками побудили русского художника-баталиста В. В. Верещагина написать картину «Английская казнь в Индии» (1884–1885). Картина экспонировалась в Лондоне, после чего исчезла при загадочных обстоятельствах — видимо, кому-то претила память о черной странице истории британского владычества в Индии. Однако после подавления восстания сипаев в Индии произошли большие перемены — в 1858 г. страна, бывшая прежде вотчиной Ост-Индской торговой компании, стала колонией Британской короны, а в 1877 г. Виктория была провозглашена императрицей Индии.

В 1857 г. в связи с парламентскими дебатами по поводу индийских проблем много говорили о Бенджамине Дизраэли (1804–1881), который утверждал, что восстание сипаев — это восстание против британской политики и серьезность этого события нельзя приуменьшить. Политик требовал, чтобы Британия не просто действовала силой, но во избежание новых трагедий гарантировала индийцам соблюдение их законов и обычаев. Активность Дизраэли в индийском вопросе привела к тому, что распространился слух, будто он метит на пост вице-короля Индии, учрежденный в 1858 г.

Феномен Дизраэли поразителен. Выходец из богатой еврейской семьи, крещеный лишь в возрасте тринадцати лет, в тридцать он

Бенджамин Дизраэли

превратился в настоящего светского льва, принятого в самых блестящих салонах. Познакомившись в этот период своей жизни с лордом Мельбурном, молодой человек в первой же беседе с ним заявил о своем желании стать премьер-министром. Меньшее бы его не удовлетворило. Мельбурн видел, что перед ним человек незаурядный, но оценивал его шансы как нулевые. Однако пятнадцать лет спустя, незадолго до смерти, он высказал мнение, что Дизраэли добьется своего.

Амбициозный и увлекающийся, наделенный недюжинным литературным талантом, Дизраэли тяготился своим происхождением и к сорока пяти годам придумал себе эффектное генеалогическое древо, изменив историю семьи в предисловии к сборнику трудов своего отца, Исаака Дизраэли, который был талантливым литератором, автором романов, рассказов и стихов (его наиболее знаменитая работа — книга очерков «Курьезы литературы» (1791)). Свою родословную Дизраэли приукрасил самыми величественными предками,

утверждая, что до 1492 г., т.е. до изгнания евреев из Испании, его пращуры породнились со знатнейшими испанскими семьями, а затем, после переселения в Венецию, взяли имя, символизировавшее их национальную принадлежность, — такова была их благодарность Господу за спасение. Как бы то ни было, дед будущего премьер-министра действительно переселился из Италии в Лондон в 1748 г.

Бенджамин не слишком хорошо учился в школе, но зато уже подростком продемонстрировал литературные и актерские способности, создав самостоятельный школьный театр. Дизраэли не было суждено завершить школьное образование — его исключили за драку, но с лихвой компенсировал пробелы в познаниях благодаря самообразованию — в библиотеке его отца было около 2500 томов. Родители хотели видеть сына юристом, но юношу влекли богатство и слава, а это могла дать лишь более широкая общественная деятельность, например, занятия литературой или политикой.

Первый роман Дизраэли, «Вивиян Грей», увидел свет в 1826 г., а год спустя было опубликовано его продолжение. Ранние произведения писателя, в том числе «Молодой герцог» (1831), «Контарини Флеминг» (1832), «Венеция, или Дочь поэта» (1837) и др., были во многом автобиографическими. Затем последовала череда политических романов — «Конингсби» (1844), «Сибилла» (1845) и т.д. Изменение тематики произведений отражает сделанный Дизраэли выбор: его поприщем должна была стать политика. После многих неудач в 1837 г. он все же был избран депутатом парламента. Символично, что это произошло сразу же после восшествия на престол Виктории. В 1839 г., довольно поздно, Дизраэли женился на богатой вдове Мэри Энн Левис, которая была старше его на двенадцать лет. Брак был заключен по расчету, однако супруги жили очень дружно.

Дизраэли трижды становился министром финансов в правительстве лорда Дерби (1852, 1858 и 1866–1868). После ухода того в отставку в 1868 г. Дизраэли сменил его в качестве лидера партии консерваторов и с февраля по декабрь занимал пост премьер-министра. Современники признавали исключительные ораторские способности Дизраэли, которыми он во многом был обязан своим политическим успехам. Он умел быть деликатным, вкрадчивым, бесцеремонным, мстительным, благородным. Например, когда в 1863 г. его приняла королева, которая изволила заметить ему, что Пальмерстон, собиравшийся праздновать свое восьмидесятилетие, слишком стар, Дизраэли

без колебаний заступился за своего давнишнего политического оппонента, ответив, что голос того в палате общин звучит по-прежнему громко и уверенно. Из политических достижений Дизраэли следует особо отметить его роль в подготовке и проведении избирательной реформы 1868 г.: за счет снижения имущественного ценза число британцев, обладавших правом участвовать в парламентских выборах, возросло почти вдвое — с 1 млн 359 тыс. до 2 млн 456 тыс. (Для сравнения: в ходе избирательной реформы 1832 г. число лиц, получивших избирательное право, возросло на 50 %.) Новыми избирателями стали преимущественно представители промышленного пролетариата.

Принятие закона о реформе избирательной системы открыло Дизраэли путь к премьерству. Сам политик, оценивая свою политическую карьеру, сравнил ее с подъемом на густо смазанный жиром высокий столб. Это высказывание было немедленно обыграно карикатуристами.

Кроме внутривнутриполитических проблем Дизраэли очень интересовался событиями на Востоке. Он продолжал экспансионистскую политику, обеспечив Британии владычество в Египте, захват Кипра и т. д. Это Дизраэли в 1876 г. провозгласил Викторией императрицей Индии, получив в том же году, словно в знак благодарности, титул графа Биконсфилда. Это ему удалось положить конец длительному затворничеству овдовевшей королевы в Виндзоре и хотя бы частично вернуть ее к исполнению светских обязанностей официального главы государства.

Как премьер-министр Дизраэли считал монархию важнейшим звеном социальной системы Британии и дорожил расположением королевы. В 1870-е годы Дизраэли внушал Виктории, что она обладает неоспоримой верховной властью в государстве. Граф Биконсфилд лукавил, но тем самым добивался дружбы королевы.

ИРЛАНДСКИЙ ВОПРОС В XIX в.

Вошедшая в состав Соединенного Королевства Ирландия оставалась самой бедной его частью. В начале века ирландцам не могли простить строптивости, за ними закрепилась репутация бунтарей и скандалистов, неспособных отблагодарить Великобританию за ее благотворное, цивилизующее влияние. Даже после того, как в 1829 г. Британия отменила все притеснявшие католиков законы, ирландцы

не испытали должных чувств и принялись ратовать за введение в Ирландии самоуправления, чтобы компенсировать результаты унии 1801 г. В Великобритании были сильны антиирландские настроения, усугубившие беду, обрушившуюся на соседний остров во второй половине 1840-х годов.

1845 г. выдался дождливым и ненастным. Дожди заливали Западную Европу, а на полях Англии и Ирландии в жидкой грязи гнил и без того невеликий урожай. Земледельцы оказались на грани разорения, все понимали, что цена на хлеб в ближайшем будущем станет запредельной. В нищей Ирландии, где проживало около 8 млн человек, основным продуктом питания был картофель. В тот дождливый год скудный урожай картофеля погиб, сгнив под напитавшейся водой землей, и зимой 1845–1846 годов в стране разразился жесточайший голод. Урожай картофеля погиб и в других странах, например, Норвегии, Бельгии и Голландии, но там население выжило за счет привозного зерна. В Соединенном Королевстве же не пошли на отмену хлебных законов — королева Виктория выступала категорически против подобных мер. Она прямо заявила премьер-министру Роберту Пиллю, что, понимая свой христианский долг в оказании помощи страждущим, вовсе не намерена усугублять и без того сложное положение королевства экстренными мерами в поддержку Ирландии. Она даже осуждала создание Пилем благотворительного фонда для помощи голодающим ирландцам, не скрывая своего мнения о том, что ни один знающий Ирландию человек не станет участвовать в сборе средств.

Тем не менее Пиль настаивал на отмене хлебных законов и ввозе импортной сельскохозяйственной продукции как в Великобританию, так и в Ирландию, где среди обезумевших от голода людей уже были зафиксированы случаи каннибализма. Проводимая Пилем линия вызвала раскол в возглавляемой им партии тори. В августе 1846 г. премьер-министр добился отмены хлебных законов, хотя это стоило ему политической карьеры, и он был вынужден подать в отставку. Однако Англия все же отказалась от вековой политики изолированности сельского хозяйства.

Между тем положение в Ирландии стремительно ухудшалось. Второй раз пропал урожай картофеля, а землевладельцы начали насильственно сгонять с земли крестьян-арендаторов, поскольку те не могли заплатить за пользование землей или вообще не имели сил ее обрабатывать. Бездомные люди бродили по стране в поисках пищи и, не находя ее, умирали прямо под открытым небом.

Если еще можно было доставить продукты в Ирландию, то распределение их на местах вызывало страшные трудности: на острове практически не существовало дорог, основными населенными пунктами были маленькие, убогие деревеньки, в которых отсутствовали даже продуктовые лавки, поскольку хозяйство оставалось натуральным. Для того чтобы дать бездомным работу, было решено начать массовое строительство дорог в Ирландии. Однако рабочих мест все равно не хватало, а тем, кому повезло, платили так мало, что заработок не мог прокормить самого дорожного рабочего. Экономические трудности вызвали резкий рост преступности, по всей стране орудовали банды, не останавливавшиеся перед грабежами и убийствами.

Масштабность ирландской трагедии «голодных сороковых» во многом была обусловлена традициями распределения земельных наделов. Земельные угодья здесь делились между членами семьи до тех пор, пока на долю каждого из родичей мужского пола не доставался крохотный лоскут земли, не позволявший прокормить семью.

На Ирландию распространялось действие закона о бедных, но здесь царил особый культ семейных уз, делавший невозможной саму мысль о расставании с родными при поступлении в рабочие дома. Коль скоро решение проблемы на месте представлялось нереализуемым, тысячи ирландцев устремились в портовые города, готовые искать лучшую долю на чужбине. Относительно небольшое количество переселенцев появилось в западных областях Англии, прежде всего в портовых и промышленных городах, таких как Ливерпуль и Манчестер. Однако здесь их никто не ждал, работы для них не было, и судьба гнала их дальше по свету.

Во время этого массового исхода из Ирландии основной поток эмигрантов устремился в Америку. Владельцы судов постарались нажиться на перевозке несчастных: выходившие из ирландских портов корабли были набиты людьми, как сельдями бочки. Случалось, что с пассажиров взимали деньги за проезд, а самих их сбрасывали в море, едва родной берег скрывался в туманной дымке. Алчные варвары делали это, чтобы хоть как-то облегчить перегруженное судно. В переполненных душных трюмах, на подвластных всем непогодам открытых палубах мучились люди, которых погнал в дорогу инстинкт самосохранения. Однако далеко не каждому из них суждено было добраться до земли обетованной, даже во время плавания они продолжали гибнуть от голода, холеры и цинги.

Ирландский голод только что не превратил остров в пустыню: по самым скромным подсчетам, число жертв составило не менее 1,5 млн человек, а число эмигрантов даже превысило эту цифру. Самым диким в этой истории является то, что ирландский голод был вызван не отсутствием продовольствия вообще, но отсутствием картофеля, единственно доступного продукта питания. Когда нищие ирландцы погибали от голода, из Ирландии продолжали вывозить продукты.

Доведенные до отчаяния местные жители пытались бунтовать. В 1840-е годы в Ирландии возник националистический союз «Молодая Ирландия». Это была политически слабая организация, во главе которой стоял молодой поэт Томас Дэвис (1814–1845), но цели перед собой она ставила и великие, и благородные: расторжение унии с Великобританией, запрещение насильственного сгона с земли и отмена всех арендных плат и поборов. Младоирландцы под руководством Джона Митчела и Джеймса Финтона Лалора пытались поднять антибританское восстание, но после ареста вождей это намерение вылилось в волну бессильных бунтов, прокатившуюся по стране в 1848 г.

Жизнь в Ирландии не изменилась к лучшему и после окончания страшного голода: страна по-прежнему оставалась отсталой и крайне бедной. После отмены хлебных законов вывозившаяся из Ирландии в Англию пшеница подешевела, особенно после того, как на рубеже 1870–1880-х годов сюда хлынули потоки зерна из Америки. В связи с этим ведущее положение в сельском хозяйстве стало занимать овцеводство. Однако овечья шерсть также продавалась в Великобританию, поскольку в самой Ирландии почти не было фабрик. Лишь в Белфасте и его окрестностях находилось несколько судостроительных верфей и мануфактур, занимавшихся выделыванием тканей из знаменитого ирландского льна. Между тем ввозимые в Ирландию английские промышленные товары способствовали разорению прежде относительно благополучных ирландских ремесленников. Страна продолжала беднеть, и ненависть к Британии не становилась меньше.

В 1858 г. в Америке было создано общество фениев, или братство, куда вошли ирландские эмигранты, намеревавшиеся бороться за будущее своей родины. Многие фении сражались на стороне Севера во время Гражданской войны в США и, научившись обращаться с оружием, стали представлять реальную угрозу британским порядкам в Ирландии, куда тайно прибывали обстрелянные боевики и доставлялось купленное в Америке оружие. Попытка вооруженного

восстания, предпринятая фениями в Ирландии в 1867 г., потерпела неудачу, однако Ирландское республиканское братство превратилось в серьезную политическую силу. В 1879 г. фении создали Земельную лигу, нацеленную на защиту ирландских крестьян. Под руководством Майкла Девитта (1846–1906) этот союз повел широкомасштабную борьбу против земельных собственников, требуя проведения земельной реформы. Крупным достижением фениев стала и политическая партия гомрулеров (от английского *home rule* — «самоуправление»), созданная в 1872 г. и добивавшаяся предоставления самоуправления Ирландии. После того как в 1879 г. остров вновь пострадал от жестокого голода, силы ирландского сопротивления консолидировались, а Девитт и лидер партии гомрулеров Чарлз Стюарт Парнелл (1846–1891) стали подлинными вождями нации.

Брожения в Ирландии потребовали от британского правительства принятия экстренных мер. В 1881 г. парламент принял закон, по которому тюремному заключению подлежали все члены и сторонники Земельной лиги. Действительно, вскоре ключевые фигуры союза были арестованы, но это не привело к желанной стабилизации ситуации в Ирландии. Лишенные руководства, децентрализованные оставшиеся на свободе члены Лиги избрали тактику индивидуального террора. Далеко не все ирландские лидеры одобряли подобные методы борьбы. Отпущенный на свободу в 1882 г. Парнелл сделал все от него зависящее, чтобы остановить насилие, — он уповал на парламентские методы достижения национальных целей. В 1885 г. он был избран в парламент, где, сплотив вокруг себя других депутатов из числа ирландских националистов, оказывал поддержку той или иной ведущей политической группировке, добиваясь взамен определенных уступок в ирландском вопросе. Политика Парнелла привела к тому, что о предоставлении автономии Ирландии заговорили всерьез.

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX в.

Никогда прежде литература Англии не являлась таким бесспорным лидером мировой словесности, как в XIX столетии. На протяжении первой его трети господствующим направлением был романтизм, затем пальма первенства перешла к реализму, который иногда называют «критическим». Однако критицизм был присущ всей литературе данного периода.

Романтики уже в силу своих эстетических взглядов были бунтарями, восставшими не только против существовавшего порядка вещей, но и против любых ограничений и правил в искусстве — «гений не подчиняется правилам; он создает их». Вера в познающую силу воображения, культ свободной фантазии вызывали у романтиков протест против современных им установлений, побуждая переносить действие произведений либо в прошлое, либо — реже — в будущее, или же разворачивать его в необычной, экзотической обстановке. Круша прежние литературные каноны, романтики смело экспериментировали в области жанров — так появились, например, лиро-эпические поэмы и лирические драмы. Увлечение фольклором, питавшим фантазию и воображение, сделало литературную сказку и балладу популярнейшими жанрами литературы романтизма.

Взглядам романтиков был чужд рационализм XVIII в. — не то чтобы они отвергали силу разума, но в их системе ценностей он занимал подчиненное по отношению к чувству и интуиции место. В отличие от писателей-просветителей, создававших своих героев как людей вообще, романтики принципиально отрицали усредненный подход в изображении человека. Их герой — яркая индивидуальность, раскрывающаяся не только в поступках, но и на уровне внутреннего мира. В груди романтического героя бушуют сильные страсти, гармонирующие с общей атмосферой высоких чувств, характерной для романтического произведения.

Романтики умели раскрыть необычное, исключительное в обыденном (Уильям Вордсворт (1770–1850)), однако их больше притягивали религиозные идеи и мистицизм (Сэмюэл Тейлор Колридж (1772–1834), Роберт Саути (1774–1843)). Стоящих у истоков английского романтизма поэтов Вордсворта, Колриджа и Саути критики объединили в так называемую «Озерную школу», получившую свое название по имени живописного уголка на северо-западе Англии, Озерного края, с которым были тесно связаны их судьбы. Однако сами поэты категорически отрицали существование подобного литературного объединения, и действительно, каждый из них имел свой неповторимый творческий почерк.

Самыми крупными поэтами-романтиками в Англии были Джордж Гордон Байрон (1788–1824) и Перси Биши Шелли (1792–1892). В судьбах Байрона и Шелли — недаром их связывали прочные дружеские узы — много общего. Рожденные в аристократических семьях, с детских лет предназначенные играть важную роль в обществе, поэты

Уильям Вордсворт. Перси Биши Шелли. Роберт Бёрнс.
Джон Китс. Сэмюэл Тейлор Колридж

оказались добровольными изгоями и завершили свой жизненный путь на чужбине.

Лорд Байрон, унаследовавший свой титул в десятилетнем возрасте, готовился к политической карьере и в юные годы видел в поэзии лишь средство развития красноречия, так необходимого будущему члену палаты лордов. Он начал печататься в 1806 г., однако слава пришла к нему по возвращении из путешествия по странам Средиземноморья (1809–1811), которым завершилось образование молодого

Джордж Гордон Байрон

человека. В 1812 г. увидели свет первые две песни «Паломничества Чайльд Гарольда» (третья и четвертая песни были написаны позже — поэма закончена в 1817 г.), а в 1813–1816 годах — шесть поэм, составивших цикл «Восточные повести». В этих произведениях родился так называемый байронический герой — сильная личность, в силу определенных, не всегда конкретизированных, обстоятельств отвергнутая обществом, но в своем гордом одиночестве переживающая несовершенство мира как личную драму. Если герои «Восточных повестей» становятся на путь борьбы с несправедливостью, мстя за свои обиды, то Чайльд Гарольд одержим желанием бежать от привычной жизни. Пускаясь в далекое путешествие, посещая Пиренейский полуостров, Грецию, Албанию, Бельгию, Швейцарию и Италию, Гарольд наблюдает современную жизнь, пытается осмыслить ее, анализирует собственные переживания. Этот персонаж Байрона стоит у истоков магистральной темы литературы XIX столетия — темы духовных исканий молодого человека. К числу шедевров Байрона относятся фи-

лософско-символическая драма «Манфред» (1817), мистерия «Каин» (1821) и незавершенный роман в стихах «Дон Жуан» (1819–1824), героем которого, подобно Гарольду, посещает разные страны, что дает поэту повод показать сущность основных типов государственного устройства: восточной деспотии (Турция), просвещенной монархии (Россия) и парламентской монархии (Великобритания). Гений Байрона проявился не только в масштабных, богатых идеями произведениях, но и небольших лирических стихотворениях. В стихотворении «К морю» А. С. Пушкин писал о Байроне:

Он был, о море, твой певец.
Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем не укротим.

Действительно, Байрон как никто другой умел воспеть могучую водную стихию:

Катись, беги, бездонный, мрачно-синий океан,
Флотов пусть десять тысяч бродит по тебе напрасно.
Отметил Землю человек руинами,
Но власть его с полоскою прибрежную граничит.
И все Земли деяния на глади водной — сор,
И нет на ней и тени варварства людского,
И человека тоже, —
Когда в момент, подобно капле дождевой,
Он тонет в пене волн, пуская пузыри и изрыгая стон,
Исчезнет вмиг,
Неузнан, неотпет, непогребен.

«Паломничество Чайльд Гарольда». Песнь IV¹³.

Перси Биши Шелли с детских лет прослыл бунтарем. Он был исключен из Оксфордского университета за пропаганду атеизма, а самовольная женитьба вконец рассорила его с родными. Шелли был певцом свободы, и жизнь его, и творчество были протестом против бесчеловечного деспотизма, с проявлениями которого он сталкивался постоянно. Критику современности поэт совмещал с оптимисти-

¹³ Пер. Е. Власовой

ческими взглядами на перспективы человечества: по Шелли, золотой век еще ждет людей впереди и наступит, когда падут тираны (поэма «Королева Маб» (1813), драма «Освобожденный Прометей» (1820)). Он славит героев, которые так или иначе приближают этот желанный миг (поэма «Восстание Ислама» (1818), трагедия «Ченчи» (1819)).

Байрон был известным покорителем женских сердец. Внешне и Шелли кажется крайне непостоянным в своих сердечных привязанностях. Он оставил первую жену с двумя детьми (впоследствии бедняжка Гарриет покончила с собой, после того как в 1816 г. ее покинул возлюбленный), страстно влюбившись в дочь писателя и философа Уильяма Годвина Мэри, однако через несколько лет охладел и к ней. Мэри Шелли, прославившаяся как автор «Франкенштейна, или Современного Прометей» (1818), одного из первых научно-фантастических романов, спокойно отнеслась к расставанию с Шелли: как и поэт, она считала, что в вопросах любви не может быть и речи о принуждении.

Проблемы свободы личности Шелли ставил во главу угла. Прошлое казалось ему сплошной вереницей преступлений и насилия, и он видел в поэзии действенное средство перевоспитания человека. Шелли был убежден, что личность должна жить в гармонии с природой. Он был поборником вегетарианства, а также, несмотря на свое неверие в христианского Бога, тяготел к одухотворению и обожествлению природы.

В отличие от Шелли Вальтер Скотт (1771–1832) питал особую привязанность к прошлому, видя в нем ключ к интерпретации современных проблем. Омраченное тяжелой болезнью — полиомиелитом — детство способствовало развитию литературных пристрастий Скотта. В юности он увлекался переводами с немецкого, собиранием шотландских народных песен, а в 1800–1810-е годы снискал себе славу выдающегося поэта, тяготеющего к историческим сюжетам. После таких поэм, как «Песнь последнего менестреля» (1805), «Мармион» (1808), «Дева Озера» (1810), логичным представляется обращение Скотта к исторической прозе — в 1814 г. он опубликовал свой первый исторический роман «Узверли, или Шестьдесят лет назад».

Скотта часто называют отцом исторического романа. Это не значит, что до него никто из писателей не обращался к историческим темам. Однако Скотт превратил роман о прошлом в своеобразный научный труд, в котором серьезные проблемы освещались с максимально возможной степенью точности и достоверности. Всего Скотт создал двадцать восемь романов, большинство из которых посвяще-

Вальтер Скотт

но событиям шотландской и английской истории. Писатель разработал строгий канон исторического романа: показать частную историю на фоне эпохальных событий, изобразить героя зависящим от этих событий, исторически детерминированным. В романах Скотта вымышленные персонажи органично взаимодействуют с героями историческими: рыцарь Айвенго служит королю Ричарду I, Фрэнсис Осбальдистон знакомится с шотландским национальным героем и т. д. Многие современники считали, что Скотт, великолепно разбираясь в истории, не умел рисовать подлинного человека, отчего его вымышленные герои получались схематичными, психологически недостоверными. Между тем Скотт намеренно живописал собственно романическую часть сюжета в менее ярких тонах, чтобы приключения вымышленных героев не отвлекали внимания читателя от исторической части.

В дальнейшем исторический роман развивался по пути слияния романического и исторического героя в одном персонаже, а кардинальный принцип Скотта — изображать человека как личность, обу-

словленную социально-историческим контекстом эпохи, — был позавиждан авторами реалистических романов на современные темы.

К началу 1830-х годов исключительный романтический герой наскучил читателям, его космические страсти начали казаться гипертрофированными, надуманными, не имеющими ничего общего с реальными проблемами, которые окружали тогдашних британцев. И литература совершила поворот к проблемам «маленького человека», а появление на страницах произведений взятого из жизни персонажа, терзающегося теми же проблемами, что и большинство читателей, ознаменовало становление реализма XIX столетия. Писатели этого периода не только продолжали традиции просветителей-реалистов, показывавших человека как продукт среды, не только усвоили скоттовский принцип изображения героя обусловленным историческим моментом; они применили разработанные романтиками приемы анализа внутреннего мира исключительных личностей для показа жизни души «маленького» героя.

Реалисты называли XIX столетие «негероическим веком». Их персонажи были лишены «великой деятельности», являвшейся в прошлом основным критерием героического. Героизм новой эпохи видели в том, чтобы показать человека выше, нравственнее окружающих его людей; литература старалась воспитывать на положительных примерах. Излюбленным жанром писателей-реалистов стал роман. Каждый автор пытался донести до своей аудитории определенный нравственный урок. Неслучайно в этот период романистов сравнивали с церковными проповедниками: для их произведений характерен прямой или скрытый дидактизм.

Лучшие страницы в историю английского реализма XIX в. были вписаны Чарлзом Диккенсом (1812–1870) и Уильямом Мейкписом Теккереем (1811–1863).

Творческую судьбу Диккенса можно с уверенностью назвать счастливой. Уже к двадцати пяти годам он прославился серией юмористических очерков, опубликованных под псевдонимом Боз, и романом «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1836–1837). Первым крупным социальным романом Диккенса стали «Приключения Оливера Твиста» (1837–1839), в которых писатель выступил суровым критиком системы работных домов. В этом произведении впервые обозначились характерные для творчества Диккенса два типа положительных героев — романтически-исключительный, идеальный Оливер, сохраняющий душевную чистоту в любых жизненных испы-

таниях, и утопический состоятельный филантроп мистер Браунлоу, использующий свои средства, чтобы творить добро. С «Оливера Твиста» началась и слава Диккенса как служителя викторианского культа семейного очага — здесь миру мрачных лондонских улиц противопоставляется мир домашнего уюта.

Диккенс замечательно опоэтизировал детство, отказавшись от изображения детей как маленьких взрослых. Особенной его удачей явился образ Поля Домби, героя романа «Домби и Сын» (1846–1848). Это произведение было задумано Диккенсом прежде всего как притча о раскаявшемся грешнике, которая имеет острую социальную направленность, но не сводится к повествованию о том, как был наказан за гордыню лондонский коммерсант Домби и как он, пройдя через пытку одиночеством и чистилище раскаяния, обретает счастье в любви к прежде безразличной ему дочери и внукам. По Диккенсу, Домби — фигура, типичная для викторианской Англии, где крепнет власть золотого тельца. Люди, добывающиеся относительного материального преуспевания, делятся на тех, кто обладает средствами и считает себя хозяевами жизни, и тех, кто пытается ценой унижений и заискиваний перед вышестоящими добиться милостей сильных мира сего. Между тем добро и справедливость, подлинно христианские взаимоотношения царят в стороне от мирской суеты. Неудачливый коммерсант Соломон Джилс, неунывающий инвалид капитан Катль, романтический и начисто лишенный практической сметки Уолтер Гэй — вот подлинные положительные герои романа, о которых Диккенс пишет с искренней любовью и известной долей сентиментальности.

В 1850-е годы на смену мягкому юмору в произведениях Диккенса приходит бичующая сатира. Писатель позволяет себе резкие выпады против таких общественных установлений, как Канцлерский суд и парламент. В погоне за призрачным счастьем, ассоциирующимся с богатством и высоким общественным положением, люди упускают реальные возможности наслаждаться радостями бытия. В одном из своих последних произведений, романе «Большие надежды» (1861), Диккенс рассказал историю деревенского сироты Филипа Пиррипа, иллюстрирующую идею тщетности достижения счастья через богатство.

Талант Диккенса был многосторонним. В юности он мечтал об артистической карьере и отчасти реализовал свое желание, создав собственный домашний театр, в котором выступал одновременно как

Чарлз Диккенс

сценарист, режиссер и ведущий актер. Драматический талант обеспечивал Диккенсу неизменный успех во время публичных чтений фрагментов произведений — в 1840–1860-х годах встречи с читателями были для него любимым способом убедиться в результатах своих трудов. Успех сопутствовал Диккенсу и в журналистике. На страницах издававшихся им журналов «Домашнее чтение» и «Круглый год» печатались как маститые, так и начинающие авторы, среди которых Диккенс особо отличал Уилки Коллинза (1824–1889). Диккенс ввел практику публикации рождественских рассказов в декабрьских номерах журналов — эту традицию подхватили все периодические издания Европы и Америки.

В отличие от Диккенса Теккерей медленно шел к славе. Он мечтал стать живописцем, и лишь разорение отца и благородный жест — молодой человек пожертвовал доставшийся ему в наследство от отца капитал на уплату долгов второго мужа матери, ставшего ему по-настоящему близким родственником, — побудили его заняться

литературой как более верным средством заработать деньги. И без того трудная жизнь начинающего писателя осложнилась личной драмой: сошла с ума его жена, которую пришлось пожизненно содержать в частной психиатрической клинике, и Теккерей был вынужден самостоятельно заботиться о двух своих дочерях. (Старшая дочь Теккерей Энн, в замужестве леди Ричи, стала писательницей, автором нескольких повестей и книги мемуаров об отце, а также принимала участие в составлении «Национального биографического словаря», написав для него ряд статей.)

В 1840-е годы Теккерей приобрел известность серией литературных пародий, а подлинная слава пришла к нему с публикацией «Книги снобов» (1846–1847) и «Ярмарки тщеславия» (1847–1848). Первое произведение представляет собой галерею портретных очерков, в которых выведены типичные представители разных слоев британского общества. Всех их роднит страсть к богатству, корыстолюбие, лицемерие, чванство, ханжество. Сноб, по Теккерее, — это тот, кто «подло преклоняется перед подлостью». В таком же остросатирическом ключе выдержан и роман «Ярмарка тщеславия», в котором рассказывается история двух подруг — Ребекки Шарп и Эмили Седли, — развивающаяся на широком социальном фоне.

Обе героини не идеальны. С колыбели воспитывавшейся в атмосфере любви и довольстве Эмили суждено будет испытать унижение бедностью, рано утратить мужа, совершить роковую ошибку, вырастив эгоистом единственного сына. Однако выпавшие на ее долю горести не смягчают ее сердца, не делают ее душу чувствительнее к бедам близких людей. Она глуха к страданиям разорившихся родителей, не способна оценить ненавязчивую преданность верного капитана Доббина. Образ авантюристки Ребекки получился гораздо более ярким. Круглая сирота, без гроша в кармане, но привлекательная и умная Бекки ставит перед собой сверхзадачу — приобщиться к высшему обществу. Ее цель — выгодно выйти замуж. Само по себе желание вступить в брак без любви делает героиню аморальной. Как и следовало ожидать, Бекки оказывается и плохой женой, и плохой матерью, а все ее честолюбивые амбиции терпят крах. Теккерей-моралист прекрасно знает, что порок зачастую намного привлекательнее добродетели, и антигероиня Бекки, подавившая в себе все другие чувства во имя страсти к обогащению, запоминается читателю в первую очередь.

Л. Н. Толстой внимательнейшим образом читал «Ярмарку тщеславия». Неслучайно в «Войне и мире» семейство Ростовых напоминает

Седли, семейство Болконских — Осборнов (даже благороднейший князь Андрей получает ранение при Аустерлице в обстоятельствах, напоминающих сцену смерти Джорджа Осборна); Пьер Безухов — русский вариант Доббина (возможно, с небольшой примесью внешних черт Джоза Седли), а Элен Курагина очень похожа на Бекки.

Теккерей назвал «Ярмарку тщеславия» «романом без героя». В более поздних романах — «Истории Пенденниса» (1848–1850), «Истории Генри Эсмонда» (1852), «Ньюкомах» (1853–1855), «Виргинцах» (1857–1859) и «Приключениях Филиппа» (1861–1862) писатель все же представил свой вариант положительного героя. Им оказалась личность, умеющая отвергнуть житейскую суету. Герой Теккерей обладает многими недостатками, это живой человек с присущими ему слабостями и заблуждениями. Он стремится выразить себя в искусстве, служение которому заменяет ему необходимость возвращаться в обществе, или же пытается ограничить сферу общения друзьями и родными. В последнем романе Теккерей оказалось больше положительных персонажей, чем в любой другой его работе. Эти хорошие люди поддерживают друг друга, подавая благой пример всему миру.

В творчестве Диккенса еще сильны романтические традиции, а Теккерей выступает уже как последовательный реалист, стремящийся отразить в книгах правду жизни. Если «Ярмарка тщеславия» — панорама общественной жизни первой трети XIX в., то все романы писателя, выстроенные в хронологической преемственности сюжетов, рассказывают об изменениях, происходивших в нравах англичан на протяжении полутора веков, и результат этих процессов Теккерей оценивает, в отличие от ведущего историографа викторианской Англии Т. Б. Маколея, пессимистически.

Последователи Диккенса, например, У. Коллинз, заботились о придании романному повествованию занимательности; последователи Теккерей, и прежде всего Джордж Элиот (1819–1880, настоящее имя писательницы — Мэри Энн Эванс) и Энтони Троллоп (1815–1882), посвятили себя кропотливому бытописанию и созданию психологически достоверных характеров.

Высокой репутацией английский роман середины — второй половины XIX столетия обязан Шарлотте Бронте (1816–1855) и ее сестре Эмили (1818–1848), Элизабет Гаскелл (1810–1855), Джорджу Мердиту (1828–1909), Томасу Гарди (1840–1928) и другим выдающимся писателям. Это был век, когда жили и творили такие знаменито-

сти, как Джейн Остин (1775–1817¹⁴), Джон Китс (1795–1821), Роберт Браунинг (1812–1889), Альфред Теннисон (1809–1892), Роберт Луис Стивенсон (1850–1894), Артур Конан Дойл (1859–1930) и еще многие прочие кумиры наших современников. В XIX столетии в Англии появилась детская литература, корифеями которой стали, наряду со Стивенсоном, Джордж Альфред Генти (1832–1902), Льюис Кэрролл (1832–1898) и Редьярд Киплинг (1865–1936). В конце века возшла ослепительная звезда Оскара Уайльда (1854–1900), самого известного из британских декадентов.

Английские эстеты боролись против реализма в искусстве, отказывались от каких бы то ни было моральных норм. Уайльд, например, считал, что к искусству неприменимы категории «нравственное» — «безнравственное», поскольку произведение может быть только хорошим или плохим. Буквальное следование правде жизни, по Уайльду, убивает всякое творчество, а стремление реалистов к правдивости в искусстве привело его к упадку. Задачу литературы, как и всякого искусства, Уайльд видел в том, чтобы доставлять удовольствие. Если предшествующие поколения писателей стремились определить границы добра и зла в мире, то эстеты проповедовали относительность этих понятий. Уайльд был уверен, что грех спасает человека от монотонности существования.

Оскар Уайльд появился на свет в Дублине, в протестантской семье. Его отец был крупным хирургом, мать, писавшая экзальтированные стихи, приобщила сына к литературе. Завершив образование в Оксфордском университете, Уайльд посвятил себя занятиям литературой и эстетикой. Его первый поэтический сборник «Стихотворения» (1882) иллюстрирует стремление автора затвориться от мира в обители чистой красоты. Фраза «искусство для искусства» становится девизом Уайльда, и он стремится запечатлеть совершенную красоту в своих стихотворениях и знаменитых сказках. Как автор романа «Портрет Дориана Грея» (1891) Уайльд пытался показать, что красота превышает морали, искусство выше реальности, а важнее всего на свете — наслаждение. Однако произведения писателя упорно опровергают его декларации: творящие добро сказочные герои по-

¹⁴ Учитывая популярность произведений Дж. Остин в наши дни, обилие сиквелов ее романов и параллельных текстов не только на книжном рынке, но и в фанатском секторе Интернета, позволяющее говорить о подлинной «остиномании», остается только удивляться тому, что гениальные произведения писательницы были оценены по заслугам только во второй половине XX в.

ступают высоконравственно, заблудшие прозревают, жестокие и эгоисты наказываются, а Дориан Грей, посвятивший всю жизнь погоне за наслаждениями, не в силах вынести гнета совершенных им при этом преступлений. Уайльд внес значительный вклад и в историю английской драмы. Самыми известными его пьесами являются парадоксальные, иронические комедии «Идеальный муж» и «Как важно быть серьезным» (обе — 1895).

Год публикации этих пьес стал роковым для Уайльда. Он был судим по обвинению в оскорблении общественной нравственности. Погоня за неизведанными удовольствиями толкнула его, женатого человека и отца двух детей, на гомосексуальные контакты, а разразившийся вслед за этим скандал привел на скамью подсудимых и в тюрьму. По выходе на свободу Уайльд лишился прежних друзей (некоторые даже переходили на другую сторону улицы, чтобы избежать встречи с ним), его чурались, словно он был парией. «Мальчик-звезда» английской литературы конца века умер одиноким, всеми покинутым человеком.

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ В XIX в.

В прошлом браки по любви были большой редкостью, родители дочерей на выданье мало интересовались их чувствами, заботясь прежде всего об их материальном благополучии. Однако в XIX в. любовь стала считаться обязательной предпосылкой заключения брачных уз, девушке предоставлялось право принимать или отвергать жениха. Английская женщина испокон веков, независимо от своего материального или социального положения, играла подчиненную мужчине роль, в той или иной степени вынужденная печься о хозяйстве и детях. В XIX столетии дамы из высших слоев общества главной обязанностью почитали всячески ублажать мужей. Однако в часы, свободные от необременительных домашних хлопот, сводившихся к чисто символической отдаче распоряжений расторопной экономке, дама буквально страдала от необходимости хоть как-то скрасить свой бесконечный досуг. Поездка в экипаже по модным лавкам, чтение, шитье, вышивание и тому подобное рукоделие, карточная игра, поездки в гости, посещение театров, светские рауты, танцы — жизнь женщины из высшего общества протекала в совершенной праздности.

Подражая светским дамам, представительницы низших слоев также зачастую стремились к подобному образу жизни. Дочери фермеров, например, теперь получали образование в пансионах; их учили играть на пианино, петь, танцевать, девушки изучали французский язык и хорошие манеры. Такие барышни, в отличие от их матерей и бабушек, уже тяготились черной работой по дому и на ферме. В родительском доме, как затем и в своем собственном, они стремились к все большей изысканности обстановки. Фермерши нового поколения уже следили только за домашним уютом, распоряжались на кухне, а крестьянскую работу выполняли теперь исключительно наемные работники.

Однако далеко не все женщины из зажиточных и богатых семей довольствовались сидением сложа руки. Как никогда прежде, в XIX в. в Англии появилось много талантливых писательниц — Джейн Остин, три сестры Бронте, Элизабет Гаскелл, Мэри Энн Эванс (печатавшаяся под псевдонимом Джордж Элиот), Мария Корелли и др. «Дамский» роман уверенно осваивал серьезные жизненные проблемы, ставя вопросы, касавшиеся не только женщин и их общественной роли, но и общечеловеческие.

В XIX в. женщины постепенно начинали доказывать, что они не менее мужчин способны на большие дела. Появилась целая плеяда удивительно отважных дам-благотворительниц, которые шли в народ, не гнушаясь ни общества заключенных, ни компании уличных проституток, ставя перед собой задачу вернуть этих людей к нормальной жизни. Почти так же, как Ф. Найтингейл, прославилась героическая квакерша Элизабет Фрай (1780–1845). Дочь банкира и жена богатого лондонского коммерсанта, она, как и другие квакерши, считала праздность величайшим грехом. Хотя у нее была большая семья, требовавшая от нее внимания и сил, миссис Фрай находила время и для заботы об оступившихся членах общества. Она часто посещала женские отделения тюрем, стремясь донести слово Божье до сердец осужденных. Сострадание к отверженным сделало ее выдающейся общественной деятельницей. Это она добилась, чтобы за женщинами-заключенными следили не мужчины, а женщины-надзирательницы. Под ее напором заключенных в тюрьмах начали учить ремеслам: теперь, оказавшись на свободе, они получали шанс заработать на жизнь честным трудом.

Так украшающее женщину милосердие вело по жизни и первую в Англии женщину-врача Элизабет Гаррет (в замужестве Гаррет-Ан-

дерсон, 1836–1917). Проработав несколько лет сестрой милосердия, она уехала в Париж, где получила университетский диплом врача. Вернувшись на родину, она успешно лечила больных, постоянно доказывая, что женщина-медик способна делать это не хуже мужчин. Ее пример, а также проводимая ею агитационная работа способствовали тому, что с 1876 г. женщинам Великобритании было разрешено учиться на медицинских факультетах университетов. Женщины впервые обрели право на получение высшего образования. Это был громадный шаг вперед.

Однако в последние десятилетия XIX в. все громче раздавались требования об эмансипации женщин, о даровании им таких же прав, какими пользовались мужчины. Усилия суфражисток, как называли участниц борьбы за равноправие женщин, привели к тому, что в 1918 г. избирательное право получили женщины, достигшие тридцатилетнего возраста, а десятью годами позднее оно было распространено на всех совершеннолетних.

Суфражистки в определенной степени повлияли и на моду рубежа веков: они предпочитали носить одежду зеленого, белого и фиолетового цветов, потому что соответствующие английские слова, называющие эти цвета, начинались с тех же букв, что и девиз суфражисток — «Дайте избирательное право женщинам!» (Give women Vote! — green, white, violet).

Разумеется, яркая, блестящая общественная карьера в XIX в. была уделом единиц британских женщин, точно так же, как богатство и праздность выпадали на долю абсолютного меньшинства. Можно сказать, что жизнь женщин из неимущих слоев населения стала в это столетие лишь тяжелее: не избавленные от тягот домашних дел, они в то же время пытались заработать деньги на стороне, поступая на промышленные предприятия или в услужение. В этот период женщина взвалила на свои плечи груз, который несет и поныне, зарабатывая на жизнь и отвечая за свою семью.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В XX ВЕКЕ

БЕДНЯЖКА БЕРТИ

У королевы Виктории и принца Альберта было весьма пристрастное отношение к старшему сыну, наследнику престола Альберту Эдуарду (1841–1910), будущему Эдуарду VII (1901–1910). Берти, как его звали в семье в детские годы, разочаровывал родителей своим слишком резвым темпераментом, любовью к развлечениям и отсутствием прилежания. У принца Альберта были серьезные опасения, что сын унаследовал характер его матери, которую он фактически потерял в детстве, после того как та была уличена в супружеской неверности и, получив развод, отправлена в ссылку.

Маленький принц Уэльский был постоянным объектом недовольства и мелочных придирок для своих родителей, а те в стремлении всенепременно обуздать буйное чадо доходили до того, что увольняли со службы воспитателей, если они любили и баловали мальчика, обрекая бедняжку Берти на необходимость постоянно пребывать во власти чопорного педанта. Гувернер Берти Фредерик Гиббс, который полностью устраивал Викторию и Альберта, ежедневно составлял для них отчеты о поведении и успехах своего питомца. По стране ползли слухи о том, что королева и принц слишком явно проявляют антипатию к наследнику престола. Бывавшие при дворе замечали, что мать смотрит на сына стальным взглядом, а мальчик, обычно живой и общительный, при ней явно теряется и от страха начинает заикаться.

Королева Виктория

Англичане, традиционно симпатизировавшие принцам Уэльским, считали, что Виктория слишком явно проявляет антипатию к сыну, и верили, что виноват в этом принц Альберт.

Впрочем, формально Берти не был ущемлен в своих правах. В семнадцать лет ему предоставили отдельные апартаменты и свиту, произвели в полковники и рыцари ордена Подвязки. Однако юноше не удалось избавиться от мелочной опеки — на смену Гиббсу пришел полковник Брюс, наделенный родителями принца полномочиями контролировать каждый его шаг.

Альберт Эдуард первым из британских престолонаследников посещал занятия в университетах. Сперва он изучал прикладные науки в Эдинбурге, затем стал студентом Оксфорда, предполагая в дальнейшем продолжить образование в Кембридже. Одновременно он много путешествовал, выполняя при этом дипломатические функции. Он побывал у своей старшей сестры Виктории в Пруссии, в Ватикане, Канаде (он открывал мост через реку Св. Лаврентия), в США — и везде его встречали с большой теплотой. Триумфы сына, увы, не смягчи-

Эдуард VII

ли сердец родителей. Они все еще были убеждены, что юноша растет беспутным, преисполненным уверенности в значимости собственной персоны. Было решено, что Берти необходимо женить, чтобы добродетельная супруга могла оказать на него благотворное влияние.

Выбор принцессы-протестантки в качестве невесты принца Уэльского всегда был делом серьезным. Учитывая сложный характер сына, королева и принц-консорт, остановившиеся на кандидатуре Александры (1844–1925), старшей дочери короля Дании Кристиана IX, попросили для верности встретиться с ней старшую дочь. Молодая Виктория отозвалась о девушке в самых лестных тонах. Высокая, изящная, с копной роскошных рыжих волос, фиалковыми глазами и великолепной матовой кожей, Александра была ослепительно хороша собой. Вопрос о свадьбе был решен уже в 1861 г., однако из-за смерти принца Альберта бракосочетание состоялось лишь два года спустя, 10 мая 1863 г.

Скромница Александра сразу оказалась в центре жизни двора, поскольку Виктория долго не покидала Виндзор и до конца своих

дней носила траур, благодаря чему представительские функции были возложены на принца и принцессу Уэльских. Даже в этот период Виктория продолжала сомневаться в сыне — вплоть до 1892 г. она не допускала его к бумагам, готовившимся для монархини кабинетом министров. Альберту Эдуарду приходилось довольствоваться исполнением церемониальных обязанностей.

Став совершеннолетним и вырвавшись из-под бдительной опеки наставников, молодой принц с жадностью отдался всевозможным развлечениям. Обаятельный бонвиван, он оказался не слишком верным мужем, хотя Александра и подарила ему двух сыновей и трех дочерей (старший из сыновей принца и принцессы Уэльских Альберт, герцог Кларенс, скончался в 1892 г., открыв дорогу на престол принцу Георгу; одна из дочерей Альберта Эдуарда и Александры, принцесса Мод Шарлотта Мария Виктория, вышла замуж за короля Норвегии). Принц Уэльский оказался в центре шумного скандала вокруг графини Эйлисфорд.

Очаровательная Эдит была замужем, что ничуть не сдерживало ее пылких поклонников. Во время визита принца в Индию его сопровождал муж графини, а тем временем в Лондоне старший сын герцога Мальборо Блэндфорд Черчилль — родной дядя знаменитого премьер-министра Уинстона Черчилля — добился ее особых милостей. По возвращении домой принц, разгневанный сильнее обманутого супруга, потребовал, чтобы граф Эйлисфорд развелся с женой, а также настаивал, чтобы наследник герцогского титула развелся со своей супругой и женился на Эдит. В ходе этого скандала британский бомонд раскололся на две партии, поддерживавшие соответственно принца и молодого Черчилля. Масла в огонь подлил младший брат Блэндфорда, член парламента Рэндольф Черчилль: желая выгородить родственника, он перешел границы дозволенного, когда начал шантажировать наследника престола, угрожая обнародованием его писем к Эдит. Зарвавшийся парламентарий даже хвалился, что судьба короны в его руках — едва ли дискредитированный в глазах народа принц мог надеяться унаследовать трон своих предков. Дело чуть не дошло до дуэли, которая не состоялась только потому, что Рэндольф не посмел принять вызов престолонаследника.

По просьбе не на шутку встревоженной и возмущенной очередной глупостью сына королевы Виктории конец скандалу положил Бенджамин Дизраэли. Герцог Мальборо был назначен вице-королем Ирландии при условии, что уедет туда вместе с младшим сыном.

XX ВЕК НАЧАЛСЯ: ЭДВАРДИАНСКАЯ БРИТАНИЯ

На протяжении первой половины XX столетия на британском престоле находились два короля по имени Эдуард и два Георга: Эдуард VII (1901–1910) — такое тронное имя принял принц Уэльский Альберт Эдуард, его сын Георг V (1910–1936) и внуки, Эдуард VIII (1936) и Георг VI (1936–1952).

Эдуард VII, пользовавшийся большой симпатией подданных британской короны в бытность принцем Уэльским, сохранил их любовь и тогда, когда стал королем. Страна дружно переживала, когда перед самой коронацией, назначенной на 26 июня 1902 г., у нового короля случился приступ аппендицита, из-за чего торжественная церемония — единственный раз за всю историю страны — была перенесена на 9 августа.

После чопорной Виктории, глубоко уважаемой, но такой скучной в своем педантизме, страна обрела жизнелюбивого, веселого, остроумного монарха, который обладал значительно большим вкусом, чем его мать, и любил окружать себя модными новинками. Король обожал скачки, азартные игры — его подданные тоже были не прочь поразвлечься таким же образом.

Однако по степени притягательности для публики никакие бега в эдвардианской Англии не могли сравниться с кино. Англичане весьма неохотно отдают пальму первенства в создании кинематографа братьям Люмьер, считая, что в те самые времена, когда Париж замирал от восторга, глядя на несущийся по экрану поезд, в Англии уже родилось свое кино. Пионерами британского кинематографа называют производителя оптических инструментов Берта Эйкрса, запечатлевшего на пленке скачки в Дерби и открытие Кильского канала и демонстрировавшего свои фильмы в узком кругу с августа 1895 г. фотографа Уильяма Фриз-Грина, снявшего свой первый фильм в Гайд-парке якобы в 1889 г., а также Роберта Уильяма Пола, сконструировавшего проекционный аппарат, который начали применять для кинопоказов с 1895 г. В 1896 г. киносеансы стали постоянными, а еще одиннадцать лет спустя британские кинематографисты создали национальную ассоциацию. К концу следующего века в Британии работало около 1300 кинотеатров. Однако подлинный бум кино пережило в середине 1950-х годов — когда кинотеатры ежегодно посещали 25 млн человек. Сейчас мощную конкуренцию кинотеатрам составляют телевидение,

Принц Уэльский, будущий Эдуард VIII

Интернет и домашние видеотеки. Многие британские телекомпании, и прежде всего Четвертый канал (Channel 4), с успехом снимают собственные фильмы.

Отличительной чертой британского кинематографа является не изменяющее режиссерам тяготение к классике: на всем протяжении его истории они отдавали предпочтение сценариям, написанным по великим романам и драмам. Не приходится удивляться, что именно в Британии к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина был приурочен выход на экраны «Евгения Онегина».

В эдвардианскую эпоху, как иногда называют первое десятилетие XX в., новшества коснулись не только развлечений, но и других сфер жизни британцев. В начале столетия по дорогам Англии стали разъезжать новенькие британские автомобили. Сперва этот вид транспорта вызывал серьезные опасения, и из соображений безопасности перед самодвижущимися экипажами должны были бежать скороходы, в обязанности которых входило предупреждение встречных о приближении чихающего бензиновыми парами чуда техники. Первые авто были привезены в Британию из-за границы, но уже в 1904 г. возникла знаменитая британская автомобилестроительная фирма «Роллс-Ройс», и поныне сохраняющая лидерство в производстве элитной продукции. Отличительной эмблемой «Роллс-Ройсов» является фигурка «летающей леди» на капоте. Автомобиль становился не только средством передвижения — первые автобусы пошли в Лондоне в 1905 г., — но и страстью, любимой игрушкой респектабельных британцев. Сейчас в Англии «эдвардианскими автомобилями» называют машины выпуска 1906–1918 годов.

Уже в 1897 г. в Лондоне был основан существующий по сей день Королевский автомобильный клуб, в настоящее время — центральная организация автомобильного спорта Соединенного Королевства. В 1905 г., с увеличением числа автолюбителей, возникла и Автомобильная ассоциация, призванная оказывать им как техническую, так и юридическую помощь.

В эдвардианской Англии начали широко применяться телефоны, устанавливавшиеся и в учреждениях, и в частных домах, а во второй половине 1900-х популярными стали и первые радиоприемники. Чудом техники казались и первые фонографы — создателем аппарата для записи и воспроизведения звуков был американский изобретатель Томас Эдисон. Звукозапись в фонографе велась на небольшой, покрытый твердым слоем воска валик, качество ее было низким, да и портилась она очень быстро. Зато уже в середине века во многих британских домах были граммофоны и собственная фонотека — грампластинки популярнейшей в мире компании «Электрик энд мьюзикл индастриз» получили фирменное название «Хиз мастерз войс» (голос его хозяина), так как на этикетках изображался пес, культовое животное британцев, внимательно слушающий граммофон.

На рубеже 1900–1910-х годов в небе Англии появились первые моторные самолеты. Неслучайно герой сказки К.Грэма «Ветер в ивах»

(1908) мистер Жабб, живо интересовавшийся новинками технического прогресса, после серии автомобильных приключений-злключения увлекся идеей покорить небо.

Британия по-прежнему оставалась самой могущественной страной, однако ее все более опасными соперниками как «мастерской мира» становились Соединенные Штаты и Германия, где шло стремительное техническое перевооружение промышленности. Германия, чувствуя себя обделенной при разделе колоний, угрожала британским владениям. Несмотря на тесные родственные связи британского и германского правящих домов, две страны приближались к драматическому военному столкновению. В этих условиях необычайно важным было укрепление связей с Францией. Король Эдуард VII был прозван Миротворцем не только потому, что при нем завершилась Англо-бурская война. Часто посещая зарубежные страны, король-дипломат в мае 1903 г. побывал в Париже, и этот его официальный визит в республиканскую Францию способствовал заключению между Англией и Францией в 1904 г. дипломатического союза — Антанты («сердечного согласия»), благодаря которому в Первой мировой войне державы выступили вместе. В 1907 г. аналогичный союз был заключен между Великобританией и Россией. По этому поводу состоялся исторический визит Эдуарда VII в Россию. Впервые он побывал в нашей стране в качестве наследного принца еще в 1865 г., представляя британский королевский дом на свадьбе будущего Александра III и Марии Федоровны, и по этому поводу был возведен в чин полковника императорской гвардии, однако 9 июня 1908 г. он прибыл с государственным визитом, первым в истории наших стран.

В эдвардианскую эпоху заметно изменилась и палитра внутренних политических сил Британии. В 1900 г. появился Комитет рабочего представительства, который в 1906 г. был преобразован в лейбористскую партию, ставшую главным оппонентом партии консерваторов в XX столетии. Однако и консервативная партия претерпела серьезные изменения, стремясь добиваться целей, ранее ей не интересных: уже в 1902 г. правительство консерваторов во главе с премьер-министром графом Бальфуrom (1848–1930) приняло закон об образовании, по которому школьное образование могли получить все дети. Однако низшие слои населения по-прежнему жили в крайней нужде, и для большинства бедных семей закон остался мертвой буквой: детям бедных родителей приходилось бросать учебу уже в одиннадцатом классе.

цать-тринадцать лет, чтобы начинать трудиться на семью. Вниманием к проблемам подрастающего поколения объясняется и создание первой в истории детской организации — движения скаутов, возникшего в Англии в 1907 г.

В 1905–1916 годах к власти пришли либералы. В 1908 г. правительство Герберта Генри Асквита (1852–1928) приняло закон о выплате пенсий, а через год после смерти Эдуарда VII, в 1911 г., начала осуществляться выплата страховых пособий по безработице и болезням. Это было серьезное достижение на пути демократизации британского общества, уничтожившее позорную практику содержания бедняков в работных домах.

В этот период Англия становится весьма притягательной для русской аристократии. Тон задает вдовствующая императрица Мария Федоровна, нежно любившая свою родную сестру, королеву Александру, и с удовольствием гостившая у нее вместе со вторым мужем, князем Шервашидзе. Вместе с ней приезжали ее дочери Ксения и Ольга со своими семьями и другие представители дома Романовых, например, великий князь Михаил Александрович, брат Николая II, изгнанный из России за морганатический брак, заключенный в 1912 г.

В Лондон зачастили и русские политэмигранты. Еще в середине XIX в. А. И. Герцен основал там Вольную русскую типографию для публикации книг, запрещенных российской цензурой, а в 1857–1867 годах издавал совместно с Н. П. Огаревым первую русскую революционную газету «Колокол». В. Г. Чертков, друг и поклонник Л. Н. Толстого основал в британской столице издательство «Свободное слово», в котором начиная с середины 1890-х годов вышли почти все запрещенные в России или подвергшиеся купюрам произведения великого писателя, а также «Издательство Свободного века», обладавшее монополией на выпуск англоязычных переводов сочинений Толстого. Однако в эдвардианской Англии обосновались и новые революционные силы: Лондон облюбовали представители Российской социал-демократической рабочей партии. С апреля 1902 по апрель 1903 г. в британской столице под фамилией Рихтер проживали В. И. Ленин и Н. К. Крупская: Ленин занимался изданием газеты «Искра» и работал в библиотеке Британского музея, безжалостно оставляя пометки на полях библиотечных книг. В Лондоне прошли и два съезда РСДРП: Второй (август 1903 г.), на котором партия разделилась на большевиков и меньшевиков, и Пятый (май 1907).

БРИТАНИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И ИРЛАНДСКИЙ ВОПРОС

К началу XX столетия Великобритания пришла, уже утратив положение самой экономически высокоразвитой державы. С 1860 по 1913 г. вдвое сократилась ее доля в мировой добыче угля, еще более заметным стал спад в производстве британского чугуна, сократившемся за указанный период почти в четыре раза. Лишь недавно вступившие на путь промышленного развития США и Германия легко обогнали по основным показателям старую «мастерскую мира». Это стало возможным прежде всего потому, что молодые американские и немецкие предприятия оснащались по последнему слову техники, в то время как британская промышленность, работавшая на физически и морально устаревшем оборудовании, нуждалась в коренной модернизации. Положение усугублялось тем, что вкладывать британские деньги в национальную промышленность стало значительно менее выгодным, чем инвестировать капиталы в колонии или в экономику других государств. На фоне обозначившегося отставания в области промышленного производства Великобритания оказалась мировым лидером по экспорту капиталов. Следствием такой экономической политики явилось резкое ухудшение положения британского рабочего класса, обнищание народа и массовая безработица. В предвоенные годы Британию трижды — в 1900–1903, 1907–1908 и 1914 г. — охватывали тяжелые экономические кризисы. Таким образом, к началу Первой мировой войны страна подошла далеко не в самом идеальном экономическом состоянии.

Близкородственные связи трех европейских монархов — британского короля Георга V, германского кайзера Вильгельма II и русского императора Николая II, даже внешне похожих друг на друга, как родные братья, — не удержали Европу и мир в целом от сползания к войне. К исходу XIX столетия мир оказался поделен между основными европейскими державами. Самые крупные колониальные владения принадлежали Великобритании, Франции и могущественной царской России. На фоне этих трех гигантов Соединенные Штаты, Германия и Япония чувствовали себя обделенными. Германские империалисты открыто требовали территориального передела мира, что не могло не настораживать старые колониальные державы. В начале XX в. Европа фактически оказалась расколотой на два враждебных военных блока. Созданному в 1882 г. Тройственному союзу, объеди-

Георг V и Николай II

нижнему Германии, Австро-Венгрии и Италии, противостояли старые колониальные империи, создавшие Антанту.

Германия, остро соперничавшая с Британией в «драке за Африку», видела в ней своего основного соперника, а британское правительство, готовясь к неизбежной войне, стремилось не только нанести сокрушительный удар по врагу, но и ослабить своих союзников по Антанте, вернув себе тем самым положение мирового лидера.

После трагедии в Сараево, где сербскими националистами был застрелен австрийский престолонаследник эрцгерцог Франц Фердинанд, стремительное развитие событий в Европе привело к началу военных действий. 28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии, и в России, всегда поддерживавшей братьев-славян,

началась срочная мобилизация. Это послужило поводом для объявления Германией войны России, последовавшего 1 августа. Два дня спустя Германия начала военные действия против Франции, а 4 августа в войну вступила Великобритания. Непосредственным поводом для такого решения британского правительства стало вторжение германских войск в нейтральную Бельгию. Этот шаг смотрелся необычайно благородно — могучая империя выступила на защиту маленького государства, в судьбах которого принимала самое горячее участие со времен воцарения на бельгийском престоле Леопольда Кобургского.

Оккупация Бельгии и вероятность захвата севера Франции Германией создавали реальную угрозу Британии, ощущавшуюся практически всем ее населением. На волне патриотизма, охватившей нацию, народ активно поддерживал решение правительства о вступлении страны в войну. Огромное число добровольцев выразили желание немедленно отправиться в Европу, и в дальнейшем правительство также не испытывало сложностей с призывом в действующую армию. Британский патриотизм нашел выражение и в массовом отказе британцев от покупки немецких товаров, а король Георг V принял решение об изменении названия правящей династии — так монархи из рода Саксен-Кобург-Гота превратились в Виндзоров.

Вступление страны в войну отразилось на качестве жизни британцев. Осенью 1914 г. наблюдался стремительный рост цен, в том числе и на товары первой необходимости, ощущавшийся особенно болезненно из-за сохранения довоенного уровня заработной платы. Тем не менее в начале войны британские трудящиеся работали на победу, воздерживаясь от забастовок. Однако уже в феврале 1915 г. по Глазго прокатилась волна стачек. В результате правительство было вынуждено пойти на законодательное запрещение забастовок на предприятиях, выпускавших продукцию для фронта, но подобные правительственные меры не смогли предотвратить новые волнения. Например, в июле 1915 г. в Южном Уэльсе началась забастовка шахтеров, в которой приняло участие около 200 тыс. человек. Прекратить стачку удалось только гарантией более высокой заработной платы.

Согласно плану германского генерального штаба, возглавлявшегося генерал-полковником Хельмутом Иоганном Мольтке, немецкая армия, пройдя через территорию Бельгии, должна была выйти к Парижу с западного и южного направлений и ударить в тыл англо-французской армии, ожидавшей главного удара на севере и востоке

страны. Однако незначительные отклонения от плана военных действий обернулись против немцев, предопределив не только позорную отставку Мольтке, но и дальнейший характер военных действий на западном фронте. 23 августа 1914 г. продвижение германской армии было остановлено у Монса силами британского экспедиционного корпуса под командованием фельдмаршала Джона Френча¹.

Проигранное Германией Марнское сражение (5–9 сентября 1914 г.), в котором французы и англичане впервые вынудили противника отступить, окончательно сорвало план блицкрига в Западной Европе, и боевые действия приняли вялотекущий позиционный характер, сопровождаясь, однако, колоссальными потерями с обеих сторон. Линия окопов на западном фронте протянулась от Остенде до границ нейтральной Швейцарии. Одновременно Британия вела активные боевые действия на море. В декабре 1914 г. германский флот потерпел серьезное поражение в сражении у Фолклендских островов, что, в свою очередь, способствовало успешному захвату союзниками немецких колоний в Африке и на Тихом океане.

В 1915 г. основные военные действия развивались на русско-германском фронте, однако попытки Франции и Англии выйти из тупика позиционной войны не увенчались успехом. В этот период англичане участвовали в отдельных наступательных операциях в Европе, вели локальные действия в районе Дарданелл, Суэцкого канала и Месопотамии. Антанта перешла к экономической блокаде Германии. В феврале, после начала военных действий между Турцией и Россией на Кавказе, англо-французские войска начали Дарданелльскую операцию, в ходе которой предполагалось овладеть Дарданеллами, Босфором и Константинополем². В случае успеха союзникам удалось бы отвлечь на запад Турции значительные силы с кавказского направления, что облегчило бы военные действия в районе Суэцкого канала. В то же время, контролируя Черноморские проливы, Англия и Франция получили бы мощный рычаг воздействия на Россию, издавна соперничавшую с Англией за влияние на Балканах и на Ближнем Востоке. Однако ни морская операция, проводившаяся с 19 февраля по 18 марта, ни попытки высадки десанта на Галлипольский полуостров,

¹ По его имени в России стали называть военные тужурки характерного покроя, столь любимого советскими государственными деятелями 1910–1950-х годов.

² Автором ее плана был Уинстон Черчилль, в те годы первый лорд Адмиралтейства. После провала операции он был вынужден выйти в отставку.

предпринимавшиеся в апреле и августе под командованием генерала Гамильтона, не увенчались успехом, и к концу года дальнейшее проведение Дарданелльской операции было признано нецелесообразным. Потеряв около 120 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, Великобритания эвакуировала свои войска с полуострова.

Кампании 1915 и 1916 годов были отмечены применением противниками новых вооружений. 22 апреля 1915 г. в районе бельгийского города Ипра немцы впервые в истории применили химическое оружие, которое в дальнейшем использовалось обеими воюющими сторонами. Вскоре противогаз стал обязательным элементом боевой экипировки участников войны. Однако до того многие тысячи человек успели потерять жизнь или здоровье: только под Ипром отравление ядовитым газом, в трети случаев оказавшееся смертельным, получили свыше 15 тыс. человек. Роковыми последствиями воздействия иприта — так была названа эта адская смесь — становились легочные заболевания и слепота.

В 1915 г. Британские острова впервые подверглись воздушным налетам — немецкие дирижабли «цеппелины» начали применяться для бомбардировки английских городов. В свою очередь англичане стали использовать в военных целях воздушные шары, а созданные 1 апреля 1918 г. Королевские военно-воздушные силы к концу войны регулярно бомбили немецкие позиции. 15 сентября 1916 г. в ходе операции на реке Сомме были испытаны первые британские танки. Бронированные чудовища на гусеничном ходу были детищем английского изобретателя сэра Эрнста Суинтона (1868–1951), который еще в октябре 1914 г. предложил использовать их как средство защиты пехоты от пулеметного огня противника. Британские военные недоверчиво отнеслись к неуклюжей и громоздкой новинке, однако благодаря усилиям тогдашнего первого лорда Адмиралтейства — военно-морского министра — Уинстона Черчилля (1874–1965)³ они все же были приняты на вооружение. Следует отметить, что танки оказались, помимо

³ Черчилль отличался необычайно упрямым характером. В детстве он занимался лишь тем, чем хотел. Это не позволило ему продолжить образование в университете. Черчилль с энтузиазмом отправился на военную службу, надеясь не посрамить славы своего легендарного предка — Джона Черчилля, первого герцога Мальборо (Уинстон был внуком пятого герцога). Выйдя в 1899 г. в отставку, Черчилль занялся политикой, и на этом поприще его упрямство превратилось из недостатка в достоинство, в умение настаивать на своем. В 1900 г. он был избран в парламент как член партии консерваторов, но в 1904 г. перешел в стан ли-

всего прочего, мощным психологическим оружием, способным одним своим видом посеять панику во вражеских рядах.

Большую роль в морских сражениях Первой мировой играли подводные лодки — Германия вела настоящую подводную охоту не только на боевые корабли противника, но и на транспортные суда, осуществлявшие доставку военной техники из США в Великобританию. В 1916 г. значительных успехов добился и британский военноморской флот, который в Ютландском сражении 31 мая — 1 июня потопил одиннадцать германских кораблей. В целом к концу 1916 г. стратегическая инициатива в ведении боевых действий перешла к Антанте.

Испытывая трудности в ведении войны на два фронта, Германия неоднократно предпринимала попытки заключения сепаратного мира с Россией, наталкивавшиеся на категорический отказ царского, а затем и Временного правительства. Пришедшие к власти и до октября 1917 г. выдвигавшие лозунг поражения царского правительства в войне, большевики выступили с инициативой начать мирные переговоры и заключить справедливый мир. Однако Великобритания, Франция и вступившие на их стороне в войну 6 апреля 1917 г. США были против. Это предопределило начало сепаратных переговоров между Россией и Германией, закончившихся подписанием Брест-Литовского мира 3 марта 1918 г. Причины, побудившие большевистскую Россию к такому шагу, хорошо известны. Однако они не встретили ни понимания, ни сочувствия в странах Антанты; в частности, в Великобритании большинство населения оценивало действия русских как предательство союзников. Людям не было дела до того, что большевистская Россия не признавала обязательств, взятых предшествующими правительствами страны. Так в результате событий 1917 г. в России военный союз Великобритании, Франции и России распался. Британия выступила одним из инициаторов вооруженной интервенции против молодого советского государства — в марте 1918 г. британские войска высадились в Мурманске, захватили Архангельск, а также оккупировали районы Средней Азии и Закавказья.

Выход России из войны не принес Германии особого облегчения — в начале лета 1918 г. в Европе начали энергично действовать

бералов. Четыре года спустя он занял свой первый министерский пост, а в 1924 г. вернулся к консерваторам.

американцы. Пройгнорировав американский фактор, 15 июля немцы попытались перейти в наступление в районе реки Марны, однако всего три дня спустя союзники перешли в контратаку. К концу сентября англо-французские и американские войска перешли в общее наступление и вынудили немцев начать отход с территории Франции. Натиск союзных войск усилился и на других фронтах. В результате началась капитуляция стран-сателлитов Германии в Первой мировой войне. 29 сентября 1918 г. капитулировала Болгария, 30 октября — Турция. 3 ноября — Австро-Венгрия. 11 ноября 1918 г. кайзеровская Германия вынуждена была признать себя побежденной.

В годы Первой мировой родилось понятие Британского содружества, включавшее Британию и ее самоуправлявшиеся доминионы. В 1931 г. добровольность Содружества получила законодательное подтверждение. В дальнейшем, даже став независимыми государствами, многие бывшие британские колонии остались членами Содружества, главой которого считается британский монарх.

Первая мировая война обернулась для Британии и ее колоний серьезными потерями. Из 10 млн воинов, павших на полях сражений, на долю подданных Британской империи пришлось 1 089 900 человек, еще примерно 2 млн получили тяжелые ранения. К перечню военных жертв следует добавить еще 150 тыс. человек, скончавшихся в 1918–1919 годов от невиданной по силе эпидемии гриппа. Вместе с тем Британия вышла из войны победительницей. В качестве военных трофеев по Версальскому мирному договору под ее контроль перешла значительная часть бывших германских колониальных владений в Восточной и Юго-Западной Африке, а также существенные территории на Ближнем Востоке, отторгнутые от турецкой Османской империи.

Окончание войны повлекло за собой новые проблемы. За годы войны Британия накопила большую финансовую задолженность Соединенным Штатам (долг превысил 4 млрд долларов), что в дальнейшем послужило стимулом для перелома в отношениях двух стран. США удалось добиться не только экономического превосходства над бывшей метрополией, но и взять на себя роль политического лидера. Обострила война и внутренние проблемы, главной из которых оставался ирландский вопрос.

Еще в 1870 г. в Ирландии возникла ассоциация по борьбе за предоставление стране самоуправления. В парламенте ирландские депутаты трижды — в 1886, 1892 и 1912 г. — ставили вопрос о введении

гомруля. Будучи принят палатой общин в третьем чтении, билль о предоставлении самоуправления Ирландии застрял в палате лордов, воспользовавшейся правом задержать его рассмотрение на максимально допустимый срок, и постановление парламента вступило в силу только в 1914 г. после двухлетней проволочки. Однако в связи с началом Первой мировой войны его действие было приостановлено.

Многие в Ирландии отнеслись к этому с пониманием. Даже самые пылкие ирландские патриоты считали своим долгом вступить в британскую армию и бороться против общего врага. Однако члены Ирландского республиканского братства, или фении (в 1919 г. из этой организации родилась печально известная террористическими акциями Ирландская республиканская армия), и партия «Шин фейн», что в переводе с ирландского означает «мы сами», не прекратили антиправительственных акций даже в военное лихолетье. С 24 по 29 апреля 1916 г. в Дублине произошло подготовленное ими националистическое восстание, вошедшее в историю под названием «Восстания на Пасхальной неделе», или Ирландского восстания 1916 г.

Мятежники захватили ключевые государственные учреждения в Дублине и провозгласили Ирландию республикой. Президентом временного республиканского правительства стал руководитель восстания Патрик Пирс. Благодаря решительным действиям британской администрации, вынужденной прибегнуть к помощи армии, восстание удалось локализовать в Дублине, где мятежников принудили к безоговорочной капитуляции. В результате пятнадцать человек, стоявших во главе восстания, были преданы смертной казни. Этой участи избежал лишь один лидер ирландских националистов Имон де Валера (1882–1975), будущий премьер-министр и президент Ирландской республики.

На первых послевоенных выборах шинфейнеры завоевали подавляющее большинство голосов ирландских избирателей, но вместо того, чтобы отправиться в Лондон, депутаты-националисты учредили собственный парламент в Дублине. Одновременно Ирландская республиканская армия развязала войну против британских сил поддержания правопорядка, принудив правительство пойти на уступки. В 1921 г. Ирландия была разделена на две области. 26 графств образовали Ирландское Свободное государство (в 1923 г. оно получило статус британского доминиона), а остальные шесть, две трети северо-восточной протестантской провинции Ольстер, составляющие всего 17% от общей территории острова, остались в составе Соединенного Королевства

как Северная Ирландия.⁴ В 1937 г. Ирландское Свободное государство стало именоваться Эйре, а в 1949 г. обрело полную независимость, превратившись в суверенную Ирландскую республику.

К сожалению, раздел Ирландии не решил главной ирландской проблемы, сохранив противостояние католической и протестантской общин, принявшее особенно острые формы в Северной Ирландии. Католики Ольстера настойчиво добиваются присоединения провинции к Ирландской республике, в то время как протестанты желают сохранить британское подданство. Усилиями британского правительства ситуацию в Ольстере в последнее время удалось стабилизировать, но установившийся в Северной Ирландии мир все еще слишком хрупок и может в любой момент взорваться под напором националистических и религиозно-экстремистских настроений⁵.

БРИТАНИЯ В 1920–1930-е ГОДЫ

В период между Первой и Второй мировыми войнами Британией правили три монарха и восемь кабинетов. Во главе коалиционного правительства в 1916–1922 годах стоял Дэвид Ллойд Джордж, затем к власти пришли два правительства консерваторов — примерно по году у власти находились премьер-министры Эндрю Бонар Лоу и Стэнли Болдуин, на несколько месяцев 1924 г. к власти пришли лейбористы с Рамсеем Макдональдом во главе, после чего она вновь досталась консервативному правительству Болдуина, просуществовавшему до 1929 г. На смену ему пришел кабинет Макдональда, однако этот премьер-министр в 1931 г. вынужден был пойти на создание коалиционного правительства.

Коалиционными были также последующие правительства Болдуина (1935–1937) и Невилла Чемберлена (1937–1940).

Оптимистические настроения, характерные для нации — победительницы в страшной войне, в Великобритании быстро сошли на нет. Если первые послевоенные годы в стране были отмечены некоторым оживлением промышленности, то уже в начале 1920-х начали возни-

⁴ Раздел Ирландии стал прологом к крушению британской колониальной системы во второй половине XX в.

⁵ Уже в XXI столетии эта часть Соединенного Королевства столкнулась с дополнительными проблемами, связанными с выходом страны из Европейского Союза, который породил новый раскол среди населения Ольстера.

Дэвид Ллойд Джордж

кать серьезные экономические проблемы. Прежде всего остро ощущалась нехватка рабочих мест.

Первая мировая значительно расширила социальные возможности женщин, труд которых был востребован на предприятиях военной промышленности, где они заменили ушедших на фронт мужей. Широкая вовлеченность женщин в производство способствовала изменению отношения к их гражданским правам. Уже в 1918 г., на исходе войны, парламент принял новый закон о выборах, по которому участвовать в них могли женщины старше 30 лет и все достигшие гражданского совершеннолетия (тогда — 21 года) мужчины, а десять лет спустя женщины, наконец, были полностью уравнены в избирательных правах с представителями сильного пола. Между тем достигнутое равенство обострило положение на рынке труда. После войны женщины-работницы не горели желанием, а порой и не имели возможности вернуться к домашнему очагу, уступив место демобилизованным солдатам.

Артур Невилл Чемберлен

Однако главные экономические трудности были связаны с тем, что производимые в Британии товары предназначались в основном для реализации на внешних рынках, и прежде всего в европейских странах. Поскольку все они вышли из войны обескровленными, товарный спрос на этом традиционном для Британии рынке сбыта катастрофически упал, объем внешней торговли сократился более чем в два раза, и страна столкнулась с кризисом перепроизводства, следствием которого стала массовая безработица. В 1921 г. количество безработных достигло миллиона. Резко упала и покупательная способность британской национальной валюты, что ослабило положение Британии как международного банкира.

Именно в эти годы к разработке своей программы приступил один из крупнейших западных экономистов XX столетия Джон Мейнард Кейнс (1883–1946), стремившийся выявить условия для бесперебойного процесса общественного производства. Очевидец вели-

чайших экономических кризисов, он считал возможным избежать их за счет всемерного увеличения внутренних расходов государства, чему на рубеже 1910–1920-х годов мешали репарационные выплаты, к которым по условиям Версальского мирного договора была приговорена побежденная Германия. Основу кейнсианства заложила публикация исследования Кейнса «Экономические последствия мира» (1919).

Снижение уровня жизни вызывало резкий протест в пролетарских слоях населения, а социалистическая революция в России явилась мощным стимулом для роста рабочего движения. Призрак пролетарской революции угрожающе навис над страной. В 1919 г. в ходе очередной забастовки рабочих Глазго на здании муниципалитета был вывешен красный флаг. Заметно активизировалась деятельность основанной в 1911 г. Британской социалистической партии. В 1919 г. британские социалисты присоединились к ленинскому Коммунистическому интернационалу, а годом позже из ряда политических партий и организаций социалистического толка — Британской социалистической партии, Социалистической лейбористской партии, Социалистического общества Южного Уэльса и Социалистической федерации рабочих — выкристаллизовалась коммунистическая партия Великобритании.

В создавшихся условиях одной из главных форм борьбы с коммунистической угрозой стала война против Советской России. Еще 23 декабря 1917 г. Англия и Франция подписали соглашение о вооруженной интервенции против Советов с последующим разделом страны на сферы влияния. 9 марта 1918 г. страны Антанты высадили свой первый десант на территории России, сосредоточив в районе Мурманска примерно десятитысячную армию и приступив к захвату севера европейской части России, намереваясь в дальнейшем двинуться на Москву. Столицей оккупированной Северной области стал захваченный 2 августа Архангельск.

В апреле 1918 г. началась интервенция на Дальнем Востоке, в которой, кроме Великобритании, приняли участие Япония, Франция и США. Силы Антанты энергично поддерживали армию адмирала Колчака, инспирировали печально знаменитый мятеж чехословацкого корпуса, стимулировали контрреволюционные выступления на местах. Тем временем англичане укрепляли свои позиции в Закавказье и Средней Азии. Натиск на Россию усилился после капитуляции Германии. В ноябре — декабре 1918 г. в Севастополе и Одессе был

высажен восьмидесятитысячный десант, войска были введены также в Прибалтику и Финляндию. Антанта стремилась взять Советскую республику в кольцо, а затем одновременными ударами с севера, востока, юга и запада завладеть Петроградом и Москвой.

После Парижской мирной конференции 1919 г., где Англия, Франция и США более всего дискутировали русский вопрос и разрабатывали планы совместных антисоветских действий, Антанта предприняла три похода на Россию (март-июль 1919 г., июль 1919 — февраль 1920 г. и февраль 1920 — ноябрь 1922 г.). Ключевая роль в организации этих походов принадлежала Д. Ллойд Джорджу и У. Черчиллю. Политические задачи Антанты не были решены. К концу 1920 г. основные силы интервентов были разгромлены, а 1921 и 1922 годы в России прошли под знаком подавления остаточных очагов контрреволюции.

Британия была вынуждена смириться с существованием Советской России и фактически признать ее, подписав 16 марта 1921 г. в Лондоне англо-советское торговое соглашение. РСФСР на предшествовавших его заключению переговорах представлял крупнейший советский дипломат Л. Б. Красин. Британия имела две веские причины желать подписания этого документа: во-первых, встававшая из развалин и боровшаяся с послевоенной разрухой Россия была выгодным рынком сбыта британских товаров; во-вторых, английское правительство надеялось обрести инструмент экономического давления на Россию. Важность подписания соглашения для России невозможно преувеличить: оно означало окончание международной политической, экономической и дипломатической изоляции Советского государства. Соглашение касалось не только вопросов экономической деятельности, но и обязывало подписантов воздерживаться от враждебных акций по отношению друг к другу.

Историю англо-советских отношений в межвоенный период нельзя назвать гладкой. Периоды потеплений чередовались с фазами враждебного противостояния. 2 февраля 1924 г. были официально установлены дипломатические отношения между странами, а 8 августа в Лондоне были подписаны общий и торговый англо-советские договоры. Однако в октябре пришедшее к власти правительство Болдуина отказалось ратифицировать эти документы, подписанные их предшественниками — лейбористами. Поэтому англо-советское торговое соглашение 1921 г. осталось определяющим вплоть до 1927 г., когда Лондон пошел на разрыв дипломатических контактов с Россией. Дипломатические отношения были восстановлены лишь 3 октя-

бря 1929 г. с приходом к власти второго лейбористского правительства Макдональда.

Было бы заблуждением считать Макдональда большим другом Советов. Он был вынужден учитывать в своей политике по отношению к России настроения британских трудящихся, неоднократно выступавших в защиту республики. К тому же мир с Россией был единственной альтернативой враждебному противостоянию, которое Британия не могла себе позволить, стоя на пороге разразившегося осенью 1929 г. мирового экономического кризиса. Как-никак Россия все еще оставалась важным рынком сбыта.

1920-е годы были десятилетием промышленных конфликтов. Самая мощная забастовка — Всеобщая стачка — прокатилась по стране с 3 по 13 мая 1926 г. Выход из послевоенного кризиса сопровождался снижением уровня жизни большинства населения. Стремление промышленников сэкономить на зарплате и заботе об условиях труда вызвало категорический протест шахтеров, которых поддерживали механики и работники транспорта. Для предотвращения серьезных волнений правительству пришлось на время предоставить владельцам шахт субсидии, которые позволили бы поддержать зарплату на прежнем уровне. День принятия этого постановления, 31 июля 1925 г., стал «красной пятницей» для британских рабочих.

Прекращение субсидирования девять месяцев спустя подтолкнуло угольщиков к объявлению всеобщей забастовки. Шахтовладельцы решили нанести упреждающий удар, объявив 30 апреля 1926 г. всеобщий локаут в расчете запутать рабочих и сделать их более сговорчивыми при новом поступлении на работу. Однако шахтеров поддерживали работники других отраслей промышленности. Фактически Всеобщая стачка не была абсолютно всеобщей, но в ней приняли участие около 6 млн человек. Не желая допустить перерастания стачки из экономической в политическую, профсоюзы отдали распоряжение о ее прекращении. Несмотря на это решение, горняки продолжали бастовать до конца года, после чего им пришлось принять условия работодателей. В дальнейшем забастовочное движение было подорвано принятием закона «О промышленных конфликтах и тред-юнионах» (1927), запрещавшего проведение не только всеобщих стачек, но и забастовок солидарности.

Разразившийся в 1929 г. мировой экономический кризис больно ударил по Великобритании. В 1930 г. объем промышленной продукции снизился на 7,6 %, в следующем году падение производства со-

ставило уже 10 %, а безработица перешла за отметку в 3 млн человек. Особенно сильно экономическая депрессия ударила по традиционным центрам угольной промышленности в северной Англии и Уэльсе, текстильным регионам Ланкашира и судостроительным верфям на Клайде. В разгар кризиса безработица среди угольщиков достигала 34 %, в сталелитейной промышленности — 47 %, а в судостроении — 62 %. Выплаты пособий по безработице не спасали от голода, и в стране начались грозные «голодные марши» отчаявшихся людей. Самая мощная манифестация безработных состоялась в 1934 г. Несмотря на более чем скромный размер пособий, их выплата съедала значительную долю национального бюджета, остродефицитного из-за резкого снижения налоговых поступлений, вызванного экономической депрессией.

Большие надежды в борьбе с безработицей правительство возлагало на создание центров профессиональной переподготовки. Однако их появление не вызвало энтузиазма у безработных, которые, учитывая условия, в которых проходила переподготовка, называли эти центры «концентрационными». Лишь с 1934 г., когда правительство перешло к политике протекционизма и имперских преференций, начало наблюдаться некоторое оживление в строительстве, электротехнической и автомобильной промышленности, позволившее Великобритании выйти из кризиса.

Не только социалистическая революция в России, но и приход к власти фашистов в Италии и Германии оказали мощное влияние на жизнь Великобритании. Если в 1920-е годы в стране появились силы, активно выступавшие в поддержку Советской России, то в следующем десятилетии на политическую арену вышли доморощенные фашисты, образовавшие в 1931 г. «новую партию», которая годом позже была преобразована в Британский союз фашистов. Во главе этих объединений встал Освальд Мосли (1896–1980), который с 1918 по 1931 г. был депутатом парламента сперва от консервативной, а затем и лейбористской партии, где он занимал довольно важные посты, будучи избранным в состав ее исполнительного комитета и войдя во второе правительство Макдональда. Еще в 1931 г. британские фашисты посылали свою делегацию в Германию для заимствования «передового» опыта немецких национал-социалистов. По немецкому образцу в 1932 г. в Англии были созданы группы штурмовиков, а в 1933 г. партия построила специальные казармы для чернорубашечников.

Методы британских фашистов не отличались оригинальностью: насилие, террор, погромы. Врагами были прежде всего коммунисты и евреи. Особенно распоясались фашиствующие молодчики в лондонском Ист-Энде, где компактно проживали их идеологические противники. Самые агрессивные формы принимал фашистский антисемитизм. Лишь в 1936 г. чернорубашечников призвали к порядку, а с началом Второй мировой войны задумались о запрещении партии фашистов. В мае 1940 г. она была объявлена вне закона, а ее лидера на три года упрятали за решетку.

Коммунизм и фашизм представляли собой равную опасность для британских государственных устоев. Это определило внешнеполитический курс британского правительства в 1930-е годы. Британия стремилась остаться в стороне от возможных драматических конфликтов на континенте и выиграть в случае войны между двумя тоталитарными системами.

В 1935 г. победу на парламентских выборах одержали консерваторы. Премьер-министры Болдуин и сменивший его в 1937 г. Невилл Чемберлен фактически способствовали началу фашистской экспансии. В 1935 г. с молчаливого согласия Британии фашистская Италия вторглась в Абиссинию. Однако, когда Лига Наций выразила протест против действий правительства Муссолини, Британия присоединилась к экономическим санкциям, примененным мировым сообществом к стране-агрессору. В то же время англичане не удосужились хотя бы закрыть для прохода итальянских военно-транспортных кораблей Суэцкий канал. В самом деле, победа Италии в Абиссинии устраивала Британию больше, чем поражение, которое способствовало бы росту национально-освободительного движения в Британской Африке.

Пассивная позиция ведущих западных держав — США, Франции и Великобритании — сделала возможной фашистскую интервенцию против Испании (1936–1939). Фашистские государства расценивались как сила, способная уничтожить СССР, и, отводя от себя угрозу агрессии, Британия надеялась направить фашистскую экспансию на восток. Кабинет Чемберлена называл это «политикой умиротворения». В русле такого курса лежали поддержка агрессии Японии против Китая (1937) и переговоры с Гитлером. Британия была готова пойти на создание антисоветского блока с Францией и двумя фашистскими государствами, Германией и Италией.

Политика кабинета Чемберлена имела трагические последствия; 12 марта 1938 г. гитлеровцы оккупировали Австрию, а 29–30 сентября

в Мюнхене Британия и Франция подписали с фашистами пакт о ненападении, ради чего в жертву была принесена Чехословакия. Хотя Мюнхенское соглашение предусматривало лишь частичную немецкую оккупацию этого государства, гитлеровцы захватили его целиком. Успех лишь распалил аппетиты фашистской Германии, и в 1939 г. Гитлеру понадобилась Польша, отделявшая Восточную Пруссию от остальных немецких земель⁶.

При этом Запад не мог пренебрегать политическими шагами СССР, в равной степени заинтересованного в ликвидации военной угрозы со стороны гитлеровской Германии. Желая предотвратить подписание пакта Молотова — Риббентропа, Англия и Франция вступили в переговоры с Советским Союзом. Московские переговоры, проходившие весной и летом 1939 г., оказались тяжелыми. От СССР требовали обязательств в случае необходимости оказывать военное содействие партнерам по соглашению, не предлагая ответной эффективной поддержки. Идеологические шоры в равной мере мешали всем договаривающимся сторонам. Взаимное недоверие перед лицом общей угрозы, желание добиться выгоды исключительно для себя, без учетов чужих интересов, предопределили провал дипломатической миссии и приблизили начало войны.

Великие войны XX столетия занимают центральное место в истории любой европейской страны, и два межвоенных десятилетия поневоле рассматриваются как короткая передышка, посвященная заживлению старых ран и подготовке к новым битвам. На фоне двух глобальных конфликтов все иные события воспринимаются как частные и незначительные, но мы все же остановимся на некоторых эпизодах, связанных с историей британской монархии.

Нация тепло относилась к королю Георгу V, высоко оценив его патриотические поступки во время Первой мировой войны, и празднование 25-летия пребывания короля на престоле, так называемого «серебряного юбилея» 1935 г., прошло торжественно и пышно, несмотря на переживаемые страной нелегкие времена. Всего восемь месяцев спустя, 20 января 1936 г., Георг V скончался в своей любимой частной резиденции Сандрингем в графстве Норфолк.

⁶ Черчилль был одним из немногих британских политиков, которые не разделяли энтузиазм Чемберлена по поводу подписания в 1938 г. англо-германского пакта о ненападении.

Следующее царствование невольно побуждает вспомнить известную песенку об ограниченных возможностях монархов, которым не дозволяется жениться по любви. Эдуард VIII доказал всему миру, что настоящая любовь дороже короны Соединенного Королевства и венца императора Индии вместе взятых. Ему было сорок два года, когда он взшел на престол, и это был зрелый, многоопытный человек. В бытность принцем Уэльским Эдуард успел поучиться и в военно-морском колледже, и в Оксфордском университете, он принимал участие в Первой мировой войне, много путешествовал, его часто видели в компаниях тогдашней золотой молодежи. Принц отличался большим демократизмом, друзья запросто называли его по имени. Правда, в этом узком кругу он был не Эдуардом, а Дэвидом, т. е. пользовался не будущим тронным именем, а последним из семи, данных ему при крещении.

Несмотря на солидный возраст, «Дэвид» все еще оставался холостяком, что составляет еще одну исключительную деталь в этой королевской биографии. Между тем с 1930 г. сердце престолонаследника принадлежало американке Уоллис Симпсон. Принц прекрасно понимал, что отец никогда не допустит их союза. Этому препятствовало не только плебейское происхождение Уоллис, но и два ее предыдущих замужества. Став королем, Эдуард VIII выразил желание сочетаться браком со своей избранницей, однако оно натолкнулось на жесткое противодействие парламента и церкви, не согласных дать стране подобную королеву. Монарх, функции которого в XX в. стали исключительно представительскими, был поставлен перед выбором между любовью и короной и предпочел личное счастье. Будучи личностью весьма неоднозначной, запятнав себя симпатией к фашистам, Эдуард навсегда останется одной из самых драматических фигур британской истории XX в., и вспоминать его будут именно потому, что он пожертвовал земным величием ради любви.

Вечером 11 декабря 1936 г. Эдуард VIII выступил по радио, огласив текст отречения от престола в пользу своего брата Георга, герцога Йоркского. Приняв титул герцога Виндзорского, на следующий день бывший король навсегда покинул родную страну, а в июне 1937 г. женился на Уоллис Симпсон. Герцогиня Виндзорская останется в истории как женщина, ради любви которой были отвергнуты короны. Быть может, не забудутся многие из ее забавных и остроумных афоризмов, например: «Невозможно быть чересчур богатым или чересчур тонким».

В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Вторжение Германии в Польшу 1 сентября 1939 г. стало началом второго глобального военного конфликта. Союзные Англия и Франция в растерянности наблюдали за молниеносным продвижением танковых и моторизованных пехотных дивизий фашистов на восток, облегченным предварительными массированными бомбардировками стратегических объектов — военных складов, железных и шоссейных дорог, аэродромов, вокзалов, промышленных предприятий, электростанций и т. п. Столь стремительное развитие событий оказалось для западных держав неожиданностью, однако уже 3 сентября 1939 г. Британия объявила войну Германии, а затем предоставила политическое убежище польскому правительству.

В первые месяцы войны боевые действия между Британией и Германией ограничивались морскими дуэлями. Одним из самых грозных немецких кораблей был спущенный на воду в 1936 г. крейсер «Адмирал граф Шпее» водоизмещением 10 тыс. т. Он успел потопить несколько британских гражданских судов, и поэтому охота на него стала делом чести для британских моряков. 13 декабря 1939 г. морские разведчики «Ахилл», «Аякс» и «Эксетер» обнаружили фашистский крейсер в районе залива Ла-Плата и вступили с ним в бой, завершившийся победой «Адмирала графа Шпее». «Эксетер» был потоплен, а другим британским кораблям пришлось отойти в ожидании подкрепления. Капитан Ганс Лангсдорф понимал, что британцы не постоят ни перед чем, чтобы захватить в плен лучший немецкий корабль. Именно поэтому 17 декабря он отдал приказ о затоплении, не дожидаясь подхода основных сил противника. Решение Лангсдорфа оказалось преждевременным: на момент его принятия к «Аяксу» и «Ахиллу» успел подойти всего один корабль — «Камберленд». Гибель «Адмирала графа Шпее» стала замечательным рождественским подарком всем британским морякам. Осознав свою роковую ошибку, 20 декабря Лангсдорф застрелился.

Гитлеровцы не оставались в долгу. Они топили британские торговые суда и конвоировавшие их военные корабли. Немецкие субмарины охотились на противника не только в открытом море, но и совершали рейды на Скапа-Флоу, главную военно-морскую базу Великобритании, расположенную на Оркнейских островах. Кроме того, с самолетов велось минирование фарватеров, и моряки были вынуждены соблюдать крайнюю осторожность, проходя через минные поля.

Необходимость двигаться на самых малых скоростях, чтобы не напороться на мины, и скованность в маневрах, не позволявшая кораблям идти противолодочным зигзагом, делали их более легкой добычей и для вражеской авиации, и для подводных лодок. Если для борьбы со штурмовиками использовались корабельные орудия, то против субмарин сбрасывались глубинные бомбы. Последние были малоэффективны, так как морякам всегда приходилось действовать вслепую, и поразить подводную цель было крайне затруднительно. Многие британские корабли стали жертвами военной хитрости фашистов: для усыпления бдительности врага немецкие подводники выпускали в воду немного горючего из баков, и образовывавшееся на поверхности воды маслянистое нефтяное пятно вводило в заблуждение британских моряков, полагавших, что субмарина потоплена.

Начало советско-финской войны в ноябре 1939 г. вызвало намерение Британии и Франции оказать поддержку Финляндии. Планировалось также высадить десант в Норвегии и перерезать путь, по которому в Германию доставлялась железная руда из нейтральной Швеции. Однако британский экспедиционный корпус еще не был готов к отправке, когда в марте 1940 г. Финляндия признала свое поражение. В апреле же планировавшаяся скандинавская операция окончательно утратила смысл, поскольку Гитлер нанес упреждающий удар, вторгшись в Данию и Норвегию. Если Дания не сопротивлялась оккупации, то в Норвегии фашисты встретили ожесточенное сопротивление. Против агрессора выступил сам норвежский король Хокон VII, а из карманов участников норвежского Сопротивления стала выглядывать расческа, символизовавшая патриотическое намерение «вычесать фашистскую гниду» из родной страны. Однако героическое сопротивление норвежцев было подавлено. Не помог и англо-французский десант, высадившийся в Нарвике, откуда, впрочем, войскам союзников пришлось спешно эвакуироваться.

Неудача в Скандинавии показала Британии, что и ей не удастся избежать прямой гитлеровской агрессии. Политика премьер-министра Чемберлена потерпела крах, и он был вынужден уйти в отставку. Премьер-министром в мае 1940 г. стал У. Черчилль, который с начала войны являлся главой военно-морского ведомства — первым лордом Адмиралтейства. Новый премьер возложил на себя и обязанности министра обороны. В отличие от своего предшественника он пользовался полной поддержкой нации. По распоряжению нового премьера в стране была объявлена мобилизация, которой подлежали мужчины

Уинстон Черчилль

от 18 до 50 лет. Призывников не только ставили под ружье, но и отправляли на работы оборонно-хозяйственного значения, например, в угольные шахты. Благодаря специальному указу к работе на промышленных предприятиях могли привлекаться и женщины от 18 до 45 лет.

С первых дней войны британцы опасались немецких бомбардировок. Стремясь снизить число возможных жертв авианалетов, правительство осуществляло плановые эвакуации населения из наиболее опасных городов — детей вывозили целыми школами. В городах строились бомбоубежища, под них приспособлялись и станции метро.

Создавались добровольческие отряды самообороны, волонтеры пополнили пожарные расчеты и отряды противовоздушной обороны. По ночам населенные пункты погружались во тьму — уличное освещение было отключено, а на всех окнах появилась обязательная светомаскировка. Чтобы осложнить противнику ориентировку в дневное время, наиболее заметные или важные объекты маскировались камуфляжными сетками.

Первые военные трудности население почувствовало с введением карточной системы⁷. Фашистские субмарины вели настоящую охоту не только за британскими военными кораблями, но и за гражданскими судами, так что в целях сохранения флота было решено сократить поставку товаров в Великобританию. По меркам Советского Союза, введенные в связи с этим ограничения были вполне приемлемыми, но все же они вносили дискомфорт в жизнь британцев, лишая их привычных радостей.

«Ковать победу» старались даже в мелочах. Например, молодежь отказывалась от традиционного свадебного пирога, на украшение которого требовались цукаты и сахарная глазурь. Разумеется, при желании необходимое количество можно было сэкономить общими усилиями заинтересованных сторон, но общественное мнение сочло бы такую «роскошь» неприличной. Поэтому в военные годы в Британии появился трогательный компромиссный вариант этого неперменного свадебного атрибута — торт из папье-маше, который можно было взять напрокат. В военное время начались большие проблемы с одеждой. Из старого шилось новое, из большего — меньшее, однако с самой большой трудностью столкнулись женщины. В стране был страшный дефицит чулочных изделий, а появляться на публике без чулок считалось неприличным. Тогда же был найден поражающий воображение выход из положения: в парикмахерских желающим могли «нарисовать» чулки — не только пятку, но и модную стрелку, тем самым избавляя женщин от комплексов.

В этот период в жизнь британцев вошел символ V — начальная буква в слове Victory, «победа». Эту букву писали на броне танков и фюзеляжах самолетов, на корпусах снарядов и просто на стенах домов. Буква V, образованная растопыренными указательным и сред-

⁷ Карточная система распределения продуктовых и промышленных товаров просуществовала до 1953 г.; однако с 1948 г. по продуктовым карточкам отпускались только чай, масло, молоко, мясо и сахар.

ним пальцами руки, в годы войны стала традиционным британским знаком приветствия и пожелания успехов.

10 мая 1940 г. Германия начала войну против Голландии и Бельгии, применив уже опробованную тактику блицкрига. Танковые колонны ворвались на север Франции и буквально прижали к побережью армии французов и англичан. В конце мая началась поспешная эвакуация союзных войск из-под Дюнкерка. Военно-морские корабли и срочно мобилизованные гражданские суда, английские и французские, приняли на борт более 337 тыс. человек, но боевой техникой пришлось пожертвовать. Последним из британцев континентальную Европу покинул генерал Гарольд Александер (1891–1969), в то время командовавший Первым британским экспедиционным корпусом.

Следующим актом военной трагедии стала оккупация Франции, сделавшая Германию полновластной хозяйкой всего Атлантического побережья Европы, от Норвегии до Испании. Все понимали, что с этого момента непосредственная угроза нависла и над Британией. В этой войне ее союзниками могли стать эвакуировавшиеся из Франции войска генерала Шарля де Голля и армии членов Британского содружества. Соседняя Ирландия соблюдала нейтралитет и отказалась предоставлять свои гавани для нужд британского военно-морского флота. В ожидании вторжения британское побережье ошетинилось дотами, наиболее подходящие для высадки десанта участки были заминированы. В наспех созданные отряды местной самообороны вступило до миллиона человек, была организована охрана побережья силами местного населения.

В августе 1940 г. начались воздушные налеты на Великобританию. Германия обладала вдвое большим числом военных самолетов, однако это колоссальное количественное преимущество не оказалось решающим, так как британские истребители были и более скоростными, и более маневренными, и на один сбитый британский самолет приходилось примерно два немецких.

В течение первого месяца бомбардировок удары наносились по военным объектам — морским портам, аэродромам и радарным установкам, но уже в сентябре начались бомбежки промышленных городов — Лондона, Ковентри, Шеффилда, Плимута и некоторых других, — особенно жестоко пострадавших в грозные осень и зиму 1940–1941 годов. Наиболее сильные удары пришлось по Ковентри и Лондону — начиная с 7 сентября столицу бомбили на протяжении 57 ночей подряд. Жертвами воздушных налетов стали около 60 тыс.

мирных жителей. К октябрю 1940 г., однако, английские истребители и части ПВО отбили у фашистов охоту совершать воздушные налеты в дневное время. А это, несмотря на методично продолжавшиеся ночные бомбардировки, означало, что Британии пока что больше не угрожает прямое вторжение врага. В феврале наступило небольшое затишье, но в марте и апреле налеты возобновились.

В дальнейшем, в 1944–1945 годах, отказавшись от бомбардировок Британии, гитлеровцы обстреливали ее реактивными снарядами «Фау-1» и «Фау-2», которые невозможно было уничтожить с помощью традиционных средств противовоздушной обороны. Однако для борьбы с ними англичане применили техническую новинку — радиолокационные взрыватели. Поразительно, что установленные в корпусах снарядов ламповые приборы не разрушались при выстреле! Это был достойный ответ врагу. Большой вклад в исход «битвы за Британию» внесли английские связисты, сумевшие расшифровать код «Enigma», которым гитлеровцы пользовались для передачи информации по радио.

Король Георг VI подавал подданным пример мужества и стойкости, отказавшись покинуть Букингемский дворец даже в период самых страшных бомбардировок. Монарха и его супругу, королеву Елизавету, часто видели на улицах Лондона, особенно после сильных бомбардировок. Венценосная чета пыталась утешить пострадавших и по-человечески помочь тем, кто лишился крова и родных. Короля уважали и за то, что его старшая дочь и наследница, нынешняя королева Елизавета II, в годы войны вступила в войска местной самообороны и получила права на управление тяжелым армейским грузовиком. Георг VI стал живым символом национального сопротивления врагу. В 1940 г. он учредил серебряную медаль Георга, на одной стороне которой был отчеканен его портрет, а на другой — изображение св. Георгия и дракона. Одновременно был учрежден и Крест Св. Георга, которым награждались особо отличившиеся как в ратном деле, так и в труде во имя победы.

Расстановка сил во Второй мировой войне резко изменилась с нападением Германии на Советский Союз. Западные державы весьма цинично отнеслись к началу войны между Германией и СССР. Преследуя свои интересы, они были не прочь стать свидетелями взаимного истребления собственных политических противников. Если фашизм воспринимался как сила, способная уничтожить коммунизм, то в коммунистах видели могильщиков фашизма. Эта позиция была

Медаль с изображением Георга VI

присуща не только политическим прагматикам, но и идейным сторонникам того или иного политического курса. Однако в сложившихся условиях гитлеровская Германия и ее союзники представляли большую опасность для Британской империи и США, поэтому между Британией и СССР уже в первый месяц Великой Отечественной войны было подписано соглашение о совместных действиях против фашистов. Важнейшим событием августа 1941 г. стало и подписание Великобританией и США Атлантической хартии, провозглашавшей их намерение бороться с фашизмом. В сентябре к Атлантической хартии присоединился и СССР. 29 сентября — 1 октября 1941 г. в Москве состоялась встреча представителей США, Британии и СССР, завершившаяся подписанием соглашения о поставках оружия и продовольствия СССР, который, в свою очередь, обязывался поставлять в Британию и Америку стратегическое сырье. Так было положено начало созданию антифашистской коалиции.

С марта 1941 г. США начали осуществлять поставки военной техники и продовольствия в страны, воюющие против Германии и ее союзников. За годы Второй мировой войны Британская империя получила от США по ленд-лизу товаров на сумму 30 269 млн долларов (для сравнения: СССР получил в три раза меньше); поставки продолжались вплоть до 2 сентября 1945 г. — дня победы над Японией. Однако события на Тихом океане побудили США отказаться от формального нейтралитета.

7 декабря 1941 г. японцы напали на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор на Гавайских островах, уничтожив 18 кораблей США, в том числе 4 линкора. Вследствие этого 11 декабря США объявили войну Германии и ее сателлитам.

Окончательное оформление антифашистской коалиции совпало по времени с великой победой, одержанной советскими войсками под Москвой в декабре 1941 г. Уже 1 января 1942 г. собравшиеся в Вашингтоне представители 26 государств подписали Декларацию Объединенных наций, исходя из стремления объединить силы для борьбы с фашистскими агрессорами, а в мае—июне того же года были подписаны англо-советские и американо-советские соглашения о совместных действиях против Германии и ее союзников, а также о сотрудничестве и взаимопомощи после окончания войны. В ходе этих переговоров было достигнуто и соглашение об открытии второго фронта в Западной Европе, однако Британия и США не спешили с выполнением взятого на себя обязательства. Не только потому, что стремились к дальнейшему ослаблению Германии и СССР, но и потому, что их интересы требовали усилий на других театрах военных действий.

Созданный в Вашингтоне объединенный совет начальников штабов США и Британии принял пробританский план военных действий, заключавшийся в очистке Северной Африки от оккупировавших ее немецких и итальянских войск. Италия захватила британский Сомали в августе 1940 г. и предприняла попытку вторжения в Египет, но к маю 1941 г. британцы под командованием генерала Арчибалда Уэйвелла (1883–1950) вернули себе Сомали. Однако необходимость развернуть войска на Ближнем Востоке (в Иране, Ираке, Ливане, Сирии), особенно насущная после утраты позиций в Греции, ослабила африканскую группу войск Британии. Положение в Северной Африке осложнилось после того, как в феврале 1941 г. фашистская группировка в Ливии была усилена за счет немцев и возглавлена генералом Эрвином Роммелем. В январе 1942 г. нацисты начали активно продвигаться к Суэцкому каналу. В ходе кровопролитных боев британцы потеряли половину имевшихся в их распоряжении танков и смогли остановить войска Роммеля только к концу июня, когда фашистская группировка была окружена под Эль-Аламейном.

В августе командующим британскими войсками в Восточной Африке стал уже отличившийся при Дюнкерке генерал Александер, а пехотинцев возглавил генерал Бернард Л. Монтгомери (1887–1976).

Опытные офицеры, в прошлом выпускники знаменитого Королевского военного колледжа в Сандхерсте, прошедшие через горнило Первой мировой, Александер и Монтгомери вынудили Роммеля к отступлению. Когда же в ноябре 1942 г. в Алжире высадился англо-американский десант, выступивший на соединение с британской армией в Восточной Африке, группировка Роммеля проиграла решающую для хода африканской кампании битву за Тунис и 13 мая 1943 г. признала себя побежденной. В память об этом выдающемся событии генералу Александеру в 1946 г. был пожалован титул виконта Тунисского.

Укрепившись на севере Африки, британцы и американцы обрели плацдарм для вторжения в Италию. Уже 10 июля союзники высадили десант на острове Сицилия, что стало прологом к их успешным боевым действиям на Апеннинском полуострове. Опасность войны на собственной территории побудила итальянцев к решительным действиям. Муссолини был отстранен от власти, а новое правительство во главе с маршалом Бадолье повело переговоры о капитуляции. Однако, несмотря на объявленную в сентябре 1943 г. капитуляцию, боевые действия в Италии продолжались до июня 1944 г., поскольку гитлеровцы, стремившиеся поддержать Муссолини, успели оккупировать значительную часть этой страны.

Британские войска действовали не только в Африке и Европе, но и в Азии. Например, в августе 1941 г. они были введены в Иран одновременно с советскими войсками, занявшими северную часть Ирана, чтобы блокировать фашистам проход к южным рубежам СССР. С января 1942 г., после подписания договора о союзе между Британией, СССР и США, обе группировки войск в Иране действовали совместно.

Вопросы ведения войны обсуждались членами англо-советско-американской антифашистской коалиции в 1943 г. на Тегеранской и в 1945 г. на Крымской (Ялтинской) конференциях руководителей трех стран. Однако второй фронт, обещанный еще в начале 1942 г., был открыт фактически лишь тогда, когда территория СССР была почти полностью освобождена от захватчиков. В этот период конечная победа СССР уже не вызывала сомнений, но открытие второго фронта, безусловно, приблизило окончание войны.

Весной 1944 г. американский генерал Д. Эйзенхауэр получил задание подготовить высадку самого мощного в истории всех войн десанта в северной Франции. Начало Нормандской операции ознамено-

вало открытие долгожданного второго фронта. Однако она началась не в мае, как планировалось, а лишь 6 июня, вошедшего в историю как «День D», буквально — «День с большой буквы», важный день. В Нормандской операции приняли участие 1200 боевых кораблей, 10 тыс. самолетов, 804 транспортных корабля и 4126 десантных катеров, переправивших через Ла-Манш в общей сложности 156 тыс. человек. 132 500 десантников были доставлены морем, остальные — самолетами. Большую часть сил вторжения — 83 тыс. человек — составляли британцы и канадцы, 73 тыс. приходилось на долю американцев. Союзники пользовались безраздельным господством в воздухе. Их авиация постоянно бомбила переправы через Сену и Луару, препятствуя подходу подкрепления к оборонявшимся гитлеровцам.

Наземные бои оказались ожесточенными и кровопролитными. Предполагая возможность высадки десанта в Западной Европе, гитлеровцы держали вдоль побережья 59 дивизий, т. е. на каждую дивизию возлагалась оборона пятидесятикилометрового отрезка побережья. Примерно половина дивизий были мобильными, и десантировавшимся войскам пришлось нелегко. Тем не менее в первые сутки боевыми было захвачено пять прибрежных плацдармов, однако город Кан, который планировалось взять в первый день нормандской операции, пал лишь к 9 июля.

В июле союзники быстро пересекли северную Францию, с ходу вошли в Бельгию, но осенью темп наступления сошел на нет — по мере приближения к границам Германии сопротивление фашистов возрастало. В начале зимы они предприняли отчаянное контрнаступление на Западном фронте (16 декабря 1944 — 16 января 1945). Положение англо-американских войск стабилизировалось, когда по просьбе У. Черчилля в январе, ранее намеченного срока, советская армия перешла в наступление по всей длине Восточного фронта, составлявшей 1200 км. Эта операция позволила союзникам не только выровнять положение на Западном фронте, но и в марте также перейти в наступление, преодолев так называемую «линию Зигфрида» — оборонительный рубеж на западной границе Германии, созданный еще в 1930-е годы. 4 мая 1945 г. ставший фельдмаршалом Монтгомери принял капитуляцию северогерманских армий, а 8 мая оказался для британцев «Днем V» — днем победы.

В ходе Второй мировой войны вооруженные силы Британской империи активно сражались и с Японией. После атаки на Перл-Харбор Япония вторглась в Малайю, захватила Гонконг, Манилу и Сингапур.

При этом в японском плену оказались около 90 тыс. подданных Британской империи и стран Британского содружества. Все это потребовало немедленных ответных действий со стороны Британии и США. Основные успехи в войне с Японией были достигнуты после того, как в октябре 1944 г. американцы разгромили японский флот. Действуя совместно с вооруженными силами США, британцы заняли Маршалловы и Марианские острова. Затем эпицентр боевых действий в Азии переместился на Филиппины и в Бирму, а также в Индонезию. С подписанием Японией 2 сентября 1945 г. акта о безоговорочной капитуляции (это событие состоялось на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе) Вторая мировая война для Британии завершилась, а сам этот день вошел в английскую историю как «День V» — «день победы над Японией».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ, ИЛИ НА ПОРОГЕ НОВОЙ ЭПОХИ

С окончанием Второй мировой войны для Британии наступило время лечить полученные тяжелые раны. Война вызвала уменьшение потока заграничных инвестиций, что, естественно, привело к резкому падению доходов от экспорта капитала — с 205 млн фунтов стерлингов в 1938 г. до 162 млн в 1946 г. Наряду с огромными военными расходами это повлекло за собой неустойчивость курса национальной валюты, которая предопределила и дефицит платежного баланса. Однако уже к 1948 г. валовый национальный продукт достиг довоенного уровня. В конце 1940-х — начале 1950-х годов Великобритания производила около двух третей всех автомобилей Западной Европы, строила реактивные самолеты. Параллельно с традиционными отраслями промышленности развивались новые, например, производство синтетических материалов. В стране велись исследования, касающиеся проблем атомной энергетики и электроники.

Пришедшее к власти в 1945 г. лейбористское правительство Клементы Эттли (1883–1967) в 1946–1949 годах осуществило национализацию промышленности. Национализация началась с создания в 1946 г. первого в истории страны государственного банка — им стал национализированный Английский банк. Национализации подверглись предприятия угольной и газовой промышленности, электростанции, радиосвязь, телеграф, гражданская авиация, железнодорожный и внутренний водный транспорт, грузовой автомобильный транспорт. Последней в 1950 г. была национализирована часть сталелитейной промышленности.

Правительство Эттли провело ряд крупных социальных реформ. Новая система социального страхования, введенная в 1945–1948 годах, предусматривала выплату денежных пособий в случаях про-

фессиональных заболеваний и полученных на производстве увечий. Началась выплата пособий по безработице и болезни. Женщины получили пособия по беременности и на воспитание ребенка, были введены пенсии по старости (с 60 лет для женщин и с 65 лет для мужчин).

Огромным достижением стало создание в конце 1940-х годов Национальной службы здравоохранения. Однако бесплатная медицинская помощь населению оказалась слишком большой роскошью — ведь она предусматривала также бесплатный отпуск лекарств, очков и протезов! Поэтому уже в 1951 г. пришлось ограничить сферу бесплатных услуг.

Казалось, страна возвращается к прежней жизни. Однако история человечества движется поступательно (хочется верить, что всегда — от плохого к хорошему), и в послевоенные годы Британия столкнулась с новыми проблемами. К концу Второй мировой она вернула себе все захваченные противником колонии, однако удержать свои владения не смогла. Одним из важнейших процессов второй половины XX в., приведшим мир к современному его состоянию, был распад Британской колониальной империи, крупнейшего государственного образования в истории человечества (в одной только Африке площадь британских владений двадцатикратно превышала площадь самой Англии), и создание молодых национальных государств. Большая часть этих стран вместе с Соединенным Королевством образовала Содружество, главой которого является британский монарх.

Распад колониальной империи усилил миграцию населения в ее бывших пределах; реакцией на него стали отчетливо выраженные центростремительные тенденции: в поисках лучшей жизни люди покидали родные места и перебирались в Британию. Так там появились многочисленные выходцы из Бангладеш и Сингапура, переселенцы с островов Карибского моря и из Африки. Пик «великого переселения» пришелся на 1950-е: тогдашнее британское правительство поощряло прибытие иммигрантов, поскольку в период послевоенного экономического подъема страна нуждалась в дополнительных рабочих руках. Темпы прироста населения за счет иммигрантов стремительно увеличивались. В середине 1950-х в страну ежемесячно прибывало около 3 тыс. человек. Лишь в 1960-е британское правительство начало устанавливать ежегодные иммиграционные квоты, тем самым регулируя приток переселенцев из других стран мира.

Важнейшие события в истории страны произошли в 1952 г.: Великобритания обрела статус ядерной державы. Одного этого достаточ-

но, чтобы разделить историю страны на «до» и «после»: так, спустя две тысячи лет после начала римской колонизации Британия вступила в новую эру. Практически одновременно, 6 февраля 1952 г., началось новое царствование: после смерти Георга VI на престол взошла ныне здравствующая Елизавета II (р. 1926)¹. Вот уже шестьдесят семь лет как она остается живым и искренне почитаемым символом нации, неизменно демонстрируя безупречные манеры, постоянство стиля и нерушимую верность королевскому долгу. И будет только справедливо, если будущие историки назовут вторую половину XX — начало XXI в. «новой елизаветинской эпохой». А пока... Пока хронологические рамки нашего повествования заполнены. Хочется верить, что крупницы того исторического опыта, о котором мы сказали в самом начале книги, помогут нам подготовиться к объективному восприятию современной Великобритании. Вторая половина XX в. еще так близка к нашему сегодня, так памятна множеством событий разного масштаба, что требует отдельной книги, время для которой еще не настало: говоря словами С. А. Есенина, «большое видится на расстоянии».

¹ Полное имя королевы — Елизавета Александра Мария. Ее брак с внуком греческого короля Георга I и праправнуком одновременно королевы Виктории и императора Николая I Филиппом Маунтбеттоном, герцогом Эдинбургским (р. 1921) длится уже семьдесят два года. У королевской четы трое сыновей и дочь. К сожалению, не у всех них семейная жизнь оказалась столь же счастливой, но это поколение Виндзоров — своего рода реформаторы, которые пытаются (и небезуспешно) вписаться в ритм современной жизни (например, принц Уэльский Чарльз и герцог Йоркский Эндрю отдали дань военной службе, принцесса Анна — великолепная спортсменка, чемпионка Европы и серебряный призер Олимпийских игр 1988 г., а ее младший брат Эдвард в 1993–2002 годах возглавлял основанную им компанию по производству телевизионных фильмов). Восемь внуков и внучек королевы Елизаветы II также стремятся найти себя в обычной жизни; очевидно, по той же стезе пойдут и пока еще маленькие правнуки (их уже семеро, три мальчика и четыре девочки).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
КОРОЛИ АНГЛИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ
И СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

<i>Саксонские короли</i>	
802–839	Эгберт
839–858	Этельвульф
856–860	Этельбальд
860–866	Этельберт
866–871	Этельред I
871–899	Альфред Великий
899–924	Эдуард Старший
924–939	Этельстан
939–946	Эдмунд I
946–955	Эдред
955–959	Эдви (Эдвиг) Красивый
959–975	Эдгар Мироточивый
975–978	Эдуард Мученик
978–1016	Этельред Неразумный
1016	Эдмунд II Железнобокий
<i>Датские короли</i>	
1016–1035	Кнуд
1037–1040	Гарольд Заячья Нога (Быстроногий)
1040–1042	Хардекнуд

<i>Саксонские короли</i>	
1042–1066	Эдуард Исповедник
1066	Гарольд II
<i>Нормандская династия</i>	
1066–1087	Вильгельм I
1087–1100	Вильгельм II Рыжий (Красный)
1100–1135	Генрих I Боклерк
1135–1154	Стефан Блуаский
<i>Династия Плантагенетов</i>	
1154–1189	Генрих II
1189–1199	Ричард I Львиное Сердце
1199–1216	Иоанн Безземельный
1216–1272	Генрих III
1272–1307	Эдуард I Длинноногий
1307–1327	Эдуард II
1327–1377	Эдуард III
1377–1399	Ричард II
<i>Ланкастерская династия</i>	
1399–1413	Генрих IV Болингброк
1413–1422	Генрих V
1422–1461	Генрих VI
1470–1471	Генрих VI
<i>Йоркская династия</i>	
1461–1470	Эдуард IV
1471–1483	Эдуард IV
1483	Эдуард V
1483–1485	Ричард III
<i>Династия Тюдоров</i>	
1485–1509	Генрих VII
1509–1547	Генрих VIII
1547–1553	Эдуард VI

1553	Джейн Грей
1553–1558	Мария I Кровавая
1558–1603	Елизавета I
<i>Династия Стюартов</i>	
1603–1625	Яков I
1625–1649	Карл I
1660–1685	Карл II
1685–1688	Яков II
1689–1702	Вильгельм III и Мария II
1702–1714	Анна
<i>Ганноверская династия</i>	
1714–1727	Георг I
1727–1760	Георг II
1760–1820	Георг III
1820–1830	Георг IV
1830–1837	Вильгельм IV
1837–1901	Виктория
<i>Саксен-Кобургская династия (с 1917 г. — Виндзорская)</i>	
1901–1910	Эдуард VII
1910–1936	Георг V
1936	Эдуард VIII
1936–1952	Георг VI
С 1952 г.	Елизавета II

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
БРИТАНСКИЕ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРЫ

До 1742	Роберт Уолпол
1742–1743	Граф Уилмингтон
1743–1754	Генри Пелэм
1754–1756	Герцог Ньюкасл
1756–1757	Герцог Девонширский
1757–1762	Герцог Ньюкасл
1762–1763	Граф Бьют
1763–1765	Джордж Гренвилл
1765–1766	Маркиз Рокингемский
1766–1768	Уильям Питт Старший
1768–1770	Герцог Графтонский
1770–1782	Лорд Норт
1782	Маркиз Рокингемский
1782–1783	Граф Шелбернский
1783	Герцог Портлендский
1783–1801	Уильям Питт Младший
1801–1804	Генри Эддингтон
1804–1806	Уильям Питт Младший
1806–1807	Уильям Гренвилл
1807–1809	Герцог Портлендский
1809–1812	Спенсер Персиваль

1812–1827	Граф Ливерпульский
1827	Джордж Кэннинг
1827–1828	Граф Годрик
1828–1830	Герцог Веллингтон
1830–1834	Граф Грей
1834	Граф Мельбурн
1834	Герцог Веллингтон
1834–1835	Роберт Пиль
1835–1841	Граф Мельбурн
1841–1846	Роберт Пиль
1846–1852	Лорд Джон Рассел
1852	Граф Дерби
1852–1855	Граф Абердинский
1835–1858	Граф Пальмерстон
1858–1859	Граф Дерби
1859–1865	Граф Пальмерстон
1865–1866	Граф Рассел
1866–1868	Граф Дерби
1868	Бенджамин Дизраэли
1868–1874	Уильям Гладстон
1874–1880	Бенджамин Дизраэли
1880–1885	Уильям Гладстон
1885–1886	Маркиз Солсбери
1886	Уильям Гладстон
1886–1892	Маркиз Солсбери
1892–1894	Уильям Гладстон
1894–1895	Граф Розбери
1895–1902	Маркиз Солсбери
1902–1905	Артур Бальфур
1905–1908	Генри Кэмпбелл-Баннерман
1908–1916	Герберт Асквит

1916–1922	Дэвид Ллойд Джордж
1922–1923	Эндрю Бонар Лоу
1923–1924	Стэнли Болдуин
1924	Рамсей Макдональд
1924–1929	Стэнли Болдуин
1929–1935	Рамсей Макдональд
1935–1937	Стэнли Болдуин
1937–1940	Невилл Чемберлен
1940–1945	Уинстон Черчилль
1945–1951	Клемент Эттли
1951–1955	Уинстон Черчилль
1955–1957	Энтони Иден
1957–1963	Гарольд Макмиллан
1963–1964	Александр Дуглас-Хьюм
1964–1970	Гарольд Вильсон
1970–1974	Эдвард Хит
1974–1976	Гарольд Вильсон
1976–1979	Джеймс Каллагэн
1979–1990	Маргарет Тэтчер
1990–1997	Джон Мейджор
1997–2007	Тони Блэйр
2007–2010	Гордон Браун
2010–2016	Дэвид Кэмерон
2016–2019	Тереза Мэй
С 2019 г.	Борис Джонсон

ЛИТЕРАТУРА

- Азимов А. История Англии. От ледникового периода до Великой хартии вольностей. М., 2005.
- Аникин Г. В., Михальская И. П. История английской литературы. 2-е изд. М., 1985.
- Барг М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991.
- Борман Т. Частная жизнь Тюдоров: секреты венценосной семьи. М., 2017.
- Бурова И. И. Великобритания. СПб., 1999
- Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. М., 1990.
- Быкова А. Ф. История Англии с XI века до начала мировой войны. СПб., 1918.
- Власов В. Г. Стили в искусстве. Т. 1. СПб., 1995.
- Галеви Э. История Англии в эпоху империализма. М., 1937.
- Горелов М. М. Датское и нормандское завоевания Англии в XI веке. СПб., 2007.
- Грин Дж. Р. История английского народа. В 2 т. М., 1891.
- Гриффитс Р. А., Томас Р. Становление династии Тюдоров. Ростов-на-Дону, 1997.
- Дикенс К. [Диккенс Ч.] История Англии для детей: в 2 т. М., 1860.
- Диттрич Т. Повседневная жизнь викторианской Англии. М., 2007.
- Добиаиш-Рождественская О. А. Крестом и мечом: Приключения Ричарда I, Львиное Сердце. Л., 1925.
- Жигалов И. И. Современная история Великобритании. М., 1978.
- Завьялова Л. В. Петербургский Английский клуб, 1770–1918: очерки истории. СПб., 2004.
- Кертман Л. Е. География, история и культура Англии. М., 1979.
- Кудрявцев Б. В. Художественные музеи Лондона. М., 1994.
- Кокс И. Империя сегодня. М., 1962.
- Лети Г. История Елисаветы, королевы аглинской: в 3 т. СПб., 1795.
- Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982.
- Мор Т. Эпиграммы: История Ричарда III. М., 1973.
- Мюльбах Ф. Шестая жена Генриха VIII. М.; Тула, 1993.
- Накашидзе Н. Т. Русско-английские отношения во второй половине XVI в. Тбилиси, 1955.

- Очерки по истории Англии: Средние века и Новое время. М., 1959.
- Сидорченко Л. В. Александр Поуп и художественные искания в английской литературе первой четверти XVIII в. СПб., 1992.
- Скотт В. Айвенго // Скотт В. Собр. соч.: в 20 т. Т. 8. М.; Л., 1962.
- Сучкова Л. В. Английское общество второй половины XVI века в «Описании Англии» Вильяма Гаррисона // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 1996.
- Теймс Р. Лондон. История города. М.; СПб., 2008.
- Треvelьян Дж. М. Социальная история Англии: обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М., 1959.
- Трухановский В. Г. Бенджамин Дизраэли, или История одной невероятной карьеры. М., 1993.
- Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль, М., 1968.
- Федоров С. Е. «Альтернативный» двор в раннестюартовской Англии: принц Уэльский и его окружение в 1605–1612 гг. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 1996.
- Хилл А. Английская революция. М., 1947.
- Хольт В. Путь на эшафот. М., 1995.
- Черняк Е. Б. Тайны Англии. М., 1996.
- Черчилль У. Рождение Британии. Смоленск, 2003.
- Широкопад А. Б. Англия. Ни войны, ни мира. М., 2009.
- Штокмар В. В. История Англии в средние века. СПб., 2005.
- Штокмар В. В. Очерки по истории Англии XVI в. Л., 1957.
- Юм Д. Англия под властью дома Стюартов: В 2 т. СПб., 2001.
- Arnold-Forster H. O. A History of England. London; Paris; New York; Melbourne, 1903.
- Anderson M. S. Britain's Discovery of Russia. London, 1958.
- Bennett H. S. Life on the English Manor: A Study of Peasant Conditions. 1150–1400. Cambridge, 1938.
- Brooke Ch. The Saxon and Norman Kings. Oxford UK; Malden, MA, 2001.
- Burova I. The Monarchs of England. СПб., 1997.
- Calder A. The People In War: Britain 1939–1945. New York, 1969.
- Campion E. A Historie of Ireland (1571) / Introduction R. B. Gottfried. New York, 1940.
- Chapman H. W. Lady Jane Grey: October 1537 — February 1554. London, 1985.
- Cooper Ch. H., Cooper J. W. Annals of Cambridge: in 5 v. Cambridge, 1842–1908.
- Corbett J. S. Drake and the Tudor Navy, with a History of the Rise of England as a Maritime Power: in 2 v. London, 1898–1899.
- Cowles V. Winston Churchill: The Era and the Man. London, 1953.
- Darby H. Historical Geography of England before 1800. London, 1936.
- Davies G. The Early Stuarts. Oxford, 1937.

Documents Relating to the University and Colleges of Cambridge: in 3 v. London, 1852.

Ernie R. E. English Farming, Past and Present. London, 1916.

Fay C. R. Great Britain from Adam Smith to the Present Day: An Economic and Social Survey. London, 1928.

Feiling K. England under the Tudors and Stuarts: 1485–1688. London, 1931.

Firth Ch. Essays. Oxford, 1938.

Gould W. Kives of the Georgian Age. London; Boston, 1978.

Green A. S. Town Life In the 15th Century: in 2 v. London, 1894.

Guy J. Tudor England. Oxford; New York, 1991.

The History of England: Absolute Monarchy / сост. И. И. Бурова. СПб., 1995.

The History of England: Parliamentary Monarchy / сост. И. И. Бурова. СПб., 1996.

Humble R. The Saxon Kings. London, 1983.

Jones D. R. The Crimean War. London, 2017.

Jusserund J. J. English Wayfaring Life In the Middle Ages (XIV century) / Tr. L. T. Smith. New York, 1920.

Kelf-Cohen R. British Nationalisation 1945–1973. New York, 1973.

Kelly A. R. Eleanor of Aquitaine and the Four Kings. New York, 1996.

Lacey R. Sir Walter Raleigh. London, 1975.

Langdon-Davies J. Richard III and the Princes In the Tower, a Collection of Contemporary Documents. London, 1966.

Leach A. F. The School of Medieval England. London, 1915.

Lipson E. Economic History of England: in 3 v. London, 1937.

Loades D. Henry VIII and His Queens. Sutton, 2000.

Loades D. Mary Tudor: A Lift. Oxford, 1989.

Lyons H. The Royal Society, 1660–1940. Cambridge, 1944.

Mackie, J. D. The Later Tudors. London, 1952.

Mckenzie R. T. British Political Parties. London, 1955.

Moody T. W. The Ulster Question, 1603–1973. Dublin, 1974.

Mullen R., Munson J. Victoria: Portrait of a Queen. London, 1987.

O'Connor G. B. Elizabethan Ireland. Dublin, [n. d].

Payne R. A Brief Description of Ireland (1590) / Ed. A. Smith. Dublin, 1841.

Pevsner N. The Englishness of English Art. London, 1956.

Plowden A. Lady Jane Grey: Nne Days Queen. Stroud, 2016.

Power E. Mediaeval People. London, 1954.

Price M. R., Mather C. E. A Portrait of Britain under Tudors and Stuarts: 1485–1688. Oxford, 1957.

Priestley J. B. Victoria's Heyday. London, 1974.

Rich B. A New Description of Ireland. London, 1610.

Skidmore C. The Rise of the Tudors: The Family That Changed English History. New York, 2013.

Souden D. The Royal Palaces of London. London, 2008.

Spenser E. A View of the Present State of Ireland / Ed. W. L. Renwick. London, 1934.

- Starkey G.* England In the Reign of Henry the Eighth. London, 1935.
- Thompson J. A., Mejia A.* The Modern British Monarchy. New York, 1971.
- Watson J. S.* The Reign of George III, 1760–1815. Oxford, 2004.
- Webster G., Dudley D. R.* The Roman Conquest of Britain, A.D. 43–57. London, 1973.
- Weintraub S.* Victoria: An Intimate Biography. New York, 1988.
- Williams N.* Henry VIII and His Court. London, 1971.
- Williams N.* All the Queen's Men: Elizabeth I and her Courtiers. London, 1974.
- The Wordsworth Dictionary of British History. Market House Books Ltd., 1981.

В издании приведены рисунки и фотографии из следующих источников:

- Addleshaw P.* Sir Philip Sidney. London, 1910
- Ainsworth W. H.* Guy Fawkes, or The Gunpowder Treason. London, [N. d.]
- Bulfinch T.* Age of chivalry, or King Arthur and his knights. Philadelphia, 1900.
- Cassell's history of England. Vol. 1–8. London, 1909–1910.
- Craik G. L.* The pictorial history of England, being a history of the people, as well as a history of the kingdom. New York, 1846.
- Green J. R., Green A. S., Norgate K.* A short history of the English people. New York, [1892].
- Guizot M.* A popular history of England from the earliest times to the accession of Victoria. Boston, [1876].
- Hume D., Smollett T. G.* The history of England. London, 1800.
- Quennell M., Quennell C. H. D.* A history of everyday things in England, written and illustrated. London, 1918–1934.
- Stone A. P.* A history of England. Boston, 1883.
- Tallis's History and Description of the Crystal Palace. London; New York, [N. d.]
- The works of the Rev. Jonathan Swift. London, 1801

Также использованы следующие фотографии:

- Library of Congress USA: LC-DIG-ggbain-26207 (digital file from original negative) на с. 626; LC-DIG-ggbain-14339 (digital file from original negative) на с. 631; LC-DIG-ggbain-19019 (digital file from original negative) на с. 639; LC-DIG-ggbain-23679 (digital file from original negative) на с. 640; LC-USZ62-32833 на с. 650.

Научное издание

БУРОВА Ирина Игоревна

ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ ИСТОРИИ АНГЛИИ

Редактор *Е. А. Трофимов*
Корректор *Н. Е. Абарникова*
Компьютерная верстка *А. М. Вейшторт*
Обложка *Е. Р. Куныгина*

Подписано в печать 27.11.2019. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 42. Планируемый тираж 2000 экз. (1-й завод — 1000 экз.). Заказ № 760

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.
Тел./факс +7(812) 328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Книги Издательства СПбГУ можно приобрести по издательским ценам
в Доме университетской книги СПбГУ

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5
Тел. (812) 329-24-71

Часы работы: 10.00–20.00 пн. — сб., а также на сайте publishing.spbu.ru